This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Org. 4 B. N282.
Slav 850.110

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Его Преосвященству,

Преосвященнейшему

Евфимию,

Епископу Каширскому —

— усердное приношение

автора.

1909 г. сент. 15 дня.

Тула.

Отд. 4 В. №282.

ДІОНИСІЙ ЗОБНИНОВСКІЙ,

АРХИМАНДРИТЪ

ТРОИЦКАГО-СЕРГІЕВА МОНАСТЫРЯ

(нынѣ Лавры).

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Преподавателя Тверской Духовной Семинаріи

Дмитрія Скворцова.

ТВЕРЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1890 г.

Slav 820.110

Дозволено цензурою. Мая 5 дня 1890 года. Москва.

Цензоръ Протоіерей Платонъ *Капустинъ*.

Внутренними смятеніями егда напаствуема бѣ Россія, такожде и внѣшними, воздвиглъ еси, Господи, подвигоположниковъ духовныхъ, иже безъ меча и стрѣлъ, и не коварствомъ укротиша дерзость враговъ, но силою смиренія и святости, въ ликѣ коихъ воспѣваемъ и тя, отче Діонисіе!

(Канонъ преп. Діонисію, пѣснь 4-я, ст. 2).

Истиннымъ слова разумѣніемъ одаренъ былъ еси свыше, Богомудре Діонисіе: и сего ради паче другихъ поручено тебѣ исправити погрѣшности, въ церковныя книги по невѣдѣнію вшедшія.

(Канонъ преп. Діонисію, пѣснь 5-я, ст. 1).

ВВЕДЕНІЕ.

Значеніе Діонисія въ гражданской и церковной исторіи русской. — Раздѣленіе изслѣдованія. — Источники.

Въ Троице-Сергіевой лаврѣ на пространствѣ между колокольнею и Троицкимъ соборомъ есть памятникъ, на одной сторонѣ котораго находимъ такую надпись: «три были несчастливыя для Россіи времена, и въ оныхъ сія обитель къ сохраненію отечества содѣйствовала и спомоществовала.» И дѣйствительно, въ трудныя годины нашего отечества Сергіева обитель не оставалась безучастной къ бѣдствіямъ его, но существенно помогала. Помощь эта проявлялась или въ матеріальныхъ пособіяхъ отечеству, или въ томъ нравственномъ вліяніи обители, благодаря которому она одушевляла и подвигала русскихъ людей на великія дѣла. Наше смутное время и было такою эпохою, когда нравственное вліяніе лавры явилось одною изъ силъ, послужившихъ къ возстановленію и оживленію расшатавшейся тогда русской государственности. Достойны, поэтому, вниманія тѣ лица обители, которыя явились въ то время представителями и носителями этой силы. Одно изъ такихъ лицъ, именно архимандритъ обители Діонисій и составитъ предметъ нашего изслѣдованія [1]). Но чтобы вполнѣ понять и оцѣнить значеніе дѣятельности знаменитаго архимандрита въ смутное время, необходимо здѣсь же сказать нѣсколько словъ о самой этой эпохѣ.

---

[1]) Имя Діонисія, какъ ревностнаго дѣятеля на пользу отечества, отмѣчено на упомянутомъ нами памятникѣ рядомъ съ именами архимандрита Іоасафа и келаря Авраамія Палицына.

Смутное время представляетъ одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ нашей исторіи. Какъ русскому государству, такъ и русской церкви тогда грозила опасность утратить свою самостоятельность; а народныя бѣдствія и невзгоды чуть-ли ни достигли тогда своего maximum'а. Самозванческая смута произвела замѣчательное потрясеніе русской государственности, благодаря особенно тому, что предшествовавшая политика Московскихъ государей такъ воспитала сословія, что они явились средой, въ которой очень удобно могли развиваться самозванческіе замыслы. Народъ, раздраженный тягостями и крѣпостнымъ состояніемъ противъ высшихъ классовъ, и потому во множествѣ бѣжавшій въ казачество, бояре, раздраженные тѣмъ униженіемъ, которое они переносили въ періодъ развитія самодержавія, служилое сословіе, привыкшее получать помѣстья, и потому готовое пристать ко всякому новому правительству, лишь бы оно раздавало помѣстья — вотъ что представляли тогда сословія московскаго государства. Отсюда понятно, какъ было легко различнымъ пройдохамъ — самозванцамъ набирать себѣ войско и вѣрныхъ слугъ: стоило только однимъ пообѣщать свободу и возможность поживиться на счетъ богатыхъ бояръ, другимъ пообѣщать побольше помѣстій, а третьимъ важные чины, и около нихъ собирались толпы, жаждавшія той или другой выгоды; отсюда же понятно и то, отчего такъ плодились тогда самозванцы [1]). Велико было зло самозванства; но особенно, казалось, русская государственность совсѣмъ готова была распасться съ тѣхъ поръ, какъ второй самозванецъ утвердился въ Тушинѣ. Въ Тушино, гдѣ былъ самозванецъ, руководимый и поддерживаемый поляками, устремились всѣ «раздраженные»: кто за добычей, кто за помѣстьемъ, а кто за чинами. Казакамъ и

---

[1]) Кромѣ всѣмъ извѣстныхъ трехъ самозванцевъ, являлось много другихъ. Такъ въ Астрахани царевичъ Августъ, называвшійся сыномъ Ивана Васильевича; тамъ же явился Лаврентій, называвшійся сыномъ Ивана Ивановича; а въ украинскихъ городахъ являлось восемь самозванцевъ—и все дѣти бездѣтнаго Ѳедора (*Костом.* Русск. исторія въ жизнеописаніяхъ дѣятелей, выпус. III стр. 671—672).

холопамъ давалась тамъ полная свобода грабить и истреблять всѣхъ бояръ и служилыхъ людей, которые еще держались Шуйскаго. Служилые же люди шли туда за чинами и помѣстьями. «Всякъ отъ своего чину, говоритъ Палицынъ, выше начаша восходити, раби убо господіе хотяще быти и невольніи къ свободѣ прескачуще» [1]). И это было не единичными или рѣдкими явленіями, а охватило большую часть Московскаго государства: за Шуйскимъ остались только главные торговые пункты — Нижній-Новгородъ и Новгородъ великій, да еще окраины—Смоленскъ и Казань Нечего говорить о томъ, что изъ Тушина постоянно выходили на грабежъ шайки поляковъ и казаковъ. Недаромъ въ одной изъ граматъ къ галицкимъ жителямъ отъ 30 ноября 1608 года царь Василій пишетъ: «а нынѣ и сами не вѣдаете, кому крестъ цѣлуете и кому служите, что васъ Литва (т. е. поляки) обманываетъ; а то у нихъ подлинно умышлено, что имъ обманути всѣхъ и прельстя, наша крестьянская вѣра разорить и нашего государства всѣхъ людей побити и въ полонъ поимати» [2]).

Однако какъ ни худо было положеніе Московскаго государства во время Тушинскихъ безпорядковъ, но потомъ оно стало еще хуже. Когда самозванецъ стоялъ въ Тушинѣ, то по крайней мѣрѣ въ то время въ самой-то Москвѣ были еще русскій царь и центральное правительство, состоявшее изъ природныхъ русскихъ бояръ. Но скоро и этого не стало. 17 августа 1610 года, какъ знаемъ, Москва присягнула польскому королевичу Владиславу; а послѣ этого въ Москву вошло польское войско и постепенно захватило въ свои руки всю власть, такъ что центральное управленіе перешло въ руки иноземной силы. А между тѣмъ Владиславъ и не думалъ показываться въ Москву; отецъ его Сигизмундъ III счелъ за лучшее самому завладѣть русской землей и потомъ соединить ее съ Польшей. Въ силу этого онъ сталъ дѣйствовать, какъ самодержавный государь Московскаго государства, сталъ раздавать помѣстья, награждать чинами, издавать отъ сво-

---

[1]) *Палицынъ*. Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря стр. 41.

[2]) Собр. гос. грам. и дог. т. 2, № 165, стр. 341.

его имени указы. Покорныхъ слугъ среди тогдашняго боярства и служилыхъ людей онъ нашелъ не мало: охотниковъ до чиновъ и помѣстій было тогда очень много [1]). Поляки же, обосновавшись въ Москвѣ, стали дозволять себѣ всевозможныя насилія надъ московскими жителями, а чтобы не дать возможности этимъ жителямъ защищаться противъ ихъ насилій, поляки запретили имъ ходить съ саблями, ножами, топорами, которые отбирались даже и у плотниковъ. Въ окрестностяхъ и другихъ городахъ и мѣстахъ государства повторялись подобныя же насилія и грабежи. Отправляясь за сборами, назначенными на содержаніе польскаго войска въ Москвѣ, поляки нѣкоторыя помѣстья обирали буквально до чиста. Всѣ эти бѣдствія оставили такой слѣдъ въ памяти народа, что онъ, не зная и не читая своихъ лѣтописей, до сихъ поръ говоритъ: «давно-де было литейное раззоренье—Литва находила на Русь и такая была бѣда наслана, что малость людей въ живыхъ осталась, и то отъ того, что Господь на Литву слѣпоту наводилъ» [2]).

Вмѣстѣ съ государствомъ страдала и церковь. Еще въ Тушинѣ на глазахъ русскихъ совершалось страшное глумленіе надъ святыней. Стоитъ прочесть нѣсколько строкъ изъ сказанія Авраамія Палицына, чтобы понять, до чего тогда доходило кощунство поляковъ. Палицынъ говоритъ, что поляки и измѣнники, «безстрашно вземлюще святыя иконы мѣстныя и царскія двери, и сія подстилающе подъ скверныя постели..... и нечисты всегда сѣдяще и зернію играюще, и всякими играми бѣсовскими, иныя

---

[1]) Лѣт. о мят. 210, Ник. лѣт. т. 8, стр. 149; Нов. лѣт. стр. 126. Московскаго-жъ государства многіе люди прельстишася,—бояре и всякіе люди посылаху подъ Смоленскъ и сами ѣздяху съ дарами и просили у него (Сигизмунда) чести, помѣстій, вотчинъ и жалованья. Граматы, данныя Сигизмундомъ на помѣстья и чины, см. въ Собр. госуд. гр. и дог. т. 2, №№ 220, 231, 232, 259, 260 и 270. А въ актахъ зап. Россіи т. 4, подъ № 183, помѣщено 808 жалованныхъ и другихъ граматъ Сигизмунда Московскимъ боярамъ и дворянамъ, на отчины и помѣстья, чины, денежные и хлѣбные оклады, дворы и пр., стр. 320—427.

[2]) *Костомаровъ*. Исторія смутнаго времени, III, 321.

же святыя иконы колюще, и вариво и печиво строяще: изъ сосудовъ же церковныхъ ядяху и піяху, и смѣющеся поставляху мяса на дискосѣхъ, и въ потирѣхъ питіе; иніи же яко наругающеся святыя сосуды переливающе и разбивающе на свою потребу и на конскую» [1]). Когда же поляки заняли Кремль, то конечно также весьма мало стѣснялись близкимъ сосѣдствомъ множества русской святыни, и въ большинствѣ случаевъ относились къ ней также, какъ описано это у Палицына. По справедливому сознанію всѣхъ лучшихъ людей того времени, нашей православной вѣрѣ грозила опасность отъ поляковъ и ихъ тайныхъ руководителей іезуитовъ. Недаромъ патріархъ Гермогенъ горько жаловался тогда, обращая свои слова къ измѣннику Салтыкову: «вижу православной вѣрѣ поруганіе, вижу раззореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ пѣніе латинское и не могу терпѣть.» А въ грамотахъ, разсылаемыхъ тогда по городамъ съ призывомъ къ возстанію, постоянно указывалось на опасность, грозившую вѣрѣ и церкви. «Не будете нынѣ въ соединеніи, обще со всею землею, пишутъ напримѣръ Смольняне, горько будете плакати и рыдати неутѣшнымъ вѣчнымъ плачемъ, перемѣнена будетъ вѣра крестьянская въ латинство, и разорятся божественныя церкви со всею лѣпотою и убіенъ будетъ лютою смертію родъ вашъ крестьянскій» [2]). Это же подтверждали и москвичи: «писали къ намъ истинну братья наши (т. е. смольняне), и нынѣча мы сами видимъ вѣрѣ крестьянской премѣненіе въ латинство и церквамъ Божіимъ разоренье» [3]).

Мы дали здѣсь самое краткое и слабое описаніе бѣдствій, нахлынувшихъ на Россію въ смутное время, но и оно даетъ почувствовать, какъ неизмѣримо велики были эти бѣдствія, и слѣдовательно, какъ много внутренней живучести и скрытыхъ могучихъ силъ имѣлъ тогда русскій народъ, если онъ окончательно не былъ подавленъ страшными невзгодами. И дѣйствительно, ве-

---

[1]) *Авр. Пал.* «Сказаніе объ осадѣ» по изд. 1784 г, стр. 47.

[2]) Собр. гос. грам. и дог. т. 2, № 226 стр. 494.

[3]) Собр. гос. грам. и догм. т. 2, № 227 стр. 496.

ликія бѣдствія смутной эпохи, явившись пробнымъ камнемъ русскаго народа, обнаружили въ немъ великую мочь. Понятно отсюда, какъ велико должно быть значеніе тѣхъ людей, которые возбуждали эту силу народа къ дѣйствію, которые нравственнымъ вліяніемъ на народъ заставляли его соединяться и идти на спасеніе своего государства и своей вѣры. А къ такимъ то лицамъ, между другими, справедливо будетъ причислить и Троицкаго архимандрита Діонисія. – Извѣстны намъ изъ этой эпохи три народныя движенія, имѣвшія своею цѣлію очищеніе Московскаго государства. Первое, самостоятельно зародившись въ восточномъ уголку нынѣшней Владимірской губерніи и юго-западномъ Нижегородской [1]), соединилось потомъ съ ополченіями Скопина-Шуйскаго, который вмѣстѣ съ наемнымъ шведскимъ войскомъ успѣшно было началъ дѣло очищенія государства. Но это движеніе со смертію Скопина, оживлявшаго его, стушевалось и потеряло силу. Въ немъ нравственное вліяніе и искуство вождя принадлежали одному Скопину, и потому-то онъ оставилъ по себѣ такую свѣтлую память. Нравственное вліяніе во второмъ ополченіи, поднимавшемся на избавленіе Москвы и отечества отъ поляковъ, принадлежало патріарху Гермогену—человѣку несокрушимой силы характера, твердому адаманту и столпу, какъ его называли современники. Авторитетный голосъ патріарха по-всюду находилъ себѣ откликъ. Призывъ его на защиту вѣры и святынь Москвы, какъ нельзя болѣе, пробуждалъ патріотическія чувства народа, для котораго гибель этихъ святынь равнялась гибели всего отечества. Второе народное движеніе охватило чуть-ли не всю Россію: изъ конца въ конецъ ея перелетали грамоты Гермогена и Ляпунова, дополняясь по мѣстамъ новыми извѣстіями [2]). Но и это ополченіе не достигло своей цѣли: оно, какъ увидимъ, окончилось печально,

---

[1]) Первыя извѣстія о возстаніи народа въ указанной мѣстности относятся къ началу декабря 1608 г., когда народныя ополченія вышли уже на борьбу съ Тушинцами (*Кояловичъ*. Рѣчь, произнесенная на актѣ Петерб. академіи 1880 г. стр. 22).

[2]) Акт. Арх. Эксп. т. 2-й, №№ 170, 176, 178, 179, 182.

хотя конечно обнаружившееся при этомъ настроеніе и возбужденіе не только не угасло, но должно было пріобрѣсти еще большую интенсивность. А потому только могло казаться, что послѣ печальнаго результата грандіозной попытки спасти отечество, — не на что уже было надѣяться: Россіи грозила неизбѣжная гибель. На самомъ же дѣлѣ въ вышеописанномъ движеніи находились уже сѣмена новаго движенія, результатомъ котораго явилось новое ополченіе чисто земскаго характера, и слѣдовательно болѣе самоотверженное, способное пожертвовать личными интересами общественнымъ. «Когда ударили бури смутнаго времени, говоритъ С. М. Соловьевъ, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться» [1]). Въ возбужденіи этого новаго движенія принялъ участіе, между прочимъ, Троицкій монастырь во главѣ съ своимъ архимандритомъ Діонисіемъ. Три силы созидали движеніе: религія, сила торговая и сила военная. Если представителемъ силы военной былъ князь Пожарскій, силы торговой — Кузьма Мининъ, то представителемъ религіознаго чувства былъ архимандритъ Діонисій. И такъ, преподобный Діонисій выступаетъ предъ нами среди дѣятелей смутнаго времени; а если, по замѣчанію одного историка, «исторія смутнаго времени требуетъ всесторонней перевѣрки и самыхъ подробныхъ и точныхъ изысканій, такъ что всякое новое слово по этому поводу получаетъ вѣсъ и силу» [2]), то понятна не только умѣстность, но и важность всякаго изслѣдованія, посвящаемаго такимъ дѣятелямъ эпохи, о которыхъ еще не имѣется полныхъ монографій. А къ такимъ именно дѣятелямъ и принадлежитъ преподобный Діонисій.

Но указаннымъ участіемъ Діонисія въ событіяхъ смуты, которое и одно дѣлало бы его исторической личностью, далеко не исчерпывается вся историческая дѣятельность его. Только-что

---

[1]) *Соловьевъ.* Исторія Россіи 8 т. стр. 448.

[2]) Русс. Арх. 1872 г. стр. 2436.

улеглась смута, какъ Діонисій снова выступаетъ на поприще дѣятельности, которая, впрочемъ, была уже совершенно иного характера,—именно церковнаго. Мы разумѣемъ исправленіе преподобнымъ Діонисіемъ богослужебныхъ книгъ. Этотъ трудъ увѣнчалъ Діонисія новымъ и лучшимъ вѣнкомъ. Нужно-ли доказывать важность исправленія книгъ въ нашей церковной исторіи; кто не знаетъ значенія этого факта въ нашей церковной жизни. Исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ представляетъ по всей своеобразности явленіе замѣчательное въ исторіи русской церкви. Мы не намѣрены здѣсь вдаваться въ подробное разсужденіе о значеніи этого явленія (объ этомъ уже очень много писано); но намъ только хочется бросить взглядъ на него, такъ сказать, съ особой стороны. Занимаясь исторіей исправленія книгъ, мы наталкиваемся на слѣдующее на первый разъ совсѣмъ непонятное явленіе: съ одной стороны мы видимъ положительно общее сознаніе всѣхъ книжныхъ людей (XVI—XVII в.) неисправности книгъ и стремленіе къ болѣе исправному ихъ изданію, а съ другой кокое-то самое чуткое охраненіе всѣхъ книгъ,—и въ такомъ именно видѣ, въ какомъ они въ тотъ или иной моментъ существовали, видимъ совершенно враждебное отношеніе къ серьезнымъ попыткамъ исправить книги. Что же это значитъ, откуда такое явное противорѣчіе? Дѣйствительно, всѣ писцы и издатели богослужебныхъ книгъ въ послѣсловіяхъ или предисловіяхъ большею частію униженно просятъ простить имъ тѣ ошибки, какія они сдѣлали при изданіи книги, затѣмъ просятъ исправлять эти ошибки, потому что онѣ допущены или вслѣдствіе недостатка образованія ихъ (писцевъ), или вслѣдствіе забвенія и недостатка вниманія. Такими мыслями, говоримъ, испещрены всѣ предисловія и послѣсловія какъ письменныхъ богослужебоыхъ книгъ, такъ и печатныхъ. Не ясно ли, по видимому, отсюда, что сознаніе неудовлетворительности богослужебныхъ книгъ было очень сильно, и однако лишь только правительство приступило въ первый разъ къ болѣе серьезной постановкѣ изданія книгъ, какъ среди тѣхъ же книжниковъ появились ропотъ и неудовольствія. Исправленіе книгъ

Діонисіемъ именно въ этомъ отношеніи особенно характерно, какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Мы думаемъ, что это происходило отъ того, что русскіе книжники серьезно-то и убѣжденно никогда не сомнѣвались въ полной истинности и исправности всѣхъ богослужебныхъ книгъ. Они не были настолько свободомыслящими, чтобы дойти до убѣжденія о неисправности тѣхъ священныхъ книгъ, по которымъ постоянно совершали службы Богу. До этого убѣжденія доходили только люди исключительные или по своему положенію, или же по образованію; что же касается той массы писцевъ и издателей, которые въ послѣсловіяхъ и предисловіяхъ книгъ скорбѣли объ ошибкахъ, то они, вѣроятно, никогда не задавались во росомъ какъ бы исправить книгу: напротивъ они считали высшимъ достоинствомъ писца списывать книгу слово въ слово, не убавляя и не прибавляя, и если приносили что въ книгу, то совершенно непроизвольно и безсознательно. Просьбы же такихъ писцевъ простить имъ ошибки, исправлять книгу и т. п. были не болѣе, какъ результатомъ древняго умничанья русскихъ книжниковъ, любившихъ выставлять на видъ свое смиреніе. Это было ихъ литературнымъ пріемомъ, параллельный которому мы находимъ въ нынѣшнихъ часто очень ученыхъ и дѣльныхъ сочиненіяхъ,— когда, напр., авторъ проситъ снисхожденія у читателя, при чемъ присовокупляетъ, что онъ сдѣлалъ все, что возможно было сдѣлать. А съ другой стороны необходимо замѣтить, что эти предисловія и послѣсловія переписывались и перепечатывались съ одной книги въ другую съ буквальной точностію не потому, чтобы переписчикъ или издатель раздѣлялъ содержащіяся тамъ мысли, а только потому, что онъ считалъ себя не въ правѣ опустить что-либо изъ прежней книги. Такова была масса переписчиковъ и издателей. И такъ, по нашему мнѣнію, упомянутыя мысли предисловій и послѣсловій не служатъ доказательствомъ, что сознаніе неисправности книгъ было обще всѣмъ книжнымъ людямъ. Мы думаемъ, что до этого сознанія доходили только люди исключительные, и что, слѣдовательно, исправленіе книгъ не было удовлетвореніемъ общаго желанія книж-

никовъ; оно предпринималось большею частію по инціативѣ церковнаго или гражданскаго правительства и велось людьми, ставшими выше общаго уровня книжныхъ людей своего времени. Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, мы не найдемъ ничего непонятнаго въ исторіи исправленія книгъ.

И такъ, разъясняя историческое значеніе Троицкаго архимандрита Діонисія, мы находимъ, что оно опредѣляется двумя сторонами его дѣятельности, или, лучше, дѣятельностію его въ двухъ различныхъ сферахъ: дѣятельностію государственною — въ смутное время и дѣятельностію церковною, проявившеюся въ исправленіи книгъ. Какъ въ исторіи стутнаго времени не можетъ быть забытъ Діонисій, такъ и въ исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ имя его должно занимать очень видное мѣсто. По двумъ же главнымъ сферамъ дѣятельности Діонисія, естественно, и изслѣдованіе о немъ должно распасться на двѣ части. Въ первой должны быть изложены его государственныя заслуги, а во второй — его церковная дѣятельность. Но какъ всякое изслѣдованіе о личности исторической начинается съ первоначальныхъ біографическихъ свѣдѣній, то свѣдѣнія эти должны войти въ первую часть. Во вторую же часть, кромѣ исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ, войдутъ возможно — подробныя свѣдѣнія о Діонисіи, какъ настоятелѣ монастыря, — объ его дѣятельности по монастырю, равно какъ и извѣстія объ его кончинѣ.

О жизни и дѣятельности преподобнаго Діонисія оставили намъ свѣдѣнія три современника его: Симонъ Азарьинъ, Авраамій Палицынъ — оба келари Троицкаго монастыря и ключарь Успенскаго собора Иванъ Насѣдка. Первый написалъ «житіе и подвиги преподобнаго отца нашего архимандрита Діонисія»; второй оставилъ «Сказаніе объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ» сказаніе, въ которомъ находимъ нѣсколько извѣстій о дѣятельности преподобнаго Діонисія въ смутное время. А третій (т. е. Насѣдка) къ житію, составленному Сименомъ, присоединилъ большую записку «о житіи святаго архимандрита Діонисія».

Самыя обширныя свѣдѣнія о Діонисіи оставилъ Симонъ Азарьинъ. Прежде чѣмъ обратиться къ разбору «житія», составленнаго Азарьинымъ, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ авторѣ, бывшемъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ Діонисію. О происхожденіи и жизни Симона Азарьина большая часть свѣдѣній находится въ его же собственныхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ иногда касается своей личности. До своего постриженія въ монашество Симонъ носилъ имя Саввы Леонтьева (по прозванію Булатъ) и былъ слугою княжны—инокини Ирины Ивановны Мстиславской [1]). Если эта княжна Мстиславская принадлежитъ къ роду тѣхъ бояръ Мстиславскихъ, которые занимали тогда такое видное положеніе особенно послѣ низложенія Шуйскаго, то положеніе Симона въ качествѣ слуги у нея было положеніемъ не низкимъ и не безвыгоднымъ. Будучи слугой, онъ скопилъ даже нѣсколько денегъ, которыя потомъ и потребовались при поступленіи въ монастырь. Въ 1624 году со вкладомъ 50 рублей онъ поступилъ въ число монаховъ Троицкаго монастыря. Гдѣ и чему обучался Симонъ до своего монашества—не извѣстно; самъ же онъ говоритъ о себѣ, что «въ училищахъ философскихъ не бѣхъ, ниже граматическія хитрости навыкохъ» [2]). Да и вѣроятно, что его образованіе въ міру ограничилось обученіемъ грамотѣ, и никакихъ другихъ наукъ онъ не коснулся. Но попавъ въ монастырь — богатый книгами и рукописями,— Симонъ воспиталъ въ себѣ любовь къ чтенію и списыванію книгъ и этимъ путемъ съ одной стороны расширилъ кругъ своихъ свѣдѣній, а съ другой пріобрѣлъ способность къ литературной работѣ.

Ближайшимъ поводомъ къ постриженію въ иноки для Симона послужила, надо полагать, его тяжкая болѣзнь Въ надеждѣ получить исцѣленіе Симонъ обращался къ многимъ лекарямъ и на это истратилъ много денегъ: «имѣнія многа истощихъ», выра-

---

[1]) Родъ Симона записанъ, между прочимъ, въ Лавр. Синодикѣ (Рук. Троиц. Лавр. Биб. № 41)—подъ 138 г. (1630); здѣсь читаемъ: „инока Иларіона, Мавру, Михаила, Лукіяна—Троицкаго келаря Симона“ (т. е. родъ) (л. 32 об.).

[2]) Житіе преп. Діонисія изд. 1834 г. стр. 8.

жается объ этомъ самъ Симонъ. Фактъ большихъ издержекъ на лекарства и лекарей опять таки показываетъ, что Симонъ въ званіи слуги княжны Мстиславской пользовался довольно выгоднымъ положеніемъ. Но болѣзнь Симона была настолько опасна и серьезна, что ни одинъ лекарь не могъ ничего подѣлать, такъ что Симонъ уже отчаявался въ своей жизни. Но вотъ онъ вспомнилъ обратиться къ преподобнымъ Сергію и Никону, и для сего, явившись въ обитель, разсказалъ все о своей жизни и болѣзни архимандриту Діонисію. Тутъ преподобный Діонисій велѣлъ Симону взять отъ его лампадки масла и помазать болящіе члены. Исполнивъ это, Симонъ сдѣлался здоровымъ. Было это въ 1624 году, когда Симонъ и постригся въ монахи со вкладомъ 50 рублей. По постриженіи Симона, архимандритъ Діонисій оставилъ его у себя въ келліи въ званіи келейника.—и благодарный Симонъ сдѣлался приверженнымъ и преданнымъ ученикомъ Діонисія: въ одной келліи съ Діонисіемъ онъ прожилъ 6 лѣтъ. Послѣ этого, съ августа 1630 года и до апрѣля 1631 года Симонъ Азарьинъ состоялъ патріаршимъ казначеемъ [1]), послѣ чего былъ назначенъ Троицкими властями строителемъ въ приписной къ Троицкому монастырь на Алатырь. Здѣсь съ Симономъ случилось большое несчастье. Какъ можно догадываться, дворяне и дѣти боярскія города были недовольны строителями Алатырскаго монастыря, бывшими тамъ еще до Симона. Поэтому они, составивъ ложную росписъ, по которой будто-бы слѣдовало получить имъ съ монастыря 1000 рублей, предали Симона судьѣ, по выраженію самого Симона, «зѣло не милосердному, именемъ Григорію, зовомому отъ человѣкъ Зловидову» [2]) Съ Симона требовали 1000 рублей или какъ со строителя-отвѣтственнаго за порядки монастыря, или, можетъ быть, потому, что виновными въ росписи дворянской представлялись,—именно только строители. Объ обстоятельствѣ этомъ былъ написанъ доносъ къ патріарху, а потомъ, по челобитью «всего града и уѣздныхъ

[1]) Русская Истор. биб. III, № 6—въ «описи келейной казны патр. Филарета».

[2]) Рук. Моск. Дух. Ак. № 203, л. 150 об.

людей», Симонъ былъ преданъ на правежъ въ тысячѣ рубляхъ. Заплатить такую сумму Симонъ, конечно, не могъ; равнымъ образомъ ни у кого не могъ онъ найти себѣ поддержки. Учителя его преподобнаго Діонисія, который могъ бы всего вѣрнѣе вступиться за него, уже не было въ живыхъ. Хотя Троицкія власти понимали, что Симонъ напрасно страдаетъ, однако ходатайство ихъ не помогало. Однимъ словомъ, положеніе Симона было таково, что «вси чаяху смерти предану быти». Во время этихъ невзгодъ Симонъ нашелъ себѣ сильное сочувствіе въ одной инокинѣ Вѣрѣ, которая была въ Хотьковѣ монастырѣ. Такъ какъ въ Хотьковѣ монастырѣ жила около того времени инокиня Соломонида Азарьина (Опис. Лавр. рук. № 765), вѣроятно, сестра Симона, то, можетъ быть, она и расположила инокиню Вѣру въ пользу Симона. Вѣра, понявши правоту Симона, часто и долго молилась о немъ,—и вотъ по ея молитвамъ во снѣ явился ей преподобный Діонисій и сказалъ: «не скорби, будетъ ему милость Божія и избавленіе отъ таковыя напасти» [1]). Такую религіозную подкладку полагаетъ въ основаніе своего избавленія отъ несчастья самъ Симонъ. Но какъ бы ни произошло освобожденіе Симона [2]), только несомнѣнно, что онъ претерпѣлъ тогда много страданій. Эти страданія произвели на него настолько сильное впечатлѣніе, что чрезъ 15 лѣтъ, когда Симонъ собирался уже писать «житіе» преподобнаго Діонисія, онъ съ горестью и въ сильныхъ выраженіяхъ вспоминаетъ объ этомъ. «Когда отторгнутъ есмь отъ сего преподобнаго отеческихъ нѣдръ,

---

[1]) Рук. Лавр. Библ. № 700 л. 62 об.

[2]) Въ «сказаніи о новоявленныхъ чудесахъ преп. Сергія» причина избавленія Симона отъ правежа выставляется иная. Здѣсь сказано, что изъ Троицкаго монастыря истцамъ была послана 1000 рублей, чѣмъ и «утолиша тую напрасную бѣду» (Рук. М. Д. Ак. № 203, л. 151). Да и вообще въ разсказѣ Симона о своихъ страданіяхъ, какъ онъ изложенъ въ житіи Діонисія и какъ—въ сейчасъ упомянутомъ сказаніи, замѣчается разнорѣчіе. Въ сказаніи говорится, что это было въ 1632 году, а въ житіи послѣ смерти Діонисія, т. е. въ 1633 г. Можетъ быть, впрочемъ, дѣло это началось и въ 1632 году, а окончилось только уже по смерти Діонисія. О доносѣ на Симона патріарху въ сказаніи вовсе не упоминается.

постигоша мя вся злая и удалихся отъ него; яко на село злобы далече отъидохъ. и вся суетная міра сего обыдохъ и въ сѣти искусительны впадохъ», говоритъ Симонъ о разсказанныхъ нами страданіяхъ его въ предисловіи къ житію Діонисія [1]). Вскорѣ послѣ своего освобожденія, именно въ 1634 году, послѣ казначея Іоасафа Пестрикова, онъ былъ назначенъ казначеемъ Троицкаго монастыря; но это уже было послѣ смерти Діонисія, такъ что Симонъ не видалъ смерти своего учителя. Должность казначея Азарьинъ проходилъ до 1646 года, а въ этомъ году онъ былъ опредѣленъ келаремъ монастыря послѣ Авраамія Подлѣсова, скончавшагося схимникомъ. При вѣнчаніи на царство Алексѣя Михайловича въ 1645 году, » стояли у чертожнаго мѣста на низу, съ лѣвую сторону, Живоначальныя Троицы и преподобнаго Сергія чудотворца келарь старецъ Авраамій, да казначей Симонъ да соборные старцы» [2]). По описи Троицкаго монастыря отъ 1642 года, келья Симона была на западной сторонѣ монастыря, гдѣ и по нынѣ живутъ казначеи. Въ келарьство Симона въ положеніи Троицкаго келаря произошло то измѣненіе, что онъ долженъ былъ засѣдать вмѣстѣ съ свѣтскими чиновниками въ учрежденномъ въ 1649 году монастырскомъ приказѣ, а кромѣ того за безчестіе Троицкихъ властей Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича положено было править болѣе всѣхъ иныхъ монастырей, именно архимандриту опредѣлено было 100 рублей, келарю 80 руб., казначею 70 руб., соборнымъ старцамъ по 40 рублей. Въ должности келаря Симонъ состоялъ до 1653 года, а въ этомъ году оставилъ должность, можетъ быть, вслѣдствіе старости. Умеръ Симонъ схимникомъ не ранѣе 1665 года, потому что этимъ годомъ помѣчены всѣ тѣ книги, которыя онъ пожертвовалъ монастырю Такихъ книгъ осталось послѣ него очень много: на каждой изъ нихъ по листамъ находимъ подпись: «лѣта 7173 (1665) далъ въ домъ Живоначальныя Троицы въ Сергіевъ монастырь сію книгу (такую-то) келарь старецъ Симонъ Азарьинъ» [3]).

---

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 3.

[2]) Древн. Рос. Вивл. ч. VII стр. 254.

[3]) Книги, пожертвованныя Симономъ см. между прочимъ въ «Описаніи

Симона Азарьина нужно отнести къ числу очень хорошихъ и плодовитыхъ писателей древней Россіи. Кромѣ самаго большаго и главнаго труда «Житія Діонисія», онъ написалъ нѣсколько и другихъ сочиненій, относящихся или къ исторіи смутнаго времени, или же къ памяти святыхъ Троицкихъ чудотворцевъ. О «житіи Діонисія» будетъ рѣчь ниже. Что же касается другихъ сочиненій, то стоитъ здѣсь упомянуть о слѣдующихъ: 1) повѣсть о раззореніи Московскаго государства и всея россійскія земли; какъ и отчего и откуду начало изыде тѣхъ бѣдъ и напастей; выписано отъ лѣтописныхъ книгъ и иныхъ повѣстей; 2) сказаніе о новоявленныхъ чудесахъ преподобнаго Сергія; 3) предисловіе къ этому сказанію и 4) святцы. Принадлежность перваго изъ указанныхъ сочиненій перу Симона доказывается довольно ясно слогомъ, а отчасти содержаніемъ, потому что въ немъ говорится о дѣятельности Троицкаго монастыря, упоминается о посылкѣ Діонисіемъ грамотъ и под., что показываетъ въ авторѣ человѣка близкаго монастырю и въ частности къ преподобному Діонисію. Повѣсть эта написана въ 1654 г. и имѣла своею цѣлью оправдать поводы къ войнѣ, объявленной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ польскому королю Яну Казиміру «за его многія неправды» [1]). Хотя сочиненіе это въ большой своей части имѣетъ компилятивный характеръ, однако оно имѣетъ то достоинство, что въ немъ въ одной цѣльной повѣсти собраны всѣ свѣдѣнія объ

славянскихъ рукописей Лаврской библіотеки» подъ №№ 6, 37, 67, 70, 151, 195, 383, 379, 430, 445, 634, 689, 697, 709, 714, 810 и 812.—Краткія же свѣдѣнія о жизни Симона, въ Лѣтописяхъ Археогр. Комиссіи 4 т. 2 отд. стр. 83—84.

[1]) Въ рукописи М. Д. А. № 201 сочиненіе это занимаетъ 8—78 листы. Таже повѣсть есть еще въ рукописи той же академіи № 203. Она издана г. Поповымъ въ 1881 г. Г. Платоновъ, не отвергая рѣшительно принадлежности этого сочиненія перу Симона, находитъ возможнымъ сомнѣваться въ этомъ на томъ основаніи, что будто бы въ сочиненіи проглядываетъ равнодушное отношеніе къ монастырю не въ духѣ Симона (См. Древне-русскія повѣсти и сказанія XVII в. о смутномъ времени—въ Жур. М. Н. Пр. 1888 г., апрѣль стр. 415). Но это, намъ кажется, неправда.

измѣнахъ и козняхъ поляковъ, при чемъ оно дышетъ неподдѣльнымъ патріотизмомъ и страшною ненавистью къ полякамъ. Побужденіемъ къ написанію «сказанія о новоявленныхъ чудесахъ преподобнаго Сергія», по замѣчанію самого Симона, было то обстоятельство, что многіе греки, посѣщая обитель Сергія, желали прочитывать разсказы о чудесахъ преподобнаго; когда же въ предложенной имъ книгѣ они прочитывали эти разсказы, то недоумѣвали, что прошло уже много лѣтъ, «а чудесъ его новыхъ ничего не писано», а потому спрашивали иноковъ: «еще ли отъ преподобнаго Сергія отъ цѣльбоносныхъ мощей чудеса и исцѣленія бываютъ?» И вотъ для того, чтобы кто нибудь не подумалъ, что чудеса отъ преподобнаго Сергія умалились, Симонъ и счелъ необходимымъ описать новыя чудеса преподобнаго,—хоть изъ многихъ нѣкоторыя, «иже, какъ говоритъ онъ, въ наша лѣта содѣящася, ина же отъ лѣтописныхъ книгъ избравше и отъ книги осаднаго сидѣнія....., иже во обстояніи ратныхъ отъ преподобнаго содѣяшася чудеса» [1]). Всѣ чудеса, описанныя Симеономъ, въ полномъ ихъ составѣ можно читать въ рукописи. Московской Духовной Академіи № 203; исключая же нѣкоторыхъ, они вошли въ печатное изданіе житія преподобнаго Сергія, составленнаго Епифаніемъ и Пахоміемъ. Житіе это напечатано въ первый разъ въ 1646 году стараніемъ того же Симона, дополнившаго его 35-ю главами, содержащими въ себѣ новоявленныя чудеса,- только не всѣ. Симонъ горько жаловался на то, что въ печатное житіе Сергія были внесены не всѣ тѣ чудеса, которыя онъ представилъ къ печати: «сія же, яже отъ насъ быша написана, самодерженъ туже повелѣ напечатати; печатницы же, яже на печатномъ дворѣ, тѣхъ новыхъ чудесъ, яко тридесять и пять главизнъ напечаташа въ Сергіеву книгу, яже отъ насъ принесена быша, прочая же отъ чудесъ святаго въ небреженіи положиша» (Пред стр. 65). Только впослѣдствіи по повелѣнію царя и патріарха къ напечатаннымъ чудесамъ прибавили еще одно, именно о явленіи

[1]) Предисловіе къ сказанію о новоявленныхъ чудесахъ преп. Сергія въ прилож. къ историч. оп. Тр. лавры стр. 65.

новаго цѣлебнаго источника у церкви пречистыя Богородицы въ стѣнѣ у наперти [1]). Въ предисловіи къ житію преподобнаго Сергія, написанномъ спустя 6 лѣтъ по напечатаніи самаго житія, Симонъ уясняетъ великое значеніе Троицкаго монастыря отъ времени его основанія до смутнаго времени и коротко касается участія троицкихъ властей въ событіяхъ этого послѣдняго времени. Разсказывается въ этомъ предисловіи не мало интереснаго и новаго [2]). Наконецъ, мы упомянули о «святцахъ», составленныхъ Симономъ. Полное заглавіе этихъ святецъ такое: «выписано изъ святецъ и лѣтописцевъ помѣсячно о праздникахъ Господскихъ и Богородичныхъ, иже благодатію Божіею въ святой Россіи празднуютъ сверхъ греческихъ уставовъ, и сколько святыхъ святителей и прочихъ отецъ и мучениковъ и благовѣрныхъ князей Христу Богу угодно въ добромъ житіи и подвизѣхъ, иже на Руси празднество имъ сотворяютъ и на молитву призываютъ: такожъ и въ болгарехъ и въ сербахъ и прочихъ единаго словенска языка» [3]). Написаны эти святцы около 1652 г. Въ заключеніе святецъ приложено небольшое разсужденьице о томъ, что среди русскаго народа, не смотря на то, что онъ былъ послѣднимъ призванъ къ христіанству, возсіяла изобильно благодать Божія, что «елико *что ни есть честное* во благочестіи, *вся сія* отъ тѣхъ христіанскихъ государствъ въ россійское государство *пренесена* и украшается тѣмъ россійская земля» [4]). Указывается въ томъ заключительномъ разсужденіи и практическая цѣль составленія этихъ святецъ: они написаны для того, чтобы не позабывать совершенія въ отдѣльности празднествъ въ честь русскихъ святыхъ. «Сего ради написаны быша особь россійскіе праздники.... яко да

---

[1]) Въ настоящее время Сказаніе о новоявленныхъ чудесахъ препод. Сергія издано въ «Памятникахъ древней письменности» т. LXX».

[2]) Объ немъ подробно см. въ Временникѣ кн. X и въ прил. къ историческому описанію Троицкой лавры Горскаго стр. 60—61.

[3]) Рукопись М. Д. А. № 201, находятся и въ рукоп. № 203, листы 302—340.

[4]) Р. М. Д. А. № 201, л. 339.

не купно съ прочими святыми въ святкахъ лѣности ради нашія яко во глубинѣ неразумія нашего невѣдоми будутъ» (л. 339 об.), и еще для того, чтобы тотъ, кто желаетъ о русскихъ святыхъ «подлинно вѣдати», могъ скоро находить нужнаго святаго (л. 340).

Таковы письменные труды Симона. Во всѣхъ ихъ видѣнъ любитель книжности и человѣкъ начитанный. Но еще къ чести Симона должно отнести то, что онъ собралъ и оставилъ послѣ себя въ даръ Троицкому монастырю очень богатую библіотеку. Среди книгъ, пожертвованныхъ имъ монастырю, можно видѣть сборники самаго разнообразнаго содержанія. Тутъ встрѣчаются и книги богослужебныя, и относящіяся къ толкованію св. писанія, и святоотеческія сочиненія, и сборники полемическія противъ лютеранъ, затѣмъ—книга о подражаніи Христу, тропникъ папы Иннокентія, сочиненія Шаховскаго, алфавитъ и пр. и пр. Только въ двухъ библіотекахъ нашей Академической и Троицкой лаврской довольно объемистыхъ сборниковъ сохранилось послѣ Симона до 40. Кромѣ того извѣстно, что имѣются таковые и въ другихъ библіотекахъ. Предположимъ ли мы, что Симонъ большую часть этихъ сборниковъ писалъ собственноручно, или пріобрѣталъ ихъ посредствомъ скупанія, въ томъ и другомъ случаѣ богатство Симоновой библіотеки должно служить доказательствомъ особой любви Симона къ знанію и книжнымъ занятіямъ. А такъ какъ при тогдашней дороговизнѣ книгъ пріобрѣсти такую богатую библіотеку для Симона врядъ-ли возможно было, то вѣроятнѣе допустить, что большую часть своихъ книгъ Симонъ пріобрѣлъ путемъ списыванія; а это еще болѣе подтверждаетъ ту мысль, что Симонъ по своему времени былъ человѣкомъ очень свѣдущимъ, начитаннымъ и образованнымъ, настолько, насколько можно говорить объ образованіи того времени.

Таковъ былъ авторъ «Житія преподобнаго Діонисія». Обратимся же теперь къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ главнаго его произведенія. Какъ видно изъ предисловія къ этому житію, оно написано по просьбѣ инока Боголѣпа Львова. Боголѣпъ Львовъ съ одной стороны потому желалъ, чтобы было написано житіе Діо-

нисія, что и самъ онъ нѣкоторое время проживалъ въ Троицкомъ монастырѣ и имѣлъ возможность много наслышаться о знаменитомъ архимандритѣ (см. пред. къ житію Діонисія стр. 6); а съ другой—потому, что его учитель Никодимъ Кожеозерскій съ уваженіемъ относился къ Діонисію, какъ это можно заключить изъ житія Никодима [1]). О Боголѣпѣ Львовѣ извѣстно, что онъ подлежалъ суду собора 1666 г. за приверженность къ расколу и за многія другія вины. Насколько видно изъ «росписи винамъ старца Боголѣпа Львова», онъ былъ человѣкъ безнравственной и своевольной жизни; но въ то же время былъ человѣкъ сильный и вліятельный. Онъ неоднократно оскорблялъ самымъ грубымъ образомъ игуменовъ Кожеозерскаго монастыря: билъ ихъ, выгонялъ изъ монастыря и т. п.; нечего говорить о прочей братіи монастырской, которая вся боялась его. Не смотря на соборное распоряженіе, Боголѣпъ не велѣлъ пѣть въ монастырѣ трегубую аллилуа, говоря, что это римская ересь. Всѣ эти беззаконія Боголѣпъ продѣлывалъ, надѣясь на милость и заступленіе окольничаго Ѳедора Михайловича Ртищева и «на свое многое и мимотекущее богатство», какъ объ этомъ замѣчается въ росписи [2]). Если все это справедливо, то замѣчательно, что такой человѣкъ заинтересовался личностью преподобнаго Діонисія и усердно просилъ Симона написать житіе послѣдняго. Впрочемъ, просьба Боголѣпа не была единственнымъ побужденіемъ для Симона приступить къ составленію житія; изъ предисловія же къ житію видно, что Симонъ имѣлъ и свои внутреннія побужденія къ этому: «многа понужденія и тщательства имѣлъ и прежде о семъ преподобномъ» [3]).

---

[1]) Рук. Моск. Дух. Ак. № 202, л. 360; въ этомъ мѣстѣ житія Никодима разсказывается, что не за долго до смерти Никодимъ видѣлъ въ видѣніи св. Алексія, а также «Троицы Сергіева монастыря архимарита Діонисія, благословляющаго его многажды», о чемъ онъ (Ник.) и сообщилъ составителю своего житія, которымъ, по справедливому замѣчанію В. О. Ключевскаго, былъ Боголѣпъ Львовъ (Древн.-русск. житія святыхъ стр. 334—338).

[2]) Матер. для исторіи русскаго раскола т. I стр. 464—466.

[3]) Житіе пр. Діонисія стр. 1.

Но его долго удерживало отъ составленія житія сознаніе своего недостоинства приняться за это святое дѣло: если «мудрѣйшіе и хитрословеснѣйшіе мужи, прежде мене жившіе съ нимъ.... не начаша о немъ писати, говоритъ Симонъ, то азъ окаянный кто есмь, еже помыслити таковая.... и сего ради медленъ бысть умъ мой къ начинанію таковыхъ» [1]). Теперь онъ же рѣшается написать житіе Діонисія изъ опасенія, «да не како житіе преподобнаго лѣностію его и нерадѣніемъ, яко глубиною забвенія покрыется» [2]). Предпринятый по такимъ побужденіямъ, трудъ свой Симонъ окончилъ въ 1648 г., но еще не рѣшался распространять его. Желая найти подтвержденіе или добавленіе свѣдѣній о преподобномъ Діонисіи, онъ многимъ читалъ составленное имъ житіе,—особенно въ виду того, что слышалъ голоса сомнѣвавшихся и недовѣрявшихъ нѣкоторымъ свѣдѣніямъ его. Многіе, выслушавши или сами прочитавши, подтверждали, «яко истинна суть», нѣкоторые же и тутъ сомнѣвались. Наконецъ, Симонъ предложилъ свой трудъ на разсмотрѣніе ключарю Успенскаго собора Ивану Насѣдкѣ, который хорошо былъ знакомъ съ Діонисіемъ. Насѣдка, по разсмотрѣніи произведенія Симона, «въ строкахъ поисправилъ и дополнилъ» [3]), а кромѣ того и самъ написалъ большую «записку» о житіи преподобнаго—и все это прислалъ Симону. Между тѣмъ Симонъ дополнялъ свое произведеніе чудесами преподобнаго Діонисія. Въ 1651 году онъ все еще отклонялъ предложеніе протопопа Ивана Неронова—«положити свой трудъ предъ самодержцемъ» на томъ основаніи, что житіе «написано быша въ чернѣ, а поправити на бѣло не достигшу времени» [4]). Не мѣшаетъ здѣсь упомянуть, что

---

[1]) Житіе пр. Діонисія стр. 4—5.

[2]) Житіе пр. Діонисіи стр. 4.

[3]) Житіе пр. Діснисія стр. 69.

[4]) Рук. Лавр. Биб. № 700, л. 76. Тутъ же находимъ сказаніе о явленіи слугѣ обители Никитѣ Кучину во снѣ человѣка, который, по разсказу самого Кучина, вручилъ ему «грамоту да образы складни, глаголя ему, что архимандритъ Діонисій сія къ тебѣ послалъ, а велѣлъ тебѣ ихъ отдати келарю Симону и словомъ-де велѣлъ келарю изговорити: вскую спѣшитъ келарь Симонъ житіе мое писати, все де мое архимандричье житіе

желаніе Ивана Неронова скорѣе увидѣть житіе преподобнаго Діонисія въ печати объясняется тѣмъ, что Нероновъ во время невзгодъ своихъ былъ много обязанъ преподобному Діонисію. Проживая въ селѣ Никольскомъ около Юрьева, Иванъ Нероновъ рѣзкимъ обличеніемъ вооружилъ противъ себя сосѣднихъ священниковъ и даже своего тестя, такъ что всѣ они написали на него жалобу патріарху Филарету. Нероновъ вслѣдствіе этого удалился изъ Никольскаго и пришелъ въ Троицкій монастырь. Здѣсь онъ явился къ архимандриту Діонисію, который ласково обошелся съ Іоанномъ и поселилъ его у себя въ кельѣ. «И живяще Іоаннъ въ келіи не мало времени съ архимандритомъ, непрестанно читая книги божественнаго писанія и въ правилѣ келейномъ и во всенощномъ бдѣніи съ нимъ трудяся» [1]). Когда же Діонисій узналъ о причинѣ побѣга Ивана изъ Никольскаго, то вступился за него. Онъ написалъ къ патріарху Филарету ходатайственное письмо, съ которымъ Иванъ Нероновъ и явился къ патріарху. Патріархъ, убѣдившись изъ этого письма въ клеветѣ жалобы священниковъ на Неронова, не только простилъ послѣдняго, но еще тутъ же удостоилъ его діаконскаго сана. Послѣ сказаннаго понятно, почему Нероновъ, будучи уже протопопомъ, помнилъ Діонисія и побуждалъ Симона положить трудъ свой предъ самодержцемъ. Нероновъ, какъ близко знавшій Діонисія, могъ, такимъ образомъ, быть новымъ свидѣтелемъ истинности по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній Симона. Но Симонъ, какъ упомянули, все еще не рѣшался издать свое сочиненіе. Какъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ хронологическихъ указаній, находимыхъ въ разсказахъ о чудесахъ Діонисія, окончательную отдѣлку въ своемъ теперешнемъ видѣ сочиненіе Симона получило не ранѣе 1654 г. [2]).

будетъ ему вѣдомо, и я де (т. е. Кучинъ) пріявъ почалъ прочитати на складняхъ подписи и не возмогъ, потому что мелко зѣло. Добре испросилъ того человѣка, какое то письмо, а онъ де мнѣ сказалъ: то де житіе писано архимарита Діонисія, а самъ де живетъ архимаритъ на востокѣ, а нынѣ де пошелъ въ большой Троицкій монастырь во святую обитель» (л. 76 об. и 77).

[1]) Мат. для ист. р. раскола т. I, стр. 253.

[2]) Такъ въ одномъ такомъ разсказѣ Симонъ говоритъ о своей побыв-

Каковъ же былъ плодъ этихъ внимательныхъ и продолжительныхъ трудовъ Симона Азарьина? Извѣстно, что большая часть древне-русскихъ житій святыхъ написана витіеватымъ слогомъ, въ которомъ иногда трудно добиться смысла. Другая черта этихъ житій—та, что они мало даютъ біографическаго матеріала, ограничиваясь общими мѣстами. Авторы ихъ старались не столько о томъ, чтобы обрисовать тѣ или другія черты характера святаго, или дать больше свѣдѣній объ его первоначальной и послѣдующей жизни, сколько о томъ, чтобы образъ святаго, нарисованный ими, совпадалъ съ извѣстнымъ уже идеаломъ. Отсюда, по замѣчанію г. Ключевскаго, и выходитъ, что, «всѣ лица, жизнь которыхъ описана въ житіяхъ, сливаются предъ читателемъ въ одинъ образъ и трудно подмѣтить въ нихъ особенности каждаго, какъ по иконописнымъ изображеніямъ воспроизвести портреты: тѣ и другія изображенія даютъ лишь образы безъ лицъ» [1]). Таковъ за немногими исключеніями общій характеръ житій святыхъ. Но житіе Діонисія можетъ быть отнесено скорѣе къ числу исключеній, чѣмъ быть подведено подъ общій характеръ житій. И прежде всего, по изложенію своему оно представляется очень простымъ: витіеватости въ немъ очень мало. Простота и ясность изложенія у Симона во всемъ произведеніи, «даже въ тѣхъ обязательно витіеватыхъ мѣстахъ, гдѣ древне-русскій писатель не могъ отказать себѣ въ удовольствіи быть невразумительнымъ» [2]). Съ другой стороны, въ этомъ житіи находимъ много и біографическаго матеріала. Сказавъ о рожденіи и жизни Діонисія до его архимандрит-

---

кѣ въ Москвѣ въ 7163 г.—въ сентябрѣ (1654 г.) когда, ему Государевъ ключникъ Никонъ Протопоповъ подтвердилъ достовѣрность чуда явленія Діонисія на морѣ донскимъ казакамъ (Рук. Л. Б. № 700, л. 67 и обр.).

[1]) *Ключевскій*. Древне-русскія житія святыхъ стр. 436.

[2]) Древне-русскія житія святыхъ—*Ключевскаго*, стр. 350—351. На простоту своего писанія, несвойственную прежнимъ житіямъ святыхъ, Симонъ указываетъ самъ, какъ на недостатокъ, который однако мы можемъ назвать очень хорошимъ недостаткомъ. „И простотѣ писанныхъ словесъ не дивися, пишетъ онъ Боголѣпу, яко во училищахъ философскихъ не бѣхъ; ниже грамотическія хитрости навыкохъ“ (Жит. стр. 8).

ства въ Троицкомъ монастырѣ, Симонъ подробнѣе всего разсказываетъ объ этомъ архимандритствѣ, т. е. о настоятельской дѣятельности Діонисія, объ его отношеніяхъ къ братіи, а также объ его частной жизни въ келліи, и это естественно, такъ какъ все это Симонъ зналъ очень хорошо, живя вмѣстѣ съ Діонисіемъ, тогда какъ о государственной дѣятельности Діонисія и исправленіи требника онъ поворитъ въ «житіи» коротко, такъ какъ не былъ ни участникомъ, ни свидѣтелемъ этого рода дѣятельности; впрочемъ, пробѣлъ относительно государственной дѣятельности Діонисія онъ восполнилъ отчасти въ своей «повѣсти о новоявленныхъ чудесахъ преподобнаго Сергія.» Но еще лучше пробѣлъ этотъ восполнитъ Иванъ Насѣдка—участникъ какъ въ дѣлѣ исправленія книгъ, такъ и въ государственной дѣятельности Діонисія, и потому больше знавшій объ этомъ. Насѣдка прежде всего даетъ описаніе заботъ Діонисія о больныхъ и раненыхъ, нахлынувшихъ въ монастырь во время Московскаго раззоренья, предпославъ ему общее описаніе бѣдствій смутнаго времени. Затѣмъ, ему принадлежатъ разсказы «объ исправленіи потребниковъ,» «о освобожденіи изъ заточенія святаго святѣйшимъ Филаретомъ патріархомъ», «о головщикѣ Логинѣ и Филаретѣ уставщикѣ», «Діонисія о бесѣдахъ евангельскихъ», «о пришествіи патріарха Ѳеофана въ Троицкій монастырь» и наконецъ «о клобукѣ, данномъ отъ патріарха Ѳеофана архимандриту Діонисію.» Вообще, житіе, составленное Симономъ и обширно дополненное Насѣдкой, даетъ много біографическихъ свѣдѣній о Діонисіи (что обусловливалось немало и самой личностью преподобнаго)—и свѣдѣнія эти нельзя въ большей ихъ части заподозрить со стороны исторической достовѣрности. При составленіи древне-русскихъ житій главными источниками были изустные, въ нихъ группировались тѣ свѣдѣнія, которыя сообщали самовидцы и «помятухи» святаго, потомъ достовѣрные сказатели, т. е. люди, получавшіе свѣдѣнія отъ ближайшихъ учениковъ святаго, и наконецъ, люди, до которыхъ свѣдѣнія эти доходили въ видѣ смутной легенды. Потому-то, конечно, чѣмъ скорѣе послѣ смерти святаго написано житіе, или чѣмъ ближе авторъ

стоялъ къ святому, а равно чѣмъ больше было въ живыхъ современниковъ святаго, тѣмъ достовѣрнѣе должны быть свѣдѣнія, записываемыя въ житіе. Всѣ эти обстоятельства, обусловливавшія достовѣрность житія, дѣйствовали при написаніи Симономъ житія Діонисія. Прежде всего, самъ Симонъ былъ ученикомъ Діонисія, и жилъ съ нимъ въ одной кельѣ [1]). Въ житіи его повсюду разбросаны указанія, что онъ или самъ видѣлъ разсказываемое имъ, или слышалъ отъ Діонисія, или отъ людей знавшихъ его. «Сія вся видѣхъ своима очима,» «какъ онъ мнѣ грѣшному самъ разсказывалъ», «и паки повѣда мнѣ грѣшному,» или «повѣда мнѣ отецъ мой архимандритъ Діонисій,» «повѣдаша тіи, иже быша при смерти его» [2]),—вотъ откуда Симонъ почерпалъ свѣдѣнія о Діонисіи. Располагая такими источниками, Симонъ могъ и старался быть достовѣрнымъ, какъ это видно уже изъ сказаннаго нами о составленіи имъ житія. Онъ даетъ читать свое произведеніе тѣмъ, которые знали и помнили Діонисія для того, чтобы провѣрить свои сказанія; равно какъ черезъ это же онъ желалъ освободить себя отъ подозрѣнія въ лицепріятіи, въ желаніи восхвалить своего учителя: «да не возмнятъ нѣцыи на мя, яко ученикъ его есмь, и любя отца своего похваленіемъ облагаю,» говоритъ Симонъ [3]). Если же Симону приходилось передавать свѣдѣнія, сообщенныя ему посторонними, то онъ спѣшилъ указать на то лицо, отъ котораго получилъ эти свѣдѣнія, какъ это онъ дѣлалъ при описаніи чудесъ Діонисія, и при этомъ иногда высказываетъ мысль, что если сообщенное неправда, то ложь падетъ на главу сообщившаго. «Аще кто ложь приноситъ, говоритъ онъ, самъ на главѣ своей понесетъ, аще ли истину исповѣдаетъ, то истина сама въ увѣреніе приведетъ всякъ глаголъ праведенъ;

---

[1]) Житій, составленныхъ самовидцами святаго, очень немного. Ключевскій изъ 60 житій, составленныхъ въ Макарьевское время указываетъ такихъ только 12. (Древне-русскія житія святыхъ, стр. 410).

[2]) Житіе пр. Діонисія стр. 26, 43, 53 и 64; также стр. 1 и 67.

[3]) Житіе пр. Діонисія стр. 67.

мы-жъ, яже слышахомъ, сице и написахомъ» [1]). Это замѣчаніе онъ сдѣлалъ при описаніи чуда явленія на морѣ святаго донскимъ казакамъ; на него нашло сомнѣніе въ этомъ чудѣ, потому что, какъ онъ замѣчаетъ, «о семъ свидѣтельства крѣпкаго не пріемъ» [2]). И такъ, на основаніи сказаннаго должно признать, что свѣдѣнія, оставленныя намъ о Діонисіи Симономъ, въ большей части своей достовѣрны, и только по забывчивости и недоумѣнію онъ могъ передать что-либо не точно и не полно: «молютися, яже аще либо забытіемъ погрѣшихъ или недоумѣніемъ не исполнихъ, пишетъ онъ Боголѣпу, ты самъ исправи..... забытіе бо на всѣхъ человѣкъ хвалится» [3]). Характеризуя Симона, какъ писателя, стоитъ упомянуть, что онъ заботился и о томъ, чтобы какъ нибудь не приписать себѣ чужихъ трудовъ. Такъ, получивъ отъ Насѣдки записку о житіи Діонисія, онъ помѣщаетъ ее «особо», а не въ средину своего произведенія, «да не како на свой разумъ преложу чужій трудъ», говоритъ онъ объ этой запискѣ. Въ виду всего этого мы не можемъ согласиться съ мыслію г. Забѣлина, который говоритъ, что Симонъ былъ панегиристъ своей обители, заботившійся не столько объ исторической правдѣ, сколько о томъ, чтобы все хорошее приписать почину, вліянію, покровительству и назиданію лавры, хотя бы при этомъ и пришлось допустить от-

---

[1]) Рук. лавр. библ. № 700, л. 66.

[2]) Рук. лавр. библ. № 700, л. 67.

[3]) Житіе Діонисія стр. 8. Въ немногихъ, впрочемъ, мѣстахъ можно замѣтить, что Симонъ невольно отдавалъ дань тому направленію, какого держались составители древне-русскихъ житій святыхъ. Такъ, описывая младенческіе годы Діонисія, онъ говоритъ, что Діонисій отъ младенчества крѣпость великую имяше и простоту сердечную свыше человѣческаго пребыванія..... вся, яже суть міра сего, ни во что вмѣнивъ, въ добрыхъ дѣлахъ подвизался, желая тѣмъ сподобитися царствія небеснаго сожитель быти. (Жит. стр. 10). Это мѣсто въ житіи Діонисія напоминаетъ тѣ изъ прежнихъ житій, въ которыхъ почти постоянно наталкиваемся, что святой младенецъ почти отъ колыбели становится выше среды, въ дѣтствѣ уже учитъ своихъ родителей, укоряетъ ихъ за то, что они удерживаютъ его отъ суроваго поста и проч.

ступленіе отъ истины [1]). Впрочемъ, это замѣчаніе г. Забѣлина ближайшимъ образомъ относится только къ «сказанію Симона о новоявленныхъ чудесахъ преподобнаго Сергія» и потому не можетъ подрывать нашего довѣрія къ «житію преподобнаго Діонисія,» въ которомъ Симонъ въ качествѣ панегириста обители выступаетъ очень немного.

Другой современникъ Діонисія Авраамій Палицынъ, какъ мы сказали, оставилъ намъ въ своемъ «сказаніи объ осадѣ Троицкаго монастыря» нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности Діонисія въ смутное время. Личность Палицына очень извѣстна, чтобы объ немъ говорить здѣсь, а кромѣ того намъ необходимо придется встрѣтиться съ этой личностью при обозрѣніи дѣятельности Діонисія, которая не мало соприкасалась съ дѣятельностію Палицына. Что же касается произведенія Палицына, то достовѣрность сказаній его до 1842 года не подвергалась сомнѣніямъ, и историки заимствовали изъ него свѣдѣнія, не опасаясь погрѣшить. Въ 1842 году въ первый разъ г. Голохвастовъ высказалъ, что сказаніе Палицына не есть безпристрастная лѣтопись, а «по намѣренію автора и по способу изложенія, есть духовно-историческая эпопея, которой главная видимая цѣль—прославленіе чудеснаго избавленія лавры и вообще Россіи предстательствомъ святыхъ Сергія и Никона» [2]). Съ выводами и заключеніями Голохвастова тогда многіе согласились [3]). Но сказаніе Палицына тогда же нашло себѣ достойнаго защитника въ лицѣ А. В. Горскаго, который въ томъ же 1842 году написалъ критику на выводы Голохвастова [4]). На критику эту г. Голохвастовъ отвѣтилъ, впрочемъ, антикритикой [5]), и тѣмъ на время закончился споръ о до-

---

[1]) Русс. Арх. 1872 г.

[2]) Москвитянинъ 1841, № 7, стр. 136.

[3]) См. Отеч. Записки 1842 г. № 11, Библіогр. Хр. стр. 17; Сѣвер. Пчела 1842 г. № 198; Жур. Мин. Нар. Просв. 1842.

[4]) Москвитянинъ 1842, № 12.

[5]) Москвитянинъ 1844; а также издано въ особой книжкѣ: «Отвѣтъ на рецензіи и критику «замѣчаній» объ осадѣ Троицкой лавры». Москва 1844 г.

словѣрности сказаній Палицына. Но черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ «сказаніе» Палицына снова сдѣлалось предметомъ споровъ. Въ 1872 году г. Забѣлинъ высказался противъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Палицынымъ, еще рѣшительнѣе, чѣмъ Голохвастовъ,—назвалъ ихъ прямо легендами: «свѣдѣнія, сообщаемыя старцемъ, говоритъ Забѣлинъ, исторія должна принимать съ великою осторожностію, ибо это тѣ же легенды» [1]). Нѣсколько словъ въ защиту Палицына противъ Забѣлина сказалъ тогда г. Костомаровъ [2]), на что г. Забѣлинъ отвѣтилъ, подтверждая высказанное имъ прежде [3]). Наконецъ, въ 1880 году вышло довольно большое изслѣдованіе подъ заглавіемъ «Авраамій Палицынъ», въ которомъ авторъ (г. Кедровъ) очищаетъ отъ подозрѣнія свѣдѣнія, оставленныя намъ Палицынымъ, и только указываетъ ту особенность въ нихъ, что Палицынъ говоритъ подробнѣе и охотнѣе о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ самъ выступалъ въ дѣятельности. «Палицыну, говоритъ г. Кедровъ, нужно было засвидѣтельствовать предъ современниками и потомствомъ о своихъ личныхъ подвигахъ и совсѣмъ не о подвигахъ Діонисія» [4]). Такъ какъ сказаніе Палицына даетъ по нашему предмету только нѣсколько свѣдѣній, то мы поэтому не будемъ здѣсь входить въ разборъ его сказанія, а лишь тогда, когда будемъ заимствовать тѣ или другія свѣдѣнія изъ него, тутъ же дадимъ и разборъ этихъ свѣдѣній и укажемъ основанія, почему довѣряемъ или не довѣряемъ имъ. А здѣсь замѣтимъ только, что ужъ слишкомъ смѣло назвать сказанія Палицына прямо легендами. Стоитъ, напримѣръ, вспомнить, какъ Палицынъ отнесся къ факту смерти Скопина-Шуйскаго, чтобы понять, что онъ не вносилъ безъ разбора въ свое «сказаніе» извѣстія. Извѣстно, что о смерти Скопина въ народѣ распространилось тогда убѣжденіе, что онъ былъ отравленъ на пиру у брата царя—Дмитрія Шуйскаго,—и это убѣжденіе нѣкоторые лѣто-

---

[1]) Рус. Арх. 1872 г. стр. 581.

[2]) Вѣстн. Европы 1872 г. кн. IX.

[3]) Рус. Арх. 1872 г. стр. 2484.

[4]) *Кедровъ*. Авр. Пал. стр. 77.

писцы внесли въ свои лѣтописи [1]). Авраамій же Палицынъ говоритъ объ этомъ такъ: «не вѣмы убо, како рещи, Божій ли судъ нань постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися? Единый создавый насъ се вѣсть» [2]). Здѣсь же еще замѣтилъ, что желая больше выставить дѣйствующимъ себя, Авраамій могъ не лишнее что-либо сказать о Діонисіи, а могъ только умалить значеніе послѣдняго. Эта мысль уже высказана въ нашей исторической литературѣ [3]).

Наконецъ, объ Иванѣ Насѣдкѣ, какъ составителѣ «записки о житіи» Діонисія, мы имѣли случай уже сказать немного. О личности Насѣдки подробно намъ придется говорить въ самомъ изслѣдованіи. Здѣсь же замѣтимъ только, что свѣдѣнія, оставленныя имъ, не могутъ быть заподозрѣны со стороны исторической достовѣрности ихъ. Насѣдка былъ, какъ увидимъ, человѣкъ весьма близкій къ Діонисію и участвовалъ съ послѣднимъ во многихъ дѣлахъ. По литературной отдѣлкѣ и по живости изложенія обращаетъ на себя вниманіе описаніе бѣдствій смутнаго времени, предпосланное Насѣдкою сказанію его о заслугахъ Діонисія въ то время. По ясности и простотѣ изложенія онъ не уступаетъ Симону.

Во всѣхъ упомянутыхъ источникахъ мы находимъ съ одной стороны біографическія свѣдѣнія о Діонисіи, а съ другой свѣдѣнія относительно дѣятельности его главнымъ образомъ по монастырю и въ смутное время. Но что касается спеціально церковной

---

[1]) Псковская лѣтопись; рукопись Филарета (стр. 287) и Берова Московская лѣтопись стр. 163.

[2]) *Авр. Пал.* объ осадѣ Тр. монастыря стр. 203.

[3]) Признавая даже, говоритъ г. Кояловичъ, что Палицынъ преувеличиваетъ значеніе Троицкихъ властей и свое личное (въ событіяхъ смутнаго времени), невозможно отвергнуть ихъ участія. Можно даже сказать, что это участіе, *особенно архим. Діонисія*, во времена третьяго и втораго ополченія въ историческихъ памятникахъ *умалено*, благодаря невниманію современниковъ и глав. обр. *благодаря самолюбію Авраамія Палицына*, приписавшаго все себѣ. Еще Иванъ Насѣдка замѣтилъ эту слабость Палицына и въ одномъ мѣстѣ житія Діонисія обличаетъ ее (стр. 44). *Кояловичъ*. Рѣчь на актѣ Петерб. акад. 1880 г. стр. 68; прим. 1.

дѣятельности Діонисія, т. е. исправленія имъ богослужебныхъ книгъ, то для изслѣдованія объ ней остались очень важные памятники. Памятники эти слѣдующіе: 1) «списокъ съ рѣчи Троицкаго архимандрита Діонисія» предъ московскими властями объ исключеніи изъ извѣстной молитвы слова: *и огнемъ;* 2) списокъ съ рѣчи соборныя апостольскія церкви ключаря Ивана, имянуема Насѣдкина къ патріарху Филарету—въ 30 главахъ; 3) Того же Ивана Насѣдки обличительная рѣчь о огни просвѣтительномъ на Антонія Подольскаго—въ 35 главахъ; 4) рѣчь Троицкаго старца Арсенія Глухаго къ Салтыкову; 5) Іоанна Насѣдки изысканное отъ многихъ божественныхъ книгъ свидѣтельство о прикладѣ огня; главъ 40; 6) два посланія патріарховъ александрійскаго Герасима и іерусалимскаго Ѳеофана о прилогѣ: *и огнемъ*; 7) совѣтованіе и бесѣдованіе московскаго патріарха Филарета съ Ѳеофаномъ патріархомъ іерусалимскимъ по тому же предмету; наконецъ 8) грамата царя Михаила Ѳеодоровича архимандриту Діонисію да келарю старцу Авраамію Палицыну съ братіею объ исправленіи Потребника [1]). По этимъ посланіямъ рѣчамъ и грамотамъ можно возстановить, какъ внѣшнюю исторію исправленія книгъ, такъ и ходъ самаго исправленія, какъ оно велось и чего

[1]) Грамота царя и посланіе патріарха Герасима напечатаны—первая при житіи преп. Діонисія и въ Акт. Арх. Эксп. т. III, 329; послѣднее только при житіи. Остальныя рѣчи и посланія находятся въ рукописяхъ—Лавр. библ. № 700, Моск. Синод. №№ 416, 822 и др. Самое же житіе Діонисія, исключая посланія и рѣчей, печаталось пять разъ—въ 1808, 1816, 1817, 1824 и 1834 г.г. (Опис. рук. Троиц. Серг. Лавры стр. 61). Мы пользуемся и цитуемъ по изданію 1834 года. Въ описаніи рукописей Имп. Пуб. Библ. *Бычкова* упоминается еще изданіе 1855 г. (*Бычковъ*. Описаніе рус. и слав. рукоп., сбор. 1, стр. 529). Рукоп. Троиц. Лавры Библ. № 700, (по которой мы пользовались преимущественно предъ другими) писана, вѣроятно, при Троицкомъ архимандритѣ Ѳеодосіи II (1667—1674), потому что на оборотѣ конечнаго листа ея сверху мелкою скорописью написано: государю архимариту Ѳеодосію. Что же касается Син. сборника № 416, то въ немъ содержится все тоже, что и въ сборникѣ № 700 Лавр. Библ. Впрочемъ, какъ на особенное достоинство Син. сборн. можно указать на то, что онъ писанъ, вѣроятно, рукою самою автора—Симона Азарьина, потому что почеркъ, какимъ написанъ сборникъ, сходенъ съ почеркомъ

касалось. Всѣ эти памятники приложены Симеономъ къ «житію Діонисія», можетъ быть, съ тою цѣлію, чтобы вполнѣ очистить надписей, сдѣланныхъ Азарьинымъ собственноручно на пожертвованныхъ имъ книгахъ. Сборникъ № 416 на первомъ листѣ имѣетъ надпись: «книга архимандрита Діонисія». Это подало поводъ составителю указателя Син. Библ. архим. Саввѣ заключить, что и самый сборникъ принадлежалъ Діонисію (Указатель Син. ризницы и библіотеки Саввы стр. 175). Но такое заключеніе несправедливо; потому что какимъ образомъ сборникъ, заключающій житіе Діонисія, которое написано спустя 15 лѣтъ по смерти Діонисія, могъ принадлежать самому Діонисію?! Надпись же «книга архимандрита Діонисія» не иное что значитъ, какъ только то, что въ этомъ сборникѣ заключается житіе Діонисія. Наконецъ, въ Синод. сборн. № 822, на корешкѣ котораго приклеена бумажка съ надписью „о огни", заключаетъ въ себѣ только тѣ рѣчи, посланія и грамоты, которыя появились по поводу исправленія книгъ, а житія Діонисія въ немъ нѣтъ; Син. сб. № 85 (XVIII в.) наоборотъ заключаетъ въ себѣ только одно житіе. Необходимо замѣтить, что печатное житіе, (изданное 1834 г.) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ различествуетъ съ рукописными и имѣетъ значительные пропуски. Рѣчь самого архимандрита Діонисія во всѣхъ трехъ рукописныхъ сборникахъ (700 № Лавр; 416 и 822 Син. Биб.) находится безъ конца и прерывается на однихъ и тѣхъ же словахъ. Въ полномъ своемъ составѣ она сохранилась въ сборн. Имп. Пуб. Биб. № 36. (По опис. *Бычкова* сб. 1 стр. 135). Но мы убѣдились, что не смотря на то, что списокъ съ рѣчи Діонисія въ нашихъ сборникахъ не вошелъ въ цѣломъ своемъ составѣ, вся рѣчь Діонисія все таки находится въ этихъ сборникахъ: она вошла въ сочиненіе Ивана Насѣдки въ 40 главахъ. Это видно изъ того, что первыя три главы этого сочиненія Насѣдки въ 40 главахъ содержатъ въ себѣ буквально всю ту часть рѣчи Діонисія, которая находится въ нашихъ сборникахъ (исключая только самаго начала), а въ 31-й главѣ находимъ заключительныя слова всей рѣчи Діонисія (они намъ извѣстны по извлеченію ихъ у Бычкова въ описаніи). Слѣд., въ промежуткѣ между 3 и 31 главами вошла вся рѣчь Діонисія, потому что изъ первыхъ 3-хъ главъ достаточно можно убѣдиться, что Насѣдка буквально вписывалъ рѣчь Діонисія въ свое сочиненіе. Въ этомъ насъ убѣждаетъ и то, что въ сочиненіи въ 40 гл., не предназначенномъ спеціально ни для кого и никому не адресованномъ (ни собору, ни патріарху), встрѣчаемъ однако такія же слова обращенія, какія въ рѣчи Діонисія въ родѣ того: „се велиціи Господіе разсудите рѣчь сію," „се виждите премудріи," „разсудите помазанніи Духомъ." Это значитъ, что какъ слова обращенія находились въ рѣчи Діонисія, такъ Насѣдка и внесъ ихъ въ свое сочиненіе, хотя въ послѣднемъ они не имѣютъ должнаго смысла. Подробнѣе объ этомъ мы скажемъ въ самомъ изслѣдованіи.

Діонисія отъ обвиненія въ еретичествѣ и показать, что дѣло его было правое дѣло. Предъ житіемъ же преподобнаго Діонисія, замѣтимъ кстати, помѣщается, обыкновенно, «канонъ преподобному отцу нашему Діонисію», составленный тоже Симономъ. Впрочемъ, въ разныхъ спискахъ житія канонъ этотъ—неодинаковый. Такъ, напримѣръ, по списку Хлудовской библіотеки (№ 214) онъ иной, чѣмъ по синодальнымъ спискамъ.

Таковы первоисточники, которые сохранили намъ свѣдѣнія о предметѣ нашего изслѣдованія. Патріотическія же грамоты Діонисія напечатаны: двѣ въ Актахъ Арх. Экспедиціи т. II, и одна (октябрская 1611 г.) въ Собраніи госуд. грамотъ и договоровъ—томъ второй же. Послѣдняя находится и при печатномъ житіи Діонисія [1]). Въ актахъ экспедиціи, историческихъ и прочихъ мы найдемъ кромѣ того много разныхъ грамотъ на имя Діонисія, которыя также дадутъ намъ матеріалъ.

Что касается нашей исторической литературы, то въ ней спеціальныхъ изслѣдованій о преподобномъ Діонисіи нѣтъ, кромѣ одной журнальной статьи священника Поспѣлова, помѣщенной въ «Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія» за 1865 годъ во второй части подъ заглавіемъ: «преподобный Діонисій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря» [2]). Статья эта, не лишенная нѣкоторыхъ достоинствъ, далеко не удовлетворяетъ стро-

---

[1]) Не такъ давно въ 1884 году князь Лобановъ—Ростовскій подарилъ въ главные архивы Министерства иностранныхъ дѣлъ автографъ воззванія архимандрита Діонисія въ 1611 году къ жителямъ Перми (знаменитая октябрская грамота). (Истор. Вѣстн. 1884 т. XVIII, смѣсь стр. 707). До 1884 года эта грамота, какъ и двѣ остальныя, извѣстны были только въ копіи и были напечатаны изъ рукописныхъ сборниковъ, куда вписывались съ отпусковъ или черновыхъ, оставшихся въ Лаврѣ. (Москв. 1842 г. № 6, стр. 315).

[2]) Впрочемъ, есть еще въ Странникѣ за 1862 г., 1 статья М. О. Кояловича подъ заглавіемъ: «Діонисій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря (историческій очеркъ)» стр. 20—32. Но статья эта, нисколько не касаясь ни жизни Діонисія, ни его дѣятельности по частямъ, только въ самыхъ общихъ чертахъ показываетъ значеніе Діонисія въ событіяхъ смут-

го-научнымъ требованіямъ. Авторъ ея большею частію очень кратко излагаетъ тѣ или другія свѣдѣнія о Діонисіи, которыя разбросаны по первоисточникамъ, и при этомъ нисколько не заботится критически отнестись къ нимъ, хотя въ то время уже существовалъ новый взглядъ г. Голохвастова на дѣятельность Троицкихъ властей въ смутное время. Нѣкоторыхъ дов. важныхъ вопросовъ онъ вовсе не касается, а многихъ изъ такихъ вопросовъ касается очень кратко; такъ, напр., свѣдѣнія о дѣятельности Діонисія по монастырю, объ отношеніяхъ его къ братіи и пр. онъ помѣстилъ на 3—4 страницахъ, тогда какъ эта дѣятельность и

наго времени, причемъ изъ 12 страницъ удѣляетъ гораздо большую часть этимъ послѣднимъ, чѣмъ самому Діонисію; а какъ такая, статья эта для нашего спеціальнаго изслѣдованія не можетъ имѣть никакого значенія: въ ней мы не найдемъ ни одного извѣстія и ни одного положенія, которыя бы могли пригодиться для насъ въ самомъ изслѣдованіи и только въ своемъ введеніи мы занимались выше тѣмъ же предметомъ, какому посвящена эта статья. Но такъ какъ разбираемая статья въ общемъ даетъ хорошую характеристику смутнаго времени, а относительно значенія Діонисія въ событіяхъ его содержитъ очень вѣрныя замѣчанія, то мы сочли себя не въ правѣ пройти ее полнымъ молчаніемъ и удѣляемъ мѣсто ея краткому содержанію въ этомъ примѣчаніи. По мысли автора этой статьи, «въ критическія времена исторіи жизнь перепробываетъ всѣ силы народа, и бросая негодныя, останавливается окончательно на той изъ нихъ, которая крѣпче, жизненнѣе»; такая-то сила въ русскомъ народѣ и обнаружилась во время междуцарствія. Таковой оказалась вѣра, которая стала тогда «лучшимъ связующимъ звѣномъ всѣхъ сословій, всѣхъ интересовъ русскаго народа, самымъ крѣпкимъ началомъ, оживляющимъ и очищающимъ дремавшія или убитыя народныя силы» (стр. 24). Силу эту понялъ патр. Гермогенъ и дѣйствовалъ согласно съ нею; но дѣятельность его скоро прекратилась; былъ тогда еще другой дѣятель духовнаго круга—Авраамій Палицынъ; „но это, по словамъ статьи, былъ человѣкъ внѣшней дѣятельности, исполнитель готовой, уяснившейся задачи:„ онъ не могъ вести незамѣтнаго, невидимаго—часто даже неблагодарнаго дѣла постепеннаго труднаго пробужденія, очищенія и укрѣпленія народныхъ силъ для спасенія всей родной земли, всѣхъ лучшихъ благъ ея (стр. 25). Это-то „самое высокое и благородное“ дѣло и досталось на долю Троицкаго архимандрита Діонисія, которому современность отплатила самою черною неблагодарностью за исправленіе церковныхъ книгъ и даже потомство долго платило подобной монетой, оставляя въ забвеніи его

эти отношенія очень разнообразны и возбуждаютъ немало интересныхъ вопросовъ. Что же касается противорѣчивыхъ извѣстій, находимыхъ авторомъ въ разныхъ источникахъ, то онъ не рѣдко вноситъ ихъ въ свой трудъ, не стараясь даже примирить ихъ какъ-либо; таковы, напр., извѣстія о періодѣ жизни преп. Діонисія въ Старицкомъ монастырѣ. Впрочемъ, строго-научнаго отношенія къ дѣлу нельзя желать, да нельзя и требовать отъ журнальной статьи, занимающей около $2^1/_2$ печатныхъ листовъ; авторъ ея, конечно, и не задавался такою цѣлію, онъ хотѣлъ только озна-

---

великое служеніе родному благу (стр. 25). Вотъ сущность разбираемой статьи. Въ другомъ мѣстѣ авторъ ея по поводу забвенія Діонисія исторіей говоритъ: „много неправды дѣлаетъ современность, много неправды дѣлаетъ и исторія“ (стр. 30). Конечно, на насъ, взявшихся за спеціальное изслѣдованіе о Діонисіи, лежитъ долгъ по силѣ своей возстановить историческую правду о Діонисіи.—Недавно еще появилась статья въ Рус. Палом. за 1889 г. № 32—35: „Троицкій архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ“. Но о статьѣ этой мы упоминаемъ только потому, что она появилась до изданія нашего изслѣдованія и чтобы поэтому насъ не уличили въ ея невѣдѣніи; воспользоваться же изъ этой статьи намъ вовсе нечѣмъ: она ничего не даетъ для нашего изслѣдованія. Цѣлью автора, очевидно, было изложить какъ можно болѣе въ популярной формѣ то, что давно уже сказано о политической дѣятельности Діонисія и Авраамія въ разныхъ гражданскихъ исторіяхъ и изслѣдованіяхъ о смутномъ времени—безъ всякой научной провѣрки тѣхъ или другихъ извѣстій: это, конечно, вполнѣ согласно съ задачей духовнаго иллюстрированнаго журнала «Рус. Паломникъ». Не можемъ, впрочемъ, не замѣтить, что въ своемъ стремленіи къ популяризаціи авторъ статьи впадаетъ въ крайности; напр., онъ говоритъ, что когда Діонисій вышелъ изъ книжнаго ряда, то «всѣ любопытные и праздные прохожіи *гурьбою хлынули по своимъ* домамъ» (откуда сіе извѣстно и зачѣмъ это было нужно?), или: Діонисій, ухаживая за больными и увѣчными, самъ „оставался лишь въ одной худенькой и *вылинявшей* ряскѣ, одѣтой прямо на тѣло“ (откуда опять извѣстно, что Діонисій ухаживалъ за больными въ ряскѣ,—да притомъ еще вылинявшей и надѣтой на голое тѣло; вѣроятнѣе, что онъ при этихъ случаяхъ вовсе не былъ въ ряскѣ,—каковая тогда едва-ли и существовала). А замѣчаніе автора, что Діонисій самъ сочинялъ разныя молитвы святымъ (Рус. Пал. 1889, № 32, стр. 377),—нужно прямо назвать выдумкой автора, ни на чемъ не основанной.

комить читателей въ общихъ чертахъ съ жизнію и дѣятельностію преп. Діонисія, что и выполнилъ. Говоря объ источникахъ нельзя, далѣе, пройти молчаніелъ вышедшее въ 1880 году изслѣдованіе г. Кедрова «Авраамій Палицынъ.» Это сочиненіе, по выраженію автора, «имѣетъ своею задачею провѣрить уже высказанныя мнѣнія относительно Палицына и его сказанія и изложить въ возможно-цѣльномъ порядкѣ свѣдѣнія, существующія на указанный предметъ» [1]). Но насколько Авраамій Палицынъ въ своей жизни и дѣятельности былъ близокъ къ преподобному Діонисію, настолько, конечно, и предметъ изслѣдованія г. Кедрова имѣетъ отношеніе къ нашему предмету. Такъ какъ г. Кедровъ внимательно и долго останавливается на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые предстоитъ рѣшать и намъ, то естественно мы съ своей стороны должны будемъ провѣрить эти изысканія его и потомъ или согласиться съ нимъ, или же высказать свои мнѣнія по извѣстному вопросу. Рѣшать общіе съ г. Кедровымъ вопросы намъ придется преимущественно при обозрѣніи государственныхъ заслугъ Діонисія, такъ какъ рядомъ съ именемъ Діонисія въ этомъ случаѣ почти вездѣ и всегда встрѣчаемъ имя Палицына, при чемъ личность Палицына какъ-то выступаетъ замѣтнѣе, чѣмъ личность Діонисія, что происходитъ, мы думаемъ, отъ того, что Палицынъ, какъ замѣчаетъ и Кедровъ, въ своемъ сказаніи больше и подробнѣе писалъ о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ онъ дѣйствовалъ самъ. Изслѣдованіе г. Кедрова представляетъ вполнѣ научный трудъ. Въ немъ авторъ на основаніи множества первоисточниковъ и источниковъ даетъ такое или иное рѣшеніе, по возможности, всѣхъ вопросовъ, касающихся Палицына и дѣятельности Троицкихъ властей въ смутное время; равно какъ онъ вступаетъ въ очень длинную полемику съ мнѣніями г.г. Голохвастова и Забѣлина.—Что касается, наконецъ, исправленія Діонисіемъ богослужебныхъ книгъ, то этотъ вопросъ изслѣдованъ въ нашей церковно-исторической литературѣ сравнительно обстоятельнѣе, чѣмъ другіе вопросы, касающіеся Діонисія. Кромѣ того, что въ каждой церковной исторіи посвя-

---

[1]) *Кедровъ*. Авраамій Палицынъ, предисловіе, стр. 1.

щается этому вопросу довольно вниманія, имѣются по нему и спеціальныя изысканія. Таковы двѣ довольно большія журнальныя статьи, изъ которыхъ одна помѣшена въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ» за 1848 г. № 8, а другая въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1862 годъ во 2 и 3 книгахъ. Первая статья, принадлежащая П. С. Казанскому, кромѣ исторіи исправленія книгъ, даетъ перечень почти всѣхъ главныхъ поправокъ, сдѣланныхъ справщиками въ богослужебныхъ книгахъ. Неизвѣстный авторъ второй статьи, указавъ въ статьѣ П. С. Казанскаго недостатокъ внутренней характеристики дѣла, изслѣдуетъ весь предметъ болѣе подробно; при чемъ напечаталъ, неизвѣстное до него, посланіе Арсенія Глухаго къ протопопу Ивану Лукьяновичу. Укажемъ еще на изслѣдованіе г. Смирнова «патріархъ Филаретъ», одна изъ главъ котораго посвящена вопросу объ исправленіи книгъ преподобнымъ Діонисіемъ. Но всѣ эти изысканія ничуть не дѣлаютъ излишними новыхъ изслѣдованій по вопросу объ исправленіи богослужебныхъ книгъ преп. Діонисіемъ, такъ какъ съ одной стороны въ нихъ встрѣчаются разныя и даже противорѣчивыя мнѣнія касательно нѣкоторыхъ сторонъ этого вопроса, а съ другой— далеко не всѣ стороны его изслѣдованы съ должною подробностію, а нѣкоторыя изъ нихъ и совсѣмъ опущены изъ вниманія. Послѣ появленія болѣе обстоятельныхъ работъ по вопросу объ исправленіи книгъ Діонисіемъ (одна изъ нихъ относится къ 1848 году, а другая къ 1862 г.) прошло уже очень много времени и за это время успѣло явиться немало новыхъ церковно историческихъ матеріаловъ и новыхъ цѣнныхъ данныхъ, проливающихъ нѣкоторый свѣтъ и на этотъ вопросъ, а потому наиболѣе полное разсмотрѣніе и переизслѣдованіе его своевременно и необходимо. Мы должны сказать даже, что къ церковной дѣятельности Діонисія, проявившейся въ исправленіи имъ книгъ и управленіи Троицкимъ монастыремъ, отнеслись съ большимъ вниманіемъ и расположеніемъ— по причинамъ понятнымъ: съ одной стороны она- самая видная въ жизни преподобнаго, а съ другой къ такому отношенію къ дѣлу много располагала насъ и наша спеціальность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Преподобный Діонисій до его архимандритства въ Троицкомъ монастырѣ [1].

Первоначальныя біографическія свѣдѣнія о Діонисіи.—Діонисій—постриженникъ и казначей Старицкаго Успенскаго монастыря.—Время назначенія его въ архимандриты Старицкаго монастыря и дѣятельность его въ этомъ званіи на Москвѣ.—Вклады его.—Назначеніе Діонисія въ архимандриты Троицкаго монастыря.

Если предметомъ изслѣдованія является такая историческая личность, которая носитъ фамилію какого либо знаменитаго дворянскаго или княжескаго рода, то историки начинаютъ свои изысканія о такой личности, обыкновенно, съ отдаленной древности, когда въ первый разъ упоминается эта фамилія, они стараются

---

[1]) Считаемъ долгомъ сказать, что первая глава нашего изслѣдованія въ малоизмѣненномъ видѣ читалась въ качествѣ отдѣльнаго реферата въ засѣданіи Тверской Ученой Архивной Коммисіи 14 апрѣля 1889 г. (См. Жур. 23 засѣданія Тверской Уч. Ком. 14 апр. 1889 г. стр. 1—2). Затѣмъ по опредѣленію Коммисіи, она была напечатана въ Тверскихъ Епарх. Вѣд. за 1889 г. №№ 20—22 и 24 и 1890 №№ 1—5, а также въ отдѣльной брошюрѣ—въ количествѣ 200 экземпляровъ подъ заглавіемъ: «Діонисій Зобниновскій, архимандритъ Троицы-Сергіева монастыря» (очеркъ жизни и дѣятельности его, преимущественно, до назначенія въ Троицкіе архимандриты).

разыскать родоначальника, или тѣхъ или другихъ носителей ея во все время до того момента, въ который выступаетъ уже изслѣдуемая личность. Предметомъ же нашего изслѣдованія является дѣятель,—извѣстный въ исторіи, но не носящій знатной фамиліи, и потому-то не только объ его предкахъ, но даже о родителяхъ очень мало извѣстно. Все, что мы могли узнать о родителяхъ преподобнаго Діонисія, заключается въ слѣдующемъ. Отецъ Діонисія Ѳедоръ и мать Іуліанія жили сначала въ городѣ Ржевѣ (Тверской губ.), а потомъ переселились въ г. Старицу (той же губ.). Въ Старицѣ Ѳедоръ былъ выбранъ въ старосты Ямской слободы [1]). Извѣстно, что ямская повинность въ XVI—XVII вѣкѣ была очень важною и тяжелою, а потому и выполненіе обязанностей ямскаго старосты было, вѣроятно, очень затруднительно. Обязанности же ямскаго старосты заключались въ слѣдующемъ: онъ долженъ былъ собирать и представлять въ Москву казенныя подати, напередъ записавъ ихъ въ «разметныя» книги, долженъ былъ вести дѣла даже по суду гражданскому въ своей избѣ и под. Если же ямской староста былъ начальникомъ судныхъ дѣлъ у своей братіи, то естественно, что въ эту должность народъ избиралъ людей болѣе уважаемыхъ, которымъ можно бы было довѣриться и которые, по общему мірскому голосу, признавались честными и разумными. На основаніи этого можно догадываться, что и Ѳедоръ—отецъ преподобнаго Діонисія обладалъ этими пре-

---

Очеркъ этотъ представляетъ подробное обозрѣніе, только, такъ сказать, Тверскаго періода жизни Діонисія, что и составляетъ главнымъ образомъ содержаніе первой главы. Затѣмъ, къ этому очерку присовокуплены самыя краткія и общія свѣдѣнія о дальнѣйшей жизни и дѣятельности Діонисія (стр. 35—52), а въ качествѣ приложенія въ статьѣ нашей являются чудеса преподобнаго—въ количествѣ 13, напечатанныя по рук. Троицк. лавр. биб. № 700. Наконецъ, эта наша статья украшена иконой—портретомъ Діонисія съ его facsimile. (Объ иконѣ, съ которой снято приложенное къ нашей статьѣ изображеніе, см. въ 3 главѣ II части нашего изслѣдованія).

[1]) Отецъ Діонисія былъ старостой только одной слободы, а надъ всѣмъ городомъ начальникомъ былъ городовой прикащикъ—лице высшее старосты (Ист. Биб. Твер. Еп. т. I стр. 13).

красными качествами души. Долго ли и какъ Ѳедоръ проходилъ должность старосты—мы не знаемъ. Только знаемъ, что впослѣдствіи какъ онъ, такъ и его жена постриглись въ монашество подъ именами Ѳеодосія и Юліи. Это узнаемъ изъ надписей, сдѣланныхъ преподобнымъ Діонисіемъ на книгахъ, пожертвованныхъ имъ въ разныя церкви «въ вѣчный поминокъ» по своимъ родителямъ; въ этихъ надписяхъ отецъ и мать Діонисія называются инокомъ и инокиней [1]). Трудно сказать, въ какихъ монастыряхъ они приняли постриженіе и проходили монашеское званіе. Ѳедоръ могъ принять постриженіе въ томъ же Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ, въ которомъ ранѣе постригся сынъ его преподобный Діонисій. Умерли родители преподобнаго Діонисія въ концѣ 1616 г. такъ какъ подъ этимъ годомъ они внесены въ Троицкій лаврскій синодикъ, [1]) и можно предполагать, что погребены были въ Тро-

[1]) Вотъ, напр. надпись преподобнаго Діонисія внизу по листамъ на минеѣ служ. за мѣс. апрѣль, внесенной въ описаніе рукописей Троицк. Л. биб. подъ № 554: «въ лѣто 7131 сентября въ первый день сію святую книгу, глаголемую минею, мѣсяцъ апрѣль далъ въ церковь Господа нашего Іисуса Христа и собора святыхъ всехвальныхъ 12 апостолъ и св. великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя и Іоны, митрополитовъ Кіевскихъ и всея Русіи, въ Троицкую Сергіева монастыря въ Служную слободу Живоначальные Троицы Сергіева монастыря архимандритъ Діонисій по своихъ родителяхъ: инокѣ Ѳеодосьѣ, инокѣ Ульѣ, инокѣ Евфросинѣ, Вассѣ, священникѣ Ѳеодорѣ, Мамельфѣ и по себѣ и по всѣхъ своихъ родителяхъ въ прокъ безъ отдачи—архимандритъ Діонисій». Съ подобною же надписью существуетъ книга Прологъ въ Старицкомъ монастырѣ, только здѣсь почему-то отецъ Діонисія, называясь инокомъ, именуется мірскимъ именемъ Ѳеодора. Вотъ эта надпись: «лѣта 7130 декабря въ 25 день далъ сію святую книгу, рекомую Прологъ, въ домъ Пречистыя Богородицы въ Старицкій монастырь Живоначальные Троицы Сергіева монастыря архимандритъ Діонисій въ вѣчный поминокъ по отцѣ своемъ инокѣ Ѳеодорѣ и по матери своей инокѣ Юлѣе и по своей душѣ и по инокѣ Евфросинѣ, Вассѣ и по всѣхъ своихъ родителехъ во вѣки». (Ист. Биб. Тв. Еп. т. I, стр. 267).

[2]) Въ синодикѣ этомъ подъ годомъ 124 (т. е. 1616) записано: «инока Ѳеодосія, иноку Улію, иноку Евфросинью, Вассу и ихъ сродниковъ», а на верху: Троицкаго архимандрита Діонисія (т. е. родъ). Рук. Троицк. Лавр. Библ. № 41, л. 30.

ицкой обители, такъ какъ въ спискѣ надгробій Троицкаго-Сергіева монастыря, составленномъ въ XVII в., въ числѣ погребенныхъ въ этомъ монастырѣ упомянутъ «родъ Троицкаго архимандрита Діонисія» [1]). Въ связи съ этимъ предположеніемъ можно установить и другое, именно, что Ѳеодоръ проводилъ монашескую жизнь въ самомъ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ умеръ и погребенъ. Но все это не болѣе, какъ предположенія; достовѣрно же извѣстно только то, что родители Діонисія приняли монашество и умерли въ этомъ званіи въ 1616 году; да еще съ полною достовѣрностію можно утверждать, что мать Діонисія умерла даже схимницей. Это можно видѣть изъ того мѣста помянника, помѣщеннаго при первопечатн. служебникѣ 1602 г., гдѣ при перечисленіи рода Діонисія сказано: «инока Ѳеодосія, иноку схимницу Улею, иноку Евфросинію, Вассу»; на поляхъ: «священноархимандрита Діонисія» (т. е. родъ). Эта *схимница Улея*—никто иная, какъ мать Діонисія. (См печ. служ. 1602 г., л. 461 об. при библіотекѣ Моск. Дух. Академіи).

Преподобный Діонисій родился еще тогда, когда родители его были во Ржевѣ; въ крещеніи онъ нареченъ былъ Давидомъ. По мѣсту своего рожденія онъ, обыкновенно, называется Ржевитиномъ, но въ послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ, что помимо этого Діонисій носилъ въ мірѣ и особую фамилію, каковою была *Зобниновскій* [2]). Годъ рожденія Діонисія точно неизвѣстенъ: Симонъ

---

[1]) Вотъ что значится въ этомъ спискѣ надгробій: «по лѣвую сторону той дороги, что ходятъ отъ святыхъ воротъ къ архимаричьямъ кельямъ—родъ Троицкаго архимандрита Діонисія» (т. е. погребенъ). Прилож. къ Ист. Опис. Троицк. Лавры архим. Леонида стр. 91).

[2]) Это видно изъ описной книги Старицкаго монастыря, по которой въ 1607 г. Діонисію былъ переданъ монастырь. Въ книгѣ этой записаны, между прочимъ, вклады, сдѣланные въ монастырь Діонисіемъ еще въ то время, когда онъ былъ священникомъ села Ильинскаго. Пожертвованныя Діонисіемъ священныя облаченія записаны здѣсь слѣдующимъ образомъ: «ризы, стихарь и потрахель и поручи и поясъ дача села Ильинскаго вдоваго священника *Давида Ѳедорова Зобниновскаго*». (См. опис. Тверскаго музея, Археологическій отдѣлъ А. К. Жизневскаго стр. 55—57). Между

объ немъ не упоминаетъ. Но на основаніи нѣкоторыхъ соображеній можно думать, что преподобный Діонисій родился около 1570—71 годовъ [1]). Въ Старицу родители Діонисія переселились тогда, когда ему было около 6—7 лѣтъ. Здѣсь то отрокъ Давидъ

прочимъ, въ Кашинскомъ уѣздѣ (Твер. губ.) есть село *Зобнино;* отсюда съ вѣроятностью можно заключить, что родители преподобнаго Діонисія происходили изъ этого села, отъ имени котораго получили и свою фамилію.

[1]) Вотъ эти соображенія. По постриженіи въ Старицкомъ монастырѣ преподобный Діонисій былъ въ Москвѣ и былъ въ это время (по выраженію Симона) *юнъ лѣты*. А извѣстно, что до постриженія въ монахи онъ былъ еще священникомъ 6 лѣтъ, и слѣд., ко времени посѣщенія имъ Москвы ему было около 31 года, такъ какъ нельзя думать, чтобы по тогдашней церковной практикѣ, онъ былъ поставленъ въ священники моложе 25 лѣтъ (Стогл. гл. 25). Къ тридцатилѣтнему возрасту можно приложить вышеуказанное выраженіе Симона, употребленное, очевидно, въ общемъ смыслѣ: былъ молодъ (не могъ же быть Діонисій тогда юношей *въ буквальномъ смыслѣ*). Время пребыванія Діонисія въ Старицкомъ монастырѣ можно опредѣлить 8—9 годами. Извѣстно, что онъ по поступленіи въ монастырь «по малѣхъ лѣтѣхъ» былъ поставленъ казначеемъ, а «потомъ», говоритъ Симонъ. «онъ избранъ въ архимандриты». «Малыя лѣта», которыя Діонисій провелъ въ монастырѣ до казначейства своего, можно опредѣлить въ 2—3 года, періодъ времени, протекшій между его казначействомъ и архимандритствомъ, по смыслу словъ Симона («потомъ»), долженъ быть очень небольшой (не больше года), а архимандритомъ былъ Діонисій въ Старицѣ съ 1605 г. по 1610 г. т. е. 5 лѣтъ. Послѣ этого онъ былъ архимандритомъ Троицкаго монастыря 23 года. Складывая всѣ эти года (31, 8—9, 23) получимъ 62—63 года; умеръ же преподобный Діонисій въ 1633 году и слѣд., родился около 1570—71 годовъ. Наши догадки нѣсколько подтверждаетъ и слѣдующее обстоятельство. Одинъ священно-инокъ Перфилій, печалился о смерти Діонисія, между прочимъ, потому, что онъ (Діонисій) умеръ «еще не у дозрѣлу въ старости» (Рук. Тр. Л. Б. № 700 л. 58 об). Такое выраженіе можетъ быть вполнѣ примѣнено къ 60-лѣтнему возрасту, потому что этотъ возрастъ не есть еще старческій, а является какъ-бы переходной ступенью къ старости, и слѣд. это такой возрастъ, о которомъ всего лучше сказать: «еще не у дозрѣлу въ старости». Наконецъ, въ Оп. рук. Тр. Л. Биб. находимъ замѣтку составителя «описанія», что преподобный Діонисій умеръ около 60 лѣтъ, хотя основаній для этого не указывается тутъ никакихъ. (Опис. Рук. Тр. Лавр. Библ. № 427).

былъ отданъ «въ наученіе грамотѣ» двумъ Старицкимъ монахамъ Гурію Ржевитину и Герману Стареченину. Слѣдовательно, училище, которое Давидъ посѣщалъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми, находилось при Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ жили учители его. Въ опредѣленіи Стоглава (гл. 26) было постановлено быть училищамъ при домахъ духовныхъ лицъ, но естественно, что учителя—монахи не могли жить и заниматься въ частныхъ своихъ домахъ. Впрочемъ, если первоначальное ученіе Давида падаетъ на то время, когда Германъ былъ еще бѣлымъ священникомъ при Старицкой Предтеченской церкви (см. опис. рук. Троиц. Лавр. биб. № 427), то онъ могъ ходить учиться къ Герману въ его домъ, гдѣ согласно постановленію Стоглава могло быть училище [1]). Такъ какъ учителями въ то время были преимущественно монахи и вообще лица духовныя, да и самое направленіе умовъ нашихъ предковъ было религіозно-нравственное, то понятно, что все обученіе юношества носило религіозный и церковный характеръ. Поэтому-то въ азбуковникахъ древнихъ сама «мудрость» говоритъ ученику, что когда онъ выучитъ азбуку и будетъ знать ее въ совершенствѣ, долженъ выучить потомъ часословъ и псалтирь, и относительно этихъ книгъ выражается такъ, что безъ нихъ и ученія никогда не бываетъ: «ктому не глаголю ти о часословѣ и псалтири, безъ нихъ же сіе не бываетъ», [2]) хотя то, какъ замѣчаетъ г. Мордовцевъ, и въ начальныхъ школахъ тогдашнихъ «ученье не ограничивалось умѣньемъ читать часословъ и псалтирь, а распространялось на другія знанія, бывшія внѣ круга церковныхъ книгъ [3]). Каково было вообще первоначальное обученіе юношества, таково же было и обученіе Давида. Изъ

---

[1]) Что въ древности дѣти собирались въ извѣстномъ домѣ, въ училищѣ и занимались тамъ до вечера или до вечеренъ,—это достовѣрно и доказывается очень многими мѣстами древнихъ азбуковниковъ (Чт. Общ. Ист. и древ. Рос. 1861 г., ч. 4, отд. 1 стр. 5).

[2]) Чт. Общ. Ист. и др. Рос. 1861 г. ч. 4 отд. 1 стр. 29.

[3]) Тамъ же стр. 30.

двухъ учителей его болѣе замѣчателенъ Германъ [1]). Это тотъ самый Германъ Тулуповъ, который извѣстенъ, какъ списатель «Четьи-Миней». Сначала онъ былъ бѣлымъ священникомъ Предтеченской церкви, въ Старицѣ и носилъ имя Юрій; затѣмъ былъ монахомъ Старицкаго монастыря (опис рук. Троицк. Лавр. биб. № 427) [2]). Изъ Старицкаго монастыря онъ перешелъ въ Троицкій, гдѣ во время архимандритства своего ученика и занимался списываніемъ и собираніемъ житій святыхъ. Съ 1627 по 1632 г. онъ написалъ Четьи-Минеи за цѣлый годъ, за исключеніемъ апрѣля мѣсяца. Кромѣ того, онъ собралъ и переписалъ много отдѣльныхъ житій святыхъ, переписалъ также Каноникъ, Минею служебную—мѣсяцъ декабрь, Трефологъ и Прологъ [3]). Трудъ переписки Четьи-Миней Германъ предпринялъ по порученію архимандрита Діонисія. Относительно качества этого труда должно замѣтить, что Германъ старался дать мѣсто въ своемъ сборникѣ Четьи-Миней всему, что находилъ подъ рукою: онъ не только переписывалъ памятники цѣликомъ, но даже охотно помѣщалъ рядомъ разныя редакціи одного и того же памятника; въ этомъ отношеніи онъ отличается отъ другаго списателя Четьи-Миней священника Милютина, который, пользуясь впослѣдствіи трудами Тулунова, старался писать, какъ говоритъ самъ, «съ разумныхъ списковъ тщася обрѣсти правая»,—и дорожа временемъ, сокращалъ и

---

[1]) Въ рукописномъ житіи Діонисія, хранящемся въ Императорской публичной библіотекѣ, учитель Діонисія названъ не Германомъ, а Гермогеномъ. (Опис. рук. и слав. рук. Имп. публ. биб., *Бычкова*, сб. I стр. 110). Но это не вѣрно.

[2]) У Германа отецъ былъ также инокомъ, какъ это видно изъ надписи на рукописи № 171 Моск. Д. Ак.: «книга Іосифа Волоцкаго», которую Германъ Тулуповъ далъ «по отце своемъ инокѣ Іонѣ и матери Марьѣ». (Свѣд. о славянскихъ рук., перешедшихъ изъ Тр. Лавры въ Моск. Д. Ак. архим. *Леонида* II, стр. 25).

[3]) Опис. рук. Тр. Лавр. биб. №№: 303, 514, 628, 695, 696, 699 и 727. Всѣ книги, внесенныя подъ этими номерами, написаны Тулуповымъ. Житіе пр. Сергія и Никона, написанное рукою Германа, исправлялъ и дополнялъ самъ преп. Діонисій (№ 699).

передѣлывалъ памятники, опуская въ житіяхъ предисловія и похвальныя слова [1]). И такъ, мы видимъ, что Германъ былъ очень трудолюбивый переписчикъ. «Между твореніями рукъ человѣческихъ, говоритъ Кассіодоръ, я отдалъ бы преимущество труду переписчиковъ духовныхъ манускриптовъ, если они дѣлаютъ свое дѣло съ самою возможною точностію» [2]); труды Германа не могутъ, къ сожалѣнію, похвалиться этой точностію. Это происходило отчасти отъ того, что онъ очень уже много занимался переписываніемъ и за старостію былъ слабъ зрѣніемъ. Умеръ Германъ въ глубокой старости въ 1637 году, переживши своего ученика на 4 года [3]). О другомъ учителѣ Діонисія Гуріи Ржевитинѣ мы не имѣемъ свѣдѣній.

По отзывамъ названныхъ учителей преподобнаго Діонисія, а равно земляковъ его старца Сергѣя и Никиты Кучина [4]), изъ коихъ первый былъ потомъ келейникомъ Діонисія, а послѣдній слугою, отрокъ Давидъ отличался скромнымъ характеромъ и былъ самымъ прилежнымъ ученикомъ: онъ большею частію уклонялся отъ игръ и разныхъ дѣтскихъ шалостей. Какъ это часто бываетъ во всѣхъ училищахъ, скромность и доброе поведеніе Давида давали случай и поводъ шаловливымъ и рѣзвымъ дѣтямъ посмѣяться и поглумиться надъ нимъ. Дѣти вообще мало сострадательны, и лишь только кто поддается имъ, они нерѣдко обращаютъ того въ свою игрушку. Потому-то скромному мальчику въ школѣ приходится нерѣдко терпѣть отъ товарищей,—получать отъ нихъ разныя щипки, пинки, заушенія и пр. Тоже самое перенесъ въ школѣ и отрокъ Давидъ, такъ что кромѣ разныхъ глумленій и насмѣшекъ, и «язвы отъ нихъ (т. е. отъ товарищей) на тѣлѣ своемъ ношаше». Давида прозвали даже какимъ-то ругательнымъ

---

[1]) Церковно-историч. словарь *Верховскаго* т. I. вып. 1. стр. 141.

[2]) De instit. divin. Script. lib. p. 27—30.

[3]) Рук. Тр. Л. биб. № 41 л. 35.

[4]) Это тотъ самый Никита Кучинъ, которому было видѣніе во снѣ человѣка, давшаго ему складни съ написаннымъ житіемъ преподобнаго Діонисія.

именемъ. Какъ бываетъ даже и доселѣ, въ тогдашнихъ училищахъ въ отношеніяхъ между учениками были разныя ненормальности: они дрались, давали другъ другу прозвища и т. п. Это мы видимъ изъ древнихъ азбуковниковъ, которые предостерегаютъ учениковъ отъ такихъ неразумныхъ шалостей. «Егда же учитель отпуститъ васъ, говорится въ одномъ азбуковникѣ, со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите: шутокъ и кощунствъ, пханія же другъ друга и біенія и рѣзваго бѣганія и каменоверженія и и всякихъ ненадобныхъ дѣтскихъ глумленій да не водворится въ васъ» [1]). Въ другомъ азбуковникѣ прямо говорится: «не потѣсняй мѣстомъ ближняго твоего и не называй прозвищемъ товарища своего» [2]). Отсюда вполнѣ понятными становятся выраженія Симона, въ которыхъ онъ говоритъ, что дѣти глумились надъ Давидомъ, «кличь творяще»—это просто значитъ: ругали его какимъ нибудь прозвищемъ, или: «ово длани своя согнувше, біяху пхающе»; т. е. дрались кулаками; или наконецъ: «ово свертки холщевые въ рукахъ имуще, уязвляху святаго» [3]), т. е. хлестали Давида холщевыми, скрученными изъ полотна жгутами. И такъ, Давиду, какъ мальчику скромному, порядочно пришлось перенести непріятностей въ школѣ, что не осталось, конечно, безъ вліянія на образованіе его характера. Однако Давидъ въ школѣ не былъ забитъ ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ: онъ не сдѣлался ни озлобленнымъ, ни запуганнымъ, какъ это случается съ нѣкоторыми мальчиками. Сколько школа принесла ему пользы въ образовательномъ отношеніи—не извѣстно: не себѣ ли больше, чѣмъ школѣ онъ обязанъ тѣми свѣдѣніями и тѣмъ умственнымъ развитіемъ, которыя проявились въ его послѣдующей многосторонней дѣятельности. Впрочемъ, и въ школѣ онъ былъ замѣченъ со стороны талантливости отцемъ своимъ духовнымъ Григоріемъ, который удивлялся его смиренію и крѣпкому разуму, а потому ставилъ его въ примѣръ своимъ дѣтямъ: «зрите, гово-

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и др. рос. 1861 г. ч. 4, отд. 1, стр. 21—22.

[2]) Тамъ же стр. 8.

[3]) Житіе преп. Діонисія стр. 11.

рилъ онъ, чада моя, сего сына моего духовнаго, сей нѣкогда будетъ намъ отцемъ» [1]). Обучался Давидъ, надо думать, не короткій срокъ, потому что Симонъ окончаніе образованія Давида и его совершенный возрастъ ставитъ рядомъ. — Неизвѣстно, впрочемъ, сколько именно времени продолжалось обученіе Давида въ школѣ, но только что будучи отъ природы скромнымъ и тихимъ, Давидъ, по окончаніи ученья, достигши «совершеннаго возраста», хотѣлъ постричься въ монашество. Желаніе Давида поступить въ монастырь, можетъ быть, обусловливалось не только однимъ стремленіемъ отрѣшиться отъ міра, а и тѣмъ, чтобы въ монастырѣ удовлетворить пробудившейся въ немъ жаждѣ знанія. Даровитый отъ природы юноша, онъ, отвѣдавъ сладости знанія, почувствовалъ потребность болѣе совершеннаго знанія и просвѣщенія; а гдѣ было искать болѣе полнаго и высшаго удовлетвотворенія этой жаждѣ духа въ то время, когда школъ было такъ мало, да и тѣ доставляли ученикамъ самыя скудныя знанія? Только въ монастыряхъ и можно было находить тогда утоленіе этой жажды. Книжное богатство монастырей и сосредоточеніе въ нихъ просвѣщенія привлекали туда юношей, которые ради этого оставляли дома и поступали въ монастырь [2]). Но желаніе Давида расходилось съ желаніями родителей его: послѣднимъ непремѣнно хотѣлось, чтобы сынъ женился. Вопреки внутреннимъ влеченіямъ своимъ онъ, всегда послушный, исполнилъ волю родителей: женился на нѣкоей дѣвицѣ Вассѣ. Женившись же, онъ, вмѣсто монашескаго званія, принялъ на себя священническое, каковаго сана, по свидѣтельству Симона, былъ сподобленъ «благочестія его ради». По предполагаемому нами вычисленію, это было около 1595—96 годовъ. Священникомъ Давидъ былъ опредѣленъ къ церкви

---

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 11.

[2]) Извѣстно, что нѣкоторые постриженники старались выбрать для себя такой монастырь, въ которомъ больше книгъ. Такъ инокъ Сергіевой Лавры пр. Епифаній пишетъ о св. Стефанѣ Пермскомъ, что онъ потому самому избралъ для иноческой жизни Ростовскій Богословскій монастырь, «яко многи книги бяху ту» (Пр. Соб. 1858, ч. 1, стр. 503).

Богоявленія Господня,—въ село Ильинское, отстоящее отъ Старицы въ 12 верстахъ, гдѣ и прослужилъ въ званіи священника 6 лѣтъ. Объ его жизни и дѣятельности за этотъ періодъ времени намъ ничего не извѣстно. По прошествіи же шести лѣтъ супружеской жизни жена Давида умерла [1]), тогда же умерли и два сына его Василій и Косьма. И вотъ Давидъ снова сдѣлался свободенъ отъ брачныхъ узъ и вмѣстѣ отъ связей съ міромъ.

Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ въ молодомъ священникѣ со всею силою проснулись прежнія влеченія къ монашеству. Смерть жены и смерть двухъ сыновей были ему какъ бы еще новымъ указаніемъ перста Божія, призывавшаго его къ новому званію. Кромѣ того въ тогдашнее время положеніе вдоваго священника было очень стѣснено: онъ не имѣлъ права служить литургію (Стогл. гл. 77—8). Поэтому то Давидъ, нисколько не медля, оставляетъ свой приходъ, оставляетъ и свой домъ и отправляется въ Старицу съ твердымъ намѣреніемъ принять въ тамошнемъ Успенскомъ монастырѣ постриженіе въ монашество, что дѣйствительно и исполнилъ, назвавшись при постриженіи именемъ Діонисія; это было около 1601—1602 г. Постригалъ Діонисія, вѣроятно, архимандритъ Пименъ, бывшій въ то время настоятелемъ Старицкаго монастыря, такъ какъ за нимъ непосредственно настоятелемъ называется Діонисій [2]). Какъ монахъ по призванію, а не по случаю или разсчету, Діонисій, поступивши въ монастырь, сталъ проводить жизнь истинно монашескую, «подвизаяся о спасеніи своемъ, якоже отъ юности своея извыче» [3]). Съ этого же времени извѣстія объ немъ становятся какъ будто опредѣленнѣе. Можно думать, что вскорѣ же послѣ постриженія онъ былъ замѣченъ съ хорошей стороны монастырскими властями, потому что, хотя онъ еще не занималъ въ монастырѣ

---

[1]) Имя Вассы значится во всѣхъ надписяхъ на книгахъ, данныхъ Діонисіемъ на поминовеніе своихъ родственниковъ (см. выше стр. 39 прим. 1), а также въ Лаврскомъ синодикѣ (Рук. Тр. Л. биб. № 41, л. 30).

[2]) Истор. Биб. Тв. Еп. т. I.

[3]) Житіе Діонисія стр. 12—13.

никакой должности, однако ему поручаютъ вмѣстѣ съ другими монахами поѣздку въ Москву для церковныхъ требъ монастыря; а такъ какъ потребы эти касались, между прочимъ, и церковныхъ книгъ, то Діонисій отправленъ былъ въ Москву за книгами естественно потому, что онъ замѣченъ былъ властями со стороны его начитанности и образованности. Вполнѣ вѣроятно, что въ періодъ іеромонашества своего въ Старицкомъ монастырѣ, какъ во время болѣе свободное, Діонисій путемъ чтенія обогатилъ себя знаніями, преимущественно, конечно, богословскими Въ упомянутую поѣздку въ Москву какой-то негодный человѣкъ нанесъ Діонисію то оскорбленіе, о которомъ довольно подробро разсказываетъ Симонъ Азарьинъ. Однажды преподобный Діонисій вышелъ на торгъ для покупки книгъ. Здѣсь нѣкто, увидя среди народа молодаго, красиваго, высокаго и цвѣтущаго здоровьемъ монаха, соблазнился и сначала подумалъ про себя, что такой монахъ врядъли можетъ удержаться отъ соблазновъ плоти, а потомъ высказалъ эту мысль Діонисію и высказалъ въ такой грубой формѣ, что, по выраженію Симона, «не токмо инокамъ, но и мірскимъ человѣкомъ нелѣпо слышать» это [1]). Но на эту грубую выходку смиренный Діонисій нисколько не разсердился, но кротко сказалъ: «ей, брате, тако, якоже ты помыслилъ еси о мнѣ и таковъ есмь азъ грѣшный, якоже изреклъ еси: Богъ тебѣ о мнѣ, открылъ. Аще бы азъ истинный инокъ былъ, не быхъ по торжищу сему бродилъ, и не скиталбыхся сице между мірскими людьми, но сидѣлъ бы въ своей келіи, прости мя Бога ради грѣшнаго, яко безуменъ есмь» [2]). Конечно, такой отвѣтъ преподобнаго на грубую брань произвелъ на окружающихъ очень сильное впечатлѣніе въ его пользу, и потому то бывшіе тутъ всѣ «на глумника того крикнуша, буимъ и невѣжею нарицающе его». Но смиренію Діонисія еще не былъ тутъ конецъ,—онъ опять кротко говоритъ: «ни, братіе, азъ буй и невѣжа есмь, тойже, яко отъ Бога посланъ и глаголы его ко мнѣ вси праведны суть на утвержденіе

---

[1]) Житіе Діонисія стр. 13.

[2]) Житіе Діонисія стр. 13—14.

мое, да не буду впредь по торжищу сему скитатися, и пребуду въ келіи своей» [1]). Это новое и сильнѣйшее проявленіе христіанскаго смиренія подѣйствовало и на самого «глумника», и онъ сознаналъ свою дерзость и испросилъ прощенія. Этотъ случай въ Москвѣ въ первый разъ со всею ясностію обнаружилъ тѣ главныя черты характера преподобнаго Діонисія—кротость и добродушіе, которыми онъ потомъ руководился во все время своего настоятельства въ Троицкомъ монастырѣ.

Замѣченный еще раньше монастырскими властями, Діонисій скоро по возвращеніи своемъ изъ Москвы въ свой монастырь былъ поставленъ казначеемъ монастыря, а потомъ и архимандритомъ.

Въ которомъ году преподобный Діонисій былъ сдѣланъ архимандритомъ Старицкаго монастыря? Извѣстно, что 10 іюня 1605 года первый патріархъ Іовъ былъ сверженъ съ патріаршаго престола по тонко высказанному желанію Лжедимитрія 1, который въ грамотѣ въ Москву писалъ, что онъ только тогда вступитъ въ Москву, когда враги его будутъ истреблены до послѣдняго. Въ числѣ этихъ враговъ былъ и Іовъ. Поэтому-то онъ и подвергся сверженію съ патріаршаго престола и былъ сосланъ на изгнаніе въ городъ Старицу—въ тотъ самый Успенскій монастырь, въ которомъ онъ былъ постриженъ и нѣкоторое время настоятельствовалъ. Въ этомъ-то монастырѣ встрѣчаетъ его *архимандритъ* Діонисій, который, угостивъ приставовъ, прибывшихъ съ патріархомъ, отпустилъ ихъ и явился къ Іову. Хотя было приказано держать Іова какъ можно строже,—«во озлобленіи скорбнемъ»; но Діонисій напротивъ постарался сблизиться со сверженнымъ патріархомъ и сталъ испрашивать у него наставленій и приказаній, при чемъ старался успокоить невиннаго страдальца [2]). И такъ,

---

[1]) Житіе Діонисія стр. 14.

[2]) Эти извѣстія сохранились въ рук. Сав.—Стар. монастыря № 84 въ статьѣ «исторія о первомъ Іовѣ патріархѣ,» а также въ рукописяхъ Румянцевскаго музея №№ 156, 39, 364 (См. *Востокова*, опис. Румянц.

если Діонисій встрѣчаетъ Іова въ званіи архимандрита монастыря, то ясно, что онъ былъ поставленъ на этотъ постъ ранѣе, т. е. до 10 іюня 1605 г. Поэтому то, обыкновенно, на 1605 г. указываютъ, какъ на годъ назначенія Діонисія на архимандрію въ Старицкій монастырь [1].

И это должно признать вѣрнымъ. Но существуютъ однако извѣстія, которыя, повидимому, ясно доказываютъ, что Діонисій въ это время не могъ быть Старицкимъ архимандритомъ. Такихъ извѣстій два. Во первыхъ «описная книга» Старицкаго монастыря, по которой имущество монастыря послѣ прежняго архимандрита Пимена передавалось Діонисію [2]. Такъ какъ такія описи производились при каждой перемѣнѣ монастырскаго настоятеля [3], а опись, по которой передано имущество монастыря Діонисію, помѣчена 1607 годомъ, августа 6 днемъ, то слѣдовательно назначеніе Діонисія въ настоятели произошло только въ этомъ году (1607). Другое извѣстіе, стоящее въ противорѣчіи съ указаніемъ на 1605 годъ, какъ на время назначенія Діонисія архимандритомъ въ Старицу, находится у Симона Азарьина. Симонъ Азарьинъ говоритъ, что преподобный Діонисій въ званіи архимандрита пробылъ въ Старицкомъ монастырѣ «мало больше двухъ лѣтъ». А извѣстно, что послѣ настоятельства въ Старицѣ Діонисій прямо былъ назначенъ въ архимандриты къ Троицѣ, что было въ началѣ 1610 года, и слѣдовательно архимандритомъ въ Старицу онъ былъ назначенъ не раньше конца 1607 года и не позже начала 1608. Извѣстіе Симона тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно записано имъ со словъ самого Діонисія: «якоже самъ повѣда».

музея подъ указанными номерами). Но мы, не имѣя подъ руками этихъ рукописей, изложили эту исторію по Макарію (т. 10, стр. 95—96).

[1]) Такъ опредѣляется годъ назначенія Діонисія въ архимандрита у Макарія (т. 10), въ исторіи Рос. Іерарх. т. 6, стр. 296, въ Чтен. Общ. Люб. 1865 г. ч. 2, стр. 26.

[2]) Ист. Биб. Твер. Еп. т. 1, гдѣ находится на первомъ планѣ и эта «описная книга» 1607 г. авг. 6.

[3]) Ист. Биб. Твер. Еп. т. 1, стр. 83—84.

Обратимся къ разбору перваго извѣстія, сохранившагося въ «Описной книгѣ.» Дѣйствительно, нельзя спорить противъ того, что описи монастыря производились не періодически, т. е. не по истеченіи извѣстнаго времени, напримѣръ—десятилѣтія, а только при каждой перемѣнѣ настоятеля монастыря. Съ другой стороны нужно признать вообще вѣрнымъ и то, что эта опись по возможности производилась вскорѣ по назначеніи новаго настоятеля. Но значитъ-ли все это, что не могло быть никакихъ отступленій отъ этихъ правилъ? Если случалось, что обстоятельства задерживали обнародованіе или изданіе указовъ или какихъ-либо грамотъ, имѣвшихъ государственное значеніе, то что удивительнаго, что дѣла менѣе важныя откладывались иногда на неопредѣленный срокъ?! Дѣло въ томъ, что опись монастыря производилась «по Государевѣ и царевѣ грамотѣ» [1]). А Государь и его правительство на Руси около 1605 года были такъ заняты другими дѣлами, не терпѣвшими отлагательства, что они никакъ не могли обратить вниманіе, что тамъ въ какомъ-то монастырѣ пора быть описи. Когда Діонисій былъ назначенъ архимандритомъ, тогда приближалось появленіе самозванца въ Москвѣ; было-ли это назначеніе еще при Борисѣ (ум. 1605 г. апр. 13), или его сынѣ Ѳедорѣ—все равно: вниманіе всѣхъ царевыхъ органовъ было поглощено приближеніемъ Лжедимитрія къ Москвѣ. Однимъ словомъ, скорому изданію грамоты объ описи попрепятствовало наступавшее смутное время. Что эта грамота не была послана при Лжедимитріи 1, то это опять понятно: дѣлъ и безъ того было ужасно много. Царь Шуйскій со своимъ правительствомъ тоже былъ постоянно занятъ смутой и не вдругъ удосужился дать такую грамоту [2]). И такъ, царской грамоты о передачѣ архимандриту Діонисію монастыря долго не издавалось по смутнымъ обстоятельствамъ: тогда, несомнѣнно, объ этомъ маловажномъ сравнительно съ другими дѣлѣ совсѣмъ за-

---

[1]) Истор. Библ. Твер. Епар. т. I, стр. 83.

[2]) Стоитъ замѣтить, что эта грамота выдана тогда когда у Шуйскаго дѣла было нѣсколько поправились; т. е. послѣ разрѣшенія, которое далъ народу Іовъ.

были. На это указалъ и Преосвященный Макарій [1]). Но что всего интереснѣе,—такъ это то, что таже самая опись, на основаніи которой можно бы утверждать, что Діонисій былъ поставленъ въ архимандриты въ 1607 году, даетъ намъ доказательство, что онъ поставленъ раньше этого года. На страницѣ 25-й читаемъ: «7115 года октября въ 20 день (т. е. чуть не за годъ до описи) далъ въ домъ Пречистыя Богородицы святѣйшій Іовъ патріархъ московскій и всея Русіи при своемъ животѣ по своей душѣ и по своихъ родителяхъ, *при архимандритѣ Діонисіѣ* Божія милосердія» [2]), и потомъ перечисляется много образовъ, пожертвованныхъ Іовомъ. Значитъ, 20 октября въ 1606 году Діонисій уже былъ архимандритомъ, хотя еще ему и не сданъ былъ монастырь по описи. Такъ устраняется мнѣніе, которое бы можно обосновать на «Описи», что Діонисій былъ назначенъ архимандритомъ въ Старицкій Успенскій монастырь—въ 1607 году.

Гораздо больше вниманія заслуживаетъ другое извѣстіе, сохранившееся у Симона. Тутъ, кажется, не можетъ быть никакихъ споровъ и объясненій: дѣло основано на ариѳметикѣ. Если Діонисій былъ назначенъ на архимандрію въ Троицкій монастырь въ 1610 году, а предъ этимъ «два года съ небольшимъ» былъ настоятелемъ въ Старицкомъ монастырѣ, то ясно, какъ Божій день, что въ Старицу настоятелемъ онъ былъ назначенъ въ 1610 году—(минусъ) 2 года съ небольшимъ, т. е. въ 1607—8 году.

Но это только такъ кажется. Не заподозрѣвая Симона въ этомъ случаѣ въ невѣрности сообщенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ думаемъ согласить его извѣстіе съ нашимъ мнѣніемъ о годѣ назначенія Діонисія въ архимандриты Старицкаго монастыря. Но для этого напередъ намъ нужно изложить ходъ нѣкоторыхъ событій того времени и указать, когда, гдѣ и какое дѣятельное участіе принималъ преподобный Діонисій въ этихъ событіяхъ. Какъ будто

---

[1]) *Макарій.* Исторія Русск. церкви т. X, стр. 96 прим.

[2]) Истор. Библ. Твер. Епар. т. 1, стр, 25. Тоже можно выводить изъ того извѣстія, что въ этой описи упоминаются вещи, поступившія уже въ монастырь *въ прибыль* при архимандритѣ Діонисіи (стр. 63—66).

говорить о дѣятельности Діонисія въ званіи архимандрита раньше окончательнаго установленія года его назначенія въ архимандриты представляется преждевременнымъ, но такъ какъ знакомство съ этой самой дѣятельностью даетъ намъ возможность сдѣлать нѣкоторые выводы, могущіе послужить къ примиренію двухъ разнорѣчивыхъ извѣстій о первомъ годѣ архимандритства Діонисія, то мы и рѣшились сказать объ ней раньше.

Царствованіе Василія Шуйскаго все прошло въ смутахъ. Не болѣе, какъ черезъ два мѣсяца послѣ вѣнчанія Василія, разнесся слухъ, что Димитрій, котораго убили въ Москвѣ, живъ и убѣжалъ въ Польшу. Вмѣстѣ съ этимъ началось и движеніе въ пользу новаго Лжедимитрія, и прежде всего вся Сѣверская земля приняла его сторону. Во главѣ этого новаго движенія стоялъ нѣкто Болотниковъ: онъ именемъ Димитрія собиралъ около себя казаковъ и бѣглыхъ людей, возбуждая ихъ противъ владѣльцевъ. Движеніе это мало по малу приняло очень грозные размѣры. Изъ Сѣверской земли, гдѣ оно началось, Болотниковъ съ огромной толпой всякаго сброду подвигался къ Москвѣ и по дорогѣ ему сдавались новые города. 2 декабря онъ уже былъ въ селѣ Коломенскомъ. Но такъ какъ въ средѣ полчищъ Болотникова проявилось недовольство дворянъ и боярскихъ дѣтей тѣмъ, что холопы хотятъ быть равными имъ, то они начали отступать отъ него. И Болотниковъ былъ отбитъ Скопинымъ-Шуйскимъ и ушелъ въ Калугу.

Послѣ этого царь Василій задумалъ устроить торжественную религіозную церемонію, чтобы нравственно подѣйствовать на народъ, который, конечно, чувствовалъ себя тогда очень плохо, такъ какъ на глазахъ его въ нѣсколько лѣтъ совершилось столько кровавыхъ событій, виновникомъ которыхъ онъ (народъ) могъ считать и себя: онъ столько разъ присягалъ и столько разъ измѣнялъ присягѣ. Для этого-то, по совѣту съ патріархомъ Гермогеномъ, царь вознамѣрился вызвать заключеннаго въ Старицѣ патріарха Іова, чтобы послѣдній вмѣстѣ съ Гермогеномъ простилъ и разрѣшилъ православныхъ христіанъ въ ихъ клятвопреступленіяхъ, которыя народъ допустилъ еще при патріаршествѣ Іова. И вотъ, за

Іовомъ были отправлены въ 1607 году 5 февраля митрополитъ Сарскій и подонскій Пафнутій, Симоновскій архимандритъ Пименъ, архидіаконъ Алимпій; 14 февраля того же года Іовъ уже пріѣхалъ въ Москву, а 20 числа совершилъ то, для чего пріѣзжалъ. Не имѣя на то положительныхъ указаній, мы догадываемся всетаки, что вмѣстѣ съ Іовомъ отправился тогда въ Москву и архимандритъ Діонисій. Патріархъ Іовъ, который, конечно, полюбилъ Діонисія за его услужливость и истинно-христіанскую жизнь, могъ пригласить Діонисія сопутствовать ему въ такомъ важномъ путешествіи, да и самъ Діонисій могъ имѣть внутреннее побужденіе отправиться съ патріархомъ. Если впослѣдствіи, какъ увидимъ, онъ такъ горячо относился къ разнымъ государственнымъ бѣдамъ, то, конечно, и теперь имѣлъ сердечное влеченіе видѣть, въ какомъ положеніи находится Москва, а если будетъ нужно, то и самому вложить долю труда въ предпринимаемое царемъ дѣло. Если эту догадку нельзя признать за несомнѣнную истину, то во всякомъ случаѣ можно признать за очень вѣроятное предположеніе [1]). Въ это-то съ вѣроятностію предпологаемое нами посѣщеніе Діонисіемъ Москвы вмѣстѣ съ Іовомъ патріархъ Гермогенъ и могъ въ первый разъ познакомиться съ преподобнымъ. Хотя Діонисій по своему характеру былъ нисколько не похожъ на Гермогена, потому что одинъ изъ нихъ—Гермогенъ—былъ суровъ, тяжелъ въ обращеніи, строгъ и сердитъ,—другой—Діонисій—былъ всегда спокоенъ, кротокъ и благодушенъ, однако эти двѣ личности имѣли то общее, что обѣ были одинаково прямодушны, честны, благочестивы и одинаково любили отечество. При первомъ же знакомствѣ съ Діонисіемъ Гермогенъ не могъ не замѣтить тѣхъ высокихъ чертъ души его, которыми преисполненъ былъ самъ, а замѣтивъ не могъ не обратить на него особеннаго вниманія. Все это, говоримъ мы, произошло въ первое знакомство Діонисія съ Гермогеномъ, — и это

---

[1]) Авторъ статьи къ Чтен. Общ. Люб. дух. прос. за 1865 г. 2 за несомнѣнное пологаетъ, что Діонисій вмѣстѣ съ патріархомъ Іовомъ былъ въ Москвѣ (стр. 27).

тѣмъ болѣе вѣроятно, что спустя годъ послѣ этого, по извѣстію Симона, мы видимъ Діонисія уже въ большой любви у Гермогена. Въ этотъ же пріѣздъ преподобнаго Діонисія въ Москву онъ могъ дать движеніе тому дѣлу, о которомъ въ Москвѣ за смутами позабыли, т. е. могъ ускорить дѣло о высылкѣ грамоты, по которой бы можно произвести опись въ Старицкомъ монастырѣ. И дѣйствительно, такая грамота была получена въ Старицѣ въ томъ же 1607 году. Сдѣлавши свое дѣло, Іовъ опять возвратился въ Старицу, а съ нимъ и преподобный Діонисій, котораго видимъ при погребеніи патріарха Іова, [1]) окончавшагося въ томъ же году 19 іюня и погребеннаго при Старицкомъ монастырѣ, откуда потомъ мощи его были перенесены въ Москву [2]).

Между тѣмъ царь Василій Шуйскій снова принужденъ былъ имѣть дѣло съ Болотниковымъ и Лже-петромъ, называвшимся сыномъ Ѳеодора Ивановича. На этотъ разъ Болотниковъ съ своими шайками былъ осажденъ въ Тулѣ и принужденъ былъ сдаться, такъ какъ, благодаря догадкѣ боярскаго сына Кравкова, Тула была затоплена. Взятыхъ въ плѣнъ Болотникова утопили, а Лже-петра повѣсили. Но это не остановило движенія, поднявшагося въ сѣверской землѣ. Тамъ по прежнему поддерживалась мысль, что Димитрій живъ, и вотъ наконецъ 1-го августа 1607 года въ

---

[1]) Истор. Библ. Твер. Епар. т. 1, стр. 5—6, прим.

[2]) Впослѣдствіи при Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1652 году, когда были обрѣтены мощи Іова, преп. Діонисій въ ночь предъ тѣмъ, когда были намѣрены выйти съ мощами Іова въ Москву, явился въ Старицкомъ монастырѣ м. Варлааму Ростовскому, который находился въ церкви и молился предъ заутреней Богу. „Предъ заутренями стоящу митрополиту на своемъ мѣстѣ (свидѣтельствуетъ Симонъ) молитву изъ устъ Господу Богу приносящу и мнѣвщему ему сонъ зрѣти, слышитъ глаголющихъ, повѣдающихъ ему пришествіе къ нему архимандрита Діонисія. Онъ же зритъ его вшедша, кадильницу въ руку имуща и угліе раздувающа, и первое покадивъ образы, потомъ его покадивъ, и абіе возбнувъ и бысть въ себѣ; тойже невидимъ бысть отъ очію его, точію благоуханіе веліе ощутивъ, дивяся въ мысли своей о таковомъ видѣніи“ (Рук. Тр. Лавр. Б. № 700, л. 79 об.).

Стародубѣ проявился тотъ, въ пользу котораго еще никѣмъ невиданнаго и не знаемаго совершалось движеніе. Около этого-то лица и собрались бродячія польскія дружины подъ предводительствомъ Сапѣги и Лисовскаго, а равно казаки и бѣглецы, и съ этими полчищами новый Лжедимитрій сталъ подвигаться къ Москвѣ, и чѣмъ ближе подвигался, тѣмъ грознѣе становилось это движеніе. Въ Москвѣ же, между тѣмъ, волненія противъ Шуйскаго и недовольства его правленіемъ все болѣе увеличивались. Наконецъ, новый самозванецъ въ концѣ іюня 1608 года утвердился въ Тушинѣ въ 12 верстахъ отъ Москвы. Съ этого времени положеніе царя Василія въ Москвѣ стало самое жалкое: имъ, по выраженію современниковъ, играли какъ ребенкомъ. Всякій, кто имѣлъ какое-либо неудовольствіе на Шуйскаго, бѣжалъ въ Тушино, а такихъ было очень много. Были неоднократные бунты противъ Шуйскаго. «А въ Москвѣ народи, возмутившись, говоритъ Симонъ, собирахуся часто и прихождаху къ своему Государю царю и великому князю Василію Іоанновичу всея Руссіи съ великимъ шумомъ, вопіюще нелѣпыми глаголы на помазанника Божія, хотяху посохъ царскій отъ его царскихъ рукъ исхитить и съ царства свести» [1]. Въ это время для поддержанія царской власти Шуйскаго и выступила великая нравственная сила, носителемъ которой явился патріархъ Гермогенъ: онъ горой стоялъ за права Шуйскаго и тѣмъ еще долго поддерживалъ упадающую власть его. А подлѣ Гермогена въ это же время мы уже видимъ вѣрнаго помощника въ лицѣ Діонисія—твердаго въ дѣлахъ вѣры и правды. По сказанію Симона Азарьина, дѣятельность преподобнаго Діонисія на Москвѣ обнаруживалась тогда въ двухъ сферахъ: во-первыхъ онъ вмѣстѣ съ Гермогеномъ постоянно отправлялъ церковную службу, а во вторыхъ вмѣстѣ съ нимъ же бывалъ на совѣтахъ у царя и выходилъ для усмиренія бунтовавшагося народа. Усердіе Діонисія къ церковной службѣ было такъ велико, что самъ патріархъ—этотъ адамантъ—дивился его бодрости. Гермогенъ ставилъ его въ образецъ своей паствѣ: «зрите, говорилъ онъ, на Старицкаго архимандрита, какъ онъ сподвизаяся, отъ соборныя

[1]) Житіе пр. Діонисія стр. 17.

церкви никогда не отлучается» [1]). Также усердно подвизался Діонисій съ Гермогеномъ и въ дѣлѣ усмиренія бунтовавшихся: «онъ всегда былъ на царскихъ и всемірныхъ» соборахъ, «во всемъ способствуя самодержцу и патріарху» [2]). Если подъ царскими соборами должно разумѣть совѣщанія царя, для котораго онъ приглашалъ и патріарха съ Діонисіемъ, то подъ «всемірными» нужно видѣть тѣ шумныя собранія народа [3]), гдѣ противники царя требовали сверженія его, а патріархъ и Діонисій увѣщевали возмущавшуюся толпу быть послушными власти. Діонисій свои увѣщанія народа заимствовалъ отъ Священнаго Писанія и не рѣдко сопровождалъ ихъ слезами. Заступничество патріарха и Діонисія за царя иногда вызывало въ буйной толпѣ оскорбленія и побои, которыя сыпались на заступниковъ. Таковъ былъ особенно случай въ 1609 году 19 февраля. Тогда взбунтовавшаяся толпа, руководимая Григоріемъ Сумбуловымъ, княземъ Романомъ Гагаринымъ и Тимоѳеемъ Грязнымъ, стала требовать сверженія царя Василія. Эта толпа вышла на Красную площадь и потребовала патріарха; но когда тотъ не хотѣлъ идти, заговорщики потащили его насильно, подталкивая его сзади и всячески ругаясь надъ нимъ,— обсыпая его пескомъ, соромъ и смрадомъ. Не смотря на такія насилія, Гермогенъ крѣпко всталъ за царя. Ему кричитъ толпа: «князь Василій Шуйскій нелюбъ намъ на царствѣ; онъ тайно убиваетъ и сажаетъ нашу братію въ воду», а онъ отвѣчаетъ вопросомъ: «а кого же казнилъ Шуйскій»,—и толпа молчитъ. Ему кричатъ: «изъ за Василья кровь льется и земля не умирится, пока онъ будетъ на царствѣ; его одна Москва выбрала, а мы хотимъ избрать новаго царя»; а онъ отвѣчаетъ: «до сихъ поръ Москва всѣмъ городамъ указывала, а ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Астрахань и никакой другой городъ не указывалъ Москвѣ;

---

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 15.

[2]) Житіе преп. Діонисія стр. 16 и 17.

[3]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи т. 8, стр. 439. Подъ всемірными соборами нельзя разумѣть земскіе соборы, потому что за тотъ періодъ времени ихъ не было.

а что кровь льется, то это дѣлается по волѣ Божіей, а не по хотѣнію вашего царя» [1]). Хотя толпа послѣ этого устремилась во дворецъ къ самому царю; но все это кончилось ничѣмъ: твердость Гермогена спасла тогда царю власть. Когда Гермогенъ такъ геройски защищалъ царя, то тутъ во все время находился подлѣ него и преподобный Діонисій. Онъ вмѣстѣ съ нимъ перенесъ и побои и поруганія и «ни мало въ таковыхъ бѣдахъ не отступи отъ патріарха», но умолялъ народъ отъ Божественныхъ книгъ оставить безчинства. Сказавъ объ этомъ, Симонъ прибавляетъ: «якоже мнози о семъ самовидцы свидѣтельствуютъ, дивящеся многому дорзновенію и разуму его, отъ инѣхъ же и писаніемъ извѣстихся» [2]).

Итакъ, еще будучи Старицкимъ архимандритомъ, преподобный заявилъ себя со стороны охраненія Москвы и народа отъ волненій и бунтовъ, и тогда же, такимъ образомъ, всталъ впервые на постъ оберегателя отчизны отъ козней измѣнниковъ, на которомъ онъ такъ доблестно стоялъ, будучи потомъ Троицкимъ архимандритомъ. Важно бы для насъ опредѣлить, когда преподобный Діонисій явился изъ Старицы въ Москву, чтобы здѣсь стать, такъ сказать, правой рукой патріарха. Изъ сказаннаго раньше видно, что во время стоянки втораго самозванца въ Тушинѣ онъ былъ уже въ Москвѣ. Но какъ можно догадываться по смыслу сказанія Симона, онъ явился въ Москву раньше появленія Лжедимитрія II въ Тушинѣ, потому что прежде чѣмъ сказать о Тушинской стоянкѣ самозванца и о бѣдствіяхъ, бывшихъ отъ того въ Москвѣ, о бунтахъ противъ царя, Симонъ уже говоритъ о Діонисіи,—о томъ, какъ онъ пріобрѣлъ великую любовь у Гермогена, какъ вмѣстѣ съ нимъ совершалъ службы, какъ Гермогенъ ставилъ Діонисія въ примѣръ духовенству и пр. Если это обстоятельство не даетъ намъ права рѣшительно утверждать, что Діонисій явился въ Москву раньше появленія самозванца въ Тушинѣ, то по крайней мѣрѣ оно дѣлаетъ возможнымъ предполагать

---

[1]) Акты Арх. Эксп. т. 2.

[2]) Житіе преп. Діонисія стр. 18.

это. Очень возможно, что какъ только стали разноситься болѣе тревожные слухи о самозванцѣ и какъ только открылась важность приближавшихся событій, патріархъ сознаръ необходимость составить крѣпкую охрану царя и потому постарался собрать около себя единомышленныхъ лицъ, проникнутыхъ истинною преданностію царю и отечеству и вмѣстѣ горячихъ ревнителей по вѣрѣ,—и тогда-то вотъ онъ могъ вспомнить о Старицкомъ архимандритѣ, который оставилъ по себѣ въ душѣ патріарха пріятное воспоминаніе еще въ пріѣздъ свой съ Іовомъ. Вспомня объ немъ, Гермогенъ разсчиталъ, что Діонисій и былъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, какія ему тогда были нужны, и онъ не ошибся. Въ виду этого можно предположить, что при первыхъ слухахъ о самозванцѣ, т. е. въ августѣ или сентябрѣ 1607 года патріархъ позвалъ къ себѣ Старицкаго архимандрита. Діонисій явился тогда въ Москву и уже не возвращался въ Старицу до своего назначенія на архимандрію въ Троицѣ. Могло, конечно, случиться, что Діонисій явился въ Москву тогда и по другимъ какимъ обстоятельствамъ, намъ вовсе неизвѣстнымъ, но что послѣ этого своего пріѣзда въ Москву онъ уже не возвращался въ Старицу—это не подлежитъ сомнѣнію въ виду такихъ выраженій Симона: Діонисій служилъ въ церкви «ни мало не отлучаяся», или «отъ соборныя церкви никогда не отлучается», «на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда обрѣтается», «всегда съ патріархомъ у царя Василія на таковыхъ соборахъ прилучается» [1]). Нельзя же предположить для объясненія этихъ выраженій, что Діонисій всякій разъ, какъ происходилъ какой нибудь соборъ или обнаруживался бунтъ въ Москвѣ, пріѣзжалъ изъ Старицы и потомъ опять уѣзжалъ до перваго случая. Нѣтъ: ясно, что онъ *постоянно* жилъ въ Москвѣ и былъ постояннымъ участникомъ въ царскихъ и всемірныхъ соборахъ вмѣстѣ съ Гермогеномъ, который, конечно, и удержалъ его въ Москвѣ.

Слѣдовательно, въ званіи Старицкаго архимандрита Діонисій значительную, если не большую часть времени, провелъ въ Мо-

---

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 15, 16, 17.

сѣвѣ не отлучно около патріарха [1]. Наше предположеніе, что онъ явился въ Москву скоро послѣ того, какъ пронеслись слухи о появленіи въ Стародубѣ самозванца, т. е. въ сентябрѣ или октябрѣ 1607 года, будучи вполнѣ вѣроятнымъ, имѣетъ и то несомнѣнное достоинство, что даетъ возможность удачно примирить два разнорѣчивыя извѣстія относительно времени назначенія Діонисія Старицкимъ архимандритомъ: извѣстіе, находимое въ «Исторіи о первомъ патріархѣ Іовѣ» и извѣстіе Симона Азарьина. Симонъ Азарьинъ, когда говоритъ, что Діонисій въ санѣ архимандрита «пребысть въ Старицѣ мало больше двухъ лѣтъ», то опредѣляетъ здѣсь только то время, которое Діонисій *прожилъ* въ Старицкомъ монастырѣ въ санѣ архимандрита до его послѣдней поѣздки въ Москву, изъ которой уже онъ не возвращался. Это время и опредѣляется именно въ два съ небольшимъ года, если мы признаемъ, что преподобный Діонисій назначенъ Старицкимъ архимандритомъ въ 1605 году около іюня, что даетъ право утверждать «Исторія о первомъ патріархѣ Іовѣ.» Что именно такъ нужно понимать извѣстіе Симона, показываетъ и самое выраженіе «пребысть тамо», т. е. пробылъ тамъ, прожилъ, а также и то, что непосредственно за этимъ идетъ разсказъ о дѣятельности Діонисія въ Москвѣ, которая, такимъ образомъ, по разсказу, имѣла мѣсто послѣ того, какъ онъ прожилъ въ Старицѣ два съ небольшимъ года. При иномъ же пониманіи этого извѣстія Симона Азарьина было бы необъяснимо извѣстіе, сохранившееся въ «описи Старицкаго монастыря», что патріархъ Іовъ сдѣлалъ пожертвованіе въ Старицкій монастырь въ 1606 году октября 20 *при архимандритѣ* Діонисіи: никакъ нельзя понять это мѣсто въ описи, если признать, что всего въ званіи Старицкаго архимандрита Діонисій былъ два съ небольшимъ года, потому что въ та-

---

[1]) Что Діонисій нѣкоторое время неотлучно жилъ въ Москвѣ,—это признаютъ Митр. Евгеній (слов. пис. дух. чина ч. 1-я, стр. 145) и Бантышъ Каменскій (слов. достон. людей ч. 2, стр. 218); Свящ. Поспѣловъ также склоненъ признать это. (Чт. общ. дух. просв. 1865, ч. 2-я).

комъ случаѣ въ 7115 году въ октябрѣ (1606 г.) онъ никакъ не могъ быть архимандритомъ.

Итакъ, нужно признать, что преподобный Діонисій былъ назначенъ Старицкимъ архимандритомъ въ 1605 году до іюня, и изъ пятилѣтняго періода своего архимандритства такъ около половины прожилъ въ Москвѣ, посвящая свои силы на служеніе царю и отечеству. Что касается его дѣятельности собственно въ Старицкомъ монастырѣ, то конечно, въ два съ небольшимъ года, онъ не могъ сдѣлать для монастыря многаго; потому-то объ этой дѣятельности его извѣстно мало, или лучше, почти ничего. Изъ упоминаемой нами описи монастыря видно, что ко времени вступленія Діонисія въ должность настоятеля Старицкій монастырь какъ въ церковномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ былъ очень нескуднымъ. Управлялся онъ архимандритомъ, а братіи въ монастырѣ священниковъ и дьяконовъ было 73, да служекъ монастырскихъ, т. е. послушниковъ 32 человѣка, «да служебниковъ монастырскихъ, поворковъ и конюховъ и церковныхъ сторожей», т. е. разной прислуги въ монастырѣ было 43 человѣка [1]). Храмовъ въ монастырѣ было три. Денегъ въ монастырской казнѣ было 200 рублей, да 79 кабалъ на 106 рублей и 116 кабалъ на 660 четвертей хлѣба. Потомъ, монастырь владѣлъ нѣсколькими селами и деревнями въ Старицкомъ, Тверскомъ и Кашинскомъ уѣздахъ; по описи селъ насчитывается около 20 со многими деревнями. Наконецъ, монастырь обладалъ очень цѣнной ризницей, дорогими иконами и разными вкладами высокихъ особъ, изъ которыхъ стоитъ упомянуть Ивана Васильевича Грознаго, который далъ по сынѣ своемъ Иванѣ Ивановичѣ два серебряные стакана [2]). При архимандритѣ же Діонисіи монастырь обогатился новыми вкладами, изъ которыхъ болѣе замѣчательны вклады патріарха Іова, которые онъ сдѣлалъ 20 и 22 чиселъ октября 1606 года. Эти вклады состоятъ преимущественно изъ иконъ, то обложенныхъ серебромъ, то позолоченыхъ, то украшен-

---

[1]) Истор. Библ. Твер. Епар. т. 1, стр. 65.

[2]) Истор. Библ. Твер. Епар. т. 1, стр. 6—7.

ныхъ драгоцѣнными камнями: драгоцѣнные камни положены на иконахъ Вседержителя (9 камней разныхъ), Пречистыя Богородицы Одигитріи (четыре жемчужины да *цата* сканная), Николая Чудотворца (три жемчужины да три камышка) [1]. Послѣ смерти же Іова въ монастырь поступило все его имущество, за исключеніемъ тѣхъ вещей, которыя отданы за погребеніе его [2]), или же родственникамъ. Кромѣ вкладовъ Іова и вещей, поступившихъ въ монастырь послѣ его смерти, при архимандритѣ Діонисіи поступили въ монастырь книги послѣ старца Афанасія: нѣсколько Евангелій, одно изъ нихъ толковое, двѣ тріоди, два октоиха, двѣ общія минеи: печатная и письменная, псалтирь и др. [3]). Наконецъ, извѣстно, что и самъ преподобный Діонисій сдѣлалъ много вкладовъ въ Старицкій монастырь; но въ несравненно большей своей части эти вклады сдѣланы преподобнымъ тогда, когда онъ былъ уже архимандритомъ Троицкимъ. Болѣе цѣнные вклады его слѣдующіе: образъ Успенія Пресвятыя Богородицы, образъ Живоначальныя Троицы, серебряные сосуды (потиръ, дискосъ, два блюдца и звѣзда) вѣсомъ 3 фунта $14^1/_4$ золотниковъ, серебряное кадило вѣсомъ $2^1/_2$ фунта, евангеліе, крестъ благословляющій, обложенный чеканнымъ серебромъ и позолоченный, книга прологъ съ марта по сентябрь [4]). Эти дорогіе вклады Діонисія

---

[1]) Истор. Библ. Твер. Епар. т. 1, стр. 25—30, гдѣ перечислены всѣ пожертвованія патріарха Іова.

[2]) Напр. шуба кунья подъ камкою двояличною, двушелковъ отдана за погребеніе Тверскому архіепископу Ѳеоктисту (Ист. Библ. Твер. Епар. стр. 78). Деньги же, которыя остались послѣ патріарха—всего 15 рублей, всѣ изошли на погребеніе.

[3]) Истор. Биб. Твер. Епар. т. 1, стр. 39—40.

[4]) Подробное описаніе этихъ вкладовъ см. въ Истор. Библ. Тверск. Епар. т. 1, стр. 89, 92, 133, 136, 138. Имѣются вклады преп. Діонисія и въ нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ Тверской губерніи, кромѣ Старицкаго. Такъ, напр., въ Нилову пустынь были пожертвованы митр. Варлаамомъ и архим. Діонисіемъ три мѣстныя иконы и 17 деисусовыхъ иконъ; затѣмъ пожертвованы были Діонисіемъ боевые часы, находившіеся въ свое время на оградѣ (Нилова пустынь въ первыя полутораста лѣтъ ея суще-

всѣ, кромѣ развѣ только сосудовъ, даны имъ тогда, когда онъ былъ уже Троицкимъ архимандритомъ, но они, показывая его заботливость въ позднѣйшее время о томъ монастырѣ, въ которомъ онъ постригся и былъ не долгое время настоятелемъ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что за время управленія этимъ монастыремъ онъ тѣмъ болѣе былъ внимателенъ къ нему. Къ сказанному объ отношеніи Діонисія къ Старицкому монастырю слѣдуетъ прибавить, что за время архимандритства его въ этомъ монастырѣ жилъ въ ссылкѣ патріархъ Іовъ, который и умеръ при Діонисіи, о чемъ мы уже говорили, а надъ могилой Іова Діонисій поставилъ каменную гробницу [1]).

Но, конечно, не эта малоизвѣстная дѣятельность Діонисія по управленію Старицкимъ монастыремъ, а его вышеизложенная нами дѣятельность на Москвѣ стяжала ему любовь и уваженіе царя и патріарха: ихъ расположили въ пользу Діонисія его благочестивая жизнь, честность и твердость, которыя онъ имѣлъ случай показать, живя въ Москвѣ—особенно въ такое смутное время. Потому-то, когда послѣ 16-мѣсячной осады Троицкаго монастыря архимандритъ его Іоасафъ, утомленный бѣдами, удалился въ Паф-

---

ствованія А. В. *Рачинскаго* стр. 3). Въ Колязинъ монастырь въ періодъ времени 1618—1623 г. были пожертвованы архим. Діонисіемъ и Авраамомъ Палицынымъ для возложенія на гробъ преп. Макарія два дорогіе покрова (Опис. Троиц. Колязина монастыря А. *Лебедева* стр. 113—114). Но съ другой стороны, надо думать, что изъ Старицкаго монастыря Діонисіемъ былъ вывезенъ въ Троицкій вкладъ—цѣнный по имени вкладчика, именно Октоихъ 4-хъ гласовъ, напеч. въ 1594 году, пожертвованный въ Старицрицкій монастырь Д. М. Пожарскимъ (см. собр. надписей архим. *Леонида* № 334).

[1]) Среди чудесъ патр. Іова, помѣщенныхъ въ рукописи Саввино-Сторожевскаго монастыря № 84 вслѣдъ за разсказомъ о погребеніи Іова, записано, между прочимъ, чудо явленія Іова Діонисію по поводу устроенія послѣднимъ гробницы. Іовъ явился Діонисію съ такою рѣчью: «поставили вы надъ гробомъ моимъ палатку не по моему приказу: мнѣ-де палатка строить не тѣмъ переводомъ». Упомянемъ еще кстати о чудѣ исцѣленія Іовомъ одного Старицкаго жителя Ивана Иванова Тулупова,—вѣроятно какого—нибудь недальняго родственника инока Германа Тулупова.

нутіевъ монастырь, и мѣсто Троицкаго архимандрита оставалось вакантнымъ, тогда царь съ патріаркомъ прямо остановились на Діонисіи, какъ на лицѣ вполнѣ достойномъ и способномъ занять это мѣсто. Симонъ Азарьинъ рассказываетъ объ этомъ новомъ назначеніи Діонисія съ любопытными подробностями. Однажды преподобный Діонисій, вѣроятно, по повелѣнію патріарха, ѣздилъ изъ Москвы въ Ярославль хоронить какого-то вельможу. Проѣздъ тогда былъ очень опасенъ, такъ какъ повсюду бродили шайки воровскихъ людей. Но интересно, что долговременная и неудачная осада Троицкаго монастыря, избавленіе отъ которой тогда повсюду приписывали преподобному Сергію, произвела такое впечатлѣніе на эти разбойническія шайки, что они пропускали не трогая только того проѣзжаго, который объявлялъ себя жителемъ Сергіевой обители. Зная это, преподобный Діонисій, возвращаясь изъ Ярославля, рѣшился называться Сергіевымъ: «аще, говорилъ онъ сопровождавшимъ его старцамъ и слугамъ, поѣдемъ такъ дорогою просто, то ограбятъ насъ воровскіе люди, или побьютъ до смерти; аще ли будемъ нарицатися именемъ чудотворца Сергія, всяко спасени будемъ». [1]). И дѣйствительно, называясь такъ, Діонисій и слуги его проѣхали благополучно очень многія опасныя мѣста и нигдѣ не подверглись какимъ либо насиліямъ. Когда же они подъѣзжали къ Троицкому монастырю, ихъ встрѣтилъ одинъ слуга этого монастыря и спросилъ: «кая власть ѣдетъ?» Слуги Діонисія отвѣчали, какъ и всѣмъ: «Троицкаго Сергіева монастыря старецъ изъ селъ ѣдетъ». Слуга же этотъ, зная всѣхъ старцевъ своего монастыря, не повѣрилъ, и потому опять спросилъ, но получилъ тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, онъ сказалъ: «рцыте ми истину, аще той есть Старицкаго монастыря архимандритъ, его же ради посланъ есмь отъ самодержца и отъ первосвятителя съ грамотами». Когда же ему сказали, что ѣдетъ именно Старицкій архимандритъ, то онъ вручаетъ ему грамоты. Діонисій же, прочитавши ихъ и узнавъ, что это грамоты объ его назначеніи въ Троицкіе архимандриты, удивился судьбамъ Божіимъ, «яко ни на

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 19—20.

мысль его о семъ не взыде, еже уготова и еже самодержцу изволися» [1]). Получивши на дорогѣ грамоты, онъ поспѣшилъ въ Москву и здѣсь приноситъ благодарность царю и патріарху, послѣ чего отправляется на мѣсто своего назначенія—въ Троицкій Сергіевъ монастырь.

Время назначенія преподобнаго Діонисія на архимандрію въ Троицкій монастырь опредѣляется слѣдующимъ сообщеніемъ. Въ одной изъ рукописей Московской Духовной Академіи (№ 201) на первыхъ листахъ ея находимъ перечень всѣхъ настоятелей Сергіева монастыря, начиная съ основателя преподобнаго Сергія; и здѣсь то читаемъ: «7118 году Діонисій взятъ отъ Пречистыя Богородицы изъ монастыря изъ Старицы—23 года и 3 мѣсяца» [2]), т. е. былъ Троицкимъ архимандритомъ. Слѣдовательно, преподобный Діонисій назначенъ Троицкимъ архимандритомъ 10 февраля 1610 года, такъ какъ онъ умеръ 10 мая 1633 года. Но не извѣстно, на какихъ основаніяхъ авторъ «словаря историческаго о бывшихъ писателяхъ духовнаго чина» говоритъ, что Діонисій назначенъ на архимандрію въ Троицкій монастырь 29 іюня [3]), а Н. И. Костомаровъ относитъ это назначеніе даже къ іюлю [4]). Оба эти показанія не вѣрны. Кромѣ указанной выше выписи изъ академической рукописи, противъ показаній митрополита Евгенія и г. Костомарова говоритъ то обстоятельство, что имѣется «память» отъ 1610 г. апрѣля 8 на имя головы Мисюря Ивановича Соловцова, которому повелѣвается сопровождать казну Троицкаго архимандрита Діонисія отъ монастыря до Москвы [5]). Слѣдовательно, несомнѣнно, Діонисій былъ въ то время Троицкимъ архимандри-

---

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 20—21.

[2]) Рук. Моск. Дух. Ак. № 201 л. 7. Впрочемъ, такихъ рукописей, гдѣ находится списокъ игуменовъ Троицкаго монастыря много; напр., см. рук. Рум. муз. № 365, л. 83, Рук. Каз. Ак. (бывш. Солов.) № 585 (225).

[3]) Истор. слов. о писат. дух. чина ч. 1 стр. 145.

[4]) Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ дѣятелей вып. 1, стран. 706.

[5]) Акты относ. до Юрид. быта т. 2, стр. 677.

томъ, такъ что если бы даже допустить неточность сообщенія рукописи № 201 (для чего, впрочемъ, нѣтъ никакого основанія), то и тогда назначеніе Діонисія на архимандрію въ Троицкій мостырь должно отнести не къ іюню и іюлю, а къ гораздо раннему времени, и именно ни какъ не позже, какъ къ началу апрѣля [1]).

И такъ, въ началѣ 1610 года преподобный Діонисій былъ сдѣланъ Троицкимъ архимандритомъ, и въ этомъ то званіи онъ прославился своею дѣятельностію на пользу отечества, церкви и своего монастыря. Первые годы своего пребыванія у Троицы онъ посвятилъ преимущественно служенію государству, возбуждая русскій народъ на защиту своего отечества, и потому къ разсмотрѣнію этой дѣятельности преподобнаго мы прежде всего и обратимся.

---

[1]) Въ сборникѣ кн. Хилкова есть отписка, помѣченная 1609 годомъ и носящая такое надписаніе: «Отписка Троицкаго Сергіева монастыря архимандрита Діонисія, келаря Авраамія и соборныхъ старцевъ воеводѣ князю Дмитрію Трубецкому съ просьбою приказать Андрею Палицыну и воеводѣ Науму Плещееву быть у нихъ въ монастырѣ и о позволеніи взять на обмѣнъ изъ Московскаго Богоявленскаго монастыря «маленькаго» Осипа Панина (сбор. Хилкова стр. 122). Помѣтку этой отписки 1609 г. мы не иначе можемъ объяснить, какъ ошибкой, потому что ни Діонисій въ это время не былъ Троицкимъ архимандритомъ, ни князь Дмитрій Трубецкой не былъ «великіе Россіи державы Московскаго государства бояриномъ и воеводой государемъ княземъ», какъ это значится въ отпискѣ. Отписку эту нужно отнести къ тому времени, когда уже не было Ляпунова въ живыхъ, потому что въ ней Троицкія власти пишутъ на имя одного Трубецкаго (У *Кедрова* въ изслѣд. «Авраамій Палицынъ», стр. 90, прим.).

ГЛАВА II.

Разсылка Діонисіемъ патріотическихъ грамотъ и его заботы о потерпѣвшихъ во время Московскаго пожара.

Возбужденіе русскаго народа противъ поляковъ и пожаръ въ Москвѣ.—Вѣсть о послѣднемъ фактѣ въ Троицкій монастырь и первыя патріотическія грамоты Діонисія.—Доказательства дѣйствительности посылки первыхъ грамотъ.—Ихъ вліяніе на Ляпуновское ополченіе.—Собраніе ополченія подъ Москвой и неудовольствія между главными вождями его.—Вторыя патріотическія грамоты Діонисія.—Безпорядки въ войскѣ подъ Москвой и октябрскія грамоты изъ монастыря.—Сколько было послано изъ монастыря грамотъ и кто участвовалъ въ ихъ составленіи.—Заботы Діонисія о раненыхъ и больныхъ.

Спустя пять мѣсяцевъ послѣ назначенія Діонисія на архимандрію въ Троицкій монастырь, царь Василій былъ свергнутъ съ престола, а черезъ два мѣсяца послѣ этого Москва присягнула польскому королевичу Владиславу. Присягнувъ Владиславу (17 августа 1610 г.), Москва нѣсколько времени терпѣливо ждала къ себѣ новаго царя. Но когда стали обнаруживаться цѣли и планы Сигизмунда, когда становилось все яснѣе и яснѣе, что король не хочетъ дать сына на Московскій престолъ, а хочетъ самъ сѣсть на немъ и покорить себѣ Россію, на Москвѣ начали роптать и высказывать протестъ. Протестъ этотъ прежде всего вышелъ отъ лица очень авторитетнаго въ Московскомъ государствѣ—отъ патріарха. Патріархъ началъ разсылать по городамъ грамоты, въ которыхъ убѣждалъ дать отпоръ коварнымъ замысламъ короля. При-

зывы эти скоро нашли себѣ откликъ. И прежде всего рязанскій воевода Прокофій Ляпуновъ близко принялъ къ сердцу слово патріарха и вслѣдъ за нимъ самъ началъ дѣятельно возбуждать народъ къ возстанію противъ поляковъ, засѣвшихъ въ Москвѣ. Русскій народъ очень тяготился навязаннымъ имъ владычествомъ польскимъ, но только не зналъ, что предпринять противъ этого, и потому-то теперь, когда услышалъ призывной голосъ, внимательно выслушивалъ его и скоро брался за оружіе. Движеніе народное скоро охватило чуть не все Московское государство. А между тѣмъ въ самой Москвѣ отношенія между русскими и поляками обострялись. И раньше между ними не обходилось безъ неудовольствій и стычекъ, теперь же, когда поляки прослышали о повсемѣстномъ возбужденіи противъ нихъ народа, непріязненныя отношенія ихъ къ русскимъ усилились, а русскіе стали какъ будто нѣсколько смѣлѣе. Скоро отношенія эти разрѣшились на Москвѣ страшной схваткой русскихъ съ поляками. Наступали для православныхъ великіе дни страстей Христовыхъ, а вмѣстѣ съ ними наступало время великой рѣзни и великаго несчастія для нихъ. Было вербное воскресенье,—день, въ который обыкновенно собиралось много народу, чтобы участвовать въ процессіи выѣзда патріарха на ослѣ, и въ этотъ то день поляки ждали возстанія Московскаго народа на нихъ. Но этотъ день прошелъ тихо, прошелъ и понедѣльникъ. Во вторникъ же (19 марта 1611 г.) произошло то, чего должно было ожидать: между русскими и поляками произошла ожесточенная схватка. Прежде всего въ Китаѣ-городѣ совершилась настоящая рѣзня русскихъ поляками. Русскіе поспѣшили отсюда выбраться въ Бѣлый городъ, гдѣ они защищались отъ поляковъ съ большимъ успѣхомъ и сами уже побивали ихъ. У Срѣтенскихъ воротъ успѣшно отбивалъ поляковъ подоспѣвшій къ тому времени отрядъ Дмитрія Пожарскаго. Москва поднялась какъ одинъ человѣкъ. Полякамъ, по своей сравнительной малочисленности, оставалось теперь вести оборонительную войну и запереться въ Кремлѣ и Катай-городѣ, что они и сдѣлали; но чтобы не оставить Москвичамъ и подходившимъ войскамъ,

жилья и запасовъ, они догадались выжечь Бѣлый городъ. Въ толпѣ кто-то закричалъ: «огня, огня—жечь домы», и эта мысль быстро выполнилась. Пожаръ принялся разомъ во многихъ мѣстахъ, и Москва запылала. Все это происходило 19 марта.

Въ тотъ же день въ Троицкій Сергіевъ монастырь съ вѣстію о событіяхъ въ Москвѣ прибѣжалъ боярскій сынъ Яковъ Алехановъ. Пораженный такою вѣстію, архимандритъ Діонисій съ келаремъ и со всею братіею обратился съ усердной молитвой къ Богу и къ чудотворцамъ Сергію и Никону, «заступленія и помощи просяще»,—и тутъ же поспѣшилъ дать посильную помощь Москвѣ. «Того же дни, говоритъ Палицынъ, изъ монастыря отпустили наспѣхъ къ царствующему граду на помощь Андрея Ѳедоровича Палицына, а съ нимъ слугъ пятьдесятъ человѣкъ, князя Василья Туменскаго съ товарищи да двухъ сотниковъ стрѣлецкихъ Рахманина-Базлова, да Томила Яганова, а съ ними стрѣльцовъ двѣсти челонѣкъ», а въ Переяславль Залѣсскій къ воеводамъ послали просить о помощи [1]).

Вотъ опредѣленное извѣстіе о томъ, когда преподобный Діонисій въ званіи Троицкаго архимандрита выступилъ на служеніе государству. Можетъ быть, и раньше этого, въ первый годъ своего архимандритства у Троицы, онъ принималъ участіе въ дѣлахъ расшатавшагося государства, но объ этомъ не имѣется прямыхъ свѣдѣній. Симонъ Азарьинъ въ «сказаніи о новоявленныхъ чудесахъ преподобнаго Сергія» говоритъ въ одномъ мѣстѣ послѣ описанія бѣдствій государства: «въ обители же святыя Троицы Сергія и Никона паствующу тогда преподобному архимандриту Діонисію да келарю Авраамію Палицыну, и слышавше, яко Московское государство въ конечномъ разореніи и обладаемо отъ еретикъ, совѣтовавше съ братіею и воинскими людьми, и обитель утвердивше крѣпко, и положивше упованіе на Бога и на Пречистую Богородицу и на преподобнаго Сергія и Никона, мужественно вооружившеся противу безбожныхъ» [2]). Это извѣстіе отчасти

---

[1]) *Авр. Палиц.* объ осадѣ Тр. монастыря стр. 218.

[2]) Рук. Моск. Дух. Акад. № 203 л. 41 об. и 42.

можетъ подтверждать ту мысль, что Діонисій и раньше того случая, о которомъ разсказано у Палицына, выступалъ въ роли дѣятеля «противу безбожныхъ», и можетъ быть тогда же являлся на помощь къ Гермогену. На случай же новаго нападенія на обитель преподобный Діонисій укрѣплялъ ее. Но и это извѣстіе Симона ближе всего относится къ дѣятельности Діонисія послѣ сожженія Москвы, о чемъ разсказываетъ и Палицынъ [1]).

---

[1]) Въ рук. Моск. Дух. Ак. № 175 есть „новая повѣсть о преславномъ россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ", написанная не раньше второй половины декабря 1610 г. и не позже начала января 1611 г. (См. Жур. Мин. Н. Прос. 1887 г., ноябрь стр. 12). Въ ней авторъ обращается къ русскимъ людямъ („православнымъ христіянамъ всякихъ чиновъ людемъ, которые еще душъ своихъ отъ Бога не отщетили") съ увѣщаніями крѣпко стать (до крови) за правую вѣру, а въ образецъ себѣ взять „крѣпкостоящій" городъ Смоленскъ и патріарха Гермогена. Увѣщанія очень сильныя; рѣчь живая и прочувствованная. По замѣчанію архимандрита Леонида (свѣд. о слав. рук., пост. въ Тр. Сем. ч. 2, стр. 196) повѣсть эта представляетъ собою одно изъ посланій Троицкихъ, при чемъ онъ разумѣетъ, что составителями его были Діонисій и Авраамій Палицынъ. Г. Кедровъ думаетъ, что это есть „посланіе, писанное изъ Кремля какимъ-то женатымъ лицомъ вѣроятно подъ Смоленскъ" между декабремъ 1610 года и апрѣлемъ 1611 г. Какъ это мнѣніе, такъ тѣмъ болѣе мнѣніе архимандрита Леонида несправедливы. Весьма основательный разборъ ихъ сдѣланъ г. С. Платоновымъ въ изслѣдованіи „древне-русскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII в." (Жур. М. Н. П. 1887 г. ноябрь стр. 5—8). По предположенію г. Платонова, авторомъ повѣсти былъ какой нибудь Московскій простой дворянинъ, или сынъ боярскій, или же приказный дьякъ. Впрочемъ, по замѣчанію Платонова, невозможно опредѣлить по даннымъ повѣсти личности ея автора: по свойству самого произведенія (подметное письмо) онъ старался какъ можно меньше обнаружить себя" (стр. 7). Но намъ сдается, что эта повѣсть писана не Москвичемъ, а *кѣмъ нибудь* отъ Троицы, потому что въ ней находимъ такое выраженіе: „Бога ради, государи, моляще его всемилостиваго Бога и пречистую Его Матерь.... и великихъ чудотворцевъ, *иже у насъ въ Троицѣ* преименитыхъ и всѣхъ святыхъ: не нерадите о себѣ, вооружимся на общихъ сопостатовъ нашихъ"... и т. д. Что касается того замѣчанія г. Платонова, что въ повѣсти этой встрѣчаются при описаніи разныхъ московскихъ событій такія подробности,

И такъ, 19 марта 1611 года преподобный Діонисій возносилъ къ Богу молитвы о помощи противъ поляковъ и въ тотъ же день послалъ въ Москву нѣсколько войска. Но онъ не остановился на этомъ. Несомнѣнно, онъ зналъ о томъ народномъ движеніи, которое поднялось на Руси по грамотамъ Гермогена и Ляпунова, зналъ также, что народное ополченіе уже подвигается къ Москвѣ. А съ другой стороны послѣ полученнаго извѣстія изъ Москвы Діонисій понималъ необходимость скорѣйшей помощи Москвѣ, а между тѣмъ Гермогенъ, который могъ бы побудить ополченіе идти скорѣе, былъ въ такомъ утѣсненіи, что его убѣдительное слово не могло раздаваться. Въ виду всего этого преподобный Діонисій самъ разсылаетъ по городамъ грамоты съ извѣстіемъ о раззореніи Москвы и съ убѣжденіемъ поспѣшить на выручку ея: грамоты эти были разосланы вскорѣ же послѣ 19 марта, какъ только успѣли ихъ приготовить «писцы скорые и доброумніи», находившіеся въ келіи у Діонисія [1]). Это были пер-

---

которыя показываютъ въ авторѣ очевидца-москвича, то это замѣчаніе не опровергаетъ нашихъ предположеній. Дѣло въ томъ, что писавшій у Троицы повѣсть могъ переселиться сюда изъ Москвы, что въ смутное время случалось не рѣдко, или же могъ быть въ Москвѣ временно и все узнать и увидѣть, или же, наконецъ, могъ услышать всѣ подробности отъ другихъ очевидцевъ. Вообще, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подробности Московскихъ событій могъ знать Троицкій житель. Былъ ли это простой дворянинъ или приказный дьякъ или еще кто—сказать трудно; только видно изъ повѣсти, что онъ былъ женатъ и находился у поляковъ въ большомъ расположеніи. Для нашей задачи и цѣли эта повѣсть можетъ имѣть значеніе только при предположеніи (не лишенномъ нѣкоторой основательности), что она написана у Троицы. Если такъ, то изъ нея видно, что у Троицы послѣ осады жили и были сильны патріотическое настроеніе и любовь къ церкви и государству, выразителемъ чего и явилась, между другими грамотами, и эта повѣсть, кто бы ее ни написалъ. Если же, далѣе, это посланіе писано у Троицы, то могло случиться, что не безъ вліянія Троицкаго архимандрита Діонисія.

[1]) У Костомарова находимъ сообщеніе, что грамоты были присланы въ Москву въ тоже 19 Марта съ Андреемъ Ѳедоровичемъ Палицынымъ, который былъ отправленъ съ войскомъ. Но это, очевидно, произошло отъ

выя патріотическія грамоты, разосланныя Діонисіемъ изъ Троицкаго монастыря.

Сохранилось извѣстіе, что Троицкій монастырь разсылалъ подобныя грамоты еще до своей осады. Палицынъ разсказываетъ, напримѣръ, о томъ, какъ совѣтники Лжедмитрія II убѣждали его взять Троицкій монастырь, при чемъ они говорили ему: старцы монастыря учатъ всѣхъ «не покорятися величеству твоему и не бреци о твоемъ благородіи, но служити учатъ царю Шуйскому, *печатлѣютъ же всяко писаніе* съ лестьми глаголюще: да сохранятъ васъ всегда молитвы великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона» [1]). Но какъ этихъ грамотъ, такъ и первыхъ грамотъ Діонисія не дошло до насъ или по крайней мѣрѣ они еще не найдены [2]). Все же несомнѣнно, что Діонисій посылалъ ихъ, для чего имѣются слѣдующія доказательства. Авраамій Палицынъ въ двухъ мѣстахъ своего сказанія указываетъ на нихъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ: «по семъ (т. е. вскорѣ послѣ 19 марта) разослаша грамоты во вся городы Россійскія державы» [3]); а въ другомъ мѣстѣ говоря о грамотѣ, посланной изъ монастыря въ Казань въ іюлѣ мѣсяцѣ, онъ свидѣтельствуетъ, что она составлена «по прежеписанному» [4]), чѣмъ предполагается, что и раньше этого изъ монастыря посылались грамоты. Но если въ этомъ случаѣ не довѣрять Палицыну, какъ нѣкоторымъ того хочется, то имѣется и другой свидѣтель. Этотъ другой свидѣтель— Симонъ Азарьинъ; онъ говоритъ, что послѣ того какъ въ монастырѣ узнали о разореніи Москвы, поспѣшили послать оттуда «грамоты поучительныя», которыя составлялись въ келіи препо-

неточной передачи этихъ событій по сказанію Палицына. У Палицына прямо сказано, что грамоты были посланы „по семъ", т. е. послѣ того, какъ Андрей Палицынъ былъ отпущенъ къ Москвѣ (Костом. Смутн. время т. III стр. 142 и Авр. Пал. стр. 218).

[1]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. мон. стр. 60.

[2]) Извѣстны теперь три грамоты Троицкихъ властей: отъ іюля и октября 1611 г. и отъ 2 апрѣля 1612 г.

[3]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. мон. стр. 218.

[4]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. мон. стр. 222.

добнаго Діонисія. «И сихъ его преподобныхъ трудовъ грамотамъ во многи грады дошедшимъ, продолжаетъ Симонъ, и во умиленіе приходяще и пріидоша подъ Москву бояринъ князь Дмитрій Тимофѣевичъ Трубецкій и Иванъ Заруцкой и прочіе отъ многихъ городовъ со многимъ воинствомъ и вмѣстѣ съ Прокофьемъ Ляпуновымъ оступиша Московское государство» [1]. Ясно, что первыя грамоты Діонисія были посланы прежде, чѣмъ первое ополченіе подступило къ Москвѣ [2]. Иванъ же Насѣдка говоритъ, что Діонисій писалъ *много* грамотъ.

Таковы прямыя свидѣтельства о разсылкѣ Діонисіемъ первыхъ грамотъ. Анализъ содержанія ихъ, какъ оно изглается у Палицына, Симона и Ивана Насѣдки, дастъ намъ нѣкоторыя новыя доказательства дѣйствительности ихъ посылки. Въ нихъ преподобный Діонисій прежде всего извѣщалъ о конечномъ раззореніи Москвы, указывалъ на то, что отъ Литовскихъ людей причиняется оскверненіе святымъ Божіимъ церквамъ и другимъ святынямъ, что они «окаяннія люторы» не щадятъ никого-ни старцевъ, ни младенцевъ ссущихъ млеко. Далѣе, въ этихъ грамотахъ преподобный Діонисій вспоминалъ отъ божественныхъ писаній тѣхъ мужей, которые подвизались за вѣру и отечество «даже до смерти,» за что и сподобились даровъ отъ Бога и уваженія и почитанія со стороны людей;—указывалъ, какія государства и за какіе грѣхи и неправды погибли и которыя государства возвысились Богомъ и за какія добродѣтели. Послѣ всего этого онъ, наконецъ, обращался съ призывомъ поспѣшить на защиту отечества, противъ богомерзскихъ поляковъ и литовскихъ людей, потому что, говорилъ онъ, «всякому дѣлу едино время належитъ» [3].

---

[1]) Рук. Моск. Дух. Ак. № 203, л. 43.

[2]) Здѣсь же возникаетъ недоумѣніе: съ какой стати Симонъ приписываетъ Троицкимъ грамотамъ такое значеніе, что какъ будто они только возбудили народное возстаніе, тогда какъ извѣстно, что его возбудилъ Гермогенъ? Разрѣшеніе этого недоумѣнія мы дадимъ дальше.

[3]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. монастыря стр. 218—220; Рук. Моск. Дух. Академіи № 203, л. 42—43; житіе препод. Діонисія стр. 82. Замѣчательно, что не только Палицынъ и Симонъ, но и Иванъ Насѣдка въ

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе первыхъ грамотъ преподобнаго Діонисія. Кромѣ указаній на историческіе примѣры и кромѣ фактическихъ сообщеній, содержаніе это таково же, каково содержаніе и трехъ извѣстныхъ намъ Троицкихъ грамотъ. Бѣдствія смутнаго времени описываются во всѣхъ ихъ одинаково до буквальности. Что церкви разорены, что иноки, «многолѣтними сѣдинами цвѣтущіе и инокини, добродѣтельми украшенныя,» всѣ обруганы, что литовскіе люди не щадили престарѣвшихся возрастомъ и губили какъ старцевъ, такъ и незлобныхъ младенцевъ, ссущихъ млеко—все это буквально повторяется въ трехъ извѣстныхъ грамотахъ и въ той же формѣ, какъ видимъ, составляло содержаніе первыхъ грамотъ; внесена была въ первыя грамоты и слѣдующая фраза, неизбѣжно находящаяся во всѣхъ Троицкихъ грамотахъ: «всякому дѣлу едино время настоитъ». Если несомнѣнно, что первыя грамоты Троицкихъ властей были до буквальности сходны съ послѣдующими въ описаніяхъ бѣдствій времени, то по аналогіи можно заключать, что и начинались они одинаково со всѣми другими Троицкими грамотами и именно такъ: «Божіимъ праведнымъ судомъ, за умноженіе грѣха всего православнаго христіанства въ прошлыхъ годахъ учинилося въ Московскомъ государствѣ межуусобіе и т. д.» И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Авраамій Палицынъ прямо говоритъ, что вторыя грамоты составлены были «по прежеписанному.»

Посланныя около 20—21 чиселъ марта первыя грамоты Діонисія легко могли дойти до главнаго ополченія, прежде чѣмъ онъ успѣло подойти къ Москвѣ, т. е. до 1 апрѣля. Примѣръ посла, отправленнаго къ Троицѣ, показываетъ, какъ скоро пере-

---

своей „запискѣ“ о житіи Діонисія, излагая общее содержаніе грамотъ преподобнаго, вводитъ въ это содержаніе и указаніе на государства, какія были наказаны за грѣхи и награждены за добродѣтели. Между тѣмъ ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ грамотъ Діонисія такого указанія нѣтъ. Это даетъ намъ новое доказательство, что были и другія грамоты, о которыхъ Иванъ Насѣдка зналъ. Если бы кромѣ найденныхъ грамотъ не было посылоемо Діонисіемъ другихъ, то конечно Насѣдка не могъ говорить, что въ нихъ содержится то, чего въ грамотахъ не заключается.

давались тогда извѣстія. Конечно, посолъ этотъ отправленъ былъ изъ Москвы 19 марта далеко за полдень, однако онъ успѣваетъ достичь Троицы въ тотъ же день, а отъ Троицы въ этотъ же день успѣваютъ еще снарядить и отправить въ Москву войско. Можно думать, что грамоты Діонисія застали Ляпунова въ Коломнѣ, такъ какъ Авраамій Палицынъ, перечисляя вождей, откуда кто двинулся побуждаемый Троицкими грамотами, говоритъ, что «отъ Коломны думный дворянинъ и воевода Прокофей Петровичъ Ляпуновъ (т. е. вышелъ)» [1]). Конечно, эти новыя грамоты съ извѣстіемъ о новыхъ бѣдствіяхъ, проникнутыя истиннымъ патріотизмомъ и живо рисовавшія картину народныхъ бѣдствій, оказали свою долю вліянія на Ляпунова и на его ополченіе: они поддерживали въ войскѣ то настроеніе и духъ, которыя были возбуждены въ немъ грамотами и воззваніями Гермогена и самого Ляпунова. Вліяніе Троицкихъ грамотъ сильно сказалось, между прочимъ, въ содержаніи и формѣ тѣхъ отписокъ Ляпунова, которыя онъ посылалъ по городамъ послѣ 1 апрѣля. За немногими исключеніями отписки городовъ и грамоты, пересылаемыя тогда съ разными извѣстіями изъ одного мѣста въ другое, начинались всѣ одинаково, приблизительно такъ: «такого-то числа писали мы вамъ», или «вы намъ писали», или «оттуда-то писали намъ.» Вотъ два примѣра этихъ началъ. «Въ прошломъ, господа, въ 118 году, августа въ 23 день писали къ намъ въ Ярославль съ Москвы и т. д.,» такъ послѣ адреса начинаютъ свою грамоту Ярославцы въ Вологду [2]). А Костромичи начинаютъ свою грамоту въ Казань отъ 1611 года марта 19 такъ: «пишутъ, господа, къ намъ изъ городовъ изъ Нижня-Новгорода и т. д.» [3]). Какъ обыкновенно писались эти грамоты и отписки, такъ писалъ ихъ и Ляпуновъ до апрѣля. Вотъ начало двухъ его отписокъ отъ генваря и февраля 1611 года. Послѣ адреса: «генваря, господа, въ 24 день писали вы къ намъ съ сыномъ боярскимъ Иваномъ

---

[1]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. монастыря стр. 221.

[2]) Собр. гос. грам. и догов. т. II, стр. 510.

[3]) ibid. стр. 520.

Анкіевымъ и т. д.» [1]),—такъ начинается грамота Ляпунова изъ Рязани въ Нижній Новгородъ. Начало же другой отписки Ляпунова въ Суздаль отъ конца февраля послѣ адреса такое: «февраля въ 10 день писали вы ко мнѣ съ Рязанцемъ Максимомъ Балакиревымъ» [2]). Что касается самого содержанія первыхъ отписокъ Ляпунова, то все оно посвящалось изложенію извѣстій, откуда что сообщали, гдѣ и какъ идетъ дѣло народнаго движенія, что нужно предпринимать въ извѣстномъ случаѣ и т. п. Посмотримъ же теперь на отписки Ляпунова послѣ 1 апрѣля и сравнимъ ихъ съ содержаніемъ и формой первыхъ Троицкихъ грамотъ, которыя, какъ мы показали, и по содержанію и по формѣ своей соотвѣтствовали послѣдующимъ, и мы найдемъ въ этихъ отпискахъ Ляпунова не только одинаковыя мысли, но и одинаковыя выраженія съ мыслями и выраженіями грамотъ Троицкихъ. Для удобства сравненія приведемъ здѣсь текстъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ грамотъ Троицкихъ и отписокъ Ляпунова.

Троицкія грамоты.	Отписки Ляпунова послѣ 1 апрѣля.
Божіимъ праведнымъ судомъ за умноженіе грѣха всего православнаго христіанства въ прошлыхъ годѣхъ учинилося въ Московскомъ государствѣ межуусобіе..... предатели христіанскіе Михайло Салтыковъ да Ѳедька Андроновъ съ своими совѣтники, оставя нашу истинную православную христіанскую вѣру, приложился къ проклятому латынству и навели ихъ иноплеменныхъ на св. Божія церкви и Божіе об-	За умноженіе грѣха всего православнаго христіанства, умысля вражіимъ злымъ навѣтомъ, предатели христіанскіе Михайло Салтыковъ да Ѳедька Андроновъ съ своими совѣтники да съ польскими и съ литовскими людьми привели на Московское государство вѣчныхъ враговъ и богоборцевъ литовскихъ людей и нынѣшняго 119 году марта въ 19 день, по своему злому умыш-

[1]) Собр. гос. грам. и дог. т. II, стр. 497.

[2]) А. А. Э. т. II, стр. 311.

разы сокрушеніе и поруганіе..... и въ нынѣшнемъ 119 году марта въ 19 день....., умысля такое страшное и злое дѣло, съ польскими и литовскими людьми Московское государство выжгли и людей высѣкли, и святыя Божія церкви и образы до конца разорили и обругали..... святѣйшаго патріарха Московскаго и всея руссіи безчестно изринуша и въ изгнаніи нужно-затвориша и безчисленную кровь христіанскую розлили.....

Гдѣ иноки многолѣтними..... сѣдинами цвѣтущіе и инокини добродѣтелями украшены, не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? гдѣ множество безчисленное во градѣхъ и въ селѣхъ работные чади христіанства, не всѣ-ли безъ милости пострадаша и въ плѣнъ разведены? Не пощадиша бо престарѣвшихся возрастомъ; не усрамишася сѣдинъ старецъ многолѣтнихъ и ссавшихъ млеко младенцевъ незлобивая душа, вси испиша чашу ярости праведнаго гнѣва [1]).

лонью, Московское государство выжгли и высѣкли, и Божія святыя церкви разорили..... и осквернили и святѣйшаго патріарха Ермогена Московскаго и всея Русіи, съ престола сведчи, и въ нужной смертной срамотѣ держать..... и многой безчисленный народъ христіанской лютой смерти предаша.....

.....Многое убійство и поруганіе и оскверненіе учинили..... и Московскихъ гостей и посадскихъ великихъ людей, общего христіанскаго всего народу, и ихъ матерей и женъ и дѣтей и до ссущихъ младенецъ незлобивыя души, лютой и горькой смерти предаша, а иныхъ множество въ полонъ развели. И сія вся нашедшая на ны злая, грѣхъ ради нашихъ, въ настоящее время вси испиша чашу ярости праведнаго гнѣва Божія [1]).

Сходство Троицкихъ грамотъ и апрѣльскихъ отписокъ Ляпунова очень близкое и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до бук-

[1]) Ак. Арх. Эк. т. II, 328—329, 315, 325—326.

вальности. Это, говоримъ мы, можно объяснить не иначе, какъ сильнымъ вліяніемъ на Ляпунова Троицкихъ грамотъ, подъ обаяніемъ которыхъ онъ составлялъ и разсылалъ свои отписки. Вотъ, между прочимъ, новое доказательство посылки Діонисіемъ первыхъ грамотъ [1]). Г. Кедровъ относительно этого рѣшительно говоритъ, что Ляпуновъ до 1 апрѣля писалъ не такъ, какъ послѣ перваго «несомнѣнно потому, что когда онъ шелъ къ Москвѣ, то къ нему прилетѣлъ гонецъ изъ Троицкаго монастыря съ грамотою, возвѣщающею ему о раззореніи Москвы поляками и побуждающей его къ поспѣшному ходу,» и далѣе Кедровъ допускаетъ даже такое предположеніе, что, «когда потребовалось Ляпунову дѣлать новыя отписки, то онъ или его дьякъ» писали ихъ прямо по образцу Троицкихъ грамотъ [2]).

Такимъ образомъ, нужно признать, что въ мартѣ же посланы Діонисіемъ грамоты, которыя застали Ляпунова съ ополченіемъ, вѣроятно, въ Коломнѣ и произвели на нихъ сильное вліяніе. Но г.г. Голохвастовъ и Забѣлинъ въ извѣстіи Палицына о разсылкѣ первыхъ грамотъ находятъ анахранизмъ, потому что, по Палицыну, выходитъ какъ будто такъ, что *только* Троицкія грамоты возбудили народное движеніе на защиту Москвы, тогда какъ несомнѣнно, что это движеніе было возбуждено грамотами Гермогена, и народное движеніе организовалось и шло къ Москвѣ прежде какой либо разсылки Троицкихъ грамотъ. Въ виду этого г. Забѣлинъ склоненъ не признать даже дѣйствительности разсылки первыхъ грамотъ: онъ говоритъ, что Палицынъ все хорошее приписываетъ только своему монастырю, «расписываетъ, напримѣръ, что Ляпуновское ополченіе собрано и подвинуто къ Москвѣ именно Троицкими же грамотами, которыя *будто* разо-

---

[1]) Что отписки Ляпунова написаны подъ вліяніемъ Троицкихъ грамотъ, а не наоборотъ, и слѣдовательно грамоты написаны прежде отписокъ, это доказывается уже тѣмъ, что въ грамотахъ описаніе бѣдствій гораздо подробнѣе и живѣе, чѣмъ въ отпискахъ, которыя представляютъ только какъ бы отголосокъ ихъ.

[2]) *Кедровъ*. Авраамій Палицынъ, стр. 82.

сланы были тотчасъ послѣ Московской разрухи, т. е. въ то время, когда ополченіе со всѣхъ сторонъ приближалось къ Москвѣ» [1]). Прочитаемъ здѣсь то мѣсто изъ Палицына, которое подвергается недовѣрію г.г. Голохвастова и Забѣлина и разсмотримъ его. Послѣ описанія факта посылки Троицкихъ грамотъ и послѣ изложенія содержанія ихъ, Палицынъ говоритъ: «сицевымъ же грамотамъ отъ обители живоначальныя Троицы во вся россійскіе города достизающимъ, и слуху сему во ушеса всѣхъ распространяющуся, и милостію пребезначальныя Троицы по всѣмъ градомъ вси бояре и воеводы и все христолюбивое воинство, и всенародное множество православныхъ христіанъ по—малѣ разгарающеся духомъ ратнымъ, и вскорѣ сославшеся, сподвигошася отъ всѣхъ градовъ со всѣми своими воинствы, поидоша къ царствующему граду на отмщеніе крови христіанскія» [2]), и послѣ этого у Палицына идетъ перечень воеводъ, бывшихъ въ Ляпуновскомъ ополченіи. Что касается, прежде всего, склонности г. Забѣлина на основаніи противорѣчія извѣстія Палицына съ тѣми грамотами и отписками городовъ, которыя сохранились отъ того времени [3]), заподозрить дѣйствительность самой разсылки первыхъ грамотъ, то легко видѣть ложное направленіе этой склонности. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что города сослались и ополченіе двинулось къ Москвѣ много раньше посылки первыхъ Троицкихъ грамотъ; но вѣдь это не исключаетъ возможности разсылки ихъ. Хотя Троицкія власти и знали, что ополченіе давно двинулось, однако подъ первымъ впечатлѣніемъ печальнаго извѣстія, которое принесено имъ изъ Москвы, они съ своей стороны желали сказать убѣдительное слово, что необходимо поспѣшить на выручку Москвы, потому что въ ней произошла большая бѣда. Странно, конечно, мыслить такъ: если то-то и то-то дѣлалъ одинъ, то ничего подобнаго не дѣлалъ другой, однако подобнымъ образомъ мыслитъ

---

[1]) Рус. Арх. 1872 г. стр. 581—582.

[2]) *Авр. Палиц.* Объ осадѣ Троиц. монастыря стр. 220.

[3]) Эти отписки и грамоты доказываютъ, что народное движеніе прежде Троицкихъ грамотъ было уже въ полномъ разгарѣ.

г. Забѣлинъ, заподозривая дѣйствительность первыхъ Троицкихъ грамотъ: Діонисій не посылалъ этихъ грамотъ, потому что посылали грамоты и воззванія Гермогенъ и Ляпуновъ. Г. Голохвастовъ нисколько не сомнѣвается въ посылкѣ первыхъ Троицкихъ грамотъ: «нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что эти грамоты были посланы въ города и какъ изшедшія изъ святой обители, не за долго предъ тѣмъ чудно спасенной промысломъ Божіимъ, содѣйствовали къ возбужденію усердія» [1]), но и онъ вмѣстѣ съ Забѣлинымъ обличаетъ Палицына въ намѣренной лжи, вытекающей изъ желанія все приписать своему монастырю,—даже починъ движенія Ляпуновскаго ополченія. Мы, конечно, не можемъ отрицать очевидности: прямой смыслъ разбираемаго извѣстія Палицына несомнѣнно таковъ, что только Троицкія грамоты возбудили ополченіе. Но это, кажется, не есть слѣдствіе намѣренной лжи, скрывавшей хорошіе подвиги другихъ (потому, что въ данномъ случаѣ ложь эта была бы уже слишкомъ смѣлою: всѣ тогда знали и были убѣждены, что починъ возстанія народа принадлежалъ Гермогену), а произошло это скорѣе отъ неточности сообщенія, которую можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ разсылка первыхъ Троицкихъ грамотъ произошла все-таки раньше окончательнаго собранія къ Москвѣ ополченія, то естественно разсказъ объ ней и помѣстить раньше, а потомъ уже сдѣлать описаніе того, что произошло послѣ (т. е. описаніе собранія войскъ подъ Москвой). И вся бѣда въ томъ, что по изложенію Палицына эти два факта приведены въ причинную связь. Но вѣдь Палицынъ писалъ не строго научное изслѣдованіе, а просто писалъ лѣтопись, въ которой естественно одному факту удѣлять больше вниманія, чѣмъ другому, по личному расположенію лѣтописца, а расположеніе лѣтописца—Палицына всецѣло было на сторонѣ Троицкаго монастыря; его-то вліяніе и значеніе въ смутное время онъ преимущественно и описываетъ, не думая этимъ подрывать чьего-либо значенія. Не говорить о чемъ либо не значитъ

---

[1]) Отвѣтъ на рецензіи и критику „замѣчаній“ объ осадѣ Троицкой Лавры стр. 139.

отрицать; такъ и у Палицына: если онъ не говоритъ о значеніи грамотъ Гермогена, то это не значитъ, что онъ намѣренно отрицалъ ихъ значеніе и также намѣренно все приписывалъ Троицкому монастырю [1]). Кромѣ того, мы имѣемъ въ самомъ сказаніи Палицына доказательство тому, что починъ Ляпуновскаго ополченія Палицынъ не приписывалъ Троицкимъ грамотамъ. Такъ, гораздо раньше разбираемаго мѣста у него есть разсказъ о собраніи войска въ Россіи на польскихъ людей (гл. 70), въ которомъ говорится именно о Ляпуновѣ [2]). А предъ разсказомъ о сожженіи Москвы онъ, между прочимъ, говоритъ, что поляки, замѣтивъ, что противъ нихъ начинаются у русскихъ замыслы, «непщующе *вскорѣ отъ Рязани* и отъ Казани и отъ иныхъ городовъ *много* россійскаго воинства, и по своему лукавому нраву умыслиша злое коварство надъ царствующимъ градомъ Москвой» [3]). Отсюда видно, что Палицынъ вовсе не приписываетъ починъ и иниціативу въ возстаніи Ляпунова Троицкимъ властямъ и ихъ грамотамъ, потому что самъ же говоритъ, что это возстаніе уже было грозно для поляковъ прежде, чѣмъ монастырь разсылалъ грамоты—еще тогда, когда не была сожжена Москва [4]).

---

[1]) Также, намъ думается, нужно смотрѣть на собщеніе Симона Азарьина о посылкѣ первыхъ Троицкихъ грамотъ (см. выше стр. 73 прим 2).

[2]) На этотъ разсказъ указывали г. Голохвастову А. В. Горскій и г. Забѣлину Костомаровъ, какъ на доказательство того, что починъ Ляпуновскаго ополченія Палицынъ не приписывалъ Троицкимъ грамотамъ (Москвитянинъ 1842, № 12; Вѣст. Евр. 1872 г. 5).

[3]) *Авр. Палиц.* Объ осадѣ Троицк. монастыря. Стр. 216

[4]) Замѣтимъ здѣсь еще, что г. Забѣлинъ недовѣрчиво относится къ тому извѣстію Палицына, что Троицкія власти послали въ Переяславль Залѣсскій къ воеводамъ Волынскому и Волконскому слугъ своихъ съ просьбой о помощи. Волынскій и Волконской, говоритъ Забѣлинъ, въ то время (19 мар.) должны были стоять ближе къ монастырю, а не въ Переяславлѣ („Мининъ и Пожарскій стр. 251). На это, думается, достаточно будетъ отвѣтить, что Троицкія власти, получивши какое либо *до 19 марта* извѣстіе о томъ, что Волконскій и Волынскій въ Переяславлѣ, послѣ того могли не получать новыхъ вѣстей о дальнѣйшимъ движеніи этихъ воеводъ; а потому посылаютъ съ просьбой къ нимъ въ Переяславль.

Что первыя Троицкія грамоты, разосланныя преподобнымъ Діонисіемъ, имѣли своею цѣлію не вновь возбудить возстаніе, а только побудить уже двигавшееся въ Москвѣ ополченіе идти скорѣе, а ранно поддержать въ немъ патріотическія чувства, — это доказывается и содержаніемъ ихъ. Въ печатномъ изданіи сказанія Палицына говорится, между прочимъ, что грамоты эти указывали русскимъ людямъ, какъ на примѣръ для подражанія, «на великихъ свѣтилъ, во всей велицѣй Россіи просіявшихъ въ постѣ, и ити немедленно къ царствующему граду»; но въ рукописныхъ экземплярахъ Лаврскомъ и Академическомъ вмѣсто словъ: *въ постѣ и ити* написано: *поспѣшите идти*, что имѣетъ больше смысла и потому, надо думать, вѣрнѣе. Если же грамоты призывали только *поспѣшить*, то ясно, что сами писавшіе и разсылавшіе ихъ не придавали имъ значенія почина или первой силы, поднявшей народное возстаніе.

Вызванное грамотами и благословеніемъ Гермогена и ободряемое грамотами Діонисія, народное ополченіе подъ предводительствомъ трехъ главныхъ вождей — князя Трубецкаго, Ивана Заруцкаго и Прокофья Ляпунова подошло, наконецъ, 1 апрѣля къ Москвѣ. Здѣсь вожди расположились такъ: Прокопій Ляпуновъ всталъ съ войскомъ у Яузскихъ воротъ, князь Трубецкой и Иванъ Заруцкій стали противъ Воронцовскаго поля. Воеводы же Костромскіе и Ярославскіе заняли Покровскія и Срѣтенскія ворота, заняты были также и Тверскія ворота [1]). Собравшееся ополченіе было весьма многочисленно, и на первыхъ порахъ имѣло успѣхъ. Но хотя это ополченіе поднялось и двигалось на общее дѣло, на очищеніе Московскаго государства, однако оно въ самомъ своемъ составѣ заключало условія, содѣйствовавшія его разложенію, потому что въ него вмѣстѣ съ здоровымъ элементомъ вошелъ всякій сбродъ: холопы, бѣглые мужики, всякіе воры, ережные и зерщики, и все это, носящее названіе казаковъ, вошло въ отряды Трубецкаго и Заруцкаго. Въ самихъ вождяхъ не было ни-

---

[1]) Лѣтоп. о мятежахъ стр. 224.

сколько единства: каждый изъ нихъ стоялъ какъ-то особнякомъ. Только Ляпуновъ былъ истиннымъ представителемъ той задачи, для выполненія которой собралось ополченіе: на его сторонѣ и въ его войскѣ были тѣ люди, которые шли съ патріотическими стремленіями очистить государство. Но онъ взялъ въ свое ополченіе Заруцкаго съ казаками и этимъ погубилъ себя и свое дѣло. Заруцкій — измѣнникъ, такъ сказать, по природѣ: онъ искалъ только того, что удовлетворало его тщеславію; а потому и подъ Москву съ своими казаками онъ пришелъ съ затаенною цѣлію, не удастся-ли какъ повернуть дѣло въ пользу сына Марины, съ которой онъ находился въ связи. Что же касается Трубецкаго, то онъ, кажется, имѣлъ слабый характеръ, на него, поэтому мало обращали вниманія. «Трубецкому же межъ ими (т. е. между Ляпуновымъ и Заруцкимъ) чести никакія отъ нихъ не бѣ», замѣчаетъ лѣтопись о мятежахъ [1]). И такъ, по выраженію той же лѣтописи, вскорѣ послѣ прихода вождей въ Москву, «бысть у нихъ межъ себя разнь великая и дѣлу ратному споры не бысть межъ ими» [2]). Эта рознь въ ополченіи особенно усилилась послѣ 30 іюня, когда узаконено было постановленіе, которое такъ вооружило казаковъ противъ Ляпунова. Постановленіе 30 іюня сдѣлано было по проекту служилыхъ людей, которые добивались правильной раздачи помѣстій, обезпечивающихъ имъ возможность отправлять службу: они требовали, чтобы помѣстья раздавались по правдѣ и достоинству. Конечно, это не могло нравиться различнымъ бѣглецамъ — казакамъ, привыкшимъ произвольно грабить. Постановленіе это даже узаконяло вывезенныхъ и бѣглыхъ крестьянъ возвращать на свои мѣста, и такимъ образомъ, по замѣчанію г. Кояловича, «оно признавало всю силу закрѣпощенія, даже усиливало его и осуждало на него всѣхъ тѣхъ казаковъ, которые вышли изъ него въ казачество и которые въ большемъ числѣ находились теперь подъ Москвой» [3]). Вотъ гдѣ причина

---

[1]) Лѣтоп. о мятежахъ стр. 234.

[2]) Ibid. стр. 224.

[3]) Рѣчь Кояловича на актѣ Петер. Акад. 1880 г. стр. 46.

страшной ненависти казаковъ къ Ляпунову. Что касается Трубецкаго и Заруцкаго, то они не сочувствовали этому постановленію,—особенно Заруцкій давалъ произволу казаковъ полный просторъ. Все это усиливало взаимные раздоры въ ополченіи. Хотя до поры до времени русскіе ополченцы дѣйствовали за одно, хотя въ іюлѣ они успѣли запереть поляковъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ; но въ виду внутреннихъ раздоровъ нельзя было надѣяться на полный успѣхъ.

Что же должны были чувствовать люди, много потрудившіеся въ дѣлѣ возбужденія и собранія ополченія и возлагавшіе на него, несомнѣнно, большую надежду,—что должны были они чувствовать, видя, что дѣло рукъ ихъ разрушается, что надежды ихъ не сбываются? Конечно, они не могли не скорбѣть. Скорбѣлъ Гермогенъ, скорбѣлъ Ляпуновъ, скорбѣлъ, несомнѣнно, и преподобный Діонисій. Въ своемъ монастырѣ преподобный Діонисій вмѣстѣ съ братіею постоянно служилъ молебны о прекращеніи розни въ ополченіи и объ укрѣпленіи его [1]). Съ цѣлію нравственно подѣйствовать на ополченіе, онъ однажды освятилъ въ монастырѣ воду и послалъ съ нею въ Москву келаря Авраамія Палицына. Послѣдній, пришедши въ ополченіе, убѣждалъ войско отъ божественныхъ писаній; но на сколько успѣшно—не извѣстно. Это, какъ думаетъ г. Забѣлинъ, происходило 5 іюля—на память преподобнаго Сергія [2]). Вскорѣ послѣ этого преподобный Діонисій нашелъ нужнымъ снова разослать патріотическія воззванія по городамъ, чтобы призвать свѣжія силы на помощь русскому ополченію, стоявшему подъ Москвой. По совѣту съ прилучившимися въ монастырѣ боярами и воеводами, онъ 13 іюля [3]) разсылаетъ грамоты въ Казань, во всѣ понизовые города, въ Великій Новгородъ, Поморье, на Вологду и въ Пермь [4]). Одна грамота этой

---

[1]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. мон. стр. 222.

[2]) *Забѣлинъ.* Мининъ и Пожарскій стр. 253.

[3]) Такъ показываетъ число посылки этой грамоты А. В. Горскій.

[4]) А. А. Э. т. II стр. 330. У Авраамія Палицына сказано, что посылали грамоты еще въ Нижній Новгородъ, но такъ какъ въ актахъ Эксп-

разсылки, адресованная на имя Ефрема, митрополита Казанскаго, дошла до насъ; а потому мы имѣемъ возможность подробно познакомиться съ ея содержаніемъ. Послѣ обычнаго начала Троицкихъ грамотъ, какое мы указали раньше, въ первой половинѣ грамоты къ Казанцамъ коротко излагаются событія послѣдняго времени. И прежде всего говорится о томъ, что измѣнники Салтыковъ и Андроновъ, оставивши православную вѣру, приложились къ проклятому латинству и навели поляковъ на святыя Божіи церкви. Поляки же обманомъ завладѣли Москвой, потому что лучшіе изъ нихъ цѣловали крестъ на томъ, чтобы быть на Московскомъ государствѣ королевичу Владиславу въ нашей православной вѣрѣ и чтобы всѣмъ полякамъ выйти изъ Московскаго государства, а королю отойти отъ Смоленска, во всемъ этомъ солгали. Послѣ этого идетъ рѣчь о сожженіи Москвы и о другихъ беззаконіяхъ поляковъ и измѣнниковъ, о томъ, что они «святыя Божіи церкви и образы до конца разорили и обругали»...., учителя словеснаго стада Христова святѣйшаго патріарха Ермогена безчестне изринуша» и пр. Далѣе разсказывается о собраніи русскаго ополченія подъ Москвой для очищенія ея отъ поляковъ: «князь Дмитрій Тимофѣевичъ Трубецкой, говорится въ грамотѣ, да Иванъ Заруцкой и думный дворянинъ Прокофій Петровичъ Ляпуновъ, а съ ними дворяне, казаки и всякіе служивые люди пришли подъ Москву изъ многихъ городовъ и уѣздовъ для избавленія нашея истинныя христіанскія православныя вѣры.... и нынѣ стоятъ на Москвѣ въ большемъ каменномъ городѣ, а измѣнниковъ.... и поляковъ осадили въ Китай-городѣ и Кремлѣ». Къ собравшемуся русскому ополченію присоединились всѣ Смольняне, Брянчане, Дорогобужане, Вязьмичи и Ярославцы, которые были подъ Смоленскомъ у литовскаго короля, а теперь пришли къ Мо-

---

въ подписи подъ грамотой Діонисія „таковы же грмоты посланы“ туда то ..... не упомянутъ Нижній и такъ какъ съ другой стороны въ рукописномъ экземплярѣ сказанія Палицына слова: „въ Нижній Новгородъ“ не значатся, то нужно признать, что въ Нижній Новгородъ грамотъ, дѣйствительно, тогда не посылалось.

сквѣ на помощь; а изъ Новгорода войско на пути къ Москвѣ.... и нынѣ пришло въ Тверь». Обо всемъ этомъ Троицкая грамота спѣшитъ извѣстить казанцевъ. Послѣ изложенія этихъ событій въ слѣдующей части грамоты идутъ увѣщанія, обращенныя къ митрополиту Ефрему и ко всѣмъ Казанцамъ: «быть всѣмъ въ соединеніи и стать обще за одно противъ враговъ». Чтобы при этомъ сильнѣе подѣйствовать на Казанцевъ, очень живо рисуется картина народныхъ бѣдствій того времени.—«Гдѣ святыя Божіи церкви и Божіи образы... гдѣ иноки... не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ; гдѣ народъ общій христіанскій; не всѣ ли лютыми и горькими смертьми скончашася?» и т. д. (Мы раньше имѣли случай выписать это мѣсто изъ Троицкихъ грамотъ, а потому здѣсь не будемъ повторять. См. выше стр. 76—77). Въ концѣ грамоты идутъ увѣщанія въ виду общихъ бѣдствій оставить какія либо частныя распри и всѣмъ подняться на поляковъ, пока къ нимъ не пришла какая либо помощь. «Смилуйтеся и умилитеся, заключаютъ Троицкія власти свои увѣщанія Казанцевъ, незакосненно сотворите дѣло сіе, избавленія ради крестьянскаго, ратными людьми и казною помогите, чтобы нынѣ собранное множество народу хрестьянскаго войска здѣся на Москвѣ скудости ради не разошлося; о томъ много и слезно всѣмъ народомъ христіанскимъ, вамъ челомъ бьемъ» [1]).

Таково содержаніе грамоты, посланной 13 іюля преподобнымъ Діонисіемъ Казанцамъ. Но извѣстно, что Казанцы еще 1 мая получили грамоту отъ Московскихъ воеводъ, и возбужденные ею уже собирались идти подъ Москву, а 12 іюня они писали пермичамъ, чтобы и эти послѣдніе «были съ ними въ любви и соединеніи» [2]). Потому Троицкая грамота могла имѣть своею цѣлію не вновь возбудить, а только убѣдить Казанцевъ поспѣшить походомъ, какъ это видно и изъ ея содержанія: «*незакосненно* сотворите дѣло сіе». [3]) Не извѣстно, когда она пришла въ Ка-

[1]) Ак. Арх. Экс. т. II, 328—330.

[2]) Собр. гос. грам. и дог. т. II, стр. 546.

[3]) На томъ основаніи, что Казань была возбуждена раньше Троицкой грамоты г. Забѣлинъ долженъ бы заподозрить дѣйствительность посыл-

зань, но все же она могла еще застать собравшихся Казанцевъ въ своемъ городѣ, или по крайней ужъ мѣрѣ на дорогѣ къ Москвѣ, потому что изъ одного изъ кронографовъ узнаемъ, что Казанцы пришли къ Москвѣ только въ іюлѣ: «1611 г. лѣтомъ въ мѣсяцѣ іюлѣ изъ Казани пришелъ подъ Москву бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ, а съ нимъ пришли Казанцы и свіяжане» [1]) и т. д. Палицынъ же и въ извѣстіи о посылки грамоты въ Казань допускаетъ туже неточность, какую онъ допустилъ при своемъ извѣстіи о первыхъ грамотахъ Троицкихъ, а именно: фактъ посылки Троицкой грамоты въ Казань и фактъ выхода Казанскихъ войскъ онъ ставитъ рядомъ и въ такомъ отношеніи одинъ другому, что какъ будто *только* Троицкая грамота вызвала Казанцевъ въ походъ. Здѣсь не нужно повторять объясненій этой неточности, потому что она обусловливалась тѣми же обстоятельствами, какія мы указали при разборѣ извѣстій Палицына о первыхъ Троицкихъ грамотахъ. Но во всякомъ случаѣ грамота, посланная преподобнымъ Діонисіемъ въ Казань, застала ли она ополченіе въ самомъ городѣ или на дорогѣ, должна была произвести на Казанцевъ свое вліяніе и побудила ихъ идти къ Москвѣ скорѣе, воодушевляла ихъ новымъ пыломъ. Не извѣстно, участвовала ли эта рать во взятіи Бѣлаго города, потому что лѣтописцы объ этомъ говорятъ различно: одни указываютъ Казанцевъ, другіе нѣтъ» [2]).

Но какъ бы ни усиливалось ополченіе вновь приходящими отрядами, какъ бы ни старались объ этомъ люди, отъ души же-

---

ки этой грамоты, какъ на подробномъ же основаніи онъ заподозрилъ дѣйствительность посылки первыхъ Троицкихъ грамотъ. Но въ данномъ случаѣ, къ сожалѣнію Забѣлина, сдѣлать этого нельзя, потому что грамота къ казанцамъ-на лицо.

[1]) Изборн. стр. 362.

[2]) Авраамій Палицынъ упоминаетъ казанцевъ среди войскъ, бравшихъ Бѣлый городъ (стр. 223); Лѣтопись о мятежахъ говоритъ, что Понизовая сила пришла подъ Москву послѣ смерти уже Ляпунова и вмѣстѣ съ Заруцкимъ брали Ново-дѣвичій монастырь (стр. 237). Другія лѣтописи не говорятъ, чтобы эта рать участвовала съ Ляпуновымъ во взятіи Бѣлаго-города.

лавшіе ему успѣха, но такъ какъ въ немъ были враждебные элементы и происходили постоянные раздоры, такъ какъ сами главные вожди были не въ ладахъ между собою, то въ концѣ концевъ оно, естественно, должно было разстроиться. Это скоро и случилось. Самъ Ляпуновъ, по замысламъ Заруцкаго, былъ убитъ казаками. Смерть этого лучшаго человѣка въ ополченіи, была очень пагубна для Россіи. Онъ, по выраженію Карамзина, палъ на гробъ своего отечества. Матеріальныя и нравственныя силы Россіи были тогда истощены, а новая иноземная сила подъ предводительствомъ Ходкѣвича подвигалась къ Москвѣ. Главные виновники смерти Ляпунова—казаки, тотчасъ же почувствовавъ себя свободнѣе, дали полный просторъ своимъ инстинктамъ: повсюду они производили насилія, грабежи и убійства, такъ что къ бѣдствіямъ отъ поляковъ присоединились чуть-ли еще не злѣйшія бѣдствія отъ казаковъ. Понятное дѣло, служилые люди, бывшіе на сторонѣ Ляпунова, стали первые подвергаться всѣмъ неправдамъ отъ казаковъ, и потому стали расходиться изъ подъ Москвы [1]). Русскій народъ прозвалъ это время Лихолѣтьемъ. «И бысть тогда, говорится въ одномъ хронографѣ, великое уныніе и мятежъ по всей землѣ русской, понеже велицей злобѣ христіанскому народу належащи прещенія ради невѣрныхъ и насилованія ратныхъ. Аще не быша прекратишася дніе тѣ, не бы убо осталася всяка плоть по глаголющему» [2]). Вѣсть объ убійствѣ Ляпунова и о неистовствахъ казаковъ подъ Москвою скоро разнеслась по областямъ. Потому розличные города и области знали уже, что подъ Москвою стоятъ не спасители отечества, а грабители. Если бы отъ начальниковъ этого ополченія вышелъ тогда новый призывъ, обращенный къ русскому народу, —призывъ собираться подъ Москву на помощь ополченію, то врядь—ли бы кто отозвался на ихъ зовъ: всѣ знали, что за люди стояли тогда подъ Москвой, и начальники этихъ людей не имѣли въ глазахъ русскаго народа никакого авторитета. Вѣроятно, сознавая это, Трубецкой,

---

[1]) Лѣт. о мятеж. 240; Ник. Лѣт. 8 т. 170; Нов. Лѣт. 144;

[2]) Избор. Попова.

которому «не было чести» отъ Заруцкаго и который былъ въ притѣсненіи подъ Москвой, не самъ рѣшается возвысить голосъ съ призывомъ русскаго народа на защиту отечества, а обращается съ просьбою объ этомъ туда, откуда можетъ раздаться вполнѣ авторитетный призывъ, которому народъ привыкъ довѣрчиво внимать. Онъ посылаетъ въ Троицкій монастырь съ просьбою, чтобы оттуда «писали грамоты во всѣ городы о помощи на польскихъ и литовскихъ людей» [1]). Получивши такую просьбу, преподобный Діонисій не отказался исполнить ее. Хотя онъ уже зналъ, что продѣлываютъ казаки подъ Москвою, но когда отъ одного изъ вождей ихъ услыхалъ желаніе биться съ поляками, лишь-бы новыя силы русскаго народа помогли ему, то преподобный не могъ не задаться мыслію объ объединеніи различныхъ слоевъ русскаго народа для общаго дѣла. Его вѣра въ нравственное объединеніе русскихъ людей, разъединенныхъ человѣческими страстями была новымъ служеніемъ отечеству. И вотъ преподобный Діонисій съ Авраміемъ Палицынымъ созываетъ соборъ, на который позвалъ бояръ, дворянъ и дьяковъ, прилучившихся тогда въ монастырѣ отъ разоренія Московскаго. Посовѣтовавшись съ ними, Діонисій въ третій разъ написалъ грамоты, которыя и разослалъ по всѣмъ городамъ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ бояръ и дворянъ для сбору ратныхъ людей. Въ Ярославль и во всѣ замосковные и поморскіе города были отправлены бояринъ князь Андрей Петровичъ Куракинъ, дьякъ Михайло Даниловъ и съ нимъ нѣсколько дворянъ и дѣтей боярскихъ; во Владиміръ и понизовые города отпустилъ стольника Василія Ивановича Бутурлина, да дьяка Сыдавнова Васильева; а подъ Москву къ боярину и воеводѣ князю Трубецкому послалъ слугъ и служебниковъ монастырскихъ съ увѣщательными грамотами надѣяться на помощь, а равно послалъ ему, по его просьбѣ, свинцу и пороху, которые вынулъ изъ полуторныхъ пищалей, находившихся въ монастырѣ, келарь Авраамій Палицынъ [2]). Новыя призывныя грамоты были разосланы

---

[1]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Троицк. монастыря стр. 226.

[2]) *Авр. Пал.* объ осадѣ Тр. монастыря стр. 227.

6 октября 1611 г., вскорѣ послѣ прихода гетмана Ходкѣвича подъ Москву; [3]) и потому въ нихъ, кромѣ обычныхъ описаній народныхъ бѣдствій и кромѣ убѣжденія идти на защиту отечества, преподобный Діонисій извѣщаетъ и о гетмановомъ приближеніи къ Москвѣ. «Нынѣ, пишетъ онъ, пришелъ къ Москвѣ къ латинскимъ людямъ на помощь Ходкѣвичъ съ польскими и литовскими людьми и сказываютъ намъ выходцы и языки, что съ нимъ пришло всякихъ людей съ двѣ тысячи человѣкъ и стали по дорогамъ, въ Красномъ селѣ и по Коломенской дорогѣ, чтобы имъ къ боярамъ и воеводамъ и ко всѣмъ ратнымъ людямъ, которые стоятъ за православную христіанскую вѣру, никакихъ запасовъ не пропускать и утѣсненіемъ гладнымъ отъ Московскаго государства отженивши, намъ православнымъ христіанамъ конечную пагубу учинити».

Въ разсылкѣ патріотическихъ грамотъ заключается главная государственная заслуга преподобнаго Діонисія. Какъ мы видѣли, въ нихъ Діонисій съ одной стороны сообщалъ о тѣхъ или другихъ событіяхъ, происходившихъ подъ Москвой, а съ другой рисуя скорбную картину народныхъ бѣдствій, усердно и именемъ Бога призывалъ всѣхъ русскихъ спѣшить на защиту отечества. Всякое сильное слово, которое могло бы расшевелить душу русскаго человѣка, могло бы воодушевить его на геройскіе подвиги, много значило въ то бѣдственное для нашего отечества время. И Діонисіевы грамоты далеко не были безплодны. О значеніи грамотъ его, посланныхъ въ мартѣ и іюлѣ, мы уже говорили; но гораздо болѣе значенія имѣли его сейчасъ упомянутыя октябрскія грамоты: они содѣйствовали возбужденію новаго движенія и новыхъ силъ, тронувшихся на защиту государства. Но подробно объ этомъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ; въ настоящей же главѣ, сдѣлавъ еще нѣсколько замѣчаній по поводу разсылки Діонисіемъ грамотъ, удѣлимъ должное вниманіе разсмотрѣнію истинно

---

[5]) Первый разъ Ходкѣвичъ приходилъ подъ Москву 25 Сент; но 11 октября онъ отошелъ отъ нея въ Рогачевъ, чтобы собрать запасы.

христіанской заботливости преподобнаго о раненыхъ и больныхъ, устремившихся толпами въ Троицкій монастырь послѣ страшнаго Московскаго разоренія.

Сколько было послано преподобнымъ Діонисіемъ грамотъ? Иванъ Насѣдка въ томъ мѣстѣ, гдѣ разсказываетъ о разсылкѣ грамотъ, ясно указываетъ, что случаевъ разсылки ихъ было болѣе, чѣмъ 3—4. Діонисій, по его словамъ, писалъ «посланія *многая* въ смутные города ко священнымъ чинамъ и воеводамъ и къ простымъ людямъ о братолюбіи и соединеніи мира». Онъ посылалъ ихъ и на Рязань, и на Сѣверъ, и въ Ярославль, и въ Нижній-Новгородъ князю Дмитрію Михайловичу Помарскому, и къ Косьмѣ Мицину, и въ понизовые города, и ко князю Димитрію Тимофеевичу Трубецкому, и къ Заруцкому подъ Москву, и въ Казань къ строителю Амфилахію..... да грамоту жъ къ чернцу Елизарову [1]). Изъ этого перечня видно, что преподобный Діонисій весьма дѣятельно разсылалъ грамоты и посланія, и потому естественно, что они распространялись и доходили даже до отдаленнѣйшихъ мѣстностей Руси. Свидѣтельство Насѣдки — человѣка, содѣйствовавшаго Діонисію въ этихъ трудахъ, заслуживаетъ довѣрія;—да при томъ же оно не стоитъ совершенно одиноко, а находитъ себѣ подтвержденіе въ двухъ отпискахъ, сохранившихся отъ того времени. Эти отписки удостовѣряютъ насъ, что черезъ Діонисія пересылались даже тѣ или иныя вѣсти въ ополченіе. Въ отпискѣ 1612 года февраля мѣсяца Курмышскому воеводѣ Смирному Васильевичу отъ Араамазскаго воеводы говорится: «въ нынѣшнемъ, господине, во 120 году, генваря въ 10 день писали къ намъ изъ Володимера стольникъ и воевода Андрей Захарьевичъ Просоветской да Иванъ Васильевъ: декабря де въ 26 день писали къ нимъ съ Москвы бояре и воеводы Дмитрій Тимофѣевичъ Трубецкой да Иванъ Мартыновичъ Заруцкой, что писали къ нимъ Троицы Сергіева монастыря архимандритъ Демитрій (очевидно, ошибка: вмѣсто Діонисій): декабря де въ 11 день пріѣхалъ къ нимъ въ монастырь изъ Переславля Залейскаго Василій Скобельницынъ, а сказалъ имъ: посылали де

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 82—83.

изъ Переяславля для языковъ къ Ростову, и за 15 де верстъ до Ростова въ деревнѣ Спасской, поимали языковъ литовскихъ людей, и тѣ языки въ распросѣ имъ сказывали, что Литовскіе люди, Каменской съ товарищи, запасы запасли; а хотятъ съ запасы идти къ Москвѣ на Переславль и на Сергіевъ монастырь» [1]). Это же извѣстіе упоминается и въ другой отпискѣ (9 февраля) тому же воеводѣ отъ Никанора Шульгина, гдѣ Троицкій архимандритъ называется правильно—Діонисіемъ. И такъ, преподобный Діонисій то разсылалъ патріотическія воззванія по городамъ съ призывами—идти на защиту отечества, то писалъ въ ополченіе подъ Москву, чтобы тамъ «были благонадежны и надѣялись на помощь со стороны возбуждаемаго имъ народа [2]), то, наконецъ, спѣшилъ подѣлиться извѣстіемъ о томъ или другомъ событіи, дошедшемъ до него раньше, чѣмъ до ополченія, какъ это мы сейчасъ видѣли изъ отписокъ. Эти несомнѣнныя данныя даютъ право заключать, что и въ другихъ случаяхъ преподобный заботливо относился ко всѣмъ обстоятельствамъ войны. Все это требовало большой переписки, которая, несомнѣнно и велась Діонисіемъ; потому-то ему приходилось просиживать по цѣлымъ ночамъ: «и всяка нощь день ему бяше»; [3]) потому-то, далѣе, Иванъ Насѣдка, помогая ему, долженъ былъ иногда ночевать у него; потому-то, наконецъ, онъ держалъ у себя въ кельѣ многихъ и «борзыхъ писцовъ» [4]).

Въ виду сейчасъ мимоходомъ данныхъ указаній и то можно понять, что историки несправедливы, когда, при описаніяхъ дѣятельности преподобнаго Діонисія, проявившейся въ составленіи грамотъ, ставятъ рядомъ съ Діонисіемъ Палицына, котораго считаютъ наравнѣ потрудившимся съ нимъ въ этомъ дѣлѣ. Скажемъ теперь объ этомъ нѣсколько подробнѣе. Не отрицая нѣкотораго

---

[1]) Лѣтоп. Археограф. Комиссіи 1861 г. вып. 1; матеріалы стр. 17 и 22.

[2]) Такъ онъ успокоивалъ Трубецкаго, посылая къ нему подъ Москву Троицкихъ слугъ, «укрѣпляюще все воинство писаніи, благонадежнымъ быти и ждати помощи вскорѣ» (Авр. Пал. стр. 226).

[3]) Житіе преп, Діонисія стр. 81.

[4]) Житіе преп. Діонисія стр. 82; Рук. Мос. Дух. Акад, № 203, л. 42 обор.

участія Палицына въ дѣлѣ писанія грамотъ, мы должны ограничить его. Всѣ извѣстія согласно говорятъ, что составленіе и писаніе грамотъ происходило въ кельѣ преподобнаго Діонисія, что у него тамъ были для этого писцы «борзые и доброумніи» и съ ними-то по цѣлымъ днямъ и ночамъ онъ занимался составленіемъ и писаніемъ грамотъ. Симонъ говоритъ о Діонисіи, что «писцы скорые и доброумніи у себя имуще, съ ними же присѣдаяй обнощеваше, писаше грамоты поучительныя и во вся грады посылая» [1]); тоже говоритъ и Насѣдка, что въ келліи у преподобнаго «были писцы борзые» и собирали отъ божественныхъ писаній учительныя слова [2]). Далѣе, какъ Иванъ Насѣдка, такъ и Симонъ Азарьинъ, а равно и упомянутыя нами отписки къ Курмышскому воеводѣ согласно указываютъ только имя Діонисія, какъ виновника появленія грамотъ. Потому-то въ этихъ грамотахъ обнаружилось ничье иное болѣзнованіе о Московскомъ государствѣ, ни чей иной разумъ, какъ болѣзнованіе и разумъ Діонисіевы. «Въ тѣхъ грамотахъ, пишетъ Насѣдка Симону, болѣзнованія Діонисіева о всемъ государствѣ Московскомъ безчисленно много; и буде изволите вы, государи, разума его искати, то въ тѣхъ его посланіяхъ не токмо подъ Москвою, но и во многихъ городѣхъ воеводамъ, и всякихъ чиновъ многимъ людемъ подкрѣпленіе мужества отъ его совѣта и разума великое бывало» [3]). Изъ этихъ свидѣтельствъ открывается, что въ дѣлѣ сочиненія грамотъ преподобному Діонисію принадлежала главная и руководящая роль. Но это, конечно, не исключаетъ мысли о томъ, что кромѣ писцовъ, занимавшихся только

---

[1]) Рукоп. Мосл. Дух. Акад. № 203, л. 42 об.

[2]) Житіе преп. Діонисія стр, 82.

[3]) Житіе преп. Діонисія, стр. 83—84; интересно то значеніе, какое, между прочимъ, придаетъ грамотамъ Діонисія Иванъ Насѣдка. Онъ говоритъ: «да и нынѣ бы въ монастырѣ, грядущихъ ради лѣтъ такія грамоты, добрѣ бы нужны были, чтобы въ казнѣ было на утвержденіе таковому преславному и великому мѣсту. А мнится мнѣ, государь мой, (обращается къ Симону) и для того надобно вамъ держати тѣ грамоты осадныя для преди на гордость вельможъ лукавыхъ, какъ надъ царствующимъ градомъ учинилась отъ нихъ погибель» (стр. 84).

переписываніемъ уже составленныхъ грамотъ, преподобный имѣлъ и такихъ помощниковъ, которые могли служить ему въ сочиненіи ихъ. Такимъ помощникомъ, несомнѣнно, былъ Иванъ Насѣдка, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Симонъ Азарьинъ: «многи епистоліи архимандритъ во время кровопролитія христіанскаго по градамъ посылалъ, сего Іоанна способника имѣя на то, многи добропишцы придавъ ему» [1]). Вѣроятно, Діонисій извѣстную часть работы отдалъ въ вѣдѣніе Ивана Насѣдки, для чего и далъ ему опредѣленный штатъ писцовъ; но все-таки и Иванъ Насѣдка съ своими писцами занимался ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, какъ въ кельи же Діонисія и, слѣдовательно, подъ его непосредственнымъ руководствомъ: «я въ кельѣ архимандричей, говоритъ онъ самъ, многожды ночевывалъ, и писывалъ много дѣлъ духовныхъ и грамотъ отъ властей для соединенія земли» [2]). Замѣтимъ здѣсь, что между писцами, много потрудившимися въ кельѣ Діонисія, Насѣдка указываетъ особенно на подьячаго Алексѣя Тихонова, который былъ потомъ въ слугахъ Троицкихъ [3]). Что касается Авраамія Палицына, то въ извѣстіяхъ о сочиненіи и перепискѣ грамотъ о немъ или ничего не говорится, или говорится мимоходомъ. Такъ, у Симона только въ одномъ мѣстѣ «сказанія о новоявленныхъ чудесахъ преподобнаго Сергія» находимъ указаніе на Палицына, какъ на участника въ дѣлѣ писанія грамотъ. Въ разсказѣ о грамотѣ, содѣйствовавшей возбужденію Нижегородскаго ополченія, Симонъ говоритъ: «Діонисій *съ келаремъ Аврааміємъ* паки неусыпно промышляюще и пишуще грамоты» [4]). То обстоятельство, что Иванъ Насѣдка говоритъ, что онъ писалъ грамоты *отъ властей* ничуть не доказываетъ, что грамоты эти составлялись всѣми властями, подобно тому, какъ поименованіе во всѣхъ разсылаемыхъ грамо-

---

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 68.

[2]) Житіе преп. Діонисія стр. 57.

[3]) Рукоп. Троиц. Лавр. Библ. № 41, л. 34 обор.; въ этомъ мѣстѣ Синодика записано; «инока Тимофея, иноку Маремьяну, Мелетія, Григорія,» а на верху: «родъ Троицкихъ слугъ Алексія да Ѳедора Тихоновыхъ».

[4]) Рук. Ак. Библ.; № 203, л. 44.

тахъ именъ Діонисія, Авраамія и другихъ лицъ не можетъ служить доказательствомъ, что всѣ эти лица трудились вмѣстѣ въ составленіи грамотъ; это ни что иное, какъ извѣстная офиціальная форма, по которой во всѣхъ бумагахъ, выходящимъ изъ монастыря, должно помѣщаться и имя келаря, какъ лица значительнаго и перваго послѣ архимандрита. «Не въ томъ дѣло, справедливо говоритъ Голохватовъ, отъ *чьего имени* были писаны грамоты, а *кѣмъ*, чей былъ трудъ въ составленіи ихъ. Если честь этихъ воззваній относить ко всѣмъ тѣмъ, кто поименованъ въ заглавіи ихъ, то ее раздѣлять будутъ съ архимандритомъ Діонисіемъ не только келарь Авраамій и соборные старцы, но сомнительные патріоты Василій Сукинъ и Андрей Палицынъ, вмѣстѣ съ Авраміемъ бывшіе въ посольствѣ подъ Смоленскомъ и оттуда уѣхавшіе» [1]. И такъ, нужно признать, что составленіе и писаніе грамотъ принадлежитъ труду Діонисія, велось подъ его непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ — въ его кельѣ; участіе въ этомъ дѣлѣ Палицына было незначительно, иначе не чѣмъ объяснить, почему современники, подробно говоря о патріотическихъ воззваніяхъ Діонисія, воздавая ему за то хвалу, упоминая даже помѣщниковъ его и главныхъ переписчиковъ, не упоминаютъ о Палицынѣ, кромѣ одного мѣста, гдѣ упоминается о немъ, такъ сказать, только мимоходомъ. Да и то нужно сказать, что Палицынъ былъ тогда занятъ, по извѣстіямъ современниковъ, разъѣздами въ Москву и другими дѣлами; самая должность его — келаря — была очень хлопотливою должностью, требующею большихъ трудовъ: сколько было во владѣніяхъ монастыря различныхъ вотчинъ, а всѣ они были подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ келаря. Потому-то Палицыну даже некогда было просиживать въ кельѣ Діонисія по цѣлымъ днямъ и ночамъ, что было бы удобно для Насѣдки, прямыя обязанности котораго были не обширны. Мы думаемъ, что Палицынъ, больше обращаясь съ начальниками ополченія, чаще бывая въ Москвѣ, могъ служить Діонисію въ писаніи грамотъ косвенно, сообщая ему о случившемся подъ Москвой.

---

[1]) Отвѣтъ на рецензію.

Много трудовъ и заботъ положилъ преподобный, составляя и разсылая грамоты, но доброе сердце вызывало его на новые подвиги — на дѣла христіанскаго состраданія и милосердія, въ которыхъ нуждалось тогда множество несчастныхъ, потерпѣвшихъ отъ Московскаго раззоренія и отъ казаковъ. Послѣ раззоренія и сожженія Москвы множество московскихъ жителей осталось безъ крова и всякихъ средствъ къ жизни. Удрученные нуждою, раненые, искалеченные и больные — они толпами оставляли Москву и бродили въ ея окрестностяхъ, отыскивая убѣжища. Къ насиліямъ отъ поляковъ, какъ мы уже упоминали, скоро присоединились неистовства казаковъ, которые все вокругъ Москвы раззоряли: обирая послѣднія крохи жителей, они еще надругались надъ ними и тиранили ихъ. Только Троицкій монастырь могъ представлять для несчастныхъ болѣе или менѣе надежное убѣжище. И потому къ нему-то теперь устремились толпы потерпѣвшихъ. Послѣ раззоренія Москвы, говорится въ лѣтописи, «побѣгоша вси по Троицкой дорогѣ, время — жъ тогда бяше зимное и стужа велія, народъ же бѣжащій идяше не путемъ, но прямо кійждо гдѣ успѣ; отъ Москвы до Яузы во идущемъ народѣ не видѣти снѣга, другъ друга угнѣтаху» [1]). Трудно себѣ представить, въ какомъ отчаянномъ положеніи многіе изъ нихъ являлись въ монастырь. Вотъ какъ описываетъ ихъ современникъ и очевидецъ Иванъ Насѣдка: «мнози испечены быша, а съ иныхъ власы съ главъ содраны, а у иныхъ ремеие изъ хребтовъ вырѣзаны, у иныхъ на крестъ руки и ноги обсѣчены, а у иныхъ чрева прожжены каменіемъ разженнымъ»; «паче же, заключаетъ онъ, изрещи не возможно, каковыми различными смертьми томими бяху [2])». Такими-то крайне несчастными людьми монастырь былъ переполненъ; иные изъ нихъ спѣшили сюда для того только, чтобы исповѣдаться и потомъ помереть; нѣкоторые же умирали еще на дорогѣ къ монастырю. Однимъ словомъ, монастырь, слободы, окрестныя деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими, или же не имущими ни

[1]) Новый Лѣт. 133.

[2]) Житіе Діонисія стр. 72—73.

крова, ни одежды, ни пищи. Самъ князь Пожарскій, израненный во время стычки съ поляками на Срѣтенской улицѣ, привезенъ былъ въ обитель преподобнаго Сергія. — Такія бѣдствія могутъ даже въ жестокомъ сердцѣ вызвать нѣкоторое состраданіе и участіе. Что же долженъ былъ чувствовать Діонисій, обладавшій сердцемъ очень добрымъ, видя такое множество несчастныхъ, устремившихся въ его монастырь? Онъ скорбѣлъ и чувствовалъ сильное влеченіе какъ можно скорѣе помочь несчастнымъ. Послѣ продолжительной осады и послѣ поборовъ, которые потерпѣлъ Троицкій монастырь при Васильѣ Шуйскомъ, казна монастырская, а равно и другія матеріальныя средства его довольно истощились; толпы же несчастныхъ были многочисленны и требовали очень большихъ издержекъ. Не смотря на то, преподобный Діонисій рѣшается помощь несчастнымъ, чего бы это ни стоило. И вотъ для совѣщанія объ этомъ предметѣ онъ созываетъ келаря, казначея и всю братію. Когда онъ объявилъ собравшимся, что необходимо помочь всѣмъ несчастнымъ, ищущимъ помощи у святаго Сергія, то услышалъ отъ нихъ такой отвѣтъ, какой и можно было ожидать отъ людей менѣе самоотверженныхъ. «Кто, государь архимандритъ, сказали ему всѣ единогласно, въ таковой бѣдѣ съ разумомъ соберется? Никому не возможно стало промышляти, кромѣ единаго Бога [1])». Но преподобный не отчаявался склонить братію пожертвовать нѣкоторыми своими выгодами для того, чтобы выступить на дѣло христіанской помощи, и потому со слезами сталъ говорить ей: «се, государи мои, разумѣйте: воистину искусъ отъ Господа Бога бысть намъ; отъ осады большой насъ Господь Богъ избавилъ....., а нынѣ за лѣность нашу и за скупость можетъ насъ и безъ осады смирити и оскорбити» [2]). Эти слова преподобнаго и его слезы подѣйствовали на братію: келарь, вся братія и слуги обратились къ нему за совѣтомъ, что же имъ предпринять. Всѣ, конечно, затруднялись вопросомъ о средствахъ для вспомоществованія. «Домъ святыя Троицы и великихъ чудотворцевъ, замѣтилъ тутъ Діонисій, не

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 73—74.

[2]) Ibid стр. 74.

запустѣетъ, если станемъ молить Бога» [1]). Для того, чтобы предпринимаемое святое дѣло имѣло успѣхъ, онъ предлагаетъ каждому изъ братіи и слугъ дѣлать для несчастныхъ то, къ чему кто способенъ—«промышляти, какъ говорилъ онъ, кто что смыслитъ: или сбирать на потребу бѣднымъ, или служити кто можетъ» [2]). Замѣчательно, что на это предложеніе архимандрита слуги отозвались раньше братіи. Они предложили посвятить свои труды на вспомоществованіе несчастнымъ: «мы за головы свои и за животы не стоимъ», говорили они архимандриту. Послѣ этого было рѣшено выдавать средства изъ монастырской казны для того, чтобы доставить бѣднымъ пріютъ, кормъ, одежду, лекарства. Прежде всего, чтобы всѣмъ пришельцамъ дать пріютъ, по благословенію Діонисія, начали строить больницы, богадѣльни и страннопріимницы. Сколько было построено такихъ домовъ, извѣстія объ этомъ не опредѣлены; только видно, что ихъ поставлено было не мало. Несомнѣнно, что, кромѣ братской больницы, въ которую помѣщали прибывавшихъ больныхъ, были устроены богадѣльни за монастыремъ. Для женскаго полу за монастыремъ же устроены были особенныя избы въ слободѣ Служней и въ селѣ Клементьевѣ. Были, далѣе, поставлены «дворы и избы на страннопріимство всякому чину изъ Москвы и изъ всѣхъ городовъ прибѣгающимъ мужескаго пола и женска»; упоминается еще о постройкѣ «убогихъ» домовъ. Эти разныя наименованія построекъ показываютъ, что по различію пострадавшихъ были устраиваемы и различныя помѣщенія: для больныхъ—больницы, для нуждавшихся въ жильѣ—избы и дома. Далѣе видно, что для людей боярскаго, княжескаго или дворянскаго рода ставились особенныя страннопріимницы [3]). Благодаря такой заботливости Діонисія, всѣ несчастные, приходившіе въ монастырь,

[1]) Ibid.

[2]) Житіе преп. Діонисія стр. 74.

[3]) Иванъ Насѣдка говоритъ: «поставлены были дворы и избы разныя на страннопріимство всякому чину.... княземъ и боярамъ и дѣтемъ ихъ и людемъ и всякой челяди ихъ»; для простыхъ людей были другія помѣщенія: „сколько избъ было поставлено мужеску полу и женску и дѣвическу въ Служней слободѣ и въ селѣ Клементьевѣ, сколько убогимъ домовъ“ (житіе

пользовались помѣщеніемъ, пищею и лекарствами. Мало этого: преподобный разсылалъ слугъ по дорогамъ, по сосѣднимъ лѣсамъ и деревнямъ для того, чтобы розыскивать и привозить въ монастырь тѣхъ изъ пострадавшихъ, которые сами были безсильны дойти до монастыря,—и такихъ оказывалось очень много. Болѣе здоровые изъ пришельцевъ помогали братіи въ уходѣ за больными. Такъ, женщины шили рубашки и саваны, мыли бѣлье; а ихъ за это кормили и одѣвали. Были приглашены Діонисіемъ и врачи.—Но, естественно, что весьма многіе умирали и ихъ спѣшили погребсти по христіански. По распоряженію Діонисія, погребеніемъ занимались преимущественно Иванъ Насѣдка съ братомъ Симономъ и Иванъ священникъ Синьковскій. Для приблизительнаго представленія числа пострадавшихъ, собравшихся тогда въ монастырь, важно свидѣтельство Насѣдки о числѣ погребенныхъ имъ и его пособниками. По этому свидѣтельству Насѣдка съ братомъ своимъ погребъ 4000 человѣкъ, а потомъ въ продолженіе 30 недѣль съ священникомъ Синьковскимъ предалъ землѣ еще болѣе 3000 человѣкъ. «Въ одну могилу, разсказываетъ Насѣдка, въ тѣ тридцать недѣль не бывало, чтобы одного человѣка погребсти, но три, четыре, и пять и шесть, а иногда десять и пятнадцать въ одну могилу зарывали» [1]). Объ умиравшихъ заботились, чтобы прежде смерти они исповѣдались и причастились Отыскиваемыхъ по дорогамъ нагихъ мертвецовъ преподобный запрещалъ погребать въ такомъ видѣ, а приказывалъ докладывать ему, и онъ тотчасъ распоряжался объ одѣяніи таковыхъ.

Большой наплывъ въ монастырь искавшихъ помощи и пріюта скоро отозвался на монастырскихъ запасахъ. Была израсходована

пр. Діонисія стр. 76). Симонъ Азарьинъ говоритъ такъ, что иныхъ больныхъ помѣщали въ братскую больницу, „иныхъ же за монастыремъ въ богодѣльню; женскому же и дѣвическому полу внѣ монастыря избы особыя ставили“. (Рук. Моск. Дух. Акад. № 203, л. 31).

[1]) Житіе пр. Діонисія стр. 78. Когда рыли могилу для И. С. Аксакова, то пришлось вырыть четыре ряда гробовъ, и въ каждомъ ряду по три гроба,—*все рядомъ: гробы одинъ на другомъ*. Это обстоятельство дало намъ поводъ вспомнить то время, когда Насѣдка хоронилъ въ одну могилу 10—15 чел.

почти вся мука, остался одинъ небольшой сусекъ. Видя это, преподобный понялъ, что дальнѣйшее расходованіе муки должно вести съ большою осторожностію, такъ какъ новыхъ запасовъ изъ вотчинъ привезти было нельзя: пути были заняты шайками воровъ и казаковъ. Поэтому онъ началъ убѣждать братію ѣсть хлѣбъ овсяный и пить воду для того, чтобы хлѣбъ ржаной и пшеничный и квасъ уберечь для раненыхъ и больныхъ, нуждавшихся въ хорошей пищѣ. «А мы, говорилъ преподобный своей братіи, упованіе возложимъ на Бога и станемъ ясти на трапезѣ хлѣбъ овсяный..... во имя Господне и съ воды не умремъ» [1]). Слово архимандрита было принято братіей, и съ того времени въ продолженіе сорока дней на трапезѣ братской никогда не было квасу. Больные же и раненые получали хлѣбъ чистый, теплый и мягкій, и всякія брашна различныя и питія добрыя;—и при этомъ не обходилось безъ злоупотребленій, потому что, по замѣчанію Насѣдки, иные объѣдались даровымъ хлѣбомъ, какъ скоты. (Житіе пр. Діонисія стр. 88). Но какъ бы ни экономили расходованіе муки, но малаго сусека на такое множество раненыхъ и больныхъ не могло достать на долго. Близилась опасность совсѣмъ остаться безъ муки. Но тутъ, по разсказу Симона, произошло чудо: изъ сусека муку брали, а ея не убавлялось. Тогда сѣяніемъ муки занимался Пименъ, бывшій архимандритъ Старицкаго монастыря: его Троицкія власти заставили нести черную работу за ослушаніе его сына Амфилохія, который былъ строителемъ Казанскаго монастыря, находившагося подъ вѣдѣніемъ Троицкаго, именно—за то, что Амфилохій былъ въ Казани за одно сь измѣнникомъ Никаноромъ Шульгинымъ. Пименъ—первый замѣтилъ, что муки въ сусекѣ не убавлялось, не смотря на то, что онъ постоянно бралъ изъ него. Удивившись этому, онъ сказалъ о таковомъ чудѣ своему духовному отцу—священноиноку Симону, который передалъ это извѣстіе Ивану Насѣдкѣ. А Насѣдка уже передалъ Діонисію. «Архимандритъ же Діонисій, продолжимъ словами Симона, видѣвъ самъ удивися че-

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 87; Рукоп. Троиц. Лавр. Библ. № 700, л. 98 об.

ловѣколюбію Божію и съ келаремъ и съ казначеемъ и съ братіею увѣришася и воздаша благодареніе Богу и пречистой Богородицѣ и великимъ чудотворцемъ Сергію и Никону, яко промыслъ ихъ о бѣдныхъ не вотще бысть. И сицевымъ малымъ сусекомъ муки, его же Богъ множаше, питаеми быша вси въ монастырѣ и иноцы и мірскіе и до 40 дней, дондеже пути очистишася отъ поганыхъ поляковъ и отвсюду хлѣба довольно привезоша» [1]).

Дальнѣйшими добрыми результатами заботъ Діонисія было то, что многіе раненые и больные выздоровѣли и возвратились въ свои дома, а иные остались въ монастырѣ на всегда и проходили здѣсь различныя монастырскія службы. Оставшихся въ монастырѣ было болѣе 500 человѣкъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Симонъ Азарьинъ [2]). Въ описаніи заботъ Діонисія о раненыхъ и другихъ несчастныхъ у Ивана Насѣдки обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія слова: «тѣхъ всѣхъ людей къ душевному спасенію и тѣлесному здравію вина бысть и промысленникъ Діонисій архимандритъ, а не келарь Авраамій Палицынъ» [3]). Что хотѣлъ Насѣдка сказать этимъ? Несомнѣнно то, что иниціатива, главное руководство, постоянныя заботы и распоряженія въ дѣлахъ христіанскаго состраданія принадлежали Діонисію; что келарь Авраамій въ данномъ случаѣ, если и проявлялъ себя дѣятельнымъ, то только въ исполненіи распоряженій и приказаній Діонисія. Такъ какъ Авраамій, какъ келарь, завѣдывалъ имѣніями и вотчинами монастыря, то всякому естественно было думать, что въ такомъ дѣлѣ, какъ матеріальная помощь больнымъ и бѣднымъ, онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Отъ такого представленія дѣла Иванъ На-

---

[1]) Рук. Тр. Лавр. Библ. № 700, л. 99. Тоже чудо разсказано Симономъ въ сказаніи о новоявленныхъ чудесахъ преп. Сергія (Рук. Мос. Дух. Ак. № 203, л. 28).

[2]) „Мнози же отъ ранъ и отъ наготы призрѣніемъ архимарита Діонисія препокоени быша и здравіе пріемше и до-нынѣ въ его обители труждающись во многихъ службахъ, яко и до пяти сотницъ или вящшее: прочимъ же, иже здравіе пріемше, разыдошася во свояси, ихже число множественно". (Рук. Моск. Дух. Акад. № 203, л. 32).

[3]) Житіе преп. Діонисія стр. 76—77.

сѣдка и предостерегаетъ читателей, говоря какъ бы такъ: «хотя Авраамій и завѣдывалъ имуществомъ монастыря и, слѣдовательно, ближе всѣхъ долженъ былъ стоять къ такому дѣлу, въ которомъ требовались матеріальныя издержки, однако въ дѣлѣ помощи несчастнымъ не онъ былъ главнымъ виновникомъ, а архимандритъ Діонисій»; потому что «паче всѣхъ сей Діонисій не имѣлъ себѣ покою не токмо на единъ день, но почти не на единъ часъ, и всегда дозиралъ болящихъ» (Жит. преп. Діонисія стр. 88).

Такимъ-то образомъ въ монастырѣ преподобнаго Сергія «нагимъ одежда бысть, страннымъ упокоеніе, нищимъ и гладнымъ прокормленіе, отъ мраза изгибающимъ теплое утѣшеніе, страннымъ и раненымъ и конечно издыхающимъ отпускъ отъ сего свѣта съ напутіемъ вѣчнаго живота, мертвымъ же погребеніе бываше» (Симонъ въ предисловіи къ сказанію о новоявленныхъ чудесахъ Сергія—во Временникѣ кн. X, стр. 13). «Сія вся сотворяшеся добрымъ строителемъ въ чудотворцовѣ обители» (разумѣется, конечно, Діонисій) (ibid.). Но у Діонисія, главнаго виновника дѣла, были усердные помощники. Изъ таковыхъ, кромѣ Ивана Насѣдки, обращаетъ на себя вниманіе инокъ Дороѳей—ученикъ Діонисія, жившій съ нимъ въ одной кельѣ. Это былъ великій подвижникъ и постникъ. Онъ, по порученію архимандрита, разносилъ больнымъ деньги, одежду, полотенца, платки, и настолько былъ усерденъ, что просиживалъ у больныхъ по цѣлымъ ночамъ, бесѣдуя съ ними и утѣшая ихъ. Онъ дѣлалъ это не только по распоряженію Діонисія, но и сверхъ распоряженія по своему собственному желанію быть чѣмъ либо полезнымъ несчастнымъ раненымъ.

Такъ усердно и полезно вмѣстѣ съ своими сотрудниками подвизался преподобный Діонисій въ дѣлахъ христіанской благотворительности, за что и удостоился отъ современниковъ сравненія съ Товіемъ и Іосифомъ: «якоже во время подобное Господь Египту въ прокормленіе Іосифа и Товію праведнаго въ Вавилонѣ Израилю; тако нынѣ въ раззореніе наше сего мужа святаго и дивнаго архимандрита Діонисія воздвиже житомѣрителя, по Господню словеси, во время подобно раздавающа пищу рабомъ, комуждо по достоянію его.»

ГЛАВА III.

Значеніе дѣятельности Троицкихъ властей въ судьбѣ и успѣхахъ Нижегородскаго ополченія и участіе ихъ въ послѣдующихъ затѣмъ событіяхъ.

Значеніе Троицкаго монастыря.—Грамота Діонисія въ Нижнемъ: разныя извѣстія о полученіи ея тамъ и впечатлѣніи, произведенномъ ею на Нижегородцевъ.—Мнѣніе г. Забѣлина и разборъ его.—Дѣйствительное значеніе Троицкой грамоты въ возбужденіи новаго ополченія.—Стоянка нижегородскаго ополченія въ Ярославлѣ; троекратное посольство къ нему изъ Троицкаго монастыря.—Пожарскій въ Лаврѣ.—Прибытіе Пожарскаго въ Москву и битва съ Ходкѣвичемъ; значеніе въ этой битвѣ дѣятельности Троицкихъ властей.—Вражда между Пожарскимъ и Трубецкимъ—земцами и казаками; заботы Троицкихъ властей о примиреніи ихъ: посланіе къ князьямъ.—Отправленіе казакамъ драгоцѣнныхъ священныхъ вещей.—Благополучный исходъ ополченія и избраніе Михаила Ѳедоровича.—Походъ Владислава и перемиріе, заключенное съ нимъ въ Деулинѣ.

Какъ патріотическимъ грамотамъ Гермогена и Ляпунова приписываютъ возбужденіе перваго народнаго движенія, поднявшагося на очищеніе Московскаго государства, такъ къ грамотамъ, вышедшимъ отъ Троицкаго архимандрита относятъ вызовъ ополченія, зародившагося въ Нижнемъ-Новгородѣ. Чтобы понять, чѣмъ обусловливалось могущественное вліяніе Троицкихъ грамотъ на русскій народъ вообще и на Нижегородцевъ въ частности, мы прежде самаго изложенія извѣстій, относящихся къ Нижегородскому ополченію,

скажемъ немного словъ о значеніи Троицкаго монастыря, особенно въ періодъ времени предъ выступленіемъ Нижегородскаго ополченія. Еще со времени перваго игумена монастыря преподобнаго Сергія, благословившаго князя Дмитрія Донскаго, Троицкій монастырь пріобрѣлъ уваженіе со стороны Московскаго народа и особенно Московскихъ государей. Во времена же страшныхъ беззаконій и злодѣяній, которыми часто сопровождалось усиленіе и возвышеніе Москвы, эта обитель была ближайшимъ убѣжищемъ, гдѣ русскіе люди спасали свое христіанское и европейское званіе. Въ ней, по выраженію Кояловича, жила несокрушимая вѣра въ будущность Москвы, Россіи. Новые подвиги монастыря въ смутное время доставили ему еще сильнѣйшее нравственное обояніе, которое привлекало къ нему народъ. Продолжительная осада, выдержанная монастыремъ такъ сильно повліяла на русскій народъ, что онъ избавленіе его приписалъ непосредственно чудесной силѣ, убѣдился, что монастырь находится подъ покровительствомъ преподобнаго Сергія, который и далъ силу осажденнымъ вынести всѣ бѣдствія осады. Далѣе, разсылка Діонисіемъ грамотъ, его самоотверженная дѣятельность, проявившаяся въ облегченіи страданій несчастныхъ того времени, могли, конечно, только еще болѣе укрѣплять въ народѣ мысль, что въ монастырѣ Троицкомъ живетъ правда, живетъ благодать Божія, что оттуда можетъ выйти спасеніе погибавшему отечеству. Когда Авраамій Палицынъ и Симонъ Азарьинъ говорятъ, что обитель святаго Сергія была источникомъ всякаго добра для русской земли, что имя преподобнаго повсюду являлось чудесною спасительною силою, то они выражаютъ общее убѣжденіе Московскаго народа. Если таковы были авторитетъ и значеніе монастыря для тогдашняго русскаго народа, то конечно всякое слово, вышедшее отъ Троицкихъ властей, принималось имъ близко къ сердцу. Вотъ почему предводитель ополченія, стоявшаго подъ Москвой, князь Трубецкой во всѣхъ важныхъ случаяхъ обращается къ обители,— то проситъ ее, какъ мы уже упоминали, разослать патріотическія грамоты, то замолвить за него слово предъ Пожарскимъ и проч.

Даже можно сказать болѣе: гражданское правительство со времени смерти Ляпунова и до выхода Нижегородскаго ополченія отступило на задній планъ и не могло пользоваться тѣмъ объемомъ власти, какой долженъ-бы принадлежать ему по идеѣ. Оно расшаталось. Въ самомъ дѣлѣ, если взглянемъ на Московское государство за разсматриваемый періодъ времени, то увидимъ, что въ немъ существовало три центра: въ Думѣ—въ Кремлѣ, въ станѣ Трубецкаго и въ Троицкомъ монастырѣ. Нечего доказывать, что Кремлевское правительство не имѣло въ глазахъ народа никакого значенія: оно не признавалось, противъ него шелъ народъ. Станъ Трубецкаго послѣ смерти Ляпунова потерялъ для народа то нравственное вліяніе, какое производила на него первоначальная грандіозная задача ополченія. Хотя въ немъ, конечно, остались еще разные правительственные органы, но не осталось того, что должно одушевлять каждое правительство, не осталось идеи правды, въ силу которой народъ свободно тяготѣетъ къ своимъ властямъ. Если еще на сторонѣ стана Трубецкаго была привычка народа имѣть центральное правительство въ Москвѣ, то сила авторитета и нравственнаго могущества была только на сторонѣ Троицкаго монастыря. Силою обстоятельствъ поставленный на время въ положеніе центра, изъ котораго одного могло еще выйти авторитетное слово, Троицкій монастырь въ своихъ стѣнахъ создалъ временное правительство, по формѣ своей напоминавшее Думу съ священнымъ соборомъ. Такъ разсуждаемъ мы, основываясь на тѣхъ замѣчаніяхъ Палицына, въ которыхъ онъ говоритъ, что при разсылкѣ грамотъ архимандритъ и келарь совѣтовались съ боярами и воеводами. Такъ объ іюльскихъ грамотахъ Палицынъ говоритъ, что они посланы въ Казань и въ другіе города «по совѣту бояръ и воеводъ» [1]). Еще яснѣе онъ подтверждаетъ нашу мысль при разсказѣ о разсылкѣ грамотъ въ октябрѣ. «Архимандритъ-же Діонисій и келарь старецъ Авраамій, говоритъ Палицынъ, сотвориша соборъ, *созвавше бояръ и дворянъ и дьяковъ*, прилучившихся тогда въ монастырѣ Троицкомъ отъ разоренья Москов-

---

[1]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. мон. стр, 222.

скаго и *совѣтовавше*, паки написаша грамоты» [1]). И такъ, на соборѣ вмѣстѣ съ властями монастырскими присутствовали представители государства и даже дьяки-писцы, какъ въ настоящемъ засѣданіи Думы. Кромѣ совѣщанія о вопросахъ, имѣвшихъ государственное значеніе, Троицкія власти посылали тогда бояръ, воеводъ и дьяковъ для сбору ратныхъ людей: «и разослаша во вся грады Россійскія державы для сбору ратныхъ людей», замѣчаетъ Палицынъ [2]). Собраніе же ратныхъ людей представляетъ одну изъ главныхъ функцій государственной жизни. Въ виду всего этого вмѣстѣ съ г. Кедровымъ можно сказать, что тогда «на время центръ государственныхъ отправленій перенесенъ былъ изъ Москвы—средоточія государственной жизни въ монастырь – средоточіе жизни духовной» [3]). Нужно, конечно, ограничить эту мысль тѣмъ, что только тѣ отправленія государственной жизни были болѣе или менѣе перенесены въ Троицкій монастырь, которыя касались возбужденія народа и созыва ратныхъ людей, а также успѣха военныхъ предпріятій. Дальше мы увидимъ, какъ заботились Троицкія власти о томъ, чтобы Нижегородское ополченіе во время пришло къ Москвѣ, какъ они сами или чрезъ нихъ Трубецкой сообщали ополченію нужныя извѣстія и под. Вотъ какимъ авторитетомъ пользовался Троицкій монастырь въ глазахъ русскаго народа и вотъ какое положеніе онъ занималъ тогда, когда подъ Москвой разлагалось Ляпуновское ополченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, готовилась неизбѣжная гибель Московскаго государства.

Изъ этого-то монастыря въ Нижній-Новгородъ въ концѣ октября пришла грамота архимандрита Діонисія съ призывомъ ополчаться и идти на очищеніе Московскаго государства отъ польскихъ и литовскихъ людей. Это была грамота, посланная 6 октября и извѣщавшая, между прочимъ, о приближеніи подъ Москву Ходкѣвича;—о посылкѣ и содержаніи ея мы говорили въ предъидущей главѣ. Естественно, что Нижегородцы, зарекомендовавшіе

---

[1]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. мон. стр. 226.

[2]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр, мон. стр. 226.

[3]) *Кедровъ.* Авраамій Палицынъ.

себя и раньше со стороны вѣрности Московскимъ государямъ, охотно отозвались на призывъ, вышедшій изъ Троицкаго монастыря. Сохранилось нѣсколько извѣстій о томъ, какъ отнеслись къ Троицкой грамотѣ въ Нижнемъ и какое, слѣдовательно, она имѣла значеніе въ зарожденіи новаго ополченія. Такъ какъ это важно для уясненія вообще значенія дѣятельности Троицкихъ властей во главѣ съ Діонисіемъ, то мы обратимся къ этимъ извѣстіямъ и къ подробному разбору ихъ. Эти извѣстія слѣдующія.

1) У Авраамія Палицына въ его «сказаніи» читаемъ: «грамотамъ отъ обители живоначальныя Троицы дошедшимъ во вся грады Россійскія державы, и паки начаша быти въ единомысліи: паче же въ Нижнемъ въ Новѣградѣ крѣпцѣ яшася за сіе писаніе, и множество народу внимающе сему по многи дни» [1]).

2) Симонъ Азарьинъ повѣствуетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «Бодрый въ разумѣ, говоритъ онъ, пастырь нелестный стада овецъ Христовыхъ архимандритъ Діонисій съ келаремъ Авраамiемъ, паки (разумѣются октябрскія грамоты) неусыпно промышляюще и пишуще грамоты, яко же и преже, во вся грады верховные и понизовые, моляше ихъ и подвизающе писаніемъ, да изыдутъ на заступленіе Московскому государству..... и паки начаша мнози во умиленіи приходити, паче же въ Нижнемъ Новѣгородѣ за се крѣпко вземшимся и начаша всяко мыслити, како и коимъ обычаемъ да подадутъ помощь Московскому государству, и когда уже промыслъ человѣколюбца Бога изыде къ народу христіанскому и благодатію его обрѣтохомъ заступника Московскому государству и всей Россійстѣй земли преподобнаго Сергія чудотворца; тогда православніи христіане, яко отъ люты зимы къ праведному солнцу Христу Богу лица своя обращаху и къ теплотѣ спасенія желающе приступити, озари бо сердца вѣрныхъ Христосъ Богъ нашъ милосердіемъ Своимъ» [2]). Далѣе, по сказанію Симона, даже то лицо, которое заняло главную роль въ Нижегородскомъ ополченіи, было выдвинуто или вызвано на это дѣло

---

[1]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. мон. стр. 227.

[2]) Рук. Моск. Дух. Ак. № 203, л. 44 и обор.

чудотворцемъ Сергіемъ, и слѣдовательно, вліяніемъ того же монастыря, изъ котораго получены были и грамоты. Такимъ образомъ, два обстоятельства: выступленіе Минина въ роли дѣятеля въ ополченіи и вліяніе грамотъ Діонисія на Нижегородцевъ приведены у Симона въ связь: оба они случились въ одно время и явились слѣдствіемъ нравственнаго вліянія монастыря. Какъ косвенно подтверждающій мысль о важномъ значеніи Троицкаго монастыря въ дѣлѣ Нижегородскаго ополченія и развивающій ее нѣсколько съ иной стороны, разсказъ Симона о видѣніяхъ Минину преподобнаго Сергія имѣетъ для насъ важный смыслъ. Вотъ этотъ разсказъ. Одному благочестивому гражданину Нижняго Новгорода Кузьмѣ Минину во время сна является однажды преподобный Сергій, «повелѣвая ему казну собирати и воинскихъ людей надѣляти и идти на очищеніе Московскаго государства». Мининъ, проснувшись, испугался, а потомъ помысливъ, что на дѣло воинское онъ мало способенъ, оставилъ видѣніе безъ вниманія. Чрезъ нѣсколько времени тоже видѣніе повторилось; Мининъ же опять не обратилъ на него должнаго вниманія. Наконецъ, преподобный Сергій является Минину третій разъ и грозно говоритъ: «не рѣхъли ти о семъ, понеже изволеніе праведныхъ судебъ Божіихъ помиловати православныхъ христіанъ и отъ многаго мятежа въ тишину привести, сего ради рѣхъ ти казну собирати и ратныхъ людей надѣляти, да очистятъ съ Божіею помощію Московское государство отъ безбожныхъ поляковъ и прогонятъ еретиковъ», и при этомъ чудотворецъ прибавилъ: «старѣйшіи въ такое дѣло не внидутъ, но паче юніи начнутъ творити, и начинанія ихъ дѣло благо будетъ и въ доброе совершеніе пріидетъ». Сказавъ это, преподобный скрылся. Мининъ же, проснувшись, былъ въ великомъ трепетѣ и при этомъ чувствовалъ сильную боль въ животѣ. Послѣ этого онъ уже не смѣлъ оставить безъ вниманія приказанія преподобнаго Сергія, но началъ размышлять, какъ бы исполнить его. И вотъ, въ земской избѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчалъ народъ, онъ со слезами не рѣдко говорилъ: «Московское государство и прочіе грады большіе и меньшіе всѣ разорены быша отъ

безбожныхъ, и людіе благородніи отъ вельможъ и до простыхъ всѣ посѣчены быша, жены ихъ и дщери предъ лицемъ ихъ опозорены и въ плѣнъ вѣдоми быша и не можно тоя бѣды изглаголати, яко слышимъ и нынѣ Москва и прочіи грады одержимы отъ еретикъ и одолѣша поганіи мало не всю землю россійскую; толико благодатію Божіею градъ нашъ единъ Богомъ хранимъ и пребываемъ, яко безбоязненніи, а враги наша поляки и литва— свирѣпіи волцы, зіяюще усты своими, хотяще расхитити насъ яко овца, не имущихъ пастыря и градъ нашъ раззоренію предати; мы же о семъ не мало пекущеся и промыслу не чинимъ». Эти слова Минина производили на Нижегородцевъ сильное дѣйствіе, но юноши, какъ сказалъ преподобный Сергій, откликнулись прежде. Скоро всѣ Нижегородцы рѣшились «за избавленіе христіанскія вѣры глава своя положити». Они составили приговоръ, по которому было рѣшено во всемъ слушаться Кузьмы. Потомъ, скоро вслѣдъ за Мининымъ, пожертвовавшимъ «на строеніе ратныхъ людей» большую часть своего имущества, и другіе Нижегородцы— гости и торговые люди—приносили многую казну. Казна эта увеличивалась приношеніями и уѣздныхъ людей. Между тѣмъ предводителемъ зарождавшагося ополченія былъ избранъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій [1]). Такъ разсказывается у Симона Азарьина о возстаніи Нижегородцевъ. Ясно, что по этому разсказу Троицкимъ грамотамъ и вообще Троицкому монастырю усвояется громное значеніе въ дѣлѣ возбужденія и ополченія Нижегородцевъ.

3) Наконецъ, имѣется еще извѣстіе о томъ, какое значеніе имѣли Троицкія грамоты въ Нижнемъ. Оно открыто въ первый разъ Павломъ Ивановичемъ Мельниковымъ въ 1843 году. По разсказу самого Мельникова, однажды на ярмаркѣ въ Нижнемъ у одного торговца старописьменными и старопечатными книгами онъ нашелъ хронографъ, принадлежавшій когда-то какому-то крестьянину Ельнину. Онъ доведенъ до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича. На концѣ же его находится отдѣльная рукопись in folio новаго письма (XVIII столѣтія), состоящая изъ 21 листа.

---

[1]) Рук. Моск. Дух. Ак. № 203, л. 45—48.

Въ этой рукописи заключаются выписки изъ VIII тома Никоновой лѣтописи о раззореніи Московскаго государства и восшествіи на престолъ Михаила; въ ней же находится и извѣстіе о полученіи въ Нижнемъ Троицкихъ грамотъ и ихъ вліяніи [1]). Выпишемъ здѣсь буквально это извѣстіе, теперь уже значительно привившееся въ исторической наукѣ. «Во всѣхъ же городахъ Московскаго государства слышаху такое душевредство подъ Москвою и о томъ скорбяше и плакахуся, и креста не цѣловаху ни въ которомъ городѣ, а помощи никто не можаше сдѣлати. Нижегородцы же, поревновавъ православной христіанской вѣрѣ и не хотяху видѣти православной вѣры въ латинствѣ, начаша мыслити, како бы помощь Московскому государству подати. Достизаетъ же до нихъ грамота властей Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря. И получивъ сицевую грамоту, Нижегородскія власти на воеводскомъ дворѣ совѣтъ учиниша. На совѣтѣ же томъ быша Ѳеодосѣй архимандритъ Печерскаго монастыря, Савва спасскій протопопъ съ братіею, да иные попы, да Биркинъ, да Юдинъ, и дворяне, и дѣти боярскіе, и головы, и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Мининъ. И той рече: «святый Сергій явился мнѣ и повелѣ возбудити спящихъ, прочтите же грамоту властей Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря въ соборѣ, а что Богъ велитъ.» Биркинъ же сумняшеся, и Кузьма же рече ему: аще хощеши, исповѣдаю тя православнымъ. Той же умолча. И егда на утріе ударятъ въ великій колоколъ у всемилостиваго Спаса, вси чудяхуся, не воскресный бо день. И собирахусь ко Спасу. И собирахусь ко Спасу, овіи радостной вѣсти о избавленіи отъ польскихъ и литовскихъ людей ожидая, друзіи же большія гибели чая. По скончаніи же божественныя литургіи восходитъ Савва протопопъ предъ святыми вратами и обращься къ народу, воціетъ къ людемъ: увы намъ, господіе чада мои и братія, увы намъ! Се бо пріидоша дни конечныя гибели; погибаетъ Московское государство и вѣра православная гибнетъ. О горе намъ! О лютаго обстоянія! Польскіе и литовскіе люди въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ умы-

[1]) Отеч. Зап. 1843 г. „Науки и художества“ стр. 31.

слили Московское государство раззорити и непорочную вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересь обратити! И кто не восплачетъ здѣ, братія, кто не источитъ источницы слезны отъ очей своихъ? Грѣховъ ради нашихъ попущаетъ Господь врагомъ нашимъ возноситися! Увы намъ, братіе мои и чада,—благокрасный бо градъ Москву оные еретики до основанія разорили и людей его всеядному мечу предали. Что сотворимъ, братіе, и возглаголемъ? Не утвердимлися въ соединеніи и не станемъ ли до смерти стояти за вѣру христіанскую чисту и непорочну и за святую соборную и апостольскую церковь честнаго Его успенія и за многоцѣлебныя мощи Московскихъ чудотворцевъ? *Се же и грамота просительная властей Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря.*» И по семъ читаетъ оную грамоту, слезы изъ очію источающе. Людіе же предстоящіе, яко рѣки волнопитальніи, слезы изъ очію испущаху и во умиленіи восклицаху: увы намъ, увы намъ! Погибаетъ царствующій градъ Москва, погибаетъ и государство Московское. По семъ отслужиша молебное пѣніе съ колѣнопреклоненіемъ, да подастъ Господь Бодъ побѣду христіанамъ. И по-часту схождахусь совѣтоватися, что убо сотворятъ, Кузьма же возопи всѣмъ людемъ: гибнетъ Москва и будетъ намъ похотѣть помочи Московскому государству» и пр.,—какъ въ Никоновой лѣтописи до словъ: «тако Богу поспоряющу всѣмъ» (Ник. лѣт. VIII, стр. 176, строч. 5 и 4 снизу). За симъ: «посла же въ Казань Ивана Биркина, а съ нимъ Савву и поповъ, измѣны ради, Кузьма же не думалъ отпустити, да съ нимъ властей въ совѣтѣ» и проч., какъ въ Никоновой лѣтописи [1]). Таково извѣстіе Ельнинской рукописи. «Не знаю, замѣчаетъ относительно ея г. Мельниковъ, что это такое—преданіе ли, слышанное и записанное уже въ XVIII столѣтіи, или списокъ съ съ временнаго историческаго сочиненія, котораго подлинникъ не дошелъ до насъ» [2]).

О томъ, сколько въ этихъ трехъ разныхъ извѣстіяхъ, выписанныхъ нами для уясненія значенія Троицкихъ грамотъ въ Ниж-

---

[1]) Отеч. Зап. 1844 г. стр. 32 въ отд.: «Науки и художества.»

[2]) ibid. стр. 31.

немъ, авторской фантазіи и сколько исторической правды—судить трудно. Поэтому, минуя пока частности, въ сообщеніи которыхъ эти извѣстія разнятся и потому легче могутъ быть заподозрѣны въ исторической достовѣрности, мы укажемъ въ нихъ болѣе общія черты, которымъ по одному уже тому, что онѣ *общія*,—можно довѣрять съ большимъ основаніемъ. Эти общія черты слѣдующія. Въ Нижнемъ-Новгородѣ была получена Троицкая грамота, призывавшая русскій народъ ополчаться на польскихъ и литовскихъ людей; она произвела на Нижегородцевъ очень сильное впечатлѣніе, такъ что Нижегородцы рѣшились ополчаться. Для совѣту объ этомъ дѣлѣ они стали собираться то въ земской избѣ, то на воеводскомъ дворѣ, то въ церкви всемилостиваго Спаса, гдѣ читалась и Троицкая грамота. Результатомъ такихъ совѣтовъ и собраній и были: собраніе казны на ратное дѣло, выборъ воеводы, выборъ распорядителя казною и, наконецъ, самое ополченіе. При такомъ представленіи дѣла ясно, что грамота отъ Троицкихъ властей имѣла очень большое значеніе въ самомъ зарожденіи народнаго движенія въ Нижнемъ. Однако во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ, оставившихъ намъ свѣдѣнія о смутномъ времени, о Троицкой грамотѣ, возбудившей Нижній-Новгородъ, нѣтъ ни слова. Въ трехъ извѣстныхъ редакціяхъ одного списка—именно: въ лѣтописи о мятежахъ, въ Никоновой лѣтописи т. VIII и въ Новомъ Лѣтописцѣ, дѣло народнаго возбужденія въ Нижнемъ представляется результатомъ ревности самихъ Нижегородцевъ и энергической дѣятельности Кузьмы Минина. А такъ какъ Авраамія Палицына и Симона Азарьина, свидѣтельствующихъ о сильномъ впечатлѣніи Троицкой грамоты въ Нижнемъ, можно заподозрить въ понятномъ пристрастіи къ своему монастырю, а Ельнинская рукопись извѣстна только въ спискѣ уже XVIII столѣтія и, слѣдовательно, не можетъ пользоваться большимъ авторитетомъ въ глазахъ ученыхъ, то нашлись историки, которые стали отвергать достовѣрность всѣхъ этихъ свидѣтельствъ о сильномъ впечатлѣніи Троицкой грамоты въ Нижнемъ. Изъ таковыхъ особенно извѣстенъ г. Забѣлинъ. Онъ отвергаетъ всякое значеніе Троицкой грамоты въ

возбужденій Нижегородцевъ. Изложимъ главныя мысли, которыми г. Забѣлинъ доказываетъ свое мнѣніе, а потомъ обратимся къ разбору ихъ, причемъ въ разборѣ мнѣнія Забѣлина мы, чтобы не впасть въ литературный грѣхъ и не повторять подробно того, что давно сказано другими, думаемъ держаться такого плана: резюмируя возраженія г.г. Костомарова и Кедрова, направленныя противъ Забѣлина, мы, гдѣ только нужно, присоединимъ къ нимъ свои замѣчанія. Г. Забѣлинъ прежде всего возмущается тѣмъ, что до него историки приписывали Троицкой грамотѣ въ Нижнемъ большое значеніе. «Обыкновенно, говоритъ онъ, историки разсказываютъ (и это стало уже непогрѣшимою истиною), что Нижегородцы поднялись и вошли, такъ сказать, въ разумъ только съ той минуты какъ прочитали призывную грамоту изъ Троицкаго монастыря. Дѣло вообще представляется въ такомъ видѣ, что Нижегородцы до того времени, какъ будто, по словамъ легенды, въ самомъ дѣлѣ спали и слухомъ не слыхали, что дѣлается въ Москвѣ: изъ этой только грамоты они узнали именно о томъ, что настоитъ необходимость помочь отечеству. Такъ написалъ объ этомъ Авраамій Палицынъ, и ему одному повѣрили историки предпочтительно предъ всѣми лѣтописцами, которые о таковомъ дѣйствіи Троицкихъ грамотъ и даже о самыхъ грамотахъ не говорятъ ни слова» [1]). Доказательства Забѣлина въ пользу того, что не Троицкая грамота возбудила Нижегородцевъ, а что напротивъ она не имѣла въ данномъ случаѣ никакого значенія можно свести къ слѣдующимъ пунктамъ.

1) Гораздо раньше Троицкой грамоты, именно 25 августа, была прислана въ Нижній грамота патріарха Гермогена съ призывомъ не признавать царемъ Маринкина сына, а стоять крѣпко въ православной вѣрѣ [2]). Нижегородцы грамоту эту 30 августа переслали въ Казань, а изъ Казани ее послали въ Пермь. По всему Поволжью распространилась уже вѣсть о томъ, что подъ Москвой неистовствуютъ казаки, а вмѣстѣ съ этимъ распростра-

[1]) Рус. Арх. 1872 г. стр. 581.

[2]) Собр. госуд. грам. и дог. т. II стр. 567.

нилось уже и возбужденіе противъ казаковъ и ихъ замысловъ. «Ясно, заключаетъ отсюда Забѣлинъ, что вся земля уже отложилась отъ подмосковнаго ополченія, отъ казаковъ и ихъ воеводъ, что въ ней уже зарожралось дѣло независимое и самостоятельное» [1]).

2) Самое содержаніе Троицкой грамоты таково, что она не могла возбудить Нижегородскаго ополченія и именно вотъ почему: всѣ, въ томъ числѣ и Нижегородцы, были убѣждены, что подъ Москвой, кромѣ поляковъ, появились другіе враги—казаки, съ которыми требуются почти одинаковые счеты; а между тѣмъ Троицкая грамота зоветъ и приглашаетъ русскій народъ къ соединенію именно съ этими новыми врагами. Троицкія власти умалчиваютъ о безобразіяхъ казаковъ и ни слова не говорятъ объ убійствѣ Прокопія—злодѣйствѣ казацкихъ рукъ; это, между прочимъ, по мнѣнію Забѣлина, вызывалось тѣмъ, что «живя вблизи казаковъ и казацкихъ воеводъ, они (власти) по необходимости должны были мирволить имъ и жить съ ними въ дружбѣ.» «Можно понять, заключаетъ отсюда г. Забѣлинъ, какое впечатлѣніе могла произвести эта грамота въ народѣ, который зналъ обстоятельства дѣла гораздо лучше, чѣмъ Троицкія власти;..... народъ зналъ, что вся подмосковная рать стоитъ теперь только для грабежей, а Троицкія власти зовутъ, умоляютъ стать заедино съ этими грабителями, да еще и защитить ихъ отъ Ходкѣвича» [2]).

3) Въ силу такихъ соображеній г. Забѣлинъ называетъ Троицкую грамоту «не совсѣмъ понятной для народа,» а какъ такая, она не могла побудить народъ къ возстанію. Иное бы дѣло, говоритъ онъ, если бы Троицкія власти описывали вообще пагубное положеніе дѣлъ и «призывали бы всѣхъ, какъ патріархъ Гермогенъ, образумиться, покаяться и, соединившись въ одну мысль, спасти государство не отъ одной бѣды для казаковъ — отъ Ходкѣвича, а отъ общей бѣды, отъ общей смуты и раззоренья,—тогда бы дѣйствительно ихъ грамота имѣла тотъ смыслъ, какой приписы-

---

[1]) Рус. Арх. 1872 г. стр. 584.

[2]) Рус. Арх. 1872 г. стр. 585—586.

ваютъ ей историки и была-бы принята народомъ, какъ принимались грамоты Гермогена, Ляпунова, всѣ грамоты городовъ» [1]).

4) Въ сужденіяхъ о дѣйствіи Троицкой грамоты историки повѣрили одному Палицыну—лѣтописцу очень мало достовѣрному.

5) Что-же касается разсказа, заимствованнаго изъ Ельнинской рукописи, то Забѣлинъ признаетъ его безусловно легендой, сочиненной народомъ гораздо позднѣе самыхъ событій, о которыхъ въ немъ говорится. Происхожденіе этой легенды онъ объясняетъ такъ. Въ Троицкомъ монастырѣ было преданіе, что Мининъ самъ сказывалъ преп. Діонисію, что онъ возбужденъ былъ къ своему подвигу явленіемъ преп. Сергія еще въ Нижнемъ. Преданіе это записано у Симона въ «сказаніи о новоявленныхъ чудесахъ пр. Сергія» (чего, кажется, не зналъ г. Забѣлинъ). Изъ этого-то голаго свидѣтельства о видѣніи Минину и образовалась легенда, записанная въ XVIII вѣкѣ. Для народнаго ума было недостаточно одного простаго свидѣтельства о видѣніи, разсуждаетъ г. Забѣлинъ, «у народа является потребность обставить это извѣстіе соотвѣтствующими обстоятельствами и, такимъ образомъ, является разсказъ—легенда о томъ, какъ было дѣло,—при какихъ обстоятельствахъ» [2]). Далѣе, г. Забѣлинъ упрекаетъ историковъ за то, что они въ изъясненіе непонятныхъ мѣстъ легенды вводили свои соображенія и добавленія и такимъ образомъ къ легендѣ прибавляли какъ бы еще новый легендарный элементъ.

Прежде всего скажемъ, что г. Забѣлинъ несправедливъ, когда приписываетъ историкамъ мнѣніе о дѣйствіи въ Нижнемъ Троицкой грамоты въ той крайней формѣ, въ какой онъ выразилъ его самъ. На повѣрку оказывается, что такого мнѣнія, съ какимъ борется Забѣлинъ, вовсе и нѣтъ у историковъ (разумѣется, историковъ болѣе извѣстныхъ), а его выдумалъ самъ Забѣлинъ. Въ самомъ дѣлѣ, Забѣлинъ говоритъ, что историки утверждаютъ, что Нижегородцы поднялись и вошли, такъ сказать, въ разумъ только съ *той минуты*, какъ прочитали грамоту Троиц-

---

[1]) Рус. Арх. 1872 г. стр. 586.

[2]) Рус. Арх. 1872 г. стр. 372—373.

кую, что до того времени они «*спали и слухомъ не слыхали,*» что дѣлается въ Москвѣ. Это сказалъ Палицынъ и ему одному повѣрили историки. Открываемъ 8 томъ Исторіи, такъ сказать, завзятаго историка С. М. Соловьева — и на страницѣ 442 читаемъ: «Троицкія грамоты не могли остаться безъ дѣйствія: *народъ былъ готовъ встать, какъ одинъ человѣкъ*; непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ юнаго народа, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать для спасенія вѣры, угрожаемой врагами внѣшними, и наряда государственнаго, которому грозили враги внутренніи — воры. Явились признаки сознанія о необходимости нравственнаго очищенія жителей для подвига очищенія земли отъ враговъ».....; послѣ этого разсказывается у Соловьева объ извѣстной грамотѣ, повѣствовавшей о видѣніи Григорію въ Нижнемъ. «*И такъ все было готово,*» замѣчаетъ Соловьевъ на слѣдующей страницѣ, и только послѣ всего этого разсказываетъ о полученіи въ Нижнемъ Троицкой грамоты. Такъ у Соловьева. Костомаровъ, прежде чѣмъ говорить о дѣйствіи Троицкой грамоты въ Нижнемъ, предпосылаетъ очеркъ крайнихъ бѣдствій, какія охватили тогда Московское государство и уясняетъ, что эти бѣдствія возбуждали въ народѣ нравственныя силы. «Поднятая Гермогеномъ и Ляпуновымъ, говоритъ онъ, народная сила во имя вѣры не истощалась отъ неудачъ и неурядицы; надежда на высшее содѣйствіе не покидала русской земли,» — и послѣ этого, какъ и у Соловьева, разсказывается уже о видѣніи Григорію и о трехдневномъ постѣ. «Этотъ обрядъ, совершаемый повсюду съ единою для всѣхъ цѣлію, укрѣплялъ общія побужденія русскаго народа» [1]). Укажемъ еще на г. Мельникова. Хотя онъ не принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ историковъ, всетаки высказался по нашему предмету согласно съ упомянутыми историками. Мнѣніе его здѣсь тѣмъ болѣе умѣстно, что статья Забѣлина направлена, между прочимъ, и противъ Мельникова [2]). Мельниковъ о Нижегородскомъ

---

[1]) Костомаровъ. Смутное время т. III стр. 239—241.

[2]) У Забѣлина упоминаются именно только эти три историка, кото-

ополченіи говоритъ, что въ Нижнемъ, прежде чѣмъ пришла туда Троицкая грамота, было всеобщее *желаніе* сражаться за вѣру до послѣдней капли крови,». [1])—говоритъ онъ далѣе и о грамотѣ, посланной Гермогеномъ съ Родіономъ Мосѣевымъ въ Нижній, и о ея значеніи [2]). И такъ, г. Забѣлинъ хотѣлъ только навязать историкамъ крайнее мнѣніе, состоящее въ томъ, что *все*—съ начала до конца—въ Нижегородскомъ ополченіи принадлежитъ Троицкой грамотѣ; на самомъ дѣлѣ такого мнѣнія у историковъ нѣтъ. Забѣлинъ, не смотря на то, борется съ нимъ и въ борьбѣ этой высказываетъ другое крайнее мнѣніе, именно, что Троицкая грамота не имѣла будто *никакого* значенія, что она, напротивъ, могла произвести на Нижегородцевъ даже отталкивающее дѣйствіе. Но вѣдь между двумя крайностями есть еще средина; ее-то г. Забѣлинъ опустилъ безъ вниманія, а въ ней-то и обрѣтается правда. Средина эта заключается въ томъ, что въ возбужденіи нижегородскаго ополченія имѣла значеніе какъ Троицкая грамота, такъ и другія многія условія. Лучшіе историки очень хорошо поняли раньше Забѣлина, что нельзя держаться строго каждой буквы выше приведенныхъ извѣстій, и что эти извѣстія односторонни; а потому-то эти историки разсуждаютъ о тѣхъ условіяхъ и силахъ, которыя могли подготовить Нижегородское ополченіе *помимо* Троицкой грамоты. Послѣ разбора всѣхъ пунктовъ мнѣнія г. Забѣлина, мы постараемся выяснить, какія силы создали Нижегородское ополченіе, и при этомъ покажемъ, что и всѣ другія сохранившіяся извѣстія о починѣ ополченія не указываютъ всѣхъ условій его возникновенія, а указываютъ изъ нихъ преимущественно одно какое либо, и, слѣдовательно, всѣ они одинаково односторонни, какъ и извѣстія, нами разбираемыя.

рые довѣрчиво отнеслись къ «легендѣ» и противъ которыхъ, слѣдовательно, онъ преимущественно ратуетъ.

[1]) Отеч. Зап. 1843 г. май, отд. II стр. 21.

[2]) Мы здѣсь не упоминаемъ другихъ историковъ, разсуждающихъ о Тр. грамотѣ въ большинствѣ случаевъ такъ-же, какъ и эти указанные нами.

Подробный разборъ первыхъ четырехъ пунктовъ мнѣнія г. Забѣлина сдѣлалъ г. Кедровъ, а разборъ пятаго—г. Костомаровъ.

1) Что вся земля прежде Троицкихъ грамотъ знала о томъ, что творится подъ Москвой и даже чувствовала необходимость выйти изъ своего тяжелаго положенія—это вѣрно; но зная это, она не ополчалась. Вотъ суть возраженія г. Кедрова противъ перваго пункта мнѣнія г. Забѣлина. Что земля прежде Троицкихъ грамотъ начала ополчаться—этого не доказываютъ ни одна грамота и ни одна отписка того времени. Да и самая грамота Гермогена приглашала народъ не ополчаться, а только взывала, чтобы «Нижній, Казань, Рязань, Вологда писали подъ Москву учительную грамоту въ полки, чтобы казаки уняли грабежъ,»—изъ нея народъ узналъ только, что не должно присягать Маринину сыну» [1]). Далѣе, въ отпискѣ Казанцевъ въ Пермь объ убіеніи Ляпунова (см. собр. госуд. грам. и догов. II, 568) также не находится мысли о томъ, чтобы земля уже поднялась и начала ополчаться. Въ ней содержатся только увѣщанія, чтобы, «всѣмъ быти въ совѣтѣ и соединеніи и за Московское и Казанское государство стояти и другъ друга не побивати и не грабити и дурна ни надъ кѣмъ не чинити; а кто до вины дойдетъ и ему указъ учинити съ приговору, смотря по винѣ; и воеводъ и дьяковъ и головъ и всякихъ приказныхъ людей въ городы не пущати и прежнихъ не перемѣняти, быть всѣмъ по прежнему, и казаковъ въ городъ не пущати и стояти на томъ крѣпко до тѣхъ мѣстъ, кого намъ дастъ Богъ на Московское государство въ государи» [2]). И послѣдующая исторія, дѣйствительно, показываетъ, что Казанцы не только раньше Троицкихъ грамотъ, но и послѣ нихъ неохотно поднимались и долго не шли на соединеніе съ Нижегородскимъ ополченіемъ. Чѣмъ-бы это объяснить, если, по Забѣлину, уже Гермогеновская грамота *окончательно* возбудила всю землю къ походу? Въ томъ-то и дѣло, что каждое новое, живое и авторитетное слово тогда еще не было лишнимъ: возбужденный на-

---

[1]) *Кедровъ*. Авраамій Палицынъ стр. 93.

[2]) Собр. гос. гр. и догов. т. II, 568.

родъ еще не поднимался, и слѣдовательно нужно было употребить еще нѣсколько сильныхъ воздѣйствій, чтобы онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ и выступилъ на общее дѣло.

2) Мнѣніе Забѣлина, что Троицкая грамота не могда произвести впечатлѣнія въ Нижнемъ, потому—что она звала соединиться съ казаками—новыми врагами, ложно по слѣдующимъ двумъ основаніямъ: а) Мининъ и новое ополченіе вооружались вѣдь не противъ казаковъ, а съ цѣлію вмѣстѣ съ ними (казаками) выгнать изъ Кремля ляховъ; хотя «казаки страшили своими злодѣяніями, но этотъ страхъ былъ второстепенный при сознаніи общей опасности для государства отъ ляховъ» [1]). Поэтому нужно было сначала выгнать иноземнаго, болѣе опаснаго врага, къ чему собственно и призывала Троицкая грамота, а какъ такая, она не могла оттолкнуть отъ себя народъ. в) Напрасно, далѣе, г. Забѣлинъ придаетъ особенное значеніе тому мѣсту въ Троицкой грамотѣ, гдѣ она зоветъ народъ къ соединенію съ казаками. «Цѣль грамоты, говоритъ г. Кедровъ, главная—возбудить народъ не къ соединенію съ казаками, но вмѣстѣ съ ними стать противъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ измѣнниковъ. О казакахъ Троицкія власти пишутъ потому, что они готовы сражаться противъ ляховъ; поэтому и просятъ соединенія съ ними, какъ бы такъ говоря: васъ, православные, страшатъ казаки; но они стоятъ крѣпко и неподвижно за православную христіанскую вѣру, и хотятъ по своему обѣщанію страданіемъ совершити и смертію живота вѣчнаго улучити. Не бойтесь ихъ! Они съ вами будутъ изгонять ляховъ» [2]). Діонисій и Палицынъ знали, что въ видахъ самихъ же казаковъ выгнать поляковъ изъ Кремля, и потому-то они зовутъ народъ не бояться ихъ, стать вмѣстѣ съ ними, потому-же они не говорятъ о смерти Ляпунова, причиною которой были казаки, чтобы не разжигать возстанія противъ своихъ и чужихъ. «Что-же, слѣдовательно, заключаетъ г. Кедровъ, могла заключать въ себѣ отталкивающаго призывная къ возстанію на

---

[1]) *Кедровъ*. Авраамій Палицынъ стр. 94.

[2]) *Кедровъ*. Авраамій Палицынъ стр. 95.

поляковъ Троицкая грамота?» [1]). Прибавимъ къ этому, что самъ г. Забѣлинъ, указывая въ одномъ мѣстѣ на то, что Троицкая грамота *самымъ своимъ содержаніемъ* могла производить отталкивающее вліяніе на земцевъ, въ другомъ говоритъ, что Троицкія власти скрывали истинное положеніе дѣлъ, представляли его неопаснымъ, говорили о земцамъ, что они пришли уже подъ Москву. Легко видѣть, что тутъ Забѣлинъ не чуждъ противорѣчія. Какимъ образомъ Троицкая грамота своимъ *содержаніемъ* могла производить на земцевъ отталкивающее вліяніе, если это содержаніе направлено было къ тому, чтобы выяснить, что опасности подъ Москвой нѣтъ, что тамъ есть много людей, проникнутыхъ земскимъ интересомъ и готовыхъ встать за общее дѣло. Другое-бы дѣло, если бы Троицкія власти сказали, что подъ Москвой все проникнуто враждой къ земскому и общему, и потомъ-бы вдругъ стали звать *соединиться* съ этимъ *крайне - враждебнымъ* земству людомъ. А что, дѣйствительно, Троицкія грамоты умалчиваютъ о насиліяхъ и своеволіи, какія позволяли себѣ казаки подъ Москвой, то это объясняется просто. Вѣдь казаки, хотя они и неистовствовали, но пришли подъ Москву съ тою-же самою цѣлію, для какой приглашалъ туда преп. Діонисій и Нижегородцевъ. Съ какой поэтому стати преподобный сталъ-бы вооружать противъ нихъ Нижегородцевъ, съ какой стати онъ сталъ-бы описывать тѣ насилія казаковъ, о которыхъ и такъ Нижегородцы были наслышаны много? Писать о всемъ этомъ — значило увеличивать страхъ, и такъ достаточно уже нагнанный казаками на русскихъ людей; поэтому благоразумно было промолчать объ этомъ, чтобы тѣмъ не повредить собранію новаго ополченія. Если не рѣдко случается, что для нападенія на общаго врага соединяются двѣ разнохарактерныя силы, то почему не могли надѣяться и разсчитывать на то-же самое Троицкія власти, когда они звали Нижегородцевъ соединиться съ казаками, тѣмъ болѣе, что послѣдніе, какъ имъ было извѣстно, готовы были сражаться противъ поляковъ. Троицкія власти, какъ и вся земля, понимали, что тогда враговъ было

[1]) *Кедровъ*. Авр. Пал. стр. 95.

двое: поляки и казаки; но они понимали въ то-же время, что нельзя-же вести счеты съ обоими врагами заразъ, а нужно было сначала окончить счеты съ чужими, а потомъ уже приняться и за своихъ. Вотъ откуда вытекало приглашеніе Троицкихъ властей соединиться съ казаками, а не изъ того ложнаго предположенія, что будто власти *мирволили* казакамъ и потому покрывали ихъ злодѣйства. Забѣлинъ заподозриваетъ Палицына въ такомъ «мирволеньи» къ Трубецкому съ казаками; но вѣдь заподозривая въ этомъ Палицына, нужно въ томъ-же самомъ заподозрить и такого, несомнѣнно, высоко-нравственнаго человѣка, какъ Діонисій,—и ему-то должно бы навязать дружбу къ казачеству еще сильнѣе, потому что онъ былъ главнымъ руководителемъ въ писаніи грамотъ, и слѣдовательно, отъ него зависѣло такъ или иначе отозваться о казакахъ. Но такое подозрѣніе по отношенію къ Діонисію, котораго самъ Забѣлинъ называетъ «истиннымъ представителемъ монастыря и истиннымъ героемъ во всѣхъ тѣхъ подвигахъ, какими Авраамій хотѣлъ прославить только себя» [1]), по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Наконецъ, что Троицкія власти, призывая земцевъ соединиться съ казаками, приглашали ихъ сдѣлать не какое либо отчаянное и немыслимое дѣло,—это мы можемъ видѣть изъ того, что сначала и самъ Пожарскій находилъ вполнѣ возможнымъ соединеніе съ казаками и не особенно-таки боялся ихъ: «когда будемъ подъ Москвой всею ратью, то казакамъ дурна дѣлать не дадимъ», говорилъ онъ; и потому хотѣлъ очень скоро идти подъ Москву, и задержала его въ Ярославлѣ только уже новая измѣна казаковъ, о чемъ подробная рѣчь будетъ у насъ впереди.

3) Противъ мысли Забѣлина, что Троицкая грамота была не совсѣмъ понятна народу, г. Кедровъ говоритъ, что она напротивъ содержала именно то, что въ данное время необходимо было сказать народу. Весь народъ уже зналъ о событіяхъ подъ Москвой; слѣдовательно, не нужно было подробно излагать ихъ предъ нимъ, а что еще неизвѣстно, что было еще ново, именно при-

---

[1]) *Забѣлинъ*. Мининъ и Пожарскій стр. 253.

ходъ къ Москвѣ Ходкѣвича,— о томъ Троицкая грамота извѣщаетъ. По этому вполнѣ резонно, что Троицкая грамота, сказавъ коротко о раззореніи Москвы, объ измѣнникахъ русскихъ и ополченіи Трубецкаго, рисуетъ яркими чертами скорбную картину бѣдствій Москвы и государства. При такихъ обстоятельствахъ, въ каковыхъ находился тогда народъ, именно нужно было предъ глазами его выставить эту картину общаго бѣдствія для того, чтобы «повліять на воображеніе, мысль и чувство народа, на натуру русскаго человѣка, чтобы онъ заболѣлъ душею позаровавельски» [1]). Народъ зналъ о бѣдствіяхъ, но лѣниво подвигался; слѣдовательно, нужно было сильнѣе «расшевелить въ немъ завѣтныя чувства — привязанность къ вѣрѣ и родинѣ, затронуть его родное, чтобы онъ возсталъ какъ одинъ человѣкъ» [2]). Грамота посылалась на сѣверъ, гдѣ хотя знали о бѣдствіяхъ, но на себѣ испытывали ихъ меньше, чѣмъ около центра, и слѣдовательно тяжесть этихъ бѣдствій чувствовалась тамъ меньше-же, а потому для того, чтобы сѣверъ возсталъ, было нужно «представить дѣло такимъ образомъ, чтобы и тамъ народъ сознавалъ, понималъ, представлялъ и чувствовалъ ту же самую великость бѣдствія, какъ о немъ судили вблизи Москвы» [3]). Разсуждая о дѣлѣ только такимъ образомъ, заключаетъ Кедровъ, мы поймемъ, почему исторія придаетъ особенное значеніе Троицкой грамотѣ въ Нижнемъ; только въ такомъ видѣ, въ какомъ грамота существуетъ теперь, она могла имѣть успѣхъ и возбудить возстаніе» [4]). Забѣлинъ, между прочимъ, выражаетъ мысль, что Троицкая грамота могла-бы имѣть дѣйствіе, если-бы она не призывала Нижегородцевъ соединиться съ казаками противъ Ходкѣвича, а вообще описывала бѣдствія государства и призывала-бы всѣхъ, какъ Гермогенъ, образумиться, покаяться и, соединившись въ одну мысль, спасти государ-

---

[1]) *Кедровъ*. Авраамій Палицынъ, стр. 96.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

[4]) *Кедровъ*. Авраамій Палицынъ стр. 96.

ство.... отъ общей бѣды» [1]). Но развѣ въ Троицкой грамотѣ нѣтъ общаго описанія бѣдствій, развѣ это описаніе не занимаетъ въ ней самаго виднаго мѣста и развѣ она не рисуетъ этихъ бѣдствій въ самыхъ яркихъ краскахъ, такъ что можетъ занять видное мѣсто въ ряду другихъ грамотъ или отписокъ, стремившихся описаніемъ бѣдствій повліять на умъ и сердце народа?! Описаніе бѣдствій въ грамотѣ Троицкой развѣ не напоминаетъ собою такого-же описанія въ первой грамотѣ изъ подъ Смоленска, или въ грамотѣ изъ Москвы, которымъ приписываютъ такое важное возбуждающее значеніе [2]). Стоитъ только прочитать всѣ эти грамоты, чтобы убѣдиться, что изображеніе бѣдствій во всѣхъ ихъ одинаково было разсчитано на то, чтобы затронуть самое завѣтное и родное въ душѣ русскаго народа. Во всѣхъ нихъ рисуется прежде всего опасность для православной вѣры, описываются бѣдствія церкви, а затѣмъ бѣдствія государства и бѣдствія христіанскаго народа. Неужели-же потрясяющая картина бѣдствій, нарисованная въ Троицкой грамотѣ, теряла всякую силу во впечатлѣніи на Нижегородцевъ только потому, что изъ той же грамоты слышится призывъ соединиться противъ поляковъ съ казаками? Положимъ, казаки—опасные люди, идти съ ними въ общее дѣло рискованно; но вѣдь картина-то бѣдствій отъ этого не стушевывается, вѣдь она во всѣмъ ужасѣ продолжала предноситься въ глазахъ Нижегородцевъ.

4) Вопреки словамъ Забѣлина, что историки въ сужденіяхъ о дѣйствіи Троицкой грамоты въ Нижнемъ повѣрили одному Палицыну, Кедровъ указываетъ на Симона Азарьина и на Ельнинскую рукопись, именно на тѣ мѣста изъ нихъ, которыя мы выписали выше и отсюда заключаетъ, что, слѣдовательно, не одному Палицыну вѣрили и вѣрятъ въ данномъ случаѣ историки. Кромѣ того, какъ на доказательство, подтверждающее достовѣрность свидѣтельства Палицына, онъ указываетъ на другую Троицкую грамоту, посланную уже въ апрѣлѣ, когда Пожарскій съ

---

[1]) Рус. Арх. 1872 г., стр. 586.

[2]) Собр. гос. грам. и дог. т. II, стр. 493 и 495.

ополченіемъ стоялъ въ Ярославлѣ. Дѣло въ томъ, что въ ней есть слова: «прежде, государи, писали мы къ вамъ и во всѣ окрестные городы Россійскаго государства, что Божіимъ праведнымъ судомъ и т. д.»; изъ нихъ-то Кедровъ дѣлаетъ такой выводъ: «имѣли-ли право Троицкія власти писать Нижегородскому ополченію, стоявшему въ это время въ Ярославлѣ: «а преже, государи, писали мы къ вамъ», если-бы не знали, что Нижегородцы возстали по ихъ грамотамъ» [1]). Что касается свидѣтельствъ Симона и разсказа Ельнинской рукописи, то Кедровъ придаетъ имъ слѣдующее значеніе. Пусть это—легенда; но вѣдь въ основаніи всякой легенды лежитъ дѣйствительно бывшій фактъ; дѣло исторіи выдѣлить изъ легендарнаго сказанія этотъ фактъ. Если всмотримся въ сказаніе Симона о видѣніяхъ Минину и въ разсказъ рукописи, говоритъ Кедровъ, то легко замѣтимъ слѣдующія историческія черты въ этихъ сказаніяхъ: въ октябрѣ 1611 года Нижегородцы почему-то начали говорить о преп. Сергіѣ, сильнѣе другихъ высказался объ этомъ Мининъ, который и возбудилъ ополченіе. Сопоставляя это извѣстіе съ извѣстіемъ Палицына, мы получимъ слѣдующій выводъ, подтверждающій свидѣтельство послѣдняго: безспорно, что въ октябрѣ 1611 г. Нижегородцы потому заговорили о преп. Сергіѣ, что была получена грамота Троицкихъ властей, чтеніе которой такъ подѣйствовало на одного Нижегородскаго купца Кузьму Минина, что онъ началъ убѣждать Нижегородцевъ къ возстанію на поляковъ, которое и произошло» [2]).

5) Г. Кедровъ разсказъ Ельнинской рукописи не находитъ основанія считать только «прямо легендарнымъ»; Костомаровъ-же заявляетъ, что «во всемъ этомъ разсказѣ, какъ и во всемъ повѣствованіи, къ которому онъ принадлежитъ, нѣтъ ничего неправдоподобнаго» [3]). Чудеса и явленія были въ обычаѣ того времени. Въ смутное же время народъ, утомившись бѣдствіями, сталъ ждать помощи только свыше, что и выразилось въ томъ, что

---

[1]) *Кедровъ*. Авраамій Палицынъ стр. 101.

[2]) *Кедровъ*. Авраамій Палицынъ стр. 100.

[3]) Вѣстн. Евр. 1872 г. кн. V, стр. 20.

явилась среди народа таинственная рукопись, повѣствующая о видѣніи въ Нижнемъ какому-то Григорію двухъ мужей, сказавшихъ ему, что если во всей русской землѣ покаются и станутъ поститься три дня и три ночи не только старые и юные, но и младенцы, то Московское государство очистится. Было-ли видѣніе Минину дѣйствительно, или онъ самъ выдумалъ его для того, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Нижегородцевъ,—Костомаровъ не берется рѣшать: «по духу вѣка, говоритъ онъ, могло быть и то и другое». Мининъ для извѣстной цѣли могъ позволить себѣ и обманъ, какъ позволялъ его себѣ Сильвестръ по отношенію къ Грозному. И такъ, въ той мысли, что Мининъ объявилъ Нижегородцамъ о видѣніи ему преп. Сергія—нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Далѣе; вполнѣ правдопонобенъ и дальнѣйшій разсказъ о томъ, что Биркинъ усумнился въ правдивости словъ Минина о видѣніи ему. «Биркинъ, говоритъ Костомрровъ, былъ соперникъ Минина, но собственно не врагъ самому начинанію; ему, какъ человѣку завистливому и себялюбивому, хотѣлось быть первымъ; ему досадно было, что первымъ дѣлается не онъ, а Мининъ» [1]). Отсюда вытекло сомнѣніе Биркина. Чтобы, такъ сказать, осадить его, не дать ему начать смуты и разныхъ происковъ у своихъ благожелателей Мининъ угрожаетъ Биркину открыть предъ народомъ какія-то его грѣшки. И Биркинъ уступаетъ. «Все это, заключаетъ Костомаровъ, до чрезвычайности правдоподобно, отнюдь, не легендарно и не могло быть никакъ составленнымъ въ позднее время, когда уже самое имя Биркина должно было забыться или по крайней мѣрѣ потерять живой интересъ современности» [2]). Въ томъ же обстоятельствѣ, что этотъ разсказъ имѣется только въ спискѣ уже XVIII вѣка, Костомаровъ справедливо не находитъ основанія заподозрить его достовѣрность; «иначе, говоритъ онъ, пришлось-бы уничтожить древнюю лѣтопись, называемую «Несторовою», такъ какъ списковъ ея нѣтъ ранѣе XIV вѣка» [3]). Это

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1872 г. кн. V, стр. 21.

[2]) Вѣстн. Евр. 1872 г. кн. V, стр. 22.

[3]) Ibid.

послѣднее замѣчаніе Костомарова вѣрно; но на основаніи правдоподобности разсказа заключать о несомнѣнной дѣйствительности событій, въ немъ описываемыхъ, по нашему мнѣнію, нельзя: вопросъ о томъ, могло-ли это быть и вопросъ, было-ли это дѣйствительно—конечно, два различные вопроса. Мало-ли можетъ существовать выдумокъ, вполнѣ подогнанныхъ въ соотвѣтствіе съ тѣми лицами, временемъ и событіями, съ которыми онѣ (выдумки) имѣютъ дѣло, и однако онѣ остаются выдумками. Поэтому, чтобы доказать, что извѣстный разсказъ, заподозрѣваемый въ легендарности, сообщаетъ историческія событія, мало сказать, что онъ правдоподобенъ (въ такомъ случаѣ онъ пріобрѣтетъ только степень вѣроятности,—но не болѣе); но нужно поискать, нѣтъ-ли другихъ указаній на тѣ-же событія—указаній болѣе достовѣрныхъ, или сдѣланныхъ людьми, несомнѣнно, стоявшими близко къ событіямъ. По отношенію къ разбираемому разсказу такія хотя немногія указанія мы думаемъ найти у Симона, а отчасти и у Палицына. Безъ особенной натяжки у Симона мы думаемъ найти слѣдующія общія съ Ельнинскимъ разсказомъ черты. Прежде всего въ разбираемомъ разсказѣ говорится объ особенной ревности, съ какой Нижегородцы принялись за общее дѣло. Нечего и доказывать, что это вѣрно, потому что во всѣхъ лѣтописяхъ находимъ указаніе на эту ревность, вездѣ читаемъ: «Нижегородцы, перевновавъ православной христіанской вѣрѣ не хотяху видѣти православной христіанской вѣры въ латынствѣ» и т. д. И такъ, разсказъ, несомнѣнно, начинается съ исторической черты. Послѣ полученія Троицкой грамоты, по разсказу, «Нижегородскія власти на воеводскомъ дворѣ совѣтъ учиниша», совѣтъ, конечно, о томъ какъ помочь Московскому государству. Симонъ-же говоритъ, что послѣ полученія грамоты Нижегородцы крѣпко «взялись за нее и начаша всяко мыслити, како и коимъ обычаемъ да подадутъ помощь Московскому государству»; указывается, такимъ образомъ, тоже на совѣтъ Нижегородцевъ, но только опущена подробность, что совѣтъ этотъ происходилъ на воеводскомъ дворѣ. На одномъ изъ такихъ совѣтовъ, по разсказу, выступилъ Кузьма Мининъ и

объявилъ о видѣніи ему преп. Сергія, повелѣвавшаго возбудить народъ. У Симона-же мы находимъ самый разсказъ о видѣніи преп. Сергія Минину. Слѣдовательно, черта тоже общая обоимъ повѣствованіямъ, только въ одномъ изъ нихъ говорится (въ Ельнинской рукописи) о результатѣ видѣній Сергія, именно о выступленіи Минина въ роли дѣятеля, а въ другомъ—у Симона, о томъ, какъ Мининъ самымъ видѣніемъ былъ подготовленъ къ этой роли. Но и у Симона говорится далѣе, какъ Мининъ выступилъ предъ Нижегородцами съ возбудительными словами, только эти слова не тѣ, какія въ разсказѣ Ельнинской рукописи: у него Мининъ въ сильныхъ и краткихъ выраженіяхъ описываетъ бѣдствія государства и послѣ того приглашаетъ «промыслъ чинить»; въ разбираемомъ-же разсказѣ слова Минина были таковы: «св. Сергій явился мнѣ и повелѣлъ возбудить спящихъ, прочтите-же грамоту властей Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря, въ соборѣ, а что Богъ велитъ». Но конечно эти слова не исключаютъ словъ, сказанныхъ Мининымъ по Симону: общее въ нихъ то, что въ обоихъ случаяхъ Мининъ направлялъ свою рѣчь къ возбужденію народа. Въ другихъ лѣтописяхъ Мининъ говоритъ и еще иныя слова, именно, чтобы народъ не пожалѣлъ своихъ животовъ и дворовъ и женъ для того, чтобы только помочь Московскому государству. Это все показываетъ только, что Мининъ говорилъ не однажды и не одни только опредѣленныя слова: онъ говорилъ «и въ земской избѣ» и тамъ, «идѣ-же аще обрѣтошеся», какъ замѣчаетъ Симонъ. Когда Мининъ говорилъ о видѣніи Сергія и приглашалъ народъ къ возстанію, то Биркинъ усумнился. И по Симону слова Минина производили на народъ неодинаковое впечатлѣніе: «мнози, говоритъ онъ, слышавше сія, во умиленіе приходити начаша, прочіе-же ругающеся отходяще» [1]); слѣдовательно, и Симонъ зналъ, такъ сказать, «Биркиныхъ». Нѣтъ только у Симона никакого намека на то, какъ протопопъ Савва читалъ въ соборѣ грамоту Троицкую и какъ воодушевлялъ народъ своими словами; въ прочихъ-же главныхъ пунктахъ событія въ раз-

[1]) Рук. М. Д. А. № 203. л. 46 об.

сказѣ Симона и въ разсказѣ Ельнинской рукописи имѣютъ общія черты, доказывающія, что оба автора этихъ разсказовъ описывали одно событіе. А потому, если довѣрять Симону, увѣряющему, что написанное о Нижегородскомъ ополченіи «истина есть» и что онъ слышалъ объ этомъ «отъ самого архимандрита Діонисія отъ устъ, паки-же отъ прочихъ достовѣрныхъ увѣрися» [1]), то нужно довѣрять и тѣмъ общимъ съ Симоновымъ сказаніемъ чертамъ въ Ельнинской рукописи, какія тамъ находятся. А эти общія черты слѣдующія: въ Нижнемъ получена была грамота Троицкая, она произвела впечатлѣніе, собирались совѣщанія, Мининъ, возбужденный видѣніемъ преп. Сергія, взывалъ къ народу о возстаніи, находились недовѣрявшіе словамъ Минина, но больше слова его производили свое дѣйствіе на Нижегородцевъ. У Палицына-же находимъ только извѣстіе о полученіи грамотъ и *единодушномъ* вниманіи имъ со стороны Нижегородцевъ. И такъ, на основаніи сказаннаго, разсказу, открытому Мельниковымъ, мы придаемъ степень исторической достовѣрности въ его главныхъ частяхъ, хотя не ручаемся за его частности, т. е. напр. ручаемся за то, что были «сомнѣвающіеся», не довѣрявшіе Минину, но былъ-ли это Биркинъ, былъ-ли кто другой, много-ли ихъ было мы не можемъ провѣрить Симоновымъ повѣствованіемъ. Можно, пожалуй, предположить такъ, что Биркинъ былъ только крупнымъ представителемъ тѣхъ недовольныхъ Мининымъ, о которыхъ Симонъ сказалъ: «прочіи-же ругающеся отходяще» [2]). Какъ такой, онъ потому одинъ только и названъ въ разсказѣ.

---

[1]) Рук. М. Д. Ак. № 203. л. 44 об.

[2]) Послѣ сказаннаго намъ кажется довольно странною мысль г. Платонова, что будто «общаго между разсказомъ Ельнинской рукописи и сказаніемъ Симона ничего нѣтъ» (Ж. М. Нар. Просв. 1888 годъ Апрѣль стр. 411 въ изслѣдованіи: древне-русскія повѣсти и сказанія XVII в.) Мы не думаемъ утверждать, что авторъ разсказа Ельнинскаго составлялъ свою повѣсть на основаніи сказанія Симона, но только утверждаемъ въ виду общихъ чертъ обѣихъ повѣстей, что онѣ описываютъ одно и то-же событіе. Впрочемъ, и самъ г. Платоновъ при всей склонности признать Ельнинскій хронографъ «выдумкою какого нибудь грамотѣя», не рѣшается сдѣлать

Если мы сообразимъ теперь все извѣстное намъ о Нижегородскомъ ополченіи, то придемъ къ слѣдующимъ выводамъ. Несомнѣнно, конечно, что Нижегородцы были возбуждаемы противъ враговъ вѣры и отечества, которыхъ тогда было два, гораздо раньше Троицкой грамоты: это показываютъ всѣ отписки. Но силы Нижегородцевъ были слишкомъ истощены предшествующею дѣятельностію, чтобы они могли скоро подняться снова. Въ самомъ дѣлѣ, если мы коротко взглянемъ на предшествующія событія, то увидимъ, сколь много они потратили усилій на защиту царя Василія. Вскорѣ послѣ убійства перваго Лжедимитрія въ уѣздѣ Нижегородскомъ появились «воры», которые толпами бродили по уѣзду, жгли и опустошали села. Шайки эти все увеличивались и увеличивались и потомъ въ надеждѣ богатой добычи скоро явились подъ самымъ Нижнимъ, предводительствуемые двумя Мордвинами Московымъ и Вокардинымъ. Здѣсь они жгли посады города, грабили жителей и хотя не могли опустошить лучшей части города, однако для отгнанія ихъ потребовалось потратить не мало усилій. Послѣ этого шайки разсѣялись по уѣзду по прежнему и грабили. Такъ прошелъ весь 1607 годъ и большая половина 1608 г. [1]). Въ слѣдующемъ году (1609) Нижнему пришлось выдержать новую осаду отъ войска, посланнаго изъ Тушина подъ предводительствомъ измѣнника князя Вяземскаго; въ виду невозможности выдерживать осаду по причинѣ голода и недостатка пороха, необходимо было сдѣлать вылазку, и дѣйствительно бой былъ въ открытомъ полѣ; окончился онъ успѣшно для Нижегородцевъ. А

этого: отъ такого приговора его удерживаетъ то обстоятельство, что авторъ разсказа называетъ такого дѣятеля Нижегородскаго движенія, котораго не знаютъ другія повѣсти и сказанія о смутѣ, но который дѣйствительно былъ въ Нижнемъ въ 1612 г.: таковъ протопопъ Савва. «А потому, заключаетъ г. Платоновъ,» если самъ авторъ (ельнинскаго разсказа) и не былъ современникомъ описанныхъ имъ событій, то имѣлъ о нихъ какія—то данныя». (стр. 411). Къ сказанію—же Симона г. Платоновъ относится довольно благосклонно.

[1]) Отеч. Зап. 1843 г. Май, отд. II, стр. 9.

между тѣмъ непрерывно нужно было вести войны съ разными сосѣдними городами, измѣнившими царю Василію, особенно много хлопотъ было съ Балахной. Все вокругъ Нижнаго измѣняло и подчинялось Лжедимитрію, такъ что, по выраженію тогдашняго нижегородскаго архимандрита Іоиля, писавшаго игумену Луховской Тихоновой пустыни Іонѣ, въ ноябрѣ 1608 года, Нижній былъ подобенъ «острову среди бурнаго моря» [1]). Вскорѣ послѣ второй осады, именно въ томъ-же 1609 г. Нижегородцы подъ предводительствомъ Алябьева совершали походъ въ Муромъ; оттуда посланы были Нижегородскіе отряды къ Владиміру. Въ маѣ мѣсяцѣ Нижегородцы вмѣстѣ съ Балахонцами бились съ приверженцами Лжедимитрія подъ Ипатьевскимъ монастыремъ въ Костромѣ. Наконецъ, когда стало подвигаться въ началѣ 1611 года ополченіе Ляпунова къ Москвѣ, тогда и Нижегородцы отправили туда свои отряды: февраля 8-го выступила изъ Нижняго передовая рать, а черезъ девять дней послѣ того, съ главнымъ войскомъ и понизовою ратью выступилъ и самъ воевода Нижняго князь А. Рѣпнинъ. Мы изчислили здѣсь только болѣе крупныя войны Нижняго, но и изъ этого неполнаго перечня видимъ, что Нижегородцы въ продолженіи пятилѣтняго періода времени должны были вести непрерывныя войны, должны были постоянно затрачивать свои новыя и новыя силы, причемъ еще подвергались частымъ опустошеніямъ и грабежамъ со стороны «воровъ». Естественно, что вслѣдствіе этого силы ихъ весьма истощились. Чтобы они выступили въ новый походъ и при томъ въ походъ, имѣвшій цѣлію такую обширную задачу, какъ очищеніе Московскаго государства,—для этого требовался сильный подъемъ ихъ духа. Мы знаемъ, какія жертвы потребовались для того, чтобы походъ этотъ состоялся—требовалось: «не пожалѣти животовъ своихъ, да не токмо животовъ своихъ, и дворы свои продавати и жены и дѣтей закладывать» [2]). Что—же могло созидать въ Нижегородцахъ это самоотверженное рѣшеніе? Конечно, нельзя представлять дѣла такъ,

---

[1]) Отеч. Зап. 1844 г. Май, отд. II, стр. 9.

[2]) Лѣт. о мят. стр. 246.

что такое рѣшеніе было дѣломъ минутнаго увлеченія Нижегородцевъ, вызваннаго рѣчью Минина: тогда бы оно, какъ скоро появилось, такъ-же скоро и улетучилось, не успѣвъ принести добрыхъ плодовъ. Нѣтъ,—въ созиданіи этого рѣшенія, повторяемъ, дѣйствовало нѣсколько силъ. Прославленная вѣрность престолу и ревность Нижегородцевъ занимала въ немъ не послѣднее мѣсто, потому что на нее единогласно указываютъ лѣтописи. Приходившія къ Нижегородцамъ извѣстія о крайнихъ бѣдствіяхъ государства будили въ нихъ эту ревность вмѣстѣ съ сознаніемъ необходимости выйти изъ печальнаго положенія. Но ослабленные силами, они не видѣли средствъ для выхода. Разныя грамоты и отписки городовъ были новыми возбудителями духа Нижегородцевъ въ томъ-же направленіи; изъ таковыхъ грамота Гермогена была самою авторитетною въ глазахъ Нижегородцевъ. Она принесла возмутительное извѣстіе о намѣреніи казаковъ сдѣлать царемъ сына Марины. Все это, повторяемъ, сильнѣе и сильнѣе поднимало и возбуждало духъ Нижегородцевъ. Но они все еще не видѣли средствъ изъ своей среды двинуть новое ополченіе; нравственныя силы ихъ, хотя были уже сильно напряжены, но еще не на столько, чтобы придти къ мысли и рѣшиться *пожертвовать своими дворами и своими женами*. Для этого нуженъ былъ еще *новый толчекъ*. Такой толчекъ и данъ былъ Троицкой грамотой, описывавшей въ яркихъ чертахъ бѣдствія государства и звавшей на помощь ему. Итакъ, Троицкой грамотѣ въ дѣлѣ возбужденія Нижегородцевъ мы придаемъ значеніе *послѣдняго толчка*;—и это не значитъ, что мы считаемъ ее единственной силой, поднявшей возстаніе;—послѣднимъ толчкомъ Троицкая грамота явилась потому, что она пришла въ Нижній въ такое время, когда Нижегородцы уже достаточно сильно были возбуждены и настроены, чтобы встать за общее дѣло: не доставало, если можно такъ выразиться, еще нѣсколькихъ градусовъ въ этой настроенности, чтобы она перешла на степень самоотверженности; эти недостающіе градусы и были восполнены Троицкой грамотой и рѣчью Минина. Вообще несомнѣнно, что въ дѣлѣ возбужденія

Нижегородцевъ каждому изъ упомянутыхъ нами факторовъ должно приписать свое значеніе,—и при этомъ трудно сказать, которому изъ нихъ можно отдать предпочтеніе: ревности-ли Нижегородцевъ, грамотѣ-ли Гермогена и отпискамъ городовъ, или-же, наконецъ, Троицкой грамотѣ. Поэтому, хотя свидѣтельства Палицына, Симона и Ельнинскаго хронографа возбужденіе Нижегородскаго ополченія приписываютъ только Троицкой грамотѣ, но это нужно понимать такъ, что ополченіе это *дѣйствительно* начало строиться уже послѣ полученія монастырской грамоты [1]). Палицынъ и Симонъ взглянули на дѣло съ своей точки зрѣнія и впали въ односторонность: они, какъ духовные писатели, естественно слишкомъ усилили значеніе Троицкой грамоты. Впрочемъ, односторонность въ сужденіяхъ о починѣ въ Нижегородскомъ ополченіи присуща и другимъ современнымъ сказаніямъ объ этомъ предметѣ. Это легко замѣтить, если мы сдѣлаемъ сводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Что касается, прежде всего, Лѣтописи о мятежахъ, Никоновой лѣтописи и Новаго лѣтописца, то въ нихъ починъ дѣла приписывается вообще Нижегородцамъ [2]). Князь Пожарскій яснѣе и рѣшительнѣе всѣхъ починъ дѣла приписываетъ торговымъ людямъ. «Въ Нижнемъ Новгородѣ, пишетъ онъ въ окружной грамотѣ изъ Ярославля, гости и посадскіе люди и выборный человѣкъ Косма Мининъ, ревнуя пользѣ, не пощадя своего имѣнія, учали ратныхъ людей сподоблять денежнымъ жалованьемъ» [3]). Въ нѣкоторыхъ хронографахъ починъ приписывается прямо и *только* Минину. «Воздвизаетъ бо (Богъ) нѣкоего отъ христіанскаго народа, читаемъ въ одномъ хронографѣ, мужа рода неславна, но смысломъ мудра, его-же прозваніемъ нарицаху

---

[1]) Впрочемъ, свидѣтельства Симона и Ельнинскаго хронографа не исключаютъ другихъ факторовъ въ дѣлѣ возбужденія ополченія, но даже предполагаютъ ихъ, когда, прежде чѣмъ говорить о грамотѣ Троицкой, указываютъ на особую ревность Нижегородцевъ, не хотѣвшихъ видѣть «православной вѣры въ латынствѣ» и т. п.

[2]) Лѣтоп. о мят. стр. 246, Ник. лѣт. т. VIII, стр, 174, Нов. лѣт.

[3]) Собр. госуд. грам. и дог, т. II, стр. 594.

Козьма Мининъ...., сей видѣ тогда насилуемы многи и зѣло оскорбися и поболѣ Зарованельски душею за люди Господня, всемогущаго Бога на помощь призва...., аще и не искусенъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ, собравъ убо отъ народа многая сокровища, подари люди ратныя оброки двойными и сице собра полки многіе» [1]. Взятыя въ отдѣльности, эти извѣстія, приписывающія только одному извѣстному факту значеніе въ возбужденіи ополченія,—односторонни, но каждое изъ нихъ все-таки правильно указываетъ *одну* изъ силъ, поднявшихъ Нижегородское ополченіе. Такъ нужно смотрѣть на эти извѣстія и такъ-же нужно смотрѣть на извѣстія Палицына и Симона. Не довѣряя имъ, что только одна Троицкая грамота подняла Нижегородцевъ, должно вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что эта грамота имѣла свое значеніе, которое мы и выяснили немного выше. Самъ г. Забѣлинъ вопреки своему категорическому заявленію, что Троицкія грамоты не производили никакого впечатлѣнія въ пользу народнаго движенія въ смутное время, въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій говоритъ, что онѣ «производили должное впечатлѣніе и дѣйствіе, но не такое, о которомъ говоритъ старецъ Авраамій» [2]. Подобное вѣдь утверждаемъ и мы.

Такъ нужно смотрѣть на Троицкую грамоту и на ея значеніе въ Нижнемъ. Послѣ полученія ея Нижегородцы начали дѣятельно приготовляться къ походу, привлекая къ себѣ изъ сосѣднихъ городовъ и уѣздовъ, какъ можно болѣе ратныхъ людей и казны. Въ Мартѣ 1612 г. ополченіе, предводительствуемое княземъ Пожарскимъ, вышло изъ Нижняго и направилось къ Ярославлю. Въ городахъ, лежавшихъ на этомъ пути, встрѣчали Пожарскаго съ восторгомъ. Жители Балахны и Юрьевца умножили его казну и войско. Въ Костромѣ воевода Шереметевъ воспротивился было и не хотѣлъ впускать ополченіе въ городъ; но потомъ долженъ былъ оставить свои намѣренія вслѣдствіе волненія жителей. Такъ въ концѣ марта Пожарскій пришелъ въ Ярославль,

---

[1]) Рук. Моск. Дух. Акад. № 105, л. 613 об. и 614.

[2]) *Забѣлинъ*. Мининъ и Пожарскій.

гдѣ жители встрѣтили его съ дарами, отъ которыхъ онъ однако отказался. По первоначальному намѣренію своему Пожарскій хотѣлъ двинуться изъ Ярославля скоро: это входило въ его планы. «Собрався азъ князь Дмитрій со всѣми ратными людьми, пришелъ въ Ярославль, пишетъ онъ самъ въ окружной грамотѣ въ Путивль; изъ Ярославля хотѣлъ со всѣми людьми идти подъ Москву» [1]). Лѣтопись о мятежахъ также прямо говоритъ, что пришедши въ Ярославль, Пожарскій съ ополченіемъ «хотяху идти подъ Москву *вскорѣ*» [2]). Понимая всю важность скораго выхода изъ Ярославля, кн. Дмитрій въ грамотахъ увѣщевалъ народъ поспѣшать. Такъ, Вологжанамъ онъ пишетъ: «и вамъ-бы, господа, Вологодскимъ дворяномъ нынѣ идти на Литовскихъ людей всѣмъ *вскорѣ*, чтобы Литовскіе люди Московскому государству конечныя гибели не навели; а токмо надъ Литовскими людьми поискъ чинити не учнемъ, и *вскорѣ* на нихъ не пойдемъ» [3])...., то можетъ учиниться раззореніе государству. Изъ этого первоначальнаго намѣренія Пожарскаго видно, что онъ сначала не думалъ особенно бояться казаковъ, стоявшихъ подъ Москвой, а находилъ возможнымъ идти къ нимъ скоро. Въ одной своей грамотѣ, посланной еще изъ Нижняго, онъ ясно высказался относительно того, какъ нужно смотрѣть на казаковъ: «когда будемъ подъ Москвою всею ратью, то казакамъ дурна дѣлать не дадимъ» [4]), писалъ въ ней Пожарскій. Слѣдовательно, вотъ съ какими намѣреніями шелъ Пожарскій къ Ярославлю: онъ хотѣлъ изъ него *скоро* отправиться подъ Москву, чтобы здѣсь, усмиривъ казаковъ, вмѣстѣ съ ними направить силы на Польскихъ и Литовскихъ людей. Очевидно, что эти первоначальныя намѣренія Пожарскаго ничуть не были въ противорѣчіи съ приглашеніями Троицкихъ властей. И только въ Ярославлѣ обстоятельства заставили Пожар-

---

[1]) Собр. гос. грам. и дог. т. II.

[2]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 255.

[3]) А. А. Э. т. II № 201.

[4]) Собр. гос. гр. и дог. т. II № 281.

скаго взглянуть на дѣло иначе, только здѣсь онъ возъимѣлъ болѣе серьезныя опасенія по отношенію къ казакамъ. Дѣло въ томъ, что въ Ярославлѣ онъ узналъ, что подъ Москвой оба воеводы — Трубецкой и Заруцкій — цѣловали крестъ новому самозванцу Сидоркѣ, явившемуся въ Псковѣ. Понятно, что эта открытая измѣна подмосковнаго ополченія должна была сильно повліять на Пожарскаго. Если онъ раньше могъ еще надѣяться, что казаки, занимаясь подъ Москвой грабежами, въ то-же время могли сражаться и съ Поляками и, слѣдовательно, могли быть полезны ему, то теперь при извѣстіи объ измѣнѣ онъ сталъ думать, что они могутъ только серьезно помѣшать дѣлу, завязать междоусобную войну во вредъ всѣмъ благимъ начинаніямъ. Поэтому это извѣстіе нужно считать самою главною причиною, почему Пожарскій сталъ медлить въ Ярославлѣ походомъ. И самъ онъ приписываетъ ему такое-же значеніе, когда говоритъ, что «изъ Ярославля хотѣли идти со всѣми людьми подъ Москву, и писали къ намъ изъ—подъ Москвы бояре кн. Дмитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій, атаманы и казаки, что они, преступя всемірное крестное цѣлованіе и умысля воровствомъ, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ, именуя его Димитріемъ..... мы-же, видя злое начинаніе Ивана Заруцкаго и атамановъ и казаковъ, подъ Москву не пошли» [1]). Другими менѣе важными обстоятельствами, задержавшими Пожарскаго въ Ярославлѣ, было желаніе очистить отъ казацкихъ и черкаскихъ войскъ мѣстности, лежавшія близко къ Ярославлю: Антоніевъ монастырь, Угличъ, Пошехонье и др. [2]). Въ виду прекращенія казацкихъ насилій, грабежей и пр. Пожарскій разослалъ свою рать въ тѣ города, гдѣ казаки проявляли свои хищные инстинкты, какъ-то: въ Суздаль, Угличъ, Кашинъ, Владиміръ, Ростовъ, Устюжну, Тверь, Пошехонье, Касимовъ и въ Троицкую лавру. Въ такихъ занятіяхъ у Пожарскаго проходило время; онъ старался, чтобы все вокругъ было въ единогласіи съ ополченіемъ, чтобы народъ былъ въ «неподвижной правдѣ,» какъ

---

[1]) А. А. Э. т. II № 201.

[2]) Лѣтоп. о мят. стр. 255.

онъ выражался самъ. Занятъ былъ Пожарскій еще переговорами съ Новгородомъ, который хотѣлъ избрать на престолъ шведскаго королевича. Чтобы не имѣть въ лицѣ Новгородцевъ и главнымъ образомъ нѣмцевъ новыхъ враговъ, онъ притворно согласился признать шведскаго королевича государемъ, если только этотъ послѣдній приметъ православную вѣру; «а того у нихъ и на душѣ не было, чтобы взять на Московское государство иноземца» [1]. Наконецъ, Пожарскій продолжалъ заботиться объ увеличеніи казны, для чего разсылалъ грамоты по городамъ и для чего, между прочимъ, завелъ даже переговоры съ Австріей чрезъ случайно проѣзжавшаго изъ Персіи австрійскаго посла Грегори. Все это показываетъ, что кн. Пожарскій имѣлъ свое основаніе долго оставаться въ Ярославлѣ и главнымъ образомъ потому, что ему нужно было собраться съ духомъ и силами, чтобы твердо встрѣтить подъ Москвой не только Ходкѣвича, но и казаковъ, отъ которыхъ онъ послѣ измѣны ихъ ожидалъ не помощи, а одного вреда. Если-бы измѣны казаковъ не послѣдовало, онъ могъ-бы двинуться скорѣе, могъ-бы даже не дѣлать этихъ не предвидѣнныхъ имъ походовъ въ разные города; теперь-же онъ запасался силами настолько, чтобы дать достаточный отпоръ двумъ врагамъ. Отсюда вытекало промедленіе Пожарскаго въ Ярославлѣ.

Однако, какъ, по видимому, ни благоразумна была политика Пожарскаго, нашлись недовольные ей. Нашлись люди, которые стали звать Пожарскаго идти подъ Москву какъ можно скорѣе, чтобы промедленіемъ не испортить всего дѣла (какъ раньше опасался этого и самъ князь). Въ числѣ недовольныхъ политикой Пожарскаго были и Троицкія власти во главѣ съ архимандритомъ Діонисіемъ. Они вопреки дѣйствіямъ князя усердно и настойчиво стали звать его къ Москвѣ. Еще только успѣлъ Пожарскій прійти въ Ярославль и получить непріятную вѣсть объ измѣнѣ казаковъ, какъ тогда же—въ началѣ апрѣля къ нему является посольство отъ Троицкихъ архимандрита и келаря съ призывной грамотой спѣшить къ Москвѣ. Обстоятельства, предшествовавшія

[1]) Нов. Лѣтоп. стр. 150.

посылкѣ этой грамоты и вызвавшія ее, по разсказу Палицына, были слѣдующія.—2-го марта подъ Москвой, въ ополченіи присягнули новому самозванцу—кто по охотѣ, а иные по неволѣ, т. е. совершилось то, что такъ напугало Пожарскаго. Но когда грамота о присягѣ самозванцу пришла въ Троицкій монастырь, то здѣсь не только не послушались ея, но даже оплевали. Примѣру монастыря послѣдовали многіе города. Есть извѣстіе, что въ это-же время архимандритъ Діонисій съ братіею разослалъ грамоты въ Москву къ боярамъ и въ другіе многіе города съ цѣлію удержать ихъ отъ присяги новому самозванцу. «И во многіе грады отъ себя архимандритъ Діонисій съ братіею и служивые люди, говорится въ этомъ извѣстіи, *грамоты посылающе*, такожъ и подъ Москву бояромъ посылающе и пишуше съ моленіемъ, да не прельстятся на воровскіе заводы и крѣпко постоятъ за православную вѣру на безбожныхъ поляковъ и поможетъ имъ Господь Богъ». [1]). Узнавъ изъ этихъ грамотъ, что въ монастырѣ не цѣловали креста вору, а остались вѣрными Московскому государству, князь Дмитрій Трубецкой скоро посылаетъ въ монастырь дворянъ Михайла да Никиту Астафьевичей Пушкиныхъ съ просьбою къ Троицкимъ властямъ, чтобы они писали къ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому «о немедленномъ шествіи подъ царствующій градъ Москву» и о томъ, чтобы всѣмъ быть въ соединеніи и, наконецъ, о томъ, что подъ Москвою «воинскимъ людямъ тѣснота и гладъ и скорбь велика», а между тѣмъ ожидается скоро приходъ къ Москвѣ Ходкѣвича. По этой-то просьбѣ Трубецкаго архимандритъ Діонисій и Палицынъ послали къ Пожарскому со старцами Макаріемъ Куровскимъ и Ларіономъ Бровцынымъ грамоту.

---

[1]) Рук. Моск. Дух, Ак. № 201, л. 54 об. 55 въ „повѣсти о раззореніи Московскаго государства и всея россійскія земли, како и отъ чего и откуду начало изыде тѣхъ бѣдъ и напастей; выписано изъ лѣтописныхъ книгъ и иныхъ повѣстей“ (л. 8). У Палицына объ этихъ Троицкихъ грамотахъ не упоминается. Замѣчательно еще въ этомъ извѣстіи то, что лицемъ дѣйствующимъ въ разсылкѣ грамотъ упоминается одинъ Діонисій, о Палицынѣ ни слова. Это опять подтверждаетъ нашу мысль, что главная роль въ разсылкѣ грамотъ принадлежала одному Діонисію.

Эта грамота дошла до насъ. Содержаніе ея слѣдующее.—Послѣ обычнаго описанія обстоятельствъ, приведшихъ государство въ бѣдственное положеніе, послѣ разсказа о сожженіи Москвы и печальныхъ слѣдствіяхъ этого, и наконецъ, послѣ упоминанія о приходѣ подъ Москву ополченія, пр. Діонисій и Авраамій Палицынъ пишутъ Пожарскому: «въ нынѣшнемъ въ 120 году марта въ 2-й день злодѣй и богоотступникъ Иванъ Плещеевъ съ товарищи затѣялъ новую пагубу, не хотя насъ православныхъ христіанъ въ соединеніи видѣти и престатья пролитію крестьянскія напрасныя крови, по злому воровскому казачью заводу, затѣяли подъ Москвою въ полкѣхъ крестное цѣлованіе, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ называется царемъ Дмитріемъ, и боярина князя Дмитія Тимофѣевича Трубецкаго и дворянъ и дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и Московскихъ стрѣлецкихъ людей привели къ кресту *неволею*, также цѣловали крестъ, по ихъ воровскому заводу, бояся отъ нихъ смертнаго убивства; да и намъ то вѣдомо, бояринъ князь Дмитрій Тимофѣевичъ и дворяне и дѣти боярскіе цѣловали *неволею*, и нынѣча онъ, князь Дмитрій, у тѣхъ воровскихъ заводцовъ живетъ въ великомъ утѣсненіи, а радѣетъ соединиться съ вами» [1]). Послѣ этого разсказывается, какъ князь Трубецкой присылалъ въ монастырь дворянъ съ извѣстной намъ просьбой. Послѣ этой, такъ сказать, исторической части грамоты идетъ длинное увѣщаніе идти подъ Москву, при чемъ указываются причины, по которымъ нужно спѣшить къ Москвѣ. Настоятельная нужда выбрать государя и бѣдствія государства должны всѣхъ побуждать къ скорой помощи. «Можетъ-ли и невеликая хижица безъ настоятеля утвердитися и можетъ-ли градъ безъ властодержателя стояти, не токмо что такому великому царству съ окрестными странами безъ государя быти», тѣмъ болѣе въ настоящее бѣдственное время, когда столько несчастій терпитъ русская земля [2]). Поэтому-то необходимо «всѣмъ въ единомъ совѣтѣ поло-

---

[1]) Ак. Арх. Эксп. т. II, стр. 352.

[2]) Ак. Арх. Эксп. т. II стр. 352.

жити о государѣ, кого намъ дастъ Богъ» [1]). Извѣстивъ, наконецъ, что Калуга, Серпуховъ, Тула, Рязань и всѣ замосковные городы креста вору не цѣловали, и что также не цѣловали ему креста въ Твери, Торжкѣ, Старицѣ, во Ржевѣ и Погорѣломъ городищѣ, преп. Діонисій и Авраамій Палицынъ обращаются къ Нижегородскому ополченію съ слѣдующимъ увѣщаніемъ: «молимъ васъ со усердіемъ, смилуйтеся и умилитеся, незакоснѣнно сотворите дѣло сіе, избавленія ради общаго народа христіанскаго, чтобы вамъ тщаніе на богоугодное и земское дѣло совершати и идти въ домъ живоначальныя Троицы и великаго чудотворца Сергія на спѣхъ....; а пишемъ вамъ о подвигѣ *на спѣхъ* потому, чтобы тѣ люди, которые нынѣ подъ Москвою, розню своею не потеряли Большаго каменого города и остроговъ и наряду» [2]).

Получивъ эту грамоту, кн. Пожарскій, какъ и слѣдовало ожидать, оставилъ ее безъ вниманія. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ извѣстіемъ объ измѣнѣ казаковъ и не могъ скоро освободиться отъ предубѣжденія противъ *всего* ополченія, стоявшаго подъ Москвой; онъ не повѣрилъ Троицкимъ властямъ, писавшимъ, что въ этомъ ополченіи очень многіе цѣловали крестъ вору неволею, и остался при своемъ намѣреніи дѣйствовать осторожно и не поспѣшая. Однако на первой неудачной попыткѣ заставить Пожарскаго спѣшить къ Москвѣ Троицкія власти не остановились. Неизвѣстно черезъ сколько времени и неизвѣстно также по своей-ли иниціативѣ или опять по просьбѣ Трубецкого, только что пр. Діонисій и Авраамій Палицынъ снова посылаютъ къ Пожарскому двухъ старцевъ Серапіона Воейкова и Афанасія Ощерина и съ

А. А. Э. т. II, стр. 353. Замѣчательно, что здѣсь настойчиво приводится мысль о скоромъ выборѣ государя; въ прежнихъ грамотахъ Троицкія власти объ этомъ не писали. Мысль о незамедленіи выборомъ государя высказана еще Пожарскимъ въ грамотѣ отъ 6 іюня изъ Ярославля (собр. гос. гр. и дог. т. II, № 281). Видно, что подумывали еще прежде очищенія государства отъ поляковъ избрать государя, чтобы такимъ образомъ сильнѣе объединить около него всѣ русскія силы.

[2]) Ак. Арх. Эксп. т. II, стр. 353.

ними увѣщательную грамоту, въ которой убѣдительно просили спѣшить и даже укоряли Пожарскаго и все ополченіе, что они, начавши доброе дѣло, стали теперь нерадивыми и ложно стали представлять «о сладкомъ, что оно горько и о горькомъ, что оно сладко,» потому что сладость они стали полагать во вседневномъ насыщеніи. И къ этому Троицкія власти прибавили еще: «аще прежде вашего пришествія къ Москвѣ гетманъ Ходкѣвичъ пріидетъ со множествомъ войска и запасы, то уже всуе трудъ вашъ будетъ и тще ваше собраніе» [1]). Эта грамота неизвѣстна намъ, а содержаніе ея записалъ Палицынъ. Но какъ ни старались Троицкія власти убѣдить Пожарскаго, трудъ ихъ опять былъ безуспѣшинъ. Князь Дмитрій старцевъ Троицкихъ отпустилъ въ обитель, а самъ по прежнему сталъ медлить походомъ. По замѣчанію Палицына, Пожарскій медлилъ, между прочимъ, потому, что слушался «нѣкоихъ междоусобныхъ смутныхъ словесъ» [2]). Въ то время какъ подъ Москвой изнемогали отъ голода, въ Ярославѣ ополченіе имѣло всякихъ запасовъ въ большомъ количествѣ, такъ что Пожарскій находилъ возможнымъ даже «учреждать» (т. е. угощать) войско. Между тѣмъ гетманъ Ходкѣвичъ подвигался къ Москвѣ все ближе и ближе. Все это знали въ Троицкомъ монастырѣ и потому понимали необходимость, чтобы новыя силы шли подъ Москву скорѣе. Поэтому-то несмотря на прежніе неудачные опыты сдвинуть Пожарскаго съ мѣста, Троицкія власти порѣшили отправить въ Ярославль третіе посольство. И въ этотъ разъ отправляется въ Ярославль уже самъ келарь монастыря Авраамій. Посовѣтовавшись съ архимандритомъ Діонисіемъ и соборными старцами, отпѣвши молебенъ и принявъ благословеніе отъ архимандрита, онъ вышелъ изъ монастыря въ Ярославль 28 Іюня [3]). Пришедши туда, Пали-

---

[1]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Троицк. монастыря стр. 230-231.

[2]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Троицк. монастыря стр. 231.

[3]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Троицкаго монастыря, стр. 231. Въ печатномъ изданіи сказанія Палицына читаемъ, что Авраамій вышелъ въ Ярославль 28 Іюля, и потомъ говорится, что онъ засталъ Пожарскаго въ Ярославлѣ, гдѣ и увѣщевалъ его спѣшить къ Москвѣ. Между тѣмъ какъ не-

цынъ нашелъ въ ополченіи, по его словамъ, порядочные безпорядки, именно: онъ увидѣлъ, что среди ополченцевъ находятся и «мятежники и ласкатели (т. е. льстецы) и трапезолюбители,» что между воеводами происходитъ не рѣдко «гнѣвъ великъ и сваръ.» Къ этому извѣстію Палицына, нѣкоторые относятся недовѣрчиво на томъ основаніи, что Пожарскій былъ не такой человѣкъ, чтобы допустить около себя льстецовъ и трапезолюбителей, что этимъ извѣстіемъ Палицынъ накидываетъ на него незаслуженное подозрѣніе. Но если взглянуть на дѣло съ иной стороны, то увидимъ, что «трапезолюбители» около Пожарскаго могли быть и дѣйствительно были. Мы упоминали, что Пожарскаго остановила въ Ярославлѣ главнымъ образомъ измѣна казаковъ; а то, чтобы князь съ своимъ ополченіемъ какъ можно сильнѣе боялся измѣнившихъ казаковъ и какъ можно болѣе пропускалъ нужное время и не шелъ къ Москвѣ, входило въ разсчеты врага его Заруцкаго, которому хотѣлось *запугать* ополченіе и тѣмъ разстроить его. Съ цѣлію запугиванія Заруцкій и могъ подослать къ Пожарскому нѣсколькихъ своихъ сторонниковъ. Это подтверждаетъ лѣтопись,

---

сомнѣнно извѣстно, что 29 Іюля Пожарскій былъ въ дорогѣ къ Москвѣ въ 29 верстахъ отъ Ярославля на Шенуцкомъ яму (Собр. госуд. грам. и дог. т. II, стр. 600). Такимъ образомъ выходитъ, что Палицынъ никакъ не могъ застать Пожарскаго въ Ярославлѣ. Это замѣтили критики сказанія Палицына Голохвастовъ и Забѣлинъ и вывели отсюда что разсказъ этотъ вымыселъ Палицына (см. Отв. на рецензіи стр. 165—199. и Рус. Арх. 1872 г. стр. 608). Но такое обвиненіе Палицына несправедливо. Дѣло въ томъ, что помѣта времени выхода изъ монастыря въ Ярославль мѣсяцемъ Іюлемъ вмѣсто Іюня произошла отъ описки. «Вѣроятно, переписчикъ, говоритъ г. Кедровъ, списывавшій послѣ «Сказаніе» Палицына, плохо видѣлъ, а потому вмѣсто Іюня записалъ Іюля 28 день.» Въ шести извѣстныхъ Кедрову рукописяхъ именно: Моск. Дух. Ак. № 218, рукописяхъ Рум. Музея №№ 299 и 300, въ двухъ рукописяхъ Казан. Дух. Ак. №№ 627 и 628 и Лавр. рук. № 733 онъ нашелъ, что число отбытія Палицына помѣчено *28 іюня*. Кромѣ того, въ «Иномъ сказаніи о самозванцахъ,» цѣлая половина котораго буквально списана съ «Сказанія» Палицына, на стр. 124 строка 1 сверху ясно показано, что келарь пойде въ Ярославль Іюня въ 28 день. (*Кедровъ*. Авраамій Палицынъ стр. 120—121—примѣчаніе).

когда говоритъ, что Заруцкій, замышляя убить Пожарскаго, послалъ въ Ярославль казаковъ Обреска да Стеньку «*къ своимъ совѣтникамъ*—къ Ивашкѣ Доводчикову Смольянину, да къ пяти человѣкамъ Смоленскимъ стрѣльцамъ, къ Шалдѣ съ товарищи, да къ рязанцу Сенкѣ Ждалову; той же *Сенька у князь Дмитрія и живяше на дворѣ. Онъ-же* (т. е. князь) *его и поилъ и кормилъ и одѣвалъ*» [1]). Отсюда видно, что Заруцкій имѣлъ въ Ярославлѣ своихъ агентовъ, изъ которыхъ нѣкоторые вошли въ такое расположеніе къ князю Пожарскому, что жили у него, кормились и одѣвались на его средства. Пожарскій былъ сильно напуганъ измѣной казаковъ, а эти агенты Заруцкаго подтверждали основательность его опасеній, предостерегали его, давали совѣты, и всѣмъ тѣмъ входили въ расположеніе у него. Итакъ, Авраамій замѣтилъ въ ополченіи разные непорядки. Въ виду этого онъ началъ уговаривать кн. Дмитрія не слушать мятежниковъ и трапезолюбителей, а идти скорѣе подъ Москву, разъясняя, конечно, при этомъ, что подмосковное ополченіе вовсе не такъ страшно, какъ описываютъ его разные «трапезолюбители,» что напротивъ, когда, князь придетъ подъ Москву, то съ нимъ соединятся тамъ очень многіе. Эти убѣжденія келаря, наконецъ, подѣйствовали на князя. Онъ посылаетъ подъ Москву сначала передовые отряды подъ предводительствомъ князя Дмитрія Петровича Пожарскаго—Лопаты и Михайла Дмитріевича Самсонова; а потомъ и самъ отправляется. По словамъ Палицына, выходитъ, какъ будто только его увѣщанія заставили выйти Пожарскаго изъ Ярославля; но это не совсѣмъ правда. Несомнѣнно, что и самъ Пожарскій долженъ былъ сознавать, что нельзя-же все стоять въ Ярославлѣ, что нужно когда нибудь отправиться къ Москвѣ. Естественно, что когда ему удалось болѣе или менѣе очистить окрестности отъ казаковъ и когда онъ окончилъ успѣшно переговоры съ Новгородцами, такъ что со стороны нѣмцевъ не могъ уже опасаться помѣхи своему дѣлу, мысль о выходѣ къ Москвѣ начала сильнѣе занимать его. А тутъ подоспѣлъ представитель знаменитаго мона-

---

[1]) Лѣтоп. о матеж. стр. 262.

стыря и сталъ уговаривать скорѣе идти. Результатомъ этого и было выступленіе князя Пожарскаго изъ Ярославля къ Москвѣ въ концѣ Іюня.

И такъ, изъ обзора дѣятельности Троицкихъ властей въ періодъ стоянки кн. Пожарскаго въ Ярославлѣ мы убѣждаемся, что политика ихъ расходилась съ политикою Пожарскаго. Необходимо провѣрить, справедливо-ли смотрѣли на дѣло архимандритъ Діонисій и Авраамій Палицынъ, призывая Пожарскаго идти къ Москвѣ «на спѣхъ»; не подвергали-ли они этимъ ополченіе Пожарскаго великой опасности; однимъ словомъ, имѣли-ли они *дѣйствительное* основаніе торопить Пожарскаго выходомъ изъ Ярославля? [1]). Мы не разъ упоминали, что главная причина замедленія Пожарскаго въ Ярославлѣ заключалась въ его опасеніяхъ встрѣтить подъ Москвой исключительно однихъ измѣнниковъ, которые будутъ всевозможно мѣшать предпринятому имъ дѣлу. А потому Троицкія власти только въ томъ случаѣ были правы, призывая Пожарскаго ничтоже сумняся спѣшить къ Москвѣ, если дѣйствительно, какъ они писали, Трубецкой и другіе многіе въ подмосковномъ ополченіи цѣловали крестъ вору *неволею* и, слѣдовательно, эти многіе не только не могли встрѣтить Пожарскаго враждебно, но напротивъ должны были охотно соединиться съ нимъ, и такимъ образомъ опасность, угрожавшая Нижегородскому ополченію отъ подмосковнаго, вовсе не такъ была велика, какъ ее воображалъ князь Пожарскій, довѣрявшій разнымъ «странезолюбителямъ». Что обстоятельства дѣла были именно таковы, въ этомъ мы можемъ убѣдиться, когда на основаніи разныхъ извѣстій и соображеній докажемъ, что а) цѣли и планы Трубецкого не совпадали съ цѣлями и планами Заруцкаго, и слѣдовательно, первый въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ является дѣйствующимъ вмѣстѣ съ Заруцкимъ поступалъ противъ воли, б) многіе подъ Москвою, и кромѣ

---

[1]) Необходимо провѣрить это особенно въ виду того, что г. Забѣлинъ настойчиво проводитъ мнѣніе, что Троицкія власти, призывая ополченіе спѣшить изъ Ярославля, тѣмъ самымъ подвергали серьезной опасности какъ ополченіе, такъ и общее дѣло.

Трубецкого, дѣйствительно присягнули вору *неволею*, и, наконецъ, в) время, когда звали Троицкія власти Пожарскаго къ Москвѣ, было очень удобное для того, чтобы выгнать поляковъ изъ Москвы.

а) Первое впечатлѣніе, какое выноситъ читающій лѣтописи относительно личности Трубецкого, это то, что Трубецкой былъ человѣкъ непослѣдовательный: онъ то уклоняется въ сторону самозванцевъ, то является на службѣ общему дѣлу, то цѣлуетъ крестъ вору и потомъ увѣряетъ, что онъ цѣлуетъ его неволею. Какая внутренняя подкладка этихъ различныхъ поступковъ Трубецкого, какія внутреннія побужденія, по которымъ онъ переходилъ на ту или другую сторону—этого лѣтописи не отмѣчаютъ. Но не много нужно проницательности, чтобы понять, что Трубецкой вовсе не то, что Заруцкій, сообщникомъ котораго его считаютъ [1]). Хотя Заруцкій, по лѣтописямъ, тоже выставляется на различныхъ постахъ службы (какъ и Трубецкой), но вездѣ ясно и опредѣленно онъ выставляется преслѣдующимъ однѣ цѣли—удовлетвореніе своего честолюбія и наживу, какимъ-бы путемъ цѣли эти ни достигались. Обманъ, измѣна и коварство были атмосферой Заруцкаго. Съ такими-же цѣлями, какъ и всюду, Заруцкій явился и подъ Москву осаждать поляковъ. Это отмѣчаетъ лѣтопись: «у Заруцкаго же съ казаками бысть и съ бояры и съ дворяны непрямая мысль, хотяху бо на Московское государство посадити воренка Калужскаго, Маринкина сына» [2]). Трубецкой сначала объ этихъ замыслахъ Заруцкаго не зналъ, или во всякомъ уже случаѣ не принималъ въ нихъ никакого участія. Въ нѣкоторыхъ хронографахъ имена Трубецкого и Ляпунова ставятся рядомъ, Заруцкій же выдѣляется какъ человѣкъ, съ которымъ первые двое имѣли мало общаго. «Отверзеся дверь милосердія, говорится въ одномъ хронографѣ, щедротъ Господнихъ, да съ ними—со княземъ Дмитріемъ Тимофѣевичемъ Трубецкимъ да съ Прокопьемъ Ляпуновымъ воевода-же надъ казаческими полки былъ Московской служивой ротмистръ панъ Иванъ Заруцкій и сей

---

[1]) Забѣлинъ.

[2]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 233.

бысть не нехрабръ и сердцемъ лютъ, но нравомъ лукавъ [1]). Однако извѣстно, что Трубецкой былъ въ согласіи съ Заруцкимъ въ одномъ, очень важномъ, дѣлѣ, а именно, они оба протестовали противъ постановленія 30 іюня, вводившаго строгій порядокъ въ распредѣленіи помѣстій и пр. (см. выше). За то, что постановленіе это было принято Ляпуновымъ, Трубецкой, какъ и Заруцкій, могъ не любить его, и отсюда лѣтописцы поторопились сдѣлать заключеніе, что онъ вмѣстѣ съ Заруцкимъ былъ въ замыслѣ противъ жизни Ляпунова: «они-къ возненавидѣша его и начаша мыслити, како-бъ его убити» [2]). Если даже и допустить правдивость этого извѣстія, то и тогда нельзя отсюда заключать, что Трубецкой, дѣйствовавшій за одно съ Заруцкимъ въ одномъ случаѣ, раздѣлялъ и всѣ другіе его замыслы. По нелюбви къ Ляпунову Трубецкой могъ въ данномъ случаѣ сочувствовать замысламъ Заруцкаго, но въ то-же время онъ могъ совершенно отвергать другіе замыслы Заруцкаго. Но разсказъ объ убійствѣ Ляпунова, оставленный намъ Москвичемъ, раскрываетъ это дѣло и освобождаетъ Трубецкого отъ подозрѣнія въ участіи въ убійствѣ Ляпунова. Здѣсь дѣло представляется такъ. Поляки взяли въ плѣнъ одного Московскаго боярина и подъ угрозою смерти уговаривали его присягнуть польскому королю. Воспользовавшись этимъ, Гонсѣвскій открылъ этому боярину, какъ тайну, что съ нимъ имѣетъ переписку Ляпуновъ, который хочетъ измѣнить Москвѣ, при чемъ показалъ боярину и письмо, написанное искусно подъ руку Ляпунова. Для того, чтобы бояринъ этотъ завелъ въ ополченіи смуту, поляки обмѣняли его на своего плѣнника. Возвратясь къ своимъ, бояринъ извѣстилъ въ разрядѣ о перепискѣ Ляпунова съ Гонсѣвскимъ: «я своими глазами, говорилъ онъ, видѣлъ у Гонсѣвскаго собственноручную грамоту Ляпунова; оба вмѣстѣ они куютъ на насъ ковы.» Заруцкій алчный власти, продолжаетъ послѣ этого Маскѣвичъ, подстрекнулъ донцовъ: ты бросились на Ляпунова и разнесли его на саблях. По смерти

[1]) Рук. Моск. Дух. Ак. № 105, л. 613.

[2]) Нов. Лѣтоп. стр. 139; Лѣтоп. о мят.

его Заруцкій сталъ во главѣ войска. Намъ онъ доброжелательствовалъ болѣе прочихъ» [1]). По этому сказанію убійство Ляпунова было дѣломъ Гонсѣвскаго и Заруцкаго съ его донцами Трубецкой тутъ вовсе не упоминается. Согласно съ этимъ сказаніемъ Маскѣвича, разсказываетъ о смерти Ляпунова и рукопись Филарета, только-что здѣсь иниціаторомъ убійства является не Гонсѣвскій, а Заруцкій. «Иванъ Заруцкій, говорится въ ней, дьяволимъ наученіемъ воспрія въ мысль свою, да научитъ казаковъ на Прокофья и повелитъ его убити, и яко-же хощетъ, тако творитъ. И нача напущати казаковъ на Прокофья и наряди грамоты ссыльныя съ Литвою и руку Прокофьеву подписати велѣлъ; и тако за ссылкою изъ города отъ Литвы велѣлъ ихъ выдати, будто Прокофій съ ними своими грамоты ссылается, и хочетъ христособранное воинство литовскимъ людемъ въ руцѣ предати и самъ съ нимъ пріобщиться. И тако возсташа народы и наполнишася людіе гнѣва и ярости на сего изряднаго властителя и воеводу Прокофья Ляпунова безъ воспоминанія его изряднаго и мужественнаго ополченія и восхотѣша его придати смерти» [2]). Послѣ этого разсказывается о томъ, какъ казаки призвали Ляпунова въ свой кругъ и здѣсь убили его. Ясно, что по этому извѣстію убійство Ляпунова—дѣло рукъ только Заруцкаго съ казаками; о Трубецкомъ тутъ ни слова. И такъ, на основаніи этихъ свидѣтельствъ можно сказать, что участіе Трубецкого въ убійствѣ Ляпунова болѣе, чѣмъ сомнительно. У Голландскаго писателя Геркмана находимъ интересное извѣстіе, что Трубецкой не только не былъ какимъ—либо потаковникомъ и соумышленникомъ воровскихъ замысловъ Заруцкаго, но даже былъ строгимъ блюстителемъ порядка въ войскѣ. Трубецкому жаловались крестьяне на грабежи казаковъ Заруцкаго, который содержалъ своихъ казаковъ грабежемъ, дозволялъ имъ по ихъ желанію «повсюду раззорять и грабить крестьянъ и простыхъ людей» [3]). Трубецкой указалъ на это Заруцкому и Ляпунову и «требовалъ, чтобы они

---

[1]) Сказанія современ. о самозв. ч. V, стр. 102.

[2]) Рукопись Филарета.

[3]) Сказанія Массы и Геркмана стр. 327.

держали свое войско въ строгомъ повиновеніи» [1]). Ляпуновъ охотно исполнилъ требованіе и при этомъ «упрекнулъ Заруцкаго въ его распоряженіяхъ относительно солдатъ и приказалъ ему впредь держать ихъ въ болѣе строгомъ повиновеніи. Это очень оскорбило Заруцкаго и онъ возъимѣлъ такую ненависть къ Ляпунову, что сталъ грозить ему смертію» [2]). Для достиженія своей цѣли Заруцкій употреблялъ всѣ средства; поэтому онъ внушилъ своимъ казакамъ, что Ляпуновъ—измѣнникъ и пр., что его нужно погубить. Казаки, послушные своему начальнику, убили Ляпунова. Хотя въ своихъ частностяхъ этотъ разсказъ иностранца страдаетъ не совсѣмъ вѣрною передачею событій, однако онъ цѣненъ для насъ въ томъ отношеніи, что даетъ намъ свѣдѣнія о томъ, какъ вообще смотрѣли современники на дѣйствія Трубецкаго во время стоянки ополченія подъ Москвой и на его отношенія къ Заруцкому и Ляпунову. Извѣстіе Геркмана, освобождающее Трубецкаго отъ всякихъ подозрѣній въ участіи въ замыслахъ Заруцкаго, заслуживаетъ вниманія тѣмъ болѣе, что авторъ собиралъ свои свѣдѣнія о смутномъ времени отъ разныхъ современниковъ и очевидцевъ событій, когда былъ въ Москвѣ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича [3]). Послѣ смерти Ляпунова Трубецкой также не былъ единомышленникомъ Заруцкаго. Въ лѣтописяхъ сохранилось одно извѣстіе, которое ясно показываетъ, что отношенія Трубецкаго и Заруцкаго не были отношеніями людей, проникнутыхъ одними намѣреніями и стремящимися къ одной цѣли. «Пріидоша подъ Москву (это было много спустя послѣ смерти Ляпунова) ко князю Дмитрію Тимофѣевичу Трубецкому изъ украинскихъ городовъ ратные люди и сташа въ Никитскомъ острогѣ; отъ Заруцкаго-же имъ и отъ казаковъ бысть великое стѣсненіе» [4]). И такъ, людямъ, пришедшимъ къ Трубецкому, было утѣсненіе отъ Заруц-

---

[1]) Сказ. Массы и Геркмана стр. 327.

[2]) ibid.

[3]) Сказ. Массы и Геркмана. Предисловіе стр. V.

[4]) Лѣтоп. о мят.

каго. Это, конечно, не свидѣтельствуетъ объ единомысліи двухъ воеводъ. Наконецъ, упомянемъ о томъ, что когда Пожарскій сталъ подходить къ Москвѣ, то Трубецкой поспѣшилъ со встрѣчей къ нему, а Заруцкій убѣжалъ. Такъ-ли бы должны дѣйствовать единомышленники?! Мы уже не говоримъ здѣсь, какъ Заруцкій безъ всякаго вѣдома Трубецкаго подослалъ убійцъ къ Дмитрію Пожарскому, а потомъ къ Пожарскому—Лопатѣ. Всѣмъ этимъ мы стараемся уяснить, что Троицкія власти во главѣ съ своимъ архимандритомъ вѣрно понимали дѣйствія Трубецкаго и когда писали объ немъ Пожарскому, что онъ *неволею* цѣловалъ крестъ, то «писали объ этомъ не потому, что они «мирволили» къ Трубецкому, какъ человѣку, который имъ «кланялся» (такъ объясняетъ г. Забѣлинъ), а потому, что и дѣйствительно Трубецкой по своимъ цѣлямъ и намѣреніямъ не былъ въ согласіи съ Заруцкимъ. Въ доказательство того, что Трубецкой дѣйствовалъ заодно съ Заруцкимъ, приводитъ то извѣстіе лѣтописи, въ которомъ говорится, что они оба вмѣстѣ посылали къ Пожарскому вѣсть о своей измѣнѣ съ цѣлію остановить движеніе ополченія—такъ указывать на это—значитъ, намъ кажется, ничего не доказывать. Вѣдь весь вопросъ въ томъ, дѣйствовалъ-ли Трубецкой въ данномъ случаѣ *неволею* или *охотою*, а въ указанномъ извѣстіи лѣтописи рѣшенія этого вопроса не дается, и слѣдовательно, имъ ничего не объясняется, былъ-ли Трубецкой единомышленникомъ Заруцкаго. Слѣдующее обстоятельство, замѣченное г. Кедровымъ, можетъ служить новымъ доказательствомъ, что Трубецкой относился къ замысламъ Заруцкаго недоброжелательно. Въ грамотѣ Путивлянамъ Пожарскій пишетъ: «и я пришелъ въ Ярославль, изъ него хотѣли идти подъ Москву, и писали намъ изъ—подъ Москвы бояре князь Дмитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій и атаманы и казаки, что они цѣловали крестъ псковскому вору.» Пожарскій пришелъ въ Ярославль во второй половинѣ марта, а слѣдовательно, и это извѣстіе пришло къ нему не раньше конца марта; а 28 числа того-же мѣсяца Трубецкой писалъ въ монастырь съ извѣстіемъ, что онъ цѣловалъ крестъ неволею и съ просьбой, чтобы

Троицкія власти писали къ Пожарскому о *скоромъ* выходѣ изъ Ярославля. Если же извѣстія Трубецкого и Заруцкаго о своей измѣнѣ посланы были къ Пожарскому для того, чтобы задержать его въ Ярославлѣ, то какъ объяснить, что въ то-же самое время Трубецкой чрезъ Троицкихъ властей призываетъ его идти *скорѣе* подъ Москву, что онъ въ одно-и то-же время желалъ скораго прихода Пожарскаго подъ Москву и не желалъ. Ясно, что не будучи единомышленникомъ Заруцкаго, не раздѣляя его плановъ, Трубецкой цѣловалъ крестъ вору неволею. Трубецкой не былъ человѣкомъ твердаго характера, не былъ такимъ высоконравственнымъ патріотомъ, который предпочелъ бы смерть измѣнѣ. А при тогдашнихъ обстоятельствахъ, при распущенности и злодѣйствѣ казаковъ, было очень возможно, что прямой отказъ Трубецкаго присягнуть вору повлекъ-бы за собою смерть. По этому-то онъ счелъ за лучшее дѣйствовать скрытно: предъ казаками казаться ихъ сторонникомъ и въ то-же время желать соединенія съ Пожарскимъ. Что, дѣйствительно, присяга Трубецкаго и многихъ другихъ воеводъ была результатомъ насилія казаковъ, объ этомъ сохранилось и прямое свидѣтельство, хотя и не могущее претендовать на особую авторитетность. «Грѣхъ нашъ, читаемъ въ этомъ извѣстіи, постиже насъ подъ Москвою, воинскіе люди въ безуміе впадоша. Боярину князю Дмитрію Тимофѣевичу *Трубецкому непослушни быша*, и осилѣша бояръ и воеводъ своихъ, вси поцѣловаша крестъ псковскому вору» [1]).

в) Несомнѣнно, далѣе, что въ то время какъ двигалось ополченіе Пожарскаго и потомъ устроялось въ Ярославлѣ, въ ополченіи подмосковномъ шли два теченія: одни стали тяготѣть къ новому ополченію, а другіе желали продолженія смуты, потому что видѣли въ ней очень удобную почву для различныхъ грабежовъ и насилій. Эти два теченія во всей своей силѣ были и тогда, когда подъ Москвой затѣяли цѣлованіе креста псковскому вору. Въ то время какъ казаки охотно присягнули ему, «дворяне не

---

[1]) Рук. Моск. Дух. Ак. № 201, л. 54 об.

восхотѣша тому вору креста цѣловати,» за что казаки хотѣли ихъ «побити и сильно иныхъ ко кресту приведоша, а иные изъ-подъ Москвы утекоша» [1]). И такъ, когда Троицкія власти писали Пожарскому въ Ярославль, что «дворяне и дѣти боярскіе цѣловали крестъ неволею,» то писали о томъ, что дѣйствительно происходило подъ Москвой. Если-же такъ, то, конечно, лишь только явилось-бы къ Москвѣ Нижегородское ополченіе, какъ всѣ эти, невольно присягнувшіе, приняли бы его сторону и стали бы вмѣстѣ съ нимъ за общее дѣло. Слѣдовательно, опасность для Нижегородскаго ополченія отъ казаковъ была вовсе не такъ велика, чтобы могла служить серьезной причиной долгаго промедленія его въ Ярославлѣ. Будучи въ Ярославлѣ, Пожарскій могъ-бы сказать о казакахъ то-же самое, что онъ сказалъ объ нихъ, будучи въ Нижнемъ: «когда будемъ подъ Москвою всею ратью, то казакамъ дурна дѣлать не дадимъ.» Даже нужно замѣтить, что теперь они (казаки) становились слабѣе, потому что районъ ихъ власти на сѣверъ отъ Москвы неизбѣжно уменьшался болѣе и болѣе. Слабость свою казаки доказали бѣгствомъ изъ—подъ Москвы, когда узнали о приближеніи Нижегородскаго ополченія. Если-же Пожарскій сталъ медлить въ Ярославлѣ главнымъ образомъ потому, что испугался измѣны казаковъ, хотя раньше и самъ сознавалъ важность *скораго* выхода, то понятно Троицкія власти имѣли полное право и даже должны были звать его идти къ Москвѣ «на спѣхъ,» когда узнали, что въ дѣйствительности-то казаки вовсе не такъ страшны и что самая-то измѣна далеко не всѣми раздѣляется охотно и что даже одинъ изъ главныхъ воеводъ Трубецкой присягнулъ неволею. Они были ближе къ подмосковному ополченію и потому знали обстоятельства дѣла лучше Пожарскаго, который получалъ вѣсти объ этомъ ополченіи черезъ третія руки – да еще отъ такихъ людей, которые имѣли интересъ намѣренно увеличивать опасность и нагонять на него страхъ.

---

[1]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 242.

е) Имѣли основаніе Троицкія власти звать Пожарскаго «на спѣхъ» къ Москвѣ и потому, что въ то время когда Пожарскій стоялъ въ Ярославлѣ, положеніе поляковъ въ Кремлѣ было таково, что ихъ выжить оттуда было легче, чѣмъ послѣ [1]). Положеніе польскихъ дѣлъ было тогда слѣдующее. Ходкѣвичъ стоялъ въ Можайскѣ и ждалъ отъ короля новыхъ силъ. Здѣсь онъ скоро получилъ извѣстіе отъ Смоленскаго воеводы Якуба Потоцкого что онъ (Якубъ) высылаетъ племянника своего Николая Струся съ тремя тысячами на смѣну тѣмъ, которые сидятъ въ Кремлѣ. Но нужно знать, что Потоцкій былъ недружелюбно расположенъ къ Ходкѣвичу и въ томъ-же духѣ настроилъ своего племянника. Узнавъ о выступленіи Струся, Ходкѣвичъ подвинулся къ Москвѣ и всталъ за 50 верстъ отъ нея, гдѣ и ожидалъ Струся 4 недѣли. Изъ стана Ходкѣвича въ Кремль доставлялись запасы. Послѣ четырехъ-недѣльной стоянки Ходкѣвичъ подвинулся къ Москвѣ и всталъ на Дѣвичьемъ полѣ; за нимъ пошелъ и Струсь. Между двумя польскими полководцами начались переговоры: Струсь требовалъ удаленія Гонсѣвскаго изъ Кремля и самъ хотѣлъ занять его мѣсто; Ходкѣвичъ защищалъ Гонсѣвскаго. Но Гонсѣвскій самъ нашелъ лучшимъ оставить Кремль и уступить это мѣсто Струсю. Струсь со своимъ отрядомъ вступилъ въ Кремль. Но изъ Кремля вслѣдъ за Гонсѣвскимъ вышли всѣ сторонники его, со Струсемъ осталась только часть Сапѣжинцевъ подъ командою Будзила. Такимъ образомъ, приходъ Струся не усилилъ польское войско, но ослабилъ. Въ тоже время четыре тысячи Сапѣжинцевъ, не получая платы за тѣ вещи, которыя были заложены имъ, составили свою конфедерацію и ушли съ своими залогами въ Польшу— взыскивать слѣдуемое имъ за службу жалованье. Ходкѣвичъ-же опять отошелъ отъ Москвы собирать запасы, и его жолнѣры ушли даже въ глубину Новгородской земли, гдѣ было еще не такъ опустошено. Но здѣсь они были разбиты шведами. Ходкѣвичъ заботился только о томъ, чтобы продовольствовать торнизоны въ Кремлѣ до зимы, самъ онъ не торопился къ Москвѣ. Имен-

---

[1]) *Костомаровъ*. Смутное время III, 269.

но вотъ теперь, когда въ Кремлѣ польское войско было очень ослаблено, а отряды Ходкѣвича разсыпались для добыванія запасовъ, всего удобнѣе было явиться Нижегородскому ополченію къ Москвѣ [1]). Тогда бы осажденныхъ въ Кремлѣ поляковъ скорѣе можно было понудить къ сдачѣ, а управившись съ ними, легче было дать отпоръ Ходкѣвичу, который, конечно, поспѣшилъ-бы на выручку своей братіи. Напрасно нѣкоторые (Забѣлинъ) не хотятъ придать большаго значенія факту прибытія подъ Москву Ходкѣвича. Изъ польскаго дневника событій можно видѣть, какое значеніе вспомогательнымъ силамъ придавали осажденные поляки. Изъ Кремля постоянно раздавились голоса, взывавшіе о помощи и жаловавшіеся на свою слабость и безпомощность. Вотъ, напр., что писали изъ Кремля къ Ходкѣвичу 27 іюля: «униженно просимъ вашу милость смиловаться надъ нашимъ здоровьемъ и нуждой, не осуждать насъ на большое бѣдствіе, принять милостиво настоящее наше заявленіе и свести насъ со стѣнъ къ послѣднему дню августа, потому что терпѣть долѣе этого срока намъ, потерявшимъ всѣ силы, не дозволяютъ законы человѣчества, наше здоровье и наконецъ ваше обѣщаніе, г. гетманъ» [2]). Это — одинъ изъ многихъ случаевъ такихъ заявленій.

Нѣкоторые утверждаютъ, что Троицкія власти, когда сообщали Пожарскому о невольной присягѣ Трубецкого, то сообщали ему неправду; но чтобы этимъ не набросить тѣни на Діонисія и Палицына, прибавляютъ, что цѣль ихъ была добрая. Говорятъ: «видно, что Діонисію и Палицыну хотѣлось оправдать Трубецкого: они имѣли прекрасную цѣль — установить миръ и согласіе между военачальниками, убѣдить ихъ къ единому дѣйствію противъ враговъ отечества: эта цѣль видна во всякомъ ихъ поступкѣ, во всякомъ посланіи» [3]). Несомнѣнно, что такія стремленія были присущи преп. Діонисію и Авраамію Палицыну. Но оправдывались-ли

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. у Костомарова, Смутное время III, стр. 269—271.

[2]) Рус. Ист. Биб. т. I стр. 306.

[3]) *Смирновъ*. Біографія кн. Пожарскаго стр. 26.

бы дѣйствія ихъ, если-бы они звали Пожарскаго соединиться съ завѣдомымъ врагомъ, который могъ принести серьезный вредъ Пожарскому и его дѣлу? Нѣтъ; чтобы убѣждать Пожарскаго такъ *настойчиво* соединиться съ человѣкомъ, котораго онъ подозрѣвалъ въ коварныхъ замыслахъ, для этого Троицкія власти должны были напередъ сами *убѣдиться*, что подозрѣнія Пожарскаго не правы, что Трубецкой не питалъ коварныхъ замысловъ. Не убѣдившись въ этомъ, они не могли быть увѣрены въ добрыхъ результатахъ своихъ дѣйствій и въ случаѣ печальныхъ обстоятельствъ встрѣчи воеводъ они не имѣли-бы никакихъ оправданій. Хотя и съ добрыми цѣлями, но подвергать опасности Пожарскаго и съ нимъ общее дѣло—это было-бы неразумно. Преп. Діонисій и Авравмій Палицынъ были-бы очень близоруки, если-бы не понимали всего этого. Но когда мы знаемъ, что подъ Москвой серьезной опасности ополченіе Пожарскаго не могло встрѣтить, то политика Діонисія и Авраамія становится понятной и разумной.

Выпедши изъ Ярославля въ концѣ іюля, Нижегородское ополченіе 14 августа пришло въ Троицкій монастырь. Троицкія власти, а равно и воеводы, какіе случились въ монастырѣ, встрѣтили ополченіе съ великою честію. Расположившись станомъ въ слободѣ Клементьевой, Пожарскій, прежде чѣмъ идти къ Москвѣ, хотѣлъ договориться съ казаками, «чтобъ другъ на друга никакого зла не умышляли» [1]). Такая предосторожность Пожарскаго вполнѣ понятна. Вѣдь нужно помнить, что не задолго предъ тѣмъ изъ стана казацкаго было сдѣлано покушеніе на его жизнь. Смотря на дѣло съ болѣе общей точки зрѣнія, Троицкія власти были вправѣ говорить, что казаки безсильны нанести ополченію существенный вредъ, что изъ за нихъ откладывать походъ не стоитъ. Но вождю ополченія, только что на себѣ испытавшему коварство казаковъ, естественно было, прежде чѣмъ сдѣлать послѣдній шагъ, призадуматься, какъ-бы устранить возможность новыхъ коварныхъ замысловъ ихъ. И потому-то онъ вознамѣрился заключить съ ними договоръ. А между тѣмъ изъ Москвы князь Трубецкой «не-

---

[1]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 268.

престанно» писалъ къ архимандриту и келарю, что «казаки всѣ изъ подъ Москвы для великія скудости хотятъ идти прочь, а къ Литовскимъ людямъ въ Москву идетъ гетманъ Ходкѣвичъ на проходъ со многими людьми и съ запасы, и князю Дмитрію Михайловичу къ Москвѣ поспѣшити и Литовскихъ-бы людей въ Москву съ запасы не пропустити» [1]). Архимандритъ Діонисій и Авраамій стали поэтому просить князя Дмитрія и все войско спѣшить къ Москвѣ. Но въ войскѣ было большое разногласіе. Одни хотѣли идти подъ Москву, другіе не хотѣли, говоря, что «князя Дмитрія манятъ подъ Москву казаки, хотятъ его убить, какъ и Прокофья Ляпунова убили» [2]). Однако, когда Пожарскій услыхалъ, что гетманъ къ Москвѣ будетъ скоро, то и самъ понялъ, что теперь «не до уговору съ казаками» [3]), что необходимо устремить силы на общаго русскаго врага. Потому-то онъ наскоро отправилъ въ Москву предъ собой князя Василія Туренина и велѣлъ ему стать у Чертольскихъ воротъ, и въ тотъ-же день самъ началъ приготовляться къ выходу. У преп. Сергія и Никона отпѣли молебны.—Послѣ этого Пожарскій, взявъ благословеніе у архимандрита Діонисія, двинулся съ войскомъ изъ монастыря. Архимандритъ-же Діонисій со многими священниками, діаконами и со всею братіею, взявъ иконы и крестъ, вышелъ провожать войско. Шествіе остановилось на горѣ Волкушѣ. Здѣсь войско начало прикладываться къ иконамъ. Въ то время какъ происходило это прикладываніе, архимандритъ каждаго воина осѣнялъ крестомъ, а священики окропляли святою водою. Но войско очень смущалось тѣмъ обстоятельствомъ, что вѣтеръ въ это время дулъ въ лицо. Это, по понятіямъ того времени, было худымъ знакомъ. Видя общее смущеніе всей рати и воеводъ, преп. Діонисій со слезами сталъ призывать на помощь Пресв. Богородицу и чудотворцевъ. Когда всѣ приложились къ иконамъ и, получивъ благословеніе, отправились въ путь, преп. Діонисій вслѣдъ войску еще

[1]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. мон. стр. 233.

[2]) *Авр. Палиц.* Объ осадѣ Троицк. монастыря стр. 234.

[3]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 268.

разъ осѣнилъ крестомъ и окропилъ святою водою, сказавъ при этомъ со слезами: «Богъ съ вами и великій чудотворецъ Сергій, да поможетъ постояти и пострадати вамъ за истинную православную христіанскую вѣру, силою креста да будете вооружени» [1]). И вдругъ послѣ этихъ словъ Діонисія встрѣчный вѣтерь перемѣнился и сталъ сильно дуть въ тылъ воинскимъ людямъ отъ обители св. Троицы, «яко отъ самаго чудотворцова Сергіева гроба» [2]). Это очень ободрило войско. Всѣ ратные люди были обнадежены этимъ и стали ждать себѣ милости Божіей. Попутный вѣтеръ дулъ въ продолженіе всего времени, пока побили гетмана и отогнали его отъ Москвы [3]). Вмѣстѣ съ ополченіемъ отправился къ Москвѣ и келарь Авраамій Палицынъ.

Поздно вечеромъ 19 августа ополченіе пришло на берега Яузы и въ пяти верстахъ отъ Москвы остановилось ночевать. Трубецкой, узнавъ о приходѣ Пожарскаго, въ ту-же ночь присылалъ къ нему не однажды съ приглашеніемъ къ себѣ «стоять въ таборы.» Но кн. Дмитрій и съ нимъ вся рать отказались отъ этого приглашенія: «отнюдь тому не быти, чтобы намъ стати вмѣстѣ съ казаками,» говорили они. На другой день съ рѣки Яузы Пожарскій двинулся къ Москвѣ. Трубецкой еще разъ сдѣлалъ попытку соединиться съ нимъ, для чего самъ съ своими ратными людьми встрѣтилъ его и началъ звать стать въ одномъ съ нимъ станѣ. Но Пожарскій опять отказался и расположился особо у Арбатскихъ воротъ. Это, естественно, весьма оскорбило Трубецкаго и потому-то онъ, а съ нимъ вмѣстѣ казаки начали на князя Дмитрія Пожарскаго и Кузьму и на ратныхъ людей «нелюбовь держать» [4]). Такой ходъ дѣла, очевидно, ничего не говоритъ противъ признаннаго нами положенія, что Трубецкой желалъ сов-

---

[1]) Лѣтоп. о мятеж. стр, 270; Нов. Лѣт. стр, 155.

[2]) Рук. Моск. Дух. Ак. №203, л. 49 об. Не мѣшаетъ, между прочимъ, замѣтить, что Симонъ въ «житіи» Діонисія говоритъ, что этотъ разсказъ о выходѣ ополченія изъ монастыря онъ слышалъ отъ самого князя Дмитрія, который „словесно намъ (т. е. Симону и братіи) со многими слезами исповѣдалъ“ (стр. 92).

[3]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 270.

[4]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 271.

диненія съ Пожарскимъ. Онъ сталъ «держать недобовья» на Пожарскаго только уже послѣ нѣсколькихъ попытокъ соединиться съ нимъ. Изъ этихъ обстоятельствъ видно, напротивъ, что желаніе быть за одно съ Пожарскимъ у Трубецкого было очень сильное. Онъ нѣсколько разъ взываетъ къ Пожарскому о соединеніи и потомъ для той же цѣли выходитъ встрѣчать Пожарскаго, не смотря на то, что своимъ чиномъ былъ гораздо выше его. Въ этомъ поступкѣ Трубецкого признаютъ «большое снисхожденіе» съ его стороны даже такіе біографы [1]), которые склонны видѣть во всѣхъ поступкахъ кн. Трубецкого только дурную сторону. Если же не смотря на то, что Трубецкой въ пользу общаго дѣла, въ пользу соединенія жертвовалъ своимъ честолюбіемъ и даже своимъ правомъ, то естественно ему было оскорбиться, когда его жертва была отвергнута. Итакъ, въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, Пожарскій простеръ свою осторожность за границы и тѣмъ вызвалъ разрывъ съ собой Трубецкого,-разрывъ, несомнѣнно, весьма вредный для общаго дѣла.

На третій день (22 августа) по приходѣ Пожарскаго къ Москвѣ явился сюда и гетманъ Ходкѣвичъ, такъ долго бывшій предметомъ страха для русскихъ и предметомъ надеждъ для поляковъ. Намъ нѣтъ никакой надобности описывать битвы русскихъ съ войскомъ Ходкѣвича. Укажемъ только на то обстоятельство, что казаки, «хотя и ворчали на земскихъ людей,» тѣмъ не менѣе участвовали въ этихъ битвахъ и тѣмъ много помогли дѣлу. Въ рѣшительной стычкѣ съ Ходкѣвичемъ 24 числа августа они занимали очень видную роль. При этомъ нужно упомянуть, что возбудителемъ казаковъ къ битвѣ въ этотъ день былъ Авраамій Палицынъ. Онъ сказалъ имъ нѣсколько льстивыхъ словъ и пообѣщалъ за подвигъ наградить монастырской казной, т. е. затронулъ самыя чуткія стороны казацкаго духа: ихъ военное самолюбіе и ихъ страсть къ наживѣ. Поэтому понятно, что казаки бились въ тотъ день съ Ходкѣвичемъ очень усердно. Они шли въ бой съ одушевляющимъ крикомъ: Сергіевъ, Сергіевъ. По разсказу Симона

---

[1]) С. *Смирновъ* въ «біографіи Пожарскаго» стр. 59.

Азарьина, казакамъ обѣщалъ тогда дать денегъ не одинъ Авраамій Палицынъ, но и архимандритъ Діонисій, который вмѣстѣ съ Палицынымъ и раньше въ Москвѣ утѣшалъ воинскихъ людей и поддерживалъ въ нихъ бодрость. «Слышавъ же сія (т. е. узнавъ о первоначальныхъ раздорахъ подъ Москвой), архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій оскорбишася вѣлѣ и призвавъ преподобнаго чудотворца Сергія, скораго помощника, подвигошася отъ обители и пріидоша подъ Москву и вмѣстѣ съ Всемою молиша ихъ, да пріидутъ во смиреніе и дѣлу ратному нарухи тѣмъ не учинятъ, и многимъ челобитьемъ приведоша ихъ во смиреніе, также и воинскихъ людей обоихъ полковъ призывающе къ себѣ и пищею и питіемъ утѣшающе ихъ, и тако и тѣхъ мирнымъ моленіемъ въ братолюбіе приведоша; а иже казацкое воинство негодовавше, глаголаше, называюще себя бѣдны и непожалованны, *симъ обѣщающися всю Сергіеву казну дати*: аще, рече, постоите и поможетъ вамъ Господь, аще же ли, рече, не постоите и одолѣютъ поганіи, вся сія въ разграбленіе будетъ» [1]). Результатомъ этихъ обѣщаній по Симону и была воодушевленная битва казаковъ съ Ходкѣвичемъ, о которой мы сейчасъ упомянули: «Слышавше сія, говоритъ Симонъ, казаки... во время благополучно кликнуша ясакомъ чудотворцевымъ Сергіевъ, Сергіевъ и стремившеся на поганыхъ единодушно и поможе имъ Господь Богъ» [2]). Не знаемъ только, какъ въ это время (т. е. передъ битвой съ Ходкѣвичемъ 24 августа) могъ быть въ Москвѣ архимандритъ Діонисій и какъ онъ могъ принимать участіе въ воодушевленіи казаковъ, когда изъ сказанія Палицына извѣстно, что въ Москву съ Пожарскимъ отправился одинъ Палицынъ, а Діонисій только провожалъ его до горы Волкуши. Одно изъ двухъ или Симонъ, приписывая вмѣстѣ съ Авраміемъ и Діонисію воодушевленіе казаковъ передъ битвой съ Ходкѣвичемъ, перепуталъ обстоятельства дѣла, или Діонисій отправился въ Москву вскорѣ же послѣ Пожарскаго и къ 24 числу уже былъ тамъ. Вѣрнѣе первое, или

[1]) Рук. Моск. Дух. Ак. № 203, л. 50 об.

[2]) ibid. л. 51.

вотъ почему. Симонъ Азарьинъ говоритъ, что съ Діонисіемъ отправился въ Москву и Палицынъ; но извѣстно, что прежде съ ополченіемъ Пожарскаго Палицынъ отправился одинъ; слѣдовательно, чтобы ему опять отправиться изъ монастыря съ Діонисіемъ, нужно было воротиться въ монастырь. Ополченіе пришло въ Москву 20 августа; слѣдовательно, воротиться въ монастырь Авраамій могъ не раньше 21 числа, а 24 числа мы видимъ его опять въ Москвѣ. Какая могла быть цѣль такихъ быстрыхъ разъѣздовъ?!

Ходкѣвичъ былъ отогнанъ; но послѣ отогнанія его, въ которомъ участвовали оба ополченія, вражда между Трубецкимъ и Пожарскимъ, между казаками и земцами не прекратилась. Воеводы не хотѣли уступать одинъ другому ни въ чемъ. Однимъ изъ пунктовъ, служившимъ предметомъ раздора, былъ вопросъ о томъ, гдѣ сходиться воеводамъ для совѣта. Трубецкой хотѣлъ, чтобы всѣ—и князь Дмитрій и Кузьма Мининъ-пріѣзжали къ нему, «яко къ честнѣйшему.» Князь-же Пожарскій не хотѣлъ къ нему ѣздить. Казаки же по прежнему стали ругать дворянъ и дѣтей боярскихъ, бывшихъ въ полку Пожарскаго. Они указывали на то, что въ войскѣ земскомъ всѣ живутъ въ полномъ довольствѣ и богатятся; а они (казаки) наги и голодны. Вслѣдствіе этого они грозили уйти изъ-подъ Москвы, а «иніи хотяху дворянъ побити и имѣнія ихъ разграбити» [1]).

Таковое положеніе дѣлъ подъ Москвой всего болѣе должно было опечалить преп. Діонисія и Авраамія Палицына, положившихъ столько стараній и заботъ для того, чтобы соединить въ общемъ дѣлѣ двѣ русскія силы. Кромѣ того, они должны были чувствовать себя неловко: такъ настойчиво они уговаривали Пожарскаго спѣшить подъ Москву, такъ обнадеживали его, такъ хлопотали за Трубецкаго, а теперь слышатъ, что Пожарскій съ Трубецкимъ враждуютъ. Понятно, что послѣ всего этого они не могли остаться равнодушными зрителями враждебныхъ отношеній

---

[1]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Троиц. монастыря стр. 243.

въ ополченіяхъ; несомнѣнно, они принимали мѣры для прекращенія вражды. Какъ свидѣтельство ихъ заботы о примиреніи князей, до насъ дошло «посланіе двѣма княземъ Дмитріемъ о соединеніи и любви» [1]. Приславшіе это посланіе называютъ себя «нищими», но не называютъ своихъ именъ. Но на томъ основаніи, что оно найдено въ архивахъ Троицкой Лавры и что съ другой стороны слово назиданія князьямъ Трубецкому и Пожарскому могли всего удобнѣе сказать именно Троицкія власти, стоявшія къ князьямъ въ близкихъ отношеніяхъ, обыкновенно признаютъ, что посланіе это писано властями Троицкаго монастыря. Это соображеніе нужно признать достаточно вѣрнымъ; но при этомъ одни изслѣдователи утверждаютъ, что посланіе писано однимъ преп. Діонисіемъ (А. В. Горскій, Голохвастовъ), другіе говорятъ, что въ составленіи его участвовалъ вмѣстѣ съ Діонисіемъ и Палицынъ (Кедровъ). Въ доказательство послѣдней мысли указываютъ на то обстоятельство, что увѣщаніе князей ведется не отъ одного лица: «нищіи должное поклоненіе смиреннѣ исправляемъ»; слѣдовательно, говорятъ, кромѣ Діонисія кто нибудь учавствовалъ въ составленіи посланія; а что это былъ Палицынъ, а не другой кто, въ доказатольство ссылаются на нѣкоторыя выраженія изъ посланія, которыя сходны съ выраженіями, встрѣчаюшимися въ «сказаніи» Палицына. Указываютъ, напримѣръ, на слѣдующее выраженіе посланія: «великій убо сынъ громовъ вопіетъ», напоминающее выраженіе Палицына: «сверженный убо съ небесъ непрестанно гонитъ насъ по сказанію сына громова» (у Палицына стр. 204); указываютъ, далѣе, на употребленіе однихъ и тѣхъже историческихъ примѣровъ въ посланіи и въ «сказаніи» Палицына, напр., о чудесахъ въ землѣ Египетской, однихъ текстовъ: не искусиши бо Бога имѣти въ разумѣ (у Палицына стр. 37), находятъ, наконецъ, въ посланіи обороты рѣчи, подобные Палицынскимъ (вопросительная форма рѣчи). При недостаткѣ ясныхъ указаній, кто писалъ посланіе, конечно, и эти всѣ соображенія

---

[1]) Напечатано съ Акт. Арх. Эксп. т. II, стр. 369, № 219.

имѣютъ цѣну, но никакъ нельзя имъ придать значенія несомнѣнной доказательности. Если руководиться сходствомъ немногихъ фразъ изъ большаго сочиненія Палицына съ фразами, находящимися въ разныхъ грамотахъ смутнаго времени, или, если употребленіе въ разныхъ сочиненіяхъ однихъ историческихъ примѣровъ и текстовъ признать доказательствомъ, что авторъ этихъ сочиненій былъ одинъ и тотъ-же, то можно придти къ неожиданнымъ выводамъ. Въ описаніи бѣдствій того времени въ разныхъ грамотахъ и сочиненіяхъ встрѣчается множество сходныхъ фразъ, что однако никакъ не можетъ служить доказательствомъ, что всѣ они были писаны однимъ лицемъ, тѣмъ болѣе не можетъ служить доказательствомъ этого употребленіе однихъ и тѣхъ-же текстовъ [1]). И такъ, сходство фразъ и текстовъ въ посланіи князьямъ и въ «сказаніи» Палицына не даютъ права рѣшительно заявлять, что Палицынъ участвовалъ въ его писаніи. Можно заподозрить участіе Палицына въ составленіи посланія на томъ основаніи, что онъ въ то время, когда писалось оно, былъ, вѣроятно, въ Москвѣ. Ни откуда не видно, что онъ возвратился оттуда скоро; посланіе-же это писано, вѣроятно, въ концѣ сентября или въ началѣ октября, потому что въ концѣ октября воеводы Трубецкой и Пожарскій совсѣмъ помирились. Но если даже Палицынъ въ то время и былъ въ монастырѣ, то во всякомъ случаѣ его участіе въ составленіи посланія могло быть только второстепеннымъ, потому что несомнѣнно, что составленіе и писаніе разныхъ грамотъ и посланій и пр. велось въ келѣ архимандрита Діонисія и подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Мы можемъ, пожалуй, представить дѣло такъ, что Авраамій Палицынъ, возвратившись изъ-подъ Москвы, или какъ иначе, сообщилъ Діонисію о происходившихъ тамъ ссорахъ между ополченіями, а Діонисій поспѣшилъ написать князьямъ слово увѣщанія. Весь строй посланія вполнѣ сходенъ по способу изложенія главной мысли съ извѣстной защи-

[1]) Въ описаніи бѣдствій времени, напр., сходны грамоты Смольнянъ, Москвичей, Гермогена и Троицкія. Неужели всѣ онѣ писаны однимъ лицемъ?!

тительной рѣчью Діонисія. Въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ авторъ изъ свидѣтельствъ священнаго писанія и отцевъ церкви выводитъ свои главныя мысли. Это обстоятельство во всякомъ случаѣ поважнѣе, чѣмъ случайное и не очень разительное сходство отдѣльныхъ фразъ, на основаніи которыхъ хотятъ приписать посланіе Палицыну. Что въ посланіи «нищіи» (многіе, а не одинъ) «поклоненіе смиреннѣ исправляютъ», то это не то значитъ, что оно писано не однимъ лицемъ, а только то, что оно посылалось архимандритомъ отъ всего монастыря, отъ всей братіи, какъ и другія грамоты обители. И такъ, мы думаемъ, что посланіе это написалъ преп. Діонисій по поводу новыхъ слуховъ о враждѣ князей съ цѣлію примирить ихъ [1].

Обращаемся къ содержанію посланія. При чтеніи его прежде всего поражаемся множествомъ текстовъ изъ священнаго писанія и отчасти изъ св. отцевъ, что вполнѣ согласно съ предположеніемъ, что его писалъ преп. Діонисій, о которомъ извѣстно, что онъ любилъ читать въ кельи подолгу священныя книги [2]. Посланіе можетъ быть раздѣлено на три части. Въ первой части послѣ изъявленія должнаго поклоненія князьямъ со стороны пишущихъ, указывается прежде всего на то, что они (князья) происходятъ отъ одного корня съ родомъ князей отъ благовѣрнаго Владиміра до Ѳедора Ивановича, а потому должны быть мужест-

---

[1]) Есть еще мнѣніе, по которому посланіе князьямъ писали какіе-то неизвѣстные міру подвижники, бѣжавшіе въ пустыню. (*Каиловинъ*. Рѣчь на актѣ 1880 г. стр. 60). Хотя, по видимому, это мнѣніе основывается на самомъ посланіи, которое приходитъ отъ нищихъ, бѣжавшихъ въ пустыню; но пустыней архимандритъ Діонисій могъ назвать въ общемъ смыслѣ монастырь, который по идеѣ долженъ прерывать всякую связь съ міромъ. А вѣрнѣе всего, что выраженіе „бѣжавшіе въ пустыню“ относится не къ слову „нищіи“, а къ слову „матери“. Прочтемъ здѣсь это мѣсто въ связи. „Высокопрестольныя Россійскія державы богоспасаемыи матери чадмъ, бѣжавшія въ пустыню, оболченныя въ солнце Христа“ (т. е. это род. пад. един. числа, а не имен. множ.).

[2]) «Въ кельи своей... отъ Апостола и отъ Евангелія часто прочитоваше по вся дни» (Жит. пр. Діонисія стр. 23—24).

венны подобно тѣмъ. Что касается ихъ (увѣщателей), то они съ своей стороны будутъ возсылать молитвы къ Богу объ успѣхѣ предпринятаго дѣла очищенія Москвы, но для этого необходимо, чтобы оба главные воеводы дѣйствовали за одно; а потому, говорятъ увѣщатели: «молимъ убо васъ, о, благочестивіи князи Дмитріе Тимофѣевичъ и Дмитріе Михайловичъ, сотворите любовь надъ всею Россійскою землею, призовите въ любовь къ себѣ всѣхъ любовію своею; поприте врага, ненавидящаго любви въ человѣцѣхъ; смиритеся подъ крѣпкую руку Божію, да вы вознесетъ во время свое и да прославится имя ваше въ вѣчныхъ родѣхъ, яко совершители бысте заповѣдемъ Господнимъ; отрините клеветниковъ и смутителей отъ ушесъ вашихъ и возлюбите другъ друга нелицемѣрно, не словомъ, но дѣломъ—отъ права сердца» [1]). Послѣ этого идетъ цѣлый рядъ выписокъ изъ священнаго писанія и преимущественно изъ евангелія и посланій Іоанна, въ которыхъ указывается на заповѣдь о любви; особенное-же вниманіе обращается на тѣ мѣста, гдѣ говорится о любви ко врагамъ, такъ какъ цѣлію посланія было примиреніе враждовавшихъ князей. Это можно назвать первой и самой главной частью посланія. Въ дальнѣйшей части его указывается на то, каковы должны быть вожди и пастыри народа. Здѣсь видное мѣсто отводится тѣмъ изреченіямъ пророковъ, въ которыхъ послѣдніе обличаютъ невнимательныхъ судей и пастырей и угрожаютъ имъ гнѣвомъ Божіимъ. «И аще воздвиже васъ Богъ, говорится въ посланіи, руководителемъ быти и пастыремъ многу народу, да вонмите себѣ разумно: истинно-ли пасете люди Господни или ни? да не возглаголютъ и къ вамъ пророцы Господни, яко же ко Израильтескимъ пастыремъ и судіямъ, о нихъ-же глаголетъ Божій пророкъ: мнози пастыріе растлѣша винограда моего, осквернiша достояніе мое, горе вамъ пастыріе, яко себѣ пасете, овца-жъ моя гладомъ таютъ» [2]). Среди выписокъ изъ пророковъ касательно вѣрнаго служенія пастырей попадаются часто и общеназидательнаго характера наста-

[1]) Ак. Ар. Экс. II, стр. 369.
[2]) Ак. Ар. Экс. II, стр. 371.

вленія. «Нощь убо прейде, а день приближися, отложимъ убо дѣла тмы и облечемся во оружіе свѣта, яко да въ день благообразне ходимъ, не безчинными гласованіи и піянствы, не гнусодѣяніи, и блуженіемъ, не рвеніемъ и завистію, но облецетеся во Христа и плоти попеченія не творите въ похотѣхъ» [1]. Особенно должны остерегаться князья пьянственныхъ пирушекъ и плотскихъ увлеченій, потому что должны помнить, къ чему привело это Ирода, который ради удовлетворенія желанія танцовщицы обезглавилъ Іоанна Предтечу. Такія же «играніи и питіи беззаконныя растлѣли и Израильтянъ», начавшихъ просить у Аарона сдѣлать имъ Бога. Особенно такія уклоненія отъ закона не свойственны вождямъ и пастырямъ народа, которые должны заботиться не только о себѣ, но и о всѣхъ ввѣренныхъ. Не даромъ же Богъ такъ часто чрезъ пророковъ Іезекіиля и Іеремію обличаетъ ихъ: «оле пастыріе, погубляющеи и растакающеи овца пажити моея, сего же ради се азъ отмщаю на васъ, лукавыхъ ради дѣлъ вашихъ» [2]. Третья часть имѣетъ такую связь съ предъидущей: не смотря на такое множество угрозъ Божіихъ, высказанныхъ и въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ и чрезъ пророковъ и чрезъ апостоловъ, у насъ на Руси творится великое беззаконіе. «Кто убо отъ насъ не причастенъ есть симъ злымъ? Нужно опасаться, чтобы и намъ Господь Богъ не сказалъ того, что нѣкогда сказалъ Израильтянамъ чрезъ пророка Исаію: «почто язвитеся, прилагающе беззаконіе?... Земля ваша пуста, гради ваши огнемъ попалени, землю вашу предъ вами чужіе поядаютъ, и запустѣ и разрушена бысть людьми чужими». И послѣ этого восклицаютъ увѣщатели: «кто убо не восплачетъ насъ, тако прилежащихъ? Кто не возрыдаетъ насъ, тако запустѣвшихъ? Кто не восплачетъ толикое наше ослѣпленіе гордостное, яко предахомся въ руки врагъ»,—и все это, по мнѣнію увѣщателей, случилось потому, что мы «согрѣшихомъ, беззаконновахомъ и неправдовахомъ, пре-

---

[1]) Ак. Ар. Экс. II, № 269.

[2]) Ibid.

ступивше заповѣди Бога нашего»[1]). Одно средство избавиться нашъ отъ всѣхъ бѣдствій—это покаяніе, обращеніе къ Богу, который говоритъ чрезъ Исаію: «измыйтеся и чисти будете и отъимете лукавство отъ душъ вашихъ...., научитеся добро творити, взыщите судъ, избавите обидима, судите сиру и оправдайте вдовицу», и тогда по слову Господа: «аще суть грѣси ваши яко чермни, яко снѣгъ убѣлю». Въ заключеніе приводится еще нѣсколько текстовъ изъ пророковъ Іоила, Іезекіиля и изъ Евангелія, въ которыхъ общая мысль та, что необходимо очищать себя отъ грѣховъ. Таково содержаніе посланія.

На томъ основаніи, что въ посланіи очень почетное мѣсто отводится изображенію вреда отъ пирушекъ и игрищъ, мы склонны думать, что ополченія подъ Москвой были не чужды этихъ пороковъ. О казакахъ нечего и говорить, что это такъ; но по ходу обличеній не видно, чтобы и земцы не требовали въ этомъ отношеніи назиданія,—посланіе равно обращено къ воеводамъ какъ земскаго, такъ и казацкаго ополченій. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело на князей это посланіе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ содержащее довольно рѣзкія обличенія. Оно-ли, другія-ли обстоятельства послужили къ примиренію князей, или же, что вѣрнѣе, примиреніе было слѣдствіемъ взаимнаго вліянія посланія и разныхъ обстоятельствъ, только что несомнѣнно, что въ концѣ октября или началѣ ноября князья Трубецкой и Пожарскій писали о своемъ примиреніи, въ силу котораго они порѣшили «Россійскому государству во всемъ добра хотѣть безо всякія хитрости и разрядъ и всякіе приказы поставили на Неглинѣ, на Трубѣ и снесли въ одно мѣсто»[2]).

Если на князей можно еще было подѣйствовать сильнымъ назидательнымъ и обличительнымъ словомъ, то трудно было достигнуть того же самаго по отношенію къ казакамъ, которые не любили земцевъ именно за то, что эти сыты и одѣты, а они голодны и наги; съ этой мыслью казаки не могли легко помирить-

[1]) Ак. Ар. Экс. т. II, № 269.

[2]) Ак. Ар. Экс. т. II, стр. 373.

ся. Чувствуя вѣроятно это, а съ другой стороны помня обѣщаніе Палицына предъ битвой съ Ходкѣвичемъ дать казакамъ казну, если они будутъ биться противъ поляковъ, Троицкія власти сознавали, что необходимо послать казакамъ матеріальную помощь для того, чтобы удержать ихъ подъ Москвой и заставить служить общему дѣлу. Но сдѣлать это было не такъ легко. Монастырская казна была истрачена и удовлетворить изъ нея казаковъ деньгами не было возможности. Въ виду этого Троицкія власти составили соборъ для разсужденій о томъ, что послать казакамъ и какую почесть имъ воздать, «чтобы отъ Московскаго государства не отомстивше врагомъ крови христіанскія не разошлися» [1]). На соборѣ было рѣшено отправить казакамъ въ залогъ въ тысячу рублей дорогія вещи изъ ризницы, въ надеждѣ чрезъ непродолжительное время выкупить ихъ. И вотъ, дѣйствительно, по свидѣтельству Симона, въ Москву къ казакамъ были отправлены: «сосуды златые и серебряные служебные, шапки архимандричьи златыя же и серебряныя, ризы, стихари, поручи, улари, пелены саженыя съ драгимъ каменіемъ» [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ власти отправили къ казакамъ грамоту, въ которой убѣждали ихъ докончить «подвигъ страданія своего» и не расходиться отъ Московскаго государства. Эта грамота намъ неизвѣстна; но вѣроятно въ ней въ очень лестныхъ для казаковъ чертахъ изображались ихъ храбрость, мужество и подвиги, потому что она произвела на нихъ сильное впечатлѣніе. «Они-же пріемше писаніе, говоритъ Палицынъ и слышавше *похвальные* глаголы о службѣ ихъ и о терпѣніи, пріидоша въ разумъ и въ страхъ Божій» [3]). Поэтому-то хотя казаки сначала обрадовались привезеннымъ изъ монастыря сокровищамъ, но послѣ прочтенія грамоты имъ стало совѣстно воспользоваться этими сокровищами, въ нихъ пробудился страхъ оскорбить Бога посягательствомъ на священные предметы: «вся сія, сказали они, многими лѣты собирана и возложена въ даръ Господеви на служ-

---

[1]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. мон. стр. 243.

[2]) Рук. Моск. Дух. Ак. № 203, л. 51.

[3]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Троицк. монастыря стр. 243.

бу» [1]). Они порѣшили поэтому возвратить все привезенное въ монастырь. Съ этою цѣлію избрали двухъ «первоимянитыхъ» атамановъ и отправили съ ними всѣ монастырскія сокровища обратно, при чемъ еще послали архимандриту и келарю и ко всей братіи грамоты, въ которыхъ обѣщались стоять за Московское государство и не отомстивши врагамъ не отходить отъ него, хотя бы для этого имъ пришлось перенести и «тмочисленныя бѣды и скорби.»

Итакъ, при участіи Діонисія и Авраамія были соглашены враждовавшіе воеводы и ихъ ополченія. Вѣрные своему убѣжденію, что для полнаго успѣха дѣла требовалась для земцевъ помощь со стороны казаковъ, архимандритъ и келарь, какъ видимъ, настойчиво хлопотали о соединеніи этихъ двухъ ополченій. Послѣ этого дѣло соединенныхъ русскихъ силъ подъ Москвой пошло быстро и успѣшно. Голодные поляки не могли дать имъ отпора. 22 октября 1612 года русскіе взяли приступомъ Китай-городъ, и скоро послѣ того (26 числа) поляки окончательно сдались русскимъ, выговоривъ себѣ только жизнь. Эту побѣду русскіе вознамѣрились отпраздновать по православному. Въ первый-же воскресный день послѣ взятія Кремля ополченіе Трубецкаго сошлось въ церковь Пресв. Богородицы Казанскія, а ополченіе Пожарскаго собралось въ церкви св. Іоанна Милостиваго на Арбатѣ. Потомъ оба ополченія, сопровождаемыя архимандритами, игуменами и другимъ духовенствомъ со множествомъ иконъ, пошли въ Китай-городъ, при пѣніи церковныхъ пѣсней. Здѣсь всѣ сошлись на Лобное мѣсто, и духовенство стало пѣть молебенъ. Во главѣ духовенства въ это время стоялъ Троицкій архимандритъ Діонисій. Это почетное положеніе Діонисія при совершеніи молебна обусловливалось не только его званіемъ Троицкаго архимандрита, но и тѣмъ, что ему, какъ человѣку, болѣе другихъ принимавшему живое участіе въ событіяхъ смутнаго времени, должны были охотно уступить это мѣсто всѣ другіе духовные чины. Но мы не знаемъ, когда именно прибылъ въ Москву преп. Діонисій. По-

[1]) Рукоп. Моск. Дух. Ак. № 203. л. 51-обор.

казанія Симона, что онъ прибылъ туда до 24 августа, мы не приняли. А такъ какъ другихъ указаній на это обстоятельство нѣтъ, то мы вмѣстѣ съ г. Костомаровымъ допустимъ, что онъ для этого торжества прибылъ изъ своей обители въ Москву «нарочно.» Послѣ молебна, совершеннаго на Лобномъ мѣстѣ, всѣ отправились въ Кремль, откуда на встрѣчу торжественной процессіи вышелъ Галасунскій (т. е. Элассонскій) архіепископъ Арсеній со всѣмъ освященнымъ соборомъ и въ преднесеніи Владимірской иконы Божіей Матери. Въ Кремлѣ нашли очень печальные слѣды польскаго владычества. Храмы, иконы, мощи и другія святыни были поруганы. Однако, въ Успенскомъ соборѣ совершены были литургія и молебны, въ которыхъ, несомнѣнно, учавствовалъ и архимандритъ Діонисій.

Такъ кончилось очищеніе Московскаго государства отъ польскихъ и литовскихъ людей. Теперь стали думать объ избраніи новаго царя. Для этого были разосланы грамоты съ приглашеніемъ въ Москву выборныхъ людей, которые бы на общемъ земскомъ соборѣ избрали царя. Но еще до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича нѣкоторые воеводы, подвизавшіеся въ смутное время, были награждены. Мы упоминаемъ объ этомъ въ виду того обстоятельства, что на одной грамотѣ, утверждающей за Трубецкимъ весьма богатую вотчину Вагу, находится довольно знаменательная подпись и архимандрита Діонисія. Онъ подписался здѣсь на второмъ мѣстѣ, прямо послѣ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго Кирилла, а послѣ него уже подписались архіепископы Рязанскій и Муромскій Ѳеодоритъ и Архангельскій Арсеній [1]. Это обстоятельство можетъ служить доказательствомъ того, какъ высоко цѣнили тогда заслуги Діонисія и съ какимъ почетомъ относились къ нему. Авраамій Палицынъ подписался на этой грамотѣ послѣ всѣхъ свѣтскихъ чиновъ-на 18-мъ мѣстѣ. Въ дѣлѣ избранія Михаила на царство, по разсказу Палицына, очень видную роль игралъ онъ самъ (Палицынъ). Къ нему, между

[1]) Грамота эта отпечатана въ XV т. Россійской Библіотеки, а также у Забѣлина въ его книгѣ: „Мининъ и Пожарскій“ 1883 г.

прочимъ, приходили многіе дворяне и казаки съ просьбой сказать воеводамъ, что они желаютъ выбрать царемъ Михаила Ѳеодоровича. Палицынъ исполнилъ ихъ просьбу. На другой день послѣ этого собрались на соборъ множество духовенства, бояре и воеводы и, посовѣтовавшись между собою, избрали на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Послѣ этого послали на Лобное мѣсто архіепископа Ѳеодорита, келаря Авраамія, Спасскаго архимандрита Іосифа и боярина Василія Морозова для того, чтобы спросить у собравшагося тамъ народа и воинства объ избраніи царя. Прежде чѣмъ успѣли спросить у народа, кого онъ желаетъ имѣть царемъ, всѣ единодушно возопили: «Михаилъ Ѳеодоровичъ да будетъ царь и государь Московскому государству и всея Россійскія державы.» Объ этомъ избраніи города были извѣщены грамотами. Такъ представляетъ дѣло избранія царя Авраамій Палицынъ. О какомъ-либо участіи Діонисія въ этомъ дѣлѣ онъ не говоритъ ни слова. Хотя можно-бы предположить, что Діонисій, ревнуя о благѣ отечества, не преминулъ поспѣшить въ Москву для присутствія на такомъ важномъ актѣ, однако въ разныхъ грамотахъ, извѣстіяхъ или хронографахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на его участіе въ избраніи царя. Есть, напротивъ, довольно вѣское основаніе утверждать, что въ этомъ дѣлѣ Діонисій не участвовалъ. Дѣло въ томъ, что «въ грамотѣ о избраніи государя царя Михаила Ѳеодоровича на всероссійскій престолъ» отъ Мая 1613 года нѣтъ подписи Діонисія, чего-бы не могло случиться, если бы онъ былъ на соборѣ, порѣшившемъ избрать царемъ Михаила. На грамотѣ имѣется подпись только Авраамія Палицына [1]). Къ новоизбранному царю, жившему тогда въ Костромѣ, отправили пословъ, въ числѣ которыхъ былъ опять-таки Палицынъ, съ просьбой принять на себя

---

[1]) Др. Рос. Вивліотека т. V стр. 255. Подписи разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ этой грамотѣ см. стр. 272—294.—Свящ. Поспѣловъ признаетъ несомнѣннымъ присутствіе Діонисія при выборѣ царя и только на томъ основаніи, что Діонисій былъ ревностный поборникъ отечественной независимости (Чт. общ. люб. дух. пр. 1865, 2 стр. 46). Но это, конечно, не достаточное основаніе.

царство. Михаилъ и его мать Марѳа Ивановна долго не соглашались, долго отказывались отъ царской короны; но въ концѣ концовъ были уговорены и убѣждены. Посольство пришло въ Кострому 19 Марта, а въ началѣ Апрѣля 1613 г. Михаилъ уже вышелъ изъ Костромы. Пробывъ нѣсколько времени въ Ярославлѣ, Ростовѣ и Переяславлѣ Залѣсскомъ, посѣтивъ тамъ монастыри, царь 26 Апрѣля прибылъ въ Троицкій монастырь. Здѣсь архимандритъ Діонисій уготовалъ ему торжественную встрѣчу. Со всѣми священниками въ облаченіяхъ и со всею братіею крест. Діонисій вышелъ встрѣчать царя съ честнымъ крестомъ за святыя ворота. Отсюда торжественное шествіе направилось въ храмъ св. Троицы, гдѣ архимандритъ въ сослуженіи многихъ изъ братіи совершилъ молебное пѣніе о многолѣтнемъ здравіи царскомъ; а царь между тѣмъ приложился къ иконѣ св. Троицы и къ мощамъ свв. Сергія и Никона. Въ обители св. Сергія Михаилъ прожилъ цѣлую недѣлю и въ это время угощалъ монастырскую братію; а потомъ отправился въ Москву, гдѣ былъ пышно встрѣченъ архіепископами Арсеніемъ и Герасимомъ, множествомъ духовенства, князьями, боярами, воеводами, войскомъ и массою народа.

11 Іюля 1613 года происходило торжественное вѣнчаніе Михаила на царство. Тутъ также присутствовалъ архимандритъ Діонисій. Церемонія вѣнчанія была очень длинная. Принесли во дворецъ съ подобающею честью изъ Казеннаго двора царскія регаліи: крестъ, бармы, скипетръ и царскій вѣнецъ. Потомъ съ торжественностью знатные сановники несли ихъ въ Успенскій соборъ, гдѣ встрѣтилъ ихъ митрополитъ съ знатнымъ духовенствомъ. Скипетръ несъ, между прочимъ, князь Пожарскій. Въ соборѣ царскія регаліи положили на особенномъ аналоѣ. А между тѣмъ въ сопровожденіи знатнѣйшихъ бояръ и протопопа со святою водою и крестомъ изъ царскихъ палатъ къ Успенскому собору шелъ царь. Скоро по приходѣ царя начался молебенъ, по совершеніи котораго и начиналось, обыкновенно, вѣнчаніе. Вѣнчаніе открылось рѣчами царя и митрополита, въ которыхъ они изложили обстоятельства, предшествовавшія избранію царя. Послѣ своей рѣчи «митро-

политъ велѣлъ архимандриту Троицкому Діонисію, да съ Костромы Ипатскаго монастыря архимандриту Кириллу, да Кирилловскому игумену Матвѣю, да съ Костромы Богоявленскому игумену Арсенію принести крестъ «животворящаго древа на златомъ блюдѣ» [1]). Этотъ крестъ, присланный русскимъ государямъ греческимъ царемъ Константиномъ Мономахомъ, возлагался на грудь царя. Вотъ та роль, какую занималъ архимандритъ Діонисій при вѣнчаніи царя Михаила. При вѣнчаніи Василія Ивановича Шуйскаго за крестомъ посылался также Троицкій архимандритъ [2]). За другими царскими регаліями при вѣнчаніи Михаила посылались другіе архимандриты и игумены; а именно: за бармами и діадимой Чудовскій и Спасскій съ двумя игуменами — Ростовскаго Богоявленскаго и Калязинскаго монастырей. За вѣнцемъ-же царскимъ были посланы всѣ архимандриты и игумены. Вѣнчаніе оканчивалось поученіемъ митрополита, обращеннымъ къ царю; а за литургіей совершалось помазаніе.

Болѣе замѣтная государственная дѣятельность архимандрита Діонисія окончилась его присутствіемъ при вѣнчаніи и помазаніи на царство царя Михаила. Но стоитъ еще упомянуть, что на одной изъ соборныхъ грамотъ россійскаго духовенства, имѣвшей государственное значеніе, мы находимъ подпись архимандрита Діонисія. Эта грамота адресована извѣстнымъ богачамъ Строгоновымъ и имѣла своею цѣлію побудить ихъ къ уплатѣ слѣдующихъ съ нихъ въ казну доходовъ, а также попросить у нихъ въ займы денегъ и разныхъ припасовъ на войско. Подпись Діонисія занимаетъ на ней мѣсто непосредственно послѣ епископовъ, и именно, послѣ епископа Коломенскаго и Коширскаго Іосифа [3]). Это обстоятельство даетъ намъ право заключать, что Діонисій присутствовалъ на соборахъ, часто созывавшихся Михаиломъ для рѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ разстроеннаго смутами государства [4]).

---

[1]) Собр. гос. грам. и догов. т. II, стр. 77.

[2]) Ак. Ар. Эк. т. II, стр. 105.

[3]) Ак. Ар. Эк. т. III, стр. 4—7.

[4]) „Соборная грамота россійскаго духовенства"—такое заглавіе имѣютъ нѣсколько грамотъ. Въ Ак. Ар. Эк. т. III подъ №№ 4, 23, 25, 29. Под-

Наконецъ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что въ архимандритство Діонисія, хотя и въ его отсутствіе, Троицкому монастырю угрожали новыя несчастія и новая осада. Владиславъ не хотѣлъ уступить своихъ правъ на Московскій престолъ новоизбранному царю, и потому съ 10000-мъ войскамъ двинулся изъ Польши въ Россію съ намѣреніемъ заставить русскихъ снова признать себя царемъ. 10 октября 1618 года онъ подступилъ къ Москвѣ; но отъ Москвы былъ скоро отбитъ. Въ окрестностяхъ-же Троицкаго монастыря между тѣмъ неистовствовалъ посланный туда раньше полковникъ Чаплинскій съ шайкою черкасъ. Онъ стоялъ въ Александровой слободѣ и намѣревался идти отсюда къ Троицкому монастырю, чтобы ограбить его. Съ этою цѣлію онъ дѣйствительно 24 числа сентября въ ночь подступилъ къ монастырю, занявъ Служню и Стрѣлецкую слободы. Но въ это время за монастыремъ находились «многіе люди, овіи на сторожахъ», а иные еще «во градъ не внидоша со скотомъ своимъ» [1]). Эти люди, а также подоспѣвшіе къ нимъ на помощь изъ монастыря выбили Чаплинскаго и его войско изъ слободъ. Но Чаплинскій, уходя, выжегъ село Клементьевское и другія запрудныя слободы, а на другой день отправился подъ Москву къ королевичу. Снова посланный королевичемъ въ Троицкую вотчину Вохну, Чаплинскій былъ убитъ здѣсь Троицкими слугами. Вскорѣ послѣ этого самъ королевичъ пошелъ отъ Москвы къ Троицкому монастырю и остановился въ селѣ Тураковѣ въ 7 верстахъ отъ монастыря. Чтобы не дать возможности Владиславу стать около монастыря, Палицынъ вмѣстѣ съ воеводами приказалъ выжечь оставшіяся вокругъ монастыря слободы. На третій день по приходѣ въ Тураково Владиславъ послалъ къ монастырю нѣсколько войска, чтобы «объявиться». Но это войско

пись Діонисія встрѣчается только на одной грамотѣ (№ 4). Но на другихъ грамотахъ этихъ и вообще нѣтъ никакихъ подписей. „Очень можетъ быть, заключаетъ отсюда Кедровъ, что подписи перваго акта свидѣтельствуютъ о томъ, что и на послѣдующихъ соборахъ участвовали тѣже лица, что и на первомъ“ (*Кедровъ*. Авраамій Палицынъ. стр. 161, примѣч. 1).

[1]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Троицкаго монастыря стр. 269.

было очень удачно и скоро отбито отъ монастыря, послѣ чего Владиславъ отступилъ еще далѣе къ дер. Рогачевой, а Сапѣга съ Гонсѣвскимъ—главные полководцы Владислава—стали въ селѣ Сватковѣ (10 верстъ отъ монастыря). Послѣ этого еще было нѣсколько безуспѣшныхъ попытокъ со стороны Владислава взять монастырь [1]. Но дѣло окончилось тѣмъ, что Владиславъ нашелъ нужнымъ заключить съ русскими миръ, для чего и послалъ пословъ въ Москву; а вмѣстѣ съ тѣмъ канцлеръ Сапѣга (15 Ноября) прислалъ Палицыну просьбу о свободномъ пропускѣ своихъ посланниковъ подъ Москву. 19 Ноября пріѣхали въ монастырь уполномоченные отъ царя Михаила бояре. Съ общаго согласія русскихъ и польскихъ представителей мѣстомъ переговоровъ назначена была Троицкая деревня Деулино (3 версты отъ монастыря). На съѣздъ пословъ въ Деулино вмѣстѣ съ русскими боярами Палицынъ отправилъ радонежскаго священника Симеона и вручилъ ему для привода къ присягѣ очень дорогой крестъ, украшенный «златомъ и бисеромъ и каменіемъ драгимъ,» чтобы такимъ богатствомъ украшеній удивить польскихъ пословъ [2]. Первый съѣздъ пословъ въ Деулинѣ былъ безрезультатенъ. Второй же грозилъ окончиться очень печально, потому что, какъ говоритъ Палицынъ, «королевскіе послы вельми ожесточишася.... яко пси лаяху, а роты многія у нихъ приправлены стояху заведены на лѣсу около поля того Деулина,» такъ что все это нагнало страхъ на народъ и на братію монастыря [3]. Послы русскіе, братія и народъ обратились съ молитвою къ преп. Сергію, «да подастъ миръ и устроитъ полезная рабомъ своимъ» [4]. Черезъ два дня послѣ этой усердной молитвы чудотворцу отъ польскихъ пословъ является въ монастырь гонецъ съ предложеніемъ еще разъ учинить съѣздъ и «миръ устроить промежъ обою государствъ». Отслуживши молебенъ чудотворцу, русскіе бояре отправились въ Деулино, и на этотъ разъ переговоры,

---

[1]) *Авр. Палиц.* Объ осадѣ Тр. монастыря стр. 270.

[2]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. монастыря стр. 277.

[3]) ibid.

[4]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. монастыря стр. 277.

дѣйствительно, окончились опредѣленными результатами: между Польшею и Россіею былъ заключенъ миръ, хотя на условіяхъ, невыгодныхъ для Россіи. Это было 1 Декабря 1618 года. Событіе это въ Троицкомъ монастырѣ было торжественно отпраздновано.

Въ то время, какъ все это происходило въ Троицкомъ монастырѣ, начальникъ его, архимандритъ Діонисій томился въ заключеніи въ Новоспасскомъ Московскомъ монастырѣ. Онъ терпѣлъ здѣсь несправедливыя утѣсненія и страданія за свой добрый подвигъ—за исправленіе имъ богослужебныхъ книгъ. Тревожныя вѣсти о новой опасности Троицкому монастырю, конечно, должны были усиливать его скорбь. Замѣчаніе Новаго лѣтописца, будто во время прихода Владислава подъ Троицкій монастырь былъ въ немъ и архимандритъ,—несправедливо. [1]). Только черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ Деулинскаго перемирія архимандритъ былъ освобожденъ изъ заключенія и съ честію возвратился въ свой монастырь. Возвратившись, онъ тутъ же озаботился вмѣстѣ съ Авраамiемъ Палицынымъ ознаменовать мѣсто мирныхъ переговоровъ постройкою на немъ храма преп. Сергію. Палицынъ еще раньше обѣщался построить этотъ храмъ. Теперь же, испросивъ на это разрѣшеніе царя, оба они (архимандритъ и келарь) построили въ дер. Деулинѣ храмъ чудотворцу Сергію—Миротворцу. 15 декабря 1620 г. храмъ этотъ, по благословенію патріарха Филарета, былъ освященъ преп. Діонисіемъ съ освященнымъ соборомъ [2]).

---

[1]) Мѣсто это въ Новомъ лѣтописцѣ читается такъ:... Королевичъ изъ подъ Москвы отшедъ ста подъ монастыремъ Троицкимъ, и посла ко архимандриту, да предадутъ ему монастырь той. Архимандритъ же и келарь съ братіею повелѣша изъ наряду бити въ таборы и сбиша съ мѣста долой и т. д.... (Нов. лѣтоп. стр. 184). Очевидно, лѣтописецъ или позабылъ о Діонисіевомъ заключеніи, или же вовсе не зналъ о немъ.

[2]) Авраамій Палицынъ стр. 281. Дер. Деулино и въ писцовыхъ книгахъ 131 и 132 г. названа „Мирнымъ“, а церковь, поставленная въ память мира, стоитъ и доселѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Исторія исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ преподобнымъ Діонисіемъ до патр. Филарета.

Состояніе нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ до преп. Діонисія.—Мысль о болѣе исправномъ изданіи Потребника.—Вызовъ Троицкихъ исправителей въ Москву и царская грамота на имя Діонисія отъ 8 ноября 1616 г.—Помощники Діонисія въ дѣлѣ исправленія книгъ.—Книжныя средства при исправленіи.—Исправленіе требника; причины и время появленія въ нашихъ требникахъ слова «и огнемъ».—Обзоръ поправокъ, сдѣланныхъ исправителями въ другихъ книгахъ.—Представленіе исправленныхъ книгъ на соборъ въ Москву и самый соборъ 1618 года.—Осужденіе исправителей; за что ихъ осудили.—Заключеніе и страданія исправителей.—Утѣшительное письмо Діонисію; авторъ его.—Впечатлѣніе, произведенное дѣломъ Діонисія въ Москвѣ; Антоній Подольскій.—Пріѣздъ въ Москву іерусалимскаго патр. Ѳеофана.—Защитительныя рѣчи Діонисія и Арсенія.—Сочиненіе Насѣдки противъ Антонія.

Только-что улеглась смута, для прекращенія которой немало потрудился преп. Діонисій Зобниновскій, какъ мы видимъ его за новымъ дѣломъ, которое оставило весьма замѣтный слѣдъ въ нашей церковной исторіи. Преподобный взялъ на себя не легкій трудъ исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ. Прежде чѣмъ говорить о Діонисіевомъ исправленіи книгъ, мы скажемъ нѣсколь-

ко словъ о состояніи нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ до Діонисія, чтобы тѣмъ лучше оцѣнить значеніе дѣла Діонисія.

Судьба нашихъ богослужебныхъ книгъ очень замѣчательна и подробная исторія постепеннаго ихъ появленія на Руси, затѣмъ видоизмѣненія, поврежденій и исправленій была-бы исполнена самаго живаго интереса. Съ одной стороны заимствованныя нами отъ южныхъ славянъ готовыми, а съ другой—переведенныя съ греческаго языка у насъ на Руси, книги эти и на первыхъ порахъ существованія русской церкви не отличались единообразіемъ по причинѣ неточности и различія переводовъ, потому что переводчики—греки, бывшіе у насъ, мало были знакомы съ славянскимъ языкомъ, а русскіе переводчики съ трудомъ достигали еллинской мудрости. Затѣмъ естественныя ошибки переписчиковъ и намѣренная порча книгъ со стороны людей въ томъ заинтересованныхъ были новыми причинами многочисленныхъ разночтеній въ нашихъ книгахъ. Усиливаясь и разростаясь, разности эти стали, естественно, обращать на себя все болѣе и болѣе серьезное вниманіе церковной власти, которая считала себя обязанной заботиться объ искорененіи этихъ разностей. Уже митр. Кипріанъ заявилъ себя со стороны такой заботливости. Онъ самъ сдѣлалъ нѣсколько списковъ нѣкоторыхъ изъ богослужебныхъ книгъ и рекомендовалъ ихъ русскому духовенству, какъ «правые и истинные.» Во времена этого митрополита въ архіерейскомъ поученіи новопоставленному священнику заповѣдовалось «на сборъ сходитися, *на исправленіе церковныхъ вещей*, на поученіе, на воспріятіе истиннаго разума» [1]). Преемникъ Кипріана митрополитъ Фотій обличалъ псковитянъ за уклоненіе отъ православнаго чина таинствъ, и при этомъ требовалъ къ себѣ искуснаго священника, которому онъ могъ-бы преподать наставленіе о церковныхъ правилахъ и службахъ: «потребно есть, писалъ Фотій во Псковъ, истиннымъ православнымъ крестьянамъ по закону жити и славословія возсылати къ Богу по преданію и узаконенію св. збо-

[1]) Матеріалы для исторіи русской церкви т. 1. Харьковъ 1862 г. стр. 100.

ровъ» [1]). Но оба эти іерарха не достигали того, чего они хотѣли достичь. Кипріанъ далъ намъ списки съ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ юго-славянскаго происхожденія, а Фотій сравнивалъ наши богослужебные памятники съ памятниками богослужебной письменности церкви греческой. Въ силу этого оба митрополита содѣйствовали только увеличенію разнообразія чиновъ вслѣдствіе увеличенія числа списковъ одного и того-же чинопослѣдованія. Заботы Кипріана и Фотія были объ единообразіи нашихъ чинопослѣдованій [2]). Первая-же попытка собственно исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ была сдѣлана гораздо позднѣе, именно при вел. князѣ Василіѣ Ивановичѣ (нач. XVI в.), когда въ Россію былъ вызванъ ученый Максимъ Грекъ. Вызванный для разбора княжеской библіотеки, этотъ замѣчательный человѣкъ скоро усмотрѣлъ, что наши богослужебныя книги — не книги церкви православной, а скорѣе писанія аріанъ или какихъ нибудь другихъ еретиковъ. Вел. князь и митрополитъ упросили Максима взять на себя трудъ исправить ошибки въ книгахъ. Вотъ когда у насъ впервые проявилось сознаніе необходимости серьезно заняться пересмотромъ книгъ. Но къ сожалѣнію, наряду со стремленіемъ передовыхъ людей той или другой эпохи, у насъ издавна жилъ, развивался и никогда не умиралъ взглядъ русскихъ людей на книжную букву, какъ на что-то неприкосновенное,— взглядъ сильно тормозившій дѣло исправленія книгъ. Если съ одной стороны слышались приглашенія «пѣть разумно,» вникать въ смыслъ писанія, заботиться объ исправности книгъ, то съ другой стороны раздавались убѣжденія не щадить жизни за сохраненіе буквы, какъ она положена въ книгахъ, - безъ разсужденій

---

[1]) Рус. историч. Биб. 1880 г, т. VI, стр. 239. Подобныя же наставленія Фотія см. въ его посланіи во Псковъ 1419 г. (Мат. для истор. рус. церкви т. 1, стр. 49—55).

[2]) Нѣкоторые святители собственною рукою писали и переписывали свящ. и богослужебныя книги, заботясь объ ихъ наибольшей правильности. Такъ, св. Алексѣй митр. переписалъ своею рукою Евангеліе въ 1355 г., а св. Кипріанъ составилъ переводъ псалтири.

о томъ—правильно то или нѣтъ. Это были два направленія или взгляда, не могшіе помириться между собой, и они высказывались каждый разъ, когда былъ къ этому какой—либо поводъ. Высказывались они и при митр. Алексѣѣ, и при Кипріанѣ, и при митр. Фотіѣ. Замѣчательно, что въ служебникъ даже самого митроп. Кипріана проникъ подобный взглядъ о неприкосновенности буквы; въ послѣсловіи этого служебника заповѣдуется, чтобы «не приложити или отложити единое нѣкое слово, или тычку едину, или крючкы» [1]. Въ XVI в. составитель житія Геннадія Костромскаго игуменъ Александръ говорилъ, что слѣдуетъ душу полагать «за истинныя *словеса и за точки*» [2]. Это уже весьма напоминаетъ собою слова протопопа Аввакума, что за букву «азъ» нужно умирать;—и, что довольно замѣчательно, сказано это спустя немного времени послѣ Стоглаваго собора, заповѣдовавшаго править богослужебныя книги. Но съ особенною силою такой взглядъ на букву обнаруживался, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда предпринималось, такъ сказать, спеціальное исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, когда слѣдовательно производилось наибольшее измѣненіе буквы. Взглядъ этотъ въ такихъ случаяхъ являлся противовѣсомъ полезному дѣлу, задерживалъ его и даже совершенно вредилъ ему. Все это какъ нельзя болѣе ясно обнаружилось въ дѣлѣ исправленія богослужебныхъ книгъ преподобными Максимомъ и Діонисіемъ и патр. Никономъ. Невольно здѣсь напрашивается нѣкоторое сопоставленіе этихъ личностей, потому что эти три личности съ одинаковою любовію и усердіемъ дѣлали одно дѣло и всѣ почти при одинаковыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ что между ними невольно усматривается нѣчто общее, родственное, что ихъ крѣпко связываетъ между собою. То, что началъ дѣлать Максимъ, прошло чрезъ руки Діонисія и получило свое завершеніе отъ Никона. Эти три личности отмѣтили три главнѣйшіе момента въ исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ. Конечно, патр. Никонъ своею величавою

---

[1]) Опис. М. Син. Биб. III, 1, № 344.

[2]) Рукоп. Моск. Синод. библ. № 929, л. 28.

фигурою затемняетъ своихъ собратьевъ по дѣлу; но нужно помнить, что Максимъ и Діонисій вели дѣло на почвѣ, еще совершенно не подготовленной, и они кромѣ того не были патріархами всероссійскими и великими государями. Не нужно здѣсь воспроизводить всѣмъ извѣстную исторію исправленія книгъ преп. Максимомъ (а спеціальное изслѣдованіе ея, которое было бы весьма желательно, не входитъ въ содержаніе нашего изслѣдованія); но не можемъ не упомянуть, что по своему значенію и содержанію эта исторія замѣчательно сходна съ исторіей дѣла исправленія книгъ преп. Діонисіемъ. Въ послѣдней повторилось въ общихъ чертахъ все, что произошло въ первой. Значеніе-же Максимова дѣла опредѣляется тѣмъ, что онъ далъ почувствовать русскимъ людямъ (по крайней мѣрѣ передовымъ изъ нихъ) неудовлетворительность нашихъ книгъ, пошатнулъ ихъ самообольщеніе относительно абсолютной святости всего русскаго чина, вызвалъ ихъ на нѣкоторое раздумье, а безъ этого не мыслимо было самое начало движенія въ пользу исправленія книгъ. Какъ ни кричали русскіе, что Максимъ еретикъ, что онъ портитъ книги, какъ ни приходили они «въ дрожь и ужасъ» отъ его смѣлыхъ поправокъ въ книгахъ, однако не могли не чувствовать и нѣкоторой правды въ дѣлѣ Максима,—только не хотѣли сознаться въ этомъ. Не желая сознаться въ этомъ, они осудили Максима, подвергли его страданіямъ, какъ еретика; но спустя 15—20 лѣтъ они сами стали предпринимать (хотя и въ иной нѣсколько формѣ) то дѣло, за которое ученаго грека прозвали еретикомъ. Сѣмя, брошенное Максимомъ, дало плодъ. Мы здѣсь разумѣемъ, главнымъ образомъ, Стоглавый соборъ. На Стоглавомъ соборѣ представителями гражданской и духовной властей была вполнѣ сознана неисправность церковно-богослужебныхъ книгъ и необходимость ихъ исправлять. Несомнѣнно, что на зарожденіе и развитіе такого сознанія повліяло главнымъ образомъ именно дѣло преподобнаго Максима; подготовка Стоглаваго собора шла именно отъ людей того направленія, видимымъ представителемъ котораго былъ Максимъ. «Всякій, говоритъ одинъ изслѣдователь Стоглаваго собора, кто прочтетъ

сочиненія этого замѣчательнаго писателя (т. е. Максима) и послѣ нихъ Стоглавъ, не можетъ не замѣтить вліянія не только мыслей, но даже иногда какъ будто выраженій Максима на мысли и выраженія царя Іоанна въ его вопросахъ собору» [1]) Этому вліянію обязано, между прочимъ, и то, что царь докладывалъ собору, что «божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ-же, опись къ описи прибываетъ и недописи и точки непрямыя; и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ и по нимъ ученики учатся и пишутъ съ нихъ» [2]). И отцы собора, изъ которыхъ иные недавно еще держались вѣроятно убѣжденія, что править русскія богослужебныя книги значитъ творить «досаду великимъ чудотворцамъ», теперь постановляютъ: приказать «протопопамъ и старѣйшимъ священникомъ», чтобы они просматривали книги въ каждой церкви и гдѣ найдутъ ихъ испорченными, «тѣ всѣ книги съ добрыхъ переводовъ справливали соборнѣ» [3]). Съ другой стороны соборъ постановилъ, чтобы протопопы и старшіе священники наблюдали за писцами книгъ, велѣли-бы послѣднимъ «писати съ добрыхъ переводовъ». Такимъ образомъ, Стоглавый соборъ ясно созналъ испорченность нашихъ книгъ и необходимость ихъ править, но сознавши это, онъ не съумѣлъ указать надлежащихъ средствъ для искорененія книжныхъ погрѣшностей. Легко видѣть, что постановленія его (даже въ случаѣ ихъ тщательнаго выполненія) ничуть не достигали своей цѣли. Гдѣ найти «добрые переводы» и почему можно было отличить ихъ отъ недобрыхъ, соборомъ не указано: все оставлялось на благоусмотрѣніе поповскихъ старостъ, которые должны были слѣдить за исправностію книгъ, но которые, конечно, для этого не располагали почти никакими средствами: ни достаточными свѣдѣніями, ни обильнымъ запасомъ древнихъ переводовъ. Ясно, поэтому, что такая постановка дѣла не могла

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1876 г., ч. 186, іюль стр. 79. Статья Жданова: Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора.

[2]) Стоглавъ, изд. Казанское стр. 52—53.

[3]) ibid стр. 122.

не только искоренить старыя ошибки въ книгахъ, но и предохранить отъ новыхъ. А потому вскорѣ, когда царь «повелѣ святыя книги на торжищахъ куповати и въ святыхъ церквахъ полагати», то изъ купленныхъ книгъ только немногія оказались «потребными, прочіи же вси растлѣни отъ преписующихъ, ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ, ово же и неисправленіемъ пишущихъ» [1]). Это обстоятельство обратило на себя вниманіе царя, и онъ сталъ помышлять «како-бы изложити печатныя книги, яко-же въ Грекахъ, и Венецыи и во Фригіи и въ прочихъ языцехъ, дабы впредь святыя книги изложилися праведнѣ» [2]). И вотъ для этой цѣли онъ, посовѣтовавшись съ митр. Макаріемъ, устраиваетъ типографію, которая только одна болѣе или менѣе могла предохранить книги отъ дальнѣйшей порчи. Типографія была открыта въ Москвѣ въ 1563 году. Со времени ея открытія и до 1610 года было напечатано нѣсколько книгъ, и именно: апостолъ три раза (1564, 1597 и 1606 г.г), псалтирь—три раза (1568, 1577 и 1602 г.г.), часословъ (1565 г.), тріодь постная (1589), тріодь цвѣтная—два раза (1591 и 1604 г.г.), октоихъ (1594 г.), архіерейскій чиновникъ (1600 г.), минея общая—три раза: два изданія одного года (1600 г.), и одно—1609 г., служебникъ (1602 г.), евангеліе (1606 г.), минея служебная за три мѣсяца (сентябрь, октябрь и ноябрь) (1607 и 1609 г.г.) и уставъ (1610 г.).

Но пока существовали многоразличные списки одной и той-же книги, одно только печатаніе книгъ не могло служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы считать ту или другую напечатанную книгу вполнѣ исправной: печатаніе могло предохранить книги только отъ дальнѣйшей порчи, происходившей отъ невѣжества и невниманія прежнихъ переписчиковъ, старыя же ошибки печатаніе само по себѣ не только не уничтожало, но какъ-бы еще болѣе закрѣпляло ихъ, придавая имъ большую устойчивость. Поэтому для того, чтобы изъ печати книга вышла по возможно-

[1]) Опис. староп. книгъ Толстаго № 16 стр. 26.

[2]) Ibid стр. 27.

сти исправной, нужно было прежде печатанія ея найти изъ многихъ списковъ извѣстной книги наиболѣе вѣрный, исправный и, затѣмъ, не ограничиваясь этимъ, сличить его со всѣми другими извѣстными списками славянскими и греческими,—и только тогда уже приступать къ напечатанію книги. Но насколько заботились обо всемъ этомъ въ первое время существованія у насъ типографіи,—можно видѣть изъ разныхъ предисловій и послѣсловій первопечатныхъ книгъ. Изъ нихъ мы видимъ, что самыя первыя четыре печатныя книги (апостолъ, часословъ и два изданія псалтири) изданы частными лицами и только по приказанію царя, при чемъ объ исправленіи ихъ или сличеніи списковъ предъ напечатаніемъ—ничего не говорится; даже какого либо участія высшей церковной власти въ этомъ дѣлѣ мы не усматриваемъ. Конечно, такой порядокъ изданія первопечатныхъ книгъ не былъ еще какимъ-нибудь особенно важнымъ шагомъ въ дѣлѣ искорененія въ книгахъ ошибокъ. Но всѣ дальнѣйшія изданія книгъ (за исключеніемъ устава 1610 г.) печатались съ благословенія патріарха, и это было уже новымъ шагомъ въ порядкѣ изданія книгъ въ томъ смыслѣ, что церковная книга стала получать санкцію оттуда, откуда и слѣдуетъ,—отъ представителя церкви. Такъ, въ послѣсловіи апостола, напечатаннаго въ царствованіе Ѳедора Ивановича (въ 1597 г.) находимъ, что эта книга началась печататься «повелѣніемъ великаго государя, благочестиваго царя и великаго князя Ѳедора Ивановича .... и благословеніемъ великаго первосвятителя, о Святѣмъ Дусѣ, и молебника къ Богу... святѣйшаго киръ Іева патріарха Московскаго и всея Русіи и еже о Христѣ всего освященнаго собора» [1]). Такимъ-же порядкомъ печатались книги и при Борисѣ Ѳедоровичѣ: «повелѣніемъ Богомъ избраннаго и св. елеемъ помазаннаго.... благовѣрнаго и Христолюбиваго великаго государя царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича и благословеніемъ великаго господина святѣйшаго Іова перваго патріарха Московскаго и всея Русіи.... и совѣтомъ преосвященныхъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ и всего ос-

[1]) Опис. старопечатныхъ книгъ Толстаго № 37, стр. 82—83.

вященнаго собора великія Росіи» [1]). Благословляя печатать ту или другую книгу, русскіе іерархи тѣмъ самымъ какъ-бы ручались за ея исправность, а потому естественно было-бы думать, что они и на самомъ дѣлѣ много заботились объ исправномъ изданіи книгъ; однако-же какихъ либо добрыхъ результатовъ такой предполагаемой заботливости іерарховъ мы не усматриваемъ. Хотя о нѣкоторыхъ книгахъ извѣстно, что они при изданіи были даже «свидѣтельствованы» патріархомъ (такъ, въ предисловіи къ общей минеѣ, напечатанной съ благословенія патріарха Гермогена въ 1609 году, указывается, что книга эта печатана съ прежнихъ «*свидѣтельствованныхъ* печатныхъ переводовъ»; свидѣтельствованы были напечатанныя въ 1591 году цвѣтная тріодь и минея общая) [2]), но съ полною вѣроятностію надо полагать, что это свидѣтельствованіе патріарховъ заключалось только въ наблюденіи за согласіемъ печатнаго текста съ однимъ избраннымъ рукописнымъ подлинникомъ [3]). А если такъ, то значитъ книги печатались со всѣми тѣми погрѣшностями, какія накопились въ томъ или иномъ спискѣ ихъ въ продолженіе долгаго періода времени. Сами издатели чувствовали неисправность своихъ изданій, а потому въ послѣсловіяхъ мы постоянно встрѣчаемся съ ихъ униженными мольбами о томъ, чтобы къ нимъ читатели были снисходительны и не осуждали ихъ за ошибки; напр. въ такомъ родѣ: «милостиви намъ будите и незазориви ума нашего немощи и недоумѣнію.... молимъ убо вы мы грубіи и немощніи... идѣ-же что погрѣшихомъ неразуміемъ и забвеніемъ то да исправите» и т. п. [4]).

Не успѣло еще книгопечатаніе привиться въ Москвѣ какъ слѣдуетъ, какъ оно должно было пріостановиться: типографія въ небольшой періодъ времени дважды горѣла. Въ первый разъ она была подожжена прежними мастерами переписныхъ дѣлъ, которые вслѣдствіе открытія типографіи лишились заработка; а во второй

[1]) Опис. старопечатныхъ книгъ № 43, стр. 91—92.

[2]) Опис. старопечатныхъ книгъ № 51, стр 122.

[3]) *Макарій*. Ист. рус. раскола, изд. 1855 г. стр. 110—111, пр. 225.

[4]) *Макарій*. Ист. рус. раскола, изд. 1855 г, стр. 120—121.

разъ она сгорѣла во время страшнаго пожара, произведеннаго въ Москвѣ поляками, послѣ чего мастера печатнаго дѣла разбѣжались по разнымъ городамъ. Впрочемъ, пріостановка печатанія книгъ была непродолжительна. Даже во время смуты мысль о возстановленіи дѣла печатанія занимала временныхъ правителей Московскаго государства; [1]) по изгнаніи-же изъ Москвы поляковъ въ первый-же годъ царствованія Михаила озаботились возстановленіемъ типографіи на старомъ мѣстѣ. Между тѣмъ временно печатаніе книгъ происходило, вѣроятно, въ Кремлевскомъ дворцѣ [2]). И прежде всего въ это время напечатана была книга Псалтырь (нач. 1614 г. іюня 5, оконч. 1615 г. января 6). Въ послѣсловіи къ ней упоминается и о томъ, какъ сожжена была Москва и какъ пострадало отъ этого печатное дѣло. Такъ какъ печатаніе этой Псалтыри происходило въ періодъ междупатріаршества, то она печаталась по повелѣнію царя и «благословеніемъ преосвященныхъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ Россійскаго патріаршества» [3]). Затѣмъ въ 1616 году вторично былъ напечатанъ служебникъ. Книги эти печатались тѣмъ-же порядкомъ, какъ и раньше; но въ это-же время (им. въ 1615 г.) обнаруживается и *новое* направленіе въ дѣлѣ изданія и печатанія нашихъ богослужебныхъ книгъ—или лучше, оживаетъ то направленіе, представителемъ котораго въ свое время былъ Максимъ Грекъ. Явилась счастливая мысль о необходимости прежде печатанія исправлять церковно-богослужебныя книги *чрезъ сличеніе многихъ древнихъ списковъ* той или иной книги. Эта мысль значительно шире подобной-же мысли Стоглава: Стоглавъ требовалъ только, чтобы книги писались съ добрыхъ переводовъ (т. е. по одному какому нибудь такъ или иначе признанному *добрымъ* списку кни-

---

[1]) Лѣта 7120 (1612) великія россійскія державы Московскаго государства по приказу бояръ и воеводъ положена смѣта: во что станутъ двѣ штанбы печатныя, сдѣлати два станы на фряское дѣло, совсѣмъ, сполна, какъ въ нихъ печатати всякія книги (Царск. стр. 433).

[2]) Древности. Труды археологич. общества 1869 г. II, стр. 23.

[3]) Опис. старопеч. книгъ Царскаго № 53, стр. 56 и № 54.

ги), а до сличенія многихъ списковъ онъ не додумался; тогда какъ этотъ способъ гораздо вѣрнѣе могъ привести къ цѣли. И такъ, мысль Максима, усвоенная съ нѣкоторымъ ограниченіемъ Стоглавомъ, у насъ не умирала, а въ началѣ XVII вѣка ожила съ новой силой Печатная буква, хотя и закрѣпила прежнія погрѣшности въ книгахъ, придала имъ нѣкоторый авторитетъ, но не для людей, державшихся на книжную букву взгляда Максима. Вотъ почему, когда задумали напечатать важную въ церковно-богослужебномъ отношеніи книгу — потребникъ, то нашли нужнымъ прежде напечатанія провѣрить ее, исправить по многимъ наиболѣе древнимъ спискамъ. Откуда-же вышла эта счастливая мысль о болѣе серьезной постановкѣ дѣла изданія и печатанія книгъ, гдѣ живо было сознаніе о неисправности нашихъ книгъ, однимъ словомъ, гдѣ ожилъ духъ Максима? Онъ, оказывается, ожилъ тамъ, гдѣ преп. Максимъ провелъ послѣдніе годы своей жизни, — въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ. При рѣшеніи вопроса объ иниціативѣ въ такомъ дѣлѣ, какъ лучшая постановка изданія богослужебныхъ книгъ, естественно остановиться мыслію на высшихъ чинахъ церковной іерархіи, или-же вообще на тѣхъ лицахъ, которыя всего ближе стояли къ этому дѣлу, каковыми были тогда Московскіе архимандриты, протопопы и попы: эти лица, по выраженію современниковъ, особенно должны были «болѣть о благочестіи.» Однако обстоятельства дѣла показываютъ, что честь такой иниціативы никому изъ Московскаго духовенства не принадлежала. Дѣло исправленія требника и другихъ книгъ не только началось и было совершено въ Троицкомъ монастырѣ, но тамъ же было и *замышлено*. Это видно съ одной стороны изъ того, что исправителями являются все Троицкіе старцы да еще подмонастырскій священникъ, а съ другой стороны изъ того, что до перваго вызова Троицкихъ старцевъ въ Москву для дѣла исправленія въ монастырѣ уже обращали серьезное вниманіе на разногласіе въ разныхъ спискахъ потребниковъ и на неисправность другихъ книгъ. Пояснимъ нѣсколько эти мысли, — и мы тогда еще болѣе удостовѣримся въ справедливости высказаннаго положенія.

Назначеніе исправителяти все старцевъ Троицкаго монастыря нельзя было-бы объяснить, если-бы иниціатива въ дѣлѣ принадлежала Московскоау духовенству: послѣднее не могло этого допустить уже по одному тому, что иниціаторъ дѣла всегда является и главнымъ его участникомъ. Замысливъ дѣло, Московское духовенство такъ или иначе обнаружило-бы и участіе въ немъ. Пусть образованіе этого духовенства было очень низкое, пусть оно было вовсе неспособнымъ къ такому серьезному дѣлу, но невозможно-же допустить, чтобы оно само признало это оффиціально, открыто заявивъ, напр., въ томъ смыслѣ, что хотя книги и нужно править, но оно (духовенство) по своему невѣжеству не можетъ сдѣлать этого. И такъ, фактъ отсутствія среди исправителей кого-либо изъ Московскаго духовенства, по нашему мнѣнію, краснорѣчиво говоритъ за то, что ему чужда была мысль о болѣе серьезной постановкѣ дѣла исправленія и изданія богослужебныхъ книгъ. Послѣдующее отношеніе этого духовенства къ исправителямъ также убѣдитъ насъ, что все дѣло было замышлено помимо Московскихъ духовныхъ властей. А что это дѣло могло быть замышлено самостоятельно въ Троицкомъ монастырѣ, безъ сторонняго какого либо вліянія,—это ясно видно изъ того, что тамъ еще *до начала* дѣла вполнѣ уже *сознана* была крайняя неисправность церковно-богослужебныхъ книгъ, а отсюда естественно было возникнуть *желанію* видѣть ихъ исправленными и мысли о болѣе серьезной постановкѣ дѣла изданія ихъ. Все это мы говоримъ, основываясь главнымъ образомъ на царской грамотѣ объ исправленіи, адресованной къ преп. Діонисію. Здѣсь, между прочимъ, разсказывается, что когда Арсеній Глухой и Иванъ Насѣлка были вызваны впервые (24 октября 1615 г.) въ Москву, то явившись туда (понятно, не чрезъ продолжительное время), они въ объясненіе особенной трудности дѣла исправленія книгъ стали рисовать яркими красками неисправность книгъ, происшедшую частію отъ невѣжества и неразумія писцовъ, частію отъ неумѣлости малосвѣдущихъ переводчиковъ, а частію отъ намѣреннаго искаженія ихъ. Вслѣдствіе-то всего этого, говорили они, «чины и

уставы, стихи и молитвы не сходятся и разнятся во многихъ мѣстахъ». И это не было, такъ сказать, апріорными разсужденіями Арсенія и Насѣдки. Нѣтъ: они были хорошо знакомы съ дѣйствительнымъ состояніемъ церковно-богослужебныхъ книгъ, потому что далѣе фактически подтверждаютъ свою мысль, говоря, что въ одной книгѣ потребникѣ «едина потреба покаянія, хотя и въ пятидесяти переводѣхъ, ино много разнится, также и въ погребеніяхъ и въ маслоосвященіи». Не ясно-ли отсюда, что нѣкоторые старцы Троицкаго монастыря много раньше наблюдали за разногласіями въ книгахъ и даже занимались сличеніемъ ихъ, если при первомъ-же спросѣ не затрудняются рѣшительно заявить о разногласіяхъ въ цѣлыхъ пятидесяти переводахъ потребника. И такъ, это обстоятельство подтверждаетъ, что въ Троицкомъ монастырѣ знали хорошо о неисправности нашихъ книгъ, и мало этого, даже занимались намѣреннымъ сличеніемъ разныхъ списковъ одной и той-же книги раньше начала исправленія книгъ. Но эти безвѣстныя, происходившія въ тиши монастыря занятія старцевъ могли принести какой нибудь плодъ, могли сдѣлаться полезными для церкви не иначе, какъ только при содѣйствіи властей Московскихъ. Конечно, Троицкіе труженики вполнѣ понимали это и потому ждали случая заявить созрѣвшую у нихъ мысль предъ Московскимъ правительствомъ. Такой случай представился въ намѣреніи печатать книгу потребникъ [1]).

---

[1]) Здѣсь умѣстно сдѣлать слѣдующія два замѣчанія: 1) говоря объ иниціативѣ въ дѣлѣ изданія потребника, мы разумѣемъ, что Троицкому монастырю принадлежитъ иниціативѣ *исправленія* требника, а никакъ не печатанія; печатаніе требника задумано было въ Москвѣ, конечно, помимо Троицкихъ справщиковъ, а послѣдніе воспользовались этимъ только для того, чтобы высказать мысль о необходимости исправить его чрезъ сличеніе разныхъ списковъ. 2) Если мысль объ исправленіи книгъ вообще жила и развивалась въ Троицкомъ монастырѣ, то преимущественнымъ носителемъ и выразителемъ ея должно признать самого архимандрита монастыря Діонисія. Въ нашей церковно-исторической литературѣ уже высказано мнѣніе, что дѣло исправленія книгъ замыслилъ именно преп. Діонисій вмѣстѣ съ Авраміемъ Палицынымъ (*Кедровъ*. Авр. Палиц. стр. 165). Въ подтверж-

Какъ келарь монастыря, Авраамій Палицынъ имѣлъ частые случаи посѣщать Москву и сноситься тамъ по вотчинымъ монастырскимъ дѣламъ съ разными правительственными лицами. Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ, узнавъ о намѣреніи московскихъ властей печатать книгу потребникъ, вѣроятно, при случаѣ и высказалъ кому-либо изъ правительственныхъ лицъ (напр. Борису Салтыкову) мысль, вынесенную имъ изъ Троицкаго монастыря, что требникъ, прежде чѣмъ печатать, необходимо тщательно исправить; высказано это было, можетъ быть, оффиціально, а можетъ быть только частнымъ образомъ, въ разговорѣ - въ качествѣ желанія или добраго совѣта. Какъ-бы то ни было, мысль эта не была отвергнута въ Москвѣ. Напротивъ Палицынъ скоро получаетъ отъ царя повелѣніе, чтобы онъ вызвалъ въ Москву для этого важнаго дѣла нѣкоторыхъ Троицкихъ старцевъ, на которыхъ указалъ самъ Палицынъ, какъ на людей способныхъ на замышленное дѣло. Результатомъ всего этого и было то, что 24 октября 1615 года [1]), Авраамій Палицынъ писалъ изъ Москвы «государевымъ словомъ» въ Троицкій монастырь къ архимандриту Діонисію и казначею Іосифу Панину, чтобы тѣ присланы въ Москву старцевъ Арсенія Слухаго и книгохранителя Антонія Крылова «для государева дѣла, что правити книга потребникъ на Москвѣ въ печатное дѣло» [2]). И такъ, по первоначальному намѣренію гражданской власти, предполагалось произвести исправленіе требника въ самой Москвѣ, хотя для этого, по указанію Палицына, и вызывались Троицкіе старцы. Но этому намѣренію не суждено было исполниться. Изъ монастыря, по вызову Палицына,

деніе этого мнѣнія приводятся тѣ мѣста изъ житія Діонисія, гдѣ говорится, что Діонисій никогда не отлагалъ бесѣдъ евангельскихъ, что онъ любилъ дѣло Максима, что онъ ревновалъ о церковномъ чинѣ и о добромъ строеніи церковныхъ требъ; указывается также на то, что Діонисій съ особенною ревностію принялся за исправленіе книгъ: сдѣлалъ не только то, что ему повелѣно было указомъ, но гораздо больше того.

[1]) Большею частію указываютъ на 1616 годъ, какъ на годъ посылки Авраміемъ грамоты съ Москвы. Но это невѣрно.

[2]) Рук. Троицк. Лавр. Библ. № 700, л, 295.

отправился въ Москву Арсеній, а объ Антоніи отписали, что онъ боленъ и не можетъ явиться для государева дѣла: но за то вмѣсто Антонія отправился съ Арсеніемъ подмонастырскій попъ села Клементьева Иванъ Насѣдка. Хотя нерасположенный къ Насѣдкѣ Арсеній, а за нимъ и всѣ изслѣдователи заявляютъ, что Насѣдка явился въ Москву «собою» (т. е. самовольно) и «самъ набился на государево дѣло,» но мы склонны думать, что онъ посланъ былъ архимандритомъ Діонисіемъ въ замѣнъ больнаго Антонія. Раньше мы видѣли, что Насѣдка былъ усерднымъ сотрудникомъ во многихъ дѣлахъ Діонисія, пользовался большимъ довѣріемъ и любовію послѣдняго; то-же мы увидимъ и дальше. Кого-же естественнѣе всего было Діонисію отправить въ Москву вмѣсто заболѣвшаго Антонія, какъ не Насѣдку, человѣка испытаннаго имъ, который вмѣстѣ съ нимъ просиживалъ дни и ночи въ кельѣ за составленіемъ патріотическихъ грамотъ?!

И такъ, Арсеній Глухой и Иванъ Насѣдка явились въ Москву. Здѣсь они представились къ боярину Борису Михайловичу Салтыкову, съ которымъ и начались довольно длинные переговоры относительно предпринимаемаго дѣла. Осторожный Арсеній началъ отклонять отъ себя дѣло, не безъ основанія опасаясь отъ него худыхъ послѣдствій для себя. Онъ говорилъ Борису Михайловичу, что ему не подъ силу будетъ исправленіе потребника, потому что онъ «ни попъ, ни дьяконъ, а въ той книгѣ все потребы поповскія» [1]). Иванъ-же Насѣдка, не отказываясь отъ дѣла, заявилъ только желаніе (съ которымъ согласился и Арсеній), чтобы оно было передано архимандриту Діонисію подъ его непосредственное руководство,—при чемъ въ виду, конечно, того соображенія, что архимандриту неудобно на долгое время отлучаться отъ своего монастыря, онъ просилъ, чтобы и самое веденіе дѣла исправленія происходило въ Троицкомъ монастырѣ; въ такомъ случаѣ, заявлялъ еще Насѣдка, и для него будетъ гораздо лучше и удобнѣе, потому что у него тамъ жена и дѣти. Кромѣ того, какъ

---

[1]) Рук. Троицк. Лавр. Библ. № 700, л. 295.

Насѣдка, такъ и Арсеній указывали на то, что книга потребникъ заключаетъ въ себѣ такъ много погрѣшностей и для устраненія ихъ требуется столько труда, что «имъ старцу Арсенію и попу Ивану однимъ у тое книги у потребника для исправленія быти невозможно» [1]); необходимо, поэтому, взяться за исправленіе потребника многимъ лицамъ и сличить его съ многими списками: «исправити бы та книга потребникъ *многихъ* истязаніемъ и вопрошеніемъ и многими книгами переводовъ собраніемъ изсвидѣтельствовати, а въ борзѣ тое книгу потребникъ въ печатное дѣло вдати не мощно» [2]). Вотъ въ виду какихъ соображеній Иванъ Насѣдка и Арсеній Глухой просили боярина, чтобы дѣло было передано самому архимандриту, а имъ однимъ начать такое дѣло безъ настоятеля нельзя [3]). Иванъ Насѣдка особенно настойчиво добивался того, чтобы дѣло передано было архимандриту, въ помощники которому были-бы назначены старцы Арсеній и Антоній и онъ — попъ Иванъ. Результатомъ этихъ переговоровъ и явилась царская грамота отъ 8-го ноября 1616 года на имя архимандрита Діонисія объ исправленіи книги Потребникъ. Грамота эта, по замѣчанію Арсенія, была дана «по Иванову челобитью и докукѣ,» — и дѣйствительно она вполнѣ удовлетворяла искреннему желанію Насѣдки, т. е. переносила все дѣло въ Троицкій монастырь. Въ

1616

---

[1]) А. А. Эк. т. III, стр. 482.

[2]) ibid. стр. 482.

[3]) Нѣкоторая уклончивость Арсенія отъ дѣла и просьба его и Насѣдки о передачѣ дѣла архимандриту ничуть не опровергаютъ высказанныхъ нами выше мыслей, что въ Троицкомъ монастырѣ сильны были сознаніе неисправности книгъ и желаніе видѣть ихъ исправленными. Арсеній Глухой и Насѣдка не потому просили передать дѣло Діонисію, что сами не желали приняться за него, а потому, что понимали трудность и серьезность дѣла и заботились о лучшей постановкѣ его, не вполнѣ надѣясь на свои силы. Изложенныя обстоятельства показываютъ, напротивъ, что въ Троицкомъ монастырѣ, представителями котораго въ данномъ случаѣ явились Арсеній и Насѣдка, дѣйствительно вѣрно понимали настоящее положеніе книгъ. Арсеній желалъ даже для большей *прочности* дѣла, чтобы оно происходило въ Москвѣ, на глазахъ митрополита.

царской грамотѣ прежде всего излагаются обстоятельства пріѣзда въ Москву Арсенія и Насѣдки и затѣмъ ихъ переговоры съ Салтыковымъ, съ которыми мы сейчасъ познакомились. Такъ какъ изъ этихъ переговоровъ выяснилось, что всего лучше передать дѣло самому архимандриту, то къ нему-то и обращается теперь царь, говоря: «и мы указали тое книгу потребникъ исправленію вдати тебѣ, богомольцу нашему, архимандриту Діонисію, а съ тобою тѣмъ старцамъ, старцу капонархисту Арсенію да книгохранителю старцу Антонію, да попу Ивану и инымъ духовнымъ и разумичнымъ старцомъ, которые подлинно и достохвально извычни книжному ученію и граматику и риторію умѣютъ» [1]). Выборъ такихъ «разумичныхъ» людей, кромѣ указанныхъ въ грамотѣ, предоставлялся на благоусмотрѣніе архимандрита Діонисія. Всѣ, привлеченные такимъ образомъ къ дѣлу, должны, по грамотѣ, «о такомъ великомъ церковномъ исправленіи многое попеченіе и радѣніе» имѣть. Затѣмъ, въ грамотѣ говорится, что древнихъ списковъ требниковъ для сличенія ихъ троицкіе исправители могутъ найти много и въ своей библіотекѣ, потому что «у Живоначальныя Троицы въ чудотворцовѣ Сергіевѣ обители книгами исполнено,» а кромѣ того изъ Москвы имъ посылается «три книги потребниковъ письменныхъ.» Указавъ на все это, царская грамота еще разъ напоминаетъ, чтобы исправители усердно принялись за дѣло и книгу требникъ «со исправленіемъ въ печатное дѣло вдали не во многомъ мотчаніи» (безъ промедленія) [2]). Всѣмъ старцамъ, которые будутъ участвовать въ исправленіи, повелѣ-

---

[1]) А. Ар. Эк, т. III, стр. 483.

[2]) Намъ кажется, что Троицкіе исправители должны были не только исправить требникъ, но и опредѣлить его содержаніе или составъ, т. е. нѣкоторымъ образомъ составить книгу. Извѣстно, что требники того времени, какъ это увидимъ и далѣе, были весьма разнообразны по своему содержанію: единообразія въ этомъ случаѣ не было. Потому-то царская грамота и предписывала Троицкимъ справщикамъ *собрать* въ тую книгу многія нужнѣйшія потребныя вещи, безъ которыхъ нашему священному чину и всѣмъ православнымъ христіаномъ быть нельзя.» Такимъ образомъ, грамотою предписывалось не только исправить *готовую* книгу, но еще сначала

вается давать пищу изобильно и покой «свыше прочей братіи» до тѣхъ поръ, пока книга не будетъ исправлена совсѣмъ; а также до тѣхъ поръ давать имъ изъ монастырской казны чернилъ, бумагу и свѣчъ. Въ заключеніе грамота предписываетъ, чтобы по окончаніи дѣла исправленія требника Троицкія власти отписали объ этомъ въ Москву, «а отписку велѣли отдать въ приказѣ Большаго Дворца боярину Борису Михайловичу Салтыкову,» чтобы, такимъ образомъ, объ этомъ было извѣстно и царю.

Нѣкотораго разъясненія здѣсь требуютъ слѣдующія обстоятельства: почему дѣло исправленія не прямо было поручено Діонисію и откуда вытекала особенная настойчивость Насѣдки, чтобы оно было *поручено* архимандриту? Дѣйствительно, если мысль о болѣе серьезной постановкѣ исправленія книгъ вышла изъ Троицкаго монастыря, если самихъ исправителей рекомендовалъ келарь этого монастыря, то, кажется, всего естественнѣе было обратиться прямо къ архимандриту монастыря съ просьбою взять на себя это дѣло, а келарю всего ближе было указать на него, какъ на человѣка просвѣщеннаго и способнаго къ дѣлу. Почему-же однако въ дѣйствительности было не такъ? Это было-бы легко объяснить, если-бы было извѣстно, что архимандритъ Діонисій самъ отклонилъ отъ себя этотъ трудъ Но изъ хода дѣла видно, напротивъ, что онъ взялся за исправленіе очень охотно и не хотѣлъ отказаться отъ него даже тогда, когда нѣкоторые уговаривали его къ тому. Да и отправленный въ Москву Насѣдка не могъ-бы такъ настойчиво добиваться назначенія Діонисія главнымъ исправителемъ, если бы не зналъ, что самъ Діонисій желаетъ этого: со стороны Насѣдки было-бы плохой услугой уважаемому имъ и любимому архимандриту, если-бы онъ навязалъ ему невольное и въ нѣкоторомъ отношеніи рискованное дѣло. Соображая все это, въ объясненіе факта, почему не прямо Діонисію поручено было дѣло исправленія книгъ, мы можемъ допустить,

---

собрать ее, т. е. составить, опредѣлить точнѣе ея содержаніе внесеніемъ всего, что наиболѣе потребно «священному чину.» Конечно, этимъ работа осложнялась.

что онъ сначала былъ кѣмъ-то *отстраняемъ* отъ дѣла;—и это могъ сдѣлать самъ Авраамій Палицынъ, честность отношеній котораго къ Діонисію можетъ быть заподозрѣна. Авраамій былъ келарь, т. е. «совладѣющій» Діонисію, а всѣ совладѣющіе, по замѣчанію Симона, не любили Діонисія и много вредили ему. Но подробно объ этомъ у насъ рѣчь будетъ впереди; здѣсь-же замѣтимъ только, что ничего нѣтъ страннаго въ мысли, что честолюбивому Палицыну почему-то не хотѣлось, чтобы исправленіе требника было въ рукахъ Діонисія. Можетъ быть, ему не хотѣлось, чтобы Діонисій еще болѣе прославился на новомъ поприщѣ дѣятельности, отъ чего страдало его честолюбіе. Впрочемъ, можетъ быть, все объясняется тѣмъ, что Палицынъ не предполагалъ, что дѣло исправленія книгъ будетъ совершаться въ монастырѣ; напротивъ онъ вызывалъ Арсенія и Антонія для того, чтобы они занялись дѣломъ въ Москвѣ подъ руководствомъ, конечно, кого-либо изъ Московскихъ духовныхъ властей, а если такъ, то ясно, что дѣло могло совершиться и безъ настоятеля монастыря. Но преданный Діонисію Иванъ Насѣдка, съ его согласія прибывшій въ Москву, далъ всему дѣлу совершенно иное направленіе. Нельзя здѣсь не упомянуть о томъ, что даже Арсеній Глухой замѣтилъ, что у Діонисія и Насѣдки было что-то общее въ этомъ дѣлѣ, что они какъ будто сговорились раньше дѣйствовать въ полномъ согласіи—по извѣстному плану. Извѣстно, что прежде чѣмъ приступить къ исправленію требника въ силу царской грамоты отъ 8 ноября, Арсеній сдѣлалъ попытку отклонить Діонисія отъ веденія дѣла именно *въ монастырѣ*. «Архимандриту, государь, Діонисію, пишетъ онъ Салтыкову въ своей защитительной рѣчи, я, нищій чернецъ, говорилъ по всякъ день: архимандритъ государь, откажи дѣло государю, не сдѣлать намъ того дѣла въ *монастырѣ*, безъ митрополичья совѣта; а привезешь книгу исчерня къ Москвѣ и простымъ людемъ станетъ смутно, и архимандритъ, продолжаетъ Арсеній, *меня не слушалъ ни въ чемъ и ни во что меня ставилъ, во всемъ попа Ивана слушалъ*» [1]). Это

[1]) Рукоп. Тр. Лавр. Библ, № 700, л. 324 и обор.

замѣчаніе Арсенія нельзя оставить безъ вниманія. Отъ наблюденія Арсенія не ускользнуло то обстоятельство, что мысль о перенесеніи дѣла исправленія изъ Москвы въ монастырь вполнѣ раздѣлялъ съ Насѣдкой и архимандритъ. Арсеній желалъ, чтобы дѣло производилось въ Москвѣ, потому что въ такомъ случаѣ, по его убѣжденію, «все бы было благо и стройно и Государю пріятно и всѣмъ православнымъ въ пользу;» но архимандритъ *во всемъ* слушалъ не его, а Насѣдку, Насѣдка-же хлопоталъ, чтобы дѣло велось въ монастырѣ; слѣдовательно, того-же желалъ и Діонисій.—Если-же Діонисій раздѣлялъ мысль Насѣдки позднѣе, то вполнѣ вѣроятно, что еще посылая Насѣдку въ Москву, онъ уполномочилъ его хлопотать о томъ, чтобы исправленіе книгъ, если ужъ имъ будутъ заниматься Троицкіе старцы, происходило въ Троицкомъ-же монастырѣ. Такимъ образомъ, хотя Арсеній и говоритъ о Насѣдкѣ, что онъ самовольно явился въ Москву и «набился на государево дѣло», но въ указанномъ нами сейчасъ мѣстѣ своей рѣчи онъ самъ нечаянно проговаривается, что Насѣдка въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ въ согласіи съ Діонисіемъ.

За трудное дѣло брался пр. Діонисій, рѣшаясь исправить требникъ и другія книги, но онъ имѣлъ у себя способныхъ помощниковъ, каковыми были вышеупомянутые нами Арсеній Глухой, Иванъ Насѣдка и Антоній Крыловъ. Въ житіи Діонисія въ качествѣ участника въ дѣлѣ исправленія упоминается еще черный діаконъ Закхей [1]). Сдѣлаемъ-же характеристику этихъ личностей главнымъ образомъ со стороны ихъ развитости и способности на предпринимаемое дѣло.

Хотя Арсеній Глухой какъ-будто неохотно или вѣрнѣе—съ осторожностію брался за дѣло исправленія требника, но онъ былъ врядъ-ли не самый образованный изъ помощниковъ Діонисія. О происхожденіи его и первоначальной жизни мы знаемъ очень мало [2]), и именно только почти то, что онъ самъ сказалъ о себѣ въ посланіи

---

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 41.

[2]) Отца Арсенія во инокахъ звали Саватіемъ, а мать—Маврою (см. «Надписи Троиц.-Сергіевой Лавры» архим. Леонида № 330).

къ протопопу Ивану Лукьяновичу. Въ этомъ посланіи Арсеній называетъ себя Селижаровцемъ или потому, что онъ родился въ Селижаровкѣ—слободѣ, находящейся около Троицкаго Селижарова монастыря (Твер. губ. Осташк. уѣзда [1]), или потому, что былъ монахомъ этого монастыря. Впрочемъ, такъ какъ извѣстно, что прежде поступленія въ Троицкій Сергіевъ монастырь Арсеній былъ во многихъ другихъ монастыряхъ, то вполнѣ вѣроятно, что происходя изъ Селижаровки, онъ былъ прежде всего монахомъ сосѣдняго со слободой монастыря Троицкаго Селижарова. Г. Аристовъ въ біографіи Арсенія говоритъ, что названіе Селижаровецъ показываетъ, что сначала Арсеній жилъ въ Ниловой пустыни, которая называлась Селижаровской по озеру Селигеру [2]). Можетъ быть, это и такъ, но намъ кажется вѣроятнѣе, что Селижаровецъ—отъ Селижаровки. Обученіе грамотѣ и свое первоначальное образованіе, по собственному признанію, Арсеній получилъ «въ мѣстѣ пенарочитѣ и сельскомъ и учителей, вѣдущихъ словесную хитрость, во училищи не бывалъ» [3]). Но это первоначальное обученіе не могло удовлетворить Арсенія; а потому, постригшись въ монахи и переходя потомъ изъ одного монастыря въ другой, онъ сталъ обогащать себя свѣдѣніями путемъ чтенія священныхъ книгъ и святоотеческихъ твореній, складомъ которыхъ служили тогда обители. «И въ нихъ (въ монастыряхъ), говоритъ Арсеній, многи священныя книги обрѣтахъ, въ нихъ-же обрѣтохъ и прелюбезнѣйшую мнѣ паче инѣхъ книгу святаго Ивана Дамаскина» [4]). Съ большимъ трудомъ, или, какъ онъ самъ выражается, «въ мысленныхъ трудѣхъ и потовѣхъ» онъ осилилъ «о осмихъ частехъ

---

[1]) Географ. Слов. ч. V, стр. 867.

[2]) Энциклопедич. словарь, составленный русскими учеными и литераторами стр. 455.

[3]) Прав. Собес. 1862 г. ч. 2 стр. 367—въ посланіи Арсенія Ивану Лукьяновичу.

[4]) ibid. Этой прелюбезнѣйшей книгой была, очевидно, „святаго Іоанна Дамаскина книга философская и книга Небеса.“ Среди рукописей, перешедшихъ изъ Троицкой Лавры въ Московскую Академію, извѣстны 2 экземпляра ея подъ №№ 147 и 150.

слово», т. е. усвоилъ грамматику. Обогащаясь знаніями изъ разныхъ книгъ, Арсеній съ тою-же цѣлію старался сблизиться съ болѣе знающими и разумными монахами обителей. Такъ въ Троицкомъ монастырѣ онъ сошелся съ книгохранителемъ Антоніемъ Крыловымъ, назначеннымъ вмѣстѣ съ нимъ въ помощники Діонисію. Объ этомъ Антоніи Арсеній отзывается съ большею похвалой. «Бѣ бо въ велицѣй обители, говоритъ онъ, сей инокъ, именемъ Антоній, православенъ, божественныя писанія чтый и мысленнѣ потяся къ разумѣнію сихъ и по премногу тщателенъ къ сихъ исправленію, ему-же поручена служба многостяжательная божественныхъ книгъ хранительница» [1]). Извѣстно, что по порученію преп. Діонисія, Арсеній исправлялъ книгу канонникъ; въ исполненіи этого порученія много помогъ ему упомянутый Антоній Крыловъ, потому что доставлялъ изъ библіотеки нужные списки канонника, изъ которыхъ нѣкоторые они вмѣстѣ, вдвоемъ просматривали: «люботруднѣ купно съ нимъ смотряхомъ, да обрящемъ правое и Богу угодное», говоритъ относительно этого Арсеній. [2]) Усилія Арсенія образовать себя и обогатить свѣдѣніями не остались безплодны. Изъ рѣчи его къ Салтыкову усматривается его способность владѣть перомъ, его начитанность и близкое знакомство съ правилами грамматики. Затѣмъ, съ большею вѣроятностію можно приписать Арсенію составленіе «краткой грамматики и словотолковника», появившихся въ началѣ XVII вѣка [3]). Утверждать

[1]) Опис. рукоп. Тр. Лавр. Библ. №№ 281 и 283.

[2]) На этотъ фактъ исправленія Арсеніемъ канонника указываютъ, обыкновенно, какъ на доказателлство того, что въ Троицкомъ монастырѣ и раньше царской грамоты исправлялись книги по порученію Діонисія. Не отрицая послѣдней мысли, мы находимъ неправильнымъ основаніе ея. Въ предисловіи къ канонику указанъ годъ, когда онъ былъ исправленъ, именно 1616-й годъ. А извѣстно, что въ это время Троицкіе справщики занимались исправленіемъ уже въ силу царской грамоты. Исправленный канонникъ былъ представленъ вмѣстѣ съ другими книгами въ Москву и за исправленіе въ немъ нѣкоторыхъ мѣстъ Арсеній осуждался (см. послан. къ Салтыкову).

[3]) Опис. Рум. Муз. № 1. Обзор. рус. дух. лит. ч. 1 стр. 309.

это даетъ право то обстоятельство, что Арсеній и въ своей защитительной рѣчи къ Салтыкову нерѣдко вдается въ грамматическія изысканія, слѣдовательно, съ одной стороны, какъ сейчасъ упомянуто, онъ имѣлъ свѣдѣнія въ грамматикѣ, а съ другой,— сознавалъ важность и необходимость подобныхъ свѣдѣній. А это и могло побудить его къ составленію грамматики. На подобномъ же основаніи и другое сочиненіе XVII в, имѣющее предметомъ своимъ грамматику-же, можно приписать Арсенію. Сочиненіе это «Алфавитъ, како рѣчь говорити или писати» (напеч. въ XIV прил. къ «Іоанну Экзарху» Калайдовича). Въ немъ мы находимъ, между прочимъ, разсужденіе о множественномъ и двойственномъ числѣ—весьма сходное съ разсужденіемъ о томъ-же предметѣ Арсенія въ рѣчи къ Салтыкову (ср. посланіе къ Салтыкову по рук. Лавр. Библ. № 700, л. 305 и «Іоаннъ Экзархъ» стр. 205—206). Наконецъ, среди рукописей Троицкой Лаврской библіотеки есть одна подъ № 684, заключающая житія святыхъ XVI вѣка, написаніе которой принадлежитъ, вѣроятно, Арсенію же. Утверждать это можно на томъ основаніи, что рукопись эта имѣетъ предисловіе буквально сходное съ предисловіемъ къ каноннику, написаннымъ Арсеніемъ. Если эта рукопись писана не Арсеніемъ, то, можетъ быть, правлена имъ, потому что она носитъ слѣды исправленія, и потому-то онъ (Арсеній) присоединилъ къ ней упомянутое свое предисловіе.

О дальнѣйшей судьбѣ и дѣятельности Арсенія извѣстно только то, что онъ нѣкоторое время стоялъ во главѣ справщиковъ въ Москвѣ, какъ это видно изъ расходныхъ книгъ печатнаго двора за 133 годъ (т. е. 1625 г.). Понятно, что Арсенію потому было предоставлено главное мѣсто при справѣ, что онъ зарекомендовалъ себя со стороны грамматическихъ и другихъ знаній, какъ составитель упомянутыхъ нами сочиненій. Симонъ Азарьинъ говоритъ, что Арсеній съ товарищи «поработаша на печатномъ дворѣ у справы книгъ много лѣтъ» [1]), но нужно думать, что справщикомъ Арсеній былъ не долѣе, какъ до 1635 г., потому что въ

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 45.

этомъ году онъ является уже головщикомъ въ Троицкомъ Богоявленскомъ монастырѣ, что въ Кремлѣ, куда былъ принятъ за вкладъ 10 рублей. Нѣкоторыми историками (Филаретъ Черниговскій, Соловьевъ) высказывалось мнѣніе, что Арсеній Глухой былъ даже основателемъ въ Москвѣ школы греко-латинской, каковое мнѣніе обосновывается на свидѣтельствѣ Олеарія, который, будучи въ Россіи въ 1633 году, говоритъ, что тогда была учреждена въ Москвѣ «подлѣ патріаршаго двора греко-латинская школа, состоящая подъ управленіемъ и надзоромъ одного ученаго грека по имени Арсенія» [1]). Но мнѣніе это несправедливо. Во первыхъ, знаніе Арсеніемъ греческаго и латинскаго языковъ, и притомъ настолько основательное, чтобы быть во главѣ греко-латинской школы, болѣе, чѣмъ сомнительно. Мы не много ниже покажемъ, что исправители Діонисій, Арсеній и др. при исправленіи требника не пользовались греческими списками его, а это свидѣтельствуетъ о незнаніи ими языковъ; здѣсь-же замѣтимъ, что Арсенію негдѣ было и научиться этимъ языкамъ, потому что онъ учился «въ мѣстѣ ненарочитѣ и сельскомъ». Во вторыхъ, названіе Арсенія Глухаго грекомъ только потому, что онъ зналъ греческій языкъ странно слышать отъ Олеарія. Наконецъ, что самое главное, теперь доказано, что никакой греко-латинской школы при патр. Филаретѣ въ Москвѣ и не существовало, а греко-латинская школа, о которой говоритъ Олеарій во второмъ изданіи описанія своего путешествія, открыта при патр. Никонѣ въ промежутокъ времени 1653—1655 г.г., вѣроятнѣе всего въ 1653 году [2]). Когда и гдѣ скончался Арсеній Глухой не извѣстно; имя-же его записано въ синодикахъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря [3]). Таковъ былъ одинъ изъ главныхъ по-

[1]) Сводъ мнѣній относительно греко-латинской школы въ Москвѣ при патр. Филаретѣ и подробный разборъ ихъ сдѣланъ въ Чт. Общ. люб. дух. просв. 1888 г. Апр. въ статьѣ С. Бѣлокурова подъ заглавіемъ: «Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ Арсенія грека въ Москвѣ въ XVII ст.» стр. 357—397.

[2]) Чт. Общ. люб. дух. просв. 1888 г., апр. стр. 397 въ статьѣ Бѣлокурова.

[3]) Лѣтоп. археологич. Коммиссіи т. IV, матер. стр. 123.

мощниковъ Діонисій; это, какъ видимъ, былъ человѣкъ, стремившійся самостоятельно образовать себя и для этого не щадившій своихъ силъ, и потому достигшій для своего времени дов. высокой степени образованности.

О другомъ помощникѣ Діонисія попѣ Иванѣ Васильевѣ Шевелѣ или Насѣдкѣ мы уже нѣсколько разъ упоминали раньше; здѣсь дополнимъ наши свѣдѣнія. Родомъ, вѣроятно, изъ села Клементьева, Насѣдка былъ потомъ переведенъ въ Москву въ санѣ священника. Затѣмъ послѣ раззоренія столицы въ 1611 году онъ пришелъ въ Троицкій монастырь и здѣсь ему была поручена церковь св. Сергія надъ воротами для того, чтобы онъ совершалъ въ ней требы для мірянъ; для житья-же ему отведена была келья въ монастырской стѣнѣ. Будучи человѣкомъ довольно хитрымъ и разбитнымъ, онъ скоро съумѣлъ вполнѣ расположить арх. Діонисія въ свою пользу. Какъ мы видѣли раньше, онъ сдѣлался для Діонисія какъ бы своимъ человѣкомъ: съ нимъ Діонисій проводилъ дни и ночи за бесѣдами, съ нимъ вмѣстѣ писалъ грамоты, ухаживалъ за больными и пр. Симонъ Азарьинъ разсказываетъ интересный случай изъ жизни Насѣдки въ монастырѣ. Однажды Насѣдка сидѣлъ у окна своей кельи и размышлялъ о пророчествѣ Іоанна Богослова въ Апокалипсисѣ, «разсуждая о женѣ и змiѣ», о томъ «колики страны великія отъ православія въ еретичество отпадоша: Римъ великій и вся западныя страны», а нынѣ-де, размышлялъ онъ, и до насъ дойде [1]). «И мнѣвшу ми, передавалъ объ этомъ самъ Насѣдка Симону, не быти уже и на Руси православію, сице размышляющу, склячеся сѣдя подъ оконцемъ много плакався неутѣшно». Но вотъ онъ вдругъ слышитъ «у оконца того пришедъ нѣкто, поносивъ его много и многи укорныя рѣчи ему изглаголавъ—«кто еси ты, рече, иже помышляеши не быти на Руси благочестію, а того рече не вѣдаеши, что за васъ молитъ Бога чудотворецъ Дмитрій Селунскій да Василій великій да и

[1]) Вотъ когда еще вполнѣ ясно выражалась книжными людьми мысль о близкомъ воцареніи антихриста въ Россіи,—и притомъ она раздѣлялась съ убѣжденіемъ однимъ изъ лучшихъ людей того времени.

вашъ чудотворецъ Сергій за васъ молитъ Бога и будетъ на Руси благочестіе, якоже и прежде» [1]). Придя послѣ этого въ чувство, Насѣдка обрадовался, пошелъ и сказалъ о томъ Діонисію. Этотъ разсказъ, между прочимъ, характеризуетъ Насѣдку со стороны склонности его къ богословскимъ отвлеченнымъ разсужденіямъ. По успокоеніи отечества Насѣдка былъ переведенъ священникомъ подмонастырскаго села Клементьева. О томъ, на сколько былъ образованъ Насѣдка, изслѣдователи разногласятъ: нѣкоторые не хотятъ признать въ немъ образованнаго человѣка и говорятъ, что если онъ и выступаетъ гдѣ-либо выдающимся человѣкомъ, то только благодаря своей ловкости и хитрости [2]). Однако съ этимъ нельзя согласиться. Одно умѣнье такъ прекрасно владѣть перомъ, каковое обнаружилъ Насѣдка въ «запискѣ о житіи Діонисія», достаточно показываетъ, что онъ не былъ рядовымъ человѣкомъ своего времени; если-же мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя его сочиненія и затѣмъ на разностороннюю дѣятельность, то убѣдимся въ этомъ вполнѣ. Со времени самаго исправленія книгъ и до 1657—58 г. Насѣдку мы видимъ почти постоянно занятымъ такими дѣлами, которыя требовали отъ него ума и знаній. Такъ въ 1621 году Иванъ Насѣдка участвовалъ въ посольствѣ въ Данію, имѣвшемъ, между прочимъ, цѣлію сватовство Михаила Ѳедоровича за племянницу Датскаго Короля Христіана IV Доротею Августу. Эту поѣздку въ Данію Иванъ Насѣдка совершилъ небезполезно для расширенія своего умственнаго кругозора. Въ Даніи онъ основательно познакомился съ протестантами, съ ихъ вѣрою, обычаями и нравами. На возвратномъ пути изъ Даніи Насѣдка пріобрѣлъ себѣ лютеранскій катихизисъ Симона Буднаго, на которомъ и сдѣлалъ многія критическія замѣчанія. Замѣчанія эти, хотя и не отличаются особенною основательностію, однако достаточно свидѣтельствуютъ о знакомствѣ Насѣдки съ догматическими истинами православія и лютеранства. Кромѣ критическихъ замѣчаній, Иванъ

---

[1]) Рук. Тр. Лавр. Библ. № 700, л. 74—75. То-же въ рукоп. Моск. дух. Ак. № 203, л. 33.

[2]) Такъ въ Прав. Соб. 1862 г. т. III; стр. 63.

Насѣдка написалъ къ «Катихизису Симона Буднаго» предисловіе, въ которомъ не совѣтуетъ читать эту книгу православнымъ— не особенно свѣдущимъ въ догматахъ вѣры. Результатомъ постепеннаго знакомства Насѣдки съ протестантствомъ явилось его большое полемическое сочиненіе подъ названіемъ «Изложенія на лютеры», написанное имъ не позже ноября 1623 г. [1]). По своему составу сочиненіе это представляетъ сборникъ богословско-полемическихъ антилютеранскихъ статей, частію взятыхъ Насѣдкою изъ другихъ авторовъ, частію составленныхъ имъ самимъ. Спустя года четыре по написаніи «изложенія на лютеры», Насѣдкѣ вмѣстѣ съ игуменомъ Ильею поручаютъ пересмотрѣть Учительное Евангеліе Кирилла Транквилліона. Пересмотръ этой книги Насѣдка и Илья сдѣлали очень внимательный и строгій: они нашли въ ней многія «погрѣшенія и ереси» и все это изложили патріарху въ 61 статьѣ. Результатомъ этого было то, что всѣ экземпляры Кириллова Евангелія особымъ указомъ было велѣно собирать и сожигать [2]). Въ Транквилліоновомъ Евангеліи указаны были главнымъ образомъ латинскія ереси. Съ нѣкоторою вѣроятностію можно, далѣе, приписать Насѣдкѣ составленіе «записки какъ служилъ Феофанъ патріархъ Іерусалимскій литургію съ русскими митрополиты: съ Казанскимъ Матѳеемъ и съ архіепископы». Впрочемъ, эту догадку дѣлаетъ только архим. Леонидъ на томъ основаніи, что записку эту писалъ очевидецъ Богослуженія Ѳео-

---

[1]) См. статью г. Голубцова „къ вопросу объ авторѣ, времени написанія, цѣли и составѣ Изложенія на лютеры". (Приб. къ Твор. Св. Отцевъ 1888 г. ч. 42 стр. 166). Не мѣшаетъ замѣтить, что доселѣ мнѣнія относительно времени написанія „изложенія на лютеры" были разнообразны. Такъ напр., по мнѣнію Филарета Черниговскаго, сочиненіе это написано въ 1642 г. (Обз. дух. лит. I, стр. 319); г. Каптеревъ говоритъ вообще, что оно написано раньше, а когда—не опредѣляетъ (Пр. Об. 1887 г., ч. 1 стр. 154); арх. Леонидъ относитъ написаніе его къ 1621—1622 г. (Свѣд. о рук. поступившихъ отъ Тр. мон. въ Мос. Д. Ак. ч. II, стр. 206 № 178).

[2]) Собр. гос. грам. и дог. т. III, № 77.

фанова, а Насѣдка въ то время былъ уже ключаремъ Успенскаго собора [1]). Не говоримъ здѣсь о сочиненіяхъ Насѣдки, написанныхъ имъ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ (о нихъ будетъ рѣчь ниже), но упомянемъ еще о позднѣйшей его дѣятельности, обнаружившей въ немъ также человѣка способнаго и знающаго. Мы разумѣемъ его участіе въ спорѣ съ лютеранскимъ пасторомъ Матвеемъ по поводу переговоровъ о крещеніи королевича Вольдемара, желавшаго вступить въ бракъ съ одной изъ дочерей Михаила Ѳеодоровича. Въ 1643 году было отправлено посольство къ Датскому королю Христіану IV съ предложеніемъ, чтобы его сыну Владиміру пріѣхать въ Россію, принять грекороссійское вѣроисповѣданіе и жениться на царской дочери. Довольный предложеніемъ русскаго царя, Христіанъ не соглашается на перемѣну вѣроисповѣданія, но все-таки въ 1644 г. сынъ его принцъ Вольдемаръ прибылъ въ Москву подъ именемъ графа. Послѣ первой аудіенціи начались переговоры о перемѣнѣ вѣроисповѣданія. Патріархъ Іосифъ отправилъ къ принцу посланіе. Письменный отвѣтъ Вольдемара на сіе посланіе обнаружилъ сильныя пренія. По указу государя назначены были духовныя лица къ состязанію, и въ числѣ таковыхъ назначенъ былъ и Иванъ Насѣдка. 2 іюня 1644 г. Насѣдка имѣлъ состязаніе съ пасторомъ королевича Матвеемъ «о крещеніи обливательномъ и о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ». Онъ доказывалъ пастору, что въ греческихъ и нѣмецкихъ библіяхъ написано погруженіе, а не обливаніе или кропленіе. Главнымъ предметомъ спора было: можетъ-ли греческое слово βάπτισμος въ Евангеліи обозначить обливаніе [2]). Потомъ Насѣдка возражалъ противъ доводовъ или «оказаній» пастора Фильгаберга въ пользу обливательнаго крещенія. Извѣстно, что, по указу царя, онъ долженъ былъ написать «56 отвѣтныхъ списковъ изъ нѣмецкихъ переводовъ противъ королевича двороваго его попа

---

[1]) Свѣд. о слов. рук., перешедшихъ изъ Тр. мон. въ Моск. Дух. Ак. Леонида I, стр. 152 рук. № 202.

[2]) Опис. рук. Моск. Син. Биб. отд. II, 3 № 279 стр. 370.

Матвея» [1]). Вышеупомянутый споръ съ Матвеемъ о крещеніи и эти отвѣтные списки и вошли въ составъ двухъ сочиненій Насѣдки, написанныхъ по поводу этихъ преній: а) Рѣчь Насѣдки къ нѣмчину Матвею о крещеніи и в) списаніе Богородицкаго ключаря Ивана отъ божественнаго писанія на королевича нѣмчина Матвея [2]). При спорѣ съ пасторомъ Насѣдкѣ пригодились и ранѣе составленныя имъ сочиненія противъ лютеранъ. Объ этомъ заявилъ онъ самъ: «азъ попъ Иванъ вѣдаю, что Мартинъ въ катихвизѣ о десятословіи къ Моисею все развелъ на укоризну грекамъ и намъ и на св. иконы и на иноческій чинъ и на церковное строеніе и на св. слржбу, и тотъ разводъ Мартинова ученія есть у меня грѣшнаго и патріарху государю про то вѣдомо, да въ люди ту книгу казать не для чего; а будетъ положитъ Матвей то ученіе предъ людьми явно и той вражей книгѣ всей отвѣтъ готовъ у меня есть» [3]). Здѣсь съ одной стороны Насѣдка имѣетъ въ виду, вѣроятно, катихизисъ Симона Буднаго, на которомъ онъ писалъ критическія замѣтки, а съ другой свое сочиненіе «изложеніе на лютеры» [4]). Говоря, далѣе, о литературной дѣятельности Насѣдки, слѣдуетъ упомянуть, что онъ вмѣстѣ съ протопопомъ Михаиломъ Роговымъ участвовалъ въ составленіи такъ называемой Кирилловой книги [5]). Наконецъ, по поводу упомянутыхъ споровъ съ датскимъ королевичемъ приписываютъ Насѣдкѣ еще сочиненіе «повѣсть о несостоявшемся бракѣ царев-

---

[1]) Ibid стр. 374.

[2]) Намъ неизвѣстно, есть-ли это сочиненіе Насѣдки одно и тоже съ сочиненіемъ его, которое въ Обз. Дух. Лит. (1, стр. 319) озаглавливается: «Тетрадка пренія ключаря Ивана Насѣдли съ королевичемъ Вольдемаромъ», или же это два отдѣльныя сочиненія.

[3]) Опис. рук. М. Син. Б. отд. II, 3 стр. 374.

[4]) Г. Цвѣтаевъ замѣчаетъ, что подъ «готовымъ отвѣтомъ» всего естественнѣе подразумѣвать «изложеніе на лютеры» (Лит. борьба съ протест. стр. 96).

[5]) См. Д. Цвѣтаева Литер. борьба съ протестанствомъ М. 1887 года стр. 106—110.

ны» [1]. Кромѣ всего этого, въ 1640—1641 г.г. Насѣдка среди другихъ является справщикомъ устава, изданнаго въ 1641 г. и, вѣроятно, должность справщика занималъ долгое время, потому что въ 1657—1658 г. онъ былъ все еще справщикомъ, только уже подъ монашескимъ именемъ старца Чудова монастыря Іосифа. Вотъ на сколько разнообразна была дѣятельность Ивана Насѣдки. Не показываетъ-ли все это, что онъ былъ почти постоянно при такихъ дѣлахъ, гдѣ мало одной хитрости, а требуется умъ и знаніе [2].

Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что Насѣдка при усердіи его къ дѣлу, о которомъ засвидѣтельствовалъ Симонъ, могъ быть весьма полезнымъ человѣкомъ при исправленіи книгъ преп. Діонисіемъ. На его энергичное участіе въ дѣлѣ указываетъ и Арсеній, когда говоритъ, что онъ «у дѣла былъ большой». [3]) Извѣстно, что «у дѣла большой былъ» Діонисій, и если въ тоже время называется «большимъ» и Насѣдка, то называется такъ по-

[1]) Обз. дух. литер. Филарета, 1859 г. стр. 319. Здѣсь же преосв. Филаретъ замѣчаетъ, что повѣсть эта написана, кажется, кѣмъ то другимъ: «написася 1642 г. (?!) монахомъ, а не ермонахомъ». Но помѣтка года написанія повѣсти не можетъ быть признана вѣрной, пототу что въ 1642 г. не могло быть повѣсти *о несостоявшемся* бракѣ царевны. Очевидно, она написана послѣ преній, т. е. послѣ 1645 г. А если такъ, то очень возможно, что написалъ ее Насѣдка, когда уже былъ монахомъ Чудова монаст.

[2]) Споръ Насѣдки о греческомъ словѣ «Βαπτισμός» и ссылка его на греческія библіи во время спора даютъ нѣкоторымъ основаніе думать, что Насѣдка зналъ даже греческій языкъ. Но это несправедливо. Прежде всего въ томъ же спорѣ сохранился отзывъ Матвея о своихъ противникахъ, свидѣтельствующій о незнаніи ими языковъ: «и ни что того тяжелѣе, какъ съ такими людьми говорити, которые *языкомъ и вольнымъ наукамъ не училися*, что они правду, которая въ закрышѣ лежитъ, не скоро обнять могутъ». (Опис. рук. М. Син. Биб. отд. II, 3 стр. 374). Да и у самого Насѣдки есть прямыя признанія въ незнаніи имъ языковъ «и мы убоги аще и по гречески и по нѣмецки не умѣемъ (ibid стр. 376—377). Извѣстно, что въ спорѣ участвовали и греки, которые и поддержали русскихъ въ той мысли что «Βαπτισμός» означаетъ только погруженіе, а обливаніе по гречески выражается εὔρεις (*Цвѣтаевъ*. Литер. борьба съ протест. стр. 114).

[3]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 144.

тому, что пользуясь довѣріемъ и расположеніемъ архимандрита, онъ съумѣлъ занять въ дѣлѣ роль руководителя другими исправителями,—и занялъ эту роль не въ ущербъ дѣлу. Его хитрость и изворотливость помогли ему въ этомъ случаѣ. Впрочемъ, отзывы Арсенія о лукавствѣ Насѣдки нужно принимать съ осторожностію, такъ какъ изъ всего хода дѣла видно, что Арсеній недолюбливалъ Насѣдку, пристрастно относился къ нему, считая его причиною своихъ невзгодъ [1]).

О прочихъ двухъ извѣстныхъ по имени исправителяхъ Антоніи Крыловѣ и іеродіаконѣ Закхеѣ также можно сказать, что они были людьми способными къ дѣлу,—способными, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы заниматься дѣломъ подъ непосредственнымъ руководствомъ другихъ. Впрочемъ, объ іеродіаконѣ Закхеѣ мы не нашли никакихъ свѣдѣній, объ Антоніи-же, кромѣ прекраснаго отзыва о немъ Арсенія, извѣстно, что онъ былъ потомъ при печатномъ дворѣ въ справщикахъ, потому что упоминается въ «расходной книгѣ» печатнаго приказа 1620 года въ составѣ членовъ правильни, [2]) и скончался, будучи справщикомъ-же, въ 1630 году. [3]).

Таковъ составъ извѣстныхъ по имени исправителей, съ которыми Діонисій приступилъ къ дѣлу; но несомнѣнно, что кромѣ ихъ преподобнымъ Діонисіемъ, согласно съ грамотою царя, были привлечены къ дѣлу и нѣкоторыя другія лица, имена которыхъ

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ упомянуть, что въ послѣднее время вопросу объ Иванѣ Насѣдкѣ въ нашей церковно-исторической литературѣ посчастливилось. Укажемъ на сочиненіе г. Цвѣтаева: Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ, въ которомъ литературной дѣятельности Насѣдки удѣлено очень много вниманія; на статью г. Голубцова, имѣющую своимъ спеціальнымъ предметомъ сочиненіе Насѣдки «изложеніе на лютеры», статью о. Арсенія «село Клементьево» и др.

[2]) Древности. Труды археол. общ. 1869, т. II стр. 23.

[3]) Въ «вкладной книгѣ» гл. 638 между прочинъ, записано: «139 г. декабря въ 21 день по старцѣ Антоньи Крыло, что былъ на Москвѣ въ книжныхъ справщикахъ, далъ вкладу дьякъ Иванъ Симоновъ молодой денегъ 10 рублей».

въ сохранившихся извѣстіяхъ не упоминаются. Весь ходъ Діонисіева дѣла подтверждаетъ эту мысль. Прежде всего царской грамотой предоставлено было Діонисію право избирать себѣ помощниковъ, не стѣсняясь количествомъ ихъ; затѣмъ всѣ извѣстные намъ исправители на соборѣ, осудившемъ ихъ, называются «*пущими* развратниками», слѣдовательно, кромѣ ихъ, были и другіе, которые въ дѣлѣ исправленія имѣли только не такъ важное значеніе (не были пущими развратниками). Далѣе, извѣстно, что осужденный Діонисій стоялъ подъ окнами митр. Іоны «со ученики своими»; а этими учениками не могли быть Насѣдка и Арсеній, потому что они находились тогда въ другихъ мѣстахъ; были, значитъ, и другіе, участвовавшіе въ дѣлѣ и даже страдавшіе за него. Но особенно это ясно видно изъ того мѣста житія Діонисія, гдѣ по перечисленіи всѣхъ извѣстныхъ исправителей (Арсенія, Антонія, Насѣдки и Закхея) прибавлено: «*и прочіе*, иже съ нимъ изыскаху» [1]).

Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, исправители запаслись нѣсколькими славянскими списками требниковъ для того, чтобы имѣть возможность сличить ихъ. Этому, какъ мы знаемъ, содѣйствовало и правительство. Отправляя Арсенія и Насѣдку изъ Москвы въ монастырь, оно съ ними же отправило «три книги потребниковъ письменныхъ», а потомъ указало на Троицкую библіотеку, въ которой справщики могли найти нужныя для дѣла книжныя средства. Списки, присланные изъ Москвы, называетъ преподобный Діонисій, а за нимъ и Иванъ Насѣдка. «А переводы съ Москвы, говоритъ Діонисій, отъ пречистыя Богородицы изъ собора книга Кипріяна митрополита, да съ патріархова двора изъ казны, да и отъ Зачатія изъ-за Соляного ряду.» «А Кипріянъ митрополитъ, прибавляетъ къ этому Діонисій, всѣмъ вѣдомо, яко святъ мужъ» [2]).

---

[1]) Рук. Тр. Лавр, Биб. № 700, л. 38. Въ печатномъ житіи этихъ словъ почему-то нѣтъ.

[2]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 134, об. и 135.

Тоже буквально повторяетъ и Насѣдка [1]). Въ «Описаніи рукоп. Синод. Библ.» (Отд. III, 1, № 344) описанъ служебникъ митрополита Кипріана, у котораго внизу по листамъ, между прочимъ, замѣчено, что онъ «писанъ его (Кипріана) рукою съ греческаго переводу въ лѣта 6905 (1397)»..... и что «по сему служебнику самъ служилъ Кипріанъ митрополитъ.» Есть-ли это-тотъ самый служебникъ, который былъ данъ исправителямъ изъ Москвы, или-же данъ былъ только списокъ съ него,—опредѣленно сказать трудно; но вѣроятнѣе, что данъ былъ списокъ съ упомянутаго Кипріанова служебника именно тотъ списокъ, который въ «Опис. Синод. рукоп.» занесенъ подъ № 375. Главнымъ основаніемъ для такого заключенія служитъ то, что, по замѣчанію преп. Діонисія, въ основу исправленія они положили «*Макарьевскій* переводъ,» а этотъ списокъ (№ 375) имѣетъ надпись «служебникъ Макарьевской»; объ этомъ будетъ еще рѣчь немного ниже. Изъ двухъ прочихъ служебниковъ, присланныхъ съ Москвы, мы нашли еще упоминаніе о «потребникѣ съ патріаршаго двора.» Это, вѣроятно, есть потребникъ, внесенный въ «Опис. Синод. рук.» подъ № 378; онъ ко времени исправленія книгъ Діонисіемъ находился именно на патріаршемъ дворѣ, потому что въ 1602 году патріархъ Іовъ положилъ его «въ соборную церковь въ свою патріаршу ризницу» въ поминокъ по архимандритѣ Новоспасскомъ Закхеѣ [2]). Первый изъ этихъ списковъ (№ 375) заключаетъ въ себѣ требникъ съ служебникомъ, а второй (№ 378) только одинъ требникъ и содержитъ въ себѣ 80-ть главъ [3]). О потребникѣ отъ Зачатія мы не нашли никакихъ указаній. Но кромѣ присланныхъ правительствомъ, исправители достали изъ монастырской библіотеки много и другихъ списковъ требника, такъ что всѣхъ ихъ, по свидѣтельству Діонисія и Насѣдки «у дѣла было переводовъ больше двадцати» [4]). Съ этимъ показаніемъ расходится свидѣтельство

[1]) Рук. Тр. Лавр. Б. № 700, л. 143.

[2]) Опис. М. Синод. биб. II, 1. № 378, стр. 227.

[3]) ibid.

[4]) Словъ: «а у дѣла было переводовъ больше двадцати, а во всѣхъ огнемъ не писано»—въ рѣчи архим. Діонисія по рукописному Лавр. сбор-

Арсенія, который насчитываетъ только 13 требниковъ, бывшихъ у дѣла. «Было, государь, у насъ, пишетъ онъ Салтыкову, двѣнадцать переводовъ письменныхъ, а третьенадцатый печатной.» Это различіе въ показаніяхъ произошло, быть можетъ, отъ того, что Арсеній говоритъ не о всѣхъ, бывшихъ у дѣла требникахъ, а только о болѣе древнихъ изъ нихъ, а быть можетъ Арсенію, стоявшему отъ дѣла все-таки далѣе Насѣдки, не были извѣстны всѣ требники, бывшіе въ распоряженіи Діонисія и Насѣдки. О томъ, на сколько были древни эти списки требниковъ, исправители говорятъ, что «инѣмъ лѣтъ полтораста уже минуло, а инѣмъ и больше» [1]), «а инѣмъ больше двусотъ лѣтъ» [2]). Наибольшею авторитетностію въ глазахъ исправителей пользовались списки, сохранившіеся отъ лицъ прославившихся ученостію и благочестіемъ: отъ митр. Кипріана, митр. Макарія и преп. Максима грека. Въ основу исправленія требника, по вышеупомянутому свидѣтельству Діонисія, они положили старый Макарьевскій переводъ; «и не дерзнухомъ *вписати* въ старой Макарьевскій переводъ,» говоритъ онъ о словѣ: и *огнемъ* [3]). Великимъ уваженіемъ, затѣмъ, пользовался у исправителей Максимъ Грекъ, который, по отзыву одного изъ нихъ (Арсенія), «инокъ благочестивъ и премудръ былъ и словесного любомудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навыклъ, ибо святая божественная списанія его явѣ свидѣтельствуютъ о немъ и о премудрости и о разумѣ» [4]). Нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ [5]), что и въ

нику—№ 700—нѣтъ. Но въ «Описаніи рукоп. Импер. Биб.» *Бычкова* они внесены въ рѣчь Діонисія изъ рукописнаго сборника Импер. Библ. № 36, въ которомъ сохранилась рѣчь эта въ полномъ видѣ. У Насѣдки эти слова см. въ рукоп. Лавр. Биб. № 700, л. 143.

[1]) Рук. Троицк. Лавр. Библ. № 700, л. 297. Такъ говоритъ о переводахъ Арсеній.

[2]) ibid, л. 144. Такъ Насѣдка.

[3]) ibid, л. 135 обор.

[4]) ibid, л. 317.

[5]) Такъ утверждаетъ авторъ статьи въ Прав. Соб. 1862; II—III (ч. II, стр. 387—388), а за нимъ г. Смирновъ въ изслѣдованіи «патр. Филаретъ,» ч. 2-я стр. 80.

основу исправленія требника положенъ былъ славянскій переводъ Максима, и въ подтвержденіе этого ссылаются на слова Арсенія, который, оправдывая свое дѣло предъ Салтыковымъ, между прочимъ, говоритъ: «а аще-бы бѣдный азъ нищей чернецъ отъ неразумѣнія что и худо написалъ, но съ *переводу писалъ* и не собою замыслилъ, но и съ пресловутаго еще *мужа переводу* писалъ и многого въ премудрости инока *Максима Грека;* и два перевода тѣхъ положилъ предъ митр. Іоною различныхъ рукъ оставшихся по смерти, отъ добродѣтельнѣ пожившихъ иноковъ» [1]. А чтобы примирить это свидѣтельство Арсенія съ вышеприведеннымъ показаніемъ о томъ же Діонисія, эти изслѣдователи говорятъ, что «старой Макарьевскій переводъ» есть тотъ же самый славянскій переводъ Максима, только иначе названный, при чемъ поясняютъ, что переводъ Максима могъ называться Макарьевскимъ или потому, что онъ былъ списанъ митр. Макаріемъ, или потому, что былъ списанъ *для* митр. Макарія, или, наконецъ, потому, что онъ былъ списанъ во время этого знаменитаго митрополита. Но это стремленіе примирить два свидѣтельства явилось результатомъ не вполнѣ внимательнаго отношенія къ дѣлу. Нельзя примирять такія свидѣтельства, которыя говорятъ о двухъ совершенно различныхъ предметахъ. Когда Діонисій говоритъ, что они (исправители) не осмѣлились вписать слово: *и огнемъ* въ старой Макарьевскій переводъ, то онъ говоритъ это о требникѣ; когда-же Арсеній говоритъ, что онъ писалъ съ «пресловутаго мужа переводу,“ то говоритъ о канонникѣ. Мы уже упоминали, что исправленіе кононника было поручено Діонисіемъ Арсенію, а потому онъ болѣе другихъ былъ отвѣтственъ предъ соборомъ за исправленіе этой книги. И вотъ теперь Арсеній, желая доказать, что исправленія его канонника правильны, ссылается на то, что онъ производилъ ихъ на основаніи перевода Максима Грека. Не трудно видѣть, что въ этомъ случаѣ онъ говоритъ именно *только о канонникѣ*. Указавъ на то мѣсто, которое онъ исправилъ въ по-

[1]) Рук. Тр. Лавр. биб. № 700, л. 320 об. и 321; Прав. Соб. 1862 г. II стр. 387.

хвальномъ канонѣ Богородицѣ, Арсеній говоритъ: «и тотъ, государь, похвальной канонъ написалъ съ Максимова переводу Грека»[1]. Послѣ этого дѣлается отзывъ о Максимѣ, какъ инокѣ благочестивомъ и премудромъ. Далѣе, изложивши длинный рядъ доказательствъ въ пользу своей поправки, Арсеній говоритъ вышеприведенныя слова: «аще бы бѣдный азъ нищей чернецъ отъ неразумія что и худо написалъ, но съ переводу писалъ..... Максима Грека».... и непосредственно за симъ прибавляетъ: «убогою же своею совѣстію я нищей чернецъ славлю пречистую Богородицу прежде рождества Дѣву, и въ рождествѣ Дѣву и по рождествѣ Дѣвою»[2]. И такъ, очевидно и несомнѣнно, что вся рѣчь здѣсь идетъ только объ исправленіи въ канонникѣ похвальнаго канона Богородицѣ[3]. О томъ же, какимъ переводомъ преимущественно руководились исправители при исправленіи требника, у Арсенія нѣтъ упоминанія, а есть оно только у Діонисія и Насѣдки, которые оба согласно говорятъ, что они руководились старымъ Макарьевскимъ переводомъ, каковымъ мы съ вѣроятностію признаемъ списокъ требника съ служебникомъ, описанный въ «Опис. рукоп. М. Синод. Биб.» подъ № 375.[4]. Кромѣ рукописныхъ требниковъ, у исправителей былъ одинъ печатный, о которомъ упоминается у Арсенія; это, конечно, былъ служебникъ, напечатанный въ 1602 году и подлежавшій исправленію.

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 317.

[2]) ibid. л. 321.

[3]) Доселѣ списокъ сего канонника перевода Максима Грека есть въ библіотекѣ Сергіевой Лавры. Къ изложеннымъ соображеніямъ въ подтвержденіе нашей мысли можно присовокупить и слѣдующее: Арсеній, оправдывая исправленіе канона Богородицѣ, говоритъ только отъ своего лица: «я писалъ» и подоб; значитъ разумѣлъ *одну* книгу каноникъ, которую исправлялъ онъ, когда-же онъ оправдываетъ поправки въ другихъ книгахъ, то говоритъ: «мы морали, мы писали,» не приписывая одному себѣ этихъ поправокъ.

[4]) На первомъ листѣ этого служебника, относящагося къ 1481 г. скорописью XVI или XVII в. находимъ надписъ: *служебникъ Макарьевскій*, а на оборотѣ внизу: писана съ митрополичья Кипріанова переводу слово въ слово, а куплен на Москвѣ въ 7069 г.

Но въ вопросѣ объ исправленіи книгъ Діонисіемъ занимаетъ видное мѣсто слѣдующій частный вопросъ: были-ли у исправителей при дѣлѣ греческіе переводы требника; и далѣе: знали-ли они греческій языкъ и, слѣдовательно, могли-ли пользоваться греческими списками книгъ? Въ сочиненіяхъ исправителей, составленныхъ значительно позднѣе самого дѣла, есть нѣкоторыя выраженія, которыя подали поводъ всѣмъ изслѣдователямъ утверждать, что они знали греческій языкъ и пользовались греческими требниками. Выраженія эти слѣдующія. Діонисій въ своей рѣчи говоритъ: «тако-жъ и въ *греческихъ* печатныхъ нѣтъ» (т. е. слова «и огнемъ»). Арсеній Глухой въ рѣчи къ Салтыкову: «и въ *греческихъ* переводѣхъ у Арсенія архіепископа Суздальскаго, четырехъ патріархъ въ четырехъ переводехъ не писано же и огнемъ.» Эти выраженія исправителей сами по себѣ взятыя, дѣйствительно, могутъ вызвать мысль, что у исправителей были подъ руками греческіе переводы потребника, и они сами свѣряли ихъ и просматривали. Но въ справедливости этой мысли можно сильно посомнѣваться, когда мы разсмотримъ ихъ въ связи съ предъидущими выраженіями и сопоставимъ съ нѣкоторыми другими извѣстіями, сохранившимися какъ въ сочиненіяхъ исправителей, такъ и въ другихъ памятникахъ. Препод. Діонисій, прежде чѣмъ говорить о греческихъ переводахъ — о томъ, что въ нихъ нѣтъ слова «и огнемъ,» упоминаетъ что у нихъ (исправителей) подъ руками было больше двадцати переводовъ, въ которыхъ во всѣхъ слова «и огнемъ» не писано, — и затѣмъ уже прибавляетъ, что и въ греческихъ переводахъ нѣтъ этого слова. Слѣдовательно, изъ словъ Діонисія слѣдуетъ не то, что эти греческіе переводы были подъ руками у нихъ, а только то, что *почему-то* (а почему-это другой вопросъ) Діонисію было извѣстно, что въ греческихъ переводахъ, какъ и въ тѣхъ, которые у исправителей были подъ руками, слова «и огнемъ» нѣтъ. А что, дѣйствительно, у исправителей число переводовъ было *только* нѣсколько больше двадцати, и что съ другой стороны всѣ эти двадцать переводовъ были *славянскіе*—это подтверждаетъ Насѣдка. Онъ говоритъ: «а у дѣла

было переводовъ больше двадцати (т. е. разумѣетъ, что ихъ всего было столько) и во всѣхъ огнемъ не писано;» а что въ числѣ ихъ не было греческихъ, объ этомъ онъ ясно заявляетъ, когда говоритъ далѣе: «а въ греческихъ переводехъ у Арсенія архіепископа Суздальскаго и у четырехъ патріарховъ вселенскихъ *мы того не вѣдаемъ*, писано-ли огнемъ или не писано.» Слѣдовательно, Насѣдка разумѣетъ въ числѣ «больше двадцати» только славянскіе переводы; ихъ же, конечно, разумѣетъ и Діонисій въ вышеприведенномъ его свидѣтельствѣ относительно количества переводовъ. Подобно Діонисію говоритъ и Арсеній. Указавъ сначала на то, сколько списковъ требника *было* у нихъ подъ руками и во сколькихъ изъ нихъ они нашли слово «и огнемъ» и во сколькихъ не нашли этой прибавки, онъ замѣчаетъ: «и въ греческихъ переводехъ.... не писано же и огнемъ», вовсе не утверждая того, что эти переводы были у нихъ подъ руками, а только констатируя фактъ безъ указанія источника, откуда онъ сдѣлался ему извѣстнымъ. И такъ, данныя выраженія о греческихъ переводахъ не подтверждаютъ мысли, что у исправителей были греческіе переводы требника, а ссылка ихъ на греческіе требники не есть еще доказательство знанія ими греческаго языка. Напр., о Насѣдкѣ извѣстно, что онъ не зналъ греческаго языка (см. объ этомъ выше стр. 204 пр.) и онъ самъ заявляетъ въ рѣчи Филарету, что ему не извѣстно есть-ли въ греческихъ переводахъ слово «и огнемъ» (чего-бы съ нимъ не могло случиться, если-бы у исправителей были греческіе переводы и онъ зналъ греческій языкъ);—однако и онъ въ сочиненіи противъ Антонія Подольскаго ссылается на греческіе переводы: «и всѣ переводы греческіе и русскіе, пишетъ онъ Антонію старые и письменные отмещеши». Можно, слѣдовательно, ссылаться на греческіе книги и не знать греческаго языка [1]). Наконецъ, въ подтвержденіе мысли, что Діонисій и его сотрудники при исправленіи книгъ не пользовались

[1]) Стоитъ здѣсь примѣтить, что Діонисій ссылается на *печатные* греческіе требники; тогда какъ печатное изданіе требника у исправителей было только *одно* (Рук. Лавр. Биб. № 700, л. 296 об.).

греческимъ переводами, должно сказать, что въ описяхъ книгъ, открытыхъ въ типографскомъ архивѣ, не упоминается до 1649 года *ни одной* греческой книги, а отсюда можно заключить, что такихъ книгъ въ типографской правильнѣ до этого времени ни одной и не было, и слѣдовательно, ими еще не пользовались при правленіи, а обходились одними славянскими печатными и харатейными книгами. Только во второй половинѣ XVII вѣка встрѣчаются извѣстія о пріобрѣтеніи для библіотеки книгъ греческихъ [1]). Если же въ учрежденіи, спеціально организованномъ для исправленія и изданія книгъ, не озабочивались пріобрѣтеніемъ греческихъ богослужебныхъ книгъ для сличенія съ ними нашихъ славянскихъ, то это, конечно, значитъ, что тогда еще не была сознана необходимость въ таковомъ сличеніи—и даже мысль о подобномъ сличеніи была чужда представителямъ этого дѣла: считалось вполнѣ достаточнымъ для печати сличать старые славянскіе списки, которые въ глазахъ тогдашнихъ русскихъ людей пользовались неменьшимъ уваженіемъ, какъ и греческія изданія. Этого общаго настроенія не были чужды, конечно, и наши исправители. Имѣя въ рукахъ славянскіе списки требника за 150—200 лѣтъ, они чувствовали, что имѣютъ для своего дѣла весьма твердую почву и ничтоже сумняся могутъ опираться на нее. Извѣстно, что нѣкоторые изъ нашихъ исправителей были впослѣдствіи справщиками, а одинъ изъ нихъ—Арсеній—былъ нѣкоторое время даже во главѣ справы. Если-бы Арсеній чувствовалъ необходимость въ сравненіи нашихъ книгъ съ греческими и если бы съ другой стороны онъ зналъ греческій языкъ, то почему-бы ему было не озаботиться пріобрѣтеніемъ для правильни греческихъ книгъ, когда онъ имѣлъ къ тому полную возможность? Очевидно, это произошло отъ того, что Арсеній держался относительно исправленія книгъ тѣхъ же мыслей, какихъ и всѣ: наиболѣе старый, или же такъ или иначе признанный исправнымъ славянскій списокъ богослужебной книги, по сличеніи его съ другими подобными списками, брался въ осно-

[1]) *Мансветовъ*. Какъ правились у насъ книги (Приб. къ Твор. св. От. т. XXXII, стр. 519; опись книгъ см. въ приложеніи А. стр. 565).

ваніе, когда нужно было печатать книгу. Въ силу всего сказаннаго мы рѣшительно думаемъ, что наши исправители при исправленіи требника не пользовались греческими переводами его: для этого не было у нихъ ни побужденія, ни знанія. Но что же однако значитъ ихъ ссылка на греческіе переводы, откуда имъ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ греческихъ переводахъ нѣтъ слова «и огнемъ»? Проще всего объяснить это можно тѣмъ, что исправители въ данномъ случаѣ говорили *со словъ другихъ*. Такъ, напр., въ спискѣ Кипріанова служебника, который былъ подъ руками исправителей есть замѣтка, что его «прениса отъ *греческихъ* книгъ на русскій языкъ рукою своею Кипріанъ митрополитъ» [1]). Уже это одно могло дать достаточное основаніе исправителямъ говорить, что въ греческихъ переводахъ нѣтъ слова: «и огнемъ», потому что въ Кипріановомъ служебникѣ его также нѣтъ. Затѣмъ извѣстно, что греческій епископъ Элассонскій Арсеній былъ въ то время епископомъ Суздальскимъ. Онъ переведенъ туда съ 1613 года (до этого-же года онъ былъ епископомъ архангельскимъ и жилъ въ Кремлѣ). Этотъ епископъ-грекъ и могъ сообщить исправителямъ, что въ греческихъ требникахъ слова: «и огнемъ» — нѣтъ, какъ нѣтъ его и въ собственномъ его требникѣ. Наконецъ, принимая во вниманіе, что всѣ рѣчи исправителей по поводу ихъ дѣла написаны ими уже послѣ пріѣзда въ Москву патріарха Ѳеофана, легко можно понять особенное побужденіе сослаться на греческіе переводы. Да и самъ Ѳеофанъ могъ подать исправителямъ такую мысль, потому что онъ тотчасъ же по пріѣздѣ обратилъ вниманіе на дѣло исправителей. Такъ объясняется появленіе въ сочиненіяхъ исправителей ссылокъ на греческіе переводы [2]).

Таковы были книжныя и образовательныя средства исправителей, съ которыми они приступили къ дѣлу. Такъ какъ царскою

[1]) Опис. рук. М. Син. Биб. отд. III, 1 стр. 203.

[2]) Замѣчательно, что трудившіеся все время вмѣстѣ Арсеній и Насѣдка говорятъ различно. Первый рѣшительно говоритъ, что въ греческихъ переводахъ слова „и огнемъ“ — нѣтъ, второй же говоритъ, что *не знаетъ* есть оно или нѣтъ. Какъ видно, осторожный Насѣдка боялся утверждать со словъ другихъ.

грамотою имъ повелѣвалось приготовить требникъ «не во многомъ мѣтчаніи», то они принялись за дѣло очень усердно. «Богъ свидѣтель, говоритъ Арсеній, безо всякія хитрости сидѣли полтора года день и нощь»[1]). Хотя грамотою предписывалось исправленіе собственно одного требника, однако Діонисій не ограничился только выполненіемъ предписанія: онъ съ своими помощниками въ продолженіи полуторыхъ годовъ успѣлъ сдѣлать очень много поправокъ и въ другихъ книгахъ. Обращаясь къ обзору всѣхъ этихъ исправленій, мы можемъ раздѣлить ихъ на двѣ категоріи: къ первой принадлежатъ вычеркиваніе отдѣльныхъ словъ, или измѣненіе цѣлыхъ предложеній и знаковъ препинанія, не у мѣста поставленныхъ и под.; ко второй измѣненіе окончаній разныхъ молитвъ, содержащихъ славословіе Отца и Сына и Св. Духа.

ТРЕБНИКЪ.

Въ книгѣ требникъ или Потребникъ ко времени исправленія книгъ пр. Діонисіемъ накопилось множество неправильностей. Разные списки этой книги имѣли каждый свои особенности: они отличались и количествомъ статей, и самимъ содержаніемъ ихъ. Въ однихъ изъ нихъ, напр., было 141 глава, [2]) въ другихъ 145, [3]) въ иныхъ 152 и 159, [4]), а въ нѣкоторыхъ только 89 [5]). Потребникъ очень часто заключалъ въ себѣ и служебникъ, какъ это можно видѣть и въ греческихъ евхологіяхъ [6]). Разнообразіе въ количествѣ статей, намъ думается, произошло просто вслѣдствіе практическихъ соображеній переписчиковъ. Заключая, напр., на-

---

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 296.

[2]) Опис. рук. М. Син. Биб. *Горскаго и Нев.* III, 1. № 371—требн. конца XIV или начала XV вѣка.

[3]) ibid. № 372.

[4]) Ibid—требн. отъ 1481 г. и № 376.

[5]) Ibid,—374.

[6]) См. указат. къ М. Син. Биб. *арх. Саввы* стр. 37.

ибольшее число потребъ и молитвъ въ одну книгу, переписникъ могъ руководствоваться тѣмъ соображеніемъ, чтобы въ одной книгѣ были всѣ необходимыя священнику при совершеніи требъ службы. Съ другой-же стороны, переписывая потребникъ, писецъ для облегченія труда пропускалъ изъ него тѣ молитвы, случаевъ употребленія которыхъ онъ не предвидѣлъ въ своей мѣстности. Напр., какой нибудь престарѣлый инокъ сѣверовосточнаго края Руси смѣло пропускалъ какой нибудь «чинъ, бываемый, како пріимати приходящихъ отъ латынскія вѣры», потому что въ краю томъ о никакихъ «латыняхъ» не слышно было. Или списывая потребникъ только для употребленія въ монастырѣ и незадаваясь цѣлію выпускать его за стѣны монастыря, инокъ—писецъ пропускаетъ чинъ вѣнчанія, крещенія, или даже молитвы, «въ начало сѣятвы», «зажинати жита», «хотящу орати» и т. п. опять-таки въ силу того, что случаевъ примѣненія этихъ молитвъ въ монастырѣ не бываетъ. Разнообразіе въ содержаніи статей замѣчается въ древнихъ требникахъ почти во всѣхъ потребахъ: то эктеніи заключаютъ въ себѣ прошеній въ одномъ служебникѣ больше, чѣмъ въ другомъ; то при одной и той-же требѣ указываются разныя молитвы, въ однихъ потребникахъ тотъ или иной чинъ излагается часто подробнѣе, чѣмъ въ другихъ, наконецъ, при однихъ и тѣхъ же священнодѣйствіяхъ указываются неодинаковые обряды и т. д. Даже такая служба, какъ литургія, о повсемѣстномъ единообразіи которой наиболѣе должны-бы были заботиться писцы, по содержанію своему въ древнихъ потребникахъ имѣетъ немало разностей. Извѣстно, что изъ древнихъ русскихъ іерарховъ о единообразіи чинопослѣдованій, особенно литургіи, весьма много заботился митр. Кипріанъ. Онъ самъ сдѣлалъ списокъ служебника съ греческаго и приложилъ къ этому списку строгое внушеніе переписчикамъ не отступать ни отъ одной буквы его. Но служебникъ Кипріана не имѣлъ рѣшительнаго вліянія на обработку литургіи и на окончательную установку ея единообразнаго типа. Изъ сравненія служебниковъ XIV—XV в.в. И. Д. Мансветовъ убѣдился, что «тогда обращались въ употребленіи три особые типа

служебника, изъ которыхъ одинъ остался чуждымъ Кипріановскаго исправленія, а два другіе сложились на его основѣ» [1]). Въ XVI в., какъ и вообще послѣ митр. Кипріана, для исправленія потребника ничего не было сдѣлано, хотя и началось тогда книгопечатаніе,— а потому въ XVII-й вѣкъ книга эта перешла во множествѣ разнообразныхъ списковъ со всѣми такъ или иначе явившимися неправильностями. Во второй годъ XVII вѣка одинъ изъ такихъ списковъ безъ всякихъ исправленій, а даже еще со внесеніемъ въ него новыхъ погрѣшностей былъ въ первый разъ напечатанъ [2]). Этотъ-то первопечатный потребникъ, или вѣрнѣе служебникъ и подлежалъ исправленію Діонисія.

Главное исправленіе, сдѣланное Діонисіемъ и его сотрудниками въ служебникѣ, состояло въ томъ, что они вымарали изъ молитвы въ навечеріе Богоявленія на освященіе воды слово: *«и огнемъ»*. Вмѣсто словъ: «Самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ» они написали: «самъ и нынѣ, Владыко освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ». Слово *и огнемъ* вкралось въ требникъ сравнительно въ позднее время. По отзыву грамоты патр. Филарета, оно появилось «въ недавныхъ лѣтехъ, при державѣ царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича, всея Русіи самодержца, и при патр. Іевѣ»; «а подлинно, прибавляетъ къ этому Филаретъ, невѣдомо, какими обычаями тотъ прилогъ огня учинился въ водоосвященіи Богоявленской воды» [3]). И дѣйствительно, когда и въ силу какихъ причинъ появилось это слово въ молитвѣ Богоявленскаго водосвященія—точно опредѣлить довольно трудно; но можно однако установить весьма вѣроятныя догадки. Для этого прежде обратимъ вниманіе на то, какъ совершался этотъ обрядъ въ греческой церкви и древней нашей русской,—обратимъ вниманіе на ту сторону обряда, съ которой мы думаемъ поставить въ самую тѣсную связь

---

[1]) *Мансветовъ*. Митр. Кипріанъ.

[2]) Списокъ, по которому изданъ первый печатный служебникъ, надо полагать, есть тотъ самый, который въ Опис. рук. Син. Биб. *Горскаго* указанъ подъ № 362 и относится къ XVI вѣку (Опис. Син. Биб. III, 1 стр. 88).

[3]) А. Арх. Эксп. т. III-й, стр. 241.

появленіе слова: *и огнемъ*. Извѣстно, что совершеніе обряда Богоявленскаго водоосвященія съ самыхъ первыхъ временъ существованія его въ греческой церкви сопровождалось торжественнымъ и блестящимъ освѣщеніемъ. Въ это время, по замѣчанію Ѳеодора Студита, народъ ходилъ со свѣчами и городъ блиталъ богатымъ освѣщеніемъ [1]). По Студійскому же уставу, если освященіе воды совершается не на источникахъ и рѣкахъ, то «братія исходитъ въ притворъ *со свѣчами въ рукахъ* при троекратномъ пѣніи: «Гласъ Господень на водахъ» и т. д. Далѣе, самый праздникъ Богоявленія называется праздникомъ Свѣтовъ (τῶν φώτων), а навечеріе Богоявленія называется παραμονὴ τῶν φώτων [2]). Северіанъ Гевальскій (V в.) въ словѣ на Богоявленіе говоритъ о бдѣніи наканунѣ этого праздника и упоминаетъ, что церковь тогда блистала освѣщеніемъ [3]). Чѣмъ обусловливалось такое преимущественно-торжественное освѣщеніе, сопровождавшее обрядъ водосвященія? Оно явилось вслѣдствіе того, что самый обрядъ этотъ выродился изъ обычая крестить въ ночь этого праздника оглашенныхъ, а при крещеніи употреблялись зажженныя свѣчи; съ другой стороны это преимущественное освѣщеніе было результатомъ прямой необходимости. Дѣло въ томъ, что обрядъ этотъ издавна совершался или поздно вечеромъ, или въ полночь. Объ этомъ сохранилось нѣсколько свидѣтельствъ. Златоустъ говоритъ: «это есть тотъ день (Богоявленія), въ который онъ (Христосъ) крестился и освятилъ естество водное, посему-то въ эту *полночь* всѣ черпаютъ воду, кропятъ ею свои дома». Въ словѣ упомянутаго нами Северіана Гевальскаго говорится, что обрядъ этотъ совершается съ *вечера*, а у Павла Силенціарія, что онъ совершается ночью [4]). Если-же обрядъ совершался ночью, то понятна при этомъ необходимость сильнаго освѣщенія. Какъ бы то ни было,

---

[1]) *Мансветовъ*. Церк. уставъ стр. 106 прим.

[2]) *Мансветовъ*. Церк. уставъ стр. 115 прим.

[3]) Ibid, стр. 156 прим. 1.

[4]) Свидѣтельства эти приводимъ по сочиненію И. Д. Мансветова „Церк. уставъ“.

явилось-ли оно (освѣщеніе) вслѣдствіе вырожденія Богоявленскаго обряда изъ крещенія, или вслѣдствіе необходимости, но только что ни откуда не видно, чтобы свѣчамъ придавалось какое либо особенное значеніе въ самомъ дѣйствіи освященія воды: они (свѣчи) были постоянною принадлежностію обряда, придававшею ему торжественность, но не имѣли никакого значенія въ таинственномъ освященіи воды благодатію Св. Духа, освященіе воды совершалось не черезъ нихъ, но священническимъ благословеніемъ ея съ призываніемъ Св. Духа [1]). Объ этомъ сохранилось, между прочимъ, древнее свидѣтельство бл. Августина, который говоритъ, что таинствомъ креста оглашенные поучаются, *вода крещенія освящается тѣмъ-же знаменіемъ креста,* чрезъ возложеніе рукъ крестившіеся получаютъ дары» (Бес. 75, т. 4 стр. 702). Какъ разбираемый нами обрядъ совершался въ греческой церкви, таковымъ же онъ перешелъ, конечно, и въ славянскіе переводы богослужебныхъ книгъ. Совершеніе его происходило при такой же обстановкѣ. Народъ присутствовалъ при обрядѣ со свѣчами въ рукахъ, но свѣчи эти въ самомъ моментѣ освященія воды не употреблялись и съ ними не соединилось никакого дѣйствія. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ славянскихъ требниковъ, изданномъ г. Гейтлеромъ по рукописи, находящейся въ Синайской библіотекѣ, съ которымъ мы познакомились благодаря описанію его И. Д. Мансветовымъ (въ Приб. къ Твор. Св. От. т. XXXII, стр. 347), при освященіи воды указано только такое священнодѣйствіе: «перекреститъ попъ воду 2 перстомъ і начинаетъ паки попъ прологъ вельми» (т. е. продолжаетъ прерванную молитву). Въ концѣ молитвы погруженіе креста изображается такимъ образомъ: «и потомъ вложитъ крестъ 1 въ воду крестя ими и глаголя во сваку Святыя Троица Отца и Сына и Св. Духа и нынѣ и присно и люди аминь» [2]). Въ нашей древне-русской церкви совершеніе Богоявленскаго обряда

---

[1]) Εἱστήκει κατὰ πᾶσαν πόλιν καὶ χώραν κῆρυξ ἐπὶ τοῦ μετεώρου ἱερεύων τὰ θεῖα καὶ ἁγιάζον τὰ ὕδατα διὰ τῆς ἐπ' αὐτὰ τοῦ θείου Πνεύματος ἐπιφοιτήσεως. (Изъ сочиненій Студина). *Мансветовъ.* Цер. Уст. стр. 106, пр. 2.

[2]) Приб. къ Твор. Св. От. т. XXXII, атр. 354.

въ первые вѣка въ моментѣ освященія воды ограничивалось, несомнѣнно, только этими же двумя дѣйствіями: троекратнымъ благословеніемъ воды священническою рукою и погруженіемъ въ воду св. креста, причемъ послѣднее изъ этихъ дѣйствій въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ служебникахъ указано соединять со словами: «во имя Отца и сына и Св. Духа» (См. служебн. Син. Биб.— по опис. *Горскаго* III, 1. № 345, отъ XIV вѣка). Въ большей части служебниковъ, какіе мы имѣли возможность просмотрѣть, указано для освященія воды благословеніе священническою рукою, а погруженіе креста во всѣхъ. Въ наиболѣе древнемъ служебникѣ (№ 79 Моск. Дух. Акад.—отъ XV в.), какой у насъ былъ, указаны именно только эти два дѣйствія при освященіи воды— и больше никакихъ. Троекратное благословеніе рукою, по этому служебнику, должно совершать при троекратномъ произнесеніи словъ: «Ты убо, человѣколюбче Царю,» и погруженіе креста по окончаніи всей молитвы. Далѣе, тѣже дѣйствія находимъ въ двухъ служебникахъ XVI в. (№№ 86 и 87 М. Д. Ак.), и въ двухъ XVII в. (№№ 183 и 379 Моск. Дух. Ак.), равнымъ образомъ находимъ ихъ и въ первопечатномъ служебникѣ. И такъ, изъ сказаннаго убѣждаемся, что какъ въ древне-греческой церкви, такъ и въ древне-русской освященіе Богоявленской воды совершалось чрезъ благословеніе ея священническою рукою и погруженіе въ нее св. креста, а свѣчамъ въ моментъ освященія не придавалось никакого значенія—по крайней мѣрѣ до XV вѣка, на сколько это видно изъ служебника Москов. Духовн. Акад. № 79. Но при этомъ строго соблюдался обычай стоять со свѣчами, и вотъ этотъ то самый обычай (стоять со свѣчами) и повлекъ за собой нѣкоторыя другія священно-дѣйствія при водоосвященіи, въ которыхъ уже *самой свѣчѣ* стали придавать освящающее значеніе,—и чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе усиливалось это значеніе. Слѣдовательно, эти священнодѣйствія со свѣчею появились уже на чисто національной русской почвѣ безъ всякой связи ихъ съ обрядами греческой церкви: онѣ то, выродившись сами изъ обычая стоять со свѣчами и вообще преимущественно—торжест-

веннаго освѣщенія во время обряда, и повлекли за собой появленіе въ русскихъ служебникахъ слова: «и огнемъ.» Присмотримся же внимательно, какъ могло произойти это.

Умъ и воображеніе русскаго человѣка, издавна наклонныя отличать въ религіи прежде всего обрядовую сторону, а изъ обрядовъ поражающіяся тѣми, которыя отличаются преимущественною торжественностію и блескомъ, естественно, остановились и на обычаѣ присутствовать при освященіи Богоявленской воды со свѣчами. Вѣроятно, на первыхъ-же порахъ богоявленская свѣча стала для русскаго человѣка священной, имѣющей особенное значеніе, тѣмъ болѣе, что самый праздникъ Богоявленія у русскихъ соединялся съ какими-то особенными національными обычаями. Извѣстно, что въ древности около этого времени совершался праздникъ Коляды или новаго года и онъ потомъ былъ соединенъ съ христіанскими празднествами отъ Рождества Христова до Богоявленія. Разныя народныя игры и гаданья этого времени—остатки язычества [1]). Въ Стоглавѣ упоминаются только три такихъ праздника: Ивановъ день, Рождество и Богоявленіе. По замѣчанію собора, въ навечеріе этихъ праздниковъ «сходятся народи-мужи и жены и дѣвицы—на нощное плещеваніе и безчисленный говоръ, на бѣсовскія пѣсни и плясаніе и на богомерзкія дѣла» (въ гл. 41, вопр. 24). То есть подъ праздникъ Богоявленія, подобно какъ подъ Ивановъ день и Рождество, совершались различныя гаданья и игры, соединенныя съ какимъ-то особеннымъ тайнымъ значеніемъ; а это значитъ, что праздникъ Богоявленія былъ у русскаго народа такимъ временемъ, когда народъ заглядывалъ въ свое будущее и употреблялъ для этого тѣ или другіе способы и предметы. По перемѣшенности въ умѣ народа христіанско-религіозной обрядности съ національными языческими обычаями и вѣрованіями, очень часто предметамъ первой придавалось таинственное и важное значеніе только потому, что они употреблялись, такъ сказать, въ таинственное время. Этимъ мы хотимъ доказать не болѣе, какъ только то, что и кромѣ привер-

[1]) Е. Е. *Голубинскій*. Исторія рус. церкви, т. I, втор. пол. стр. 741.

женности народа къ торжественнымъ обрядамъ, еще есть причина, въ силу которой богоявленская свѣча скоро могла получить въ глазахъ русскаго человѣка особенное значеніе [1]). Извѣстно, что еще и доселѣ богоявленская свѣча у русскаго человѣка хранится (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) цѣлый годъ и употребляется въ какихъ либо необыкновенныхъ случаяхъ, какъ средство противъ несчастій. Такъ мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ случаяхъ заболѣванія домашняго скота его обходятъ кругомъ съ иконою Георгія Побѣдоносца и съ богоявленской свѣчей; въ другихъ мѣстностяхъ богоявленскую свѣчу зажигаютъ во время грозы въ предостереженіе отъ несчастій [2]). И такъ, древній обычай стоять во время Богоявленскаго водоосвященія со свѣчами въ связи съ особеннымъ національнымъ характеромъ праздника Богоявленія породилъ въ русскомъ народѣ уваженіе и даже болѣе—какую-то вѣру въ богоявленскую свѣчу. Но все-таки, какъ видѣли изъ болѣе древнихъ требниковъ, до поры до времени свѣчи эти еще не употреблялись при дѣйствіяхъ, сопровождающихъ освященіе воды или въ моментъ ея освященія; для этого нужно было, чтобы уваженіе къ свѣчѣ разрослось,— чтобы она въ глазахъ народа получила еще болѣе важное значеніе, и тогда, естественно, должна была занять первостепенное мѣсто въ обрядѣ. И это не замедлило случиться, и именно въ то время, когда обрядовая сторона получила у насъ крайнее развитіе. На сколько видно изъ просмотрѣнныхъ нами требниковъ, это случилось въ первой половинѣ XVI вѣка. Тогда писцы богослужебныхъ книгъ стали вносить въ обрядъ водоосвященія наиболѣе распространенное убѣжденіе относительно богоявленской свѣчи,

[1]) Извѣстно, что древніе русскіе язычники покланялись огню: „огневи молятся, зовуще его Сварожичемъ“ (Е. Е. *Голубинскій* I, 2, стр. 730 прим.) Слѣдовательно, огонь для русскихъ священъ, такъ сказать, изначала.

[2]) Придаетъ русскій народъ значеніе и другимъ свѣчамъ, употребляемымъ при тѣхъ или иныхъ церковныхъ службахъ. Такъ, въ Тульской губерніи свѣчамъ, употребляемымъ при чтеніи 12-ти евангелій, придаютъ силу предохранять отъ пожара, если только отъ церкви и до дома донести ихъ горящими и потомъ на каждомъ окнѣ покапать воскомъ ихъ.

потому что стали указывать дѣйствіе со свѣчею при произнесеніи самыхъ важныхъ словъ въ молитвѣ водоосвященія. Замѣчательна постепенность, съ какою въ богоявленскомъ обрядѣ благословеніе воды священническою рукою стало замѣняться благословеніемъ ея свѣчею, пока не явилось, наконецъ, погруженіе свѣчи. Сначала въ первой половинѣ XVI вѣка появилось благословеніе воды *рукою* же, но только обязательно *вмѣстѣ со свѣщею*. Это мы видимъ изъ служебника Москов. Дух. Академіи № 85. По замѣчанію И. Д. Мансветова, этотъ служебникъ «болѣе древній изъ XVI вѣка, потому что въ немъ не говорится ни о царяхъ, ни о патріархѣ, а вездѣ о князѣ и о архіепископахъ, слѣдовательно онъ писанъ *до* принятія Иваномъ IV титула царя.» Въ немъ освященіе воды указывается совершать слѣдующимъ образомъ: «дунетъ трижды (т. е. священникъ на воду) и перекреститъ *со свѣщею рукою* трижды» (л. 149 въ служ. № 85). Въ другихъ же болѣе позднихъ служебникахъ XVI вѣка указывается благословеніе прямо «свѣщею:» «посемъ (т. е. послѣ произнесенія словъ: «ты нынѣ, владыко, освяти воду сію»....), говорится въ служебникѣ Моск. Духовн. Акад. № 86, священникъ перекреститъ воду трижды *свѣщею триплетеною*» (л. 115). И такъ, видимъ, что тутъ свѣчѣ приписывается большое значеніе при самомъ моментѣ освященія воды и даже видимъ, что для этого случая употреблялась особенная свѣча — «триплетеная» (сплетенная изъ трехъ отдѣльныхъ свѣчей): изъ вышеуказанныхъ дѣйствій со свѣчею видимъ, что уваженіе къ свѣчѣ возрасло до того, что ей стали приписывать и самое освященіе воды. Но особенно мысль объ освященіи воды *именно* свѣчею выразилась потомъ въ погруженіи зажженной свѣчи въ воду. То есть мы признаемъ, что появленіе обычая погруженія свѣчи при освященіи богоявленской воды совпадаетъ со временемъ наибольшаго развитія уваженія къ богоявленской свѣчѣ и служило выраженіемъ общаго убѣжденія, что вода освящается свѣчею. Наиболѣе распространеннымъ обычай погруженія свѣчей сдѣлался, какъ есть основаніе думать, не ранѣе второй половины XVI вѣка, когда онъ сталъ вытѣснять бо-

лѣе древній уставъ чина богоявленія, по которому полагалось только знаменованіе или благословеніе воды свѣчею [1]). Намъ лично изъ XVI вѣка извѣстенъ собственно только одинъ служебникъ, гдѣ указано погруженіе свѣчей. Этотъ служебникъ принадлежитъ патр. Іову (по опис. Син. Биб. *Горскаго и Нев.* III, 1 № 359, стр. 76); въ немъ при произнесеніи словъ: «Самъ и нынѣ, владыко»..... (слова эти написаны уже съ прибавленіемъ «и огнемъ») указано: «да трижда свѣчами погрузити». Но на основаніи словъ исправителей: «подобаетъ-же и се вѣдати въ старыхъ потребникахъ свѣщь погруженія въ иныхъ писано, въ иныхъ не писано» можно сказать, что такихъ служебниковъ изъ второй половины XVI вѣка было немало. Насѣдка въ сочиненіи въ 40 главъ говоритъ: «въ иныхъ писано переводехъ не погружати, но знаменовати токмо крестообразно» [2]). Это показываетъ, что погруженіе было тогда ни чуть не менѣе, если не болѣе, употребительно, чѣмъ знаменованіе свѣчею. И изъ послѣдующей исторіи священнодѣйствій при водоосвященіи мы увидимъ, что погруженіе было употребительнѣе и держалось на практитѣ дольше. Впрочемъ, и помимо погруженія свѣчи въ воду, мы имѣемъ основаніе утверждать, что къ концу XVI вѣка именно *свѣчамъ* стали усвоять силу освященія воды. Среди рукописей Моск. Синод. Библ. есть «уставъ Сергіева и Кириллова Бѣлоезерскаго монастырей»—конца XVI вѣка. На л. 82/ при описаніи Богоявленскаго освященія воды въ немъ сказано: «у ердана стоятъ діакони по сторонамъ: а *тѣ три свѣчи туто-жъ, которыми свѣтити вода.*» [3]). То есть здѣсь прямо высказывается убѣжденіе, что вода святится тремя свѣчами («тремя и триплетеною» показываетъ, что при освященіи

---

[1]) Обзоръ нѣкоторыхъ особенностей въ чинопослѣдованіяхъ рукописныхъ требниковъ, принадлежащихъ С.-Пет. Дух. Акад., привелъ г. Каратыгина также къ тому выводу, что „*въ древнѣйшихъ* чинахъ уставъ освященія воды свѣчами излагается просто—*и перекреститъ попъ воду свѣщею трижды*—обыкновенный уставъ рукописей XVI в.“ (Христ. Чт. 1877 г., ч. 1, стр. 168).

[2]) Рук. Моск. Син. Биб. № 416, л. 398.

[3]) По опис. Моск. Син. Биб. *Горскаго и Нев.* III, 1, № 400.

воды употреблялись именно три свѣчи). А такъ какъ свѣча при освященіи воды была непремѣнно зажженною (съ огнемъ), да и вообще церковная свѣча имѣетъ полное священное значеніе только тогда, когда она горитъ, то ко времени появленія высказаннаго убѣжденія о богоявленской свѣчѣ (относительно ея освящающаго значенія) и должно пріурочить внесеніе въ молитву Богоявленскаго водоосвященія слова: *и огнемъ*, т. е. слово это было только послѣднимъ и высшимъ выраженіемъ общаго убѣжденія что вода освящается зажженными свѣчами. Убѣжденіе это, постепенно уясняясь, выражалось, какъ мы видѣли, сначала въ обрядѣ знаменованія воды рукою со свѣчею, затѣмъ самою свѣчею, потомъ въ обрядѣ погруженія свѣчей въ воду, а наконецъ оно выразилось въ словахъ самой молитвы (въ словѣ *и огнемъ*). У Насѣдки (въ соч. въ 40 главъ) мысль о существованіи въ народѣ убѣжденія, что вода святится свѣчами и что именно *вслѣдствіе этого* нужно прибавлять слово: *и огнемъ*, высказана ясно и прямо: «нѣцыи, говоритъ онъ, нынѣ мнятъ, еже свѣщъ погруженіемъ освящатися водѣ богоявленской *и того ради* глаголати..... и огнемъ» [1]). Наконецъ, что появленіе въ потребникахъ слова *и ог-*

---

[1]) Рук, Син. Биб. № 416, л. 380 об. и 381. Въ нѣкоторыхъ служебникахъ встрѣчается при освященіи воды еще дѣйствіе дуновенія на воду, и оно указывается при произнесеніи тѣхъ словъ молитвы, гдѣ призывается или только упоминается Духъ Святый. Такъ, въ служебникѣ М. Д. Ак. № 86 дуновеніе на воду указано дважды: 1) по окончаніи тайной молитвы «Господи Іисусе Христе, единородный Сыне,» которая оканчивается словами: «Тебѣ подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе съ безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и со Пресвятымъ, благимъ и Животворящимъ Твоимъ *Духомъ* и 2) при словахъ молитвы: «Ты бо еси Богъ нашъ, обновивый водою и Духомъ» (и дунетъ попъ на воду трижды) и послѣ дуновенія продолжаетъ слова молитвы: «обетшавшій родъ нашъ». Въ служ. № 85 дуновеніе указано послѣ словъ: «Ты и нынѣ, владыко, освяти воду сію, Духомъ Твоимъ Святымъ» (и дунетъ трижды и перекреститъ со свѣщею рукою трижды). Появленіе дуновенія можно объяснить, между прочимъ, тѣмъ, что хотѣли выразить въ дѣйствіи то, что выражали словами (духъ—дуновеніе). По отношенію къ слову *и огнемъ* совершилось обратное: огонь употреблялся сначала въ дѣйствіи, а потомъ, что выражалось въ дѣйствіи

немъ находится въ самой тѣсной связи съ обычаемъ стоять при богоявленскомъ водоосвященіи съ горящими свѣчами и выродилось изъ постепенно развивавшагося присвоенія богоявленской свѣчѣ особенной силы и значенія, видно особенно изъ того, что по уничтоженіи слова *и огнемъ* въ народѣ стали говорить: «если *огня* на освященіи богоявленскія воды не поминати, то убо и свѣчъ въ церковь не вносити и на воду съ ними не ходити». Говорили тогда такъ, потому что сливали въ одномъ понятіи освященіе воды свѣчами и огнемъ: не зная историческаго происхожденія послѣдняго слова, тогда представляли, что свѣчи при освященіи потому только и употребляются, что вода должна освящаться *и огнемъ*. Такимъ образомъ, два разновременныя явленія — употребленіе свѣчей и слово *и огнемъ*, одно изъ которыхъ существовало раньше безъ другаго, стали представлять не отдѣлимыми одно отъ другаго. Гдѣ причина подобнаго представленія, какъ не въ томъ, что слово *и огнемъ* было прямымъ и въ тоже время послѣднимъ выраженіемъ присвоенія свѣчѣ особенной силы и сознанія, что вода освящается именно горящими свѣчами. Иначе-бы не стали тогда думать, что съ уничтоженіемъ прилога долженъ прекратить свое существованіе древнѣйшій обычай стоять при водоосвященіи со свѣчами.

Вотъ наиболѣе вѣроятное объясненіе появленія прилога въ молитвѣ водоосвященія въ болѣе раннихъ служебникахъ на поляхъ и поверхъ строки, а въ послѣдующихъ въ строку. Изъ девяти служебниковъ (кромѣ первопечатнаго) М. Д. А., просмотрѣнныхъ нами, въ одномъ XVI вѣка прилогъ *и огнемъ* прибавленъ на поляхъ другою рукою, и при томъ при произнесеніи не тѣхъ словъ, при которыхъ онъ потомъ обыкновенно присовокуплялся: вмѣсто того, чтобы присоединить его къ словамъ «самъ и нынѣ

стали выражать и словами, такъ что внесеніе слова *и огнемъ*, при указаніи дуновенія и знаменованія воды свѣчами или погруженія ихъ въ воду, было какъ-бы дополненіемъ чего-то не достающаго, т. е. одному дѣйствію— дуновенію—было соотвѣтствующее слово—Духъ, а дѣйствію со свѣчами такого слова не доставало,—и вотъ оно явилось.

Владыко»,... онъ присоединенъ къ словамъ: «Ты убо, человѣколюбче царю, пріиди и нынѣ пришествія ради святаго Твоего Духа и освяти воду сію», а на поляхъ: «Духомъ Святымъ и огнемъ» (См. Служ. М. А. № 87, л. 164 и об.). Съ подобнымъ-же присоединеніемъ прилога находится служебникъ XVI вѣка въ Синод. Моск. Биб., въ которомъ на полѣ позднѣе другимъ почеркомъ къ словамъ: «Самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ» прибавлено: «и огнемъ». (Опис рук. М. Син. Биб. *Горскаго и Нев.* III, 1 № 354). Изъ этихъ двухъ служебниковъ не видно, чтобы слово *и огнемъ* въ XVI в. прямо при писаніи служебника вносилось въ молитвѣ въ строку, оно внесено въ нихъ на поляхъ другою рукою. Слѣдовательно, служебники эти писаны ранѣе, такъ сказать, окончательнаго водворенія въ молитвѣ водоосвященія слова *и огнемъ*. Но на основаніи вышеупомянутаго служебника патр. Іова (изъ XVI вѣка), гдѣ слово это внесено прямо въ строку, а равнымъ образомъ на томъ основаніи, что оно въ самомъ началѣ XVII вѣка внесено въ печатный, слѣдовательно для послѣдняго служебника были образцы въ этомъ отношеніи изъ XVI вѣка, должно заключить, что слово *и огнемъ* окончательно водворилось у насъ во второй половинѣ XVI в. [1]). Изложимъ теперь коротко исторію этого слова и освященія воды свѣчами послѣ окончательнаго водворенія его въ чинѣ. Въ двухъ письменныхъ служебникахъ М. Д Ак. начала XVII в. (№№ 183 и 379) слово *и огнемъ* написано уже въ строку, —и при томъ въ одномъ изъ нихъ—въ № 379 оно употреблено въ двухъ мѣстахъ—при словахъ: «Ты убо человѣколюбче» и при «Самъ и нынѣ», въ № 183 (Діонисіевъ потребникъ) оно употреблено только при словахъ: «Самъ и нынѣ» и потомъ зачеркнуто. Замѣчательно, впрочемъ, что въ послѣднихъ двухъ служебникахъ не указано съ произнесеніемъ святительныхъ словъ («Самъ и нынѣ») соединять никакого дѣйствія: ни дуновенія, ни погруженія свѣчей,

---

[1]) Среди рукописей Хлудовской библіотеки есть служебникъ самаго начала XVII вѣка (1602—1603) скорописью; въ немъ слово *и огнемъ* написано уже въ строку (см. Опис. рук. и кат. печ. Хлуд. № 115 стр. 274).

ни знаменованія воды свѣчами [1]). Но это не значитъ, что къ тому времени ни одно изъ этихъ дѣйствій не стало уже употребляться. Печатный служебникъ указываетъ дѣйствія дуновенія и знаменованія воды свѣчами. А такъ какъ для печати избирался списокъ служебника все-таки болѣе исправный и вѣрный (сообразно съ тогдашнимъ представленіемъ о томъ), то нужно признать что эти дѣйствія были тогда вполнѣ употребительны. Во второй разъ служебникъ былъ печатанъ въ 1616 году. Слово *и огнемъ*, конечно, и въ немъ было напечатано, но что касается священнодѣйствій, то вѣроятнѣе признать, что въ немъ было указано погруженіе свѣчей, потому что патр. Филаретъ въ 1625 году въ грамотѣ своей писалъ: «прилогъ огня оставить, а кромѣ прилогу огня всему быти чину и *свѣчамъ погруженію*, какъ писано въ служебникахъ *печатныхъ*» (разумѣются, слѣдовательно, служебники 1616 года, потому что въ служебникахъ 1602 года писано не погруженіе, а знаменованіе). Можно допустить такое предположеніе относительно обычаевъ знаменованія и погруженія свѣчей. Какъ видно изъ вышесказаннаго, за нѣсколько времени до патр. Іова и при немъ оба эти обычая встрѣчались въ служебникахъ, т. е. въ нѣкоторыхъ указываемо было погруженіе, а въ другихъ знаменованіе Въ первопечатный служебникъ изъ двухъ этихъ обычаевъ *почему-то* предпочли внести знаменованіе. Между тѣмъ какъ на практикѣ большее примѣненіе имѣло погруженіе. О погруженіи свѣчей при водоосвященіи въ самомъ началѣ XVII в. (1603 г.) сохранилось, между прочимъ, слѣдующее свидѣтельство иностраннаго писателя. Авторъ «описанія путешествія Датскаго принца Ганса» отъ 1603 г. говоритъ о Богоявленскомъ водоосвященіи, что «послѣ чтенія Евангелія царь поцѣловалъ его, послѣ того патріархъ сошелъ къ водѣ и сталъ читать *громко* (веліимъ гласомъ: велій еси Господи) по книгѣ, а во время чтенія ходилъ архіерей съ золотымъ кадиломъ и кадилъ со всѣхъ 4-хъ сторонъ воду, а потомъ царя и молодаго государя, патріарха и весь народъ; послѣ того патріахъ взялъ

[1]) Только въ служебникѣ № 379 со словами: „Ты убо человѣколюбче царю“ указано соединять дѣйствіе троекратнаго благословенія воды рукою.

золотой крестъ, погрузилъ его въ воду, началъ читать и тотчасъ-же опустилъ въ воду горящую свѣчу, отчего она и погасла; затѣмъ онъ опустилъ еще и также погасилъ другую свѣчу, тоже самое сдѣлалъ и въ третій разъ Тутъ взялъ онъ и погасилъ разомъ нѣсколько свѣчъ; а послѣ того погрузилъ въ воду множество связанныхъ вмѣстѣ и зажженныхъ свѣчъ За симъ онъ почиталъ немного и вынулъ крестъ опять изъ воды». Сообразуясь съ большею употребительностію погруженія, митр. Іона при вторичномъ печатаніи служебника и велѣлъ внести въ чинъ Богоявленскаго водоосвященія этотъ обрядъ вмѣсто знаменованія свѣчами, указаннаго въ первопечатномъ служебникѣ. Мы знаемъ затѣмъ, что обычай погруженія долгое время держался и потомъ; слѣдовательно, онъ тверже привился въ церковной практикѣ и получилъ полное преобладаніе надъ обычаемъ знаменованія: онъ существовалъ до собора 1667 года, который запретилъ погруженіе свѣчей при самомъ освященіи воды, а дозволилъ его только по освященіи [1]). Но мы забѣгаемъ нѣсколько впередъ.

Когда въ силу выясненныхъ причинъ слово «*и огнемъ*» окончательно водворилось въ нашихъ служебникахъ, тогда книжники наши искусно подъискали изъ Св. Писанія и писаній св. отцевъ теоретическія основанія, доказывающія яко-бы умѣстность и правильность этого слова въ молитвѣ Богоявленскаго водоосвященія. Главное изъ основаній, на которое ссылались тогда всѣ защитники слова «и огнемъ,» заключается въ словахъ Предтечи объ Іисусѣ Христѣ: Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ (Лук. 3, 16). Затѣмъ, ссылались на Учительное Евангеліе, въ которомъ «творцы и списатели написали отъ Предтечева лица ко Господу сице: како тя крещу, владыко, крещающаго Духомъ

---

[1]) Впрочемъ, еще ранѣе въ «Уставѣ церковныхъ обрядовъ, совершавшихся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ около 1634 г.,» погруженіе свѣчей указывается также послѣ освященія воды крестомъ. Тамъ говорится: «и освятитъ (патріархъ) воду крестомъ, да погружаетъ свѣчи Государевы и мірскіе". (Рус. Истор. Библіотека, т. III, стр. 47—49).

Святымъ и огнемъ» [1]). Нѣкоторые-же обосновывались еще на словахъ Діонисія Ареопагита, который, между прочимъ, говоритъ, что «добре убо огнь Божеству уподобляется.» [2]). Если-же, по Діонисію, имя огонь прилично прилагать къ Богу, то, заключали отсюда сторонники слова «и огнемъ», «достоитъ глаголати: самъ человѣколюбче царю..... освяти воду сію Духомъ Святымъ и огнемъ» [3]). Наконецъ, находились и такіе, которые заимствовали основаніе для прилога изъ канона на день св. Іоанна Предтечи, гдѣ, между прочимъ, объ Іисусѣ Христѣ говорится, что Онъ «первіе крестилъ человѣки Духомъ Святымъ и огнемъ» [4]). Всѣ эти основанія сообщили новому слову высшую санкцію: послѣ этого переписчики и издатели книгъ безъ всякихъ уже колебаній вносили его въ извѣстную молитву. Намъ могутъ возразить, что и первоначальное появленіе прилога было обязано только этимъ-же основаніемъ: какой нибудь книжникъ, руководясь именно извѣстными словами Евангелія отъ Луки, вписалъ его сначала въ одинъ служебникъ, а потомъ онъ постепенно распространился по другимъ служебникамъ Но вѣдь въ такомъ случаѣ слово это, если не вдругъ, то тоже постепенно появилось-бы не только въ молитвѣ Богоявленскаго водоосвященія, но и при всѣхъ случаяхъ водоосвященія, особенно-же при водоосвященіи въ чинѣ крещенія, потому что въ послѣднемъ случаѣ читается таже молитва, какая и при Богоявленскомъ водоосвященіи. Тотъ или другой писецъ не имѣлъ бы никакихъ побужденій въ одномъ мѣстѣ вписать это слово, а въ другомъ такомъ-же мѣстѣ не вписывать; напротивъ даже на основаніи словъ Предтечи писцамъ было больше побужденія внести этотъ прилогъ прежде всего въ чинѣ крещенія, а не Богоявленія, потому что Предтеча говорилъ именно *о крещеніи* Христомъ людей Духомъ и огнемъ. Почему-же однако этого не случилось? Почему приложивъ въ одномъ мѣстѣ слово «и ог-

---

[1]) Рук. Моск. Синод. Биб. № 416, л. 381 об.

[2]) ibid. л. 383.

[3]) Ibid.

[4]) ibid, л. 381 об.

немъ» на извѣстныхъ основаніяхъ, въ другомъ—при тождественности основаній—писцы этого слова не прикладывали? Это было-бы не объяснимо, если-бы, дѣйствительно, оно было внесено въ молитву Богоявленія на основаніи только словъ Предтечи о Христѣ. Но дѣло станетъ вполнѣ понятнымъ, когда мы признаемъ, что первоначальное появленіе слова «*и огнемъ*» обусловлено было иными причинами, которыя, дѣйствуя при Богоявленскомъ водоосвященіи, не имѣли мѣста въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Вѣдь только при Богоявленскомъ водоосвященіи употреблялось преимущественно торжественное освѣщеніе, только тогда весь народъ стоялъ съ зажженными свѣчами и только *богоявленской* свѣчѣ русскій народъ, въ силу выясненныхъ нами причинъ, сталъ усвоять особенно важное значеніе, легшее въ основу сознанія, что вода освящается свѣчей, или огнемъ. Признавая, что вслѣдствіе именно такихъ условій появилось въ молитвѣ Богоявленскаго водоосвященія слово «и огнемъ,» мы вполнѣ поймемъ, почему русскіе книжники въ силу извѣстныхъ теоретическихъ основаній не внесли его въ другихъ случаяхъ, гдѣ ему должно-бы быть. Это произошло не иначе, какъ только отъ того, что они подъискивали теоретическія основанія уже *явившемуся* въ молитвѣ слову (внесенному въ чинъ раньше и по инымъ побужденіямъ) и вовсе не думали вносить что-либо новое въ книги: они хотѣли только *оправдать*, придать высшую санкцію новому слову. Замѣчательно, что во многихъ служебникахъ и требникахъ погруженіе свѣчей въ воду было указано и при водоосвященіи въ чинѣ крещенія, и однако это не повлекло за собой появленія въ этомъ чинѣ слова «и огнемъ.» «Въ крещеніи же всемірномъ, говоритъ Насѣдка, есть написано свѣщи погружати, но не писано въ томъ мѣстѣ «*и огнемъ*» [1]). Это опять объясняется только тѣмъ, что крещенской свѣчѣ не *придавали* такого важнаго значенія, какъ богоявленской, а потому и погруженіе ея въ воду не могло имѣть того значенія, какъ погруженіе

[1]) Рук. Моск. Син. Биб. № 416, л. 398.

свѣчи богоявленской. Отсюда и объясняется отсутствіе слова «и огнемъ» въ молитвѣ водоосвященія въ чинѣ крещенія.

Изъ сказаннаго видно, что хотя слово «и огнемъ» явилось въ довольно позднее время, однако почва, на которой оно родилось, была подготовлена гораздо раньше и была на столько сродной духу русскаго народа, что слово это стало почитаться чѣмъ-то неотдѣлимымъ отъ обряда, такъ что уничтоженіе его въ молитвѣ съ точки зрѣнія тогдашнихъ книжныхъ людей должно было влечь прекращеніе употребленія свѣчей при обрядѣ, и даже уничтоженіе самаго обряда. Все это, конечно, болѣе или менѣе понимали исправители Троицкіе, и однако въ интересахъ истины нашли необходимымъ вычеркнуть это слово, при чемъ, по собственному ихъ свидѣтельству, они руководились слѣдующими данными и соображеніями. Во всѣхъ потребникахъ старыхъ письменныхъ и харатейныхъ, бывшихъ у нихъ подъ руками, слова «и огнемъ» — не было, — и только въ двухъ изъ нихъ слово это было вписано кѣмъ то *послѣ:* «въ одномъ приписано на полѣ, а въ другомъ по верхъ строки приписано» [1]). Въ печатномъ же оно вставлено въ строку. А такъ какъ, по соображеніямъ исправителей, «достоитъ вѣровати многимъ свидѣтелемъ, а не одному противъ тысящъ» [2]), и такъ какъ съ другой стороны печатный требникъ стоитъ по отношенію къ древнимъ письменнымъ, какъ внука «къ бабѣ и прабабѣ» [3]), то они и исключили слово «и огнемъ» изъ потребника Слова Крестителя объ Іисусѣ Христѣ (Лук. 3, 16), приводимыя въ подтвержденіе правильности этого слова, исправители, согласно съ пониманіемъ ихъ св. отцами, истолковали въ томъ смыслѣ, что подъ огненнымъ крещеніемъ въ нихъ нужно разумѣть будущее вѣчное мученіе грѣшниковъ [4]).

---

[1]) Рукоп. Троицк. Лавр. Биб. № 700, л, 296 об. и 297. Указаніе на потребники съ подобными приписками см. выше стр. 226—227.

[2]) Рук. Троиц. Лавр. Биб. № 700, л. 134—слова Діонисія.

[3]) ibid, л. 215 об.—слова Насѣдки.

[4]) Другіе доводы, которыми оправдывали справщики свои поправки, мы укажемъ ниже.

Вторая важная поправка, сдѣланная въ служебникѣ нашими исправителями, коснулась приготовительныхъ къ литургіи молитвъ, именно они исключили изъ печатнаго служебника 1602 г. двѣ молитвы, которыми священникъ предъ литургіею разрѣшалъ самъ себя отъ грѣховъ. «Молитва прощальная, читаемъ въ старопечатномъ служебникѣ, глаголема отъ архіерея или отъ духовнаго отца, хотящему причаститися божественныхъ и животворящихъ Таинъ, и сгда служити іерею божественная литургія, глаголетъ сію молитву за ся: Гдѝ Іс҃е Хс҃е Боже нашъ, Сн҃е и Слове Бг҃а живаго..... молитва вторая тому-же: Гдь премилостивый да ѹщедритъ мѧ Гдь Іс҃ъ Хс҃ъ.» Эти молитвы, говоритъ Арсеній, «взяты изъ исповѣданія, глаголются онѣ отъ духовнаго отца по исповѣданіи сыну духовному въ разрѣшеніе ко второму лицу, а въ служебникахъ печатныхъ тѣ молитвы переведены на первое лице,—на священническое, самъ себе священникъ прощаетъ тѣми молитвами, ино къ тому и дѣтемъ на смѣхъ, чтобы самому себя разрѣшити отъ грѣховъ» [1]). Это «новоумышленіе,» потому что «въ старыхъ служебникахъ, въ добрыхъ переводѣхъ тѣхъ молитвъ нѣтъ» [2]), да и тамъ, откуда они взяты, имъ не слѣдуетъ быть. Написалъ ихъ, вѣроятно, какой нибудь «не прямо церковный человѣкъ, но ласкатель нѣкто и тщія славы пріобрѣтатель» [3]). На основаніи такихъ соображеній наши исправители и исключили упомянутыя молитвы изъ печатнаго служебника,—и они въ данномъ случаѣ были какъ нельзя болѣе справедливы, въ чемъ мы убѣждаемся изъ разсмотрѣнія разныхъ служебниковъ XII—XVII в.в. Просматривая служебникм Московской Синодальной Библіотеки по ихъ «описанію» и Московской Духовной Академіи въ ихъ подлинникахъ, мы нашли въ нихъ крайнее разногласіе въ указаніи приготовительныхъ къ литургіи молитвъ. Всего такихъ молитвъ мы насчитали до восьми: 1) Владыко Господи Боже вседержителю, не хотяй смерти грѣшниковъ, 2) Владыко Господи Боже нашъ, нынѣ хо-

---

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 309 об.

[2]) ibid.

[3]) ibid, л. 310 об.

тяща приступити къ страшнѣй Ти и чуднѣй тайнѣ; 3) Молю Тя, Господи, отъими отъ мене беззаконія моя; 4) Господи Боже нашъ единъ благъ и человѣколюбецъ, единъ святъ; 5) Господи Іисусе Христе Боже нашъ, Сыне и Слове Бога живаго; 6) Господь премилостивый да ущедритъ мя (тя); 7) Исповѣданіе іерею предъ службою; нач: исповѣдую Богу царю небесному и пречистѣй его Матери; 8) Владыко Господи Боже прости ми грѣшному и не помяни беззаконій моихъ. Въ нѣкоторыхъ изъ служебниковъ помѣщены первыя три изъ этихъ молитвъ (см., напр., служебники по опис. рук. Син. Биб. №№ 342, 345 и 348 и служебникъ М. Д. Ак. № 87); въ нѣкоторыхъ первыя двѣ (№ 343: 2-я другою рукою, а первая послѣ чинопослѣдованія литургіи); въ иныхъ находится даже только одна молитва (Син. служ: № 350 и 358 и М. Д. Ак. № 86). Наибольшее число молитвъ находится въ служебникахъ Моск. Син. Биб. №№ 366 и 367 и М. Д. Ак. № 183 (Діонисія служ.); но эти служебники относятся уже къ болѣе позднему времени: первый изъ нихъ конца XVI вѣка, а два послѣдніе начала XVII вѣка. Кромѣ разнообразія въ самыхъ молитвахъ, въ служебникахъ замѣчается еще разнообразіе въ расположеніи ихъ, т. е. въ порядкѣ ихъ чтенія Все это ясно показываетъ, что въ древней русской церкви до XVII вѣка не существовало одного опредѣленнаго устава относительно приготовительныхъ къ литургіи молитвъ. По замѣчанію И. Д. Мансветова, «уставъ Кипріана, опредѣливъ въ общихъ чертахъ требованія, обязательныя отъ служащаго священника, сослался на обычное правило и ограничился *одною* молитвою; но такого сжатаго изложенія впослѣдствіи оказалось недостаточно и стали записывать по прежнему цѣлый рядъ приготовительныхъ молитвъ, тѣмъ болѣе, что они сами собою предполагались уставомъ Кипріана» [1]). Но все-таки отсюда нельзя заключать, что въ употребленіи этихъ молитвъ было полное безразличіе; напротивъ изъ служебниковъ

---

[1]) *Мансветовъ*. Митр. Киріанъ стр. 36. См. о томъ же въ Брат. Сл. 1878 г. I, отд. II стр. 55—58 въ статьѣ іер. Филарета „Чинъ литургіи св. Іоанна Златоуста“.

видно, что одни изъ этихъ молитвъ употреблялись съ древнихъ временъ и были очень распространенными, а другія и явились поздно и были въ маломъ употребленіи. Такъ въ наибольшемъ числѣ служебниковъ,—и при томъ болѣе древнихъ указана молитва: «Владыко Господи Вседержителю»; она находится въ двухъ служебникахъ XII в. (въ служебникахъ Антонія Римл. и чудотворца Варлаама), затѣмъ въ двухъ служебникахъ XIV в. (Синод. № 345 и 347—служеб. преп. Сергія), въ служебникѣ 1400 года (№ 348), въ шести служебникахъ XVI в. (№№ 355, 357, 360 и 366; М. Д. Ак. №№ 85 и 87), и въ двухъ XVII в. (Синод. № 367 и Діонисіевъ служебникъ). Затѣмъ, слѣдуютъ по степени древности молитвы 2-я, 3-я и 4-я. Что же касается двухъ прощальныхъ молитвъ, которыя исправители вычеркнули изъ печатнаго служебника, то одна изъ нихъ (Господи Іисусе Христе Боже нашъ) находится въ трехъ служебникахъ Синод Библіотеки (№№ 349 XV в., 356 и 362 - XVI в.) и въ одномъ М. Д. Ак. (№ 183), другая же въ одномъ Синодальномъ (№ 356) и въ Діонисіевомъ. Но въ служебникѣ № 349 молитва «Господи Іисусе Христе» находится въ чинѣ исповѣди, а не тамъ, гдѣ въ печатномъ, и исчисленіе грѣховъ написано отъ третьяго лица; въ служебникѣ № 356 она была сначала написана также на третье лице, и только потомъ поправлена на первое, такъ что выходитъ, что разрѣшающій самъ и каялся; при чемъ и находится она не въ чинѣ литургіи, слѣдовательно не была въ числѣ приготовительныхъ къ литургіи молитвъ. Молитва-же «Господь премилостивый», слѣдующая въ этомъ служебникѣ за предъидущей молитвой, какъ написана, такъ и осталась на второе лице (да ущедритъ тя). Въ служебникѣ № 362, съ котораго собственно былъ напечатанъ служебникъ 1602 года, написана молитва «Господи Іисусе Христе» и *поправлена* съ третьяго на первое лицо. Что-же касается, наконецъ, Діонисіева потребника, то онъ позднѣйшаго происхожденія и написанъ, вѣроятно, послѣ печатнаго, такъ что присутствіе въ немъ разсматриваемыхъ молитвъ ничего не говоритъ въ пользу ихъ. Изъ всего сказаннаго можно заключить

что вымаранныя исправителями двѣ молитвы во-все не употреблялись въ древности въ качествѣ приготовительныхъ къ литургіи, и появленіе ихъ въ печатномъ служебникѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ тутъ напечатаны, обязано исключительно тому справщику, который исправлялъ служебникъ № 362 для печати, и потому наши исправители были, какъ нельзя болѣе справедливы, когда говорили, что это «новоумышленіе» [1]).

Наконецъ, кромѣ указанныхъ исправленій, исправители наши вписали въ требникъ молитву (храминѣ, «сыскавъ ее въ старыхъ потребникахъ», тогда какъ въ печатномъ ея не было. Свидѣтельство объ этомъ сохранилось только у Насѣдки, при чемъ оно высказано имъ какъ-то мимоходомъ, случайно, почему изслѣдователи исправленія книгъ доселѣ опускали изъ вниманія это обстоятельство. Чѣмъ руководились исправители, вписывая эту молитву въ требникъ—неизвѣстно [2]). Можетъ быть, они признали ее одною изъ тѣхъ «нужнѣйшихъ потребныхъ вещей», безъ которыхъ «священному чину и всѣмъ православнымъ христіанамъ быть нельзя», и которыя потому имъ велѣно было грамотою собрать въ одну книгу [3]).

ТРІОДЬ ЦВѢТНАЯ.

Въ Цвѣтной Тріоди Троицкіе исправители усмотрѣли слѣдующія неправильности:

1) Въ службѣ на св. Пасху стихъ: «во гробѣ плотски, во адѣ-же съ душею» имъ показался неправильнымъ. Не зная того, сложенъ-ли такъ этотъ стихъ отъ древнихъ творцовъ, или «отъ

[1]) Не смотря на такое справедливое указаніе нашихъ исправителей, эти молитвы были печатаемы и потомъ во всѣхъ служебникахъ (см., напр., служебники 1630, 1637, 1640 и 1652 годовъ).

[2]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 182 и об.

[3]) Не есть-ли это молитва, помѣщенная, дѣйствительно, въ древнемъ синодальномъ требникѣ (№ 371) подъ названіемъ: «молитва, вцегда начати храмину здати».

переводчиковъ въ самыхъ тѣхъ грекахъ не совершенъ есть, или отъ грековъ у насъ перемѣнился», они все-таки нашли нужнымъ для соотвѣтствія съ дальнѣйшими выраженіями стиха перемѣнить его такъ: «во гробѣ *съ* плотію, во адѣ же съ душою и т д.». Въ данномъ случаѣ они руководились еще слѣдующими словами Синоксаря въ Субботу великую: «сниде убо Божіе Слово *съ* тѣломъ въ гробъ, сходитъ же и во адъ» и т. д., а также тѣмъ, что если написать *плотски*, а не *съ плотію*, то выйдетъ, что «Слово Божіе раздѣлися отъ плоти и отступи отъ нея», но такое мнѣніе свойственно только «неправовѣрнымъ манихеямъ, которые признаютъ въ Іисусѣ Христѣ два Сына: Сына Божія и сына Маріина» [1]).

2) Далѣе, исправители нашли, что въ троичномъ 6-й пѣсни канона въ среду четвертой недѣли воспѣвается «три существа во св. Троицѣ», что «способствуетъ Аріевой ереси» [2]). Въ чемъ собственно заключалась грамматическая неправильность этого троичнаго и какъ его исправили исправители, они о томъ въ своихъ рѣчахъ не говорятъ. Несомнѣнно, была допущена какая нибудь неправильность въ послѣднихъ словахъ троичнаго: «вси славимъ, Отца и Сына и св. Духа. *яко три сущее*, и едино». Подобную-же неправильность, наводящую также на аріанскую мысль, они усмотрѣли въ четвертой пѣсни канона на пятидесятницу, гдѣ эта неправильность произошла, по свидѣтельству исправителей, отъ точки, не у мѣста поставленной («разсѣчено токмо точкою, и вси знаютъ, и вси небрегутъ» [3]).

3) Нашли, наконецъ, нужнымъ исправить въ Синоксаряхъ счетъ недѣль. Въ тогдашнихъ изданіяхъ «недѣли въ синоксаряхъ

---

[1]) Рукоп. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 211—213. Тутъ исправители увлеклись исканіемъ соотвѣтствія въ выраженіяхъ.

[2]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 310.

[3]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 181 и об. Къ сожалѣнію, мы не могли достать старопечатной Цвѣтной Тріоди, и потому не могли провѣрить найденную исправителями неправильность въ обоихъ указанныхъ ими мѣстахъ. Въ настоящихъ же изданіяхъ Цв. Тріоди въ 4-й пѣсни канона пятидесятницы—нѣтъ ни одной точки въ срединѣ.

были вси перемѣшаны *не противъ старыхъ переводовъ* и не противъ синоксарей, якоже въ синоксарехъ писано въ первую недѣлю по Пасцѣ въ пятдесятный день о седморичномъ числѣ и не противъ Пасхалей и осмогласника» [1]). Гдѣ слѣдовало быть второй недѣлѣ по Пасцѣ, тамъ поставлена была третія, — и такъ до седьмой «перемѣнено».

ОКТОИХЪ.

1) Въ богородичнѣ 2-го гласа: «прейде сѣнь законная» исправители признали неправильно разставленными знаки препинанія. Напечатано было такъ: «яко же бо купина не сгораше распаляющись, тако и дѣвая родила есть и дѣвою пребысть. Вмѣсто столпа огненнаго праведное возсія солнце. Вмѣсто Моисея Христосъ во спасеніе душамъ нашимъ». При такой разстановкѣ знаковъ исправителямъ показалось непонятнымъ то, кто въ богородичнѣ называется праведнымъ солнцемъ, а потому они исправили это мѣсто такъ: «якоже бо купина не сгораше распаляющись, тако и дѣвая родила есть. И дѣва пребысть вмѣсто столпа огненнаго. Праведное возсія солнце вмѣсто Моисея Христосъ, во спасеніе душамъ нашимъ». Въ данномъ случаѣ исправители сами впали въ погрѣшность вслѣдствіе не вполнѣ правильнаго пониманія смысла богородичнаго [2]).

2) Въ догматикѣ 3-го гласа: «како не дивимся» неправильно были напечатаны слова: «во обоемъ существѣ *свойство* цѣло сохранна». Исправители исправили единственное число: свойство на множественное: *свойства*, потому что, какъ они говорятъ,

---

[1]) Рук. Троиц. Лавр. Биб. № 700, л. 310 л. об.; также л. 198 об. и 199.

[2]) Въ нынѣшнихъ изданіяхъ октоиха богородиченъ этотъ читается ближе къ тексту старопечатнаго Октоиха, исправленнаго Діонисіемъ.

«двѣ убо во Христѣ дѣтели и два хотѣній; единосущенъ бо Богу и Отцу, самовластно хочетъ и дѣяти, яко Богъ, единосущенъ же сый и намъ, самовластно хощетъ и дѣяти, яко человѣкъ, а не едино свойство во двою существу, якоже печатаютъ, и тѣмъ единѣмъ свойствомъ двѣ естествѣ во Христѣ смѣшаютъ и смущаютъ, и се есть чуже православной вѣрѣ» [1]).

3) Въ девятой пѣсни воскреснаго канона 6-го гласа исправители усмотрѣли неправильно поставленную запятую въ словахъ: «тлю смертную пріемъ тлѣніемъ, соблюдъ тѣло свое не вкушено». Запятую послѣ слова: «тлѣніемъ» они перенесли выше, т. е. написали: «тлю смертную пріемъ, тлѣніемъ соблюдъ тѣло свое не вкушено». Иначе, разсуждали они, непонятно, «*чимъ* не вкушено» [2]). Въ изданіи Октоиха 1631 года это мѣсто напечатано дѣйствительно такъ, какъ исправили Троицкіе исправители (См. Октоихъ 1631 года 5—8 гласы, листъ 141).

4) Въ воскресномъ канонѣ 7-го гласа въ первомъ тропарѣ неправильно былъ напечатанъ стихъ: «тѣмъ же князь тмѣ, Тебе не удолѣвъ *въ неправду* изгнанъ бысть.» Исправители поправили это мѣсто такъ: «тѣмъ же князь тмы, Тебе не удолѣвъ *въ правду* изгнанъ бысть.» Въ данномъ случаѣ они руководились простымъ здравымъ смысломъ. И дѣйствительно, въ вышеупомянутомъ Октоихѣ 1631 года это мѣсто напечатано такъ, какъ они исправили (См. л. 238).

5) Въ томъ же воскресномъ канонѣ въ осьмой пѣсни въ печатномъ Октоихѣ стихъ былъ испорченъ запятой. Напечатано: «безъ истлѣнія, не сущи къ страстемъ пріятна Зиждителемъ плоть наша». Запятую зъѣсь исправители уничтожили, такъ какъ вслѣдствіе ея выходитъ богопротивная мысль, что «Сынъ Божій не пострадалъ плотію на крестѣ, ниже умеръ» [3]). Но въ Октоихѣ

---

[1]) Рук. Троиц. Лавр. Биб. № 700, л. 310 об. и 311.

[2]) ibid, л. 311.

[3]) Рукоп. Троицк. Лавр. Биб. № 700, л. 310 об. и 311.

1631 года стихъ этотъ напечатанъ съ запятой, перенесенной только черезъ слово, именно: безъ истлѣнія не сущи, къ страстемъ пріятна Зиждителемъ плоть наша (л. 243 об.).

ОБЩАЯ МИНЕЯ.

Не смотря на то, что Общую Минею, по справедливому свидѣтельству исправителей, печатали до 1610 года уже трижды, однако ни однажды не исправляли. А потому и въ этой книгѣ найдено ими довольно погрѣшностей.

1) Во первыхъ, въ общей службѣ архангеламъ, на вечерни въ славникѣ было напечатано: «явѣ яко вещественъ невещественнаго зря». Такъ какъ рѣчь здѣсь объ ангелахъ, то исправители исправили это мѣсто такъ: явѣ яко *невещественъ* невещественнаго зря.

2) Въ пареміи въ службѣ Богородицѣ неправильно были напечатаны слова: «изыде Іаковъ отъ студенца клятвеннаго и иде въ Харрань, и обрѣте мѣсто и *ста* ту». Вмѣсто: ста ту нужно напечатать: и *спа* ту.

3) Въ общей службѣ преподобнымъ исправители замѣтили, что славникъ на «Господи воззвахъ» неправильно разсѣченъ точками, причемъ излишне еще прибавленъ въ двухъ мѣстахъ союзъ «*и*». Было напечатано: «иже по образу соблюдъ невредимо ума владыку. На страсти пагубныя поснически поставивъ («и потому раздѣленію точкою, — замѣчаютъ, стало невѣдомо что на страсти пагубныя поснически поставивъ». «*Арсеній*) и на подобствіе якоже мощно возшелъ еси, мужески бо естество понудивъ. И потщался еси покорити худшее лучшему и плоть поработити духу». (Тутъ въ двухъ мѣстахъ, говорятъ исправители, по *ижу* прибавливаютъ и по прибавкѣ письменъ стало невѣдомо, что содѣлалъ мужески естествомъ понудивъ, и невѣдомо, что худшее и что лучшее».

См. у Арсенія въ рѣчи къ Салтыкову, л. 314 об.). Чтобы возстановить смыслъ въ славникѣ, исправители написали его такъ: «иже по образу соблюдъ невредимо, ума владыку на страсти пагубныя поснически поставивъ. И на подобствіе якоже мощно возшелъ еси. Мужески бо естество понудивъ, потщался еси покорити худшее лучшему—(«тутъ, замѣчаютъ исправители, пробѣлъ невеликъ пропустити – но нашему тире , чтобы рѣчь съ рѣчью не не сплелася или запятая поставити»)—плоть поработити духу». «И тако въ лѣпоту станетъ,» заключаетъ свою рѣчь Арсеній о разбираемой исправѣ [1]).

4) Наконецъ, въ общей Минеѣ 1599—1600 г., по указанію исправителей, неправильно въ концѣ книги было напечатано: «и Богу всѣхъ да возсылаемъ славу Господу Іисусу Христу, славиму въ Троицы». Отсюда выходило, что Іисусъ Христосъ есть Троица; а потому, по соображенію нашихъ исправителей, это мѣсто нужно напечатать такъ:... «славиму *единому* отъ Троицы». «И аще, государь, писалъ Наѣдка Филарету, не приложити глагола сицеваго, еже *единому* отъ Троицы и глаголати въ Троицы славиму Христу Богу или въ Троицѣ славимаго Христа Бога, и то, государь, мнѣ, глупому, мнится, яко единъ Христосъ - Слово Божіе и Отецъ будетъ и Духъ» [2]).

МѢСЯЧНАЯ МИНЕЯ.

1) Подъ 18 числомъ мѣсяца декабря въ богородичнѣ 6-й пѣсни канона исправители усмотрѣли монофелитскую мысль. Тамъ

[1]) Рук. Троиц. Лавр. Биб. № 700, л. 314—315, сн. л. 202—3. Но въ настоящихъ изданіяхъ Общей Минеи это мѣсто печатается нѣсколько не такъ, какъ его исправили Діонисій и его помощники. А именно—такъ: „иже по образу соблюдъ невредимо, умъ владыку на страсти пагубныя поснически поставивъ. Во еже по подобію яко мощно возшелъ еси: (вмѣсто точки, поставленной исправителями,—двоеточіе) мужески бо естество понудивъ, потщался еси худшее покорити лучшему: и (то „и", которое исключили исправители) плоть поработити духу». (Общая Минея, изд. 1811 года).

[2]) Рук. Троиц. Лавр. Биб. № 700, л. 190 об. и 191.

было напечатано: «истлѣвшее наше отъ преступленія существо обновила еси обновляющаго вся богодѣльно единого волею родши, въ женахъ благословенная, богорадованная». «Виждь, государь, пишетъ по этому поводу Арсеній Салтыкову, сего богородична, едину убо волю во Христѣ славитъ; сія ересь есть Пира и Сергія и Павла, юже мудрствующихъ святый шестый вселенскій соборъ святыхъ отецъ 170 проклялъ въ царство Константина Брадатаго внука Иракліева» [1]), т. е. разумѣется монофелитская ересь. Въ теперешнихъ изданіяхъ Минеи мѣсячной слова: *единого* – нѣтъ.

2) Усмотрѣли справщики какую то еще худшую ересь въ богородичнѣ третьей пѣсни того же канона; но какую объ этомъ они не говорятъ. Несомнѣнно, что какъ нибудь были искажены догматическія выраженія этого богородична: «изъ тебе бо явися Богъ воплощаемъ, и сугубъ естествомъ міру познаваемъ, во единой ипостаси, Богоневѣсто». Въ минеѣ 1636 года это мѣсто читается такъ: «изъ тебе бо явися Богъ странно воплощаемъ, и сугубъ естествомъ мірови познаваемъ во единомъ составѣ, Богоневѣсто».

ПСАЛТИРЬ.

1) Къ Псалтирю, по словамъ исправителей, было припечатано ложное предисловіе, потому что въ немъ иные псалмы приписываются Давиду, иные Корею, а нѣкоторые и другимъ священнымъ писателямъ. Невѣрно также указано число псалмовъ 149. «Во псаломстѣй убо книгѣ 150 псалмовъ, ихъ же Давидъ состави, кромѣ бо Давида никто же не единаго псалма не составилъ» [2]).

2) Нашли исправители въ псалтири много молитвъ, напечатанныхъ неправильно, изъ которыхъ нѣкоторыя даже сомнительнаго происхожденія. Такъ, наприм., неправильно была напечатана молитва: «многомилостиве и всего добродателю, человѣколюбче, всея вселенныя царю». Эта молитва обращена къ Богу-Отцу, а

[1]) Рук. Лавр. Биб. № 700. л. 321 об.

[2]) Рук. Лавр. Бил. № 700 л. 315 об.

не Сыну, между тѣмъ дальнѣйшія ея слова приписываютъ Богу — Отцу заслуги Іисуса Христа. Она читается дальше такъ: «низу на земли неизреченнаго *твоего* человѣколюбія удивилъ еси посланіемъ возлюбленнаго *твоего* Отрока, его-жъ отъ безначальныхъ нѣдръ своея славы не разлучнымъ Божествомъ отрыгну, да ангелы съ человѣки во единъ составъ устроитъ; помяни, Господи, моего унынія смиреніе, иже калъ сый и персть, Тебе неизглаголаннаго Свѣта призываю, немощною плотію обложенъ, *юже Ты*, милостивне, понесе и смертію своею отъ работы вражія свободилъ еси душа наша, да *обѣщники* вся, иже вѣрою яремъ работы своея на ся вземшая, славы своея сподобиши ихъ». «И сія молитва, замѣчаетъ по поводу ея Насѣдка, отъ греческихъ ли переводѣхъ переведена или на Руси гдѣ кто сложилъ, мы того не вѣмы»; но только она содержитъ еретическую мысль, что Отецъ воплотился «а не Сынъ распятъ и погребенъ» [1]). Для устраненія этой мысли нужно бы напечатать вмѣсто «юже Ты» «юже Той», и вмѣсто «свободилъ еси» — «свободилъ есть»; а вмѣсто: «обѣщники» нужно напечатать: «общники», потому что только это значитъ «причастницы и единомысленницы», а обѣщники — значитъ «завѣтницы или заклявшіеся о чемъ», [2]) каковое значеніе въ разсматриваемой молитвѣ не идетъ. Такъ, какъ исправили эту молитву Діонисій и его помощники, она и была напечатана въ 1637 году, а нынѣ напечатано еще яснѣе: вмѣсто «юже Той» напечатано: «Слово Твое».

КАНОННИКЪ.

Въ похвальномъ канонѣ Богородицѣ въ кондакѣ четвертомъ было напечатано: «Бурю внутрь имѣя помышленій невѣрныхъ цѣломудренный Іосифъ смутися, прежде небрачну Тя зря и брако-

---

[1]) Рук. Лавр. Биб. № 700, л. 204 об. и 205.

[2]) ibid. л. 205 об.

окрадованну помышляше, непорочная». Исправители измѣнили эти слова такъ: «бурю внутрь имѣя помышленій *сумнѣнныхъ*, цѣломудренный Іосифъ смутися, неискусобрачной Тя зря и тай растлѣвшу помышляше непорочная!». Оправдывая такое свое исправленіе, Арсеній говоритъ, что Пресв. Дѣва вездѣ называется неискусобрачной или неискусомужней, напр. въ пѣсни Іоанна Дамаскина: «удивишася всяческа», а слѣдовательно, и въ этомъ похвальномъ канонѣ вмѣсто: «небрачну тя зря» лучше написать: «неискусомужней тя зря». Далѣе, Іосифъ не могъ думать о Пресвятой Дѣвѣ, что она «бракоокрадованна», потому что она несостояла въ бракѣ: «не на бракъ бо Іосифу дана бяше Богородица, но на соблюденіе, и аще кто чего у себя не имѣетъ, что у него и украсти» (т. е того нельзя и украсть у него). Слѣдовательно, и о Богородицѣ Іосифъ не могъ дутать, что она «бракоокрадованна», а могъ онъ помыслить ее только «тай растлѣвшу» [1]). Вмѣсто же словъ: помышленій *невѣрныхъ*, по мнѣнію Арсенія, лучше написать: помышленій *сумнѣнныхъ*. Такъ перевелъ это мѣсто Максимъ Грекъ, «ибо явѣ есть сумнѣніе меньше невѣрія; невѣріе бо самое неблагочестивое помышленіе.... сумнѣніе бо двоемысліе, ибо вѣдая Іосифъ Пречистую Дѣву, воспитанную во святая святыхъ ангеломъ, и се помышляше, егда когда зачатое въ ней отъ Духа свята будетъ, множае человѣческими помышленіи мятешеся» [2]).

Если всѣ перечисленныя исправленія касались исключенія нѣкоторыхъ молитвъ, измѣненія отдѣльныхъ словъ и выраженій въ текстѣ, перестановки точекъ и запятыхъ, то исправленія другой категоріи относились къ измѣненію конечныхъ славословій молитвъ. Конечныя славословія Отца и Сына и Св. Духа въ очень многихъ молитвахъ въ тогдашнихъ книгахъ были неправильны. Такъ, молитвы, обращенныя къ одному лицу св. Троицы, оканчивались часто такимъ славословіемъ: «и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу». Исправители замѣтили это и поста-

---

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 317 об. и 318.

[2]) ibid, л. 319.

рались во всѣхъ по возможности молитвахъ поправить такія окончанія. Въ тѣхъ молитвахъ, которыя обращены къ одному Отцу, они писали конецъ: «и Тебѣ славу возсылаемъ со единороднымъ Ти Сыномъ и съ Пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Ти Духомъ», а въ молитвахъ, обращенныхъ къ одному Сыну, такимъ образомъ: «и Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Ти Отцемъ и съ пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ». «Если, говорили исправители, у таковыхъ молитвъ, которыя писаны ко Отчу лицу и Сыновню, будутъ концы: и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу, то по такому славленію выйдетъ, что Отецъ и Сынъ и св. Духъ — едино лице». А что хуже такой ереси?! Это есть Савеліева ересь, сливающая три лица св. Троицы въ одно. Что же касается молитвъ, въ которыхъ не упомянуто «собныхъ имянъ, сирѣчь Отечество и Сыновство, ниже дѣйство Сына Божія, еже содѣла плотію, ниже страсть, юже претерпѣ плотію нашего ради спасенія», то у такихъ молитвъ конецъ: «и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу» исправители «не заглаживали и не измѣняли» [1]). Таковы общія догматически обоснованныя положенія, которыми Діонисій и помощники руководились при исправленіи концовъ молитвъ. Помимо этого, они въ данномъ случаѣ руководились еще тѣми молитвами, въ которыхъ конецъ былъ правиленъ, какъ образцами. Такъ, наприм., образцомъ правильнаго конца молитвы, обращенной къ Отцу, для нихъ служила молитва по 6-мъ часѣ: «Боже и Господи силамъ», въ которой конецъ: и Тебѣ славу возсылаемъ безначальному Отцу со единороднымъ Ти Сыномъ и съ пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Ти Духомъ; а образцомъ молитвы, обращенной къ Сыну, для нихъ была молитва по 9 часѣ: «Владыко Господи Іисусе Христе Боже нашъ» [2]). Укажемъ теперь по возможности всѣ тѣ молитвѣ, въ которыхъ на основаніи указанныхъ соображеній исправители поправили концы. Въ Невѣжинскомъ служебникѣ печатномъ найдены съ неправильными концами и исправлены слѣдующія молитвы:

---

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 301—302.

[2]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 176 и об.

во гл. 10-й три молитвы надъ Пасхою (л. 180), во гл. 14—молитва на очищеніе церкви, егда песъ вскочитъ въ церковь, во гл. 15—молитва на очищеніе церкви, осквернившейся отъ язычникъ или отъ еретикъ; молитва надъ виномъ служебнымъ; молитва въ постъ покаянна (вторая: «Благословенъ еси Боже отецъ нашихъ»), вторая молитва на освященіе Богоявленскія воды: «Приклони, Господи, ухо твое». Всѣ эти молитвы обращены къ лицу Сына Божія, между тѣмъ конецъ у всѣхъ ихъ былъ напечатанъ: «и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу». Послѣдняя изъ перечисленныхъ молитвъ напечатана еще въ чинѣ освященія воды, бываемаго въ 1-й день августа, и тутъ она имѣетъ правильный конецъ, именно: «и Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Ти Отцемъ и съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Ти Духомъ». «Зри, справедливо замѣчаетъ Арсеній по поводу этого различія концовъ въ одной и той же молитвѣ, какъ у насъ славится имя пресв. Троицы безсловеснѣ и неразумнѣ, какъ кому на умъ взбрело, такъ концы у молитвы и совершаютъ» [1]). Да и въ той самой молитвѣ на освященіе Богоявленской воды, изъ которой исправители вычеркнули слово «и огнемъ», конецъ оказался невѣрнымъ. Молитва эта обращена къ Іисусу Христу, а конецъ у нея былъ: «и Твое славится пресвятое имя Отца и Сына и св. Духа». Исправителямъ впослѣдствіи указывали, что эта молитва не вся въ лице Іисуса Христа, а только до словъ: «Самъ и нынѣ Владыко», а съ этихъ словъ обращена къ Богу Отцу, потому что въ ней сказано: «освяти воду сію Духомъ *Твоимъ* святымъ», а Духъ св. исходитъ только отъ Отца. Но исправители отвѣчали на это, что а) посланіе Духа святаго на освященіе можетъ быть

[1]) Стоитъ замѣтить, что въ Діонисіевомъ служебникѣ четыре изъ указанныхъ молитвъ (двѣ—на очищеніе церкви и 2-я на освященіе Богоявленской воды и молитва надъ виномъ) не поправлены, а между тѣмъ какъ нѣкоторыя молитвы, не находящіяся въ печатномъ служебникѣ, поправлены, какъ это увидимъ ниже. Не даетъ-ли это права къ тому соображенію, что исправители въ рукописномъ служебникѣ старались *преимущественно* объ исправленіи тѣхъ молитвъ, которыхъ не находили въ печатномъ, а напечатанныя молитвы исправляли въ самомъ текстѣ печатнаго служебника.

усвоено и Сыну Божію, и это еще не будетъ значить, что Духъ св. исходитъ отъ Сына, и в) въ старыхъ спискахъ конечный возгласъ у сей молитвы показываетъ, что она писана вся къ лицу Сына Божія, потому что въ нихъ писано: «Твое славится пресвятое имя со Отцемъ и св. Духомъ» [1]). Найдены, далѣе, исправителями и такія молитвы, которыя обращены къ лицу одного Отца, а окончанія имѣютъ полныя. Таковы: во гл. 13-й «молитва надъ гроздіемъ всякаго плода ко Отчу лицу, а въ ней и въ срддинѣ не добро, а конецъ не добръ же»; заамвонная молитва, обращенная также къ Богу-Отцу, имѣетъ конецъ полный. Затѣмъ исправители усмотрѣли, что концы нѣкоторыхъ молитвъ наводятъ на мысль, что воплотился Отецъ; такова сейчасъ упомянутая молитва надъ яблоками, потому она, будучи въ лице Отцу имѣетъ конецъ: «молитвами пречистыя Ти Матере и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу.» Отсюда, говорятъ исправители, выходитъ, что Богородица была Матерью Бога-Отца, «еже никогда бысть се». Поэтому они исправили этотъ конецъ такъ: «молитвами пречистыя Владычицы нашея Богородицы, и Тебѣ славу возсылаемъ со единороднымъ Ти Сыномъ» и т. д. Мысль о воплощеніи Отца, по замѣчанію исправителей, содержалась еще въ молитвѣ «бабѣ, пріемшей младенца: слава Тебѣ, Царю Боже».

Таковы поправки въ концахъ молитвъ сдѣланы исправителями въ требникѣ, по ихъ собственному заявленію объ этомъ въ защитительныхъ рѣчахъ и посланіяхъ ихъ. Но изъ потребника Діонисія видно, что подобныя поправки ихъ не ограничились той частью потребника, которая напечатана была въ служебникѣ (1602 г.), но коснулись и многихъ другихъ молитвъ и потребъ. Въ потребникѣ Діонисія число статей гораздо больше, чѣмъ въ печатномъ служебникѣ 1602 г. Укажемъ здѣсь изъ потребника Діонисія нѣсколько поправокъ концовъ такихъ молитвъ, которыхъ нѣтъ въ печатномъ служебникѣ. Такова, напр., «молитва христіаномъ, привлеченнымъ языческою прелестію, обратившихъ-

[1]) Рукоп. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 304—305. Дѣйствительно, въ служебникѣ XV в. № 79 М. Д. Ак. возгласъ этотъ читается такъ (л. 38).

жеся и къ церкви притекшихъ: Господи, Господи и всяческихъ Творецъ», Молитва эта въ лице Отца; конецъ-же у нея былъ: «яко Ты еси Богъ нашъ, Богъ миловати и спасати и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу»; въ требникѣ Діонисія онъ поправленъ такъ: «безначальному Отцу со единороднымъ Ти Сыномъ и св. Духомъ». Таковы-же молитвы ко причащенію св. Іоанна Златоуста: «Боже ослаби, остави, ущедри», Іоанна Дамаскина: «яко во образъ исповѣданія», другая Іоанна Златоуста ко св. причащенію: «Господи Боже милостивый и всещедрый». Всѣ эти три молитвы написаны въ лице І. Христа и тѣмъ не менѣе имѣютъ полныя окончанія, и потому въ требникѣ Діонисія онѣ поправлены. Не мало и еще можно найти исправленныхъ концовъ молитвъ въ требникѣ Діонисія, особенно въ потребахъ маслосвященія и погребенія, но мы не будемъ здѣсь выписывать всѣхъ ихъ. Для доказательства той мысли, что исправители простерли свои труды исправленія далѣе объема первопечатнаго служебника, достаточно и указанныхъ примѣровъ. Можно, наконецъ, въ требникѣ Діонисія найти поправки концовъ такихъ молитвъ, которыя имѣются съ неправильными концами въ первопечатномъ служебникѣ, но не указаны исправителями въ ихъ рѣчахъ въ числѣ исправленныхъ ими молитвъ. Такова, напр., молитва женѣ по рожденіи младенца, исполнивъ 40 дней: «Боже Отче вседержителю». Въ печатномъ служебникѣ она имѣетъ окончаніе: «Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св Духу» (см. л. 420); въ Діонисіевомъ-же конецъ этотъ поправленъ такъ: «и Тебѣ славу возсылаемъ со единороднымъ Ти Сыномъ и св. Духомъ».

Кромѣ требника, и въ другихъ богослужебныхъ книгахъ исправители нашли много неправильныхъ концовъ и измѣнили ихъ подобно тому, какъ и въ молитвахъ требника. «Во псалтири печатной, говорятъ они, концы не добры, смѣшаны: овогда убо славится Сынъ Отцомъ, овогда-же Отецъ Сыномъ и Духомъ святымъ, и се чужде правой вѣрѣ» [1]). Но особенно грубыя непра-

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700. л. 180 об. О молитвѣ въ псалтири, конецъ которой исправители измѣнили см. выше—въ разсужденіи о поправкахъ въ кн. „Псалтирь“.

вильности концовъ найдены были въ Уставѣ, исправленномъ головщикомъ Троицкаго монастыря Логиномъ. Какъ на примѣръ такой неправильности, исправители указываютъ на двѣ молитвы въ уставѣ: а) Владыко многомилостиве, Господи Іисусе, Христе Боже нашъ и в) въ панихидѣ: «Боже духовомъ всякія плоти». Конецъ у первой молитвы Логинъ испортилъ, потому что напечатанъ: «Ты бо еси царь царствующихъ и Спасъ душамъ нашимъ и источникъ всякоя благодати, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св Духу, между тѣмъ какъ молитва эта обращена только къ Іисусу Христу. Подобнымъ-же образомъ Логинъ напечаталъ конецъ молитвы въ панихидѣ: яко Ты еси животъ и воскресеніе и покой усопшимъ рабомъ Твоимъ, Христе. Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу. Въ этой молитвѣ особенно рѣзко бросается въ глаза неправильность конца молитвы, такъ какъ имя Христа упомянуто рядомъ съ славословіемъ. Исправители поправили концы обоихъ молитвъ, какъ слѣдуетъ [1]). Наконецъ, неправилнымъ показался имъ возгласъ послѣ молитвы Господней: яко Твое есть царство и сила и слава Отца и Сына и св. Духа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь. Они исправили его такъ: яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки, аминь, и вотъ ихъ основанія. Этой молитвѣ училъ учениковъ Своихъ Господь нашъ І. Христосъ «ко Отчу лицу молитися и въ Евангеліяхъ убо трехъ благовѣстниковъ вездѣ писано сице: яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки аминь». [2]). Согласно съ Евангелистами писанъ этотъ возгласъ, и «въ старыхъ переводѣхъ, въ служебникахъ писмянныхъ ко Отчу лицу единому". „О томъ свидѣтельствуетъ Иванъ Златоустый въ бесѣдахъ Евангельскихъ, еже ко Отчу лицу единому,—аще и по четыреста лѣтѣхъ, возсія въ благочестіи христіанскомъ, и по Златоустѣ же возсія Ѳеофилактъ Болгарскій по времени немаломъ, четыре Евангелія дневныя истолковалъ, такоже къ Отчу лицу единому

---

[1]) См. о семъ въ рѣчи Арсенія (Рукоп. Троиц. Лавр. Биб. № 700, л. 306 и об.).

[2]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 195.

написалъ въ толкованіи; послѣ-жъ всѣхъ и Максимъ Грекъ, мудрый инокъ отъ еллинскаго языка въ россійскій преложивъ бесѣды Евангельскія съ Селиваномъ ученикомъ своимъ, и тіи тако-жъ ко Отчу лицу единому той возгласъ писали; тако-жъ князя Константина Константиновича Острожскаго печатныя книги псалтирь съ часословцемъ и съ слѣдованіемъ мелкія печати и часовникъ въ полдесть большія печати Московскихъ мастеровъ первыхъ, что въ Литву сбѣжали; и вси тѣ переводы свидѣтельствуютъ ко Отчу лицу единому тотъ возгласъ писанъ, а не тремъ составомъ» [1]). Но прежде чѣмъ указать всѣ перечисленныя свидѣтельства о возгласѣ молитвы Господней, Иванъ Насѣдка въ своей защитительной рѣчи къ Филарету пишетъ: «и намъ, государь, мнится и се (т. е. такъ, какъ напечатано въ служебникѣ: яко.... Отца и Сына и св. Духа) быти добрѣ, аще будетъ въ греческихъ переводѣхъ и у четырехъ патріархъ вселенскихъ, аще ли же нѣсть тако писано, намъ, неученымъ, мнится, яко добрѣйше глаголати по наученію Господа нашего І. Христа (т. е. безъ названія лицъ св. Троицы).... и то, государь, дѣло вамъ и возможно и должно сыскати, какъ въ греческихъ переводѣхъ писано въ службѣ Василія Великаго и Іоанна Златоустаго» [2]). Очевидно, Насѣдка не зналъ, какъ въ греческихъ переводахъ написанъ возгласъ послѣ Господней молитвы.

Если въ возгласѣ послѣ «Отче нашъ» исправители вычеркнули личныя имена св. Троицы на томъ основаніи, что молитва эта обращена къ одному Отцу и что въ Евангеліяхъ не упомянуто въ немъ ни одного лица св. Троицы, то относительно концовъ нѣкоторыхъ другихъ молитвъ они позволили себѣ тоже потому, что нельзя было изъ содержанія молитвы понять, на чье лице она писана: «не вѣдомо на Отче лице, не вѣдомо на Сыновне, а конецъ замарали: Отцу и Сыну и св. Духу» [3]). Они указываютъ много такихъ молитвъ, которыя могли служить имъ образцами при исправленіи послѣдняго рода концовъ; равно какъ

---

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 196 об. и 197.

[2]) Рук. Тр. Лавр. Бил. № 700, л. 195 и 197 об.

[3]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700. л. 178 и далѣе.

они указываютъ такіе образцы и въ другихъ случаяхъ. Съ особеннымъ вниманіемъ они останавливаются, какъ на образцѣ, на молитвѣ по причащеніи воды Богоявленія, которая имѣетъ такое начало: «слава неизрѣченнѣй и неизслѣдованнѣй Ти благости, слава премногому Ти долготерпѣнію»; въ этой молитвѣ, разсуждаютъ исправители, «собнаго имени не помянуто, но точію разумомъ знати, что та молитва къ лицу Сына Божія и у тоя молитвы конецъ: и Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Ти Отцемъ и святымъ и благимъ и животворящимъ Ти Духомъ». «Смотри, пишетъ по поводу этой молитвы Арсеній Салтыкову, какъ богоносніи отцы и учители, исполнь суще премудрости и разума духовнаго, съ великимъ опасеніемъ блюли, чтобы молитвъ концовъ не смѣшивати, сирѣчь Христа Отцемъ и св. Духомъ не парицати, якоже у насъ въ печатныхъ книгахъ и въ письменныхъ, иже отъ неискусныхъ писцовъ перепорчено отъ невѣденія, славится овогда Отецъ Сыномъ, овогда-же Сынъ Отцемъ и св. Духомъ, и се есть вельми неблагочестивно» [1]).

Этимъ мы и покончимъ обзоръ исправленныхъ нашими исправителями погрѣшностей въ разныхъ богослужебныхъ книгахъ, хотя то, по ихъ собственному свидѣтельству, они нашли много и еще ошибокъ и описей въ книгахъ, которыхъ не исчисляютъ ни въ своихъ защитительныхъ рѣчахъ, ни въ другихъ сочиненіяхъ. «Суть-же и ины многи тьмочисленныя описи въ точкахъ и запятыхъ и окончаніяхъ въ тѣхъ печатныхъ книгахъ», говоритъ, напр., Арсеній. Относительно Общей Минеи онъ же говоритъ, что въ ней, кромѣ указанныхъ имъ, «суть и иныя многія описи». «Есть же и ины описи несогласны православію», пишетъ Насѣдка. Впрочемъ, что касается концовъ молитвъ, то ихъ было исправлено сравнительно небольшое количество: «не во многихъ мѣстахъ у молитвъ концы перемѣнены, а тѣхъ молитвъ больше, у коихъ концы не перемѣнены: гдѣ добро написано, тутъ и не перемѣняно».

---

[3]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 307 об. и 308.

Такъ вели свое дѣло наши исправители.

Потрудившись полтора года, они покончили свою работу. Если точно указаніе Арсенія о продолжительности ихъ занятій, то окончаніе ихъ труда падаетъ приблизительно на 8 мая 1618 г. Согласно царской грамотѣ, объ окончаніи исправленія требника исправители должны были «отписать» въ приказъ Большаго дворца «отписку же велѣли-бъ отдать въ приказъ Большаго дворца боярину Борису Михайловичу Салтыкову да дьякомъ.» Съ этою цѣлію отправился въ Москву начальникъ исправителей архимандритъ Діонисій. Вѣроятно, извѣстивъ предварительно гражданскую власть объ окончаніи труда, онъ счелъ затѣмъ необходимымъ доложить о дѣлѣ исправленія и власти духовной, для чего и представилъ исправленныя книги на благоусмотрѣніе тогдашняго мѣстоблюстителя патріаршаго престола Іоны, митрополита Сарскаго и Подонскаго. Нѣкоторые думаютъ, что представивъ книги на усмотрѣніе Іоны, Діонисій испортилъ все дѣло; говорятъ, что ему необходимо было обойти духовную власть и имѣть дѣло только съ властью гражданской, какъ это предписывалось будто и грамотой. Когда-бы, говорятъ, «санкціею государственной власти утвержденъ былъ результатъ дѣла исправленія, то не посмѣло-бы возстать противъ него невѣжество, и новоисправленный требникъ постепенно вошелъ бы во всеобщее употребленіе» [1]). Изъ того обстоятельства, что началъ же Діонисій дѣло исправленія *только* по повелѣнію царя, *безъ* благословенія митрополита, заключаютъ, что Діонисій и самъ сознавалъ возможность обойти въ данномъ случаѣ духовную власть, и если онъ не сдѣлалъ этого, то виною тому его соучастники, которые опасались нареканій со стороны противниковъ исправленія и просили Діонисія, чтобы онъ не обходился въ этомъ дѣлѣ безъ митрополичьяго совѣта. Такъ смотритъ на дѣло г. Кедровъ. Но такой взглядъ, по нашему мнѣнію, вовсе неправиленъ. Мы думаемъ, что Діонисій потому представилъ книги на усмотрѣніе Іоны, что *это было необходимо*: требовалась въ этомъ дѣлѣ санкція духовной власти. Мы видѣли

---

[1]) *Кедровъ*. Авраамій Палицынъ, стр. 169.

раньше, что всѣ богослужебныя книги издавались «по повелѣнію царя и съ благословенія патріарха,» а въ періодъ междупатріаршества «по повелѣнію царя и съ благословенія преосвященныхъ митрополитовъ и архіепископовъ россійскаго патріаршества,» и въ предисловіяхъ или послѣсловіяхъ всѣхъ книгъ значились эти слова. Благословеніе духовной власти на изданіе церковныхъ книгъ такъ умѣстно и къ имени патріарха или митрополитовъ на книгахъ такъ всѣ привыкли, что появленіе въ свѣтъ книги безъ санкціи высшей духовной власти могло быть встрѣчено недоброжелательно и, мало этого, оно могло подать поводъ къ большимъ недоумѣніямъ. Сознавая это и зная *обыкновенный* порядокъ изданія книгъ (по повелѣнію царя и съ благословенія духовной власти), Діонисій и представилъ исправленныя имъ книги митр. Іонѣ на освидѣтельствованіе. Что касается царской грамоты, то ею вовсе не исключалось такое свидѣтельствованіе требника,—вѣрнѣе, - она объ этомъ и не говоритъ. Она только повелѣвала исправителямъ извѣстить объ окончаніи работы, дать объ этомъ въ приказъ Большаго дворца «отписку,» такъ что когда утверждаютъ, что *въ силу* царской грамоты Діонисій могъ обойти духовную власть, то утверждаютъ это по причинѣ невнимательности къ смыслу грамоты. Царская грамота не давала Діонисію на это права. Приказъ Большаго дворца не бралъ на себя да и не могъ брать роли, которая ему не принадлежала и въ которой онъ не могъ быть компетентенъ, т. е. онъ не могъ утверждать и санкціонировать самыя исправленія или измѣненія въ книгахъ, сдѣланныя исправителями. Его роль и обязанность—содѣйствовать болѣе правильному изданію и печатанію книгъ, но признаніе правильности или неправильности *самыхъ поправокъ* онъ предоставилъ духовной власти [1]). Въ періодъ междупатріар-

---

[1]) На то возраженіе, что если Діонисій началъ исправленіе книгъ безъ благословенія Іоны, только по царской грамотѣ, то почему-же онъ не могъ и потомъ—при представленіи исправленныхъ книгъ—обойти митрополита, слѣдуетъ только отвѣтить, что начать работу и вести ее никому не воспрещается, пока результаты этой работы не предъявили себя, какъ

шества послѣдняя власть сосредоточивалась въ соборѣ (см. предисловіе къ служебнику выше), и потому-то Діонисій обратился къ царю съ «челобитной,» чтобы его исправленія были подвергнуты разсмотрѣнію собора, который могъ или признать ихъ или отвергнуть. Всѣ изслѣдователи исправленія книгъ Діонисіемъ утверждаютъ, что соборъ этотъ былъ созванъ спеціально «для суда» надъ Діонисіемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что это было не такъ: онъ былъ созванъ по челобитью самаго Діонисія для разсужденія объ исправленныхъ имъ книгахъ, — и только потомъ принялъ характеръ суда надъ нимъ. Иначе никакъ нельзя объяснить выраженій «Дѣяній» этого собора: «въ лѣто 7126 іюля въ 4, 5 и 8, при благочестивомъ и христолюбивомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всея Россіи, *по челобитью* ему, государю, живоначальныя Троицы и преп. чудотворца Сергіева монастыря, *архимандрита Діонисія* и сущихъ съ нимъ чернцовъ Арсенія да Антонія да Клементьева села попа Ивана, былъ сходъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ священному собору» [1]). Слѣд., первый, хлопотавшій о созваніи собора, былъ самъ Діонисій, которому этотъ соборъ былъ нуженъ для утвержденія его дѣла. «А на соборѣ были, говорится далѣе въ его Дѣяніяхъ, пребосвященный Іона, митрополитъ Сарскій и Подонскій и прочіе архіепископъ Арсеній Суздальскій и Торусскій и архимариты и игумены и протопопы и соборные попы и діаконы, которые были въ то время въ царствующемъ градѣ Москвѣ, да и мірскихъ людей *навычныхъ божественному писанію* велѣно [2]) имъ на соборъ призывати. И на томъ соборѣ архимаритъ Діонисій глаголаше съ сущими, иже съ нимъ» [3]). И такъ, прежде

имѣющіе обще-церковный характеръ. Но разъ эти результаты должны войти въ обще-церковное употребленіе, требуется уже для этого санкція высшей церковной власти.

[1]) Дѣяніе собора по рук. Сахарова, отпечатанной (частію) въ Сѣв. Пчелѣ 1842, № 198.

[2]) Указомъ царя, слѣд., предполагалось на соборѣ разсужденіе о поправкахъ, для чего и должны были собраться власти духовныя, а изъ мірскихъ только лица, *навыкшія божественному писанію*.

[3]) Сѣв. Пчела 1842 г., № 198.

всего Діонисій и его помощники начали на соборѣ докладывать о своемъ дѣлѣ, конечно разъясняя, какія исправленія и почему они сдѣлали въ книгахъ. Но вмѣсто того, чтобы прежде выслушать Діонисія, а потомъ такъ или иначе отнестись къ его дѣлу, враги его явились на соборъ съ заранѣе приготовленными рѣчами, въ которыхъ дѣло Діонисія выставлялось ересью. Это были преимущественно лица изъ монастыря Діонисія, которымъ болѣе другихъ было извѣстно, что и какъ исправилъ онъ въ книгахъ. „Да на соборѣ, говорится въ Дѣяніяхъ далѣе, іюля въ 4 день, преосвященному Іонѣ, митрополиту Сарскому и Подонскому положили *рѣчи за руками* Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря уставщикъ старецъ Филаретъ, да священникъ Филиппъ, да ризничій діаконъ Маркеллъ, головщикъ старецъ Логинъ, да Спаса Новаго монастыря конархистъ Дороѳей“ [1]). Въ посланіи Арсенія Ивану Лукьяновичу и житіи Діонисія упоминается среди обвинителей еще архимандритъ чудовскій Авраамій, который, говоритъ Арсеній, „паче всѣхъ немилостивѣ нападе на мя, лютѣ и звѣрообразнѣ жестоко поношая мнѣ“ [2]). Всѣ эти обвинители представляли собору, что „архимаритъ Діонисій съ своими сложщики во многихъ книгахъ выскребалъ и вырѣзалъ; и писалъ въ томъ мѣстѣ по своему изволу. А пущій у нихъ развратникъ, прибавляли обвинители, архимаричій крылошанинъ старецъ Антоній да Арсеній Глухой да Клементьевскій попъ Иванъ Насѣдка“. Діонисій не признавалъ справедливости обвиненій: „архимаритъ Діонисій съ своими сложщики съ старцами Арсеніемъ и Антоніемъ не повинился“ [3]). И послѣ этого-то, вѣроятно, поднялись на соборѣ горячія пренія.

---

[1]) Дѣянія собора—Сѣв. Пчела 1842, № 198. Изъ упомянутыхъ среди обвинителей Филаретъ и Логинъ извѣстны какъ самые заклятые враги Діонисія. Объ отношеніяхъ Діонисія къ этимъ личностямъ мы будемъ говорить далѣе. Ризничій Маркеллъ—это Маркеллъ Кодчинъ, умершій въ 1635 г. (См. опис. рук. Лавр. библіотеки №№ 206 и 269).

[2]) Прав. Собесѣс. 1862, 2 ч. стр. 368 прим.

[3]) Дѣянія собора.

Возстановить послѣдовательно ходъ соборныхъ споровъ на основаніи сохранившихся извѣстій—нѣтъ никакой возможности. Въ рѣчахъ исправителей и другихъ сочиненіяхъ ихъ сохранились на то только немногія указанія. Изъ этихъ указаній можно видѣть, прежде всего, что предметомъ дов. продолжительныхъ споровъ были молитва на освященіе богоявленской воды, и главнымъ образомъ прибавка въ ней слова: *и огнемъ*. Такъ, Насѣдка пишетъ Филарету: «буди-жъ тебѣ, государь, извѣстно, *о чемъ споръ съ ними учинили*. въ самой той молитвѣ на Богоявленьевъ день надъ водою, имущей начало сице: Господи Іисусе Христе, единородный Сыне, и многимъ стихомъ послѣдующимъ ко Христову лицу до того самого стиха: самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію, и ту строку разсуждающе.... они полагаютъ во Отчее лице* и т. д. [1]). Т. е. споръ былъ о томъ, вся-ли молитва на освященіе богоявленской воды обращена къ лицу І. Христа, или же только до словъ: самъ и нынѣ, а съ этихъ словъ она обращена къ Отцу. Исправители утверждали первое, а соборные засѣдатели второе. Впрочемъ, объ этомъ сказано нами ранѣе при обозрѣніи всѣхъ исправленій. Въ другомъ мѣстѣ той же рѣчи къ Филарету Насѣдка говоритъ, что «мнози намъ неразумнымъ *на оборотъ* запрещали о истинѣ не глаголати, и приводячи свидѣтельство, на водоосвященіи положили такъ быти, что говоритъ: освяти, Владыко, воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ и огнемъ..... А приводили свидѣтельство отъ Луки евангелиста девятаго зачала; и тебѣ, государю, самому извѣстно, яко Лука евангелистъ не о Отцѣ рекъ: Той креститъ вы Духомъ Святымъ; но о Сынѣ, тако-же и Богъ—Отецъ не о себѣ, но о Сынѣ своемъ единородномъ. И они, невѣдомо. какимъ разсужденіемъ Сыновне дѣйство на Отца возлагали,—и по ихъ изложенію такъ указуется, святыя Троицы, аще не три составы (лица) призываемы, не дѣйствуютъ совершенія святыни всякихъ вещей ко спасенію вѣрнымъ» [2]). Исправители старались, конечно, оправ-

[1]) Рук. Троиц. Лавр. биб. № 700. л. 147—об.

[2]) Рук. Троиц. Лавр. Биб. № 700, л. 164—165. Что хотѣли доказать судьи на соборѣ, приводя упомянутыя слова изъ 9 зачала св. Луки?

дать правильность своей справы, но въ какихъ выраженіяхъ — объ этомъ мы не знаемъ; свои же защитительныя рѣчи они написали значительно позже собора 1618 года. Хотя въ одномъ сочиненіи Насѣдки и сохранился отрывокъ рѣчи, о которомъ можно-бы сказать, что онъ былъ произнесенъ именно на соборѣ 1618 года, но мы ниже покажемъ, что отрывокъ этотъ былъ произнесенъ на соборѣ не 1618 г., а 1619-го. Дѣло въ томъ, что надъ 4-ю главою сочиненія Насѣдки въ 40 главъ есть такая надпись: «на соборѣ се дано Крутицкому Іонѣ о самой молитвѣ, о ней-же раздоръ»,—и затѣмъ въ ней доказывается неумѣстность слова *и огнемъ*. Но Іона Крутицкій былъ на соборѣ и 1619 г., а потому эта замѣтка надъ 4-й главой не есть еще доказательство, что отрывокъ произнесенъ былъ на соборѣ 1618 года. Можетъ быть, впрочемъ, на соборѣ 1619 года были повторены тѣже доказательства неумѣстности слова *и огнемъ*, какія раньше были приведены на соборѣ 1618 года. Далѣе, въ частности у Арсенія съ чудовскимъ архимандритомъ Авраміемъ былъ на соборѣ 1618 г. жестокій споръ относительно канона Богородицѣ, исправленнаго Арсеніемъ съ Максимова переводу. Затѣмъ, стоитъ упомянуть, что особеннно жестоко нападалъ на исправителей головщикъ Логинъ: «сей безумный клеветникъ, говорятъ объ немъ исправители, негодуя къ намъ братоубійственною завистію и оклеветавый насъ тунс, ничто-же неблаго сотворшихъ ему.» Дѣйствительно, Логинъ болѣе другихъ имѣлъ побужденій ненавидѣть исправителей—и главнымъ образомъ—за то, что исправленія коснулись устава, исправленнаго раньше имъ [1]), а отчасти, вѣроят-

Прямаго отношенія къ вопросу о прибавкѣ *и огнемъ* въ молитвѣ на освященіе богоявленской воды эти слова, очевидно, не имѣютъ. Можно думать, что они руководились въ данномъ случаѣ слѣдующими соображеніями. Освященіе воды на день Богоявленія и крещеніе имѣютъ общее въ томъ отношеніи, что и въ крещеніи совершается освященіе воды, а потому освященіе первой должно происходить также, какъ и послѣдней.

[1]) Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что въ уставѣ, издателемъ котораго былъ Логинъ Шишелевъ, неправильностей самовольныхъ, противныхъ отеческому преданію, не было, и слабыя стороны его не со-

но, и за то, что его не пригласили въ сотрудники, тогда какъ онъ могъ разсчитывать на это. Наконецъ, какъ видно, Иванъ Насѣдка на соборѣ очень горячился и велъ себя несдержанно, такъ что, по свидѣтельству Арсенія, «митрополиту Іонѣ и архимаритомъ и честнымъ протопопомъ, спираючись, очи слинами запрыскалъ» [1]).

Какъ-бы впрочемъ ни велись пренія на соборѣ, но онъ кончился полнымъ осужденіемъ исправителей. Поставляя имъ въ вину то, что они «имя св. Троицы въ книгахъ велѣли марать и Духа Святаго не исповѣдуютъ, яко огнь есть,» соборъ присудилъ: «и за то архимарита Діонисія да попа Ивана отъ церкви Божіей и литургіи служити отлучаемъ, да не священствуютъ, а старцевъ Арсенія и Антонія божественныхъ Таинъ причащенія отлучаемъ, и въ дому Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря архимариту и старцамъ быти не повелѣваемъ, а быти имъ въ иныхъ монастырехъ, гдѣ государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Руссіи укажетъ» [2]).

Прежде чѣмъ перейти къ повѣствованію о страданіяхъ Діонисія за исправленіе книгъ, мы постараемся объяснить фактъ его осужденія: за что и почему его осудили? Этотъ фактъ съ такой именно стороны обращалъ на себя вниманіе всѣхъ изслѣдователей исправленія книгъ преп. Діонисіемъ. Положимъ, мы знаемъ, что на соборѣ были личные враги Діонисія, которые имѣли весь интересъ выставить дѣло его ересью. Но вѣдь на соборѣ былъ предсѣдателемъ митр. Іона, было потомъ высшее московское духовенство; неужели же всѣ они повѣрили врагамъ Діонисія на слово и только потому осудили его, не вникнувъ въ дѣло? Почему никто не сказалъ за нихъ на соборѣ ни одного слова? Это обстоятельство заставило изслѣдователей дѣлать разныя до-

---

ставляли чего-либо особенно выдающагося сравнительно съ прежними его списками и отъ нихъ не свободны были даже послѣдующія изданія вплоть до устава 1682 г. (*Мансветовъ*. Церковный уставъ стр. 316).

[1]) Рук. биб. Троиц. Лавры № 700, л. 324 об.

[2]) Дѣянія собора въ Сѣв. Пчелѣ 1842 г. № 198.

гадки. Одни говорятъ, что Іона митрополитъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что дѣло началось безъ его благословенія, по одной царской грамотѣ, а какъ такое, онъ и не могъ одобрить его; на это, дескать, указываетъ и формула осужденія Діонисія на соборѣ: Діонисій писалъ (правилъ) *по своему изволу*. Другіе утверждаютъ, что Іона былъ оскорбленъ тѣмъ, что исправители простерли свои исправленія на книги, изданныя и при немъ (Іонѣ), чѣмъ показали, что Іона, благословляя книги къ печати, не понималъ «ни православія, ни кривославія.» Наконецъ, третіи думаютъ, что Іона осудилъ и наказалъ справщиковъ Троицкихъ за то, что «они по своему изволу замыслили самое дѣло исправленія: этимъ Троицкія власти съ точки зрѣнія Іоны посягали на права его власти въ области церковно-іерархическихъ отношеній» [1]). Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ есть правда, хотя, намъ думается, въ нихъ не указывается еще одной очень важной причины осужденія Діонисія. О первомъ мнѣніи замѣтимъ, впрочемъ, что странно было-бы со стороны Іоны осуждать исправителей за то, что они по своему изволу начали дѣло, когда извѣстно, что оффиціально имъ была прислана грамота *съ повелѣніемъ* править требникъ. Да и почему такъ сильно могъ оскорбиться Іона на то, что дѣло началось безъ его благословенія, когда все-таки результаты дѣла были представлены на его благословеніе и утвержденіе?! Ясно, что за нимъ признавалась должная власть: онъ могъ одобрить поправки или не одобрить. Да и то нужно сказать, что врядъ-ли бы Іона такъ открыто—собравъ соборъ и всѣмъ соборомъ—осмѣлился обнаружить протестъ противъ царской воли: Іона не отличался мужествомъ Никона?! Формула же осужденія обвиняла Діонисія не за то, что онъ *началъ* дѣло *по своему изволу*, а за то, что *писалъ* по своему изволу, т. е. выскребалъ и вымарывалъ слова какъ ему вздумается. Отрицая, что единственною причиною осужденія исправителей было то, что они начали дѣло

---

[1]) Первое изъ указанныхъ мнѣній высказано авторомъ статьи въ Прав. Соб. 1862, II—III; второе г. Смирновымъ въ кн: „Митр. Филаретъ“ и третіе г. Кедровымъ.

безъ благословенія митрополита, мы этимъ не хотимъ сказать, что постановка дѣла была по душѣ Іонѣ; нѣтъ: вся постановка дѣла исправленія не могла не задѣть сильно самолюбія митрополита, такъ что онъ явился на соборъ довольно уже предубѣжденнымъ противъ исправителей. Но, мы думаемъ, что болѣе важною причиною осужденія исправителей были *самыя ихъ исправленія*, которыя не понравились Іонѣ и особенно московскому духовенству, показались слишкомъ смѣлыми и дерзкими. Почему въ самомъ дѣлѣ не признать, что судьи, имѣя причины быть недовольными самой постановкой дѣла, были еще болѣе недовольны исполненіемъ его? Нужно помнить, что исправленія Діонисія представляли собою вовсе не то, что дѣлалось въ этомъ родѣ раньше: Діонисіево исправленіе было новымъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ. Всякое-же болѣе или менѣе рѣшительное вторженіе въ установившійся порядокъ всегда вызываетъ самозащиту со стороны представителей этого порядка. Раньше заботились только о томъ, чтобы книги были приняты въ народѣ, чтобы онѣ считались авторитетными, но въ тоже время серьезно не исправляли ихъ, а печатали со списковъ полныхъ ошибокъ. Діонисій-же, исправивъ и даже вычеркнувъ въ книгахъ нѣсколько отдѣльныхъ словъ и выраженій, указалъ еще такую общую мѣрку, по которой должны быть исправляемы концы *всѣхъ* тѣхъ молитвословій, которыя не подходили подъ эту мѣрку. Такихъ молитвъ оказалось очень много и въ числѣ ихъ, очень возможно, были такія, которыя считались истиннѣйшими и неприкосновенными ни въ одной буквѣ. Съ другой стороны исправленія Діонисія коснулись напечатанныхъ молитвословій, а къ печатному тогда уже привыкли относиться довѣрчиво. Желая доказать, что и печатныя книги могутъ подвергаться поправкамъ, исправители послѣ указывали духовнымъ властямъ, что въ этихъ книгахъ много ошибокъ; а Насѣдка писалъ п. Филарету: «и въ томъ, государь, грѣха и ереси нѣтъ ни которыя, что тебѣ, первосвятителю.... съ освященнымъ соборомъ вымарати *хотя и въ печатной книгѣ* слогъ не истинный, а въ то мѣсто написати истинный». Очевидно, печатнымъ книгамъ тогда

особенно довѣряли. Наконецъ, Діонисій при своемъ исправленіи явно пренебрегалъ обычаями, вкоренившимися въ русской церкви, каковъ, напр., былъ обычай погруженія свѣчей. Эти-ти смѣлость, необычайность и новость исправленія и могли удивить и возбудить противъ себя засѣдавшихъ на соборѣ (не исключая и митр. Іоны): имъ представилось, что это произвольно, что Діонисій выскребывалъ и маралъ концы только потому, что ему такъ захотѣлось. Въ догматическія же основанія такихъ исправленій судьи или не хотѣли, или не могли вникнуть. Скорѣе послѣднее: общій уровень ихъ образованія былъ очень низокъ. Стоитъ сдѣлать только нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій исправителей, чтобы убѣдиться, на сколько судьи далеки были отъ разсужденій о догматическихъ основаніяхъ той или иной справы: для нихъ важна была буква, а не смыслъ, важно было то, какъ они привыкли совершать что либо, а не какъ нужно. Насѣдка пишетъ, что духовенство «или нерадѣніемъ, или гордостію, или лѣностію проходило божественное писаніе». «Не наученіемъ убо, ни прочитаніемъ злочестивыхъ доѓматъ мнози мы въ таковую впадаемъ въ ересь зловѣрія, пишетъ онъ же, разсуждая о неправильныхъ концахъ молитвъ, «но ненавыченіемъ разума и непрочитаніемъ божественныхъ писаній и гордостнымъ обычаемъ, еже не совопрошатися намъ свѣдующимъ истину». Арсеній пишетъ: «есть иные и таковы, которые на насъ ересь взлекли, едва азбукѣ умѣютъ, а то вѣдаю, что не знаютъ, кои въ азбуцѣ письмена гласныя и согласныя и двоегласныя, а еже осмь частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа и времена и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на умъ всхаживало, священная же философія и въ рукахъ не бывала». «Иной попъ, пишетъ еще Арсеній, и не знаетъ, что во Христѣ божественная свойства и что человѣческая, и не смѣю дерзновенно рещи, что иной и архимаритъ не знаетъ». Особенно же характеристиченъ слѣдующій отзывъ того же Арсенія о московскомъ духовенствѣ. «Не смѣю, государь, пишетъ онъ Салтыкову, дерзновенно рещи о глаголющихъ на насъ неправая, что не знаютъ ни православія, ни кривославія, точію божественныя

писанія по чернилу проходятъ, разума же сихъ не будятся увѣдѣти, и еще, государь, хощеши-ли увѣдѣти разумъ ихъ, вопроси лучшаго архимарита или попа..... да отвѣщаютъ—кій разумъ сіи рѣчи имутъ, еже речеся: не во двою лицу раздѣляемъ, но во двою естеству несмѣстно познаваемъ, и кихъ зловѣрная поведѣнія святый Иванъ Дамаскинъ сими глаголы побѣждаетъ и отмещетъ и проклинаетъ. И аще, государь, кій архимаритъ или попъ симъ рѣченіямъ не дастъ сказанія, и сей ничимъ же разнствуетъ невѣжду и поселянина, и яко не навыкъ божественныхъ писаній, срамъ есть такова на себѣ великаго чина церковнаго имя носити, православія жъ догматъ не вѣдати, ихъ же достоитъ всякому православному книжнику не невѣдѣти, паче же священному чину. И отъ сихъ явѣ тебѣ, государю, будетъ ихъ разумѣніе» [1]). Чего-жъ послѣ этого удивительнаго, что такіе судьи *искренно* возстали противъ дѣла Діонисія [2]). Не даромъ же исправители, когда въ своихъ рѣчахъ стараются оправдать себя, такъ часто и много пишутъ о невѣжествѣ и непониманіи судей; очевидно, они усматривали въ этомъ обстоятельствѣ одну изъ важныхъ причинъ ихъ осужденія. И такъ, мы думаемъ, что не вопреки внутреннему сознанію о поправкахъ Іона и другіе судьи признали ихъ неправыми и даже еретическими, а по враждебной настроенности къ исправителямъ многихъ изъ засѣдавшихъ на соборѣ они подвергли ихъ жестокимъ страданіямъ.

Пока постановленіе собора, осудившее Діонисія и его помощниковъ, было на докладѣ у царя, пока царь указалъ мѣсто ссылки исправителямъ, вѣроятно, и прошли тѣ четыре дня, о которыхъ Насѣдка говоритъ, что въ продолженіи ихъ Діонисій былъ приводимъ «въ отвѣтъ на патріаршій дворъ съ великимъ безчестіемъ

---

[1]) Рук. Троиц. Лавр. биб. № 700, л. 323 и об.

[2]) Мы знаемъ, что даже тогда, когда исправленія Діонисія были подтверждены такимъ авторитетомъ, какъ іерусалимскій патріархъ, въ Москвѣ еще колебались вполнѣ признать ихъ истинными, колебался даже самъ патр. Филаретъ. Чего-жъ удивительнаго, если Іона и московское духовенство усмотрѣли въ этихъ поправкахъ ересь?!

и позоромъ». Это было непремѣнно послѣ соборнаго осужденія; иначе какое бы имѣли право приводить Діонисія съ великимъ безчестіемъ и даже въ кандалахъ, прежде чѣмъ онъ былъ признанъ еретикомъ. Цѣлію этихъ новыхъ четырехдневныхъ допросовъ было желаніе заставить Діонисія сознаться въ еретичествѣ. Допросы сопровождались побоями. По свидѣтельству Насѣдки, въ это же время Діонисій перенесъ какое-то «испытаніе» въ Вознесенскомъ монастырѣ въ кельяхъ царицы Мареы Ивановны. Принимая во вниманіе, что это извѣстіе Насѣдки стоитъ въ связи съ такими выраженіями, въ которыхъ, несомнѣнно, говорится о физическихъ оскорбленіяхъ, именно: «такожде и на подворьѣ митрополита біеніе и пханіе лютое претерпѣлъ», можно думать, что и испытаніе въ кельяхъ Мареы Ивановны было какой-ниб. физической пыткой. Тогда же предлагали Діонисію откупиться отъ вины. Пока еще утвержденіе соборнаго постановленія не вышло отъ царя, осудившіе Діонисія могли какъ—ниб. повернуть дѣло, но за это они просили съ Діонисія 500 рублей. «Преподобный же мужъ Діонисій, продолжимъ словами Насѣдки, въ желѣзахъ стоя, смѣяшеся, и съ толкающими его и и плюющими на него, яко съ глумники ликуя, и яко играя отвѣщаваше имъ: денегъ не имамъ да и дать не за что: лихо чернцу то, что разстричь его велятъ, а достричь, то ему и вѣнецъ и радость; а Сибирью ли и Соловками грозите мнѣ (вѣрный признакъ, что все это происходило до рѣшенія, постановившаго послать Діонисія въ Кирилловъ монастырь, еще никто не зналъ, куда пошлютъ Діонисія въ заточеніе, а потому угрожали ему разными мѣстами ссылки: Сибирью, Соловками), азъ тому и радъ, то мнѣ и животъ, а что возводите на меня, что я имя св. Троицы велѣлъ въ концѣхъ молитвъ справливать, *и то прямо азъ указалъ* [1]): понеже святіи отцы наши на седми соборѣхъ научили насъ вѣровати во св. Троицу нераздѣльную; и раздѣльну и нераздѣльну, въ единицу убо существомъ, раздѣльну же лицы, сирѣчь ипостасьми» [2]).

---

[1]) Ясное указаніе на то, что мысль объ исправленіи конечныхъ славословій принадлежитъ именно самому Діонисію, а не кому—либо изъ другихъ исправителей.

[2]) Жит. преп. Діонисія стр. 95—96.

Наконецъ, вышло рѣшеніе послать Діонисія на заточеніе въ Кирилловъ монастырь, прочихъ же исправителей по инымъ обителямъ. Арсеній Глухой былъ заточенъ на Кирилловомъ подворьѣ; о заточеніи Антонія не упоминается: можетъ быть, въ снисхожденіе къ его слабости и болѣзнямъ онъ былъ избавленъ отъ этого и былъ отпущенъ въ Троицкій монастырь подъ запрещеніемъ причащаться св. Таинъ. Иванъ Насѣдка также остался на волѣ. Въ объясненіе этого обстоятельства можно предположить, что Насѣдка, какъ бывшій московскій попъ, имѣлъ среди московскаго духовенства немало знакомыхъ и этимъ съумѣлъ какъ-ниб. воспользоваться, чтобы выхлопотать себѣ свободу. Впрочемъ, и безъ заточенія для Насѣдки, какъ человѣка семейнаго, запрещеніе служенія было достаточнымъ наказаніемъ. Но и рѣшенію относительно Діонисія не суждено было исполниться во всей силѣ. Въ то время около Москвы находился королевичъ Владиславъ, пришедшій съ войскомъ домогаться московскаго престола, и потому проѣздъ изъ Москвы былъ весьма затруднителенъ. Сопровождавшіе Діонисія къ мѣсту его заточенія принуждены были возвратиться съ дороги обратно въ Москву. Тогда власти послали Діонисія на смиреніе въ Новоспасскій монастырь, причемъ наложили на него эпитимію въ 1000 поклоновъ въ день сверхъ обычныхъ пѣній. Со времени заключенія Діонисія въ Новоспасскомъ монастырѣ особенно усиливаются его страданія за правое дѣло: для наказанія его придумывали разныя жестокости. Такъ, велѣно было «бити его и мучити 40 дней и въ дыму ставить на палатяхъ». «Но праведный Богъ, замѣчаетъ по этому поводу Симонъ, подаде ему силу свыше: ибо, какъ онъ мнѣ грѣшному самъ сказывалъ, не только наложенное ему правило и поклоны съ радостію исправлялъ, всегда въ мысли своей обнося, яко не свое, но повелѣнное ему исправляетъ, но еще сверхъ повелѣннаго за себя отъ своего усердія по тысящи поклоновъ исполняше» [1]). Въ праздничные и торговые дни, когда много собиралось народу, не рѣдко митрополитъ приказывалъ приводить скованнаго Діонисія на митрополичій дворъ, гдѣ томимый жаждою и голодомъ онъ долженъ былъ проводить

[1]) Жит. преп. Діонисій стр. 43.

цѣлый день съ утра до вечера. Время было жаркое, такъ какъ была средина лѣта, а Діонисію не давали «ни малыя чашицы воды». Митрополитъ, возвращаясь отъ литургіи, со всѣмъ соборомъ садился за раскошную трапезу, а Діонисій «*со ученики своими*» долженъ былъ въ то время стоять подъ окнами кельи, «поклоны творя въ кулакахъ да пинкахъ многихъ». Упоминаніе здѣсь объ ученикахъ Діонисія даетъ нѣкоторое право думать, что вмѣстѣ съ нимъ подвергались на митрополичьемъ дворѣ позорнымъ насмѣшкамъ и побоямъ Арсеній и Антоній. Діонисій всѣ страданія переносилъ терпѣливо и въ тоже время имѣлъ силу утѣшать страждущихъ съ нимъ и плачущихся отъ біенія, говоря: «не скорбите, братія, Господь все видитъ, и вы не безумствуйте, за слово бо истины страждемъ, и не вѣчная сія есть мука, но все это минется» [1]). Между тѣмъ благодаря стараніямъ враговъ Діонисія, по Москвѣ разнесся слухъ, что появились такіе еретики, которые «огнь хотятъ въ мірѣ вывести». Это вооружило на мнимыхъ еретиковъ простыхъ людей, особенно же возмутились «рукодѣльницы и пищи строителіе», т. е. люди, занятіе которыхъ не мыслимо безъ огня. Они выходили толпами «сѣ дреколіемъ и каменіемъ, ищуще святаго сего мужа многажды бити». Въ удовлетвореніе дикихъ порывовъ толпы, по распоряженію, конечно, духовныхъ властей, Діонисій въ дождливые дни былъ выводимъ изъ монастыря иногда пѣшкомъ, иногда «на клячишкѣ скверной и худой безъ сѣдла, въ скверныхъ и изодранныхъ рубищахъ—на посмѣшище». Среди народа находились, впрочемъ, и сострадавшіе ему, которые, видя такое поруганіе архимандрита знаменитаго монастыря, съ недоумѣніемъ спрашивали его: «отче святый Діонисіе, что сія бѣда надъ тобою?» Онъ же отвѣчалъ: «нѣсть се бѣда, но притча предъ бѣдою». Болѣе близкіе къ нему простирали свои вопросы дальше: «скажи намъ, отче, что притча предъ бѣдою, и что притча и что бѣда?» На это Діонисій отвѣчалъ: «нѣсть надо мною никакой бѣды, но паче милость Божія на мнѣ великая явися.

---

[1]) Жит. преп. Діонисія стр. 99.

ибо господинъ мой великій отецъ преосвященный митрополитъ Іона паче всѣхъ человѣкъ вся благая мнѣ сотворилъ, а сотворилось сіе по судьбамъ Божіимъ искущеніе мнѣ къ просвѣщенію души моей, на очищеніе грѣховъ, да не буду гордъ и величавъ предъ нимъ и предъ братіею своею. И сія притча есть искусъ Божій, а не бѣда; всѣ бо бѣды и напасти въ вѣцѣ семъ, и вся злая, бываемая человѣкомъ, нѣсть бѣда, но милость Божія: бѣда же се есть, еже въ геенѣ огненной живу мучиму быти во вѣки со зміями и бѣсы». Изъ періода заключенія Діонисія въ Новоспасскомъ монастырѣ Симонъ разсказываетъ объ одномъ чудесномъ событіи. Однажды послѣ утрени Спасскій архимандритъ, келарь и братія шли изъ церкви въ свои келліи и вдругъ замѣтили, что изъ кельи, гдѣ пребывалъ Діонисій, «изъ трубы дымъ былъ и свѣтъ огненъ..... свѣтяшеся зѣло». Власти поспѣшно послали осмотрѣть келью Діонисія и запретить нагрѣвать ее, такъ какъ не приказано было топить кельи. Посланные, осмотрѣвши, ничего въ печи не нашли и о томъ доложили властямъ, которыя много дивились этому.

Тѣсное заключеніе не давало Діонисію возможности имѣть какія-либо сношенія съ своими единомышленниками и друзьями. Близкіе къ Діонисію люди съ своей стороны опасались навѣщать его, такъ какъ надъ Діонисіемъ тяготѣло страшное осужденіе въ еретичествѣ: могли заподозрить посѣщавшихъ его въ томъ, что они раздѣляютъ мысли осужденнаго архимандрита, и слѣдовательно такіе-же еретики, какъ онъ. Однако во время своего заключенія Діонисій получилъ, несомнѣнно, отъ одного изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ утѣшительное письмо. Пославшій это письмо не называетъ себя по имени, не называетъ онъ въ письмѣ и имени Діонисія, однако несомнѣнно, что оно послано къ Діонисію. Въ рукоп. Троице-Лаврской библіотеки № 700 предъ этимъ письмомъ значится припись: «сіе посланіе обрѣтохъ въ книгѣ архимарита Діонисія съ прочими иными епистоліями, иже къ нему писаны, и аще и не положено именъ, отъ кого и къ кому, но сила чтомыхъ словесъ подобится къ ево лицу отъ нѣкоего мудра

и анаѳема ему, утѣшающе во время страданія его, имень же не явилъ есть настоящихъ ради временъ» [1]). Посланіе это очень пространно и написано витіеватымъ языкомъ. Начинается оно такъ: «что имамъ писати къ твоему пространѣйшему разуму и любомудрію, паче же къ чистому твоему житію и благовѣнству». Затѣмъ авторъ посланія высказываетъ смущеніе, какъ ему, мало свѣдущему въ божественномъ писаніи, преподать слово утѣшенія человѣку, который «самъ на много дидаскалъ и многаго разума наполненъ, аки корабль многаго богатства» и отъ устъ котораго «подобаетъ всегда слышати и наслаждатися». Но не смотря на то, пишетъ далѣе авторъ отъ какихъ-то лицъ, разлученныхъ съ Діонисіемъ, «впростѣ рцемъ, елико сила; аще паки отъ смущеннаго ума и отъ зельныя горести, но мысль свою скажемъ неложно». Послѣ такого приступа авторъ говоритъ, что они, оставленные архимандритомъ Діонисіемъ, скорбятъ. Скорбь ихъ особенно увеличивается отъ того, что они не получаютъ отъ него никакихъ вѣстей. Діонисіево посланіе могло-бы утѣшить всѣхъ ихъ: «вѣмъ бо, вѣмъ, можешь своимъ мудрованіемъ, пишетъ Діонисію авторъ посланія, умилити и яко жаломъ душу уязвити и многобурную суету, лежащую въ дому моемъ, разорити и весь смущенный умъ мой собрати». Но авторъ убѣжденъ, что Діонисій ничего не пишетъ имъ «не дальняго ради разстоянія, но страшнаго ради запинанія, не сердечнаго ради его къ нимъ нерадѣнія, но твердаго ради заключенія». Что касается того, что и они, разлученные съ Діонисіемъ, *«по се время»* [2]) не посѣтили его и не извѣстили писаніемъ, то это произошло также не отъ лѣности и нерадѣнія ихъ, а отъ того, что они сами стѣснены. «Го-

---

[1]) Въ рук. Казанской Дух. Ак. № 627, л. 173 (по Опис. рук. Соловецк. Мон. № 670 (608) л. 173) это письмо имѣетъ такое заглавіе: «сіе посланіе обрѣтено по смерти архимандрита Діонисія въ келіи. Къ кому же писано и до кого имянъ не объявлено. По слогу-жъ разумно, что къ архимандриту Діонисію во время, егда посланъ бысть подъ началъ».

[2]) Это выраженіе и нѣкоторыя другія показываютъ, что написаніе посланія относится къ послѣднему періоду заключенія Діонисія.

римъ мыслію и умомъ такожде по всякъ день и часъ..., желаемъ къ твоему любомудрію тако притещи, аки сынъ ко отцу, или болящій ко врачу, или аки елень ко источнику»; но они не могутъ этого сдѣлать, «понеже, пишетъ авторъ, въ конецъ склячены есмы отъ великихъ тѣхъ своихъ скорбей и печалей, яже, вселюбезне мой, и самъ вѣси, о нихъ же не у время нынѣ подробну изрещи... и паки ничтоже польза, токмо труды». И такъ, не лѣность и нерадѣніе или забвеніе Діонисія были причиною ихъ молчанія; они молчали «страшнаго ради запрещенія... и общія ради молвы...» Самъ вѣси, прибавляетъ къ этому авторъ посланія что всѣхъ насъ та мѣра смирила». Но наконецъ, «отложивъ страхъ», авторъ рѣшился послать Діонисію слово утѣшенія. Затѣмъ въ посланіи говорится, чтобы Діонисій терпѣливо переносилъ свои страданія, потому что эти страданія—такое же искушеніе, какое Богъ посылалъ святымъ своимъ и праведнымъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ, такъ и въ Новомъ. Какъ на примѣры такихъ Божіихъ испытаній указывается на Іова, Іосифа, Іеремію, Даніила, изъ Новаго завѣта—на Петра, Павла, Симона и Тимоѳея. Богъ посылалъ на этихъ людей испытанія для того, чтобы они чрезъ то содѣлались чистыми, какъ злато, и сподобились «свѣтлѣйшаго вѣнца». Такъ должно смотрѣть на страданія. Такъ учитъ насъ и слово Божіе, гдѣ говорится: «его же любитъ Господь, наказуетъ, біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ»; и приводится послѣ этого въ посланіи еще очень много текстовъ въ томъ же родѣ, доказывающихъ одну мысль, что страданія и несчастія намъ бываютъ на пользу. Но если по человѣческой слабости страданія сильно будутъ чувствоваться, то въ такомъ случаѣ для поддержанія въ себѣ бодрости духа авторъ посланія совѣтуетъ обратиться къ чтенію божественнаго писанія, «понеже велія польза бываетъ отъ божественнаго писанія и прочитанія, иже бо отводитъ отъ многаго унынія и печали, писано есть: аще найдетъ на тя печаль, почитай книги». А если и послѣ того печаль и уныніе будутъ на душѣ, то слѣдуетъ обратиться съ теплой молитвой къ Богу, «понеже вся возможна отъ Него, а не отъ человѣкъ».

Потому-то, пишетъ Діонисію авторъ, «и ты, вселюбезнее, сему реченію внимай и со благодареніемъ принимай и внимай сію чувственную ограду въ небесную ограду, и твердое заключеніе въ таможнее въ неисходное вселеніе, и словесное поношеніе въ будущія муки пресѣченіе, и всякую нужу и тѣсноту въ богатую нищету. Аще-ли намъ возразишь, прибавляетъ онъ къ сему, и помянешь въ умѣ своемъ, яко тя поучаемъ, а сами творити сего не возмогаемъ: ей, не возмогаемъ, понеже малодушни есмы и маловерны, тебе же вѣмы, яко мужественъ и крѣпокъ и можешь вся находящая тя понести». Посланіе заключается просьбою, чтобы и Діонисій съ своей стороны написалъ имъ «писаньицо», и извиненіемъ со стороны автора, что онъ «ни котораго потѣшеньица не присылывалъ» Діонисію. «Воспиши же и намъ свое писаньицо отъ своего многоумія, чтобы намъ также въ конецъ въ умѣ своемъ не унывати и печаль свою отгонятн.... А и въ томъ на меня, благолюбне, не прогнѣвайся, что къ тебѣ ни котораго потѣшеньица не присылывахъ. Свидѣтель той же Творецъ мой Богъ, что самъ скляченъ въ конецъ скудостію и недостатки. А и самъ, господине мой честный, вѣси, какъ раззоренъ и погубленъ отъ напрасныя тоя бѣды и напасти и отъ нестройнаго своего житія» [1]).

Таково содержаніе посланія, полученнаго Діонисіемъ во время его заключенія въ Новоспасскомъ монастырѣ. Кто написалъ это посланіе—съ полною достовѣрностію рѣшить трудно. Только очень немногія данныя для рѣшенія этого вопроса имѣются въ самомъ содержаніи посланія; другихъ же указаній на него нигдѣ нѣтъ. Самое цѣнное въ разсматриваемомъ отношеніи мѣсто въ посланіи то, гдѣ авторъ говоритъ о своемъ стѣсненіи и скудости, имѣющихъ связь съ страданіями Діонисія. «Скляченъ есмы, говоритъ въ этомъ мѣстѣ авторъ, отъ великихъ тѣхъ скорбей и печалей, яже, вселюбезне мой, и самъ вѣси.» Выставляя, далѣе, причину, почему онъ долго не писалъ Діонисію, авторъ говоритъ,

---

[1]) Все посланіе это съ указаніемъ даже нѣкоторыхъ варіантовъ отпечатано въ изслѣдованіи г. Кедрова «Авраамій Палицынъ» (въ приложеніи).

что случилось это *того-же* страшнаго ради *запрещенія*.... *общія* ради *молвы*..... самъ вѣсть, что *всѣхъ насъ та мѣра смирила*.» И такъ, авторъ говоритъ о такимъ своихъ стѣсненіяхъ, которыя вполнѣ извѣстны Діонисію: это — запрещеніе, общая молва, и затѣмъ онъ упоминаатъ о такой «мѣрѣ,» которая смирила всѣхъ ихъ (т. е. самаго автора, Діонисія и нѣкоторыхъ другихъ лицъ). Эти выраженія автора съ предъидущими словами посланія находятся въ такой связи. «Ты намъ ничего не пишешь, говоритъ авторъ посланія Діонисію, но мы знаемъ, что ты не пишешь намъ «страшнаго ради запинанія» и «твердаго ради заключенія,» но вѣдь и мы, если до сихъ поръ не присылали тебѣ письма то не почему—либо другому, какъ только «*того-же* страшнаго ради запрещенія..... общія ради молвы»: вѣдь всѣхъ насъ та мѣра смирила. Ясно, что бѣда и стѣсненія, обрушившіяся на автора и сущихъ съ нимъ, имѣютъ связь съ страданіями самаго Діонисія, вытекли изъ одного источника, т. е. имѣли своею причиною тоже дѣло исправленія книгъ, за которое пострадалъ и Діонисій. Вотъ одинъ изъ признаковъ, опредѣляющихъ личность автора посланія. По этому признаку можно насчитать трехъ лицъ, которыя могли написать посланіе. Эти лица: Арсеній Глухой, Иванъ Насѣдка и Антоній Крыловъ. Но ни Арсеній, ни Антоній не могли быть авторами посланія. Авторъ посланія былъ, какъ видно, на свободѣ, онъ говоритъ о своемъ домѣ, въ которомъ лежитъ «многобурная суета,» ведетъ рѣчь свою отъ нѣсколькихъ лицъ, съ которыми имѣлъ общеніе; между тѣмъ какъ Арсеній былъ въ тѣсномъ и одиночномъ заключеніи на Кирилловомъ подворьѣ. Объ Антоніи-же со времени осужденія сто на соборѣ прекратились почти всякія извѣстія; да онъ и не былъ на столько «мудръ,» чтобы написать такое витіеватое посланіе, не былъ на столько близокъ къ Діонисію и не могъ говорить о какомъ-то «своемъ домѣ,» будучи монахомъ монастыря. Остается Иванъ Насѣдка. И дѣйствительно, всего безошибочнѣе признать, что авторомъ посланія былъ именно Иванъ Насѣдка. Онъ не былъ заключенъ, а былъ на волѣ и жилъ, вѣроятно, въ своемъ домѣ—въ селѣ Кле-

ментьевѣ. Но воля Насѣдки послѣ соборнаго осужденія была очень стѣснена. На немъ лежало „страшное запрещеніе" священнодѣйствовать: онъ былъ запрещенный попъ. А съ другой стороны успѣла, конечно, распространиться «общая молва,» что Насѣдка—еретикъ, какъ и архимандритъ Діонисій, потому, несомнѣнно, на него смотрѣли враждебно. Если-бы Насѣдка завязалъ открытыя сношенія съ Діонисіемъ, то, конечно, этимъ только раздувалъ бы вражду къ себѣ лицъ, его окружавшихъ, а потому онъ долго не рѣшался написать Діонисію, боясь, что это „разгласится" и повлечетъ за собой худыя послѣдствія. Какъ запрещеный попъ, Насѣдка не могъ священнодѣйствовать, и слѣд., не могъ получать доходовъ за исправленіе требъ. А это обстоятельство влекло за собою полное оскудѣніе его матеріальныхъ средствъ, потому-то онъ и говоритъ, что «самъ скляченъ въ конецъ скудостью и недостатки», такъ что не имѣетъ никакой возможности послать Діонисію какого—либо вещественнаго» потѣшеньица». Что касается того обстоятельства, что Насѣдка пишетъ отъ нѣсколькихъ лицъ, то это можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Въ монастырѣ, несомнѣнно, были очень многіе изъ монашествующей братіи, которые скорбѣли о страданіяхъ Діонисія. Очень вѣроятно, что кромѣ извѣстныхъ уже намъ лицъ, среди монашествующей братіи были и другіе, которые сочувствовали дѣлу Діонисія и принимали въ немъ какое—либо участіе. Они не привлечены были къ отвѣтственности, потому что участіе ихъ въ дѣлѣ было не замѣтно, но они не могли избѣжать ненависти, а можетъ быть и открытыхъ оскорбленій со стороны такихъ враговъ Діонисія и его дѣла, каковы Логинъ и Филаретъ. Если одинъ приходскій священникъ, высказавшій открыто сожалѣніе о Діонисіи, сказавши, что «нынѣ—де у насъ не Діонисій—архимаритъ»,—понесъ за это «тяжки раны на тѣлеси своемъ» [1]); то тѣмъ болѣе отъ тогдашнихъ монастырскихъ воротилъ должны были претерпѣть монахи монастыря, о которыхъ знали, что они—сторонники дѣла Діонисія. Изъ состава монастырскихъ вліятель-

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 73 об.

ныхъ лицъ мы не знаемъ ни одного, который бы потрудился вмѣстѣ съ Діонисіемъ въ исправленіи книгъ, или сочувствовалъ этому дѣлу, а напротивъ знаемъ нѣсколько такихъ лицъ, которые были враждебно настроены къ дѣлу Діонисія и къ самому Діонисію. Логинъ, Филаретъ, Маркеллъ, безчестный казначей Іосифъ Панинъ — все это — лица вліятельныя и въ тоже время враждебныя Діонисію. Въ виду этого мы съ правомъ можемъ сказать, что среди начальствующей братіи монастыря въ отсутствіе Діонисія господствовало направленіе враждебное ему. А если такъ, то понятно незавидное положеніе монаховъ, любившихъ Діонисія. Они были «склячены». Но рядомъ съ ними въ селѣ Клементьевѣ жилъ другъ Діонисія, вмѣстѣ съ нимъ пострадавшій. Естественно, что около этого-то друга Діонисія и объединились всѣ почитатели архимандрита. И вотъ когда Иванъ Насѣдка рѣшился написать Діонисію утѣшительное посланіе, то пишетъ его отъ себя и отъ всѣхъ почитателей: «мы унываемъ, мы болѣзнуемъ, мы желаемъ видѣть тебя». Болѣе близкаго къ Діонисію человѣка, чѣмъ Насѣдка, въ то время въ монастырѣ не было, и въ этомъ обстоятельствѣ мы находимъ новое подтвержденіе нашему мнѣнію о Насѣдкѣ, какъ авторѣ утѣшительнаго посланія Діонисію. Наконецъ, слогъ и форма выраженій сочиненій Насѣдки и автора посланія имѣютъ немало сходнаго [1]).

---

[1]) Однако существуетъ мнѣніе, что посланіе писалъ не Насѣдка, а Палицынъ. Доказываютъ это слѣдующимъ образомъ: а) посланіе писано изъ осажденнаго Владиславомъ монастыря, на что указываютъ тѣ мѣста письма, въ которыхъ говорится отъ лица посылавшихъ его, что «убогій домъ ихъ пустъ», что въ домѣ ихъ «многобурная суета», что они «сами склячены отъ великихъ тѣхъ бѣдъ и напастей». Эти и подобные признаки свидѣтельствуютъ, что письмо писано изъ Троицкаго монастыря; но в) хотя письмо говоритъ о братіи осиротѣвшаго монастыря, все-таки писано оно *однимъ* лицемъ, такъ какъ авторъ употребляетъ личныя формы глагольныхъ окончаній, указывающія съ одной стороны на него, а съ другой—на братію (сѣтую—сѣтуемъ; горю—горимъ и под.) и с) письмо это писано начальнымъ человѣкомъ въ монастырѣ, державшимъ кормило правленія за отсутствіемъ Діонисія. На это указываетъ слѣдующее: поговоривши о томъ, какъ это Діонисій »убогій *нашъ* домъ до конца пустъ оставилъ и не воспишетъ къ нимъ главизны утѣшительныя»,... авторъ замѣчаетъ: „вѣмъ бо, вѣмъ можешь своимъ мудроуміемъ умилити.... и многобурную суету, лежащую въ дому

Шелъ девятый мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ исправители были заключены и томились въ своемъ затоненіи. Между тѣмъ въ Москвѣ

моемъ раззорити. Послѣднія слова указываютъ на начальника, управлявшаго обителію вм. Діонисія, *хозяина*, ибо только такое лице могло сказать о монастырѣ, что это—*домъ мой*, утверждая въ тоже время, что это—*домъ мой* (см. у Кедрова въ кн. Авраамій Палицынъ стр. 174). Но начальнымъ лицемъ въ обители, за отсутствіемъ Діонисія, былъ никто иной, какъ келарь Палицынъ. Слѣд., несомнѣнно, что письмо было писано Палицынымъ.—Но вѣдь въ этомъ случаѣ нужно вспомнить тоже, что нами сказано раньше, именно, что бѣдствія автора имѣли связь съ страданіями Діонисія, что онъ (авторъ) не писалъ Діонисію „*того-же* страшнаго ради запрещенія", какое тяготѣло и на Діонисіи. Какое же такое запрещеніе простиралось на Палицына, о которомъ-бы онъ могъ упоминать?! Нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ утверждать, что Палицынъ какъ-либо былъ привлеченъ къ отвѣтственности за исправленіе книгъ; онъ не участвовалъ въ исправленіи, онъ и не подвергся никакой карѣ за это. Если бы стѣсненіе Троицкихъ исправителей отозвалось чѣмъ—нибудь на Палицынѣ, то врядь-ли бы современники умолчали объ этомъ обстоятельствѣ. Палицынъ былъ очень замѣтное лице. По всему видно, что для него лично благополучно сошло это тревожное дѣло. Если же такъ, то съ какой стати онъ сталъ бы писать Діонисію, что на немъ лежитъ «запрещеніе», что всѣхъ ихъ та мѣра смирила и под. Непонятно также, что Палицынъ—келарь богатѣйшаго монастыря такъ оскудѣлъ, что не былъ въ состояніи послать Діонисію совершенно «никакого вещественнаго потѣшеньица». Это не правдоподобно; между тѣмъ какъ въ устахъ Насѣдки эти слова посланія вполнѣ понятны. Наконецъ, стоитъ замѣтить, что ни въ одномъ изъ сохранившихся о Діонисіи извѣстій нѣтъ намека на то, чтобы Палицынъ и Діонисій были между собою въ такихъ же близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ, какъ напр. Насѣдка и Діонисій. Симонъ упоминаетъ о многихъ лицахъ, къ которымъ былъ особенно расположенъ Діонисій, какъ-то: объ архимандритѣ Перфиліѣ, о двухъ священникахъ Ѳедорахъ, о инокѣ Дороѳеѣ, о Насѣдкѣ и др. Отчего бы ему пройти *полнымъ* молчаніемъ такое немаловажное обстоятельство, какъ тѣсная связь Діонисія съ своимъ знаменитымъ келаремъ. Это могло бы дать ему поводъ для многихъ лестныхъ отзывовъ о самомъ Палицынѣ. Между тѣмъ какъ въ его житіи живо выступаютъ предъ нами такія личности, какъ Насѣдка и Дороѳей, а *знаменитый* Палицынъ вовсе почти и не упоминается. Этому есть же какая—ниб. причина? А причина та, что Палицынъ вовсе не былъ близокъ къ Діонисію—главному предмету «житія» Симона. Что касается

ихъ дѣло возбудило очень много шуму и толковъ объ немъ разсуждали даже на площадяхъ и улицахъ, и вездѣ общее настроеніе было не въ пользу исправителей. Предметомъ рыночныхъ разсужденій было преимущественно слово: *и огнемъ*. Какой нибудь «калачникъ» или «пирожникъ» — и тотъ не пропускалъ иногда случая, ничего не понимая, обозвать исправителей еретиками, или сумашедшими, говоря, что они «взбѣсились». Мы уже упоминали, что простой народъ жестоко оскорблялъ Діонисія за то, что онъ хотѣлъ «огонь изъ міра вывести». Но тонъ спорамъ и разнымъ отзывамъ о дѣлѣ исправителей шелъ отъ людей болѣе или менѣе книжныхъ. На площадь или на торгъ нерѣдко появлялись «риторы и витіи», которые своими мудрствованіями особенно разжигали въ толпѣ недоброжелательство къ исправителямъ. Эти люди не гнушались имѣть дѣло съ мелкими торговцами, а то даже съ «пьяными бабами», трактуя имъ объ еретичествѣ исправителей. Особенно извѣстенъ одинъ болѣе другихъ образованный человѣкъ, какъ ревностный противникъ дѣла исправителей. Это — Антоній Подольскій. О происхожденіи и жизни Антонія Подольскаго не осталось почти никакихъ извѣстій; но видно, что онъ былъ образованный по своему времени инокъ. Онъ любилъ, по выраженію Насѣдки, «въ безмѣрная и неприступная проницати разсужденія» и говорилъ про себя, что «никто убо совершенно противъ него грамотикіи и діалектики въ Россіи не знаетъ» [1]). Эта похвала Антонія самому себѣ не имѣла бы, конечно, никакого значенія,

того обстоятельства, что авторъ посланія говоритъ, что Діонисій оставилъ «домъ *нашъ*», а потомъ „домъ *мой*", то намъ думается, что такъ могъ говорить и Насѣдка. Онъ жилъ въ монастырѣ долго, сроднился съ нимъ, а кромѣ того писалъ посланіе отъ лица монаховъ—почитателей Діонисія, а потому говоря о монастырѣ, онъ могъ сказать отъ лица всѣхъ ихъ: домъ нашъ; а когда онъ говоритъ: „домъ мой", то разумѣетъ именно свой домъ, въ которомъ по причинѣ скудости и несчастнаго положенія Насѣдки, была „многобурная суета": Діонисій, какъ человѣкъ весьма близкій къ Насѣдкѣ, могъ конечно нравственно повліять своимъ письмомъ на самаго Насѣдку и его семейство, поддержать ихъ.

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 237 об.

если бы мы изъ сочиненій Антонія не убѣждались, что онъ дѣйствительно былъ большой риторъ. Мы знаемъ, что Антоній Подольскій былъ очень плодовитый писатель. Изъ его сочиненій извѣстны слѣдующія: 1) слово о многопотопномъ и прелестномъ пьянствѣ (отъ 1620 г.) [1]; 2) слово о царствіи небеснѣмъ и славѣ святыхъ, раздѣловъ 6, написанное въ 1626 году; 3) посланіе къ нѣкоему, въ которомъ заключаются слѣдующія пять словъ: а) о человѣчестѣмъ правѣ, живущемъ добрѣ во христіанской славѣ, еще да и жестокости и о немилости гордостію, в) слово о прелестнѣмъ семъ и видимомъ нами свѣтѣ и о живущихъ насъ всѣхъ человѣковъ, с) слово о человѣчестѣй плоти, д) слово о чести родителей своихъ и е) слово о пьянствѣ и блудѣ (начинается это послѣднее: «люто убо есть во истинну люто піянство»; а первое слово Антонія о пьянствѣ нач.: «срамъ есть царю»...). Изъ этихъ словъ разныхъ можно убѣдиться, что Антоній былъ очень витіеватый проповѣдникъ, хотя неизвѣстно произносилъ-ли онъ гдѣ свои слова. Но остались отъ Антонія произведенія и въ другомъ родѣ. Таковъ «Хронографъ», начинающійся съ «повѣсти о созданіи и плѣненіи Тройскомъ и о конечномъ раззореніи, еже бысть при Давидѣ царѣ іудейскомъ» и кончающійся главою «о взятіи Царяграда отъ безбожнаго Турскаго царя Амурата». Но собственно важенъ не самый этотъ хронографъ, представляющій ничто иное, какъ почти буквальный списокъ съ хронографа первой редакціи 1512 года, а важно предисловіе къ нему, составленное самимъ Антоніемъ. Въ концѣ предисловія замѣчено: «двоестрочіе книги сея гранографа соста (sic) отъ нѣкоего боголюбиваго мужа и всякія духовныя любви исполнена Антонія Подольскаго къ нѣкоему непотребну и грѣшну мужу, его же имя зри въ предчинныхъ буквахъ въ семъ двоестрочіи». «Замѣтку эту, говоритъ г. Поповъ, мнѣ кажется слѣдуетъ понимать такъ: Антонію Подольскому было поручено, какъ лицу извѣстному въ книжномъ мірѣ, составить

[1]) Слово о многопотопномъ пьянствѣ напечатано въ Прав. Соб. 1862 г. 1 ч. Мы читали его и убѣдились, что оно очень краснорѣчивое и дов. умное.

двоестрочіе къ хронографу» [1]). Нѣкоторыя мѣста этого предисловія обнаруживаютъ въ Антоніи писателя съ отвлеченными замашками. Но будучи человѣкомъ довольно образованнымъ, Антоній не отличался нравственною безупречностію. Самъ онъ сознается, что ему не чуждъ былъ порокъ пьянства. Такъ въ словѣ о пьянствѣ онъ говоритъ: «отъ нихъ же (пьяницъ) первый есмь азъ», или: «гдѣ тя учиню, о подобный мнѣ пьяница». Конечно, и этотъ отзывъ Антонія о себѣ можно бы объяснить его смиреніемъ или посмотрѣть на него, какъ только на риторическую прикрасу, если бы не было другихъ указаній въ томъ же родѣ. Насѣдка въ послѣдствіи, обличая Антонія, очень часто упрекаетъ его за пьянство. Живя въ Москвѣ, Антоній стяжалъ себѣ авторитетъ учителя. И вотъ такой-то человѣкъ выступилъ въ роли обличителя ереси, когда таковая была признана соборомъ за исправителями. Московскіе люди довѣрчиво относились къ обличителю, «зря въ него, какъ въ зеркало». Но его рѣчи далеко не чужды были многихъ заблужденій. Всѣ свои богословскія разсужденія по поводу слова: *и огнемъ* Антоній собралъ въ одно большое сочиненіе, какъ это видно изъ словъ Насѣдки къ Антонію: «и ты о огни раздѣльшемся много собралъ еси писанія на мя». Но это сочиненіе Антонія не дошло до насъ; о немъ мы знаемъ только по выдержкамъ въ сочиненіяхъ Насѣдки противъ Антонія. Какъ на человѣка, бывшаго на свободѣ, Антоній простиралъ свои нападки, главнымъ образомъ, на Насѣдку. Насѣдка же раньше времени, вѣроятно, не осмѣливался оппонировать Антонію, такъ какъ это легко могло повлечь худыя послѣдствія для него. Заблужденія, высказанныя Антоніемъ въ сочиненіи его противъ Насѣдки можно свести къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Антоній оставлялъ безъ вниманія старые письменные служебники и вѣрилъ только печатному, 2) нарицалъ Духа св. огнемъ, 3) дѣйственную силу св. Духа — огнь приписывалъ, какъ четвертый «составъ» св. Троицѣ, 4) говорилъ на

[1]) Обзоръ хроногр. рус. ред. *Попова* вып. II стр. 244. И остальныя свѣдѣнія о сочиненіяхъ Антонія мы заимствовали оттуда же. Упомянутое же предисловіе къ Хронографу напечатано тамъ цѣликомъ стр. 245—252.

основаніи словъ Предтечи, что Духъ св. огненнымъ видѣніемъ отдѣлилъ отъ себя благодать, 5) училъ о какомъ-то «огни просвѣтительномъ» и 6) признавалъ, что этимъ огнемъ освящается богоявленская вода.

Въ такомъ состояніи было дѣло исправителей до апрѣля 1619 года. Въ апрѣлѣ же сего года произошло обстоятельство, давшее первый толчекъ дѣлу Діонисія въ другую сторону — въ пользу исправителей. Въ то время пріѣхалъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ по нуждамъ греческой церкви, или, какъ говоритъ самъ онъ: «во времена та быти случися намъ тѣлеснѣ тамо (въ Москвѣ) нужи ради нашея церкви» [1]). Хотя въ житіи Діонисія, а равно въ одномъ изъ хронографовъ причиной пріѣзда Ѳеофана въ Москву выставляется особенная забота вселенскихъ патріарховъ о нашей вдовствовавшей въ то время церкви, однако несомнѣннѣе, что Ѳеофанъ прибылъ въ Москву «милостыня ради и искупленія святыхъ мѣстъ, обладаемыхъ безбожными турки». Самъ Ѳеофанъ въ грамотѣ о поставленіи патр. Филарета говоритъ: «изволися святымъ и богоноснымъ отцемъ, во святѣмъ градѣ Іерусалимѣ въ Палестинѣ пребывающимъ послати мене ..... ради нашихъ недостатковъ помолити, наипаче же церковныхъ ради вещей и оскудѣнія» [2]). Пріѣхавши въ Москву, Ѳеофанъ не могъ не узнать о дѣлѣ Діонисія, возбудившемъ столько шуму и преній: «обрѣтохомъ любопрящихся мнозѣхъ о семъ прилозѣ» (т. е. о прилогѣ: и огнемъ), говоритъ самъ Ѳеофанъ. Кромѣ того, какъ видно, нашлись болѣе добросовѣстные люди, которые передали Ѳеофану правдивую исторію дѣла Діонисія, потому что Насѣдка замѣчаетъ, что Ѳеофанъ «увѣдалъ о Діонисіи вся бываемая отъ *многихъ истинныхъ вѣдцовъ*.» Понявъ невинность Діонисія, Ѳеофанъ не оставилъ дѣла его безъ вниманія, но «подаде ему руку помощи, да вознесется правда его въ церкви Божіей.» Несомнѣнно, что со времени пріѣзда Ѳеофана положеніе заключенныхъ исправителей стало сноснѣе: ихъ, хотя еще и не

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, въ грамотѣ Ѳеофана.

[2]) Доп. къ Акт. Истор. т. 2-й стр. 203.

выпускали изъ заключенія, но стѣсняли уже меньше, а потому къ этому времени всего лучше отнести написаніе ими своихъ защитительныхъ рѣчей. Раньше Діонисій и Арсеній жили въ такомъ утѣсненіи, что врядь-ли имѣли какія—либо удобства для составленія своихъ длинныхъ рѣчей. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что рѣчь Арсенія къ Салтыкову появилась въ апрѣлѣ. Основаніе для этого слѣдующее. «И нынѣ, государь, пишетъ Арсеній Салтыкову, въ томъ дѣлѣ я нищій чернецъ Глухой сижу на Кирилловомъ подворьѣ, въ желѣзахъ животъ свой мучу *девятой мѣсяцъ*, объ одной свиткѣ перебиваюсь, и та ужъ съ плечъ свалилась и безъ теплыя одежды» [1]. А девятымъ мѣсяцемъ со времени осужденія исправителей приходится апрѣль. Къ тому-же времени мы думаемъ отнести и другое посланіе Арсенія Глухаго—къ протопопу Ивану Лукьяновичу. Какъ видно, Арсеній слѣпилъ расположить въ свою пользу лицъ вліятельныхъ. Тогда же было написано сочиненіе Ивана Насѣдки противъ Антонія въ 35 главахъ. Насѣдка также съ пріѣздомъ патр. Ѳеофана, взглянувшаго на дѣло исправителей иными глазами, чѣмъ Московскія власти, могъ почувствовать себя развязнѣе, а потому могъ безопаснѣе выступить съ словомъ защиты своего дѣла. И такъ, въ періодъ времени отъ пріѣзда Ѳеофана въ Москву до вступленія на патріаршество Филарета появились тѣ четыре сочиненія исправителей, которыя для изслѣдованія ихъ дѣла даютъ самый цѣнный и обильный матеріалъ. Эти произведенія: а) рѣчь Троицкаго архимандрита Діонисія «святыя соборныя, апостольскія церкви чадамъ—всѣмъ православнымъ христіаномъ» [2]; в) посланіе Троицкаго стар-

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 325.

[2]) Что Діонисій написалъ свою рѣчь до патр. Филарета—это видно, между прочимъ, и изъ того, что Насѣдка въ свою рѣчь, поданную Филарету чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ послѣдняго, многое буквально уже заимствовалъ изъ рѣчи Діонисія. Обыкновенно признаютъ, что Діонисій писалъ свою рѣчь, не имѣя въ виду спеціальной цѣли представить ее на соборъ для своей защиты, а потому и адресовалъ ее ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Это, конечно, вполнѣ вѣроятно, потому что Діонисій пи-

ца Арсенія Глухаго «благородному и благочестивому правителю и болярину государю Борису Михайловичу» (Салтыкову), с) послаціе Троицкаго старца Арсенія къ протопопу Ивану Лукьяновичу и d) Ивана Насѣдки обличительная рѣчь о огни просвѣтительномъ на Антонія Подольскаго въ 35 главахъ. Обратимся къ краткому разсмотрѣнію содержанія этихъ сочиненій исправителей.

Діонисій въ своей рѣчи [1]) послѣ обращенія ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, указавъ на повелѣніе царя исправить потребникъ, говоритъ затѣмъ подробно о томъ, на какомъ основаніи они исключили изъ молитвы на освященіе воды слово: *и огнемъ*. Кромѣ уже указанныхъ нами выше основаній, состоящихъ въ томъ, что это слово не находится въ старыхъ письменныхъ переводахъ, онъ даетъ рядъ соображеній, почему нельзя обосноваться въ подтвержденіе умѣстности этого слова на словахъ Предтечи о Христѣ: Той вы креститъ Духомъ Святымъ и

салъ рѣчь тогда, когда, можетъ быть, еще не зналъ, будетъ ли относительно его дѣла и соборъ. Но въ тоже время несомнѣнно, что на соборѣ 1619 года для своего оправданія онъ вполнѣ воспользовался своею заранѣе приготовленною рѣчью,—и даже, можетъ быть, читалъ ее; слова обращенія въ рѣчи въ послѣднемъ случаѣ Діонисію измѣнить было не трудно. Что это такъ,—объ томъ мы будемъ еще говорить въ слѣдующей главѣ.

[1]) Здѣсь мы дадимъ мѣсто только той части рѣчи Діонисія, которая находится въ извѣстныхъ намъ рукописяхъ (Тр.-Лавр. Биб. № 700, Синод. Биб. №№ 416 и 822); а что касается остальной большой части ея, которая, по нашему убѣжденію, вошла съ нѣкоторыми измѣненіями въ сочиненіе Насѣдки въ 40 главъ (3—31 главы) (см. введеніе стр. 30 прим.), то содержаніе ея изложимъ въ слѣдующей главѣ,—въ томъ именно мѣстѣ ея, гдѣ мы будемъ говорить объ отвѣтѣ Діонисія на соборѣ 1619 года предъ патріархами,—и это по тѣмъ соображеніямъ, что Насѣдка, писавшій свое сочиненіе позднѣе собора, внесъ въ него и тѣ соображенія, поясненія и дополненія, какія Діонисій нашелъ нужнымъ по ходу соборныхъ разсужденій присоединить къ своей рѣчи. (Нѣсколько поясненій высказанныхъ нами здѣсь мыслей и подтверждающихъ ихъ мы даемъ въ слѣдующей главѣ. Отрывокъ рѣчи Діонисія, находящійся въ рук. Лаврской Библіотеки № 700, мы помѣщаемъ въ приложеніи, какъ памятникъ XVII в. — цѣнный и доселѣ неизданный.

огнемъ. „И мы, говоритъ онъ, по евангелиста Луки слову хотѣли написати, но Марко евангелистъ и Матѳей не рекъ: и огнемъ, но токмо Духомъ Святымъ, и мы усумнѣлися о томъ и размысливши о словеси Господни, еже рече: азъ свидѣтельство имамъ болѣ Иваннова, азъ бо еже слышахъ отъ Отца моего, сія глаголю вамъ, и пріяхомъ слово Господне, еже къ Никодиму рече: аще не родится отъ воды и Духа не можетъ внити въ царство небесное,—и утвердихомся на семъ, зане не рекъ Господь о огни, но о водѣ и Дусѣ, и не дерзнухомъ написати въ старой Макарьевской переводъ: и огнемъ“ [1]). Послѣ этого изъ книги Дѣяній апостольскихъ приводятся мѣста, въ которыхъ говорится о крещеніи только водою и Духомъ;—разсказывается о томъ, какъ крестились каженикъ и Корнилій съ своимъ семействомъ, какъ апостолы Петръ и Іоаннъ были посланы въ Самарію для крещенія. „Мы же невѣжди суще, прибавляетъ тутъ Діонисій, разсуждахомъ словеса Господня, Іоанна Богослова и Луки евангелиста и Петра верховнаго апостола, яко Духомъ Святымъ, а не огнемъ рекли креститися“ [2]). Указавъ на примѣры крещенія, какъ оно совершалось апостолами, Діонисій говоритъ: „се, праведницы, разумѣйте, яко молитвою апостольскою крещаемымъ подавашеся Духъ Святый, но не въ огненныхъ видѣніяхъ, яко же имъ.“ Чтоже касается словъ Предтечи: Той вы креститъ Духомъ св. и огнемъ, то въ нихъ, согласно пониманію св. отцевъ, подъ огненнымъ крещеніемъ должно разумѣть будущее вѣчное мученіе грѣшниковъ. „Козма, говоритъ Діонисій, вселеннѣй вопіетъ: огнемъ креститъ конечнымъ Христосъ противныя, а не богомудрствующихъ.“ Доказывая умѣстность слова: *и огнемъ* въ молитвѣ на освященіе воды, нѣкоторые ссылаются на слова Кирилла Александрійскаго и Кирилла мниха, которые говорятъ, что Духъ св. есть огнь, а также на Григорія Богослова, который пишетъ, „огнь Бога нарицая.“ Но такихъ выраженій св. отцевъ нельзя держаться буквально, потому что, какъ выражается Діонисій, „не къ то-

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 135 и об.

[2]) Ibid, л. 137.

му тотъ глаголъ пріидетъ,“ -и послѣ этого Діонисій приводитъ слова Ареопагита: „шестое существо Богъ нарицается, паче всякаго существа и паче огня, огню бо Творецъ..... свѣтъ и паче свѣта, свѣту бо Творецъ.“ Если-же кто помыслитъ, что Богъ — огнь или свѣтъ, то выйдетъ, что Богъ „домыслимъ и вѣдомъ и постижимъ будетъ, сіе-жъ вси богословцы не пріяша.“ Послѣ этого преп. Діонисій приводитъ новый доводъ въ доказательство неумѣстности слова: *и огнемъ* въ молитвѣ водоосвященія богоявленскаго. Если это слово необходимо въ молитвѣ на освященіе воды богоявленской, то оно еще необходимѣе при освященіи воды въ чинѣ крещенія, потому что слова Предтечи относятся прямо къ крещенію. „Аще бы огнемъ освящатися водѣ, креститися огнемъ человѣкомъ, то бы написали святіи отцы въ крещеніи младенцемъ и всѣмъ человѣкомъ въ сей строкѣ: самъ убо, человѣколюбче Царю, пріиди нынѣ пришествіемъ святаго твоего Духа и освяти воду сію, — и аще по евангельскому словеси, еже: Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ, — то въ крещеніи бы въ молитвахъ никако не умолчено было“. „Нынѣ же, продолжаетъ Діонисій, всѣмъ вѣдомо, яко во всѣхъ книгахъ — въ крещеніи младенцевъ той строки нѣтъ, а тутъ было сходнѣе ей написано быти, истинно вѣдающе, яко токмо крестишася апостоли единіи огнемъ отъ Бога — Отца въ день пятидесятный и кромѣ ихъ никтоже видимо огнемъ съ небеси не крестился; но и о томъ огни, сшедшемъ съ небеси Иванъ Златоустый и иніи святіи, толкующе Дѣянія Луки списателя, написаша сице: не рече убо Лука евангелистъ, яко явишася имъ раздѣленніи языцы огненни, но *яко* огненніи [1]). Въ заключеніе своей рѣчи Діонисій говоритъ: „боятижеся достоитъ сего, дабы первое отъ св. отецъ не разликовати, второе, дабы съ латини ни въ чемъ не соединитися, третіе, еже вѣдѣніе и постиженіе Духу Святому не написати.“

Рѣчь Арсенія Глухаго къ Салтыкову содержитъ въ себѣ во первыхъ изложеніе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ началось дѣло исправленія, во вторыхъ указаніе поправокъ, которыя ис-

[1]) Рук. Тр. Лавр, Биб. № 700, л. 140 об.

правители сдѣлали въ книгахъ, и въ третьихъ, наконецъ, даетъ много для характеристики образованія тогдашняго Московскаго духовенства. Излагать содержаніе этой рѣчи намъ не нужно, потому что она по частямъ уже вошла въ наше сочиненіе и изложеніе ея была бы повтореніемъ сказаннаго нами [1]. Но мы обратимъ здѣсь вниманіе только на ту особенность ея, что въ ней Арсеній стремится умалить свое значеніе въ дѣлѣ исправленія книгъ и униженно испрашиваетъ у Салтыкова помилованія. Въ этомъ отношеніи она вовсе не то, что рѣчь Діонисія. Діонисій въ своей рѣчи просто и открыто доказываетъ справедливость своего дѣла и ничуть не унижается предъ людьми, власть и силу имущими: терпѣливый и всегда правдивый онъ не способенъ былъ на униженное моленіе предъ какою либо властію. Не то, мы говоримъ, представляетъ изъ себя рѣчь Арсенія. Сваливая главную вину на Діонисія и Насѣдку, онъ униженно проситъ себѣ пощады. Причиной своихъ бѣдъ онъ считаетъ именно этихъ двухъ личностей; а Насѣдку называетъ прямо лукавой лисицей. «И мнѣ ся мнитъ, пишетъ Арсеній Салтыкову, что я нищій чернецъ стражду отъ попа Ивана да отъ архимарита, потому что архимаритъ меня не послушалъ, дѣла не отказалъ, а попъ Иванъ на государево дѣло набился и выпросилъ дѣло себя для въ монастырь, смутилъ, что врагъ лукавый, но и въ правду убо лукавъ есть: у дѣла былъ большой, насъ же въ бѣду вваля, а самъ вывернулся, аки лукавая лисица, козла бѣднаго великобородаго заведши въ пропасть неисходну, а сама по немъ же выскочила. Милосердуйся, государь благородный и благочестивый и милостивый боляринъ Борисъ Михайловичъ, заключаетъ свою рѣчь Арсеній, помилуй меня нищаго чернца увѣчнаго, буди печальникъ царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу и государынѣ

[1]) Во II-мъ приложеніи къ сочиненію мы помѣщаемъ буквально эту рѣчь Арсенія по рук. Лаврской Библ. № 700, какъ памятникъ XVII в. — очень важный и доселѣ неизданный. Кромѣ упомянутаго Лавр. сборника и сборника Моск. Син. Биб, № 416, рѣчь Арсенія находится еще въ рук. Моск. Дух. Акад. №№ 175 и 177.

благовѣрной и великой старицѣ Марѳѣ Ивановнѣ, чтобы велѣли меня нищаго чернеца изъ желѣзъ свободити. Государь смилуйся пожалуй!» [1]). Однако желая, насколько можно, выгородить себя изъ дѣла, Арсеній ничуть не признаетъ несправедливымъ самаго дѣла; напротивъ, онъ утверждаетъ, что ихъ исправленія вѣрны, что никакой ереси въ нихъ нѣтъ. «Богъ свидѣтель, нищетъ оцъ страждемъ, государь, безъ вины; аще я нищій чернецъ и всѣхъ человѣкъ грѣшнѣе, но нѣсть во мнѣ ереси никакія; вѣрую убо во вся, яже самовидцы Слова и ученицы научища и святіи богоносніи отцы и учители святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви предаша, и сія вся пріемлю, и люблю, и почитаю». Выясняя же причины, почему однако ихъ дѣло кончилось такъ печально, Арсеній говоритъ: «аще бы, государь, наше морокованіе было дѣлано на Москвѣ, все было-бы благо и стройно и государю пріятно и всѣмъ православнымъ въ пользу; былъ-бы и великій святитель Божій митрополитъ Іона Сарскій и Подонскій по насъ велій поборникъ» [2]). Эти слова значатъ, что дѣло Діонисія, веденное въ Москвѣ, несравненно меньше возбудило-бы въ Московскомъ духовенствѣ недовольства и зависти. Духовныя власти могли-бы тогда встать близко къ дѣлу, принять на себя контролирующую роль, и тѣмъ самымъ удовлетворить своему честолюбію, которое было оскорблено дѣломъ Діонисія, когда оно велось внѣ всякаго участія Московскаго духовенства.

Въ такомъ же духѣ, какъ рѣчь къ Салтыкову, написано и другое сочиненіе Арсенія—посланіе къ протопопу Ивану Лукьяновичу. Мы ничего не знаемъ объ Иванѣ Лукьяновичѣ, но судя потому, что Арсеній обращается къ нему съ просьбой о ходатайствѣ предъ митрополитомъ, нужно думать, что это былъ вліятельный у митрополита человѣкъ [3]). «Государю священному протопопу Ивану Лукьяновичу, начинаетъ это свое посланіе Арсеній

---

[1]) Рук. Троицк. Лавр. Библ. № 700, л, 324 об. и 325.

[2]) Рук. Троицк. Лавр. Библ. № 700, л. 325.

[3]) Очень можетъ быть, что Иванъ Лукьяновичъ былъ изъ рода бояръ Стрѣшневыхъ.

безпомощный нищій чернецъ Арсеньишко Глухой Селижаровецъ, со слезами тебѣ. государю, челомъ бью, умилостивися, государь Иванъ Лукьяновичъ, вступися, государь, за мою бѣдность, буди мнѣ бѣдному помощникъ, сижу, государь, на Кирилловомъ подворьѣ окованъ желѣзы узкими и скорбными, а иногда въ темнѣ мѣстѣ и смраднѣ заключаемъ. Буди, государь, печальникъ митрополиту Сарскому и Подонскому, чтобы митрополитъ меня бѣднова нищева черница свободилъ, понеже ему государыня великая старица инока Мароа Ивановна дѣло дала на волю" [1]). Что значитъ это участіе Мароы Ивановны въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, по видимому, она не должна имѣть доли? Раньше мы видѣли, что въ кельяхъ у нея происходило какое-то „испытаніе" Діонисія, а теперь вотъ изъ посланія Арсенія видимъ, что отъ нея вышло даже разрѣшеніе митрополиту такъ или иначе свести счеты съ исправителями. Она была, такимъ образомъ, однимъ изъ главныхъ лицъ въ рѣшеніи участи исправителей. Что это значитъ? На рѣшеніе этого вопроса проливаетъ нѣкоторый свѣтъ слѣдующее замѣчаніе Арсенія же въ посланіи къ Салтыкову: „и не довольно стало господій нашихъ къ преложенію ярости на кротость сіе едино, еже наши труды уничтожити и омрачити, но и государыни благовѣрныя и великія старицы иноки Мароы Ивановны приложиша прекроткое и незлобивое сердце на ярость подвигнути, во еже озлобити насъ" [2]). Мы думаемъ, справедливо будетъ понять это мѣсто такъ. Духовныя власти, осудивши Діонисія и товарищей, постарались повліять на царя чрезъ его мать, чтобы царь осудилъ исправителей на болѣе тѣсное заключеніе: они вооружили противъ исправителей Мароу Ивановну, а послѣдняя повліяла въ этомъ же родѣ на царя; такъ что онъ отдалъ все дѣло на усмотрѣніе своей матери. А потомъ, когда исправители были заключены, Мароа Ивановна, вооруженная противъ нихъ духовными властями, предоставила митрополиту полную волю въ распо-

---

[1]) Прав. Соб. 1862 г., ч. 2, стр. 363 прим.

[2]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 322 об. и 323.

ряженіи судьбою исправителей [1]). Вотъ откуда вытекаетъ тотъ произволъ и тѣ грубыя обращенія съ Діонисіемъ, какія дозволялъ

---

[1]) Естественно здѣсь возникаетъ вопросъ: чѣмъ же могли вооружить духовныя власти „неалобивое сердце Мароы Ивановны" противъ Діонисія— человѣка на столько кроткаго? Интересный вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно при настоящихъ данныхъ, но небезумѣстны здѣсь нѣкоторыя соображенія для рѣшенія этого вопроса, которыя, можетъ быть, побудятъ лицъ, стоящихъ при хранилищахъ древнихъ рукописныхъ памятниковъ, поискать болѣе ясныхъ данныхъ для его рѣшенія. Намъ дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. Благодаря своей энергичной политической дѣятельности, Діонисій по окончаніи смуты сталъ весьма высоко въ глазахъ не только народа, но и большинства свѣтскихъ и духовныхъ властей. Какимъ необыкновеннымъ почетомъ и вліятельнымъ положеніемъ онъ пользовался въ то время—это, между прочимъ, видно изъ подписи его на грамотѣ, данной тотчасъ послѣ прекращенія смуты на имя кн. Трубецкаго и утверждавшей за нимъ богатую вотчину Вагу: на этой грамотѣ Діонисій подписался на второмъ мѣстѣ,—прямо послѣ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго Кирилла, а за нимъ уже подписались всѣ архіепископы, епископы и свѣтскія власти (см. объ этомъ выше: 1 час. стр. 167). Да и естественно, что патріотъ, своими грамотами такъ сильно возбуждавшій народъ и такъ много сдѣлавшій для спасенія отечества, обращалъ на себя взоры всѣхъ. И вотъ, когда по прекращеніи смутъ на ряду съ вопросомъ о новомъ царѣ возникъ вопросъ о новомъ патріархѣ, то естественно весьма и весьма многіе остановились тогда на Троицкомъ архимандритѣ, какъ на одномъ изъ достойнѣйшихъ кандидатовъ на патріаршество; тѣмъ болѣе естественно было остановиться въ этомъ случаѣ на Діонисіи, что онъ явился въ политической дѣятельности прямымъ преемникомъ патріарха—страдальца Гермогена, такъ прославившагося своими подвигами: а вѣдь при жизни Гермогена правою рукою его былъ тотъ-же Діонисій. И такъ, мы думаемъ, что по успокоеніи отечества Діонисія многіе мѣтили въ патріархи. Былъ тогда еще человѣкъ достойный занять этотъ высокій постъ,—это митр. Филаретъ. Но онъ находился далеко, въ плѣну и никому еще неизвѣстно было когда онъ возвратится; а между тѣмъ нужда въ патріархѣ ощущалась Однимъ словомъ, мы думаемъ, что образовалась большая партія, желавшая видѣть Діонисія патріархомъ. Можетъ быть, Діонисій и былъ-бы патріархомъ, еслибы иначе сложились обстоятельства; но обстоятельства сложились такъ, что царемъ сдѣлался сынъ плѣннаго митрополита. Это и повліяло на то, что главнымъ кандидатомъ въ патріархи явился не Діонисій, а Филаретъ; но,

себѣ митрополитъ Іона: онъ зналъ, что царь дѣйствуетъ подъ полнымъ вліяніемъ матери и не вступится за несчастныхъ. Отсюда же понятнымъ становится и выраженіе Арсенія, что „Марѳа Ивановна дала дѣло ихъ на волю митрополиту". Дальнѣйшее содержаніе посланія Арсенія Ивану Лукьяновичу заключаетъ въ себѣ указаніе поправокъ и главнымъ образомъ поправокъ, относящихся къ концамъ молитвъ, при чемъ указывается на то, что самъ „митрополитъ нашелъ не во многихъ мѣстахъ у молитвъ концы перемѣнены, а тѣхъ молитвъ больше, у коихъ концы не перемѣняны". Указавъ затѣмъ на то, что какъ „невозможно всякому хитрецу удобрити хитрость свою, не имѣя оружія, устрояющаго хитрость", также невозможно обойтись безъ „словесной хитрости и проходящимъ божественная писанія", Арсеній говоритъ о томъ, какъ онъ пріобрѣлъ словесное образованіе; между тѣмъ

конечно, не всѣ же вдругъ покинули мысль о кандидатурѣ Діонисія: оставались и его сторонники. По понятному чувству Марѳа Ивановна сильно желала видѣть въ патріархахъ своего супруга, а потому когда она прослышала, что нѣкоторыми намѣченъ другой кандидатъ—Діонисій, то естественно затаила къ нему нерасположеніе. Когда возникло дѣло относительно исправленія книгъ, то нерасположенныя къ Діонисію и его дѣлу духовныя власти и завистники его воспользовались такъ сложившимися обстоятельствами: они на основаніи слуховъ о кандидатствѣ Діонисія на патріаршество стали наговаривать Марѳѣ Ивановнѣ, что и *самъ* Діонисій добивается патріаршества, на которое тогда уже намѣченъ былъ патр. Филаретъ, и этими наговорами скоро успѣли „подвигнути на ярость" противъ Діонисія инокиню Марѳу. Вотъ чѣмъ, намъ думается, объясняется нерасположеніе царицы Марѳы къ Діонисію—нерасположеніе, простиравшееся до того, что она въ собственныхъ своихъ кельяхъ подвергла его пыткамъ. Эти наши соображенія подтверждаются и послѣдующими обстоятельствами. Извѣстно, что на Діонисія много разъ клеветали властямъ разныя лица. Одна клевета („эконома") состояла, между прочимъ, въ томъ, что Діонисій хочетъ быть *патріархомъ*. Объ этомъ было донесено патр. Филарету „экономомъ", который составилъ этотъ доносъ на основаніи слуховъ о кандидатствѣ Діонисія на патріаршество, и патр. Филаретъ отнесся къ этому доносу вполнѣ серьезно, опять-таки, думается, потому, что въ основаніи доноса было нѣчто правдоподобное, о чемъ можемъ быть, онъ и самъ слыхалъ.

лица, осудившія ихъ, не знаютъ, „кои во азбудѣ гласныя письмена и согласныя, а родовъ и временъ и лицъ и числъ того и не поминай, священная же философія и въ рукахъ не бывала, безъ нея же никто-же можетъ право разсудити не точію въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлехъ, аще и разсужденіемъ разуменъ будетъ, много имать погрѣшити". Далѣе, въ посланіи къ Ивану Лукьяновичу, какъ и въ посланіи къ Салтыкову, Арсеній очень подробно говоритъ о своей справѣ въ канонникѣ, изъ-за которой у него на соборѣ вышелъ горячій споръ съ Чудовскимъ архимандритомъ Авраміемъ. Наконецъ, въ заключеніе Арсеній пишетъ: „умилостивися, государь Иванъ Лукьяновичъ, буди мнѣ помощникъ, породи второе, вступися, а за тебя, государя моего, долженъ Бога молити аще, государь, восхощеши милость свою простреть къ моему избавленію отъ горькаго моего утѣсненія и Богъ поможетъ ти всяко. Смилуйся, государь, пожалуй порадѣй" [1]). Вообще, въ этой рѣчи Арсенія слышенъ голосъ человѣка истрадавшагося, которому не подъ силу стало переносить долѣе физическія и нравственныя мученія.

Сочиненіе Насѣдки противъ Антонія состоитъ изъ 35 главъ; написано оно до патр. Филарета, потому что въ рѣчи Насѣдки, поданной имъ Филарету, упоминается уже о сочиненіи на Антонія [2]). Каждая глава этого сочиненія имѣетъ свои заглавія, какъ это замѣчаемъ и въ остальныхъ двухъ сочиненіяхъ Насѣдки. Такъ, первая глава надписывается: „о Словеси Божіемъ воплощшемся къ Гордому Антонію Подольскому, нову ересь составляющу". Глава эта начинается такъ: „что буйственный умомъ возносишься на

---

[1]) Прав. Собес. 1862, 2-я ч. стр. 363—370—прим.

[2]) „Писаніе, государь, о семъ свидѣтельствуемъ, пишетъ Насѣдка Филарету, яко ни Отецъ ни Сынъ никого-жъ крестили огнемъ," о немъ-же тебѣ, государю, *напреди въ словесѣхъ еже ко Антонію, извѣстимъ* (Рук. Тр. Лавр. Вив. № 790, лл. 164 об.). Вѣроятно, Насѣдка свое сочиненіе противъ Антонія приложилъ къ рѣчи Филарету, а потому и заявляетъ ему, что если онъ будетъ читать его сочиненія, то *впереди*, въ сочиненіи противъ Антонія, усмотритъ то-то.

разумъ святыхъ отецъ, положенный въ божественныхъ писаніихъ, еже явити новое богословіе, дабы вѣровали твоему *собранію* отъ книгъ, яко огнь Богъ и огнемъ священнодѣйствуетъ таинство христіанское". Видно, что сочиненіе Антонія, противъ котораго пишетъ Насѣдка, имѣло компилятивный характеръ: *собрано* было отъ книгъ. „Рцы, лукавнующій, продолжаетъ Насѣдка, кому вѣрити,—тебѣ-ли, на земли пресмыкающемуся, или возшедшему умомъ превыше всѣхъ небесъ и видѣвшу Бога - Слова и слышавшу отъ него се: въ началѣ бѣ Слово, а не огнь, и Слово бѣ у Бога, а не огнь, и Богъ бѣ Слово, а не огнь, и Слово непреложно плоть бысть, а не огнь плоть бысть" [1]). Напрасно было-бы искать въ разбираемомъ сочиненіи Насѣдки какой-либо логической связи и плана; а потому мы ограничимся тѣмъ, что выпишемъ изъ него еще нѣсколько мѣстъ, болѣе другихъ дающихъ свѣдѣній для уразумѣнія сущности спора его съ Антоніемъ. Такъ, во второй главѣ подобное мѣсто: „и ты, Антоніе, отступаеши отъ исповѣданія православныя вѣры христіанскія, еже писано: вѣрую во единаго Бога, сице исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ, о немъ же много свидѣтельствуетъ все божественное писаніе, яко водою и Духомъ святымъ; ты же и другое крещеніе утверждаеши—огненное, и не другое, но осьмое—пагубное, о немъ же Златоустъ пространно написалъ въ бесѣдѣ II-й въ Матѳеевѣ; и всѣ переводы греческіе, русскіе старые письмянные отмещиши и вѣриши внукѣ одной,—печатной книгѣ служебнику, а мать и бабу и прабабу ни словомъ, а дѣломъ блядь являешь, занеже всѣ старые переводы ни во что вмѣняешь, и одному свидѣтельству печати вѣришь, а на тысящу и тьмы,—на старые переводы плюешь". И далѣе: „ты огнь нарицаешь Духъ святый, а Духъ святый именемъ не лучше-ли огня, слыши презорниче". „Се, Антоніе, святыя Троицы три составы единаго существа неслитнаго, Отца и Сына и св. Духа и святымъ недовѣдомы; ты же четвертый составъ, не боясь, проповѣдуеши всей Россіи" [2]). Далѣе, Насѣдка жалуется на то,

[1]) Рук. Троиц. Лавр. Биб. № 700, л. 213 об.

[2]) Рук. Троиц. Лавр. Биб. № 700, л. 216 и 217.

что Антоній предъ всѣми называетъ его еретикомъ, не признающимъ будто-бы благодати св. Духа, огнянными языки на апостолѣхъ явившагося. „Азъ же, говоритъ онъ по этому поводу, яко и грѣшнѣйшій паче бѣсовъ, но вѣрую во Отца и Сына и св. Духа, и ей исповѣдую и вѣрую и славлю бывшую благодать на св. апостолѣхъ отъ Отца, а не отъ Сына огнянным видѣніемъ и благодателя Духа св. паче огня прославляю.... твоему же разуму не вѣмъ, како сложитись, мудрствовати же съ тобою зѣло не смѣю, занеже благодатель прежде благодати есть и высшій именемъ, а ты убо небоязненно сице всѣмъ сказуешь, яко Духъ святый, по Предтечеву слову, а не по Бога Отца, благодать свою апостоламъ огненнымъ видѣніемъ отдѣлилъ отъ себя, и такоже, глаголеши, и нынѣ отдѣляетъ отъ себя же огненнымъ видѣніемъ, еже рече: Той вы креститъ Духомъ святымъ и огнемъ“. Изъ того, что Антоній проповѣдуетъ отдѣленіе благодати, Насѣдка выводитъ, что въ такомъ случаѣ и „Божіе существо должно быть мѣстно, а не вездѣсуще“ [1]). Пятая глава сочиненія Насѣдки посвящена разбору одного изъ главныхъ пунктовъ ученія Антонія „объ огни просвѣтительномъ“, будто-бы исходящемъ отъ Божія существа. «Да ты же, Антоніе, учиши на Москвѣ о огни просвѣтительномъ, говоритъ Насѣдка, яко отъ Божія существа исходитъ...., а мы сего по се время и не знаемъ и не вѣдаемъ, и тебѣ во снѣ прирезился тотъ свѣтъ и огнь просвѣтительный.... или ты видѣлъ своима очима, какъ просвѣтительный исходитъ огнь отъ Бога.... небесныя убо силы вся и твари его въ конецъ не вѣдятъ, а ты, Антоніе, откуду увѣдалъ или уразумѣлъ о невидимомъ и недовѣдомомъ промыслѣ Божіемъ и мудрствуеши, яко отъ Божія существа исходитъ огнь просвѣтительный и той освящаетъ всяческая; и мы не вѣруемъ твоему огню просвѣтительному безъимянному, но вѣруемъ, якоже научиша насъ святіи апостолы во Отца и Сына и св. Духа» [2]). Сказавъ потомъ о славѣ ангеловъ и святыхъ, Насѣдка прибавляетъ: «ты же, Антоніе, и таковыя славы не сто-

[1]) Рук. Троиц. Лавр. Биб. № 700, л. 221 об. и 222.

[2]) Рук. Троиц. Лавр. Биб. № 700, л. 227 и 228 об.

добився видѣти, да дерзаеши превысшія тоя неизреченныя славы умомъ восхитити гордымъ и касаещися некасаемыхъ, и проповѣдуеши инъ свѣтъ и огнь отъ Божія существа исходящъ... и аще несвѣдомая и неизреченная о Божіи существѣ открываеши таинства человѣкомъ, и мы о томъ тебѣ не вѣримъ, понеже и себя не зная бредиши». Помянувъ о томъ, что, по Антонію, этимъ просвѣтительнымъ огнемъ освящается и богоявленская вода, Насѣдка замѣчаетъ: «мы же се исповѣдуемъ, яко невидимый Богъ невидимою силою своею строитъ вся». Въ осьмой главѣ говорится, что по Антоніеву «не Богословію, а богоборію», выходитъ, что Духъ святый «въ лѣто 5534-е измѣненіе и преложеніе пріятъ и отъ всѣхъ пророкъ до дне пятидесятнаго свидѣтельствовася, яко Духъ Божій бѣ и Духъ отъ Бога и у Бога, въ день же той огнь бысть» [1]. «И кто, Антоніе, говоритъ Насѣдка, стерпитъ такову слыша хулу отъ тебе, яко всему естеству недовѣдаемому Божію превращеніе и измѣненіе явилъ еси и безлѣтнаго лѣтна показалъ еси и безначальнаго, уже начало и бытіе пріемша сказуеши; къ тому же и съ великимъ Григоріемъ ратуешися: онъ убо мужъ святый проповѣдуетъ и учитъ насъ, яко же крещеніе не симъ огнемъ, но духовнымъ, ты же тѣлеснымъ огнемъ освятити воду богоявленія утверждаещи, видимый убо сей огнь, еже въ свѣчахъ тѣло нарекоша и святіи отцы и внѣшніи мудрецы, и Духу святому, Творцу сущу всей твари, помощника быти огня сего выдумалъ еси». Крещеніе огнемъ, о которомъ проповѣдуетъ Антоній, есть ничто иное, какъ геенское мученіе: «повелѣніемъ Бога, говоритъ Насѣдка, будетъ пагубное крещеніе грѣшникамъ намъ съ тобою пьянымъ». Изъ одной изъ слѣдующихъ главъ видно, что Антоній училъ, что огнь исходитъ и отъ Сына, на что Насѣдка отвѣчаетъ ему: «хульно и безмѣстно есть, еже св. Духу отъ двухъ лицъ, сирѣчь отъ Отца и отъ Сына происходити и исповѣдати отъ Отца убо Духъ, отъ Сына же—огнь» [2]. Особенно Насѣдка возмущается тѣмъ, что Антоній не только самъ заблуждается, но и

[1]) Рук. Лавр. Бил. № 700 л. 236.

[2]) Рук. Лавр. Биб. № 700, л. 250.

другихъ многихъ соблазняетъ своими заблужденіями: «ты, Антоніе, не токмо самъ мудрствуеши, но и многихъ научилъ еси, еже призывати огнь въ молитвѣ на освященіе воды богоявленскія». — Мы на этомъ прекратимъ свои выписки изъ сочиненія Насѣдки противъ Антонія: изъ предложенныхъ нами уже достаточно видно, что для Антонія поводомъ для развитія своего ученія о Духѣ святомъ, какъ огнѣ, о просвѣтительномъ свѣтѣ, о крещеніи огнемъ и т. п. послужило исключеніе троицкими исправителями слова *и огнемъ* изъ молитвы на освященіе богоявленской воды. Насѣдка, защищая правильность своей справы, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ разборъ главныхъ пунктовъ ученія Антонія. Полемика Насѣдки съ Антоніемъ отличается несдержанностію. Антоній постоянно обзывается «буйственнымъ», «всегордымъ», «глупымъ», «пьянымъ» и т. под. Въ одномъ же мѣстѣ Насѣдка съ такими грубыми словами обращается къ Антонію: «се же разумѣй о себѣ хвалимый гущею съ мериномъ». Впрочемъ, такая грубость полемики Насѣдки вызвана, вѣроятно, подобною же грубостію Антонія, — и была она въ духѣ времени.

[illegible]

ГЛАВА II.

Исторія исправленія богослужебныхъ книгъ преп. Діонисіемъ при патріархѣ Филаретѣ.

Возвращеніе Филарета изъ польскаго плѣна.—Рѣчь Насѣдки, поданная патріарху Филарету.—Соборъ 1619 года; осьмичасовая защита Діонисія предъ соборомъ, воспроизведенная и записанная Насѣдкою (въ сочиненіи въ 40 главъ); оправданіе исправителей. — Посѣщеніе патріархомъ Ѳеофаномъ Троицкаго монастыря и возложеніе имъ на Діонисія греческаго клобука.—Совѣтованіе Филарета съ Ѳеофаномъ и грамоты, присланныя отъ патріарховъ Александрійскаго и Іерусалимскаго.—Грамота патр. Филарета отъ 9 декабря 1625 года.—Вопросъ о словѣ: *и огнемъ* послѣ Филарета; сочиненіе митр. Аѳоанія и критическій разборъ его, сдѣланный Насѣдкою.—Значеніе дѣла Діонисія.

Въ 1618 году декабря 1-го заключенъ былъ миръ русскихъ съ поляками на 14½ годовъ. Условіемъ мира, между прочимъ, было поставлено размѣнять плѣнныхъ съ той и другой стороны. Въ силу этого 1 іюня 1619 г. при рѣкѣ Поляновкѣ на рубежѣ за Вязьмою произошелъ размѣнъ плѣнныхъ русскихъ съ польскими; въ числѣ русскихъ плѣнныхъ былъ тогда-же вымѣненъ и митр. Ростовскій Филаретъ, томившійся въ Польшѣ 9 лѣтъ. Отъ Вязьмы двинулся Филаретъ къ Москвѣ. Сынъ его, царь Михаилъ Ѳедоровичъ рѣшилъ встрѣтить своего знаменитаго отца торжественно. Для этого были назначены три пункта, гдѣ Филарета должны были встрѣчать знатное боярство и высшее духовенство. Первымъ такимъ пунктомъ былъ Можайскъ, вторымъ—Звенигородъ и третьимъ—село Хорошево,

Изъ этихъ трехъ встрѣчъ въ селѣ Хоронцевѣ была самая торжественная; въ немъ встрѣчали Филарета изъ бояръ—Трубецкой и Бутурлинъ, а изъ духовенства самъ митр. Іона и Троицкій архимандритъ Діонисій. Обстоятельство присутствія Діонисія при встрѣчѣ Филарета показываетъ, что патр. Ѳеофанъ такъ повліялъ на духовныхъ властей московскихъ, что Діонисія прежде соборнаго разрѣшенія освободили изъ заключенія. 14 іюня Филаретъ вошелъ въ Москву; за пять верстъ отъ Москвы онъ былъ встрѣченъ самимъ царемъ. Пріѣздъ Филарета былъ торжественнымъ образомъ отпразднованъ въ Москвѣ. Скоро послѣ того начали думать о возведеніи его въ санъ патріарха. Еще до прихода изъ Польши Филаретъ считался въ Москвѣ самымъ достойнымъ кандидатомъ на вакантную патріаршую каѳедру: никого не ставили въ патріархи, потому что ждали отца царя. Патр. Ѳеофанъ, познакомившись съ Филаретомъ, также заявилъ царю, что это самый достойный человѣкъ для патріаршаго сана, что «опричь государя Филарета Никитича патріархомъ быть некому» [1]). Поэтому, въ 1619 году 21 іюня подъ предсѣдательствомъ Ѳеофана собрался соборъ епископовъ, чтобы оффиціально рѣшить этотъ «рѣшенный вопросъ», — и рѣшили быть Филарету патріархомъ. Самъ Филаретъ долго отказывался отъ предлагаемой ему чести, но наконецъ уступилъ просьбамъ собора. 23 іюня было обнанородованіе этого рѣшенія, а 24 самое поставленіе Филарета въ патріарха Московскаго и всея Россіи.

Видно, что патр. Ѳеофанъ очень внимательно отнесся къ дѣлу Діонисія, потому что прошла только одна недѣля по возведеніи Филарета въ патріархи, какъ оба патріарха озаботились составленіемъ собора для новаго разбора дѣла Діонисія и его товарищей. Но несомнѣнно, еще прежде этого собора была подана Филарету Иваномъ Насѣдкою рѣчь. Такъ какъ въ этой рѣчи Филаретъ называется уже патріархомъ, то нужно признать, что она была подана послѣ 24 іюня и до начала собора. Надписывается рѣчь такъ: «святыя соборныя апостольскія церкви пастырю и всѣмъ

1) Доп. къ Акт. истор. т. II, № 76.

православнымъ христіаномъ истинному учителю, великому господину и государю, святѣйшему Филарету, патріарху московскому и всея Русіи, бѣдный, многогрѣшный, не человѣкъ сый, но песъ скверный, а не попъ Иванъ села Клементьева, падъ со слезами челомъ бью и прощенія прошаю о соблазнѣ, иже всему царствующему граду вашему мною окаяннымъ смута бысть» [1]. Рѣчь раздѣляется на 30 главъ. Въ содержаніи ея мы найдемъ очень много буквальныхъ заимствованій изъ ранѣе составленныхъ рѣчей Діонисія и Арсенія. Это не то значитъ, какъ нѣкоторые думаютъ, что Насѣдка не могъ самостоятельно составить такое произведеніе, какъ рѣчь его патріарху, а просто онъ спѣшилъ: необходимо было предъ новымъ патріархомъ до собранія имъ собора выяснить дѣло исправленія книгъ; составляя всю рѣчь самъ, Насѣдка могъ-бы замедлить. Такимъ образомъ, заимствуя изъ рѣчей Діонисія и Арсенія, Насѣдка достигалъ этимъ чисто практическихъ интересовъ, одинаково важныхъ для всѣхъ исправителей: познакомить Филарета съ дѣломъ въ истинномъ его свѣтѣ; объ авторской самостоятельности онъ не заботился. Однако было-бы несправедливо сказать, что разбираемая рѣчь Насѣдки состоитъ вся изъ заимствованій: въ ней очень немало новыхъ мыслей и новыхъ выводовъ, относящихся особенно къ тому, къ какимъ ересямъ приводятъ неправильные концы молитвъ. Мы не намѣрены здѣсь подробно излагать этой длинной рѣчи Насѣдки. Чтобы нѣсколько познакомиться съ нею мы выпишемъ только надписанія главъ съ самымъ сжатымъ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. — Въ первой, не имѣющей особой надписи, говорится о томъ же, о чемъ у Діонисія въ началѣ рѣчи: почему исключено слово *и огнемъ*, и говорится буквально въ первой половинѣ, какъ у Діонисія, а во второй, какъ у Арсенія. Вторая глава надписывается: «о нехотящихъ исповѣдывати, яко Господь І. Христосъ дѣйствуетъ Духомъ святымъ, такожъ и Отецъ, — и о нарицающихъ Христа Отцемъ». Въ ней говорится о спорѣ на соборѣ относительно того, къ какому лицу обращена вся молитва на освященіе богоявленской воды;

[1]) Рук. Тр. Лавр. Библ. № 700, л. 142 об.

объ чемъ мы говорили раньше—при изложеніи соборныхъ преній 1618 года. Третія глава: о существѣ Божіемъ страшнѣмъ и неисповѣдимомъ - отъ Іоанна 4-я—о младенческомъ крещеніи и о всемірномъ крещеніи; въ ней повторяется доводъ Діонисія, что если въ богоявленской молитвѣ слѣдуетъ быть слову *и огнемъ*, то тѣмъ болѣе должно бы быть ему въ молитвѣ освященія воды при крещеніи. 5-я глава—о раздѣленіи Духа святаго даровъ и о многихъ именахъ Духу святому и о свидѣтельствѣ книжнѣмъ; въ ней говорится, что огонь одно изъ названій даровъ Духа святаго, а потому когда призывается въ молитвѣ на освященіе воды Духъ святый, то уже излишне призывать огонь: «или Духъ святый немощенъ освятити воды безъ огня?». 6-я—о силѣ св. Духа и о дѣйствѣ его; въ этой главѣ, между прочимъ, приводятся примѣры тѣхъ молитвъ, въ которыхъ призывается самъ Духъ и потому не призывается его свойство,—таковы: «Господи, иже пресвятаго Твоего Духа», или «молитва при благословеніи священникомъ святыхъ даровъ.» 7-я глава о развращеніи глагола; рѣшается въ ней вопросъ, что значитъ при призываніи Духа святаго призываніе «огня»: не будетъ-ли уже огнь «четвертый составъ или лице въ святѣй Троицѣ?» Указываются здѣсь также молитвы, въ которыхъ при освященіи чего-либо призывается одинъ Духъ святый, а не поминается огнь, таковы молитвы при освященіи мура въ таинствѣ миропомазанія, при освященіи антиминса, при маслоосвященіи, при церковномъ посвященіи, при царскомъ поставленіи и при поставленіи въ священническій и иноческій чинъ, при крещеніи иновѣрцевъ и еретиковъ: «нигдѣ не писано про огнь, чтобы Духу св. пособникъ былъ». 8-я глава—о грѣсѣ въ неразсужденіи глагола—представляетъ собою продолженіе предъидущей и въ ней говорится, что можно насчитать около 500 молитвъ, въ которыхъ не написано призывати огня, хотя для этого могли быть основанія, подобныя тѣмъ, по какимъ слово и огнемъ оправдывается въ молитвѣ на освященіе богоявленской воды. 9-я—о развращеніи церквамъ востоку съ западомъ и о хулѣ, явившейся на Духъ святый и въ россійской церкви отъ печатнаго служеб-

ника. 10-я — о безтѣлеснемъ освященіи всякой твари Духомъ святымъ. 11-я — о соблазнившихся о Христѣ, но мнящихъ, яко безъ Отца не можетъ дѣйствовати Духомъ святымъ. 12-я — о смятеніи разсужденія о томъ глаголѣ, еже: Той вы креститъ Духомъ святымъ и огнемъ — отъ Евангелія. 13-я — о молитвахъ всѣхъ потребъ, въ нихъ же многіе концы смѣщены суть и розмятся со многими молитвами святыхъ отецъ разума. Здѣсь высказываются общія мысли, что не нужно смѣшивать лицъ Св. Троицы безъ приложенія пока этихъ мыслей къ концамъ молитвъ. 14-я — о Логиновой справѣ; говорится о неправильностяхъ извѣстныхъ уже намъ справокъ головщика Логина въ уставѣ. 15-я — о сліяніи лицъ — на Савеліянъ бесѣда 39 отъ Іоанна и 84 и 85, о еже: никто же вѣсть, ни знаетъ Отца, развѣ Сынъ, такожъ и Духа 15 и паки: 84 и 85. Въ этой главѣ указывается на молитву по причащеніи богоявленской воды, какъ на образецъ того, какъ св. отцы и учители «блюли, чтобы у молитвъ концевъ не смѣшивати»; хотя въ этой молитвѣ и не упомянуто особеннаго лица, но по смыслу ея можно понять, что она въ лице Сына, и потому конецъ ея написанъ такъ: и Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Ти Отцемъ и т. д. 16-я глава — о сліяніи отъ неученыхъ писцевъ, отъ нихъ же переводы портятся — упоминаетъ о молитвѣ: «приклони ухо Твое», которая въ двухъ мѣстахъ имѣетъ разные концы (см. выше ч. 2, гл. 1 стр. 246). 17 глава — о прощеніи поповскомъ паче Бога — разбираетъ уже извѣстныя намъ двѣ разрѣшительныя молитвы священника самому себѣ. 18-я — о молитвахъ, въ нихъ же лица Отца и Сына и св. Духа не по всѣхъ обрѣтаются, но въ иныхъ въ началѣ, а въ иныхъ въ концы, а въ иныхъ и нѣтъ. 19-я глава представляетъ образцы молитвъ, въ которыхъ лица св. Троицы не слиты, а равно въ ней же Насѣдка винится въ томъ, что въ двухъ молитвахъ они (исправители) замарали концы только потому, что нельзя было узнать, кому въ лице они писаны: «и то прямо наша вина,» говоритъ онъ. 20-я глава представляетъ указанія нѣкоторыхъ молитвъ со слитыми концами, а потому и начинается прямо: «и отсюду сли-

тые концы!» 21-я о непреложеніи Слова Божія глава, въ которой приводятся свидѣтельства отцевъ церкви — Дамаскина, Златоуста и Григорія Богослова — въ доказательство того, что не воплотился Богъ-Отецъ; — и тутъ-же «о новой новинѣ,» подъ которой Насѣдка разумѣетъ то конечное славословіе въ молитвахъ, которое обращено къ св. Троицѣ, между тѣмъ какъ вся молитва обращена только къ І. Христу: «Слово Божіе единаго отъ святыя Троицы Троицею пресвятою нарицаютъ». 22-я о сооттодящихся въ Евноміеву ересь; въ этой главѣ, между прочимъ, указывается на то, что неправильные концы молитвъ ведутъ даже къ такой нелѣпой мысли, что Сынъ Отцу Отецъ. 23-я — о возгласѣ по «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ» 24-я — о Отцѣ нашемъ Господѣ І. Христѣ и о Отцѣ нашемъ Господѣ Дусѣ святѣмъ; здѣсь объясняется, въ какомъ смыслѣ иногда І. Христосъ и Духъ св. называются отцемъ. 25-я о многихъ иныхъ несправахъ: перечисляются уже извѣстныя намъ несправы въ Цвѣтной тріоди, Октоихѣ, Минеѣ общей, буквально, какъ у Арсенія. 26-я — о любви и непоношеніи — о томъ, какъ нужно относиться къ работѣ исправителей. 27-я — о клеветникахъ, — буквально, какъ у Арсенія. 28-я — о бревнѣ и сусцѣ, здѣсь говорится о нѣкоторыхъ поправкахъ и о несправедливости судей. Несравненно большая часть этой главы взята у Арсенія, но стоитъ обратить вниманіе, что осторожный Насѣдка выкинулъ изъ этой главы то мѣсто, гдѣ говорится, что духовныя власти незлобивое сердце царицы Марѳы Ивановны «преложиша на ярость.» Неудобно было упоминать объ этомъ предъ Филаретомъ. 29-я глава — безъ особаго заголовка, начинается она словами: «аще, государь, хощеши свѣдѣти разумъ ихъ» (московскихъ протопоповъ и поповъ); буквально взятая у Арсенія, она говоритъ о невѣжествѣ московскаго духовенства. Наконецъ, 30-я глава — о стихѣ: во гробѣ плотски, который исправители поправили: во гробѣ съ плотію. Разъясняя дѣло исправленія, указывая тѣ или другія поправки, Насѣдка не забываетъ обращаться къ Филарету съ просьбой о снисходительности и милости какъ къ нему, такъ и къ другимъ

исправителямъ, напр. въ такомъ родѣ: «молю и прошу тебя, великаго государя, ради создавшаго насъ Содѣтеля Христа Бога не яростію, ни гнѣвомъ пріими худое сіе неразумное моленіе и прошеніе мое, ни отрини, яко еретическое, но благоподражательно и разсужденіемъ истяжи; а аще убо заблудилъ отъ истины, то обрати меня грѣшнаго на путь правый, и мзду и вѣнцы пріимеши отъ Содѣтеля всѣхъ въ день пришествія Христова», или же: «и аще, государь, милость хощеши сотворити надъ нами неразумными, то пріими ради Бога» и т. д [1]). Къ себѣ Насѣдка не рѣдко прилагаетъ разные унизительные эпитеты.

Эта рѣчь Насѣдки и приложенная къ ней рѣчь его же на Антонія, конечно, достаточно разъяснили патр. Филарету сущность дѣла; а потому, думаемъ, что когда онъ явился на соборъ, то явился туда болѣе или менѣе увѣренный въ правотѣ исправителей. Если точно показаніе «Житія преп. Діонисія,» что Филаретъ собралъ соборъ спустя недѣлю послѣ принятія имъ сана патріарха, то соборное засѣданіе открылось 1 іюля [2]). На соборъ былъ приглашенъ и митр. Іона, который долженъ былъ предложить дѣло Діонисія, — показать, за что и какъ осуждены исправители. Были приглашены и другіе архіепископы, епископы и духовныя власти. Хотя оба патріарха внутренно были уже на сторонѣ исправителей, однако и на этомъ соборѣ не обошлось безъ сильныхъ преній и состязаній. Пренія эти были такъ продолжительны, что одинъ Діонисій былъ допрашиваемъ болѣе осьми часовъ: въ продолженіи осьми часовъ онъ доказывалъ справедливость своего дѣла и обличалъ клеветниковъ. Онъ высказывалъ, несомнѣнно, тѣже мысли, какія раньше высказалъ въ рѣчи своей ко всѣмъ православнымъ христіанамъ; очень возможно даже, что онъ имѣлъ на соборѣ свою рѣчь подъ руками, но такъ какъ члены собора дѣлали ему тѣ или другія возраженія, замѣчанія, пре-

---

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 166 и 178. Вся рѣчь Насѣдки къ Филарету занимаетъ въ сборникѣ № 700, листы: 142 об.—213.

[2]) По мнѣнію преосв. Макарія, соборъ этотъ былъ 2 іюля (Ист. рус. церкви т. XI стр. 12).

рывали нить его разсужденій, то ему и приходилось по поводу этого съ своей стороны дѣлать нѣкоторыя поясненія, добавленія и соображенія, — однимъ словомъ, приходилось вносить въ свою рѣчь кое-что новое. Конечно, будетъ пустою затѣею стараться воспроизвести въ точности осьмичасовой допросъ Діонисія, но благодаря Насѣдкѣ, мы можемъ приблизительно познакомиться съ содержаніемъ отвѣтовъ Діонисія предъ соборомъ. Дѣло въ томъ, что Насѣдка, по нашему убѣжденію, записалъ соборный отвѣтъ Діонисія настолько точно, насколько достало у него для этого данныхъ и памяти. Эти соображенія наши основываются на слѣдующемъ. Насѣдка въ своей запискѣ о житіи Діонисія, сказавъ, что Діонисій стоялъ въ отвѣтѣ болѣе осьми часовъ, обличая своихъ клеветниковъ, прибавляетъ: «*и о томъ свидѣтельствѣ его* (Діонисія) *паслѣди* сія исторія писана есть, еже *о огни* особь» (Житіе, стр. 106), т. е. о томъ, о чемъ *свидѣтельствовалъ* Діонисій на соборѣ, написано *имъ*, *Насѣдкой*, отдѣльно, въ «исторіи, еже о огни.» Здѣсь Насѣдка, несомнѣнно, разумѣетъ сочиненіе въ 40 главъ, написанное, дѣйствительно, имъ и содержащее въ себѣ почти исключительно разсужденіе о словѣ *и огнемъ* и по поводу этого слова. Ни объ одномъ изъ другихъ не только своихъ сочиненій, но и прочихъ исправителей Насѣдка не могъ сказать, что оно заключаетъ въ себѣ соборное «свидѣтельство» Діонисія о словѣ *и огнемъ* и что исторія эта написана иослѣди. И такъ, въ сочиненіе Насѣдки въ 40 главъ вошло все содержаніе соборнаго отвѣта Діонисія. Что сочиненіе въ 40 главъ содержитъ въ себѣ рѣчь Діонисія, объ этомъ мы имѣли случай сказать еще во введеніи (стр. 30 пр.). Вспомнимъ, что въ немъ постоянно встрѣчаются слова обращенія къ собору, къ членамъ его, къ людямъ власть имущимъ въ родѣ слѣдующихъ: «разсудите, помазанніи Духомъ,» «зрите вы, о святіи *уди* пресвятаго Христа,» «зрите, Господіе,» «видите-ли, Господіе,» «се *велицыи* Господіе,» «и вы, господіе, не насъ помилуйте, но Христа» и т. д. Все это — такія выраженія, которыя показываютъ что рѣчь была говорена предъ лицемъ собора, предъ лицемъ людей властныхъ — «гос-

подъ.» А нѣкоторыя выраженія весьма ясно показываютъ, что при произнесеніи ея имѣлась въ виду цѣль защиты, оправданія предъ соборомъ въ тѣхъ обвиненіяхъ, за которыя осудили исправителей. Выраженія эти слѣдующія: «но не о семъ намъ слово, но о немъ же *истязуеми всми* (по рук. Моск. Синод. Библіот. № 416 л. 363 об.); «мы же о семъ (объ освященіи кровію Господа не только земли, но и всей твари) не истязуемы есмы, и того ради о томъ и свидѣтельства не приводимъ» (л. 411). Ясно, что въ рѣчи говорившій ее старался оправдаться въ томъ, въ чемъ обвинялся. Наконецъ, вотъ и еще два мѣста, доказывающія, что рѣчь говорена предъ лицемъ святителей, причемъ въ одномъ изъ нихъ различаются двѣ стороны на соборѣ. Мѣста эти: а) «и не наше се, воспоминати къ вашему лицу святому, но Бога ради возмите книгу бесѣду отъ Іоанна Богослова, и прочтите бесѣду 15-ю или 26-ю или 32-ю, и ту о семъ разсуждайте» (л. 379); в) «и зрите своего разума на насъ негодующеи и свои рѣчи разсудите, еже пишетъ стихъ: духовный источникъ, пришедъ на землю во огнянныя рѣки раздѣляя мысленно (sic), видите-ли, господіе, яко не огнянный источникъ во огнянныя рѣки раздѣляется, но духовный огнянныя рѣки раздѣляя» (л. 412). Въ послѣднемъ выраженіи различаются съ одной стороны «негодующеи» противъ исправителей, т. е. обвиняющіе ихъ, а съ другой «господіе» — лица, отъ которыхъ они ждали защиты.

И такъ, повторяемъ, что въ сочиненіи въ 40 главъ Насѣдка старался воспроизвести соборный отвѣтъ Діонисія и большую часть его воспроизвелъ буквально, въ чемъ убѣждаемся изъ первыхъ трехъ главъ и изъ главы 6-й. Самому Насѣдкѣ въ этомъ сочиненіи главнымъ образомъ принадлежитъ только раздѣленіе его на главы съ надписаніемъ предмета каждой, а также присовокупленіе нѣкоторыхъ новыхъ свидѣтельствъ изъ Свящ. Писанія и отцевъ церкви и, наконецъ, еще присоединеніе къ рѣчи и приведеніе въ систему того, что на соборѣ высказывалось, можетъ быть, въ спорѣ. Въ первыхъ трехъ главахъ, какъ мы уже упоминали, буквально содержится тоже самое, что и въ отрывкѣ рѣчи Діо-

нисія, исключая только первые полтора листа этого отрывка. Послѣ этого Насѣдка въ четвертую главу внесъ то, что, вѣроятно, въ рѣчи Діонисія, ранѣе имъ приготовленной, не заключалось и высказано было имъ только на соборѣ. Это показываетъ самое заглавіе 4-й главы: «на соборѣ се дано Крутицкому Іонѣ о самой молитвѣ, о ней же раздоръ.» Въ главѣ этой неумѣстность слова и огнемъ въ молитвѣ водоосвященія доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «все естество человѣческое молитъ единороднаго Сына Божія, дабы сотворилъ воду освященну, якоже іорданскую воду; судите-же рѣчы сію: самъ нынѣ, владыко, освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ, разсудите, помазаніи Духомъ святымъ, еже рещи и огнемъ, и кто отнь будетъ Отецъ-ли или Сынъ? А молитва къ Сыну. Святые же богословцы написали якоже о Христѣ, тако и о Дусѣ святѣ и огнь, и свѣтъ, и воду живу нарекли; и аще Духомъ святымъ Господь освящаетъ воды, и что огнь нарицается у Сына Божія, понеже Духъ святый огнь же?» Очевидно, отрывокъ этотъ направленъ былъ противъ мнѣнія, будто слово *и огнемъ* можетъ означать вторую Ипостась св. Троицы,—и былъ высказанъ по поводу, вѣроятно, какого—нибудь замѣчанія митр. Іоны. Въ пятой главѣ сочиненія въ 40 главъ говорится о крещеніи Господни и о всемірномъ крещеніи, которое соотвѣтственно двоякой природѣ человѣка, состоящей изъ тѣла и души, совершается водою и Духомъ. Въ слѣдующихъ четырехъ главахъ (6, 7, 8 и 9) идутъ разсужденія о единомъ Духѣ и о различныхъ дѣйствіяхъ его, причемъ видное мѣсто занимаютъ свидѣтельства святоотеческія. Въ 8-й главѣ, между прочимъ, отъ лица исправителей говорится: «мы же ни кое дарованіе Духа св. на водоосвященіи не призываемъ, но самаго того Духа св., въ немъ же дары вся и сокровище и дѣйства всѣхъ благихъ, и сія мудрствоваша вси святіи и книга съ книги преписуема бываше отъ вознесенія Господня лѣтъ тысяща и шесть сотъ по настоящую книгу печатную служебникъ, о томъ же свидѣтельствуетъ и въ предесихъ переводѣхъ и въ водоосвященіи богоявленскомъ и въ крещеніи всемірномъ; или Духъ св. немощенъ ос-

вятити воды безъ огня, самъ бо сый огнь отъ Отца исходяй» (по рукоп. Син. Биб. № 416, л. 362 об. и 363); а въ 9-й главѣ указывается на то, что св. Тайны несравненно болѣе священны богоявленской воды, но и они «по вся дни святымъ Духомъ и безъ огня прелагаются». Десятая глава надписывается: «о существѣ св. Троицы Христово свидѣтельство»; въ 11-й говорится «о чудесѣхъ древнихъ» съ тою цѣлію, чтобы показать, что если жезломъ Моисея разсѣкалось море, мѣдный змій спасалъ отъ уязвленія, то тѣмъ болѣе Духъ св. можетъ освятить богоявленскую воду безъ огня. Въ 12-й главѣ — «о ереси новой», именно о томъ, что прибавленіемъ слова *и огнемъ* вводится «четвертый составъ или лице во св. Троицѣ». Въ 13-й главѣ, надписанной «о таинствѣ о всемъ христіанскаго закона» перебирается нѣсколько молитвъ освященія, въ которыхъ огнемъ не писано, а слѣд., не нужно этого слова и въ молитвѣ водоосвященія. 14-я глава носитъ названіе «о Бога Отца глаголѣ и о Предтечевѣ глаголѣ». 15-я говоритъ «о фарисеяхъ и саддукеяхъ и іудеяхъ», которыхъ ожидаетъ въ будущемъ вѣкѣ крещеніе огнемъ. Въ 16 главѣ (о водѣ богоявлевской и пятдесятномъ дни разстояніи) уясняется, что въ подтвержденіе умѣстности слова *и огнемъ* нельзя ссылаться на сошествіе св. Духа въ пятдесятницу въ огненныхъ языкахъ, потому что это двѣ вещи разныя. Глава 17-я снова указываетъ на ту несообразность, что слово и огнемъ — нужное въ одномъ мѣстѣ (при освященіи богоявленской воды), почему-то оказывается не нужнымъ въ другомъ подобномъ же мѣстѣ (при крещеніи). «Чѣмъ безчествуемъ воду богоявленскую, говоритъ исправитель, и которая бо вода святѣйши, та-ли, въ которой и мы крестимся или богоявленская; мы крестимся водою и Духомъ св. съ призываніемъ имени Господня, а огня рѣчи не говоримъ» (л. 373). 18-я глава посвящена выпискамъ изъ Григорія Богослова «о существѣ Божіемъ страшнѣмъ и недовѣдомомъ». Въ 19-й главѣ неумѣстность слова и огнемъ уясняется слѣдующимъ новымъ соображеніемъ: если, согласно словамъ Предтечи, прибавлять слово *и огнемъ* то «наипаче достоитъ и Отчее и Христово слово наложити, Гос-

подь бо воду нарекъ и свѣтъ и животъ и перстъ, и не смѣшно-ли будетъ слышати сице: самъ, человколюбче Царю,..... освяти воду сію Духомъ св. и огнемъ, и голубемъ, и водою, и свѣтомъ, и животомъ, и перстомъ, и еще убо приложити къ сему и седмью духи, иже почиша на Тебѣ, то колико будетъ лицъ св. Троицы» (л. 377 об. и 378). 20-я глава говоритъ о необходимости все изслѣдовать разумомъ, «о еже достоитъ разумомъ всего сыскивати». 21-я глава «о собирающихъ отъ книгъ, чтобы четвертый составъ святѣй Троицѣ огнь написати» посвящена изложенію тѣхъ основаній, которыя разные книжники подъискали въ доказательство необходимости слова и огнемъ. Объ этомъ мы имѣли уже случай говорить выше (стр. 229-230) Три слѣдующія главы (22, 23 и 24) направлены противъ Антонія Подольскаго и его послѣдователей, утверждавшихъ, между прочимъ, что «Богъ огнь есть»; а потому въ этихъ главахъ говорится, что хотя Богъ въ ветхомъ и Новомъ завѣтѣ являлся многоразлично, но всѣ эти явленія Бога не выражали вполнѣ его существа, существо Божіе всегда останется недовѣдомо, о чемъ можно найти свидѣтельство у св. отцевъ церкви, особенно у Дамаскина (см. гл. 23). Если и всѣ святые «не домыслишася существа Божія образъ вѣдомъ и постижимъ написати», то какимъ образомъ «нынѣ является о Бозѣ довѣденіе и постиженіе, яко Богъ огнь есть, еже не буди се никогда мудрствовати, огнь бо видъ имать и вѣдомо существо» (л. 388 об. и 389). Въ 25 главѣ вооружаясь противъ тѣхъ «многихъ», которые думаютъ, что «нѣсть ереси въ словеси семъ (и огнемъ), исправитель говоритъ, что во всѣхъ молитвахъ на разныя церковныя потребы (числомъ болѣе 500) нигдѣ не писано призывати огня на освященіе, а вездѣ призывается самъ Духъ святый, а призываніемъ кромѣ Духа св. еще огня утверждается четвертое лице св. Троицы (л. 390). Въ 26 главѣ послѣ упоминанія «о развращеніи церквамъ востоку съ западомъ» изъ-за догмата объ исхожденіи св. Духа говорится «о хулѣ, явившейся на Духъ святый и въ Россійской церкви отъ печатнаго служебника», т. е. исправитель здѣсь хочетъ сказать, что прибавленіемъ слова *и*

огнемъ исповѣдуется исхожденіе св. Духа не только отъ Отца, но и отъ Сына, — и это, по его мнѣнію, выходитъ слѣдующимъ образомъ: вся молитва богоявленскаго водоосвященія обращена къ Сыну Божію, а потому призываніе въ ней кромѣ Духа св. еще огня наводитъ на мысль о бытіи Духа Отчаго и Духа Сыновняго. «Но печатныхъ же книгахъ, говоритъ исправитель, Духъ св. не единъ освящая, но со огнемъ и воистину по латынски будетъ Духъ Отечь и другій Сыновенъ» (л. 391). Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что усматривая въ словѣ *и огнемъ* латинскую ересь, исправитель допускаетъ большую натяжку. Въ 27 главѣ рѣшая вопросъ, «отчего тотъ огнь выдуманъ», исправитель говоритъ, что сначала въ нѣкоторыхъ потребникахъ появилось указаніе погружать свѣчи (объ этомъ погруженіи исправитель, между прочимъ, замѣчаетъ, что если оно указано въ греческихъ переводахъ, то «зѣло пріятно и согласно есть, аще-ли же нѣсть, то о семъ подобаетъ изыскивати конечнѣ, для чего нѣтъ» л. 392), а потомъ стали погружаемому огню приписывать силу освящать воду, — и оттуда-то явилось слово *и огнемъ*; между тѣмъ какъ для освященія воды нужно только призваніе имени Господня, о чемъ и говорится въ 28, 29 и 30 главахъ, а именно: въ 28 говорится «о величіи имени Господня въ призываніяхъ», въ 29 «о крестной силѣ», а въ 30 «о истинномъ освященіи водъ, яко именемъ Господнимъ, а не симъ огнемъ». 31-я глава носитъ заглавіе «о крѣпости разума св. отецъ»; въ концѣ ея говорится: «боятижеся достоитъ сего, дабы первое отъ святыхъ отецъ древнихъ переводовъ не разликовати, второе—дабы съ латины ни въ чемъ не соединятися, третіе еже вѣденіе и постиженіе Духу святому не написати» (л. 399 об.). Этой главой мы и закончимъ обозрѣніе содержанія сочиненія въ 40 главъ, такъ какъ въ ней, какъ мы думаемъ и какъ объ этомъ высказывались выше, оканчивается защитительная рѣчь Діонисія, а слѣд. и все то, что сказалъ Діонисій предъ соборомъ, будучи допрашиваемъ въ продолженіи осьми часовъ [1]). Насколько видно изъ изложен-

[1]) Остальные 9 главъ, уже гораздо менѣе относящіяся къ предмету

наго, оправданіе Діонисія состояло почти исключительно изъ длиннаго ряда доказательствъ неумѣстности слова *и огнемъ* въ молитвѣ богоявленскаго водоосвященія; объ исправленныхъ концахъ молитвъ и о другихъ исправленіяхъ совсѣмъ не упоминается. Значитъ, уничтоженіе прилога было въ обвиненіяхъ Діонисія самымъ важнымъ пунктомъ, а остальныя исправленія (особенно концовъ молитвъ) соборъ призналъ, вѣроятно, вѣрными, не требуя особенныхъ доказательствъ отъ исправителей [1]).

спора, т. е. къ вопросу о словѣ *и огнемъ*, касающіяся этого вопроса, такъ сказать, только одной стороной, добавлены къ рѣчи Діонисія, надо полагать, послѣ Насѣдкой, который, можетъ быть, изложилъ въ нихъ тѣ соприкасающіеся вопросы, которые поднимались на соборѣ по поводу защиты Діонисія. Вотъ надписанія этихъ главъ: 32 гл.—о Бозѣ, яко не огнь и не вода жива и не духъ (?!) (№ 416, л. 400 об.); 33—о апостольскомъ крещеніи (л. 404); 34—о Дусѣ святѣмъ, яко не дѣйствоваше въ непросвѣщенныхъ водою и Духомъ святымъ во имя І. Христа (л. 406 об.). 35—о имени Христовѣ и о Дусѣ святѣмъ, яко непросвѣтившихся водою и Духомъ святымъ бѣсомъ предаютъ (л. 408); 36—объ Евангельской проповѣди (л. 409); 37—о Адамовѣ крещеніи (л. 410); 38—о сѣдальнѣ, первый сѣдаленъ, вземше гласъ 4 (л. 411 об.); 39—о священствопріятіи и о постановленіи апостолъ и о рукоположеніи ихъ съ небесе въ проповѣдники и исповѣдники (л. 414 об.); 40—о водѣ и огни отъ Духа святаго дѣйствъ разрѣшеніе, отъ поученія въ недѣлю св. пятдесятницы на утрени Евангеліе отъ Іоанна (л. 417 об.).

[1]) Преосв. Макарій говоритъ, что сочиненіе Насѣдки въ 40 главъ имѣло цѣлію показать, что п. Филаретъ поступилъ правильно, когда съ одной стороны призналъ на соборѣ незаконность прибавки *и огнемъ*, а съ другой—не рѣшился тотчасъ исключить этой прибавки изъ церковной молитвы, но просилъ навести справки о ней по греческимъ спискамъ (Ист. рус. ц. т. XI, стр. 16). Мы не знаемъ, на какихъ основаніяхъ преосв. Макарій дѣлаетъ такое заключеніе, но послѣ довольно тщательнаго разсмотрѣнія Насѣдкина сочиненія не можемъ согласиться съ нимъ. Содержаніе разсматриваемаго сочиненія не даетъ никакого основанія предполагать въ составителѣ его подобную цѣль; оно представляетъ собою только или буквальное повтореніе рѣчи Діонисія, или же по возможности точное воспроизведеніе того, что говорилось на соборѣ 1619 г. Къ вышесказанному о томъ, что въ сочиненіе въ 40 главъ (до 31-й главы) вошла рѣчь Діонисія, мы должны еще прибавить, что нѣкоторыя главы этого сочиненія буквально содержатся

Защита Діонисія предъ соборомъ была настолько убѣдительна, что самъ царь похвалилъ его и призналъ, что это былъ истинный страдалецъ за божественное писаніе. А патріархи, митрополиты, архіепископы и весь освященный соборъ удивились убѣ-

---

въ рѣчи Насѣдки, поданной п. Филарету (сн. гл. 7 и 8 изъ сочиненія въ 40 главъ съ гл. 5-ю изъ рѣчи къ Филарету; главу 9 съ 6-й; главу 12 съ 7-й; 13 соотвѣтствуетъ концу 7-й; 25—8-й, 26—9-й); это, конечно, не исключаетъ того, что тѣже самыя главы находились и въ рѣчи Діонисія,—а даже отчасти подтверждаетъ, потому что извѣстно, что рѣчь Насѣдки къ Филарету отличается компилятивнымъ характеромъ,—и въ нее вошло многое изъ рѣчи Діонисія. Отчего же послѣ этого не заключить такимъ образомъ: если сочиненіе въ 40 главъ заключаетъ въ себѣ рѣчь Діонисія, а рѣчь Насѣдки къ Филарету представляетъ во многомъ заимствованіе также изъ рѣчи Діонисія, то не слѣдуетъ-ли отсюда, что тѣ главы перваго сочиненія Насѣдки (въ 40 главъ), которыя буквально имѣются во второмъ (въ 30 гл.) имѣлись и въ рѣчи Діонисія. Вообще же на основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній должно признать, что сочиненіе въ 40 главъ—вовсе не самостоятельное произведеніе Насѣдки, и слѣд., не было написано имъ съ какою либо спеціальною цѣлію, какъ утверждаетъ преосв. Макарій. Насѣдкѣ принадлежитъ въ немъ только надписаніе главъ и внесеніе въ него соборныхъ преній. Теперь вопросъ сводится къ тому: когда же однако онъ совершилъ *такую* работу? На этотъ вопросъ мы прежде всего отвѣчаемъ, что онъ могъ сдѣлать это, когда ему заблагоразсудилось, только, конечно, послѣ собора 1619 г. Весь матеріалъ, вошедшій почти буквально въ сочиненіе въ 40 главъ, у Насѣдки всегда былъ подъ руками: и рѣчь Діонисія, и рѣчь къ Филарету, и непосредственныя соборныя впечатлѣнія. Можно предположить, что Насѣдка составилъ это сочиненіе вскорѣ послѣ собора 1619 г. подъ живымъ впечатлѣніемъ всего недавно пережитаго, желая, такъ сказать, оріентироваться въ той массѣ доказательствъ и соображеній, какія онъ вынесъ изъ рѣчи Діонисія и споровъ на соборѣ,—дать себѣ въ этомъ болѣе ясный отчетъ (для чего, можетъ быть, и раздѣляетъ рѣчь Діонисія на главы); а когда потомъ написалъ записку о житіи Діонисія, то присоединилъ къ ней и это сочиненіе, въ которомъ заключалось свидѣтельство Діонисія о огни. Но можно допустить, что и составилъ Насѣдка это сочиненіе послѣ и по поводу полученія отъ Симона Азарьина „житія Діонисія“ для просмотра. Вызванный Симономъ къ воспоминаніямъ о Діонисіи и о давно прошломъ дѣлѣ его, Насѣдка пишетъ записку о житіи Діонисія и прилагаетъ къ ней „исторію о огни особь“, чтобы можно было видѣть изъ

дительности его рѣчи и благословляя цѣловали его всѣ любезно. Конечно, послѣ такого блистательнаго результата защиты Діонисія, онъ былъ вполнѣ оправданъ и освобожденъ, послѣ чего удалился въ свой монастырь, надѣленный даже дарами многими «паче прежнихъ временъ». Мы не знаемъ точно, когда собственно возвратился Діонисій въ свой монастырь, но нужно думать, что послѣ соборнаго оправданія онъ поспѣшилъ въ свою обитель, съ которою насильно былъ разлученъ болѣе года. О помощникахъ Діонисія въ дѣлѣ исправленія въ житіи его глухо сказано: «свобождены же быша изъ заточенія и помощницы въ правдѣ старцы Арсеній Глухой съ товарищи, и поработаша на печатномъ дворѣ у справы книгъ много лѣтъ» [1]). Иванъ Насѣдка былъ разрѣшенъ отъ запрещенія и сдѣланъ былъ сначала попомъ Благовѣщенскаго собора, а потомъ ключаремъ Успенскаго. Такъ кончился соборъ Филарета для исправителей; а для враговъ ихъ онъ кончился осужденіемъ и позоромъ. У Симона Азарьина сказано, что «ненавистницы же, иже клеветаша на святаго и въ ересь истину прекладываша, посрамлени быша, и послѣди и сами тоже

нея, какъ защищалъ себя Діонисій на соборѣ. Впрочемъ, вопросъ о времени составленія сочиненія въ 40 главъ, какъ произведенія несамостоятельнаго, вовсе не важенъ. Сочиненіе въ 40 главъ (или, что тоже, рѣчь Діонисія), какъ видно, не рѣдко обращало на себя вниманіе книжныхъ людей. На поляхъ его (въ Син. рук. № 416) мы встрѣчаемъ нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя, какъ кажется, послѣ; напр., противъ 21-й главы стоитъ замѣтка: „составъ антоновъ съ прочими пособники—о томъ ему“; противъ 4-й главы: „что своихъ рѣчей не знаете да еретиками называете“; на л. 366 (гл. 9): „не къ дѣлу“. Не мѣшаетъ, наконецъ, замѣтить, что это сочиненіе было извѣстно и первымъ нашимъ полемистамъ противъ раскола. Одинъ изъ нихъ (арх. Питиримъ) говоритъ, между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій (1713 г.), что о неисправностяхъ въ нашихъ письменныхъ и старопечатныхъ книгахъ „ясно и подробно преподобный Діонисій архимандритъ Троицкаго монастыря Сергіева въ своей книгѣ, *еже о огни* свидѣтельствуетъ; хотя иже подлинно увѣдати, да стяжетъ ю и да прочитаетъ прилежно“ (Рук. Твер. Сем. Биб. № 48, л. 86 об.).

[1]) Жит. пр. Діонисія, стр. 45.

воспріяша, въ заточеніи скончашася» [1]). Но мы не знаемъ ни одного изъ нихъ, который-бы скончался въ заточеніи. О Логинѣ и Филаретѣ мы знаемъ, что они остались на своихъ мѣстахъ въ Троицкомъ монастырѣ. Объ Іонѣ митрополитѣ извѣстно, что онъ былъ на соборѣ 1620 года, когда рѣшали вопросъ о перекрещиваніи латинъ, приходящихъ къ православной церкви. Тутъ онъ держался противоположнаго съ патріархомъ мнѣнія, что латинъ перекрещивать не нужно. Имѣются объ Іонѣ и болѣе позднія свѣдѣнія. Такъ, разрѣшая Вологодскаго архіепископа Нектарія отъ запрещенія, наложеннаго на него Іоной, Филаретъ въ своей грамотѣ, между прочимъ, пишетъ: «а митрополитъ Іона предъ нами въ томъ прощался и съ Нектаріемъ архіепископомъ простился-жъ» [2]). Грамота эта написана въ 1621 году 24 мая; слѣдовательно, тогда Іона былъ свободенъ. Далѣе, изъ одной патрахильной грамоты вдовымъ священникамъ объ отправленіи богослуженія и совершеніи требъ убѣждаемся, что въ 1621 году въ декабрѣ онъ былъ еще митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ [3]).

Скоро послѣ освобожденія Діонисія ожидала великая честь. Познакомившись въ Москвѣ, особенно на соборѣ, съ знаменитымъ Троицкимъ архимандритомъ, патріархъ Ѳеофанъ пожелалъ посѣтить самый Троицкій монастырь, о которомъ прошла слава даже во всѣхъ церквахъ восточныхъ. Узнавъ о такомъ пріятномъ для монастыря намѣреніи патріарха, Діонисій рѣшился встрѣтить виновника своей свободы самымъ торжественнымъ образомъ. Поэтому когда Ѳеофанъ подъѣхалъ къ обители, Діонисій внѣ стѣнъ монастыря устроилъ ему встрѣчу, какъ «Царскому Величеству». Онъ вышелъ на встрѣчу со всѣмъ священнымъ чиномъ въ са-

---

[1]) Жит. пр. Діонисія, стр. 45.

[2]) Чт. общ. ист. и др. 1866, III, смѣсь, стр. 9.

[3]) См. Акт. Юрид. № 391, стр. 415 Въ началѣ говорится: „Божіею милостью, се азъ смиренный преосвященный Іона митрополитъ Сарскій и Подонскій“; и въ концѣ: „писано на Крутицахъ лѣта 7130 году декабря въ 11 день“. Впрочемъ, авторъ статьи въ Прав. Соб. 1862, 3, утверждаетъ что Іона скончался въ заточеніи (55). Можетъ быть, Іона былъ заточенъ позднѣе, но мы о томъ не знаемъ.

мыхъ драгоцѣнныхъ облаченіяхъ, блиставшихъ дорогимъ бисеромъ, многоцѣнными камнями, со множествомъ кадилъ и святыхъ иконъ. Братія-же монастыря, бѣлое духовенство и множество народу отъ стара до мала встрѣчали патріарха еще далеко въ полѣ. Когда-же Ѳеофанъ вошелъ въ самую обитель, то весь монастырь переполнился народомъ, и всѣ стремились получить отъ патріарха іерусалимскаго благословеніе. Такая встрѣча сильно тронула старца. Отслуживши вечерню въ храмѣ св. Троицы, Діонисій пригласилъ патріарха на трапезу, на что патріархъ согласился не вдругъ. Пришедши-же на трапезу, Ѳеофанъ сотворилъ обычное моленіе о многолѣтнемъ здравіи царствующаго дома и всѣхъ православныхъ христіанъ, при чемъ многолѣтіе пѣли сначала двѣнадцать иноковъ съ архимандритомъ и келаремъ Синайской горы, а потомъ Троицкіе крылошане, которыхъ было по двадцати шести человѣкъ на клиросѣ. Послѣ этого Ѳеофанъ благословилъ трапезу, но самъ ничего не вкушалъ. Немного отдохнувъ послѣ трапезы, патріархъ повелѣлъ служить всенощное бдѣніе, такъ что почти вся ночь прошла въ богослуженіи. Затѣмъ, утромъ другаго дня онъ самъ служилъ литургію. Предъ литургіей-же онъ прикладывался къ мощамъ преподобнаго Сергія, при чемъ велѣлъ архимандриту Діонисію открыть св. лице чудотворца, и когда это было исполнено, то патріарха объялъ «страхъ великъ, и сердце его трепеташе въ немъ; видѣ бо его (Сергія) въ нетлѣніи суща». По этому поводу патріархъ сказалъ чрезъ толмача нѣсколько словъ о славѣ св. Сергія, которая «изыде даже до востокъ солнечныхъ». Послѣ этого литургія была совершена Ѳеофаномъ весьма торжественно и трогательно, такъ что произвела весьма сильное впечатлѣніе на народъ. По окончаніи литургіи Діонисій пригласилъ патріарха опять на трапезу, которая на этотъ разъ была приготовлена наилучшимъ образомъ, была «предовольна и всѣми земными преизобилующа». Но патріархъ вмѣсто того, чтобы услаждаться трапезными благами, во время трапезованія плакалъ, и только немного вкусилъ отъ изобильныхъ блюдъ. Это нѣсколько смущало Діонисія и братію: они думали, что не имѣетъ-ли

чего противъ нихъ патріархъ. Ѳеофанъ замѣтилъ это и потому поспѣшилъ утѣшить смущавшихся. Онъ сказалъ, что плачетъ не отъ скорби, а отъ радости; и затѣмъ упомянувъ о тѣхъ невзгодахъ и бѣдахъ, какія въ недавнее время вынесъ Троицкій монастырь, онъ обратился къ братіи: «прошу нынѣ у васъ нѣчто видѣти, да еще возвеселюся по желанію моему». Діонисій-же съ братіею сказалъ: о, «главо честная, паче всѣхъ человѣкъ на земли, се мы вси, и вся наша въ руку твоею суть, что хощеши отъ рабъ своихъ, рцы намъ» [1]). На это Ѳеофанъ выразилъ желаніе видѣть тѣхъ иноковъ, которые «дерзнули» во время осады возложить на себя брони и сражаться со оружіемъ въ рукахъ. Такое желаніе опять-таки нѣсколько встревожило Діонисія: онъ подумалъ, что патріархъ недоволенъ тѣмъ, что иноки брались за дѣло имъ несвойственное, и хочетъ теперь таковыхъ наказать. Всѣ—и архимандритъ и братія—призадумались: что-то будетъ? Но сами иноки—борцы не смутились и сказали Діонисію: «яви насъ, отче, владыцѣ нашему, буди все по воли его» [2]). И вотъ предъ лицемъ Ѳеофана выступило болѣе двадцати человѣкъ, а впереди всѣхъ ихъ Афанасій Онцеринъ, инокъ весьма старый, который «весь уже пожелтѣлъ въ сѣдинахъ»; это былъ тотъ самый Онцеринъ, который ходилъ въ посольствѣ къ Пожарскому въ Ярославль. Между Афанасіемъ и Ѳеофаномъ произошелъ слѣдующій разговоръ. Ѳеофанъ спросилъ Афанасія: «о, старче старый, на войну ты-ли еси исходилъ и начальствовалъ предъ вои мученическими? На это Афанасій отвѣтилъ: «ей, владыко святый, понужденъ быхъ слезами кровными». «Возлюбленный брате, снова спросилъ Ѳеофанъ, кое ти свойственнѣе, иночество-ли въ молитвахъ особь, или подвигъ предъ всѣми людьми», на что Афанасій, поклонився, сказалъ: «вся вещь и дѣло, владыко святый, во свое время познавается,—у васъ святыхъ отецъ отъ Господа Бога власть въ руку прощати и вязати». Послѣ этого онъ обнажилъ главу и, наклонившись, показалъ патріарху знаки отъ оружія, а

[1]) Жит. пр. Діонисія, стр. 132.

[2]) ibid. стр. 133.

потомъ сказавъ, что онъ раненъ еще въ шести мѣстахъ, прибавилъ: «а въ кельи сѣдя въ молитвахъ, какъ можно найти было изъ воли такихъ будильниковъ къ воздыханію и стенанію, а все се бысть не нашимъ изволеніемъ, но пославшимъ насъ на службу Божію» [1]. Такой отвѣтъ очень понравился Ѳеофану. Онъ всталъ изъ-за трапезы, благословилъ Афанасія и поцѣловалъ его; также обошелся онъ и съ другими борцами, представившимися ему вмѣстѣ съ Афанасіемъ. На другой день послѣ описаннаго, по совершеніи литургіи, принесены были Ѳеофану многіе дары. Намѣреваясь отъѣхать изъ монастыря, патріахъ желалъ чѣмъ-нибудь отблагодарить за такой торжественный и радушный пріемъ его въ монастырѣ. Съ этою цѣлію послѣ молебна въ путь онъ подошелъ къ гробу преподобнаго Сергія и снявши съ себя клобукъ, отеръ имъ подвижническія ноги преподобнаго, а потомъ положилъ его въ ногахъ чудотворца; Діонисію-же тѣмъ временемъ повелѣлъ стоять съ непокрытою головой (безъ клобука). Помолившись предъ гробомъ, патріархъ взялъ у ногъ чудотворца свой клобукъ и приклонивши главу Діонисія, возложилъ на него руку, а архидіакону своему велѣлъ возгласить: вонмемъ. Когда бывшій съ нимъ архимандритъ Синайской горы трижды пропѣлъ: Господи помилуй, Ѳеофанъ, держа своею рукою клобукъ на главѣ Діонисія, началъ читать молитву на возложеніе клобука, а по молитвѣ благословилъ сказавъ: «се во имя Отца и Сына и святаго Духа дахъ ти благословеніе, сыне мой, и назнаменахъ тя въ велицѣй Россіи посредѣ братіи твоей, да будеши первый въ старѣйшинствѣ надъ иноки многими по нашему благословенію»! Затѣмъ завѣщавъ, чтобы и преемники Діонисія — архимандриты Троицкіе носили клобукъ, возложенный на него, Ѳеофанъ велѣлъ на обоихъ клиросахъ пѣть: Спаси, Христе Боже, отца нашего архимандрита Діонисія—трижды. Такимъ образомъ, недавно претерпѣвшій жестокое заключеніе, прославленный еретикомъ и безмѣрно униженный, теперь имѣлъ на своей главѣ клобукъ одного изъ старѣй-

---

[1]) Жит. пр. Діонисія, стр. 134.

шихъ патріарховъ востока: честь, выпадающія на долю немногихъ! [1]).

Между тѣмъ, хотя дѣло Діонисія торжественно было признано на соборѣ правымъ, хотя самъ Діонисій удостоился такой чести отъ іерусалимскаго патріарха, однако патріархъ Филаретъ колебался еще внести во всеобщее церковное употребленіе тѣ поправки, какія Діонисій сдѣлалъ въ книгахъ. Относительно вычеркнутаго слова: *и огнемъ* онъ совѣтовался съ Ѳеофаномъ при отъѣздѣ его: спрашивалъ послѣдняго, есть-ли эта прибавка въ греческихъ переводахъ Хотя Ѳеофанъ рѣшительно заявилъ Филарету, что у нихъ въ греческихъ переводахъ этого слова нѣтъ, однако Филаретъ не удовлетворился голосомъ одного восточнаго патріарха, а пожелалъ, чтобы Ѳеофанъ, пріѣхавши въ греческую землю, посовѣтовался съ прочими патріархами о томъ словѣ, а затѣмъ просилъ его выписавъ «изъ греческихъ книгъ древнихъ переводовъ о освященіи Богоявленскія воды, како у нихъ написано,» при-

---

[1]) О возложеніи клобука на Діонисія въ одномъ изъ хронографовъ разсказывается иначе, чѣмъ въ Житіи,—именно слѣдующимъ образомъ. Когда Ѳеофанъ возвратился изъ Троицкаго монастыря въ Москву, то сталъ просить царя Михаила Ѳеодоровича и патріарха Филарета, «чтобы его пришествіе незабвенно было въ предъидущіе роды и остави съ своя святомазанныя главы греческій клобукъ, и повелѣ его дати на благословеніе и въ память своего пришествія Жив. Троицы Сергіева монастыря архимандриту Діонисію, понеже той греческій клобукъ въ Руси честенъ есть, кромѣ архіепископы не нощаше его никто, единому—бо дано носити архимандриту Троицкому.“ Намъ думается, что вѣрнѣе разсказъ, помѣщенный въ Житіи, такъ какъ онъ передается тутъ лицемъ, бывшимъ, вѣроятно, при самомъ событіи. Насѣдка, надо думать, былъ тогда еще въ селѣ Клементьевѣ, и слѣдовательно могъ быть свидѣтелемъ имъ описаннаго. Симонъ Азарьинъ о возложеніи клобука на Діонисія разсказываетъ согласно съ Насѣдкой,—именно говоритъ, что когда Ѳеофанъ былъ въ Троицкомъ монастырѣ, то «снемъ съ своея святительскія главы клобукъ, возложи на главу архимандриту Діонисію, у мощей преп. Сергія стоявъ и на возложеніе клобука молитвы нѣкія изрекъ, и повелѣ ему носити той клобукъ и прочимъ по немъ архимандритомъ Тр.—Сергіева монастыря» (Предисл. къ сказ. о новоявл. чуд. преп. Сергія—въ Прилож. къ Ист. Онис. Тр. Лавры стр. 68).

слать выписки въ Москву. Между тѣмъ вновь печатавшіеся потребники печатались по прежнему со словомъ: *и-огнемъ*; только на поляхъ ихъ дѣлалась замѣтка: «быти сему глаголанію до соборнаго указу.» Такъ было до 1625 года. Въ этомъ году 5 апрѣля пріѣхали въ Москву къ царю и патріарху съ грамотами отъ восточныхъ патріарховъ Александрійскаго Герасима и Іерусалимскаго Ѳеофана архимандритъ Кириллъ, келарь старецъ Акакій и старецъ Германъ. Вмѣстѣ съ грамотами они привезли «и переводы греческіе за ихъ (патріаршими) руками,» о чемъ просилъ Ѳеофана Филаретъ [1].

Герасимъ въ своей грамотѣ послѣ длиннаго титула царя и послѣ привѣтствія ему говоритъ о томъ, что они—патріархи восточной церкви, пріявши ученіе истины отъ «духовныхъ и божественныхъ апостоловъ,» неуклонно содержатъ его «крѣпцѣ даже до-нынѣ Господнею благодатію.» Указавъ, затѣмъ, на то, что согласно съ восточною церковію и русская должна «держати непремѣнно святыхъ Отецъ преданія», онъ продолжаетъ: «слышахомъ-бо, самодержце великій царю, тамо гражданствовати нѣкихъ, и почести воздавати нѣкіимъ вещамъ, имъ же людіе прилежатъ со всякимъ благоговѣніемъ, яко-же принесе вѣстію къ намъ всесвятѣйшій патріархъ Филаретъ.» Рѣчь идетъ о прилогѣ: и огнемъ. «Не вѣмъ, говоритъ Герасимъ, како умыслися у васъ въ церкви, или откуду возрасте такое лишесловіе въ семъ переводѣ или стихѣ молитвы,» и затѣмъ объясняетъ, что значитъ слово: *и огнемъ* въ извѣстномъ евангельскомъ выраженіи: Той вы крестите Духомъ святымъ и огнемъ,—объясняетъ это словами Златоуста. Появленіе прилога въ молитвѣ на освященіе воды Герасимъ приписываетъ врагу человѣческому, который, по евангельской притчѣ, сѣетъ плевелы среди пшеницы. А потому какъ владыка дома повелѣлъ слугамъ своимъ собрать плевелы и со-

---

[1]) О совѣтованіи и бесѣдованіи святителя нашего Филарета патр. Московскаго и всея Русіи съ Ѳеофаномъ патр. Іерусалимскимъ, о еже въ водоосвященіи огня прилозѣ (Рук. Лавр. Биб. № 700, л. 410—412; также Рук. М. Д. А. № 201 л. 398—400).

жечь огнемъ, такъ «подобаетъ и сіе приложшееся многласіе искоренити и изгладити отъ сущихъ тамо книгъ, имже врагъ человѣкъ всѣялъ есть се.» «Тѣмъ-же, обращается Герасимъ послѣ этого къ царю, преблагочестивѣйшій царю, мы... ... вѣдяще явѣ быти Христовы церкви чуждая и яже тамо православнымъ душамъ... тщету и соблазнъ, яже у васъ въ церкви, и человѣкомъ любопрѣніе, нищуще молимъ твое, преблагочестивѣйшее царство, не попущати сицевымъ безмѣстнымъ хотящимъ прилежати вещемъ, но паче отстояти и отбѣгати... и хранити святыхъ отецъ преданія неподвижнѣ, аще писана, аще и не писана.» Заключается грамота благожеланіемъ царю Михаилу здравія и благополучнаго пребыванія и на враги побѣды, какъ «Константину державному.»

Грамота патріарха Ѳеофана надписывается слѣдующимъ образомъ: «о указаніи бывшаго придатка огня въ молитвѣ великаго освященія святыхъ Богоявленій, глаголемое отъ нѣкихъ въ Московіи, еже: самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ Своимъ святымъ и огнемъ;» адресуется она всѣмъ «противящимся и прящимся о вѣрѣ и спасеніи, во иже повсюду православнымъ христіаномъ и епископомъ во святѣй церкви великія-же и малыя Русіи.» Послѣ такого адреса въ грамотѣ говорится, что все, что утвердили и постановили семь вселенскихъ соборовъ, вполнѣ истинно, такъ что никто не имѣетъ власти къ этимъ постановленіямъ ни приложить что-либо, ни убавить отъ нихъ. Церкви приходилось бороться съ многими ересями; существованіе которыхъ неизбѣжно, такъ какъ, по божественному апостолу Павлу, «подобаетъ-бо и ересемъ быти.» Далѣе, отыскивая источникъ, изъ котораго явилось слово: *и огнемъ* въ молитвѣ на освященіе воды, Ѳеофанъ замѣчаетъ: «не вѣмъ, како отъ древняго-ли обыная, или отъ неуковъ и неписменныхъ мужей и неискусныхъ, множицею книги любодѣйствующихъ, удержася и случися сей прилогъ въ велицѣмъ освященіи святыхъ Богоявленій... иже гражданствоваще отъ многихъ временъ въ свѣтлѣмъ градѣ Москвѣ и во всей церкви русстѣй.» Упомянувъ, затѣмъ, о томъ, что онъ узналъ о существованіи въ потребникѣ этого прилога, будучи въ Москвѣ,

и указавъ на свою обязанность, какъ пастыря, «пасти добрѣ словесныя овцы ... искореняти вся прелюбодѣйная и необычная отъ нашея церкви новосѣченія и злѣ приложенная,» патріархъ Ѳеофанъ говоритъ: «въ малѣ всякія книги пройдохомъ церкви нашея, и ни во единой, иже обрѣтохомъ, сего о крещеніи и въ просвященіяхъ не глаголатися; не вѣмъ, о чада новоизбранная Новаго Израиля, откуду приложисте сей.» Если кто основываетъ этотъ прилогъ на извѣстныхъ словахъ евангелиста Луки, то тотъ, по замѣчанію Ѳеофана, неправильно понимаетъ смыслъ этихъ словъ и держится только буквы: «писмя убо убиваетъ, духъ-же оживляетъ.» Подъ словомъ: *и огнемъ* въ словахъ Крестителя нужно разумѣть огненное мученіе грѣшниковъ въ будущемъ вѣкѣ, какъ это понимаютъ и святые; а потому при освященіи воды это слово вовсе неумѣстно. Неумѣстность его Ѳеофанъ доказываетъ еще слѣдующимъ образомъ. При крещеніи Господа Іисуса было явленіе всѣхъ лицъ Святой Троицы. Если-же приложить въ молитвѣ освященія воды еще слово: *и огнемъ*, то тѣмъ самымъ будетъ проповѣдываться четвертое лице: «приложеніемъ-же бываемымъ огня четверицу глаголатися сотворяете,» говоритъ Ѳеофанъ. «Духъ есть освящаяй и просвѣщаяй, а не огнь, какъ это проповѣдуетъ и апостолъ Павелъ: вся дѣйствуетъ одинъ и тойже Духъ, раздѣляя своя коемуждо, якоже хощетъ; той убо есть просвѣщаяй и освящаяй всѣхъ насъ». Изъ книги Дѣяній апостольскихъ, подобно какъ въ рѣчи Діонисія, Ѳеофанъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что апостолы крестили Духомъ святымъ, а не огнемъ. «Сего ради и намъ, говоритъ послѣ этого Ѳеофанъ, требѣ хранити образъ святыя соборныя каѳолическія апостольскія восточныя церкви, ибо елика имать сія, отъ святыхъ отецъ пріяла есть; отцы-же отъ св. Духа, имже и запечатлѣвши Духомъ благодати; сія-же и намъ предаша хранити, яко-же и въ моленіяхъ нашихъ имамы, наипаче-же въ эктеніяхъ, егда Бога молимъ, молимся Духови святому пріити, а не огню глаголемъ, и паки: освятитися, глаголемъ, водамъ силою и дѣйствіемъ и пришествіемъ св. Духа, а не силою и пришествіемъ огня.» Какъ въ

эктеніяхъ, такъ и въ молитвѣ не нужно прибавлять этого слова; «яко-же и мы не глаголемъ всячески,» говоритъ Ѳеофанъ. Упомянувъ еще разъ о томъ, что подъ огнемъ нужно разумѣть «мучительное, а не освятительное,» затѣмъ сдѣлавъ нѣсколько выдержекъ изъ псалмовъ Давида 10, 17, 20 и 49, въ которыхъ мученіе называется огнемъ, сказавъ, наконецъ, что «Григорій, великій умъ Богословія, глаголетъ: яко неправедный... огнь вѣчный восріиметъ, подобно какъ и Василій Великій: возгорится беззаконіе, якоже огнь, а Дамаскинъ говоритъ, что Богъ далъ намъ сугубо очищеніе водою и Духомъ, Ѳеофанъ заключаетъ свою грамоту: «тѣмъ-же всѣхъ, возлюбленніи и христолюбивіи, наказуемъ и молимъ васъ, да якоже наша восточная церковь имать, тако и вы храните, и не подобаетъ прилагати и глаголати: Духомъ Твоимъ и огнемъ, но довлѣетъ рещи: Духомъ Твоимъ Святымъ, ибо онъ есть просвѣщаяй и освящаяй и насъ, якоже многожицею рѣхомъ». [1]).

Послѣ полученія разсмотрѣнныхъ грамотъ отъ восточныхъ патріарховъ Филарету не было уже, повидимому, никакихъ поводовъ медлить изданіемъ указа объ уничтоженіи въ потребникахъ слова: *и огнемъ*. Однако таковой указъ явился не раньше, какъ только черезъ 8 мѣсяцевъ по полученіи патріаршихъ грамотъ. Думаютъ, поэтому, что Филаретъ все еще колебался посягнуть на это несчастное слово. Но, кажется, лучше признать, что Филарету вовсе не было и нужды спѣшить изданіемъ указа объ уничтоженіи слова: *и огнемъ*. Дѣло въ томъ, что отъ апрѣля и до января, когда совершается освященіе воды — времени много, и раннее изданіе указа могло-бы подать поводъ только къ лишнимъ толкамъ и спорамъ. Когда же приближалось время освященія воды богоявленской, то явился и указъ патріарха, разъяснявшій, какъ нужно совершать это освященіе. Онъ изданъ 9 декабря того-же 1625 года. Въ этомъ указѣ или грамотѣ патріарха Фи-

[1]) Грамота Герасима Александрійскаго напечатана, какъ мы уже упоминали, при Житіи Діонисія; грамоту-же Ѳеофана излагаемъ по рук. Лавр. Биб. № 700, л. 418—432.

ларета изложены прежде всего обстоятельства, предшествовавшія изданію грамоты и вызвавшія ее, - разсказывается о томъ, какъ патріархъ Филаретъ совѣтовался съ Ѳеофаномъ о словѣ: *и огнемъ*, какъ пріѣхали къ нему съ грамотами отъ восточныхъ патріарховъ послы. «И мы, пишетъ затѣмъ Филаретъ, совѣтовавъ о томъ по плотскому рожденію съ сыномъ своимъ, а по духовному чину съ сыномъ-же моимъ великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, всея Руссіи самодержцемъ, и по совѣту вселенскихъ патріарховъ Герасима и Ѳеофана указали есмы... какъ аже дастъ Богъ, егда время освященія въ навечеріи Богоявленія въ нынѣшнемъ 134 году, генваря въ 5 день, и станемъ освящати воду безъ прилогу и огня, и учнемъ глаголати: самъ, человѣколюбче Царь, пріиди пришествіемъ Св. Твоего Духа, и освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ». Также, по грамотѣ, должно совершаться освященіе и «во всей патріархіи и во всѣхъ митрополіяхъ и во всѣхъ архіепископіяхъ», повелѣвалось произносить только слова: Духомъ Своимъ св., а прилогъ огня оставить [1]). Далѣе, въ грамотѣ разъяснялось, какимъ путемъ вести вычеркиваніе изъ потребниковъ слова: *и огнемъ*. «И како къ тебѣ ся наша грамота придетъ, пишетъ Филаретъ игумену Сійскаго монастыря Іонѣ, и ты-бъ тотчатъ послалъ отъ себя въ городы, которые по нашему указу велѣно вѣдать тебѣ десятиною [2])..., а велѣлъ изъ тѣхъ городовъ и изъ уѣздовъ архимандритомъ и игуменомъ и протопопомъ и попомъ и діакономъ служебники своя и потребники, которые печатаны при мнѣ, [3]) привезти къ себѣ,

[1]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 166.

[2]) Грамоты были разосланы митрополитамъ и епископамъ съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали должное предписаніе по своимъ епархіямъ относительно уничтоженія слова: и огнемъ.—Сійскому игумену Іонѣ была прислана особая грамота лично отъ патріарха потому. что подъ вѣдѣніемъ его была патріаршая десятина, не подлежавшая вѣдѣнію епархіальнаго епископа.

[3]) На основаніи словъ грамоты, повелѣвавшихъ замазывать прилогъ въ потребникахъ, только при Филаретѣ печатанныхъ, раскольники оворятъ, что «ни одинъ изъ 5 первыхъ патріарховъ прежде бывшія книги церковныя осуди... книги ихъ отложи... на прежде бывшія уставы церковныя

а какъ привезутъ, и ты-бъ сее нашу грамоту предъ ними вычелъ, а четчи и въ тѣхъ служебникахъ во всѣхъ то глаголаніе о прилогу огня замазалъ-бы еси черниломъ — кистью». Чернила для этого повелѣвалось сдѣлать «нарокомъ съ комѣдью» и замазывать ими въ двухъ мѣстахъ въ потребникахъ, - во 1-хъ гдѣ Духомъ Твоимъ святымъ и огнемъ тутъ огонь замазывать, а во 2-хъ — на полѣ, гдѣ марано: «быти сему глаголанію до соборнаго указу», — и тутъ въ другомъ мѣстѣ замазывать же; а въ служебникахъ въ одномъ мѣстѣ замазывать «огнь» [1]). Въ случаѣ неимѣнія кисти подъ руками повелѣвалось замазывать перомъ, «омоча въ добрыя-же чернила, чтобы писма не видѣти было». По окончаніи этой работы грамота предписывала возвратить служебники «попомъ безволокитно» съ приказаніемъ, чтобы они генваря въ 5 день при освященіи воды произносили только: Самъ, человѣколюбче Царю, пріиди пришествіемъ св. Твоего Духа и освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ, а прилогъ «огня» оставили-бы; но кромѣ прилогу огня повелѣвалось «всему быти чину и *совѣщамъ погруженью* по тому, какъ писано въ служебникахъ печатныхъ». Наконецъ, приказывалось представить патріарху списокъ всѣхъ духовныхъ лицъ, которыя привозили требники для исправленія, а тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ ослушиваться патріаршей грамоты и начнутъ святить воду «не по сему указу», — грамота отлучала и повелѣвала держать «въ великомъ смиреньи».

Эта грамота патріарха Филарета окончательно рѣшила вопросъ о словѣ: *и огнемъ*, вымаранномъ изъ потребника преподоб-

---

клятвы или осужденіе изнесе». (Хр. Чт. 57, ч. II, стр. 310). Но мы знаемъ, что по приказанію Филарета былъ сожженъ уставъ, напечатанный при Гермогенѣ. Симонъ Азарьинъ въ житіи Діонисія говоритъ, что велѣно было замазывать прилогъ и въ служебникахъ, печатанныхъ при Іонѣ Крутицкомъ (стр. 44—45). Въ Дворцовой приказъ доставлена была подробная роспись служебниковъ, въ которыхъ, по приказу Филарета, замазано было слово: *и огнемъ*

[1]) Такими именно чернилами съ комѣдью замарано слово «и огнемъ» въ требникѣ Діонисія (Рук. Моск. Дух. Академіи № 183).

нымъ Діонисіемъ и послужившемъ причиной столькихъ шумныхъ споровъ. Стоитъ обратить вниманіе на то, что Филаретъ все-таки оставилъ нетронутымъ обрядъ погруженія свѣчей въ воду, хотя то этотъ обрядъ и находится въ тѣсной связи съ вычеркнутымъ словомъ. Объяснить такой поступокъ патріарха просто. Тогда какъ слово: *и огнемъ*, хотя и выродилось изъ обряда погруженія свѣчей, но все-таки ближайшимъ образомъ обязано своимъ появленіемъ въ потребникахъ только книжникамъ, вписавшимъ его туда соотвѣтственно общему убѣжденію, что вода освящается погруженіемъ зажженныхъ свѣчъ—и слѣдовательно уничтоженіе этого слова могло вызвать недовольство и протестъ опять-таки главнымъ образомъ только со стороны тѣхъ-же книжниковъ,—уничтоженіе обряда погруженія свѣчей, въ которомъ народъ, несомнѣнно, уже привыкъ видѣть самый важный моментъ во всемъ водоосвященіи, вызвало-бы недовольство всего народа. Уничтоженіе слова для народа не могло быть особенно замѣтно, но уничтоженіе обряда, въ которомъ онъ полагалъ всю силу, который былъ сроденъ и дорогъ для него, какъ имѣвшій основу въ коренныхъ особенностяхъ его духа, непремѣнно повлекло-бы общій ропотъ, чего и опасался осторожный патріархъ Филаретъ. Такимъ образомъ, обычай этотъ держался до патріарха Никона, какъ уже объ этомъ мы упоминали раньше, и только рѣшительный Никонъ, исправляя въ 1655 году требникъ и при повѣркѣ его съ греческими требниками и старыми русскими не найдя никакого указанія на обыкновеніе погружать свѣчи въ богоявленскую воду при ея освященіи, счелъ это дѣйствіе погрѣшительнымъ и пропустилъ его въ новоисправленномъ требникѣ. Но на практикѣ, надо полагать, обычай погруженія свѣчей держался и послѣ этого; а потому соборъ 1667 года снова обратилъ вниманіе на него и положительно запретилъ погружать свѣчи въ воду предъ ея освященіемъ. Но понимая, какъ не легко простой народъ разстается съ привычными религіозными обрядами, соборъ нашелъ возможнымъ позволить погруженіе свѣчей, но только уже послѣ освященія воды для освященія самыхъ

свѣчей [1]). Народъ могъ быть удовлетворенъ этимъ, такъ какъ онъ плохо понималъ главные моменты того или другаго таинства или обряда.

Но если уничтоженіе обряда могло вызвать оппозицію со стороны простаго народа, то по поводу уничтоженія слова (и огнемъ) должно было ждать протеста прежде всего отъ людей книжныхъ. Раньше мы видѣли, какой шумъ поднялъ изъ—за этого слова Антоній Подольскій; но теперь у насъ рѣчь о времени послѣ грамоты патріарха Филарета, а слѣдовательно протестъ книжниковъ, если онъ существовалъ, теперь долженъ быть направленъ противъ дѣла не частныхъ лицъ, а противъ церковнаго правительства и авторитета патріарховъ. Несомнѣнно, и послѣ 1625 года оставались еще убѣжденные приверженцы слова: и огнемъ, но такъ какъ грамота Филарета 1625 г. 9 дек. ослушниковъ, не желавшихъ оставить слова *и огнемъ*, предписывала отлучать и держать «въ великомъ смиреніи», то, естественно, что эти убѣжденные сторонники слова: и огнемъ призамолкли и нехотя подчинились распоряженію патріарха. При патріархѣ Филаретѣ не повторялась уже борьба за слово *и огнемъ*; но при преемникѣ его патріархѣ Іоасафѣ, лично не заинтересованномъ въ дѣлѣ, снова раздался голосъ въ защиту слова: и огнемъ. Голосъ этотъ шелъ отъ лица, стоявшаго на высокой іерархической степени—отъ митрополита Новгородскаго Аѳонія. Въ 1639 году митрополитъ этотъ написалъ сочиненіе, озаглавленное имъ слѣдующимъ образомъ: «предисловіе избранно въ малѣ отъ Евангелія и отъ Апостола и отъ Божественныхъ писаній о духовной силѣ и о благодати невидимо подаваемыя свыше дѣйствіемъ святаго Духа въ благодати крещенія и въ день пятдесятный о дѣйствіи-же Св. Духа» [2]). Хотя по надписанію это

[1]) Дополненіе къ Акт. Ист. т. V, № 102... Повелѣваемъ и заповѣдуемъ яко въ праздникъ святыхъ Богоявленій, въ дѣйство освященія водъ: никтоже да погружаетъ свѣщъ въ водѣ, прежде погруженія честнаго креста... а аще кто хощетъ свѣщи или ино что отъ вещей погружати въ св. водѣ освященія ради, да погружаетъ по погруженіи честнаго креста... А егда погружати будутъ, ничесоже да глаголютъ. Зане погружаются свѣщи или ино что, еже освятитися отъ святыхъ водъ, а не свѣтити воды (Книга соборныхъ дѣяній 1667 г. л. 12 и оборотъ).

[2]) Рук. М. Син. Биб. № 822, л. 148.

сочиненіе имѣетъ главнымъ предметомъ таинство крещенія и сошествіе св. Духа на апостоловъ, но оно, какъ увидимъ, ближайшимъ образомъ касается слова: и огнемъ, — даже этотъ послѣдній вопросъ занимаетъ въ немъ болѣе видное мѣсто, чѣмъ другіе. Особенно-же важно для насъ то, что оно относится критически къ мыслямъ, высказаннымъ исправителями въ ихъ сочиненіяхъ, и то, что одинъ изъ послѣднихъ сдѣлалъ на это сочиненіе довольно подробныя замѣчанія Слѣдовательно, поименованное сочиненіе представляетъ собою какъ-бы продолженіе полемики исправителей съ защитниками слова *и огнемъ*, главнымъ представителемъ которой на первыхъ порахъ явился Антоній Подольскій. Въ силу всего высказаннаго сочиненіе Аффонія заслуживаетъ полнаго нашего вниманія.

Главная мысль, которая красной нитью проходитъ чрезъ все сочиненіе Аффонія, состоитъ въ томъ, что духовная сила и благодать, невидимо подаваемыя въ крещеніи, являются *духовнымъ* огнемъ и очистительное дѣйствіе сего огня подобно дѣйствію огня естественнаго. Развивая эту мысль, Аффоній обосновывается прежде всего на Григоріи Богословѣ, у котораго онъ прямо нашелъ, что, «духовная сила духовнымъ огнемъ являема и подаваема свыше дѣйствіемъ Св. Духа» [1]). Если-же, дѣйствительно, благодать крещенія невидимо подается духовнымъ огнемъ, то ясно, что въ словахъ Евангелиста Луки о крещеніи *и огнемъ* нельзя разумѣть будущее огненное мученіе, а нужно разумѣть духовную силу, которую поэтому Евангелистъ Лука «образомъ огня (естественнаго) уясни» [2]). Ясно, что это направлялось противъ исправителей — противъ Діонисія и Ивана Насѣдки, которые, какъ мы помнимъ, въ своихъ рѣчахъ особенно тщательно старались доказать, что подъ крещеніемъ огнемъ должно разумѣть будущее огненное мученіе, и въ подтвержденіе этого ссылались на многія мѣста изъ сочиненій Св. отцовъ Но насколько послѣдніе тщательно доказывали, что это-огнь мучительный, настолько же Аф-

[1]) Рук. М. Син. Биб. № 822, л. 148—оборотъ.

[2]) ibid. л. 149 оборотъ.

фоній старается установить противоположную мысль, — что огонь, о крещеніи которымъ говоритъ Предтеча въ Евангеліи отъ Луки, не мучительный, а «благодѣйственный». «По первомъ же и по второмъ соборѣ, говоритъ Аффоній, вселеннѣй учители, Евангельскимъ благовѣствованіямъ послѣдствующе, 9 зачала въ Евангеліи отъ Луки Крестителемъ Іоанномъ во Христовѣ крещеніи реченный *огнь въ толкованіи извѣстивше благодѣйственъ суще, а не мучителенъ*», [1]) и послѣ этого ссылается на Василія великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Первый изъ нихъ въ молитвѣ на третьемъ часѣ «отъ огненныя языки глаголетъ духовную силу»; подобно и Григорій Богословъ «въ раздѣленіи огненныхъ языкъ глаголетъ дѣйствіе Св. Духа» (въ 4 словѣ въ день пятидесятный въ 8 стихѣ) и, наконецъ, І. Златоустъ въ толкованіи на Ев. Матѳея 6 зач. «огненное крещеніе глаголетъ, еже Христосъ въ день пятдесятный на св. апостолъ во огненныхъ языцехъ благодать Св. Духа излія» [2]). Этими словами св. отцовъ Аффоній хочетъ доказать, что какъ въ огненныхъ языкахъ, сошедшихъ на апостоловъ, должно разумѣть духовную силу св. Духа, такъ и въ огненномъ крещеніи подается благодать же св. Духа. Дѣйствіе духовнаго огня проявляется, между прочимъ, въ разумѣніи Христа по естеству Бога, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Григорій Богословъ (во 2-мъ словѣ 33 стиха въ толкованіи), потому что въ 8 пѣсни канона на Богоявленіе воспѣвается «во благодати крещенія огнь Божества Христова, сокровенный во плоти», а въ 9 пѣсни поется, что «Дѣвая спасеся, огнь носящи во чревѣ и родши свѣтоносна Сына — благодателя въ Іерданскихъ струяхъ явленна». И такъ, Божество Христово въ крещеніи воспѣвается неприкосновеннымъ огнемъ, а такъ какъ Божествомъ своимъ Христосъ освятилъ іорданскія воды и сокрушилъ въ водахъ главы змієвы, то значитъ въ благодати крещенія подается духовный огнь, сообщенный водѣ неприкосновеннымъ огнемъ Божества Христова [3]).

[1]) Рук. М. Син. Биб. № 822, л. 152.

[2]) ibid, л. 152 и об.

[3]) Рук. Моск. Син. Биб. № 822, л. 153 и об., 154. Впрочемъ, мы не ручаемся насколько точно выразили послѣднюю мысль митрополита Аф-

Изъ всѣхъ этихъ мыслей Аффонія само собой вытекало заключеніе, хотя еще и не высказанное имъ, что въ извѣстной молитвѣ Богоявленскаго водоосвященія слово: *и огнемъ* умѣстно и даже необходимо. Далѣе же митрополитъ обращается къ другаго рода доказательствамъ. Извѣстно, что въ 7 пѣсни канона воспѣвается чудо въ Вавилонской пещи. Взявши во вниманіе это чудо, Аффоній въ пользу слова: *и огнемъ* дѣлаетъ такое соображеніе: «аще Божіе преславное дѣйствіе средѣ огня, иже въ Вавилонстѣй пещи, сохраненія ради благочестивыхъ отроковъ на всяко лѣто воспѣваемо, како во Евангеліи отъ Луки Крестителемъ Іоанномъ во Христовѣ спасенномъ крещеніи реченный духовный огнь нашего ради очищенія *нынѣ сокрываемъ*» [1]). Это, повторяетъ Аффоній ранѣе высказанную мысль, огнь духовный, а не мучительный. Мучительный огнь отъ купели небесной отстоитъ также далеко, какъ земля отъ небесной высоты или мучительная вещь отъ царства небеснаго. «Духовный же огнь, иже во Христовѣ крещеніи по Евангелію отъ Луки, *въ навечеріи Богоявленій Господнихъ на освященіи водѣ яко смѣемъ оставити*, по писанію же бо освященіе водѣ въ навечеріе Богоявленій Господнихъ во образъ благодати крещенія Господня» [2]). Свидѣтельство о огнѣ мучительномъ находится въ Евангеліи въ другомъ мѣстѣ, а не въ томъ, на которое указываютъ исправители. Въ томъ же Евангеліи отъ Луки Іоаннъ же Предтеча о Христѣ говоритъ, что у Него лопата въ рукахъ, которой онъ соберетъ пшеницу въ житницу, т. е. устроитъ праведныхъ въ царство небесное, а плевелы, подъ которыми разумѣются грѣшники, «сожжетъ огнемъ негасающимъ»; «духовный же огнь,

---

фонія, потому что это мѣсто очень трудно понимаемо. Вотъ нѣкоторыя буквальныя его выраженія: «По писанію Христосъ во спасительномъ крещеніи сокровеннымъ во плоти Божествомъ іерданскія воды осняти и главы змієвы сокруши: якоже Божество Христово, сокровенное во плоти во спасительномъ крещеніи неприкосновеннымъ огнемъ воспѣваемо, сице и въ 50-й день духовная сила и благодать во огненныхъ языцѣхъ свыше подаваема дѣйствіемъ св. Духа усвоенія ради единосущнаго Божія Слова» (л. 154).

[1]) Рук. Моск. Син. Биб. № 822, л. 155.

[2]) Рук. Моск. Син. Биб. № 822, л. 155 об.

прибавляетъ тутъ Аффоній не безъ противорѣчія себѣ, на которое потомъ и указалъ ему критикъ его, духовный же огнь, по писанію, и на утріе Рождества Іоанна Крестителя далече отъ мудительнаго огня отстоитъ; яко же въ предтечевѣ канонѣ въ 7 пѣсни стихъ показуетъ: Христосъ бы крестивый человѣки во огни Святымъ Духомъ первіе, огнемъ геенскимъ токмо креститъ послѣдижъ невѣрующая ему, ихъ же горькаго крещенія, Крестителю, избави насъ» [1]). Въ концѣ своего сочиненія Аффоній говоритъ, что на праведномъ судѣ будетъ еще огнь чистительный «на очищеніе малѣйшихъ сопрѣтеній», а по Григорію Богослову (15-е слово въ 17 ст. въ толкованіи) «въ день праведнаго суда раздѣлится огнь, и свѣтъ его праведницы пріимутъ, жженіе жъ грѣшницы». «Мы жъ, заключаетъ Аффоній,.... отъ божественныхъ писаній мнѣ избравше о духовной силѣ и о благодати, невидимо подаваемой во спасеномъ крещеніи и въ пятдесятный день дѣйствіемъ пресвятаго и Животворящаго Духа, на украшеніе соборной и апостольской церкви написахомъ въ славу Пресвятыя Троицы молитвами и поспѣшеніемъ великаго Господина отца нашего святѣйшаго Іасафа патріарха Московскаго и всея Русіи во спасеніе вѣрнымъ» [2]).

Это сочиненіе Аффонія, какъ мы упоминали, не осталось безъ разбора со стороны одного изъ исправителей; впрочемъ разборъ этотъ ограничился только нѣкоторыми замѣчаніями, сдѣланными на поляхъ одного изъ списковъ этого сочиненія. Авторомъ этихъ замѣчаній было не иной кто, какъ Иванъ Насѣдка. Это видно изъ того, что замѣчанія эти весьма сходны, а по мѣстамъ даже буквально взяты изъ извѣстныхъ сочиненій исправителей, а такъ, какъ Діонисій и другіе извѣстные сотрудники его, кромѣ

[1]) Рук. М. Син. Биб. № 822, л. 156 об. Противорѣчіе здѣсь состоитъ въ томъ, что Аффоній привелъ въ подтвержденіе своихъ мыслей такую пѣснь канона, въ которой выраженіе „крестить огнемъ“ употребляется въ смыслѣ будущаго геенскаго мученія, тогда какъ, по Аффонію, этого не должно бы быть: если крещеніе огнемъ означаетъ благодатное крещеніе, то это же самое выраженіе не можетъ обозначать еще геенское мученіе.

[2]) Рук. М. Син. Биб. № 822, л. 160 об. и 161 и об.

Насѣдки, къ тому времени уже покончили свое земное существованіе, то естественно, что послѣдній и вступился за свое дѣло. Самый пріемъ критика Аффоніева сочиненія—дѣлать замѣчанія на поляхъ—указываетъ опять-таки на Насѣдку, потому что извѣстно и еще другое сочиненіе, на поляхъ котораго Иванъ Насѣдка писалъ замѣчанія. Сочиненіе это «Катихизисъ Симона Буднаго и Перспектива ксендза Касьяна». Списокъ его, на которомъ сдѣланы замѣчанія Иваномъ Насѣдкою, находится въ рукописи М. Д. Ак. № 223. Что составителемъ замѣчаній на сочиненіе Аффонія былъ одинъ изъ исправителей (и слѣдовательно Насѣдка), а не лице постороннее, на это указываетъ самое содержаніе нѣкоторыхъ изъ замѣчаній. Такъ, въ одномъ изъ замѣчаній составитель говоритъ: «*намъ споръ* не о крещеніи чіемъ, но о освященіи всѣхъ святынь, паче же о водѣ Богоявленія и младенцевъ» [1]). Это указаніе на споръ, участникомъ котораго былъ и онъ, составитель замѣчаній (*намъ*), переноситъ насъ въ то время, когда Діонисій и его сотрудники принуждены были вести дѣйствительно споръ какъ литературный, такъ и устный. А такъ какъ изъ всѣхъ лицъ, вынужденныхъ въ свое время состязаться изъ за слова и огнемъ, въ 1639 году живъ былъ только Насѣдка, то онъ, конечно, и былъ критикомъ сочиненія Аффонія. Да и кто другой могъ быть болѣе заинтересованъ новымъ сочиненіемъ Аффонія, какъ не онъ—Насѣдка?!

Замѣчанія свои Насѣдка предваряетъ указаніемъ на автора сочиненія и на то, что оно подано царю Михаилу Ѳедоровичу и написано «сопротивъ четырехъ патріарховъ вселенскихъ и сопротивъ *собора* патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Росіи, иже исправилъ (потребникъ) съ четырми патріархи вселенскими» [2]) и другими епископами востока, а равно и съ русскими святителями, причемъ упоминается митрополитъ Новгородскій Макарій, Казанскій Матвѣй, Ростовскій Варлаамъ и Крутицкій Кипріанъ. Какой разумѣетъ здѣсь Насѣдка соборъ, имѣвшій

[1]) л. 147 об.

[2]) л. 147 об.

своею цѣлію исправленіе книгъ? Вѣроятнѣе всего, что, по полученіи грамоты отъ патріарховъ Александрійскаго и Іерусалимскаго, Филаретъ для окончательнаго рѣшенія дѣла еще разъ созывалъ соборъ, на которомъ и были болѣе знатные русскіе епископы. Между прочимъ, можетъ быть, въ силу этого-то обстоятельства и замедлилось изданіе извѣстной грамоты Филарета объ уничтоженіи слова: *и огнемъ*. Хотя и нѣтъ другихъ указаній на созваніе Филаретомъ собора въ 1625 году, но иначе нельзя понять слова Насѣдки о сочиненіи Аффонія, что оно написано «сопротивъ собора патріарха Филарета.» Если подъ этимъ соборомъ разумѣть соборъ 1619 года, на которомъ оправдался Діонисій, то съ этимъ будетъ несогласно указаніе Насѣдкой епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ. Насѣдка говоритъ, между прочимъ, что на соборѣ томъ былъ епископъ Крутицкій Кипріанъ, а извѣстно, что Кипріанъ былъ назначенъ Крутицкимъ епископомъ только 14-го ноября 1624 года. А такъ какъ на соборѣ этомъ присутствовалъ еще Макарій Новгородскій, умершій въ 1626 году, то ясно, что соборъ происходилъ между 1624 и 1626 годами. И такъ, изъ словъ Насѣдки мы заключаемъ, что въ 1625 году Филаретъ созывалъ соборъ для окончательнаго рѣшенія дѣла о словѣ *и огнемъ*. Послѣ указанія на автора и цѣль сочиненія Аффонія Насѣдка дѣлаетъ замѣчаніе о содержаніи его, говоритъ, что Аффоній «пишетъ все о крещеніи Господни и о еже въ пятдесятный день о раздѣленіи огнянныхъ языкъ, яже пресвятый Духъ невидимый святымъ апостоломъ ниспосланъ въ сошествіи съ небесе невидимо въ дусѣ бурнѣ и яви ихъ языки, яко огненни.» Что касается самыхъ критическихъ замѣчаній Насѣдки, то они не отличаются ни доказательностію, ни особенною ясностію, такъ что иногда съ трудомъ можно понять, что въ нихъ говорится. Мы видѣли, что главная мысль Аффонія такова: духовная сила подается духовнымъ огнемъ и потому у евангелиста Луки она уясняется образомъ естественнаго огня. Насѣдка-же, вопреки этому, утверждаетъ, что вовсе не нужно для проявленія духовной силы какого-либо «духовнаго огня,» что Духъ святый есть «даруяй и даруемъ,»

т. е. онъ дѣйствуетъ непосредственно и во всѣхъ проявленіяхъ — въ явленіи огнянныхъ языкъ, подобно какъ въ явленіи голубя — онъ дѣйствуетъ самъ-же, а потому излишне предполагать еще духовный огнь, какъ что-то посредствующее между Духомъ Святымъ и предметомъ, на который простирается Его дѣйствіе. «Се не разумѣеши, говоритъ Насѣдка, яко даруяй бѣ даруемъ, еже бысть явленіе, якоже голубь и видѣніе огнянныхъ языкъ» [1]). Что касается стремленія Аффонія обосноваться на авторитетѣ св. Василія Великаго, будто-бы утверждающаго, что подъ крещеніемъ огнемъ нужно разумѣть огнь не мучительный, а благодѣйственный, то Насѣдка говоритъ, что «святіи отцы самаго дѣятеля молятъ, а онъ како волитъ, тако и дѣлаетъ» и ссылается на молитву: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа,» въ которой испрашивается ниспосланіе самого Святаго Духа на насъ. «Увязъ еси, обращается Насѣдка къ Аффонію, въ своихъ сѣтехъ и для чего Василіева ученія не держишься, онъ да и вси святіи съ нимъ молятся сице: «Господи, иже Пресвятаго и т. д.» [2]). Послѣднее замѣчаніе Насѣдки не совсѣмъ удачно, но дальнѣйшее замѣчаніе его, что Аффоній вовсе не къ дѣлу вводитъ въ свое сочиненіе разсужденіе о неприкосновенномъ огни Божества Христова, сокрытомъ во плоти, совершенно справедливо, потому что дѣйствительно неприкосновенный огнь Божества Христова (если и допустимъ вѣрность такого выраженія) и духовный огнь, подаваемый въ таинствахъ не сопоставимы между собою. Далѣе, пользуясь тѣмъ, что Аффоній назвалъ Божество І. Христа огнемъ, Насѣдка въ томъ мѣстѣ сочиненія его, гдѣ Аффоній, доказывая умѣстность слова *и огнемъ*, ссылается на то, что освященіе воды совершается «во образъ благодати крещенія Господня,» — говоритъ: «самъ писалъ еси выше, что яко самъ Христосъ — огнь и что-де *лиш* (лишно-излишно) другій огнь призывати» [3]). Указываетъ, далѣе, Насѣдка на противорѣчіе себѣ, допущенное Аффоніемъ и состоящее въ

---

[1]) Рук. М. Син. Биб. № 822 л. 149 об. на поляхъ.

[2]) Рук. М. Син. Биб. № 822 л. 152, на поляхъ.

[3]) Рук. М. Син. Биб. № 822, л. 155 об. на поляхъ.

томъ, что подъ «крещеніемъ огнемъ» митрополитъ разумѣетъ не только благодать крещенія, но и огненное мученіе, что не совмѣстимо. Въ этомъ мѣстѣ замѣчаніе Насѣдки дов. своеобразно: «охъ, увы (говоритъ онъ) прорушился еси» (л. 156 об.). Изъ дальнѣйшихъ замѣчаній Насѣдки стоитъ еще обратить вниманіе на то, въ которомъ повторяется общее всѣмъ исправителямъ доказательство неумѣстности слова *и огнемъ*: если это слово нужно въ Богоявленскомъ водоосвященіи, то «въ крещеніи младенцевъ въ молитвахъ для чего огнь не написано въ освященіи воды, а тамъ бы ему достойно быти» (л. 157 об.). Указывая на то, какою-же силою освящаются вода и всѣ иныя святыни, Насѣдка говоритъ, что они освящаются Духомъ святымъ и «именемъ Господнимъ и крестомъ»; невидимымъ дѣйствіемъ Духа св. совершается и такое великое таинство, какъ таинство Тѣла и Крови Христовыхъ. Наконецъ, отмѣтимъ то, что почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у Аффонія упоминается о дѣйствіи Духа, Духомъ или отъ Духа, мы на поляхъ находимъ слѣдующія замѣтки черезъ-чуръ ревниваго критика: «се не огнь» (л. 148 об.), т. е. дѣйствуетъ, «а не во огнь» (л. 150), т. е. креститься заповѣдуется во имя Отца и Сына и св. Духа, а не во огнь; «не огнемъ» (л. 151) совершается крещеніе, а водою и Духомъ; а по поводу словъ Спасителя, вписанныхъ въ сочиненіе Аффонія: «еже слышасте отъ Мене, Іоаннъ убо креститъ водою, вы же имате креститися Духомъ святымъ, Насѣдка замѣчаетъ: «и для чего огнь прибавливаешь» (л 151 об.).

Такъ какъ споръ «объ огни» уже потерялъ свой прежній интересъ, то незначительное столкновеніе Насѣдки съ Аффоніемъ осталось не замѣченнымъ. Хотя о сочиненіи Аффонія и сказано, что оно было подано царю Михаилу Ѳедоровичу, но для какой цѣли—неизвѣстно. Можетъ быть даже, Аффоній имѣлъ смѣлое намѣреніе - возстановить слово *и огнемъ* въ служебникахъ, и потому подалъ свое сочиненіе прямо царю. Что же касается замѣчаній Насѣдки, то кажется, что онъ, дѣлая ихъ, вовсе не имѣлъ въ виду, что они дойдутъ по адресу составителя сочиненія. Это

дѣло Насѣдки было частнымъ дѣломъ любознательности русскаго книжника. Если бы Насѣдка желалъ выступить въ качествѣ открытаго полемиста противъ Аффонія, то конечно онъ написалъ бы отвѣтъ или разборъ на сочиненіе митрополита обстоятельный, а не ограничился бы безсвязными замѣтками.

Такова исторія слова *и огнемъ*, въ исключеніи котораго состояла главная справа Троицкихъ исправителей.—Что касается прочихъ исправленій, сдѣланныхъ Діонисіемъ съ сотрудниками въ потребникѣ и другихъ книгахъ, то многія изъ нихъ были приняты патр. Филаретомъ и внесены во вновь печатавшіяся при немъ книги, но нѣкоторыя не были приняты. Конечныя славословія молитвъ исправлены были почти всѣ—согласно указанію Діонисія, кромѣ молитвъ,—заамвонной, на день Богоявленія, на очищеніе церкви отъ язычниковъ и молитвы Господней. Впрочемъ, въ «Діаконовыхъ отвѣтахъ» Андрей Денисовъ указываетъ еще двѣ молитвы, которыя въ новопечатныхъ книгахъ въ концахъ ихъ напечатаны несогласно съ указаніемъ преп. Діонисія. Это во первыхъ—главопреклонная молитва на вечерни на эктеніи, начало которой обращено къ лицу Сына Божія, «окончаніе же напечатано не единому лицу Сына Божія, но тріемъ лицамъ Божественнымъ сице: «буди держава царствія Твоего благословенна и препрославленна Отца и Сына и св. Духа»,- во вторыхъ - молитва въ чинѣ исповѣди, начало которой опять-таки обращено къ одному лицу Сына Божія, окончаніе-же къ тремъ Божественнымъ лицамъ [1]). Далѣе, приготовительныя къ литургіи молитвы, которыя были вычеркнуты Діонисіемъ изъ служебника, въ изданіяхъ патр. Филарета и его преемниковъ до Никона были печатаемы, какъ объ этомъ у насъ уже упомянуто выше,—и только при п. Никонѣ онѣ были выброшены. Стихъ: «во гробѣ плотски», богородиченъ 3-го гласа (слово: свойство) и богородиченъ 2-го гласа также не были поправлены такъ, какъ указалъ то Діонисій. Въ октоихѣ, въ воскресномъ канонѣ 7-го гласа стихъ 8-й пѣсни «безъ истлѣнія

[1]) Опис. сочин., написан. въ пользу раскола, ч. 2-я стр. 283.—Отвѣтъ 100-й.

не сущи» исправленъ былъ гораздо яснѣе исправленія, предложеннаго Діонисіемъ. Логиновъ уставъ 1610 года, въ которомъ наши исправители нашли немало погрѣшностей, по грамотѣ патр. Филарета 1633 года былъ повсюду отбираемъ и предаваемъ огню...[1]).

Но не въ томъ, что тѣ или другія поправки, сдѣланныя преп. Діонисіемъ въ книгахъ, были вносимы въ послѣдующія изданія книгъ, заключается преимущественная важность и историческое значеніе дѣла Діонисія. Въ началѣ первой главы второй части нашего изслѣдованія мы кратко коснулись значенія дѣла Діонисія, сказавъ, что оно явилось, какъ-бы среднею ступенью въ исторіи исправленія книгъ, которая началась съ Максима и кончилась Никономъ. Не говоря о томъ, что тамъ мысль эта недостаточно развита нами,—и потому требуется еще нѣкоторое разъясненіе ея, намъ еще кажется, что необходимо взглянуть на изслѣдованное нами явленіе съ болѣе широкой точки зрѣнія. Было-бы несправедливо говорить, что явленіе это имѣетъ зна-

[1]) Нѣкоторыя поправки, сдѣланныя въ книгахъ при патр. Филаретѣ согласно съ исправленіемъ Діонисія, указаны г. Казанскимъ (въ Чт. Общ. ист и др. Рос. 1848, VIII, стр. 20 - 21),—и мы здѣсь не повторяемъ всѣхъ ихъ. Вспомнимъ здѣсь кстати, что о потребникахъ, изданныхъ при патр. Филаретѣ, дѣлалъ отзывъ еп. Вятскій Александръ. Извѣстно, что этотъ Александръ предлагалъ Московскому собору владыкъ нѣсколько вопросовъ относительно неправильностей въ книгѣ потребникъ. Онъ говорилъ, что книга эта много «въ рѣчахъ перебита, и чины и написанія несходны и умъ имущимъ, паче же простѣйшимъ смущенію виновна, съ прежними бо нашими книгами въ царствующемъ градѣ Москвѣ тисненіемъ печатнымъ изданными, отнюдь несогласна и превратовъ исполнена» (Опис. рук. Моск. Син. Биб. II, 3 № 294). Александръ предлагалъ 21 вопросъ, изъ коихъ первые четыре касались неправильностей потребниковъ Филаретовскихъ, напечатанныхъ въ 1623 и 1630 годахъ. Въ вопросѣ 4-мъ Александръ Вятскій, между прочимъ, говоритъ: „въ крещеніи—въ кіевскомъ (служебникѣ) знаменаетъ іерей воду крестообразно *зажженною свѣчею* трижды, въ новомъ нѣтъ“, «въ кіевскомъ—Ты убо человѣколюбче царю іерей глаголетъ трижды и дуновеніемъ воду благословляетъ трижды, въ новомъ Ты убо..... однажды, а дуновеніемъ благословляетъ—нѣтъ». (Непер. сбор. Моск. Син. Биб. V, л. 80 об.).

ченіе *только* въ исторіи исправленія книгъ: этимъ съуживалось-бы дѣйствительное значеніе его. Прежде всего, намъ кажется, что въ исторіи нашего просвѣщенія за *первую* половину XVII вѣка мы не найдемъ явленія болѣе характеристичнаго, болѣе рельефно обрисовывающаго собою направленіе умовъ нашихъ предковъ и опредѣляющаго степень ихъ умственнаго кругозора,— однимъ словомъ, не найдемъ явленія, которое бы лучше оттѣняло интеллектуальный обликъ тогдашняго русскаго человѣка,—какъ это дѣло преп. Діонисія.—Самое крупное, незабвенное явленіе нашей исторической жизни за разсматриваемое время—это есть, несомнѣнно, патріотическое возбужденіе русскаго народа, которое спасло наше отечество отъ грозной иноземной силы. Не отрицаемъ, что это явленіе дастъ дов. много для обрисовки интеллигентнаго облика русскихъ начала XVII вѣка. Изъ него мы убѣждаемся, что тогда для русскихъ *своя* вѣра была всего дороже, и она-то поэтому явилась движущей силой въ защитѣ отечества: «она явилась, какъ говоритъ одинъ историкъ, лучшимъ связующимъ звѣномъ всѣхъ сословій, всѣхъ интересовъ русскаго народа, самымъ крѣпкимъ началомъ, оживляющимъ и очищающимъ дремавшія или убитыя народныя силы» [1]). Но здѣсь мы знакомимся не съ направленіемъ умовъ нашихъ предковъ, не съ размѣрами ихъ умственнаго кругозора—и даже не съ характеромъ ихъ религіозныхъ воззрѣній—не съ тѣмъ, напр., что, по представленію русскихъ, было ересью и что не ересью,—а только съ дѣятельнымъ началомъ русскихъ. Здѣсь, такимъ образомъ, обнаружилась сторона нравственная; а не интеллигентная въ собственномъ смыслѣ. Несомнѣнно, что высокій патріотизмъ, имѣющій въ основѣ вѣру, можетъ обнаружиться и въ человѣкѣ малоразвитомъ,—и патріотизмъ его поэтому не можетъ быть, такъ сказать, мѣриломъ степени его умственнаго развитія или широты его умственныхъ воззрѣній.—Но въ дѣлѣ преп Діонисія непосредственно сказался весь русскій человѣкъ начала XVII вѣка со стороны его интел-

---

[1]) Странникъ, 1862, ч. 1-я стр. 24.

лекта: тутъ сказались и направленіе его ума, и степень развитости, и кругъ его идей. Мы прежде всего видимъ, что работа русскаго ума была тогда направлена главнымъ образомъ на охраненіе такъ или иначе сложившихся религіозныхъ воззрѣній—или точнѣе говоря—религіозной внѣшности. Тогда уже обнаружились всѣ признаки того направленія, результатомъ котораго было возрѣніе русскихъ на все *свое*, какъ на исключительно-православное, —и потому неприкосновенное. Самое ревнивое охраненіе *своего* православія и сказалось именно въ дѣлѣ Діонисія: московскіе люди едва только услыхали, что явились *какіе-то* еретики, какъ толпами и съ дрекольями вооружились на нихъ. «Русь, по выраженію г. Ивановскаго, уживалась и съ суровостью и съ злоупотребленіями властію, и съ разными тягостями общественными; но она положительно не могла уживаться съ еретичествомъ; подозрѣніе въ еретичествѣ возбуждало противъ виновнаго и преслѣдованіе власти и народное негодованіе» [1]). На дѣлѣ преп. Діонисія это направленіе, повторяемъ, обнаружилось съ особенною выпуклостію. Въ самомъ дѣлѣ, на кого тогда простерлись жестокія преслѣдованія властей? На человѣка, который не давно, стоя во главѣ всѣми уважаемой обители, своими патріотическими грамотами возбуждалъ народныя силы, который благословилъ Пожарскаго, который еще такъ недавно спасъ не одну сотню искалѣченныхъ москвичей отъ неминуемой смерти, который не пощадилъ для спасенія отечества драгоцѣнностей монастыря,—который, наконецъ, по изгнаніи поляковъ, торжественно совершалъ молебствіе, стоя во главѣ московскаго духовенства—на виду всѣхъ москвичей. Какимъ блестящимъ ореоломъ должна-бы быть окружена личность этого человѣка въ представленіи москвичей. И однако..... лишь только москвичи отъ *кого-то* узнали, или вѣрнѣе, лишь только прошелъ неопредѣленный слухъ, что Діонисій—еретикъ, который хочетъ огонь истребить изъ міра, какъ они, не обращая вниманія на нелѣпость подобнаго слуха и позабывъ всѣ незабвенныя за-

[1]) *Ивановскій*. Крит. разборъ ученія непріемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ стр. 17.

слуги преподобнаго, съ дрекольями выходятъ на него и толпами сопровождаютъ его — и только весьма немногіе соболѣзнуютъ ему. Пусть-бы московскій народъ дѣйствительно узналъ, что еретическаго сдѣлалъ преподобный и потомъ направилъ на него свои преслѣдованія; нѣтъ: для него достаточно было услыхать одно слово «еретикъ», чтобы поднять руку даже на патріота. Ересь для русскихъ было страшное слово, а ересью для нихъ была тогда даже едина точка: «едина точка всему богословію смущаетъ: единымъ словомъ азбучнымъ ересь вводится». Во взглядѣ какъ представителей тогдашней русской учености, такъ и народа на ересь, какъ онъ выразился въ дѣлѣ преп. Діонисія, наилучшимъ образомъ, намъ кажется, сказались степень развитости русскаго народа и кругъ его религіозныхъ представленій и понятій, — степень ихъ здравомысленности. Мы видимъ, что тогда даже въ представленіи передовыхъ русскихъ людей считалось ересью измѣненіе словъ и буквъ, хотя и неизмѣняющее смысла: люди эти *боялись* такого измѣненія, поелику *неспособны* были обсудить правильность или неправильность того или другаго измѣненія, а потому предпочитали *охранять* уже разъ явившееся въ книгахъ. Тѣ-же передовые люди считали ересью даже непризнаніе Бога огнемъ; а простой народъ находилъ возможнымъ появленіе такихъ еретиковъ, которые могутъ изъ всего міра огонь вывести. Не характерныя-ли все это — черты для сужденія о представленіяхъ и понятіяхъ русскаго человѣка начала XVII вѣка!

Но помимо того, что дѣло преп. Діонисія само по себѣ является наилучшимъ пробнымъ камнемъ, на которомъ сказались направленіе и складъ ума русскихъ начала XVII в., оно важно и по своимъ послѣдствіямъ: результатомъ этого дѣла, какъ извѣстно, явилось нѣсколько сочиненій (рѣчей исправителей), изъ которыхъ, какъ изъ обильнаго источника, можно почерпать и дѣйствительно почерпаютъ свидѣтельства о томъ же предметѣ. — Положимъ, мы имѣемъ отъ того времени множество разныхъ документовъ, актовъ, грамотъ церковно-и-гражданско-административ-

наго и юридическаго характера и т. п. письменныхъ памятниковъ, изъ которыхъ можно почерпать многія свидѣтельства для обрисовки интеллигентнаго облика тогдашняго русскаго человѣка. Но то — все свидѣтельства оффиціальнаго характера и изъ нихъ русскій человѣкъ со стороны своего интеллекта выглядываетъ какъ-бы сквозь туманъ, — сквозь тѣхъ многочисленныхъ условныхъ формъ, которыми обставлены обыкновенно всѣ документы оффиціальнаго характера. Изъ этихъ свидѣтельствъ можетъ, такъ сказать, добыть интеллигентный обликъ русскихъ нач. XVII вѣка — только человѣкъ глубоко-знакомый съ духомъ и характеромъ административной и юридической практики того времени, — и потому способный выдѣлить изъ нея все то, что представляетъ собою ничего незначущую форму. Имѣемъ, далѣе, отъ того времени немало разныхъ дов. даже систематичныхъ описаній обычаевъ и нравовъ русскаго народа, составленныхъ и русскими и иностранцами, — дающихъ обильный матеріалъ для знакомства съ интеллигентнымъ обликомъ русскихъ начала XVII в. Мы, конечно, признаемъ за всѣми подобными описаніями весьма важное значеніе; но все-таки должны сказать, что изъ нихъ мы знакомимся большею частію съ тѣми или другими *отдѣльными* (хотя и разнообразными) взглядами русскихъ, — и чтобы изъ нихъ сдѣлать заключеніе объ *общемъ* направленіи умовъ русскихъ и подмѣтить въ немъ *отличительную* черту; — однимъ словомъ — ясно представить себѣ интеллигентный обликъ русскихъ, — для этого требуется изъ всевозможныхъ описаній сдѣлать множество комбинацій, обобщеній, выводовъ и т. п., и конечно никакъ нельзя поручиться, что при такой сложной работѣ не будетъ допущено ошибокъ, особенно если принять во вниманіе, что въ описаніяхъ этихъ встрѣчаются разнорѣчивыя извѣстія относительно одного и того же предмета.

Не таковы свидѣтельства о состояніи образованности въ началѣ XVII в., сохранившіяся въ защитительныхъ рѣчахъ и другихъ сочиненіяхъ исправителей. Если они уступаютъ вышеупомянутымъ свидѣтельствамъ по полнотѣ и обилію матеріала, то за то превосходятъ ихъ своею вѣрностію и такъ сказать непосред-

ственностію. Встрѣтившись въ своемъ дѣлѣ съ невѣжествомъ простаго народа, съ непониманіемъ московскихъ протопоповъ и поповъ, — и даже духовныхъ властей, вынесши, такъ сказать, на своихъ плечахъ неблагопріятныя послѣдствія необразованности, прочувствовавъ это, исправители начертали вѣрную картину узости взглядовъ и понятій русскихъ. Для этого у нихъ были и сильное побужденіе и достаточное знакомство съ дѣйствительнымъ состояніемъ русскаго образованія. По характеру отношеній какого либо общества къ занятіямъ, напр., строго-научнымъ, или стремленіямъ просвѣтительнымъ какой-либо комиссіи, по степени его расположенности къ подобнымъ явленіямъ, довольно безошибочно можно судить о степени просвѣщенности общества или цивилизованности его. А коммиссія исправителей нач. XVII вѣка во главѣ съ преп. Діонисіемъ, должна быть несомнѣнно отнесена къ подобнаго рода комиссіямъ, — и что же видимъ: этихъ ревнителей просвѣщенія общество привлекаетъ къ суду и подвергаетъ жестокому наказанію. Поэтому-то вполнѣ понятно, что ни въ одномъ, кажется, историческомъ памятникѣ начала XVII вѣка мы не найдемъ такой вѣрной картины и яркой обрисовки состоянія тогдашняго образованія, какъ это усматриваемъ въ рѣчахъ Арсенія Глухаго и Ивана Насѣдки, составленныхъ именно по поводу неблагопріятнаго отношенія русскаго общества къ просвѣтительнымъ стремленіямъ передовыхъ людей времени. Не даромъ-же всѣ историки, какъ церковные, такъ и гражданскіе, характеризуя состояніе образованія въ XVII вѣкѣ, *непремѣнно* указываютъ на дѣло преп. Діонисія и приводятъ изъ рѣчей исправителей многія свидѣтельства, а извѣстная характеристика московскаго духовенства, сдѣланная Арсеніемъ и заключающаяся въ словахъ, что московскіе протопопы, архимандриты и попы «не знаютъ ни православія, ни кривославія, точію божественное писаніе по чернилу проходятъ, разумѣ-жъ сихъ не нудятся свѣдѣти» (Рук. Лавр Биб. № 700, л. 323) сдѣлалась въ этомъ отношеніи даже классическимъ мѣстомъ, подобно какъ такимъ же мѣстомъ является по отношенію къ XVI в. извѣстныя всѣмъ слова архіепископа Нов-

городскаго Геннадія: «приводятъ ко мнѣ мужика, я заставляю его читать апостолъ, а онъ и ступить не можетъ» и т. д.

Произведши не малый переполохъ въ обществѣ, возбудивъ цѣлый рядъ вопросовъ, дѣло преп. Діонисія необходимо должно было оставить очень замѣтный слѣдъ по себѣ—особенно въ кругу тѣхъ лицъ, которыя были наиболѣе заинтересованы этимъ дѣломъ; а заинтересованными въ немъ являются все передовые люди того времени—представители русской церкви (митр. Іона, патр. Филаретъ), духовныя власти, а также немало выдающихся свѣтскихъ лицъ. Несомнѣнно, въ продолженіи болѣе цѣлаго года, когда Діонисія судили, когда дважды собирали по его дѣлу торжественные соборы,—дѣло это составляло предметъ оживленныхъ толковъ Вспомнимъ объ Антоніи Подольскомъ, заводившемъ рѣчь объ этомъ дѣлѣ даже на рынкѣ и находившемъ тамъ немало слушателей. Указаніе на то, какое сильное впечатлѣніе произвело оно въ Москвѣ, находимъ даже въ послѣсловіи къ Октоиху, напечатанному въ 1619 году, гдѣ говорится, между прочимъ, что тогда въ Москвѣ «воста *зельная буря*, разгорѣся великъ пламень и возмутися напрасное волненіе» [1]). Дѣло преп. Діонисія было именно такого характера, что невольно должно было заставить призадуматься русскихъ людей—и преимущественно русскихъ книжниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, сначала осужденіе Діонисія, какъ еретика, осужденіе на столько гласное и, такъ сказать, торжественное, что объ немъ узнала и заговорила и демократическая Москва, а затѣмъ еще болѣе торжественное оправданіе и даже прославленіе Діонисія—это такія явленія, надъ которыми должны были подумать многіе и многіе русскіе люди. Діонисій, признанный и оглашенный злымъ еретикомъ за *нѣкоторыя измѣненія въ книгахъ*, вдругъ признается двумя патріархами—іерусалимскимъ и московскимъ не только не еретикомъ, но высокопросвѣщеннымъ мужемъ, истиннымъ служителемъ Божіимъ, страдальцемъ за правое дѣло: обстоятельство никоимъ образомъ

[1]) Прав. Собесѣд. 1862, 3 стр. 70.

не могшее пройти безслѣдно! Для самаго простаго ума выводъ отсюда былъ ясенъ: значитъ, измѣненія въ богослужебныхъ книгахъ возможны, и вѣроятно подобный выводъ сдѣлали тогда многіе изъ Московскаго духовенства или по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые не былъ привержены къ буквѣ до ослѣпленія. Однимъ словомъ, дѣло преп. Діонисія могло ослабить поклоненіе мертвой буквѣ, освященной стариною,—и въ этомъ смыслѣ оно было продолженіемъ дѣла Максима Грека, отличаясь отъ послѣдняго тѣмъ, что оно ослабляло поклоненіе буквѣ печатной. Г. Благовѣщенскій говоритъ, что Діонисій, открыто огласивъ ереси въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ, тѣмъ самымъ повредилъ дѣлу, возбудивъ противъ него народъ (см. Тр. Кіев. Дух. Акад. 1866, 1 стр. 506). Но мы съ этимъ не вполнѣ согласны. Намъ кажется, что Діонисій повредилъ этимъ не дѣлу, а только себѣ, подвергнувъ себя жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны народа; а самое дѣло отъ этого выиграло: изъ него стало много виднѣе дѣйствительное состояніе тогдашнихъ богослужебныхъ книгъ, а слѣд., стало много яснѣе и то, какъ нужно вести дѣло ихъ исправленія и изданія. Собственно говоря изъ дѣла преп. Діонисія ясно обнаружились два условія, какія необходимо было соблюдать при дальнѣйшемъ изданіи богослужебныхъ книгъ: во 1-хъ сдѣлалось ясно, что необходимо при исправленіи книгъ производить сличеніе наиболѣе древнихъ списковъ ихъ, потому что въ новыхъ изданіяхъ вкрались грубыя ошибки, и во 2-хъ нужно было при такой работѣ соблюдать крайнюю внимательность и осторожность въ виду возможности новыхъ народныхъ волненій по поводу книжной справы. Что касается перваго условія, то для выполненія его патр. Филаретъ сдѣлалъ то, что велѣлъ собирать изъ разныхъ городовъ и монастырей «книги харатейныя добрыхъ переводовъ, чтобы отъ тѣхъ древнихъ харатейныхъ книгъ божественныхъ писаній стихословіе исправляти». Объ этомъ распоряженіи патріарха говорится въ послѣсловіяхъ требниковъ, изданныхъ въ 1624 и 1633 г г. Распоряженіе это показываетъ, что Филаретомъ была сознана мысль о необходимости предъ печатаніемъ книги

сличать ее съ древними харатейными списками. Это, думаемъ, главная заслуга Филарета въ дѣлѣ исправленія богослужебныхъ книгъ. Но для осуществленія этой мысли нужны болѣе хорошіе и способные исполнители, выборомъ которыхъ и озаботился патріархъ. Въ званіи типографскихъ справщиковъ при Филаретѣ являются люди передовые, представители тогдашней учености, каковы извѣстные намъ Арсеній Глухой, Иванъ Насѣдка, Антоній Крыловъ, затѣмъ Богоявленскій игуменъ Илья и свѣтское лице Григорій Онисимовъ. Хотя особенно благихъ результатовъ новой постановки дѣла исправленія книгъ при патр. Филаретѣ мы и не замѣчаемъ,[1] но уже важно одно то, что тогда сознана была необходимость внимательнѣе отнестись къ этому дѣлу. «Возбужденное дѣломъ Діонисія, говоритъ авторъ изслѣдованія «Филаретъ Никитичъ», русское общество строго слѣдило за ходомъ книгопечатнаго дѣла» (ч. 2, стр. 99). Если въ мысли о строгомъ наблюденіи обществомъ за печатаніемъ книгъ можно усмотрѣть нѣкоторое преувеличеніе, то съ другой мыслью того же автора,— именно, что «дѣло Діонисія опредѣлило ходъ печатанія и исправленія книгъ въ патріаршество Филарета Никитича», можно согласиться вполнѣ.

Можетъ быть, наши соображенія о значеніи дѣла Діонисія представляютъ немного новаго, но во всякомъ случаѣ они даютъ болѣе полное разъясненіе ранѣе извѣстнаго, а потому въ заключеніе ихъ умѣстно припомнить краткія слова о дѣлѣ Діонисія, сказанныя еще митр. Платономъ: «сей случай важенъ» [2]).

---

[1]) Справедливость требуетъ сказать, что книги, напечатанныя при патр. Филаретѣ не лучше и не хуже книгъ, напечатанныхъ и при другихъ патріархахъ до Никона.

[2]) Церк. ист. Платона т. II, стр. 224.

ГЛАВА III.

Преподобный Діонисій, какъ настоятель Троицкаго монастыря.

Состояніе Троицкаго монастыря въ началѣ XVII в. и предъ архимандритствомъ Діонисія.—Характеръ монастырскаго управленія.—Обзоръ дѣятельности Діонисія по управленію монастыремъ.—Вотчинно-хозяйственное управленіе и столкновенія Діонисія съ «экономомъ»; рѣшеніе вопроса о личности «эконома».—Заботы Діонисія о внѣшнемъ благоустройствѣ монастыря и о порядкѣ богослуженія; столкновенія его съ Филаретомъ и Логиномъ.—Діонисій и Авраамій Палицынъ.—Отношеніе Діонисія къ подчиненнымъ.—Заботы его о поведеніи и нравственности монаховъ и монастырскихъ слугъ.—Діонисій въ частной келейной жизни.—Заключеніе: смерть Діонисія и чудеса его.

Въ ряду монастырей Московской патріархіи въ началѣ XVII вѣка Троицкій монастырь по степени своей занималъ первенствующее положеніе. Положеніе это за нимъ упрочено было еще въ 1561 году грамотою Ивана Васильевича на имя перваго архимандрита Троицкаго Елевферія. Тогда уже была основана въ Троицкомъ монастырѣ архимандрія и настоятелямъ его даны были такія преимущества, какихъ не имѣлъ еще ни одинъ изъ настоятелей великороссійскихъ монастырей; именно упомянутою грамотою имъ предоставлялось право употреблять при богослуженіи митру, палицу и рипиды, облачаться предъ литургіею на срединѣ церкви, по маломъ входѣ, во время пѣнія: Святый Боже, осѣнять предстоящихъ благословеніемъ, принимать св. Дары въ царскихъ дверяхъ, пріобщать св. Таинъ старѣйшаго священника и разобла-

чаться также среди церкви [1]). Съ этихъ поръ въ разныхъ спискахъ настоятелей имя Троицкаго архимандрита всегда занимало первое мѣсто. Таковы, напр., постепенные списки настоятелей, которые встрѣчаются въ Дѣяніяхъ соборовъ 1572 г. апрѣля 29 о разрѣшеніи царю Ивану четвертаго брака, 1581 и 1589 г.г. [2]). Особенная слава чудотворца Сергія, благословившаго Донскаго, а также близость Троицкаго монастыря къ Москвѣ обусловливали преимущественное вниманіе къ нему набожныхъ Московскихъ государей. Не безъ вліянія этихъ-же обстоятельствъ экономическое состояніе монастыря явилось къ началу XVII вѣка однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ. Постепенно нараставшія, вотчинныя владѣнія Троицкаго монастыря въ это время достигли громадныхъ размѣровъ. Есть основаніе думать, что уже при первомъ игуменѣ скудный монастырь имѣлъ хотя необширныя владѣнія, при второмъ-же настоятелѣ эти владѣнія расширились такъ, что находились въ нѣсколькихъ уѣздахъ—Радонежскомъ, Московскомъ, Дмитровскомъ, Переяславскомъ, Стародубскомъ, Углицкомъ и Галичскомъ. Затѣмъ, благодаря вкладамъ великихъ и удѣльныхъ князей, а потомъ Московскихъ государей и царей, а также благодаря жертвамъ частныхъ лицъ, поземельныя владѣнія монастыря все умножались. Но сверхъ добровольныхъ вкладовъ, настоятели и сами заботились о пріумноженіи вотчинъ, и потому рѣдкій изъ нихъ не затрачивалъ на покупку селъ и деревень денегъ изъ монастырской казны. Такъ извѣстно, что до преподобнаго Діонисія разными игуменами и архимандритами было пріобрѣтено вотчинныхъ владѣній на 16,384 рубля [3]). Хотя Иванъ Грозный дважды дѣлалъ попытку ограничить наростаніе у монастырей владѣній, но на Троицкомъ монастырѣ (какъ, вѣроятно, и на многихъ другихъ) двукратная попытка Грознаго почти ничѣмъ не отразилась.

[1]) *Горскій*. Ист. опис. Троиц. Лавры, стр. 158. Тутъ напечатана вся грамота на имя Елевферія (стр. 158—165). Грамота эта отпечатана также въ Ист. Рос. Іер. т. 2 стр. 100—112.

[2]) До 1561 года первымъ среди великороссійскихъ монастырей почитался Владиміро-Рождественскій (см. Рук. Моск. Дух. Ак. № 122).

[3]) Истор. опис. Тр. Лавры Горскаго стр. 136.

Въ 1551 г. на соборѣ было положено: монастырямъ вотчинъ не покупать и не принимать по завѣщаніямъ безъ доклада государю; но вскорѣ-же послѣ этого постановленія (въ томъ-же году) царь далъ позволеніе принять Троицкому монастырю нѣсколько селъ отъ жертвователей [1]). При архимандритахъ-же, бывшихъ въ Троицкомъ монастырѣ уже послѣ этого постановленія, пріобрѣтено монастыремъ вотчинъ на 7835 рублей [2]). Другое постановленіе Грознаго (1581 г.), имѣвшее болѣе строгій характеръ по отношенію къ вотчиннымъ владѣніямъ монастырей, именно постановленіе: не только не покупать вновь вотчинъ, но и не принимать по духовнымъ завѣщаніямъ, а передавать ихъ родственникамъ умершихъ, пользуясь только деньгами за нихъ,— также не соблюдалось, такъ какъ сами цари Ѳедоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ, а въ междуцарствіе бояре давали монастырю новыя вотчины. Вотчинныя владѣнія Троицкаго монастыря увеличивали еще приписные къ нему монастыри, такъ какъ эти послѣдніе, обыкновенно, числились за главнымъ, или, какъ тогда называли, за «большимъ» монастыремъ «и съ вотчины, и съ лѣсы, и съ луги, и съ отхожими пожнями, и съ пустошьми, и съ заростльми, и съ селищами, и съ мельницею, и съ рыбными ловлями и со всѣми угодьи.» Одною грамотою царя (1561) Ивана Грознаго къ Троицкому монастырю приписано 9 мужскихъ и 2 женскихъ монастырей. Къ началу-же XVII вѣка таковыхъ было около 20. Права главнаго монастыря по отношенію къ приписнымъ опредѣляются, между прочимъ, слѣдующими словами упомянутой грамоты Грознаго: «и по тѣмъ по всѣмъ своимъ монастырямъ (приписнымъ) игуменовъ и игуменей избираетъ Троицкой архимандритъ..... и вѣдаетъ ихъ и управляетъ въ церковныхъ чинѣхъ и въ монастырскихъ строеніяхъ во всемъ духовнѣ и тѣлеснѣ, и тѣ игумены съ братіею и игуменіи съ сестрами по всѣмъ ихъ монастырямъ Троицкаго архимандрита чтятъ и повинуются ему во всемъ по Бозѣ безъ всякаго преко-

---

[1]) Истор. опис. Тр. Лавры стр. 191 и прим. 10.

[2]) *Горскій*. Ист. опис. Тр. Лавры стр. 196.

словія» [1]). Послѣ всего сказаннаго понятнымъ становится, что Троицкія вотчины къ началу XVII вѣка были раскинуты чуть-ли не по всей Руси—въ 60 уѣздахъ и станахъ [2]). Число душъ крестьянскихъ во всѣхъ вотчинахъ Троицкаго монастыря въ началѣ XVII вѣка едва-ли было менѣе 40.000—50.000 [3]). Количество десятинъ земли, находившихся въ вотчинномъ владѣніи монастыря, по разсчету преосвященнаго Макарія, было отъ 56,520 до 113,000 только въ уѣздахъ: радонежскомъ, переяславскомъ, суздальскомъ, дмитровскомъ, стародубскомъ, углицкомъ, галичскомъ и тверскомъ [4]). Но кромѣ земельной собственности монастырь имѣлъ въ разныхъ уѣздахъ: мельницы, рыбныя и бобровыя ловли, борти, соляныя варницы, побережья и пр. Въ Москвѣ-же у него были дворы въ Кремлѣ близь Кремлевскихъ воротъ, которыя и теперь называются Троицкими, и въ Китаѣ городѣ. Отъ всѣхъ этихъ вотчинъ, угодій и промысловъ, понятно, въ монастырь шелъ громадный доходъ. Особенно богатство такихъ доходовъ увеличивалось тѣмъ, что всѣ владѣнія Троицкаго монастыря пользовались множествомъ привиллегій, утвержденныхъ за нимъ многими грамотами князей и государей. При царѣ Иванѣ IV всѣ эти грамоты были соединены въ одну тарханную грамоту, которая была затѣмъ подтверждаема нѣсколько разъ. Предъ архимандритствомъ Діонисія она была утверждена въ 1606 году іюля 11 царемъ Василіемъ Шуйскимъ [5]). По этой тарханной грамотѣ права и привиллегіи монастырскихъ вотчинъ опредѣляются слѣдую-

---

[1]) *Горскій.* Ист. Опис. Тр. Лавры стр. 164.

[2]) По вычисленію г. Кедрова (см. Авраам. Пал. стр. 22 и прим. 1). Онъ-же говоритъ, что въ 35 уѣздахъ и станахъ, въ которыхъ раскинуты были Тр. вотчины, за Лаврою насчитывалось приблизительно селъ—250, деревень около 500, пустошей болѣе 200, починковъ и селищъ болѣе 70. Въ тарханной грамотѣ Василія Шуйскаго упоминается 33 уѣзда, въ которыхъ были Троицкія владѣнія (см. Ист. Рос. Іер. т. 2 стр. 151 и слѣд.).

[3]) *Кедровъ.* Авраам. Палицынъ стр. 23.

[4]) *Макарій.* Ист. рус. церкви т. VIII стр. 235 и прим. 295.

[5]) Грамота эта напечатана въ Ист. Рос. Іер. т. 2, стр. 151—166.

щимъ образомъ: 1) крестьяне всѣхъ Троицкихъ вотчинъ освобождаются отъ податей, сборовъ, работъ и повинностей въ пользу государевъ (они не даютъ: «ни посохи, ни ямскихъ денегъ, ни тукового, ни осминнаго, ни костокъ, ни пашеннаго, ни на яму съ подводами не стоятъ» и пр. и пр.); 2) при покупкѣ чего-либо на «монастырской обиходъ,» или при продажѣ монастырскаго не требовалось никакихъ торговыхъ пошлинъ, какъ на мѣстѣ, такъ и при провозѣ («тамги, мыта съ судна и съ людей головщины... и со всякихъ товаровъ .... нашихъ пошлинъ и податей не даютъ»); 3) Троицкій монастырь пользовался полною автономіей суда въ своихъ вотчинахъ: «Намѣстницы наши, говорится въ грамотѣ, и ихъ тіуны монастырскихъ старцевъ и слугъ и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ». 4) Въ случаѣ смѣснаго суда у монастырскихъ людей съ городскими и съ волостными вмѣстѣ съ намѣстникомъ судитъ и архимандритъ, или кому онъ прикажетъ. Судъ же надъ самимъ архимандритомъ принадлежитъ непосредственно самому царю или боярину, которому онъ прикажетъ. Благодаря многочисленности Троицкихъ вотчинъ и другихъ владѣній, а съ другой стороны благодаря такому льготному положенію ихъ, доходы Троицкаго монастыря были съ нихъ, какъ мы сказали, громадны. У иностранныхъ писателей сохранились отзывы о богатствѣ и громадности Троицкихъ доходовъ. Конечно, многіе изъ этихъ отзывовъ нужно принимать съ осторожностью, но все-таки они могутъ дать намъ хотя приблизительное представленіе о богатствѣ монастыря къ началу XVII вѣка. По словамъ діакона Павла, доходы монастыря равнялись 1/3 царскихъ доходовъ; а всѣ сокровища и имѣнія, взятыя вмѣстѣ, могли даже равняться послѣднимъ. Онъ-же увѣряетъ, что не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ нельзя было найти подобнаго Троицкому монастыря. Флетчеръ говоритъ, что этотъ монастырь въ концѣ XVI вѣка получалъ ежегодно съ своихъ земель и разныхъ другихъ доходныхъ статей до 100,000 рублей серебромъ [1]). Майербергъ пере-

[1]) *Рушинскій.* Религіозный бытъ русскихъ у иностранцевъ стр. 140. По отзыву г. Кедрова, въ этихъ извѣстіяхъ иностранцевъ нѣтъ ничего на-

даетъ ходячій слухъ, что въ этомъ монастырѣ подъ землею зарыта была невѣроятная сумма серебряныхъ рублей, подаренныхъ великими князьями и другими благотворителями, и что эта сумма вчетверо превосходила цифру 1,000 миріядъ (значитъ около 40,000,000) [1]). Доходы монастыря увеличивались, конечно, и отъ усердныхъ приношеній богомольцевъ.

Мы описали здѣсь состояніе Троицкаго монастыря вообще въ началѣ XVII вѣка; но собственно ко времени вступленія въ управленіе монастыремъ архимандрита Діонисія Троицкій монастырь былъ въ растроенномъ положеніи. Мы знаемъ, какое тогда было время: повсюду на Руси города, села и деревни подвергались многочисленнымъ грабежамъ и опустошеніямъ со стороны поляковъ и казаковъ. Поэтому хотя за Троицкимъ монастыремъ оставались по прежнему многочисленныя вотчины, но они не могли приносить большихъ выгодъ. Разоренные крестьяне не могли доставлять въ монастырь оброковъ, а многіе изъ нихъ даже совсѣмъ покидали свое мѣстожительство и селились гдѣ попало; [2]) права монастыря и льготы нарушались на каждомъ шагу: намѣстники стали противозаконно облагать монастырскихъ крестьянъ повинностями Искать гдѣ-либо защиты своихъ правъ тогда было почти невозможно. Въ довершеніе подобныхъ невзгодъ самъ монастырь былъ обложенъ тяжелою и продолжительною осадою, окончившеюся за какой-нибудь мѣсяцъ до архимандритства Діонисія. Во время осады стѣны монастыря были пробиты, многія зданія остались безъ кровли и требовали немедленной поправки, казна же монастырская была исто-

радоксальнаго. По его вычисленію, *одними* деньгами въ нач. XVII вѣка Троицкій монастырь собиралъ съ вотчинъ 30.000 руб. (*Кедровъ*. Авраам. Пал. стр. 25, прим. 4).

[1]) *Рушинскій*. Рел. бытъ русскихъ у иностранцецъ стр. 140.

[2]) Для примѣра того, какъ опустошены были Троицкія вотчины въ смутное время, укажемъ на слѣдующее обстоятельство. До 1603 года за монастыремъ числилось въ Костромскомъ уѣздѣ 12 селъ, 155 деревень, 25 починковъ и 43 пустоши; а въ 1612 году въ томъ же Костромскомъ уѣздѣ было за монастыремъ только 5 селъ, 53 деревни живущихъ и 13 пустыхъ, дворовъ же 193, да 213 пустыхъ (*Кедровъ*. Авр. Пал. стр. 23, прим. 3).

щена въ конецъ. Всякое сообщеніе съ вотчинами и, слѣдовательно, пополненіе средствъ монастырскихъ во время осады было невозможно. «Монастырь отъ осады, говоритъ Симонъ Азарьинъ, конечно оскудѣ всякими потребами, и вотчины монастырскія всѣ въ раззореніи быша» [1]. Авраамій же Палицынъ пишетъ, что «отъ подкоповъ и отъ слуховъ и отъ пушечнаго бою башни и стѣны градныя разсѣдошася, а въ иныхъ мѣстѣхъ мало не падоша и строенія въ обители же службы и келліи братскія безъ покрова быша» и «многія келліи и службы въ монастырѣ погорѣща» [2]. Кромѣ всего этого, изъ нѣкогда богатой монастырской казны на свои нужды въ смутное время много брали денегъ московскіе государи, начиная съ Бориса. Такъ самъ Борисъ взялъ будто бы взаймы 15,400 рублей, Дмитрій Самозванецъ взялъ почти вдвое болѣе 30,000 рублей, царь Василій Шуйскій въ первый разъ взялъ 18,355 рублей, во второй во время самой осады отъ келаря Авраамія Палицына въ Москвѣ 1000 рублей и въ третій отъ него же—900 рублей, такъ что всего было взято 65,655 рублей. Истощеніе монастырской казны было полное, такъ—что не нашлось въ ней даже и одной тысячи рублей, когда она потребовалась для вознагражденія казаковъ.

Вступившему въ управленіе обителью при такихъ обстоятельствахъ новому архимандриту Діонисію много нужно было потратить стараній, чтобы возстановить въ монастырѣ пошатнувшійся въ смутное время порядокъ. Хотя въ первые десять лѣтъ архимандритства Діонисія вниманіе его было часто отвлекаемо заботами и трудами иного рода (государственная дѣятельность и исправленіе книгъ), однако онъ много успѣлъ сдѣлать для своего монастыря: его дѣятельность благотворно коснулась всѣхъ сферъ монастырской жизни, особенно же тѣхъ изъ нихъ, наблюденіе за которыми лежало преимущественно на обязанности архимандрита. Внутреннее управленіе монастырей въ XVII вѣкѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ управленія стоялъ архимандритъ. Безъ доклада ему и безъ благословенія нельзя было начинать ни одного

[1]) Предисловіе къ сказ. о новоявл. чуд. пр. Сергія.

[2]) *Авр. Пал.* Объ осадѣ Тр. мон.

болѣе или менѣе важнаго дѣла въ монастырѣ. Но по естественной невозможности непосредственно вѣдать архимандриту всѣ дѣла, для той или иной области управленія были учреждены разныя должности, въ ближайшемъ же вѣдѣніи архимандрита оставлены только «церкви Божіи и въ церквахъ образы, и книги, и ризы, и сосуды золотые и серебряные и всякая церковная казна» [1]). То есть въ вѣдѣніи архимандрита были всѣ храмы: ихъ устроеніе, украшеніе, порядокъ, пріобрѣтеніе въ нихъ разныхъ цѣнныхъ вещей и вся казна, поступившая въ церкви по израсходованіи изъ нея части, необходимой на монастырскія потребности; въ его же вѣдѣніи былъ порядокъ и уставъ церковныхъ службъ, и наконецъ еще на обязанности же архимандрита лежало наблюденіе за поведеніемъ братіи. Вторымъ лицемъ по архимандритѣ въ монастырѣ былъ келарь. Находясь подъ контролемъ архимандрита и съ его благословенія, келарь вѣдалъ «монастырское и всякое строеніе, монастырскія вотчины, монастырскую денежную казну», столовые запасы и всякія угодья. Далѣе, по совѣту съ архимандритомъ, казначеемъ и соборными старцами и со всею братіею—соборомъ онъ долженъ былъ выбирать въ конюшіе, въ житничные, въ чашники, въ подкеларники и въ сушильные старцевъ добрыхъ и небражниковъ. Келарь-же долженъ былъ слѣдить за состояніемъ монастырскихъ вотчинъ, собирать съ нихъ оброки и всякіе другіе сборы и вести хозяйственно-статистическое описаніе; а потомъ давать объ этомъ подробные отчеты на соборѣ. Затѣмъ на его обязанности лежало вести приходо-расходную запись. Наблюденіе за добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей низшими органами монастырскаго управленія принадлежало также келарю. Наконецъ, ему дано было право судить и рядить расправу «межъ братьи и служекъ и служебниковъ и монастырскихъ крестьянъ, которые межъ себя другъ на друга учнутъ бити челомъ». Только въ случаѣ важныхъ дѣлъ они должны рѣшаться соборомъ. Соборы въ монастырѣ собирались по мѣрѣ надобности въ неопредѣленное время. На нихъ присутствовали архимандритъ, келарь, казначей и такъ называемые соборные старцы. На соборныхъ засѣданіяхъ

[1]) А. Э. Э. т. III, стр. 439.

опредѣлялись разныя подробности управленія; такъ напримѣръ, здѣсь опредѣлялись пошлины, монастырская запашка, крестьянскіе оброки, льготы вновь поселяющимся крестьянамъ и т. д. Изъ сказаннаго видно, что положеніе келаря въ монастырской администраціи было очень высокое, которымъ онъ могъ пользоваться такъ или иначе. Соотвѣтственно высокому положенію и утвержденіе въ келарской должности, по избраніи въ таковую всей братіей, принадлежало самому государю или первосвятителю. Выше келаря былъ одинъ архимандритъ; но архимандритъ, если онъ не былъ человѣкомъ недюжиннымъ, не могъ такъ знать свой монастырь и главнымъ образомъ его доходы и хозяйство, какъ то зналъ келарь; а потому келарю легко было предъ властями выставлять дѣло въ ложномъ свѣтѣ, если для него былъ интересъ въ томъ; съ другой стороны онъ могъ многое дѣлать безъ всякаго вѣдома архимандрита. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи положеніе келаря хорошо характеризуетъ одно преданіе изъ позднѣйшаго времени, записанное Карамзинымъ въ 1802 году. Петръ Великій часто бывалъ въ Троицкомъ монастырѣ и часто бралъ деньги изъ монастырской казны, давая собственноручныя росписки, которыя и теперь хранятся въ лаврѣ. Государь *посылалъ архимандрита въ церковь*, оставался съ келаремъ и дружески спрашивалъ: «есть-ли у нихъ деньги?» Келарь отвѣчалъ: «какъ не быть для Вашего Величества,» —и приносилъ мѣшки. Такимъ образомъ архимандритъ отстранялся въ такомъ важномъ дѣлѣ и распоряжался одинъ келарь.

Обзоръ дѣятельности Діонисія по управленію монастыремъ можетъ быть подраздѣленъ на три части, изъ которыхъ въ первой должно будетъ разсмотрѣть заботы и старанія Троицкихъ властей о возстановленіи нарушенныхъ въ смутное время правъ и льготъ монастыря и о пріобрѣтеніи новыхъ привиллегій, а также заботы о пріумноженіи монастырскихъ вотчинъ; ко второй части должно будетъ отнести разсмотрѣніе дѣятельности Діонисія, относившейся къ устройству и украшенію храмовъ, къ пріобрѣтенію въ Троицкіе храмы, а также и въ другіе новыхъ цѣнныхъ вещей и пр. и, наконецъ, въ содержаніе третьей части войдетъ наблюденіе Діонисія за порядкомъ богослуженія, поведеніемъ и нравственностію братіи.

Какъ мы упоминали, многіе крестьяне изъ Троицкихъ вотчинъ въ смутное время разбѣжались; а потому одною изъ первыхъ заботъ Троицкихъ властей во главѣ съ новымъ архимандритомъ было выхлопотать себѣ отъ царя грамоту о возвращеніи всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, поселившихся или поселенныхъ силою на другихъ земляхъ. Объ этомъ они били челомъ царю Михаилу Ѳедоровичу въ 1614 году, и результатомъ ихъ челобитья въ 1615 году явилась царская грамота, повелѣвавшая всѣхъ бѣглыхъ Троицкихъ крестьянъ возвращать на старыя мѣста. Грамота предписывала воеводамъ и приказнымъ людямъ «Троицкихъ крестьянъ сыскивати, которые изъ Троицкихъ вотчинъ выбѣжали, а иные насильствомъ вывезены, и нынѣ живутъ въ нашихъ дворцовыхъ селѣхъ и въ черныхъ волостяхъ, и по городамъ на посадѣхъ, и въ митрополичьихъ и во владычнихъ вотчинахъ, и за бояре и за дворяны и за дѣтьми боярскими и за всякими людьми во крестьянѣхъ со 113 году (1606) сентября 1...» всѣхъ такихъ крестьянъ повелѣвалось, по сыску, вывозити въ Троицкія вотчины съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и землянымъ на старые ихъ жеребьи, гдѣ кто на передъ сего жилъ» [1]) Какъ видимъ, грамотою предписывалось возвращать крестьянъ, бѣжавшихъ только съ 1606 года, но скоро оказалось, что стали вывозить въ Троицкія вотчины старинныхъ хозяйскихъ крестьянъ. Поэтому дворяне и дѣти боярскіе жаловались на это царю, что въ Троицкія вотчины возятъ ихъ «старинныхъ крестьянъ, которые жили за ними лѣтъ двадцать и больши». Чтобы пресѣчь дальнѣйшее распространеніе злоупотребленія, царь ограничилъ право Троицкаго монастыря вывозить бѣглыхъ крестьянъ небольшимъ срокомъ. Грамотою 1615 отъ марта 10 срокъ этотъ назначенъ только до 1616 года, а съ 1616 года «тѣхъ Троицкихъ крестьянъ, пишетъ царь въ грамотѣ, свозити есма не велѣли» [2]). Заботясь о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, Троицкія власти заботились и о томъ, чтобы крестьяне всѣхъ ихъ вотчинъ послѣ смуты

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист.—т. 2, № 35, стр. 65—66. Грамота на имя Бѣлозерскаго воеводы Ивана Головина.

[2]) Ак. А. Э. т. III, № 66, стр. 103, Ак. Ист. № 58, стр. 46.

пользовались тѣми-же правами и льготами, какими они пользовались раньше. Съ этою цѣлію въ 1613 году августа 25 отъ новаго царя было выхлопотано подтвержденіе тарханной грамоты, въ которой изложены преимущества и привиллегіи вотчинъ Троицкаго монастыря. Царь Михаилъ, выслушавъ архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына, пожаловалъ эту жалованную грамоту «подписати на свое царево имя» [1]). Въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, гдѣ права были нарушены, Троицкія власти старались возстановить ихъ. Такъ, въ 1613 году іюля въ 29 день, по челобитью Діонисія и Авраамія Палицына, дана была царская грамота, возстановлявшая права вотчинъ приписаннаго къ Троицкому Чухчеремскаго Никольскаго монастыря, Холмскаго уѣзда. Цѣлые два года съ крестьянъ этихъ незаконно брали оброки и заставляли ихъ отбывать другія государственныя повинности; но упомянутой грамотой предписывалось воеводамъ, чтобы они «Никольскаго монастыря Чухчеремскаго вотчинъ на крестьянѣхъ оброковъ не правили, и впередъ съ тѣми черными сохами и съ посадомъ тянути и оброку и всякихъ податей платити не велѣли, а велѣли имъ оброки и всякія подати платити Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря вотчинъ съ крестьяны вмѣстѣ» [2]). Впрочемъ, нужно замѣтить, что многими преимуществами пользовались крестьяне, обработывавшіе землю только на монастырь, а не на себя. Еще при Борисѣ Ѳедоровичѣ различались пашни, обработываемые крестьянами на монастырь и на себя. По памяти, которую клали въ помѣстномъ приказѣ въ 1618 году архимандритъ Діонисій и Авраамій Палицынъ, видно, что Борисъ Ѳедоровичъ «велѣлъ монастырскую пашню живущую и съ тѣмъ, что пашутъ дѣтеныши *на монастырь* въ московскомъ уѣздѣ и въ иныхъ городахъ *обѣлити* и изъ *сошнаго* письма выложити да и впредь съ тое монастырскія пашни всякихъ своихъ и государевыхъ податей и носохи имати государь не велѣлъ; а крестьянскія пашни и служни со всею которую пашню крестьяне и служки начнутъ *на себя*

---

[1]) Ист. Рос. Іер., т. 2-й, стр. 166.

[2]) Ак. Ист. т. III, № 2, стр. 2.

посошные люди и денежные доходы и всякіе мелкіе размѣты по сошному разводу велѣлъ государь имати попрежнему» [1]. Архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ «били царю челомъ», чтобы онъ «пожаловалъ ихъ по этой памяти», т. е. чтобы подтвердилъ за монастыремъ право пользоваться землей безъ поземельныхъ податей. Указомъ 1619 года генваря 21 царь утвердилъ это право; но пашню, которую крестьяне пашутъ на себя, велѣлъ «положити въ сошное письмо противъ боярскихъ и дворянскихъ и дѣтей боярскихъ вотчинныхъ земель добрую и среднюю и худую землю въ рядъ безъ наддачи по осми сотъ четь въ соху» [2], т. е. крестьяне монастырскіе платили за хорошую, среднюю и худую одинаково, какъ-бы все за худую, въ немъ собственно и заключалась ихъ льгота. Наконецъ, при архимандритѣ Діонисіи въ 1625 году въ тарханной грамотѣ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, изъ коихъ болѣе важныя: 1) крестьяне въ вотчинахъ монастырскихъ не освобождались болѣе отъ сбора ямскихъ денегъ, стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ и городоваго острожнаго дѣла, 2) объ освобожденіи отъ пошлинъ при продажѣ запасовъ, принадлежащихъ монастырю ничего болѣе не сказано, 3) судъ надъ архимандритомъ и старцами монастырскими во всякомъ случаю представлялся не царю, а патріарху [3]. Къ этому прибавлено было, что 4) вызывать крестьянъ монастырскихъ не иначе должно, какъ чрезъ даннаго пристава, 5) съ монастырскихъ поковъ не велѣно брать никакихъ пошлинъ и 6) стряпчіе или слуги монастырскіе, ходившіе за дѣлами, какъ лица довѣренные, освобождались отъ присяги [4].

Таковы главные моменты, которыми при архимандритѣ Діонисіи опредѣлялось преимущественное положеніе прежнихъ Троиц-

[1]) Лавр. Вотч. Архивъ, вотчинная книга по Московскому уѣзду № 226.

[2]) Ibid.

[3]) Нужно знать, что грамотою отъ 9 іюня 1616 года, повелѣвалось, чтобы Троицкій монастырь по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ состоялъ въ вѣденіи Приказа Большаго Дворца; но съ 1625 года монастырь перешелъ въ полное вѣденіе патріарха (А. А. Э. т. 3 стр. 232).

[4]) *Горскій*. Историч. Опис. Лавр. стр. 201—202.

кихъ вотчинъ. Но кромѣ прежнихъ, при этомъ архимандритѣ поступило въ монастырь немало новыхъ вотчинъ. Это послѣднее было результатомъ какъ добровольныхъ вкладовъ жертвователей, такъ и заботливости о томъ властей монастырскихъ. Трудно перечислить всѣ вотчины, поступившія въ монастырь при Діонисіи; а потому мы ограничимся здѣсь указаніемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ полномъ же составѣ перечислимъ ихъ только хоть по одному Московскому уѣзду. Такъ, вскорѣ же послѣ вступленія на престолъ Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ монастырю вотчины въ Новгородскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ [1]). Затѣмъ, въ 1617 году онъ указомъ велѣлъ приписать къ Троицкому монастырю городъ *Радонежъ* въ вотчину «съ пустошьми и пашнею, и съ сѣнными покосы и со всякими угодьи». Такъ какъ Радонежъ во время нашествія Литвы былъ опустошенъ и церковь въ немъ разрушена, то Діонисій и Авраамій Палицынъ, принявъ его во владѣніе, били государю челомъ, что «на томъ городкѣ храмъ поставить и монастырскій дворъ устроити нечѣмъ, хоромнаго лѣсу близко нѣтъ»,—и просили дать имъ на храмъ изъ села Воздвиженскаго съ царскаго двора повалушку или избу. Царь согласился на это [2]). Въ концѣ архимандритства Діонисія, именно 10 янв. 1633 года князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій отдалъ Троицкому монастырю богатое село Берсенево съ деревнями [3]). По Московскому же уѣзду поступили въ монастырь слѣдующія вотчины: 1) въ 1613 г. отъ Ивана Васильева Щелкалова—село *Передѣлецъ* въ Торемановѣ стану и деревни: Передѣлецъ Большой, Левоново, Митино, Назарово, Матвѣйково, Слобода, Кузмино, Заворожная и Тяпелково, а «четвертные пашни въ томъ селѣ съ деревнями пять сотъ четь съ луги и съ лѣсомъ и со всякими угодьи» [4]). 2) Въ 1611 году отъ вдовы Дарьи Ивановой, жены

[1]) Полн. Собр. зак. Рос. Имп. т. I, стр. 205 (Цитатъ по статьѣ свящ. Поспѣлова).

[2]) *Смирновъ*. Покровскій Хотьковъ монастырь стр. 8—9.

[3]) Акты, отн. до Юрид. б. стр. 136, № 119.

[4]) Лавр. Вотч. Архивъ № 530, вотчины по Московскому уѣзду № 158, л. 142.

нимъ Авнежскій Троицкій монастырь, основанный учениками преподобнаго Стефана,—и потомъ еще Троицкій Алатырскій монастырь, который, нуждаясь въ дѣятельной помощи, самъ просилъ о припискѣ его къ Троицкому монастырю. Дѣло въ томъ, что «въ смутные годы, какъ объ томъ писали царю архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій, того монастыря двухъ игуменовъ въ воду посадили, а третьяго съ башни скинули, а чернаго священника зарѣзали, и монастырь разграбили, и жалованныя вотчинныя грамоты и всякія монастырскія крѣпости поимали, и съ тѣхъ мѣстъ въ острогѣ (т. е. въ оградѣ) и за острогомъ монастырскую землю завладѣли посадскіе люди, а вотчинами и всякими угодьи завладѣли татарове и мордва» [1]). Въ томъ-же (1615) году приписана къ Троицкому монастырю *Макаріева* пустынь, съ храмомъ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы [2]). Въ слѣдующемъ за тѣмъ году отнесенъ къ Лаврѣ *Стромынскій* монастырь. Нѣсколько раньше этотъ монастырь былъ самостоятельнымъ, но потомъ оскудѣлъ и растроился или, какъ писали о немъ царю Троицкія власти, «тотъ монастырь отъ частыхъ игуменовъ роззорился, и до конца запустѣлъ, только въ немъ живутъ два старца»; а потому преподобный Діонисій, представляя о семъ, просилъ государя о позволеніи: «посылать въ тотъ монастырь старца добраго, чтобы монастырь сей до основанія не раззорился, и церковь Божія не была-бы безъ пѣнія». И дѣйствительно, стараніями Троицкихъ властей онъ скоро былъ приведенъ въ порядокъ: «мы богомольцы ваши, государскіе, писали объ этомъ монастырѣ Филарету Діонисій и Авраамій, церкви святили и всякое церковное строеніе починили и монастырь огородили и кельи новыя поставили и мельницу подѣлали и всякое монастырское строеніе строили и пашню монастырскую устроили, заводили сѣмена и на обиходъ хлѣба давали изъ большаго Троицкаго-Сергіева монастыря и въ вотчины крестьянъ ихъ собирали» [3]). Въ 1616 году при-

---

[1]) Ист. Оп. Тр. Лавры стр 184.

[2]) Ibid. стр. 182.

[3]) Лаавр. Вотч. Арх., № 530, по Москвѣ № 227.

писанъ къ Троицкому монастырю *Хотимскій* монастырь на рѣкѣ Тезѣ съ двумя храмами Успеніи и преподобнаго Сергія [1]). Въ 1626 году Пелегова Богоявленская пустынь передана въ Троицкій монастырь основателемъ ея Троицкимъ старцемъ Трифилліемъ [2]); а въ 1631 году былъ переданъ *Рождественскій* монастырь въ въ Новосилѣ, который впрочемъ былъ не болѣе, какъ подворьемъ Троицкаго Сергіева монастыря. Наконецъ, въ 1632 году граматою царя отъ 30 апрѣля былъ приписанъ къ Лаврѣ Чердынскій Богословскій монастырь съ его вотчинами и со всѣми промыслами [3]). Такимъ образомъ, за время архимандритства преподобнаго Діонисія приписныхъ монастырей къ Троицкому прибавилось 10; а это, конечно, весьма умножило какъ вотчинныя, такъ и другія владѣнія его. Наконецъ, говоря о вотчинахъ Троицкаго монастыря, должно прибавить ко всему сказанному, что при архимандритѣ Діонисіи ихъ куплено на 550 рублей, изъ чего видимъ, что не смотря на то, что постановленіе Грознаго о непріобрѣтеніи въ монастырь новыхъ вотчинъ при патріархѣ Филаротѣ соблюдалось строже [4]), чѣмъ раньше, однако и въ это время монастырскія власти нашли возможнымъ купить ихъ на сумму, по тогдашней цѣнности денегъ, довольно крупную.

Кромѣ заботъ объ утвержденіи за монастыремъ правъ и преимуществъ, соединенныхъ для монастыря съ владѣніемъ вотчинами

---

[1]) *А. В. Горскій.* Истор. Опис. Лавры стр. 185.

[2]) Ibid.

[3]) *А. В. Горскій.* Истор. Опис. Лавры. стр. 185.

[4]) Стремленіе патріарха Филарета къ соблюденію постановленія Грознаго усматривается, напр., изъ слѣдующей надписи одной грамоты 1623 г. апр. 6. «Грамота патріарха Филарета Никитича архимандриту Діонисію и братіи Троицкаго монастыря объ отказѣ монастырю сельца Раменья въ Дмитровскомъ уѣздѣ вклада П. Я. Писцевой съ тѣмъ, чтобы они сельцо это «продали роду ея или стороннимъ людямъ, кто цѣною болѣе купитъ для того, что..... вотчинъ въ монастырь давать не велѣно, и тѣ деньги взяли по ней въ монастырь». (Лебедевъ. Собр. истор.—юридич. актовъ Бѣляева, стр. 55).

и завѣдываніемъ приписными монастырями, при архимандритѣ Діонисіи Троицкія власти заботились о возстановленіи и другихъ правъ, не подходящихъ подъ эту категорію. Такъ, напримѣръ, въ 1613 году, вскорѣ по вступленіи на престолъ царя Михаила, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій били ему челомъ, чтобы «съ ихъ монастырскихъ съ жалованныхъ и тарханныхъ и съ управныхъ и со всякихъ грамотъ подписныхъ и печатныхъ пошлинъ имати не велѣли», на что 20 мая и воспослѣдовала жалованная грамота объ изъятіи всѣхъ Троицкихъ грамотъ отъ упомянутыхъ пошлинъ [1]). Въ томъ же году, по ходатайству Діонисія и Авраамія, возстановлено было и другое право, именно брать въ Москвѣ на Конской площадкѣ пошлины съ продажныхъ лошадей въ пользу монастыря. Троицкія власти представляли царю, что «прежде въ монастырѣ шло съ шерсти по двѣ денги, а на площадкѣ де въ книги писали Троицкаго монастыря служки, и тѣ книги приносили на Троицкое подворье за продавцовыми руками помѣсячно», а послѣ московскаго раззоренія и денегъ въ монастырь не даютъ и не дозволяютъ писать на площадкѣ Троицкимъ служкамъ». Царь грамотою отъ 19 августа повелѣлъ, чтобы упомянутыя права Троицкаго монастыря соблюдались [2]). Въ томъ же 1613 году ноября 3 подтверждена жалованная грамота Ѳедора Ивановича (отъ 1588 года марта 15) о свободномъ пропускѣ двухъ монастырскихъ судовъ, посылаемыхъ за солью и рыбой по Волгѣ въ Астрахань и обратно,—о невзиманіи съ нихъ пошлинъ. При архимандритѣ Діонисіи въ 1625 году апрѣля 11 и вторично была подтверждена эта грамота [3]). Какъ видно, грамота эта нарушалась не рѣдко. А въ 1614 году ноября 3 была подтверждена грамота на утвержденіе за монастыремъ отчинъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ, приписанныхъ къ находящемуся тамъ, зависящему отъ перваго, Троицкому же Сергіеву монастырю съ освобожденіемъ крестьянъ отъ всякихъ казенныхъ повинностей и подсудно-

---

[1]) А. А. Э. т. III, № 1, стр. 1.

[2]) Акт. Арх. Эк. т. III, № 11, стр. 13.

[3]) Опис. Рум. Муз. № 52, стр. 80.

сти свѣтскому начальству, кромѣ дѣлъ уголовныхъ (1575 года генваря 22 [1]). Затѣмъ, 8 ноября того же 1614 года подтверждена на имя Діонисія грамота Бориса Ѳедоровича, по которой Троицкой Георгіевской пустынѣ въ Гороховскомъ уѣздѣ дано право на пустоши въ Закудемскомъ стану Макарово и Кожино, съ опредѣленіемъ строителемъ въ оную Троицкаго-Сергіева монастыря соборнаго старца Варсонофія, а по смерти его быть оной со всѣми деревнями въ вѣдомствѣ сего монастыря архимандритовъ (отъ 1599 г. октября 18) [2]).

Возстановляя законныя права и привиллегіи монастыря, заботясь о пріобрѣтеніи новыхъ вотчинъ и правъ, Діонисій въ тоже время вынужденъ былъ ограничивать произволъ и излишнія притязанія представителей монастырскаго хозяйства, желавшихъ захватить въ свои руки наибольшее количество вотчинъ. Послѣ смуты, пользуясь, вѣроятно, еще общими безпорядками въ государствѣ, представители монастырскаго вотчиннаго управленія нерѣдко заводили съ владѣльцами сосѣднихъ съ троицкими вотчинъ тяжбы и разныя ссоры. Они тягались съ простыми людьми и знатными дворянами, то требуя отъ нихъ несправедливо денегъ, то вотчинныхъ земель и тяглыхъ крестьянъ. Разъѣзжая по вотчинамъ, монахи именемъ преподобнаго Сергія повсюду старались захватить лишнее, причемъ изъ захваченнаго далеко не все доставляли въ обитель, но «своимъ сродникамъ села и деревни созидаху и крестьянъ за ними строяху... свои руки наполняюще и сродниковъ своихъ надѣляюще» [3]). Злоупотребляя грамотою 1615 года, дозволявшею Троицкому монастырю возвращать на свои земли всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ 1606 года, вотчинные правите-

---

[1]) Опис. Рум. Муз. № 53, стр. 85.

[2]) Ibid.

[3]) Жит. пр. Діон. по рук. Син. М. Биб. № 416, л. 42. Въ печатномъ изданіи житія Діонисія лл. 42—48, гдѣ ярко характеризуются произволъ и притязанія монастырскихъ вотчинныхъ управителей, выпущены, и потому мы считаемъ не лишнимъ помѣстить этотъ отрывокъ въ приложеніи,—такъ сказать въ дополненіе такого цѣннаго памятника XVII, какъ житіе Діонисія.

ли монастыря стали переселять на свои земли такихъ крестьянъ, которые никогда не принадлежали монастырю, захватывали даже государственныхъ крестьянъ и сажали ихъ на жительство въ монастырскія слободы. Этимъ Троицкій монастырь возбудилъ противъ себя многихъ бояръ и дворянъ и даже самого царя. Безчиніе же монастырскихъ слугъ и крестьянъ дошло до того, что они не давали проѣзду людямъ, грабили ихъ на дорогѣ и били. «Такова-бо бѣда тогда умножися и безстрашіе, говоритъ Симонъ, яко и по дорогамъ отъ нашихъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ проѣзжимъ людямъ нужно бываще, овыхъ бьюще, овыхъ убивающе и грабяще» [1]). Мало того: ограбивши проѣзжаго, они заставляли его еще дать росписку въ большой суммѣ денегъ. Нерѣдко въ монастырь пріѣзжали обиженныя дѣти боярскія, или слуги отъ бояръ съ жалобами на обиды, причиняемыя имъ и ихъ людямъ разными вотчинными правителями монастыря Владѣльцы жаловались особенно на то, что несправедливо отнимаютъ у нихъ холопей и выселяютъ ихъ крестьянъ на монастырскія земли. Въ монастырѣ такихъ жалобчиковъ старались успокоить,—при чемъ ихъ грубо обманывали. Давши жалобчикамъ управныя грамоты на возвращеніе ихъ крестьянъ съ извѣстныхъ монастырскихъ земель, вотчинныя монастырскія власти напередъ старались перевести этихъ крестьянъ въ другія села и деревни, такъ что когда владѣльцы пріѣзжали въ прежнія села, то имъ показывали только пустые дворы и они ничего не могли получить, только напрасно расходовали на хлопоты и деньги и время. Такими и подобными поступками вотчинныя власти монастыря подрывали во всѣхъ довѣріе къ Троицкому монастырю. Не безъ преувеличенія, можетъ быть, но и не безъ основанія Симонъ говоритъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «они, испразднша честь и славу преподобныхъ чудотворцевъ обители малодушіемъ и корыстію своею.... и до конца обитель сію въ послѣднее поношеніе введоша и въ ненависть отъ всего народа россійскаго государства, отъ вельможъ и отъ простыхъ и никто-жъ

[1]) Рук. Син. Биб. № 416. л. 43 обор.

совершенно оттолѣ вѣру иметъ намъ въ расправахъ и донынѣ за наше малодушіе» [1]). Настолько монастырскія вотчинныя власти потеряли общее довѣріе, что для разбора разныхъ споровъ относительно вотчиннаго владѣнія были призваны въ Троицкій монастырь власти изъ другихъ монастырей. Если примемъ во вниманіе высокое положеніе Троицкаго монастыря среди всѣхъ другихъ, то поймемъ, что это приглашеніе властей изъ другихъ монастырей для разбора дѣлъ Троицкихъ могло быть вызвано только крайнимъ развитіемъ злоупотребленій. Конечно, чужія монастырскія власти, возгордившись своимъ случайнымъ положеніемъ какъ-бы судей надъ Троицкими властьми, не только не съумѣли уладить дѣла къ общему спокойствію, но произвели въ монастырѣ еще большій «мятежъ» и безпорядокъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось даже выселять изъ монастыря силою,—настолько они вели себя тамъ самовольно. [2]). Всѣ описанныя обстоятельства дѣла, конечно, какъ нельзя болѣе и постоянно должны были безпокоить архимандрита Діонисія. Онъ болѣлъ сильною скорбію за свой монастырь: ему было невыносимо тяжело видѣть, что власти вотчинныя злоупотребляютъ святыней и тѣмъ оскорбляютъ преподобнаго. «Архимандриту-же Діонисію, говоритъ Симонъ, зѣло тяжко сіе бысть, зря на таковое безстудное дѣло и многажды облився слезами глаголя: тако-ли нашимъ свѣтомъ чудотворцомъ Сергію и Никону угодно есть, се-ли наше иночество, сже таковая неправедная въ домъ Божій пріобрѣтати, сице-же имянемъ его тягатися, а дотягався вземъ своимъ сродникомъ отдавати» [3]). Но какъ ни скорбѣлъ Діонисій, какъ ни тяжело было ему быть сви-

---

[1]) Рук. М. Син. Биб. № 416, л. 43, 44 и об.

[2]) Раскрывши разныя злоупотребленія монастырскихъ вотчинныхъ властей, Симонъ весьма умѣстно присовокупляетъ: «сія глаголю, не яко на свой монастырь позягая, вины излагаю, но вспоминая наше малодушіе тогдашнее». (№ 416, л. 47 об.). Мысль глубоковѣрная, которую не мѣшало-бы почаще вспоминать нѣкоторымъ изслѣдователямъ, стремящимся обѣлить черное. Надо всегда помнить, что недостатки частныхъ лицъ, хотя бы и властей, не могутъ подрывать авторитета и величія святыни.

[3]) Рук. М. Син. Биб. № 416, л. 42 об. и 43.

дѣтелемъ произвола монастырскихъ вотчинныхъ властей, однако онъ не могъ скоро пресѣчь зло, потому что, по выраженію Симона «безстудіе ихъ превозмогаше благонравнаго его обычая»,—и потому что они имѣли «нѣкоторыхъ злохитрыхъ пособниковъ» (л. 43). Происходя сами, большею частію, изъ дворянъ и опираясь еще на упомянутыхъ пособниковъ, вотчинныя власти монастыря не только не хотѣли слушать никакихъ обличеній Діонисія, но и дѣлали попытки лишить его всякой власти: лица эти не легко мирились съ мыслію, что начальникомъ надъ ними сдѣланъ «простой мужикъ». Всѣмъ этимъ и объясняется такая крайняя ненависть «совладѣющихъ» къ Діонисію, что, по выраженію Симона, они премного завистію подымахуся на него (что вполнѣ понятно въ отношеніяхъ людей знатнаго происхажденія къ человѣку простолюдину, ставшему выше ихъ): не токмо способствовать не хотѣли, но и многими пакостьми не временемъ, но и по вся дни оскорбляли душу его святую.... честь всякую на себе преводяще, безстудіемъ своимъ волю у него отнимаху, и власть, юже дарова Богъ ему, похищаху и пакости многи дѣяху ему, не хотяще дать воли во благое устроеніе паствы.» [1]). Но Діонисій оставался твердъ и потому не взирая ни на какія стѣсненія, продолжалъ по возможности внимательно слѣдить за вотчинными дѣлами и за распорядителями этихъ дѣлъ.—Благодаря этому, онъ мало-помалу съумѣлъ ограничить царившій произволъ вотчинныхъ властей и возстановить въ монастырѣ надлежащій порядокъ. Онъ своимъ авторитетомъ останавливалъ и пресѣкалъ разныя тяжбы и споры, старался не допускать несправедливыхъ притязаній какъ со стороны монастыря, такъ и со стороны частныхъ вотчинныхъ владѣльцевъ.

Особенно-же изъ исторіи вотчинно-хозяйственнаго управленія Діонисія монастыремъ обращаютъ на себя вниманіе два случая столкновенія его съ недобросовѣстностію представителей монастырскаго хозяйства, въ первомъ изъ которыхъ является дѣйствующимъ казначей Іосифъ Панинъ, а во второмъ какой-то «экономъ».

---

[1]) Жит. пр. Діонисія стр. 30-31 и 38-39.

Послѣднее столкновеніе съ «экономомъ» — личностью вліятельною и сильною сопровождалось для Діонисія, какъ увидимъ, жестокими непріятностями.

Извѣстно, что при архимандритѣ Діонисіи и его стараніями былъ усчитанъ казначей Іосифъ Панинъ, уличенный въ растратѣ очень большой монастырской суммы. Въ царской грамотѣ присланной по этому поводу на имя Діонисія и казначея Моисея сказано, между прочимъ, что «по счету довелось взять на казначеѣ, на старцѣ Іосифѣ Панинѣ 711 рублей, 14 алтынъ и двѣ деньги, опричь тѣхъ денегъ трехъ тысячъ рублевъ, про которые послана вамъ (архимандриту и казначею, съ братіею) наша грамота и роспись сыску». Въ пополненіе растраченной монастырской казны грамотою повелѣвалось описать и оцѣнить принадлежавшую Іосифу Панину деревню Золотилово и «съ крестьяны и въ ней всякій животъ и хлѣбъ земляной и столчій и молоченой и по оцѣнкѣ отдать въ Троицкій монастырь» [1]). Іосифъ Панинъ былъ казначеемъ съ 1611 года до 1619 года; поэтому мы думаемъ, что растрата имъ казны монастырской произведена во время отсутствія Діонисія — во время его заключенія, которымъ Панинъ поспѣшилъ воспользоваться для удовлетворенія своихъ корыстолюбивыхъ стремленій. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что учетъ ему произведенъ былъ очень скоро по возвращеніи Діонисія, и онъ уволенъ отъ должности въ самый годъ возвращенія. Эти обстоятельства даютъ право заключать, что и иниціатива учета принадлежала Діонисію. Замѣчательно, что почти на то-же самое время падаетъ увольненіе отъ должности и келаря, каковымъ былъ Авраамій Палицынъ (онъ уволенъ въ декабрѣ 1620 года). По этому поводу не безосновательно сдѣлать такого рода соображеніе. Въ отсутствіе архимандрита главнымъ и отвѣтственнымъ лицомъ въ монастырѣ оставался келарь; поэтому на Авраамія Палицына такой фактъ, какъ растрата большой суммы казенныхъ монастырскихъ денегъ, естественно, долженъ былъ набросить нѣкоторую тѣнь. Не обвиняемый въ участіи съ Панинымъ, Авраамій могъ

[1]) Лавр. Вотч. Архивъ—вотчины по Москвѣ № 223.

обвиняться въ недостаткѣ надзора надъ подчиненными ему лицами, въ недостаткѣ внимательности къ происходившему въ монастырѣ; особенно на келаря должно было падать такого рода обвиненіе потому, что преступленіе было совершено въ такой области, которая и въ присутствіе архимандрита была ближе всего подъ вѣдѣніемъ келаря. Въ виду сказаннаго мы думаемъ, что Авраамій былъ уволенъ отъ должности и посланъ въ Соловки за то, что онъ допустилъ растратить казначею изъ монастырскихъ денегъ 3711 рублей. Этимъ, намъ кажется, достаточно разрѣшается доселѣ темный вопросъ о причинѣ ссылки Палицына въ Соловецкій монастырь [1]). Трудно согласиться съ тѣмъ мнѣ-

[1]) Мнѣніе г. Кедрова, что Авраамій Палицынъ самъ оставилъ должность келаря не заслуживаетъ довѣрія. Самое важное доказательство въ пользу этого мнѣнія, по указанію самаго Кедрова, это то, что Палицынъ похороненъ въ Соловкахъ „на такомъ мѣстѣ, гдѣ клались только важнѣйшія лица", а потому онъ не былъ сосланнымъ въ монастырѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ не былъ-бы погребенъ вмѣстѣ съ важнѣйшими лицами. Но нужно замѣтить, что прежде чѣмъ погребсти Палицына, тогдашній игуменъ Соловецкаго монастыря спрашивалъ Михаила Ѳедоровича, *гдѣ и какъ* его похоронить? Что значитъ такой вопросъ? Очевидно, игуменъ недоумѣвалъ относительно Палицына, который съ одной стороны былъ сосланнымъ, а съ другой былъ извѣстенъ какъ патріотъ и дѣятель смутнаго времени,—да къ тому же былъ келаремъ знаменитаго монастыря. Какъ хоронить такого человѣка? Царь приказалъ похоронить Палицына *„заурядъ съ прочею братіею"*. Это, намъ кажется, значило, что царь не велѣлъ обращать вниманія на то, что Палицынъ былъ *ссыльный*, или замѣчательный патріотъ и дѣятель,—а приказалъ похоронить его просто такъ, какъ хоронятъ вообще монаха: *заурядъ*. Если же Палицынъ попалъ на такое кладбище, гдѣ клались наиболѣе важныя лица (хотя, вѣроятно, это не всегда соблюдалось строго), то это зависѣло отъ воли игумена, который послѣ такой царской грамоты могъ не стѣсняться въ выборѣ мѣста для Палицына и могъ или въ уваженіе къ его не безъизвѣстной дѣятельности или просто за вклады (184 рубли) положить Палицына рядомъ съ важными лицами. Напрасно г. Кедровъ самый запросъ игумена о погребеніи Палицына обращаетъ въ ту сторону, что Авраамій не былъ *посланъ* въ Соловки. Вопросъ о томъ, *какъ* хоронить Палицына не имѣлъ бы тогда надлежащаго смысла. Ясно, что замѣчательнаго дѣятеля и келаря, если онъ не былъ чѣмъ запятнанъ,

ніемъ, по которому Авраамій былъ сосланъ патріархомъ Филаретомъ будто только за то, что онъ безъ дозволенія его ушелъ изъ подъ Смоленска. Со стороны патріарха Филарета было-бы какою-то недостойною его придирчивостію — наказывать человѣка за такой проступокъ, который былъ совершенъ такъ давно (почти 10 лѣтъ тому назадъ) и загладженъ многими другими дѣлами. Одинъ фактъ ухода Палицына изъ подъ Смоленска не былъ достаточною причиною увольненія его отъ должности келаря, если-бы послѣдняя проходилась Авраміемъ вполнѣ исправно; но фактъ этотъ могъ съ ясностію припомниться Филарету и сильно повліять на него въ пользу ссылки Авраамія при извѣстіи, что послѣдній и должность свою проходилъ неисправно, потому что и вообще, кромѣ указаннаго крупнаго факта, за время келарства Палицына вотчинно-хозяйственное управленіе страдало отсутствіемъ дѣятельнаго надзора Палицына, что признаетъ и защитникъ его г. Кедровъ. — Учетъ въ растратѣ монастырскихъ суммъ Панинымъ, за которую поплатился и Палицынъ, говоримъ мы, показываетъ въ Діонисіи настоятеля — внимательнаго къ хозяйству монастыря. Улики тѣхъ или другихъ лицъ въ недобросовѣстномъ прохожденіи ими должностей своихъ въ исторіи Троицкаго монастыря встрѣчаются не часто, что показываетъ, что при другихъ архимандритахъ келари, казначеи и пр. умѣли и успѣвали скрывать концы въ воду; а при многихъ изъ настоятелей келарь и казначей хозяйничали въ монастырѣ по своему. Этого старался не допускалъ Діонисій, за что и не любили его „совладѣющіи". Если исторія учета Іосифа Панина лично для Діонисія не сопровождалась никакими непріятностями, то напротивъ другой случай столкновенія его съ вотчинными властями монастыря былъ для него крайне-непріятенъ. Мы разумѣемъ здѣсь страданія Діонисія отъ какого-то „эконома", которому онъ не позволилъ обмѣнить обма-

нужно было похоронить съ подобающею честію. Да и отвѣтъ царя хоронить Палицына *заурядъ* съ братіею также былъ-бы тогда не совсѣмъ понятенъ и справедливъ. Только ссылка послужила для игумена поводомъ къ такому запросу, а для царя—къ такому отвѣту.

номъ пустую его вотчину на населенную монастырскую. Этотъ фактъ настолько хорошо характеризуетъ отношеніе Діонисія къ вотчинно-хозяйственной области управленія монастыря, а равно отношеніе къ преподобному „совладѣющихъ“, что объ немъ стоитъ сказать подробно.

Одинъ гордый и властолюбивый „экономъ“, какъ называетъ его Симонъ, захотѣлъ пожиться на счетъ монастыря. Съ этою цѣлію онъ подаетъ просьбу патр. Филарету, чтобы патріархъ позволилъ ему смѣнить свою купленную пустую вотчину на монастырскую, при чемъ утверждалъ, что эта послѣдняя также пустая (не населенная), между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ испрашиваемая имъ Сергіева вотчина была жилая. По этому прошенію «эконома» послѣдовала грамота на имя архимандрита, что если есть такая монастырская вотчина, о какой писалъ «экономъ», то смѣнить ее на купленную его пустошь. Діонисій же, узнавши, что та вотчина, о которой идетъ дѣло, не пуста, но «многіе жильцы и строеніе многое имѣетъ», не захотѣлъ допустить обмана и вознамѣрился обличить «эконома» предъ царемъ и патріархомъ [1]. Чтобы отвратить грозившую ему бѣду, экономъ началъ усердно и униженно просить Діонисія не писать о томъ царю и патріарху; просили за эконома и многія другія лица, которыя увѣряли архимандрита, что экономъ самъ откажется отъ вотчины. Склонившись на просьбы и особенно повѣривши ходатаямъ, Діонисій согласился, чтобы вмѣстѣ съ экономомъ ѣхать въ Москву и уладить тамъ дѣло такъ, чтобы и вотчину Сергіеву оставить за монастыремъ да и эконома не подвергнуть отвѣтственности за обманъ. Экономъ же между тѣмъ имѣлъ тайную мысль — какъ-нибудь оклеветать Діонисія предъ царемъ и патріархомъ и погубить его. Съ этою цѣлію онъ поспѣшаетъ заслать въ Москву своихъ друзей съ доносомъ, что архимандритъ не слушаетъ и не исполняетъ царскихъ и святительскихъ повелѣній, — и много другихъ подобныхъ

[1]) Въ житіи Діонисія по Синод. рук. № 416 говорится, что когда Діонисій узналъ о намѣреніи эконома, то „не хотѣлъ души своей повредити, паче же и вся братія поскорбѣша о сей вещи“ (л. 59).

клеветъ написано было въ доносѣ. Затаивши ненависть къ архимандриту, экономъ искалъ случая подвергнуть его какимъ-нибудь оскорбленіямъ и страданіямъ, въ чемъ скоро и успѣлъ. По словамъ Симона, онъ, «лукавою своею хитростію до толикаго безчестія доведе сего мужа праведнаго, яко и въ скаредное мѣсто и темно (т. е. надо думать, просто въ отхожее мѣсто) ввержень бысть, и ту три дня въ смрадѣ пребысть никому не вѣдомъ»[1]. Преподобный Діонисій такъ терпѣливо перенесъ это жестокое оскорбленіе, что никто тогда даже не узналъ о томъ. Между тѣмъ по доносу эконома онъ былъ вызванъ въ Москву, гдѣ долго былъ допрашиваемъ отъ патріарха, но все-таки благополучно возвратился въ свой монастырь. Но экономъ все не унимался: мысль, какъ бы погубить ненавистнаго архимандрита, очевидно, не давала ему покоя. И вотъ онъ снова посылаетъ въ Москву грамоты, въ которыхъ доносилъ, что Діонисій замышляетъ взойти на патріаршій престолъ; ясно, что экономъ постарался придумать такую клевету, которая бы всего болѣе могла оскорбить патріарха. Вмѣстѣ съ этимъ онъ не переставалъ и физически оскорблять преподобнаго. Такъ, однажды на соборѣ — во время преній (въ которыхъ, вѣроятно, архимандритъ былъ не согласенъ съ нимъ) при всей братіи онъ осмѣлился дать преподобному нѣсколько пощечинъ и, не ограничившись этимъ, «*отослалъ*» архимандрита въ его келью, «откуда четыре дни его къ пѣнію церковному не выпускалъ, *и входъ и исходъ заповѣданъ былъ всякому*»[2]. Можетъ быть, онъ держалъ бы его въ заключеніи и дольше, но объ этомъ какъ-то узналъ царь и повелѣлъ освободить архимандрита. Когда, вѣроятно, вскорѣ послѣ этого событія, царь былъ въ обители, то старался разслѣдовать дѣло, но архимандритъ Діонисій покрылъ виновныхъ.

Кто такой былъ этотъ «экономъ», о ненависти и дерзостяхъ котораго по отношенію къ Діонисію такъ подробно разсказываетъ Симонъ Азарьинъ? Извѣстно, что до 1764 года въ сферѣ мона-

[1]) Жит. преп. Діонисія стр. 50.

[2]) Жит. преп. Діонисія стр. 52.

стырскаго управленія должности эконома не было. Кого же Симонъ величаетъ такимъ званіемъ? Конечно, тѣхъ должностныхъ лицъ монастыря, которыя тогда отправляли обязанности теперяшнаго эконома, или же подобныя имъ. А таковыми были келарь и казначей. При преп. Діонисіи келарями и казначеями были слѣдующія лица—изъ келарей: Авраамій Палицынъ (1608—1620), Моисей Соловецкій (1621—1622), Александръ Булатниковъ (1622—1641), — изъ казначеевъ: Іосифъ Панинъ (1611—1619), Моисей Соловецкій (1620—1621), Спиридонъ Соловецкій (1622—1625), Пафнутій и Никита Соловецкіе (1625—1629), и Іоасафъ Пестриковъ (1630—1634). На кого же изъ этихъ лицъ должно пасть обвиненіе въ притѣсненіяхъ и оскорбленіяхъ Діонисія? Одни думаютъ что это былъ казначей (Іосифъ Панинъ [1]), а другіе указываютъ на другаго казначея Іоасафа Пестрикова [2]). Но оба эти указанія не вѣрны. Прежде всего стоитъ всмотрѣться въ характеръ самыхъ притѣсненій и страданій, какія вынесъ Діонисій отъ «эконома», чтобы понять, что притѣснителемъ его не могъ быть ни одинъ изъ казначеевъ, а могъ быть только человѣкъ, занимавшій послѣ архимандрита первое мѣсто, каковымъ былъ келарь. Въ самомъ дѣлѣ, въ разсказѣ о злоключеніяхъ Діонисія говорится, напр., что онъ былъ *отсланъ* съ собора въ келью, въ которой одиноко былъ заключенъ 4 дня, такъ какъ всѣмъ былъ *запрещенъ* входъ туда: все показываетъ начальническое распоряженіе. Неужели казначей—лице, подчиненное келарю, могъ такъ распоряжаться, и келарь при этомъ ничуть не воспрепятствовалъ бы ему?! Не можетъ быть, чтобы послѣдній допустилъ казначею такъ хозяйничать въ монастырѣ цѣлые 4 дня,—да и братія, къ которой обращались распоряженія казначея, врядъ-ли бы послушалась его. Другое дѣло

---

[1]) Лѣтопись намѣстниковъ, келарей и казначеевъ—въ лѣтописи зап. Арх. Комиссіи вып. 4 стр. 95.

[2]) *Кедровъ* въ Аврааміи Палицынѣ стр. 185. Есть даже мнѣніе, что „строптивымъ экономомъ“ былъ никто иной, какъ Авраамій Палицынъ. Но это мнѣніе подробно и основательно опровергнуто г. Кедровымъ (стр. 183—185).

самъ келарь. Онъ былъ въ монастырѣ не только чуть не полнымъ распорядителемъ въ области вотчинно-хозяйственнаго управленія монастыремъ, но и судьею братіи и слугъ, которыхъ онъ могъ «смирять» и наказывать. Всѣ привыкли его слушаться, и распоряженіе его во время заключенія Діонисія, естественно, никто не осмѣлился нарушить, такъ какъ не было человѣка въ монастырѣ сильнѣе его.—Далѣе,—и главное—указанія на Панина и Пестрикова, какъ на утѣснителей Діонисія, не согласны съ тѣми хронологическими данными, которыя сохранились въ житіи преподобнаго относительно личности «эконома» и относительно времени страданій Діонисія отъ него. Въ разсказахъ о чудесахъ, бывшихъ послѣ смерти Діонисія, Симонъ Азарьинъ послѣ повѣствованія во гл. 11-й «о прореченіи святаго іерею Ѳеодору о смерти его явленіемъ его», во гл. 12-й—«о видѣніи его священноиноку Перфилію», во гл. 13-й «о видѣніи святаго инокинѣ нѣкоей«—главу 14-ю начинаетъ слѣдующими словами: «мнозѣмъ же о сихъ всѣхъ слышавшимъ таковая про отца архимандрита Діонисія радующимся душею, инѣмъ же усомнѣвающимся, *яко и самому икономy обители тоя*, отъ него же тогда и многи бѣды и напасти поносивъ преподобный властолюбія его ради, якоже и преже рѣхъ, невѣріемъ одержими быша» [1]). Вотъ свидѣтельство, что отыскиваемый нами «экономъ» былъ живъ еще послѣ смерти Діонисія и занималъ туже должность,—или по-крайней мѣрѣ,—былъ въ Сергіевой обители. На основаніи другаго мѣста изъ житія Діонисія можно опредѣлить приблизительно и самое время страданій преподобнаго. Когда Симонъ Азарьинъ написалъ разсказъ о подвигахъ ученика Діонисія Дороѳея и прочелъ его нѣкоторымъ лицамъ (вѣроятно, изъ братіи), то нашлись сомнѣвавшіеся въ справедливости разсказа. Чтобы узнать истину, Симонъ послалъ свое писаніе Ивану Насѣдкѣ,—«самовидцу того Дороѳея житія». Насѣдка, подтвердивъ вѣрность Симонова повѣствованія, говоритъ между прочимъ: «азъ грѣшникъ бѣдный послѣ раззоренія московскаго *вскорѣ* прибрелъ къ дому пресвятыя Троицы

---

[1]) Рук. Троиц. Лавр. Биб. № 700, л. 60 об.

и того старца Дороѳея за полтора года до смерти его засталъ» [1]). Затѣмъ, сказавъ о подвигахъ Дороѳея, Насѣдка повѣствуетъ, какъ онъ однажды будучи въ кельи у Діонисія, смѣялся вмѣстѣ съ другими надъ тѣмъ, что Дороѳей валялся около стѣнъ и печи. Когда это происходило, вошелъ въ келью преп. Діонисій и съ укоромъ посмотрѣлъ на Насѣдку, ничего не сказавъ ему. Насѣдка скоро нашелъ случай спросить Діонисія, что значилъ его взглядъ. «Діонисій же отецъ, продолжаетъ Насѣдка, рече ми: нѣсть ти пользы въ томъ, мірянинъ еси, знай себя: и азъ грѣшный къ тому *не спросилъ болѣе десяти лѣтъ.* И какъ взяли меня грѣшнаго къ Москвѣ жить, и въ пріѣздъ архимандрита у его святыни въ духовной бесѣдѣ сидѣхъ: и онъ меня спросилъ *о нѣкоемъ дѣлѣ, въ немъ же бѣдствоваше отъ иконома своего....* и азъ его честности воспомянухъ отвѣтъ его ко мнѣ о Дороѳеѣ» [2]). На основаніи этого разсказа изъ житія можно приблизительно опредѣлить время страданій Діонисія. Насѣдка пришелъ въ обитель въ 1611 году, слѣдов. смерть Дороѳея падаетъ на 1613-й годъ (по указанію автора «лѣтописи намѣстниковъ, келарей и пр.», основанному на синодикахъ, Дороѳей умеръ въ 1614 году [3]). Если же такъ, то тотъ фактъ, какъ Насѣдка посмѣяся надъ Дороѳеемъ и какъ укоризненно посмотрѣлъ на него Діонисій, произошелъ въ годахъ 1611—1613. Прошло послѣ этого *болѣе десяти* лѣтъ, когда Насѣдка при пріѣздѣ Діонисія въ Москву вздумалъ спросить о значеніи взгляда Діонисія на него. Значитъ пріѣздъ архимандрита, о которомъ говоритъ здѣсь Насѣдка, падаетъ приблизительно на года 1622—1625. А такъ какъ въ самый этотъ пріѣздъ Діонисій имѣлъ дѣло съ «экономомъ» и даже, какъ видно, совѣтовался объ этомъ дѣлѣ съ

---

[1]) Жит. преп. Діонисія стр. 58.

[2]) Жит. преп. Діонисія стр. 59—60.

[3]) Въ „книгѣ, глаголемой описаніе россійскихъ святыхъ“ годъ смерти Дороѳея указывается 1622 (7130) (Рук. Моск. Д. Ак. № 209, л. 30). Но это не вѣрно. Какимъ образомъ Дороѳей могъ попасть въ Синодики подъ 1614 годъ, если онъ умеръ только въ 1622 году?!

Насѣдкой, то и время самыхъ бѣдствій его отъ «эконома» опредѣляется тѣми же годами, т. е. 1622—1625. Нанинъ же не былъ казначеемъ уже въ 1619 году, а Пестриковъ вступилъ въ должность казначея только въ 1630 г.; слѣд. ни тотъ, ни другой не могли быть утѣснителями Діонисія.

Послѣ найденныхъ нами хронологическихъ указаній не трудно опредѣлить и личность «эконома». Таковыми согласно съ временемъ страданій Діонисія могли быть только или казначей, а потомъ келарь Моисей, или казначей Спиридонъ Соловецкіе, или же, наконецъ, келарь Александръ Булатниковъ. Но ни Моисей, ни Спиридонъ не были «экономами» въ Симоновомъ смыслѣ, потому что о послѣднемъ еще извѣстно, что онъ былъ живъ и занималъ туже должность и послѣ смерти Діонисія (1633 г.); между тѣмъ какъ Моисей умеръ въ 1622 году, а Спиридонъ не былъ казначеемъ съ 1625 г. Остается одинъ—*келарь Александръ Булатниковъ*, бывшій келаремъ въ 1622—1641 г. г.: онъ-то и былъ тѣмъ самымъ «экономомъ», отъ котораго страдалъ Діонисій. При такомъ рѣшеніи вопроса о личности эконома становится понятной вся исторія бѣдствій Діонисія. Дѣло въ томъ, что Александръ Булатниковъ былъ такимъ лицемъ въ монастырѣ, которое имѣло возможность нисколько не бояться архимандрита. Происходя изъ бояръ и имѣя богатое состояніе [1]), онъ кромѣ того былъ человѣкомъ весьма близкимъ къ царю. Вспомнимъ, что Александръ имѣлъ случай бесѣдовать съ царемъ Михаиломъ о такомъ предметѣ, который касался самой интимной стороны царской жизни. Михаилъ Ѳедоровичъ очень скорбѣлъ о томъ, что у него не было сына—наслѣдника, и вотъ онъ однажды въ пріѣздъ Булатникова въ Москву въ бесѣдѣ спросилъ его: «кто-бы обрѣлся въ васъ, аще вѣси, таковъ мужъ праведенъ, иже бы намъ печаль сію разрѣшилъ?» Александръ на это сказалъ, что онъ знаетъ такого мужа, который можетъ испросить у Бога для царя «плодъ сыновства»,—и указалъ на преп. Елеазара, съ которымъ онъ жилъ

[1]) Въ бытность въ Лаврѣ однихъ вкладовъ въ монастырь Булатниковъ сдѣлалъ на сумму ок. 2000 руб.

раньше въ Соловецкомъ монастырѣ [1]) Не мѣшаетъ примѣтить, что Александръ не указалъ на кого-либо изъ Троицкихъ монаховъ, какъ на мужа праведнаго, могущаго испросить у Бога плодъ сыновства царю, хотя-то царь, спрашивая о такомъ мужѣ, имѣлъ въ виду прежде всего Троицкій монастырь и его братію (кто-бы обрѣлся *въ васъ—среди васъ*, т. е. Троицкихъ иноковъ— былъ вопросъ царя). Слѣд., Булатниковъ не хотѣлъ признать въ Діонисіи праведника, молитва котораго доходила-бы до Бога, хотя праведность Діонисія не могла быть тогда уже незамѣтной. Житіе преп. Елеазара отмѣчаетъ также, что Александръ имѣлъ у царя «веліе дерзновеніе». Извѣстно, что потомъ онъ былъ даже воспріемникомъ царскихъ дѣтей [2]). Понятно, что такой человѣкъ могъ многое творить безнаказанно и чувствуя это, могъ быть очень дерзкимъ. При признаніи утѣснителемъ Діонисія какого-нибудь другаго келаря (не Булатникова), исторія эта могла бы вызывать еще недоумѣніе, какимъ образомъ допустили *такъ* публично страдать настоятелю отъ одного изъ подчиненныхъ ему, но недоумѣнію этому нѣтъ мѣста, коль скоро узнаемъ, что дѣйствующимъ въ этой исторіи келаремъ былъ Булатниковъ. Братія и слуги боялись и слушались его не только какъ келаря, но и какъ человѣка близкаго къ царю. Естественно, поэтому, что священникъ Казанской церкви Ѳедоръ, наблюдая эту особенную власть келаря, сказалъ: «нынѣ у насъ не Діонисій архимандритъ», т. е. рядомъ съ Діонисіемъ явилось въ монастырѣ такое лице, котораго боятся чуть-ли не больше самаго Діонисія. Это замѣчаніе Ѳедора не прошло ему даромъ: «онъ тяжки раны пріемъ на тѣлеси своемъ». Затѣмъ, нельзя оставить безъ вниманія и того обстоятельства, что крайне дерзкія отношенія «эконома» къ архимандриту остались безъ всякаго наказанія. Симонъ, разсказывая о тѣхъ или иныхъ несправедливыхъ оскорбленіяхъ Діонисія со стороны разныхъ лицъ, имѣетъ обыкновеніе присовокуплять нѣсколько словъ о судьбѣ этихъ послѣднихъ въ такомъ родѣ: «непа-

---

[1]) Прав. Соб. 1860, ч. 1 стр. 239—241.

[2]) Акты Арх. Эксп. т, III, № 309.

вистницы же, иже клеташа на святаго, посрамлени быша... и въ заточеніи скончашася», или: «клеветницы же воспріяша мзду своего беззаконія, посылаются въ заточенія»; но при разсказѣ о страданіяхъ Діонисія отъ эконома не упоминаетъ, чтобы послѣдній потерпѣлъ что-либо за свое крайне преступное «беззаконіе». Отсюда мы съ правомъ заключаемъ, что экономъ и на самомъ дѣлѣ не былъ ничѣмъ наказанъ. Какъ-бы это объяснить, еслибы этимъ экономомъ былъ какой-нибудь неизвѣстный казначей Іоасафъ Пестриковъ: неужели могло сойти ему съ рукъ совершенно безнаказанно такое преступленіе, какъ публичныя подщечины архимандриту и другія оскорбленія его?! Но это опять становится понятнымъ, когда мы узнаемъ, что преступникомъ былъ Булатниковъ. Кромѣ понятнаго снисхожденія къ нему царя,—было и не совсѣмъ удобно ссылать въ заточеніе такъ близкаго къ царю и, несомнѣнно, любимаго имъ человѣка, и потому-то постарались загладить дѣло. Поэтому-то, можетъ быть, и въ Троицкомъ монастырѣ, когда пріѣхалъ туда царь для разслѣдованія дѣла, постарались покрыть виновныхъ, опасаясь раскрытіемъ всей правды опечалить царя. Наконецъ, самые пріемы, какіе Симонъ употребляетъ при разсказѣ о страданіяхъ отъ эконома, показываютъ, что прямо назвать имя этого эконома тогда было не совсѣмъ—то можно. При повѣствованіи о другихъ оскорбителяхъ Симонъ опредѣленно указываетъ имя и званіе ихъ; но тутъ объ имени совсѣмъ умолчено, а званіе указано такое, какого тогда еще и не было въ монастырѣ. Какая-бы могла быть цѣль такой прикровенности, еслибы опять «экономомъ» былъ какой—ниб. казначей Панинъ или Пестриковъ—оба уже тогда умершіе?! Но понятно, какъ было не безопасно, или по крайней мѣрѣ неумѣстно называть имя Булатникова: тогда вѣдь, когда писалъ Симонъ житіе Діонисія, царемъ былъ Алексѣй Михайловичъ и живы были другія дѣти Михаила, воспріемникомъ которыхъ былъ келарь Булатниковъ,—приходилось бы, такимъ образомъ, пятнать позоромъ крестнаго отца царской фамиліи. Потомъ, и самъ Булатниковъ былъ живъ и около того времени возвратился изъ Соловокъ опять въ Троицкій монастырь: сущест-

вуетъ грамота на имя Соловецкаго игумена Иліи «объ отпускѣ» изъ Соловецкаго монастыря Булатникова въ Троицкій Сергіевъ монастырь на покой (грамота эта отъ 1648 года, а умеръ Булатниковъ въ 1655 году). Потому—то Симонъ не только не назвалъ имени Булатникова, но даже и его должности (крайняя осторожность!), потому что скажи онъ, что утѣснителемъ Діонисія былъ *келарь*, тогда выборъ былъ—бы только между тремя лицами, а сказавши экономъ—онъ оставилъ мѣсто разнымъ догадкамъ [1]). Нечего говорить о томъ, что и всѣ другіе признаки, опредѣляющіе личность строптиваго эконома, вполнѣ приложимы къ Булатникову. Владѣніе вотчиною, желаніе помочь родственнику выгоднымъ обмѣномъ своей вотчины на монастырскую и отдачею послѣдней во владѣніе родственника—обстоятельства вполнѣ понятныя въ приложеніи къ богатому боярину, владѣвшему, можетъ быть, многими вотчинами. Такимъ образомъ, все убѣждаетъ насъ, что «строптивымъ экономомъ» былъ никто иной, какъ келарь Александръ Булатниковъ. И съ такимъ—то лицемъ приходилось Діонисію раздѣлять власть бо̀льшую часть своего управленія монастыремъ. Сколько, можетъ быть, было у него столкновеній съ нимъ, не записанныхъ Симономъ! И однако Діонисій, претерпѣвая множество непріятностей, съумѣлъ честно и съ пользою для монастыря устоять на своемъ высокомъ посту до смерти.

Въ заключеніе всего сказаннаго нами объ области монастырскаго управленія, находившейся подъ преимущественнымъ вѣденіемъ келаря, мы повторимъ, что преп. Діонисій былъ однимъ изъ такихъ немногихъ архимандритовъ, которые сами зорко слѣ-

---

[1]) Стоитъ отмѣтить, что въ рук. М. Син. Биб. № 416 слово „иконому“ написано отчасти по подчищенному мѣсту: сначала, кажется, было написано «келарю» (л. 58). Принимая во вниманіе то, что рук. № 416 есть автографъ Симона Азарьина, а съ другой стороны—то, что къ 1648 году, когда была послана грамота о возвращеніи Булатникова въ Троицкій монастырь, житіе Діонисія было уже окончено, мы склонны думать, что Симонъ выскоблилъ слово «келарю» и вм. его написалъ „иконому,“ имѣя въ виду именно прибытіе въ монастырь Булатникова.—Должность келаря Симонъ оставилъ въ 1653 году—вскорѣ послѣ возвращенія Бултаникова

дили за вотчинно-хозяйственною отраслью монастырской организаціи и принимали въ ней близкое участіе, а не довѣрялись во всемъ келарю: онъ не могъ смотрѣть на вотчиннохозяйственное положеніе монастыря только глазами келарей. Ко всему внимательный и энергичный—онъ успѣвалъ вездѣ: съ высокаго поста государственнаго дѣятеля, возбуждавшаго русскій народъ на защиту отечества, онъ снисходилъ до обработыванія своими руками монастырскихъ огородовъ вмѣстѣ съ послушниками и рабочими. Могъ—ли онъ послѣ этого не слѣдить за состояніемъ вотчинъ и другихъ владѣній, отъ которыхъ тогда преимущественно зависѣло благосостояніе монастыря?! [1]) Сохранились и прямыя указанія на это. По замѣчанію Симона, Діонисій „на соборѣ расправныхъ дѣлъ всегда прилучашеся, и по его тщательству подаяше Богъ и времена благополучны“ [2]). Отношеніе же Діонисія къ приписнымъ монастырямъ Симонъ характеризуетъ такъ: «въ приписныхъ монастыряхъ, иже суть подъ паствою Троицкаго монастыря, прехитро вся устроилъ Богомъ подвизаемъ» [3]).

Переходимъ къ слѣдующей части нашего обзора дѣятельности Діонисія по монастырю.—Устройство храмовъ, порядокъ въ нихъ и украшеніе, пріобрѣтеніе для нихъ нужныхъ священныхъ вещей и пр.—все это было предметомъ новыхъ и постоянныхъ заботъ Діонисія. „О церковномъ строеніи, говоритъ Симонъ о Діонисіи, веліе прилежаніе имѣ: ово церкви воздвигалъ вновь, иныя же

въ Троицкій монастырь. Не было—ли это результатомъ происковъ Булатникова, который, понятно, не могъ не узнать самъ себя въ описанномъ Симономъ «экономѣ» и не могъ не оскорбиться этимъ.

[1]) Не смотря, впрочемъ, на то, что какъ состояніе Троицкихъ вотчинъ, такъ и права монастыря стараніями Діонисія постепенно приводимы были въ надлежащій порядокъ; однако монастырь послѣ погрома Смутнаго времени оправился не скоро; даже въ 1615 году монастырскія власти принуждены были занимать денегъ для покупки хлѣба на монастырскій обиходъ, потому что, какъ они сами писали царю, «крестьяне раззорены, имать хлѣба не на комъ».

[2]) Жит. преп. Діонисія стр. 38.

[3]) ibid. стр. 30.

послѣ раззоренія обновлялъ: книги, кадила, кресты, сосуды, эпитрахили, ризы, стихари и прочую утварь церковную строяше и въ церковь отдаяше.“ Укажемъ же здѣсь нѣкоторыя постройки, произведенныя въ монастырѣ при Діонисіи и его стараніями. Такъ, въ 1621 году поставлена новая церковь къ трапезѣ во имя пр. Михаила Малеина и освящена въ томъ же году преп. Діонисіемъ. Далѣе, въ 1622 году разобрана и воздвигнута вновь въ болѣе обширномъ размѣрѣ церковь надъ гробомъ преп. Никона, освящена она 21 сентября 1624 года; въ слѣдующемъ же году праздничныя и мѣстныя иконы въ ней обложены серебромъ [1]). Кромѣ вновь устрояемыхъ храмовъ, были поновляемы и украшаемы прежніе, какъ о томъ засвидѣтельствовалъ и Симонъ, а именно; въ 1621 году крыша Успенскаго храма была покрыта бѣлымъ желѣзомъ, а въ самомъ храмѣ «подписаны кіоты верхнія надъ алтаремъ» [2]). Затѣмъ, въ 1625 году въ томъ же храмѣ были обложены серебромъ и позолочены иконы Спасителя, пророковъ и праздничныя. Пожаръ, случившійся въ монастырѣ при Діонисіи 12 сентября 1628 года, повредилъ много разныхъ зданій и, между прочимъ, были попорчены позолоченныя крыша и крестъ на храмѣ преп. Сергія; особенно же были повреждены монастырскія кельи, которыя погорѣли по обѣ стороны святыхъ воротъ. Поэтому Діонисію пришлось много заботиться о постройкѣ новыхъ келлій. Въ продолженіи двухъ годовъ кельи были поставлены: въ 1628 году поставлены были двѣ палаты по обѣ стороны св. воротъ, а въ слѣдующемъ еще двѣ палаты по правую сторону. Сверхъ этихъ построекъ, подъ годомъ 1624-мъ упоминается еще о постройкѣ какой-то «кирпичной палаты у келарской близь казны» и «кирпичной кузницы за братской поварнею» [3]).—Устрояя храмы въ своемъ монастырѣ, преп. Діонисій вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ немало заботъ о постройкѣ таковыхъ и въ сосѣднихъ

---

[1]) Лѣт. зан. Археогр. Ком. вып. 3. Краткій лѣтописецъ Тр. лавры стр. 24—25.

[2]) Ibid.

[3]) Лѣт. зан. Археогр. Ком. вып. 3, въ прилож. стр. 25.

слободахъ и селахъ. Вспомнимъ, что стараніями его вмѣстѣ съ Авраамiемъ Палицынымъ сооружена была церковь въ селѣ Деулинѣ въ память перемирія русскихъ съ поляками. Но еще ранѣе была построена имъ деревянная церковь въ селѣ Подсосеньи, гдѣ раньше была женская обитель, но въ нашествіе литовское она была раззорена и сожжена, такъ что монахини изъ нея были переведены въ Подольный Пятницкій монастырь. Преп. Діонисій въ 1616 году поставилъ здѣсь и освятилъ церковь во имя Успенія Богородицы; въ послѣдствіи, именно въ 1844 году, по повелѣнію митр. Филарета, она была перевезена во вновь основанный тогда Геѳсиманскій скитъ. Доселѣ сохранились въ этой церкви два антиминса, показывающіе время основанія ея. На одномъ изъ нихъ слѣдующая надпись: «лѣта 7124 (1616) мѣсяца маія въ 12 день, на память иже во святыхъ отца нашего Епифанія, освятися олтарь пречистыя Богородицы, честнаго ея Успенія, при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всея Русіи, при митрополитѣ (?) Филаретѣ, при архимандритѣ Діонисіи и при священникѣ Ѳеодорѣ» [1]). На другомъ антиминсѣ для одного изъ придѣловъ храма отъ 1619 года марта 21 имя Діонисія не упомянуто, такъ какъ онъ былъ тогда въ заточеніи [2]). Въ ризницѣ при трапезной церкви Геѳсиманскаго скита сохранились деревянные сосуды преп. Діонисія; сосуды эти, вѣроятно, перешли сюда изъ той же Подсосенской церкви, куда Діонисій пожертвовалъ ихъ при основаніи или освященіи церкви [3]). Наконецъ, извѣстно, что Діонисій весьма желалъ устроить церковь въ Пушкарской слободѣ во имя св. пророка Иліи. «При своемъ животѣ сей преподобный, говоритъ Симонъ Азарьинъ, многое тщательство имѣлъ, еже устроити церковь пророка Иліи подъ монастыремъ на мѣстѣ, идѣже нынѣ поставлена», но ему не суждено было осуществить свое

---

[1]) Указатель къ обозрѣнію Геѳсим. скита стр. 5.

[2]) Въ Геѳсиманской церкви Успенія имѣются, кромѣ того, два старинныя изображенія Діонисія: одно во весь ростъ, которое прежде стояло надъ гробницей Діонисія въ лаврѣ,—другое поясное, писанное на холстѣ.

[3]) Указат. къ обозр. Геѳсим. скита стр. 11.

желаніе при жизни; исполнилось оно только послѣ смерти его— при архимандритѣ Адріанѣ и келарѣ Авраамiи Подлѣсовѣ, которые, по словамъ Симона, умоленія ради народнаго воздвигли храмъ чудотворныя иконы Казанскія вверху, пророка Иліи въ высподь» [1]).

Основывая храмы, преп. Діонисій заботился о снабженіи ихъ утварью. Извѣстно, что вскорѣ послѣ осады у Троицкаго монастыря, по повелѣнію государя, взяты въ Москву многія монастырскія сокровища, состоявшія въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ. Поэтому пріобрѣтеніе въ храмы новой утвари было настоятельною потребностію. И дѣйствительно, по повелѣнію Діонисія въ Троицкіе храмы было пріобрѣтено много разныхъ сосудовъ, книгъ, ризъ, кадилъ и пр. Многія изъ этихъ вещей онъ сооружалъ на собственныя средства, доставляя мастерамъ для выдѣлки ихъ свое серебро. Заботливость Діонисія въ этомъ отношеніи простиралась до того, что онъ имѣлъ у себя всегда въ запасѣ нѣсколько церковной утвари, такъ что лишь только замѣчалъ гдѣ оскудѣніе, или же кто изъ проѣзжавшихъ извѣщалъ его о недостаткѣ въ какомъ-либо храмѣ церковныхъ предметовъ, какъ тотчасъ же съ радостію отдавалъ туда свою заготовленную утварь. Для заготовленія же священныхъ вещей, по свидѣтельству Симона, Діонисій имѣлъ «у себя многіе мастеры прехитры закормлены, иконописцы, и книгописцы, и сребросѣчцы и швецы» [2]). Результатомъ такихъ заботъ Діонисія было то, что во всѣхъ Троицкихъ придѣльныхъ церквахъ вмѣсто мѣдныхъ и оловянныхъ сосудовъ устроены были серебряные. Послѣ смерти Діонисія осталось въ кельи его много «крестовъ, кадилъ, сосудовъ церковныхъ, и къ разному дѣлу камокъ, тафты, дорогихъ выбоекъ, крашанинъ, полотенъ»,—и все это поступило въ Троицкіе храмы. И доселѣ нѣкоторые сосуды изъ принадлежавшихъ Діонисію, или сдѣланныхъ по его повелѣнію сохранились въ лаврѣ, какъ то видно изъ надписей на нихъ. Такъ, на одномъ серебряномъ дискосѣ подъ дномъ есть надпись:

---

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 72 об. и 73.

[2]) Жит. преп. Діонисія стр. 29.

«архимандритъ Діонисій» [1]). Затѣмъ, на звѣздицѣ рѣзной сребро-золоченной по концамъ надпись: «Троицкаго Сергіева монастыря архимандритъ Діонисій» [2]). Изъ этихъ надписей заключаемъ, что преп. Діонисіемъ еще при жизни пожертвованы были священные серебряные сосуды въ одинъ изъ Троицкихъ храмовъ. Кромѣ того, изъ вещей, принадлежавшихъ Діонисію, сохранилась чаша для водоосвященія. Чаша эта пожертвована была въ монастырь еще царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1564 году по князѣ Васильѣ Михайловичѣ Глинскомъ, но потомъ за нее выплатилъ деньги Діонисій, какъ это видно изъ слѣдующей надписи на чашѣ: «лѣта 7126 (1617) декабря въ 25 день за сію чашу платилъ деньги въ Троицкую казну архимандритъ Діонисій 20 рублей 16 алтынъ 4 деньги и далъ ея въ церковь св. Троицы и чудотворцу Сергію на св. воду на поминокъ своей души» [3]). Сохранилась еще серебряная чашка, которая раньше принадлежала Аверкію Палицыну, а потомъ перешла къ Діонисію и отъ него уже поступила въ монастырь [4]). Есть еще митра преп. Діонисія, въ которой, между прочимъ, совершалъ освященіе Геѳсиманскаго храма митрополитъ Филаретъ въ 1845 году іюля 8 [5]). Рукописныхъ книгъ отъ Діонисія осталось—21. Но сверхъ перечисленныхъ предметовъ, данныхъ или перешедшихъ въ монастырь отъ Діонисія, въ архимандритство его было пріобрѣтено много цѣнныхъ вещей посредствомъ покупки или же добровольныхъ приношеній. Изъ таковыхъ имѣются теперь въ ризницѣ—серебряный и позолоченый крестъ съ мощами, который, какъ видно, сдѣланъ былъ «повелѣніемъ архимандрита Діонисія въ 1618 году, евангеліе напрестольное, обложенное золотомъ отъ 1632 года и др. Изъ вкладовъ разныхъ

---

[1]) Надписи Троицкой Сергіевой лавры № 46.

[2]) ibid. № 194.

[3]) *Леонидъ*. Описаніе надписей Троицкой лавры № 235.

[4]) ibid. № 287.

[5]) *Снегиревъ*. Русская старина, годъ третій стр. 184. Интересно-бы знать о судьбѣ греческаго клобука, возложеннаго на главу Діонисія патр. Ѳеофаномъ. Указаній относительно этого предмета мы не нашли.

лицъ во время Діонисіева настоятельства стоитъ упомянуть слѣдующіе: отъ царя Михаила въ 1616 году поступило золотое кадило, украшенное драгоцѣнными камнями—вѣсу $5^1/_2$ фунтовъ,—отъ него же воздухи и покровы на св. сосуды, украшенные жемчугами и драгоцѣнными камнями и еще поясъ золотой тесьмы съ серебромъ, украшенный жемчугомъ. Затѣмъ много вкладовъ подобнаго рода поступило отъ князя Дмитрія Трубецкаго, - таковы, напр: крестъ изъ восточнаго хрусталя, украшенный двумя яхонтами съ серебряной ручкой, блюдо серебряное и позолоченое, ризы парчи золотой, украшенныя по оплечьямъ жемчужинами. Отъ боярина Никиты Ивановича Романова пожертвовано въ 1633 году напрестольное евангеліе, котораго верхняя доска-золотая, а нижняя серебряная, украшенное яхонтами и изумрудами. Отъ Дмитрія Ивановича Годунова въ 1626 году даны сосуды изъ горняго хрусталя; отъ князя Ивана Васильевича Куракина—серебряные сосуды. Наконецъ, упомянемъ еще о серебряной чашѣ святоводной въ 19 фунтовъ, данной Александромъ Булатниковымъ [1].

Если такое серьезное вниманіе Діонисій обращалъ на внѣшнее благоустройство храмовъ, то еще болѣе вниманіе его простиралось на порядокъ церковнаго богослуженія. Своевременное отправленіе службъ, точное исполненіе устава, стройное пѣніе, исправное посѣщеніе монашествующими богослуженія—все это, какъ мы знаемъ, было подъ непосредственнымъ вѣденіемъ самого архимандрита. И Діонисій, дѣйствительно, постоянно и строго слѣдилъ за тѣмъ, и потому-то, по отзыву Симона, «церковь цвѣтяше при

---

[1]) *А. В. Горскій*. Ист. опис. Троиц. лавры стр. 38 - 47. См. также указаніе на множество цѣнныхъ предметовъ, поступившихъ въ монастырь при Діонисіи, въ «Надписяхъ Троицкой лавры» Леонида №№ 47, 62, 64, 66, 67, 75, 76, 78, 162, 169, 180, 181, 195, 198, 208, 228, 249, 265 и 271. Книги, поступившія при Діонисіи подъ №№ 299, 301, 302, 306, 324, 329 и 240.—Такимъ образомъ, мы видимъ, что при Діонисіи вкладовъ въ монастырь сдѣлано было очень много. Кромѣ описанныхъ, изъ вкладовъ обращаетъ на себя вниманіе крестъ, сдѣланный будто-бы изъ чудотворнаго жезла Моисеева и принесенный въ 1624 г. Діонисіемъ, митрополитомъ ираклійскимъ (№ 181).

немъ строеніемъ и чины церковными». Предъ утреннимъ благовѣстомъ, обыкновенно, приходилъ въ келью Діонисія за благословеніемъ пономарь и приносилъ огонь въ фонарѣ. Діонисій, благословивши пономаря, зажигалъ у него свѣчу и во время благовѣста ставши предъ образами совершалъ молитву. Потомъ, надѣвъ на себя мантію и клобукъ, будилъ свою келейную братію, говоря: «братія, время итти, къ заутрени»—и самъ уходилъ провожаемый нѣкоторыми изъ братіи, на то поставленными. Увидѣвши его, переставали благовѣстить. Приходя въ церковь всегда первымъ, Діонисій имѣлъ обыкновеніе до начала службы немного времени посидѣть, читая 50-й псаломъ и поджидая братію. Когда же вся братія собиралась, онъ благословлялъ пономаря «въ доску бить къ полунощницѣ», а очереднаго священника благословлялъ начинать службу. Если случалось, что кто-ниб. изъ братіи не являлся въ церковь, то Діонисій, замѣтивъ это, сейчасъ же посылалъ къ тому будильниковъ, которымъ повелѣвалъ, какъ говоритъ Симонъ, осмотрѣть отсутствовавшаго «съ тихостію, благоразсудительно, незлобивымъ обычаемъ и не яростію»,—и если оказывалось, что болѣзнь была причиною неявки, то повелѣвалъ внимательно ухаживать за больнымъ, или же отсылалъ его въ больницу.—Такъ дѣло неуклонно велось изо дня въ день. Чтобы служба и пѣніе совершились по уставу и стройно, Діонисій часто увѣщевалъ уставщика и головщика быть внимательными къ своимъ обязанностямъ. Мало этого; чтобы эти лица не тяготились службою, онъ преимущественно предъ другими утѣшалъ ихъ по временамъ «поискомъ всякимъ, пищею и питіемъ». Нечего удивляться тому, что архимандритъ какъ будто заискивалъ у своихъ подчиненныхъ,—старался ихъ задобрить, тогда какъ онъ могъ-бы просто приказать исполнять дѣло такъ, а не иначе. Какъ добродушный начальникъ, Діонисій не хотѣлъ употреблять прямо строгихъ мѣръ, а старался прежде расположить головщиковъ и уставщика къ дѣлу добрымъ отношеніемъ къ нимъ; да кромѣ того строгость по отношенію къ такимъ передовымъ лицамъ изъ братіи могла быть не безвредна и для самого Діонисія: онъ и такъ не пользовался у нихъ любовію.

А потому строгость Діонисій употреблялъ только тогда, когда это оказывалось необходимымъ. Пріучая другихъ къ порядку въ церковной службѣ, Діонисій и самъ принималъ участіе въ чтеніи и пѣніи. Обладая представительною и красивою наружностію, онъ къ тому же имѣлъ и прекрасный голосъ: пѣніе его пробуждало въ богомольцахъ очень пріятное чувство, а читалъ онъ хотя и тихимъ голосомъ, но такъ, что «и въ заднихъ углѣхъ и въ притворѣхъ простирашеся гласъ его и ничьихъ ушей не минуя, всѣми явно слышанъ былъ.» [1]) Особенно же Діонисій заботился, чтобы въ праздники служба совершалась прилично торжеству. Для этого онъ установилъ подъ многіе праздники служить всенощныя бдѣнія съ литіями и благословеніемъ хлѣбовъ; кромѣ того, на литіяхъ воскресныхъ повелѣлъ пѣть богородичные догматы Іоанна Дамаскина на 8 гласовъ вмѣстѣ съ Аммореевыми стихирами, чего раньше въ Троицкомъ монастырѣ не было. [2]) Потомъ строго слѣдилъ за добросовѣстнымъ поминовеніемъ всѣхъ вкладчиковъ, для чего во время литургіи, совершавшейся въ Троицкомъ соборѣ, должны были присутствовать всѣ священники, хотя-бы нѣкоторые изъ нихъ и служили раннія обѣдни. Становясь по обѣимъ сторонамъ алтаря въ епитрахиляхъ, они должны были поминать имена вкладчиковъ и прочитывать родительскіе синодики. Литургію же совершалъ часто самъ Діонисій, самъ же часто выходилъ онъ на могилы знаменитыхъ вкладчиковъ и совершалъ по нимъ панихиды. Во многіе празничные дни, особенно же въ четыредесятницу и пятидесятницу Діонисій ввелъ въ монастырѣ чтеніе Евангельскихъ и апостольскихъ бесѣдъ Іоанна Златоуста и Григорія Богослова, переведенныхъ ученикомъ Максима Грека Силуаномъ и исправленныхъ рукою самаго Максима. Переводъ этотъ издавна хранился въ монастырѣ, но былъ безъ всякаго употребленія,

---

[1]) Жит. преп. Діонисія стр. 32-33

[2]) Къ Житію Діонисія Симонъ приложилъ и догматы Іоанна Дамаскина съ такою прописью: «положены здѣ для того, что архимандритъ Діонисій повелѣ пѣти на литеяхъ по воскреснымъ днямъ» (Рук. Троиц. Лавр Биб. № 700, л. 410 об.).

потому что до Діонисія въ монастырѣ «мало любили Максима Грека книгъ, такожде и переведенныя отъ ученика его Селивана ни во что полагали книги, и въ соборѣ въ торжеста уставщики не давали ихъ чести.» [1]) Но Діонисій приказалъ своимъ писцамъ тщательно переписать эти бесѣды, — и не только у себя — въ монастырѣ — завелъ чтеніе ихъ, но разсылалъ списки ихъ и по другимъ многимъ монастырямъ, особенно, конечно, по приписнымъ къ Троицкому. По свидѣтельству Симона, въ его время въ патріаршей бибіотекѣ хранился списокъ Максимова перевода бесѣдъ, составленный по указанію Діонисія и всѣми тогда уважавшій. [2])

Но введеніе строгаго порядка въ отправленіи церковныхъ службъ монашествующей тогда братіи не нравилось. Простымъ крылошанамъ не нравилось это потому, что служба стала гораздо продолжительнѣе, и слѣд., тяжелѣе, что̀ иногда и вызывало со стороны ихъ открытое заявленіе своего неудовольствія. Но какъ въ сферѣ вотчиннаго управленія Діонисію приходилось сталкиваться съ келарями и казначеями, такъ теперь въ своихъ заботахъ о богослуженіи пришлось имѣть дѣло съ уставщиками и головщиками. Послѣднимъ не могло нравиться, что Діонисій вводитъ въ богослуженіе такіе порядки, къ которымъ они не привыкли и какихъ раньше у нихъ въ монастырѣ не имѣлось; ихъ глубоко оскорбляло то, что архимандритъ не давалъ имъ воли въ привычномъ для нихъ дѣлѣ, а указывалъ имъ и училъ. Особенно должно было оскорблять это тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли какое-либо основаніе считать себя образцовыми въ своемъ дѣлѣ. Такими-то лицами и были уставщикъ Филаретъ и головщикъ Логинъ. Первый изъ нихъ жилъ въ обители 50 лѣтъ, изъ которыхъ въ должности уставщика состоялъ цѣлыхъ 40 лѣтъ. По понятіямъ того времени, это было великимъ преимуществомъ: предъ Филаретомъ всѣ монахи,

---

[1]) Жит. преп. Діонисія. стр. 120.

[2]) Не есть-ли это тотъ самый списокъ бесѣдъ Златоуста, который и доселѣ хранится въ Моск. Син. Биб. и который написанъ въ 1623 году въ Троицкомъ монастырѣ инокомъ Іоною Колобомъ (Указ. патр. ризницы архим. Саввы стр. 187, № 102).

не исключая и архимандрита, были молодые люди. Съ другой стороны сороколѣтнее отправленіе одной и тойже должности могло породить въ немъ самоувѣренность: могъ ли онъ поэтому оставить безъ сопротивленія тотъ обычай и порядокъ, какихъ держался въ продолженіи 40 лѣтъ?! Конечно, въ его понятіи всякое прикосновеніе къ этимъ порядкамъ было кощунственнымъ посягательствомъ. Пользуясь тѣмъ авторитетомъ и уваженіемъ, какія онъ пріобрѣлъ себѣ среди братіи продолжительнымъ пребываніемъ въ монастырѣ, Филаретъ не прочь былъ и отъ роли проповѣдника нѣкоторыхъ новыхъ мыслей. Такъ, онъ держался мысли, которой училъ и другихъ, что «Господь нашъ І. Христосъ не прежде вѣкъ отъ Отца родился, но тогда, когда посланъ былъ архангелъ Гавріилъ благовѣстити пресвятой Дѣвѣ Маріи»—и потомъ еще почиталъ Божество «человѣкообразнымъ и вся уды имѣюща по человѣчу подобію». Таковъ былъ одинъ изъ тѣхъ, съ которыми пришлось Діонисію столкнуться въ своихъ заботахъ о богослуженіи. Понятно послѣ этого, какъ онъ долженъ былъ возненавидѣть Діонисія, когда послѣдній сталъ учить *его*, «на добрыя сѣдины котораго и зрѣть съ дивомъ бяше». Не менѣе, если не болѣе Филарета, гордился и величался своими преимуществами и головщикъ Логинъ [1]). Его гордостію и славою было обладаніе прекраснымъ, свѣтлымъ и сильнымъ голосомъ. Пользуясь этимъ своимъ даромъ, онъ при пѣніи дѣлалъ всевозможныя выкрикиванія и разводы, не сообразуясь вовсе съ тѣмъ, насколько это умѣстно и согласно со смысломъ поемаго; на одинъ стихъ разныхъ распѣвовъ онъ составлялъ отъ отъ 5 до 10. Своему искуству онъ обучалъ многихъ учениковъ, а какого то своего племянника Максима выучилъ пѣть одну и туже церковную пѣснь на 17-ть напѣвовъ «разными знамены» [2]). Въ пѣніи онъ допускалъ всякія нелѣпицы

[1]) Между прочимъ, Логинъ родомъ былъ устюжанинъ, что видно изъ пергаменнаго синодика разницы № 2, гдѣ подъ годомъ 7103 надъ именемъ инока Тихона надписано киноварью: «устюжанинъ, Логина устюжанина головщика отецъ». (Опис. рук. Троиц. Лавры № 428).

[2]) Среди рук. М. Д. А. (№ 78) есть „Стихирарь", написанный на крюкахъ головщикомъ Логиномъ, какъ то видно изъ слѣд. подписи по листамъ

потому, между прочимъ, что по невѣжеству своему не находилъ даже нужнымъ сообразоваться со смысломъ стихиръ и церковныхъ пѣсней. Не зная догматовъ православія, онъ всякое грамматическое и книжное познаніе прямо называлъ еретичествомъ; а когда преп. Діонисій ввелъ чтеніе при богослуженіи Златоустовыхъ бесѣдъ, то Логину это «море сладости, яко лужа негодная вмѣняшеся». Въ обхожденіи не только съ простыми иноками, но даже съ священниками, принадлежавшими къ клиру, этотъ человѣкъ, надменный своими преимуществами, былъ весьма грубъ; онъ часто ругался и не рѣдко даже дрался,— и никто не смѣлъ сказать ему слова. Клирики были весьма недовольны Логиномъ и на обиды его часто жаловались архимандриту. Кроткій Діонисій старался тихими убѣжденіями повліять на грубаго головщика. Увѣщевая его, онъ называлъ его и отцемъ и братомъ, величалъ его по отчеству и говорилъ: «что тебѣ, свѣтъ мой, пользы въ томъ, что вси клирики и вси церковники жалуются на тебя и ненавидятъ тебя, и кленутъ и проклинаютъ, а мы начальники всѣ какъ въ зеркало на тебя смотримъ, и какая будетъ польза, если мы съ тобой заведемъ брань?» [1]). Но такія увѣщанія преподобнаго были безполезны. И такъ, мы видимъ, что какъ Филаретъ, такъ и Логинъ, благодаря своимъ чисто внѣшнымъ преимуществамъ, имѣли среди братіи огромное вліяніе, потому что въ то время при малообразованности русскаго общества внѣшнія—видныя для всѣхъ—преимущества имѣли обаятельную силу.

его: «въ лѣта 7155, іюля въ 11 день далъ вкладу въ домъ Жив. Троицы. ... съ Москвы Чудова монастыря постриженникъ бывшій игуменъ Срѣтенскаго монастыря Моисей книгу Стихирарь знаменной въ десть по духовномъ своемъ сынѣ соборныя церкви пречистыя Богородицы Успенія по священникѣ Максимѣ, во иноцѣхъ Макаріи, а писалъ сій стихорарь Жив. Троицы Сергіева монастыря головщикъ и уставщикъ инокъ Логинъ своею рукою". Интересно заглавіе, какое приписалъ къ нему Логинъ: «Книга глаголемая стихерарь мѣсячный, еже есть око діячее, безъ тоя бо мняшеся пѣнія исправляти, яко во тмѣ шатаются". Изъ книги видно, что Логинъ былъ очень искусный и тщательный писецъ. Написанная красивымъ уставомъ, она содержитъ въ себѣ болѣе 500 листовъ.

[1]) Жит. преп. Діонисія стр. 109.

Діонисій, понимая съ кѣмъ приходилось ему имѣть дѣло, старался повліять на этихъ людей тихими мѣрами, онъ зналъ, что строгія мѣры скорѣе могутъ вызвать такихъ лицъ, незнавшихъ удержу въ своемъ произволѣ, на ожесточеніе, чѣмъ на умиротвореніе. Поэтому онъ часто призывалъ Филарета и Логина къ себѣ въ келью и здѣсь наединѣ поучалъ ихъ. Насѣдка подробно разказываетъ объ одномъ случаѣ такихъ увѣщаній, бывшемъ вскорѣ по возращеніи Діонисія изъ заключенія. Это было, несомнѣнно, въ 1619 году. Въ разговорѣ съ Филаретомъ Діонисій тогда высказалъ, между прочимъ, о словѣ *и огнемъ*, что «это дѣло было *да и вершилось*; слѣд., это было уже по окончаніи дѣла Діонисія. Съ другой стороны извѣстно, что Филаретъ умеръ въ 1619 году [1]), — и слѣд., если Діонисій, возвратившись изъ заточенія въ 1619 году, увѣщавалъ Филарета, то дѣлалъ это не иначе, какъ въ томъ же году. Изложимъ же ходъ бесѣды Діонисія съ Филаретомъ и Логиномъ. «Отче мой, Филарете, кротко говорилъ Діонисій, что слышу о тебѣ, а иногда и примѣтно мнѣ, что блазнишися о Пресв. Троицѣ и о неописанномъ Божествѣ постигнути хощеши и разумѣти, а тѣмъ и самъ погибаеши и въ братіи малосмысленныхъ смущаеши, какъ человѣкообразно быти Божество глаголеши? Престани, отче честный, тако мыслити». На это Филаретъ грубо отвѣтилъ: «много ты книгъ читалъ, да евангелію не вѣруешъ, а мнѣ у тебя чего слушать». Но Діонисій опять смиренно вопрошаетъ его: «скажи, отче честный, что я евангелію не вѣрую», — и въ отвѣтъ на это Филаретъ ссылается на то, что Діонисій вымаралъ слово *и огнемъ*. «То, отче честный, замѣчаетъ по этому поводу архимандритъ, дѣло было да вершилось, а мнѣ тебя жаль, что въ вѣрѣ Христовѣ не крѣпко мудрствуеши и книгамъ не хощеши вѣровати». Но Филаретъ оставался упорнымъ и возражалъ, что онъ больше пророческимъ словесамъ вѣритъ. «Да гдѣ ты нашелъ въ проро-

---

[1]) Въ синодикѣ Лавр. Биб. (№ 41) подъ № 124 (1616) записанъ инокъ Филаретъ—уставщикъ; но потомъ подъ этимъ именемъ подписано: 127 года (т. е. умеръ 1619 года).

цѣхъ, еже бы Божество человѣкообразно было», снова спрашивалъ его Діонисій. Филаретъ ссылался на извѣстныя слова книги Бытія: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію (Быт. 1, 26); но Діонисій старался объяснить,—что значатъ эти слова и что нельзя понимать ихъ въ томъ смыслѣ, будто Богъ имѣетъ уды человѣческіе. Пока происходилъ этотъ разговоръ между Діонисіемъ и Филаретомъ, Логинъ сидѣлъ тутъ и смѣялся. Вѣроятно, такое поведеніе Логина горько оскорбило кроткаго архимандрита, и онъ въ послѣдовавшемъ затѣмъ разговорѣ съ Логиномъ не былъ уже такимъ мягкимъ, какъ въ бесѣдѣ съ Филаретомъ. Его слова звучатъ ироніей, насмѣшкой надъ Логиномъ и его невѣжествомъ. «Что ты, *преславный* пѣвецъ, начинаетъ онъ иронически свою рѣчь къ Логину, чему смѣешься?» Было задѣто самое чуткое мѣсто въ душѣ Логина, и потому онъ не выдержалъ и началъ плевать чуть не въ лицо архимандрита. Послѣ этого Филаретъ и Логинъ хотѣли уйти изъ кельи еще съ большею ненавистію къ архимандриту. Но не хотѣлось—было допустить этого Діонисію: онъ подавилъ въ себѣ горькое чувство и обратился опять къ мѣрамъ кроткимъ. Поклонившись имъ до земли, онъ сказалъ: «пощадите и не принуждайте меня въ грѣхъ внити, сіе дѣло есть церкве Божія соборныя, азъ же съ вами по любви на-единѣ бесѣдую и вопрошаю васъ того ради, дабы царское величество и власть патріаршеская не увѣдали, и намъ бы во смиреніи и во отлученіи отъ церкви Божія не быть». Но вмѣсто желаннаго мира Діонисій услыхалъ отъ Логина новыя дерзкія слова: «погибли мѣста святыя отъ васъ дураковъ, вездѣ васъ умножилося неученыхъ сельскихъ поповъ; людей учите, а сами не знаете, чему учите». И тутъ-то уже Діонисій обратился къ Логину съ длинной рѣчью, въ которой рѣзко началъ обличать его за безсмысленность напѣвовъ и за его невѣжество: «ты мастеръ всему, а что поешь и говоришь, того въ себѣ не разсудиши, какъ прямѣе надобно въ пѣніи или говореніи разумѣти, чѣмъ ты и въ церкви Божіей братію смущаешь и въ смѣхъ вводишь»,—затѣмъ архимандритъ указалъ ему, что у него при пѣніи вм.: Аврааму и

сѣмени его до вѣка выходитъ: Аврааму и сѣмени его...., каковая рѣчь не имѣетъ никакого смысла. «И ты первый человѣкъ въ церковникахъ, продолжаетъ Діонисій свою рѣчь къ Логину, что поеши, а не разумѣеши, какъ ап. Павелъ учитъ о пѣніи сице: воспою языкомъ, воспою же и умомъ, аще не увѣмъ силы слову, кая польза ми есть? Быхъ яко кимвалъ, сирѣчь бубенъ, или колоколъ шумящъ, но и бубенъ и колоколъ дѣлу указъ знаменуютъ. Человѣкъ же аще не знаетъ своему слову силы разума, то нѣсть человѣкъ, но на вѣтръ лаяй песъ, но и песъ добрый не лаетъ напрасно, но узнавши пришествіе или лихаго человѣка или звѣря, или татя, чрезъ лаяніе свое малую вѣсть господину подаетъ: безумный песъ, издалеча же шумъ вѣтра слыша и на то зляся, во всю нощь лаетъ». На эти хотя и рѣзкія, но правдивыя обличенія Филаретъ и даже грубый Логинъ не нашлись ничего сказать другого, какъ только: «мы вѣруемъ во Отца и Сына и св. Духа, и больше того не знаемъ, да и не премудряемъ ничего, а кто премудряетъ, той самъ узритъ, и мы не еретики, поемъ и чтемъ и говоримъ, *какъ повелося изстари* въ дому Живоначальныя Троицы». Но Діонисій, еще разъ указавъ на то, что какъ ученіе Филарета не есть православное, такъ и пѣніе, которымъ гордится Логинъ, не можетъ быть признано приличнымъ въ храмѣ, разсказываетъ имъ объ одномъ пустынникѣ Асимѣ, который пѣнію научился отъ самихъ ангеловъ, но потомъ возгордился этимъ, и потому «дьявольскимъ прельщеніемъ взятъ бысть отъ бѣсовъ, мняся, яко Илія, на небо и долу низверженъ бысть, яко Симонъ волхвъ». Такой разсказъ произвелъ на Логина и Филарета нѣкоторое впечатлѣніе, но они все-таки ушли отъ архимандрита, не испросивъ у него прощенія, - съ прежнею ненавистію къ нему. И послѣ не разъ они старались оклеветать преподобнаго предъ царемъ и патріархомъ.—Въ частности ненависть Логина къ Діонисію постоянно находила для себя пищу въ томъ, что онъ видѣлъ въ Діонисіи своего соперника по искуству въ пѣніи. Діонисій, какъ упоминали, обладалъ очень пріятнымъ голосомъ и умѣлъ пѣть и читать такъ, что его заслушивались. Но Логинъ

не могъ примириться съ мыслію, что его преимущества не есть единственныя и исключительныя въ своемъ родѣ, не могъ онъ слышать, какъ братія и простой народъ хвалили доброе пѣніе и чтеніе Діонисія. Логинъ хорошо понималъ, что вліяніе его среди братіи должно было значительно умалиться, когда съ нимъ на ряду выступитъ человѣкъ, не уступающій ему въ искуствѣ пѣнія и чтенія; эта мысль не давала Логину покоя. Обыкновенно, онъ любилъ самъ занимать роль чтеца въ церкви; но вотъ является архимандритъ, который сталъ и пѣть и читать—да такъ хорошо, что его слушали съ не меньшимъ удовольствіемъ, чѣмъ самого Логина. Запретить архимандриту нельзя,— и Логинъ съ ненавистію смотрѣлъ на Діонисія, когда послѣдній пѣлъ или читалъ. Но не привыкши сдерживать себя, онъ нерѣдко грубо заявлялъ архимандриту: «не ваше то дѣло, что пѣти или чести, зналъ бы ты одно, архимандритъ, чтобы милѣ съ мотовиломъ своимъ на крилосѣ, какъ болванъ, онѣмѣвъ стояти». Діонисій, обыкновенно, молчаливо сносилъ подобныя оскорбленія, и по прежнему продолжалъ пѣть и читать. Но Логинъ не остановился на дерзскихъ словахъ, а пошелъ далѣе. Однажды за утреней на клиросѣ было мало поющихъ, и потому Діонисій сошелъ съ клироса, чтобы читать каѳизмы. Тогда Логинъ, выйдя изъ себя, подскочилъ къ архимандриту и вырвалъ у него книгу. Налой и съ книгою полетѣлъ на полъ и произвелъ сильный стукъ. Діонисій только перекрестился, а потомъ пошелъ на клиросъ и сѣлъ молча. Логинъ же не унимался. Окончивши чтеніе, онъ подошелъ къ архимандриту и вмѣсто того, чтобы испросить прощеніе, началъ плевать и ругаться. Все это происходило во время службы, и Діонисій, легко махнувъ пастырскимъ жезломъ, сказалъ: «престани, Логине, не мѣшай пѣнію Божію и братію не смущай, мощно намъ о томъ переговорить и послѣ заутрени». Но уже не возможно было удержать разсвирѣпѣвшаго головщика: приливъ злобы былъ слишкомъ силенъ. Онъ вырвалъ изъ рукъ Діонисія посохъ, изломалъ его на четыре части и бросилъ его въ колѣни архимандрита. Крайне огорченный Діонисій для утѣшенія себя обратился къ Богу съ

мольбою: «Ты, Господи, вся вѣси, говорилъ онъ, и прости мя грѣшнаго, яко согрѣшихъ предъ Тобою, Господи, а не онъ», а потомъ сошедъ съ мѣста, плакалъ во всю заутреню предъ образомъ Пресв. Богородицы. Братія была изумлена поступкомъ Логина и чувствовала всю преступность его, а потому послѣ утрени всѣ убѣждали его идти къ архимандриту и просить прощенія [1]). Но не таковъ былъ Логинъ, чтобы могъ сознать свою вину и проститься предъ архимандритомъ [2]).

Разсказъ о столкновеніяхъ Діонисія съ Филаретомъ и Логиномъ записанъ только у Насѣдки; у Симона же сказано объ этомъ обще: «отъ уставщиковъ и головщика Логина и отъ иныхъ крилошанъ неизглаголанная безчестная словеса бываху преподобному, о нихъ же не лѣпо есть глаголу предати! [3]) Тѣмъ не менѣе сомнѣваться въ полной достовѣрности всего разсказа и думать что въ немъ есть преувеличенія—нельзя. Въ разсказъ этотъ внесены Насѣдкой такія детальныя подробности, которыя врядь-ли могутъ быть выдуманы, а кромѣ того Насѣдка писалъ о Филаретѣ и Логинѣ тогда, когда въ монастырѣ были еще въ живыхъ лица, бывшія очевидцами факта, а потому было не безопасно описывать дѣло иначе, чѣмъ какъ оно было. [4]) Если же кого поражаетъ въ этомъ фактѣ необыкновенная дерзость Логина, осмѣлившагося въ присутствіи братіи и народа жестоко оскорблять начальника, то вѣдь нужно помнить, что умственное и особенно нравственное состояніе тогдашняго монашества было очень низкое. Примѣры дерзкихъ отношеній монаховъ къ своимъ настоятелямъ были нерѣдки; бывали случаи, что простой монахъ насильно захватывалъ власть въ монастырѣ.

---

[1]) Когда оскорблялъ Діонисія «экономъ», то его никто не посылалъ просить прощенія у архимандрита; слѣд., никто не чувствовалъ себя вправѣ давать совѣты этому «эконому». Знакъ, что «экономъ» былъ лицомъ первенствующимъ.

[2]) Весь разсказъ о столкновеніяхъ Діонисія съ Филаретомъ и Логиномъ см. въ Жит. Діонисія стр. 108—124.

[3]) Жит. преп. Діонисія стр. 35.

[4]) Логинъ умеръ въ 1624 г. (Синод. въ рук. Лавр. Биб. №41, л. 31); послѣ Филарета онъ былъ уставщикомъ.

Итакъ, отъ Симона и Насѣдки мы узнаемъ объ отношеніяхъ Діонисія къ очень многимъ личностямъ изъ состава монастырской братіи [1]. Но замѣчательно, что оба они проходятъ полнымъ молчаніемъ отношеніе архимандрита къ такой личности, которая за время его настоятельства была въ монастырѣ самою замѣтною какъ по своей государственной дѣятельности, такъ и по образованію. Мы разумѣемъ Авраамія Палицына. Что значитъ, что ни Симонъ, ни Насѣдка ничего не говорятъ объ отношеніи Діонисія къ Авраамію, между тѣмъ какъ знать это было бы весьма интересно. Такое обстоятельство можно объяснить только или, вопервыхъ, тѣмъ, что отношенія эти были слишкомъ обыкновенны, казенны, такъ что о нихъ нечего было и говорить: говорить о нихъ значило бы говорить *вообще* объ отношеніяхъ архимандрита и келаря, а это, конечно, не могло входить въ планы Симона и Насѣдки;—или же, вовторыхъ, тѣмъ, что отношенія Авраамія къ

---

[1]) Кромѣ уже упомянутыхъ нами выше келарей, казначеевъ, уставщиковъ, головщиковъ, старцевъ и т. п. лицъ, бывшихъ въ Троицкомъ монастырѣ при Діонисіи, мы считаемъ умѣстнымъ указать здѣсь имена и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, отправлявшихъ въ архимандритство Діонисія ту или иную должность,—насколько это сдѣлалось намъ извѣстнымъ. Соборными старцами тогда были: Макаръ Куровскій (уп. въ 1613 и 1619 г.), Иларіонъ Бровцынъ (въ тѣхъ же годахъ), Серапіонъ Воейковъ (уп. въ 1613 г.), Герасимъ Волдинскій (тоже), Іоасафъ Пестриковъ (сдѣлавшійся въ 1630 г. казначеемъ), Іона Радіоновъ (уп. въ 1613 г.), Боголѣпъ Редриковъ (уп. въ 1619, 1628-9 и 1633 г.г.), Ѳеодосій Шишкинъ (1628-9), Исаія Печерскій (тоже), Іовъ Бѣляницынъ (1628-9 и 1633 г.), Арсеній Кабардеевъ (тогда же), Калиникъ Соловецкій (тогдаже), Филоѳей Соловецкій (ум. 1630). Затѣмъ упоминаются: чашникъ Антоній Резанцевъ, подкеларникъ Леонидъ Алатырецъ, посельскій Нифонтъ Третьяковъ, уставщикъ Іоасафъ Кирьяковъ (онъ же былъ нѣкоторое время и книгохранителемъ), конюшій Левкей Сжагинъ, житничій Никандръ Симоновскій, крѣпостной казны старцы: Андроничищъ Болотовъ и Илья Айгустовъ, оружничій Агаѳонникъ Шишкинъ. (Имена этихъ лицъ взяты нами изъ Вотч. Лавр. Арх. № 530,—по Москвѣ и уѣзду №№ 157, 229, 237, Акт. Юрид. № 119 и Надписей архим. Леонида № 229 и др.).

Діонисію были недобрыя, могущія положить пятно на память Палицына, — и потому Симонъ счелъ за лучшее скрыть ихъ, такъ какъ тогда благодаря «Сказанію» Палицына въ русскомъ обществѣ успѣло уже сложиться высокое мнѣніе о Палицынѣ, какъ героѣ: его, вѣроятно, ставили въ ряду избавителей нашего отечества отъ смуты. По тѣмъ же побужденіямъ не говоритъ объ отношеніяхъ Палицына къ Діонисію и Насѣдка. И такъ, могутъ существовать *только* эти два предположенія. Будь отношенія Авраамія къ Діонисію добрыми и близкими, или же даже только выдающимися изъ ряда обыкновенныхъ и казенныхъ, Симонъ и Насѣдка никакъ не прошли-бы этого молчаніемъ. Если Симонъ отмѣчаетъ близость къ Діонисію лицъ менѣе извѣстныхъ, каковы, напр., Перфилій, два священника Ѳедора, Дороѳей и др., то тѣмъ болѣе-бы онъ отмѣтилъ особенную близость къ нему замѣчательнаго человѣка и прославившагося патріота, какъ объ этомъ мимоходомъ мы уже замѣчали. И такъ, повторяемъ: отношенія Авраамія къ Діонисію были или весьма обыкновенными и казенными, или недобрыми. Что же вѣрнѣе? Для рѣшенія этого вопроса данныхъ въ разныхъ извѣстіяхъ весьма мало: можно только найти не болѣе, какъ полунамеки и полуслова; но главнымъ образомъ въ рѣшеніи его должно обращать вниманіе на характеры Діонисія и Палицына. Это были люди по характеру вовсе не похожіе другъ на друга. По происхожденію дворянинъ, Палицынъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ почти непрерывно вращался около царей, князей, бояръ и королей. Честолюбіе его находило въ такомъ положеніи достаточную для себя пищу, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшихъ сферахъ онъ привыкалъ къ тонкимъ политическимъ соображеніямъ, разсчетамъ, — къ хитрости. Не смотря на то, Авраамій не отличался твердостію воли и безупречнымъ патріотизмомъ: онъ уклонился или просто убѣжалъ изъ посольства къ Сигизмунду, когда замѣтилъ, что положеніе пословъ, а въ томъ числѣ и его, становится щекотливымъ и не безопаснымъ. Поведеніе его въ посольствѣ было весьма двусмысленно. Когда переговоры пословъ съ Сигизмундомъ почти съ пер-

выхъ поръ приняли непріятное направленіе, Авраамій успѣваетъ выхлопотать у Сигизмунда нѣсколько льготныхъ грамотъ для монастыря. Не упоминая объ архимандритѣ Діонисіи, онъ только отъ своего лица и братіи выхлопоталъ у Сигизмунда утвердительную тарханную грамоту на всѣ монастырскія вотчины. Если нельзя согласиться съ однимъ предположеніемъ г. Забѣлина, что Палицынъ, «выпрашивая грамоты, дѣйствовалъ такъ въ полнѣйшей увѣренности, что Сигизмундъ будетъ великимъ государемъ Москвы», то съ другой стороны нельзя не признать доли правды въ другомъ предположеніи его, что онъ дѣйствовалъ такъ «для какихъ либо себялюбивыхъ цѣлей» [1]). Во всякомъ случаѣ въ личности Палицына замѣчается немалое противорѣчіе: въ сказаніи объ осадѣ монастыря Палицынъ занимаетъ такое видное мѣсто, что за подвиги свои достоинъ бы названія героя, между тѣмъ какъ извѣстіе объ уходѣ его изъ-подъ Смоленска пятнаетъ его позорнымъ именемъ измѣнника [2]), а смерть его въ ссылкѣ даетъ возмож-

[1]) *Забѣлинъ*. Мининъ и Пожарскій стр. 239.

[2]) Хотя нѣкоторые побѣгъ Палицына изъ подъ Смоленска оправдываютъ его добрыми намѣреніями, но это—ничто иное, какъ произвольная догадка изслѣдователей—поклонниковъ Палицына. Современники же, на сколько можно о томъ судить, были вообще очень не лестнаго мнѣнія о всѣхъ, убѣжавшихъ изъ-подъ Смоленска. Если они и не относились къ нимъ очень строго, то во всякомъ случаѣ смотрѣли на таковыхъ, какъ на людей слабыхъ и мало способныхъ на подвиги. Авторъ упомянутой нами много выше „повѣсти о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ“ (въ рук. Моск. Дух. Ак. № 175) выражается о нихъ такъ, что они „сопостату врагу королю поклонилися и на его волю ввѣрилися“ (л. 374) и при этомъ присовокупляетъ оговорку только самаго общаго характера: „не вѣмъ, говоритъ онъ, всѣ-ли отъ желаннаго сердца къ нему преклонилися, или будетъ въ тайнѣ искренни къ намъ... и съ нами за вѣру стояти хотятъ, токмо разошлися и разъѣхалися, овіи къ намъ, а овіи инудѣ по своимъ мѣстомъ» ibid). Т. е. авторъ не сомнѣвается, что побѣгъ изъ-подъ Смоленска и предательство Сигизмунду—явленіе печальное во всѣхъ отношеніяхъ и онъ и не подозрѣваетъ, что побѣгъ этотъ могъ имѣть какіе нибудь добрые результаты, только онъ не знаетъ достовѣрно, были-ли среди предавшихся Сигизмунду и убѣжавшихъ такіе, которые бы въ тайнѣ-то оставались вѣрными отечеству: можетъ, были, а можетъ—и нѣтъ. Вотъ

ность заподозрить и еще кое въ чемъ. Все это, намъ кажется, обнаруживаетъ въ Палицынѣ человѣка непрямодушнаго, нетвердаго и къ тому же, несомнѣнно, тщеславнаго, хотя при этомъ мы и не отрицаемъ въ Палицынѣ подъ вліяніемъ минуты одушевленія, а можетъ быть, и просто подъ вліяніемъ честолюбія способности сдѣлать довольно геройскій шагъ. Не то представляетъ собою преп. Діонисій. Будучи неизвѣстнаго происхожденія, онъ не искалъ чести, а если что дѣлалъ, то дѣлалъ не для славы, а исключительно влекомый къ тому своими добрыми стремленіями. Прямодушный, кроткій и добродушный, онъ былъ однако твердъ и неуклоненъ въ своей дѣятельности. Послѣ обзора всей его дѣятельности мы видимъ, что онъ оставался вездѣ и всегда вѣренъ себѣ. Въ жизни Діонисія нельзя указать ни одного факта, который-бы заставилъ сомнѣваться въ искренности патріотическихъ, а равно и другихъ стремленій и дѣйствій его. Ложь и хитрость были ему противы. И такъ, въ личности Діонисія нѣтъ Палицынской неопредѣленности,—и потому если Авраамій будетъ еще долго служить предметомъ разногласія и спора въ историческихъ изслѣдованіяхъ, то относительно Діонисія историческая наука ничего не можетъ сказать иного, что она сказала уже о немъ теперь, справедливо называя его «истиннымъ героемъ» (Забѣлинъ), «высоконравственнымъ человѣкомъ»

мысль автора. Не такъ-бы, конечно, говорилъ онъ, если-бы тогда знали, что Палицынъ ушелъ изъ-подъ Смоленска съ доброю цѣлію и смотрѣли-бы на него, какъ на благоразумнаго бѣглеца, принесшаго своимъ бѣгствомъ пользу отечеству. Добрыя цѣли и результаты побѣга непремѣнно были-бы отмѣчены авторомъ хотя-бы только по патріотическимъ побужденіямъ. Но Палицынъ не выдѣляется изъ ряда другихъ бѣглецовъ и трактуется, какъ и всѣ, „предавшимся и поклонившимся Сигизмунду“, потому что не достало у него силы вынести стѣсненія. Палицынъ убѣжалъ изъ-подъ Смоленска, даже не сказавшись митр. Филарету, боясь, вѣроятно что послѣдній задержитъ его. Если-бы онъ имѣлъ въ виду добрую и опредѣленную цѣль побѣга, то отчего бы ему было не объяснить патр. Филарету это прямо и опредѣленно, и Филаретъ вполнѣ способный оцѣнить добрыя намѣренія и пользу ихъ, безъ сомнѣнія, отпустилъ бы его. Нѣтъ: очевидно, что Палицынъ имѣлъ побужденіе скрывать свой побѣгъ.

(Коялович), «самою свѣтлою и могучею личностію между всѣми, извѣстными намъ отъ смутнаго времени» (оньже), «однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и достопамятныхъ дѣятелей того времени» (Макарій), или просто «знаменитымъ Діонисіемъ» (Соловьевъ). А поэтому насколько непрямодушный и честолюбивый человѣкъ не можетъ встать въ искреннія и близкія отношенія къ человѣку прямодушному и высоконравственному и притомъ поставленному выше его, настолько же, вѣроятно, и Авраамій недружелюбно или по крайней мѣрѣ, неискренно долженъ былъ относиться къ Діонисію. И намекъ на это, хотя незначительный, находимъ у Насѣдки, именно въ томъ мѣстѣ его записки, гдѣ онъ говоритъ, что въ заботахъ о раненныхъ и больныхъ, пришедшихъ изъ Москвы въ монастырь, дѣятелемъ былъ Діонисій, а «не келарь Авраамій Палицынъ». Это значитъ, какъ мы выше объясняли, что Авраамій *не хотѣлъ* принять надлежащаго дѣятельнаго участія въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ, какъ распорядитель провизіей и всѣмъ хозяйствомъ монастыря, могъ бы быть весьма полезнымъ, а *не хотѣлъ* онъ принять такого участія, вѣроятно, потому, что ему не нравилось, что инициатива и мысль въ этомъ дѣлѣ принадлежала исключительно Діонисію. Авраамію на столько это не нравилось, что объ этомъ подвигѣ преподобнаго онъ вовсе не упоминаетъ въ своемъ «Сказаніи», не смотря на то, что разсказъ о такомъ великомъ дѣлѣ состраданія и истинно-христіанскаго милосердія могъ много послужить къ славѣ монастыря. Но онъ съ удовольствіемъ разсказываетъ, какъ, напр., вывозилъ на базаръ Троицкій хлѣбъ для продажи его по дешевой цѣнѣ, потому что дѣйствующимъ являлся тутъ одинъ онъ и его никто не засторанивалъ. Сравнительно *слабое* участіе Авраамія въ составленіи Діонисіемъ патріотическихъ грамотъ, кромѣ нѣкоторыхъ причинъ, указанныхъ нами выше, можетъ быть, отчасти имѣло въ своемъ основаніи опять тоже нежеланіе Авраамія трудиться въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ *главнымъ* былъ не онъ, а Діонисій,—и слѣд., чести ему отъ того было мало. Наконецъ, темное дѣло Іосифа Панина, совершенное въ отсутствіе Діонисія и скорое удаленіе изъ монастыря Авраамія

по возвращеніи туда Діонисія во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ о добротѣ и искренности отношеній келаря къ архимандриту.

Впрочемъ, мы не простираемъ своихъ догадокъ дальше. Вслѣдствіе отсутствія положительныхъ и ясныхъ данныхъ мы постарались только сдѣлать возможныя и вѣроятныя соображенія о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ извѣстныхъ историческихъ личностей—Діонисія и Авраамія, сведенныхъ судьбою въ жизни,—и вовсе не думаемъ придавать этимъ соображеніямъ значенія несомнѣнной истины [1]). Не имѣя на то твердыхъ основаній, мы вовсе не хотимъ напр., признать, что Авраамій былъ даже среди «клеветниковъ» на Діонисія, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи. Г. Смирновъ думаетъ, что Авраамій былъ сосланъ на Соловки за оклеветаніе Діонисія предъ патріархомъ вмѣстѣ съ калугеромъ Рафаиломъ. Дѣло было такъ. Однажды въ Троицкій монастырь былъ присланъ подъ началъ закованнымъ калугеръ Рафаилъ. Желая избѣжать цѣпей, Рафаилъ объявилъ за собою преп. Діонисію «царево слово», зная, что патріархъ по наносу совладѣющихъ гнѣвенъ на архимандрита. Діонисій написалъ о Рафаилѣ царю и патріарху, послѣ чего немедленно Рафаилъ съ Діонисіемъ были вызваны въ Москву. Здѣсь Діонисій былъ оклеветанъ въ такихъ беззаконіяхъ, что о нихъ и слышать никто не хотѣлъ, потому что праведная жизнь его была извѣстна. За такой ложный доносъ «клеветницы пріяша мзду своего беззаконія—посылаются въ заточеніе», а Діонисій

---

[1]) Извѣстно, что г. Кедровъ на основаніи иныхъ соображеній пришелъ къ совершенно иному и выводу, именно, что Авраамій и Діонисій были въ весьма близкихъ и искреннихъ отношеніяхъ. Онъ говоритъ даже такимъ образомъ: Діонисій и Авраамій—это были «два родные брата—патріоты» древней Руси нач. XVII в. Но что то ужъ очень мало похожи другъ на друга эти два родные брата! Соображенія г. Кедрова въ пользу близости отношеній Діонисія и Авраамія вовсе не убѣдительны. Главное изъ нихъ то, что авторъ утѣшительнаго письма къ Діонисію былъ Авраамій. Мы разобрали его выше и нашли, что удобнѣе признать авторомъ письма Насѣдку. Между прочимъ, г. Кедровъ вовсе не постарался ничѣмъ объяснить, почему Симонъ и Насѣдка совершенно проходятъ молчаніемъ отношенія Діонисія и Авраамія.

былъ отпущенъ въ монастырь. Среди клеветниковъ, думаетъ г. Смирновъ, сосланъ былъ и Авраамій Палицынъ. Основаніе у него къ этому заключенію слѣдующее. Симонъ разсказываетъ о двухъ случаяхъ заточеній или ссылки клеветниковъ на Діонисія. Въ первый разъ онъ говоритъ о заточеніи клеветниковъ, клеветавшихъ на него по дѣлу исправленія книгъ, а второй — по дѣлу Рафаила. «Нельзя предположить, говоритъ г. Смирновъ, чтобы Авраамій Палицынъ, какъ думаютъ, первый подавшій мысль о книжномъ исправленіи, былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ и поплатился за это ссылкою», а потому если онъ сосланъ, то вѣроятно, какъ участникъ въ навѣтахъ калугера Рафаила на архимандрита». «Если писатель житія Діонисія, продолжаетъ г. Смирновъ, строго держится хронологическаго порядка въ разсказахъ объ искушеніяхъ преподобнаго, то именно къ этой исторіи нужно привязать и имя Палицына. Послѣ разсказа о ссылкѣ монаховъ, обличавшихъ преподобнаго въ ереси по дѣлу объ исправленіи книгъ, онъ переходитъ къ исторіи Рафаила.... Эта клевета и вызовъ Діонисія въ Москву должны были быть въ 1619—1620 году, а Авраамій Палицынъ въ 1621 г. уже является на Соловкахъ. Можно предположить поэтому, что одинъ изъ властолюбцевъ, совладѣющихъ архимандриту и сосланныхъ, былъ Палицынъ!» [1]) Предполагать, конечно, можно, но основанія для такого предположенія фиктивны. И во первыхъ, если Симонъ не упоминаетъ, кромѣ двухъ, о другихъ случаяхъ ссылки монаховъ изъ Троицкаго монастыря, то значитъ ли это, что такихъ случаевъ больше и не было?! Симону, какъ автору житія Діонисія, было необходимо упомянуть только о судьбѣ людей, которые или были особенно близки къ Діонисію, или же причиняли ему большія непріятности, но упоминать о ссылкѣ такихъ лицъ, преступленіе которыхъ не имѣло прямаго отношенія къ личности преподобнаго, ему, конечно, не было нужды. Во 2-хъ, почему клеветы Рафаила должны пасть именно на 1619—1620 годы — на время увольненія Палицына изъ мона-

---

[1]) А. *Смирновъ*. Патр. Филаретъ Никитичъ, ч. II, стр. 202—203.

стыря? [1]) Если у Симона разсказъ о Рафаиловыхъ клеветахъ помѣщенъ послѣ исторіи исправленія книгъ, то это можетъ значить только, что случилось то *послѣ* освобожденія Діонисія изъ заключенія, а когда именно—въ 1619—1620 или въ 1621-1622—на это нѣтъ ни малѣйшихъ указаній ни въ разсказѣ, ни въ другихъ мѣстахъ.

Если въ обращеніи съ грубыми и дерзкими изъ монаховъ Діонисій умѣлъ вести себя сдержанно и кротко и на дерзости ихъ отвѣчалъ нерѣдко удивительнымъ смиреніемъ, то тѣмъ болѣе въ обыкновенныхъ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ онъ былъ мягкимъ и гуманнымъ начальникомъ. Симонъ сохранилъ намъ одну частную черту начальническихъ отношеній Діонисія къ братіи, которая прекрасно характеризуетъ его, какъ настоятеля. Когда Діонисію нужно было сдѣлать какое-либо распоряженіе, приказать кому-либо изъ братіи исполнить какое-ниб. дѣло, то онъ имѣлъ обыкновеніе выражать это въ самой гуманной формѣ. «Если хочешь, обыкновенно говорилъ онъ брату, сдѣлай то-то.» Вспоминая то время, когда Діонисій былъ настоятелемъ, мы съ трудомъ узнаемъ въ немъ архимандрита или игумена монастыря: тогдашніе настоятели въ обращеніи съ простыми монахами были большею частію рѣзки, крикливы, а нерѣдко и грубы. И это, пожалуй, иначе не могло быть, потому что и сами монахи были въ большинствѣ случаевъ грубы и безнравственны, а потому они вовсе не могли понимать гуманныхъ отношеній къ себѣ. Съ такимъ именно непониманіемъ и встрѣтилась гуманность Діонисія. Получая отъ Діонисія приказаніе въ вышеуказанной формѣ, Троицкіе монахи не считали нужнымъ исполнять ихъ; они послѣ такого приказанія преспокойно уходили въ свою келью, убѣжденные, что они вовсе ничего не обязаны дѣлать; они привыкли слышать рѣзкое повелѣніе, крикливое приказаніе, а не тихое и гуманное распоряженіе начальника, а потому послѣднему не придавали никакого значенія. Поэтому Діонисію весьма часто прихо-

[1]) На это время, какъ намъ несомнѣнно извѣстно, падаетъ дѣло казначея Іосифа Панина.

дилось повторять свои распоряженія и уже въ формѣ болѣе строгой; въ такомъ случаѣ онъ говорилъ: «время настоитъ, брате, повелѣнное содѣяти, иди сотвори.» Низкое нравственное состояніе монаховъ было причиною того, что не смотря на снисходительное вообще отношеніе къ братіи, Діонисій былъ вынуждаемъ иногда прибѣгать и къ мѣрамъ карательнымъ. — Стоитъ немного присмотрѣться къ разнымъ древнимъ свидѣтельствамъ, чтобы убѣдиться, что тогдашніе монахи были таковыми больше только по имени. Богатства монастырей давали имъ возможность вести жизнь широкую: монастыри стали привлекать къ себѣ людей, желавшихъ покою или же хотѣвшихъ сладко поѣсть и попить. Это высказано царемъ Иваномъ на Стоглавомъ соборѣ. Въ 8-мъ вопросѣ онъ говорилъ собору: «въ монастырѣхъ чернецы и попы нѣцыи стригутся спасенія ради души своея, нѣцыи же отъ нихъ стригутся покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничати и по селамъ ѣздити, и для проклады» (см. Стоглавъ вопр. 8 и гл. 49). Пьянство и развратъ не были рѣдкими явленіями по монастырямъ. Тотъ же царь и на томъ же соборѣ докладывалъ, что «въ мужскихъ монастыряхъ живутъ мужи съ женами, а въ иномъ монастырѣ даже монахи и монахини вмѣстѣ» (гл. 32). Бывшій при Ѳедорѣ Ивановичѣ соборъ постановилъ: «изъ монастыря монаховъ не выпускать, а которые чернецы по монастырямъ не живутъ и безчинствуютъ по Москвѣ и въ городахъ, ходятъ по кабакамъ и корчмамъ и мірскимъ домамъ, упиваются до-пьяна и валаются по улицамъ, на такихъ безчинниковъ Троицко-Сергіева монастыря власти должны возобновить бывшій Пятницкій монастырь, огородить его высокимъ стоячимъ тыномъ...., въ этотъ монастырь безчинниковъ сослать». Вѣроятно, конечно, что въ Троицкомъ монастырѣ безчинствъ и безобразій было меньше, чѣмъ въ другихъ мелкихъ монастыряхъ, но и здѣсь, надо думать, были тогда «кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ остальные только по одеждѣ монахами», какъ о томъ выражается Иванъ Грозный въ одномъ изъ своихъ писемъ, въ которомъ онъ еще прибавляетъ, что у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ благочестіе изсякло. Стоитъ здѣсь вспомнить случай, быв-

шій въ Троицкомъ монастырѣ въ архимандритство Діонисія, чтобы понять,—на что были способны тогда нѣкоторые изъ Троицкихъ монаховъ. Разъ мимо монастыря проѣзжалъ дворянинъ Семенъ Зиновьевъ. Онъ пришелъ къ архимандриту и сталъ просить его отпустить къ нему на подворье одного знакомаго ему монаха, по имени Антонія Корсакова. Но архимандритъ отказался исполнить просьбу, зная, что монахъ этотъ недобраго поведенія. Тогда дворянинъ Зиновьевъ и монахъ Корсаковъ, сговорившись между собою, оба пришли къ архимандриту и стали снова просить его объ отпускѣ, представляя, что имъ нужно проститься съ однимъ знакомымъ мертвецемъ, котораго провозили мимо: мертвецъ этотъ, говорили они, «намъ есть свой». Послѣ этого Діонисій, сдѣлавъ отеческое внушеніе монаху, отпустилъ его съ дворяниномъ. Уходя, они радовались и смѣялись, что такъ удачно обманули и перехитрили архимандрита,—и потомъ на просторѣ предались разгулу. Напившись скоро до-пьяна, они въ такомъ состояніи, неизвѣстно по какому поводу, убили монастырскаго слугу Томила Яганова. И такъ, пьяный Троицкій старецъ былъ убійцей. Пусть это былъ единственный и исключительный случай, но самая возможность такого «невозможнаго для монаха» факта заставляла Діонисія быть возможно-строгимъ въ отношеніяхъ къ провинившимся изъ братіи, и потому-то онъ, по выраженію Симона, «содѣвающихъ нѣкая непристойная немедленъ бысть наказывать», хотя съ другой стороны лишь только усматривалъ искреннее раскаяніе, всегда готовъ былъ прощать и миловать. Находились поэтому и такія лица изъ братіи (и ихъ было немало), которыя искренно любили и уважали Діонисія, хотя большинство-то и не понимало его, а «совладѣющіи», прямо ненавидѣли. Извѣстно, что въ кельи у Діонисія пережило 8 человѣкъ въ продолженіе его архимандритства,—и изъ нихъ особенно глубокими почитателями его были Дороѳей и Симонъ. Такія лица утѣшали Діонисія и нравственно ободряли среди многихъ непріятностей. О Дорофеѣ самъ Діонисій съ удовольствіемъ вспоминалъ и разсказывалъ, какъ этотъ подвижникъ «келейное правило содержаше свыше человѣческія силы», какъ, за-

тѣмъ, каждый день прочитывалъ всю Псалтирь и клалъ по тысячѣ поклоновъ, кромѣ общаго правила, и не смотря на то успѣвалъ еще писать книги. Разсказывалъ архимандритъ и о томъ, что Дороѳей спалъ всегда сидя, а пищею его былъ одинъ кусокъ хлѣба и ложка воды,—и что онъ (Діонисій) нерѣдко убѣждалъ его побольше подкрѣпляться пищею. А то вотъ еще какой случай изъ жизни Дороѳея записалъ Симомъ со словъ Діонисія. Однажды нужно было Діонисію съѣздить въ Москву. Прощаясь съ келейною братіею, онъ благословилъ ее; подошелъ къ благословенію и Дороѳей въ то время тяжко больной: «время мое приходитъ, говорилъ Дороѳей Діонисію, и смерть приближается, о единомъ скорбитъ ми сердце, что отъѣзжаеши отсюду и отъ твоея преподобныя руки погребенія не сподоблюся». Діонисій, шутя и улыбаясь, отвѣтилъ на это: «до моего прибытія будь живъ и не дозволяй себѣ умереть, а когда я пріѣду, тогда ты умрешь и я погребу тебя». Сказанное Діонисіемъ только ради утѣшенія Дороѳея точно исполнилось. Пріѣхавшаго изъ Москвы Діонисія встрѣтилъ хотя и совершенно немощной, но все еще живой Дороѳей. Діонисій благословилъ его и пошелъ служить въ церковь молебенъ, но въ началѣ службы ему принесли вѣсть, что Дороѳей умеръ. Искренно поскорбѣвъ о своемъ добромъ ученикѣ, Діонисій торжественно похоронилъ его.

Заботы Діонисія о благочинномъ поведеніи монаховъ простирались, конечно, и на приписныя монастыри. Такъ, напр., мы знаемъ, что у него не мало было хлопотъ о прекращеніи пьянства въ Стромынскомъ монастырѣ. Грамотою Михаила Ѳедоровича отъ 1617 года монастыръ этотъ былъ переданъ въ вѣдѣніе Троицкаго монастыря, вслѣдствіе чего Троицкія власти въ Стромынскомъ монастырѣ и «церкви святили и всякое церковное строеніе починили и кельи новыя поставили и мельницу подѣлали и всякое монастырское строеніе строили» [1]). Оказалось, что крестьяне этого монастыря стали держать у себя корчмы, а монахи, поку-

[1]) Лавр. Вотч. Арх,.—№ 530 по Москвѣ и у. №№ 226 и 227.

пая у нихъ водку, стали предаваться пьянству. Особенно же пьянствовали тогда тамъ одинъ іеромонахъ Авраамій и старецъ Іосифъ со служками. Діонисій старался сначала пресѣчь зло своими мѣрами; такъ онъ запрещалъ крестьянамъ держать корчмы, а монаховъ смирялъ «монастырскимъ смиреніемъ». Но такъ какъ этимъ онъ ничего не могъ достичь, то принужденъ былъ обратиться съ жалобой на Стромынскій монастырь къ патріарху Филарету. «И нынѣ, государь, того Стромынскаго монастыря крестьяне, писалъ онъ Филарету въ 1621 или 22 году, хотя быти по прежнему, насъ ни въ чемъ не слушаютъ, великій государь, святѣйшій Филаретъ, патріархъ Московскій..... вели о томъ свой государевъ святительскій указъ учинити» [1]). На эту челобитную Діонисія послѣдовало отъ царя и патріарха распоряженіе, которымъ повелѣвалось «Стромынскому монастырю и впредь быти подъ паствою и послушаніемъ Троицкаго Сергіева монастыря и вѣдаетъ его во всемъ большой монастырь» [2]). Скоро послѣ этого прислана была къ архимандриту Діонисію повинная крестьянъ Стромынскаго монастыря; они просили у него прощенія себѣ. «Виноваты, государи, писали они Діонисію и казначею Спиридону, предъ Богомъ и предъ вами..... что хотѣли ся отъ васъ, государей, отложитися и жити особнекомъ, послушали, государи, людей стороны; смилуйтеся, государи, пожалуйте насъ, сиротъ своихъ, простите, а впредь мы, государи, таковы не будемъ; государи смилуйтеся». Къ повинной этой подписался и «черной попъ Авраамей» [3]).

Изъ той же заботливости Діонисія о нравственности подчиненной ему братіи вытекло слѣдующее распоряженіе его. При монастырѣ въ прежнее время былъ многочисленный штатъ такъ называемыхъ монастырскихъ слугъ и служебниковъ. Нужно замѣтить, что слуги того времени были не то, что нынѣшніе служителя, обязанности которыхъ слишкомъ ограниченны. Прежніе монастырскіе слуги нерѣдко отправляли канцелярскія обязанно-

---

[1]) Лавр. Вотх. Арх.—№ 530 по Москвѣ № 227.

[2]) Ibid.

[3]) Лавр. Вотч. Арх. № 530—по Москвѣ № 228.

сти. Извѣстно, напр., что послѣ осады, т. е. въ архимандритство Діонисія, монастырь сталъ посылать въ Москву «для стряпни» одного изъ лучшихъ своихъ слугъ; до осады же эту хлопотливую должность стряпчаго отправлялъ келарь, а въ отсутствіе его строитель Троицкаго Богоявленскаго монастыря. Отсюда уже можно понять, что прежній слуга не имѣетъ ничего общаго съ нынѣшнимъ служителемъ. Но тогда еще были «служебники»;—это были, дѣйствительно люди, занимавшіеся болѣе черными работами, они были поворами, конюхами, кузнецами и т. п. [1]) Чтобы судить о многочисленности штата слугъ и служебниковъ монастырскихъ, стоитъ вспомнить, что только изъ выздоровѣвшихъ послѣ Московскаго погрома ихъ осталось въ монастырѣ до 500 человѣкъ. «Льготная и обезпеченная жизнь подъ кровомъ мирнаго святилища благочестія, говоритъ іером. Арсеній, [2]) не могла не привлекать въ служки какъ своихъ монастырскихъ крестьянъ, такъ и стороннихъ людей, и по своему собственному желанію». Упорядоченіе жизни этихъ людей и было новой заботой Діонисія. Дѣло въ томъ, что «по уложенію прежнихъ властей» слуги и служебники должны были вести большею частію холостую жизнь, хотя на Стоглавомъ соборѣ и было постановлено: «а слуги бы монастырскіе были женаты..... впрочемъ, оговаривается Стоглавъ, если хранятъ чистоту тѣлесную, могутъ оставаться и внѣ брака» [3]). Конечно, вынужденные неволею къ холостой жизни слуги мало заботились о воздержаніи. «Не могуще сохранить крѣпости тѣлесныя и цѣломудрія», они пускались въ развратъ. Зло это не могло проходить безслѣдно и для монаховъ монастыря: по тѣсной связи въ разныхъ жизненныхъ отношеніяхъ съ слугами послушники и монахи, естественно, при такомъ порядкѣ вещей имѣли много случаевъ провести время съ «лишними» удовольствіями.

---

[1]) См. статью «о служкахъ Троицкаго Сергіева монастыря» (Чт. общ. Ист. и др, Рос. 1867 г. 3.)

[2]) Въ той же статьѣ.

[3]) Стоглавъ, изд. Казан. стр 236.

Діонисій рѣшилъ пресѣчь зло. Посовѣтовавшись на соборѣ съ келаремъ, казначеемъ и соборными старцами, Діонисій отмѣнилъ распоряженіе прежнихъ властей о холостой жизни слугъ. Онъ предоставилъ на волю каждаго: кто можетъ жить цѣломудренно, пусть остается холостымъ, а кто хочетъ жениться, пусть женится,—заводитъ себѣ домъ и живетъ семейною приличною жизнію.

Заботясь о нравственности и благоповеденіи подчиненной братіи, самъ Діонисій всѣмъ подавалъ лучшій примѣръ христіанской и монашеской жизни, хотя о частной жизни преп. Діонисія и извѣстно очень немного. Симонъ Азарьинъ не записалъ почти ничего, напр., изъ отношеній его къ своимъ роднымъ, или изъ его будничной жизни. Такъ какъ Азарьинъ писалъ «житіе святаго», то и упомянулъ только о молитвенныхъ и вообще религіозныхъ келейныхъ подвигахъ преподобнаго. «Келія устава не иматъ», часто говаривалъ препод. Діонисій. Этимъ онъ хотѣлъ выразить, что въ кельѣ монаху можно и должно молиться всегда (не стѣсняясь правилами и уставами),—лишь только когда придетъ въ душу молитвенное настроеніе,—и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Діонисій въ кельѣ своей каждодневно, по свидѣтельству Симона, совершалъ молебновъ по 6-8 и болѣе, потомъ вычитывалъ акаѳисты Іисусу, Божіей Матери и своимъ чудотворцамъ Сергію и Никону. Кромѣ того, иногда вычитывалъ каноны нѣкоторымъ праздникамъ Господнимъ или Богородичнымъ, или же великимъ святымъ. Посвящая большую часть времени молитвѣ, онъ другую часть его употреблялъ на чтеніе священныхъ и святоотеческихъ книгъ. При жизни въ монастырѣ въ человѣкѣ съ любознательностію и стремленіями удобно развивалась тогда сильная любовь къ чтенію. Въ монастырскихъ книгохранилищахъ тогда былъ главный складъ книгъ богословскаго и религіозно—нравственнаго содержанія. Діонисій, несомнѣнно, былъ человѣкъ любознательный,—и потому съ любовію и охотою занимался чтеніемъ. Такъ какъ онъ ложился спать очень поздно (часа за три до благовѣста къ заутрени), то у него на все доставало времени. Затѣмъ изъ другихъ сторонъ частной жизни преподобнаго извѣстно, что въ обращеніи

своемъ съ келейниками и учениками, жившими съ нимъ вмѣстѣ, Діонисій былъ весьма кротокъ и гуманенъ, какъ и со всѣми монахами. Келейники и слуги, къ нему приставленные, пользовались достаточнымъ покоемъ, такъ что, какъ мы упоминали, самъ архимандритъ всегда вставалъ раньше ихъ и будилъ. Вся прислуга его пользовалась довольствомъ, какъ это видно изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго Симономъ. Однажды въ монастырѣ былъ царь въ праздникъ, когда онъ имѣлъ обыкновеніе раздавать «подачи» за столомъ властямъ. Въ архимандричьей кельѣ подачу царскую принялъ слуга Иванъ Бабарыкинъ. Соблазнившись аппетитнымъ запахомъ кушаньевъ, слуга этотъ отъ каждаго кушанья немного поѣлъ. Когда пришли къ архимандриту гости и архимандритъ приказалъ слугѣ подавать кушанья, то послѣдній не могъ разслышать распоряженій и оставался безотвѣтнымъ, такъ что архимандритъ подумалъ даже, что онъ пьянъ. Иванъ же Бабарыкинъ удивился своей глухотѣ, а потомъ скоро понялъ, что онъ наказанъ за свой обманъ. Послѣ этого ему стало совѣстно, потому что онъ вспомнилъ «нескупость и благоутробіе преподобнаго, всегда бо насыщенъ таковыми ѣствами у него со благословеніемъ его» [1]). Жившихъ въ кельѣ у Діонисія «братовъ» (т. е. келейниковъ и учениковъ) Симонъ насчитываетъ восемь человѣкъ, а самъ онъ приходится девятымъ. Изъ нихъ, кромѣ Симона, мы знаемъ извѣстнаго Дороѳея, земляка Діонисія инока Сергія, соборнаго старца Аверкія (см. книга чудесъ преп. Сергія стр. 43), а изъ слугъ Никиту Кучина, стареченина Ивана Бабарыкина [2]). Извѣстно еще, что въ кельѣ вмѣстѣ съ Діонисіемъ

---

[1]) Рук. Тр. Лавр. Биб. № 700, л. 37 об.

[2]) Сергій занесенъ въ Лавр. синодикъ (№ 41) подъ 1624 г. Нельзя не замѣтить, что за время архимандритства Діонисія въ Троицкомъ монастырѣ, какъ видно изъ синодика, жило немало лицъ изъ Старицкаго и Ржевскиго уѣздовъ; напр. подъ 137 (1629) г. записанъ родъ какого-то священника Іова *Стариченина*—родъ, состоящій изъ свящ. Сергія, свящ.-инока Германа, Екатерины и Евдокіи. Подъ 132 (1626) г. записанъ инокъ

жилъ нѣкоторое время бывшій архимандритъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря Перфилій. Если вѣрно наше предположеніе, то около него въ монастырѣ проживалъ остатки дней своихъ отецъ его, а въ Пятницкомъ дѣвичьемъ монастырѣ жила въ инокиняхъ его сестра, которую онъ самъ перевелъ сюда. Наконецъ, въ сосѣднихъ съ монастыремъ церквахъ были священники изъ родственниковъ Діонисія, каковъ Ѳеодоръ. Объединяющимъ центромъ, учителемъ и руководителемъ всѣхъ этихъ личностей былъ, конечно, Діонисій. Естественно, поэтому, думать, что Діонисію часто приходилось входить въ разныя отношенія съ ними и нерѣдко онъ являлся или утѣшителемъ ихъ, или помощникомъ и ходатаемъ за нихъ и под. Если вообще, какъ то отмѣчаетъ Симонъ, Діонисій постоянно заботился о нуждавшихся и несчастныхъ, то тѣмъ болѣе онъ не могъ оставить безъ помощи своихъ близкихъ, лишь только помощь эта оказывалась нужною [1]).

Ѳеодосій *Зобниновскій*—старичанинъ; это, думаемъ, одно лице съ отцемъ Діонисія; здѣсь онъ записанъ вторично. Видно, что жители Старицы и Ржева съ охотою переселялись къ своему знаменитому и благодѣтельному земляку,—и находили у него радушный пріемъ.

[1]) Говоря о частныхъ, такъ сказать, внѣдолжностныхъ отношеніяхъ преп. Діонисія къ разнымъ лицамъ, необходимо замѣтить, что, кромѣ круга лицъ родственныхъ и близкихъ, ему приходилось имѣть таковыя съ многими вельможами, князьями и боярами. Симонъ Азарьинъ въ двухъ мѣстахъ отмѣчаетъ характеръ этихъ отношеній—въ одномъ говоритъ, что Діонисій „благочестивыми вельможами зѣло любимъ былъ безлобія и благонравія ради своего“ (Жит. стр. 28), а въ другомъ,—что „вси любяху его отъ благородныхъ князей и вельможъ“ (стр. 30). Несомнѣнно, что эта сторона жизни преподобнаго явилась-бы одною изъ знаменательныхъ и интересныхъ страницъ его жизнеописанія, если-бы она могла быть возстановлена. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія относительно этого предмета крайне скудны. Съ несомнѣнностію мы можемъ сказать, что Діонисія любили и уважали князь Д. Т. Трубецкой, кн. Д. М. Пожарскій, Прокопій Ляпуновъ, котораго Діонисій, вѣроятно и погребалъ, кн. Алексѣй Воротынскій и нѣкоторые др. Просматривая списокъ надгробій Троицкаго монастыря, мы видимъ, что за время архимандритства Діонисія—въ монастырѣ погребено очень много знатныхъ лицъ. Обстоятельство очень важное въ исторіи монастыря. А такъ

Въ заключеніе нашего изслѣдованія о Діонисіи скажемъ о томъ, чѣмъ неизбѣжно кончается всякая человѣческая жизнь—о смерти его.—Тревожная и многострадальная жизнь съ одной стороны и келейные подвиги съ другой сломили наконецъ нѣкогда крѣпкое и цвѣтущее здоровье преп. Діонисія. Къ концу своей жизни онъ ослабъ и сталъ болѣть, однако до послѣдняго дня не хотѣлъ оставлять заведеннаго порядка въ отправленіи церковной службы. Наканунѣ смерти онъ самъ служилъ литургію,—и даже въ самый день ея ходилъ къ утрени и обѣднѣ. Но вотъ заблаговѣстили къ вечернѣ, и преп. Діонисій, по обычаю всталъ, надѣлъ на себя клобукъ и мантію и хотѣлъ идти къ службѣ. Но братія, замѣтивши крайнюю слабость архимандрита, отъ которой даже выступилъ у него на лицѣ потъ, начала убѣждать его остаться въ кельѣ. Тутъ скоро и самъ Діонисій почувствовалъ совершенное изнеможеніе своихъ силъ и остался въ кельѣ. Чувствуя близость смерти, онъ пожелалъ принять схиму, однако желаніе его не было вдругъ исполнено: безъ спроса патр. Филарета боялись облечь его въ схиму—опасались, конечно, гнѣва патріарха. Видно, что постоянныя клеветы и доносы на преподобнаго

какъ многіе изъ погребенныхъ князей и бояръ называются иноками и даже схимниками, то вѣроятно, что они въ званіи иноковъ жили въ томъ же Троицкомъ монастырѣ, въ которомъ и погребены. Упомянемъ, напр., схимника Мисаила изъ рода Нагихъ, инока Мисаила изъ рода Кашиныхъ-Оболенскихъ, инока Іону изъ рода Чемодановыхъ, иноковъ Вассіана и Ѳеодосія изъ рода князей Куракиныхъ, инока Гермогена изъ рода Шаховскихъ и др. (См. списокъ надгробій—въ прил. къ ист. опис. Тр. Лавры стр. 79—101). Со всѣми этими лицами Діонисію, несомнѣнно, приходилось входить въ самыя разнообразныя отношенія. Впрочемъ, что касается иноковъ изъ знатныхъ родовъ, то врядъ-ли они были расположены къ Діонисію; вѣроятнѣе, что они были на сторонѣ «совладѣющихъ» преподобнаго, т. е. на сторонѣ лицъ нерасположенныхъ къ Діонисію, потому что «совладѣющіи», т. е. келари, казначеи и т. д. также, большею частію, происходили изъ дворянскихъ фамилій, а потому, конечно, удобно могли привлечь иноковъ—дворянъ на свою сторону.—Замѣтимъ здѣсь, между прочимъ, что на долю преп. Діонисія выпало погребать и несчастную Ксенію Годунову—въ инокиняхъ Ольгу—въ 1622 году.

надолго оставили память въ подозрительномъ и осторожномъ патріархѣ,—и потому-то Троицкіе иноки поопасились гнѣва его за облеченіе въ схиму Діонисія. Скоро посылаютъ къ патріарху пословъ съ докладомъ о желаніи Діонисія схимиться. Но между тѣмъ Діонисій окончательно изнемогалъ и все неотступно просилъ схимы. Тогда іеромонахи и іеродіаконы, тутъ присутствовавшіе, не дожидаясь разрѣшенія Филарета, рѣшились приступить къ схимленію Діонисія. Во время обряда изнемогавшій Діонисій едва держался на ногахъ, а къ концу его, когда еще не дочитано было нѣсколько молитвъ, онъ уже сѣлъ на свою постель. Потомъ, благословляя братію, онъ легъ и тихо умеръ. Смерть не исказила его красиваго и представительнаго лица: на устахъ его осталась таже добрая улыбка, съ какой онъ имѣлъ обыкновеніе обращаться къ братіи, когда поучалъ и наставлялъ ее. Добродушіе и кротость—основныя черты его характера теперь отразились и какъ-бы застыли на его лицѣ. Поэтому тутъ же нѣкоторые иконописцы пожелали списать съ него портретъ, чтобы «таковый блаженный мужъ у всѣхъ въ памяти вѣчно пребывалъ.» По описанію Симона, Діонисій «браду долгу имѣлъ и широку, досязающу до пупа, и власы брады его русы бяху, очи ему веселы.» [1]) Въ «Иконописномъ же подлинникѣ» подъ 10 мая записано о Діонисіи: «подобіемъ мало надсѣдъ, брада аки Власіева, гораздо шире: ризы архимандрическія и въ шапкѣ; нѣцыи пишутъ ризы преподобническія и въ схимѣ.» [2]) Нынѣ въ архимандричьихъ кельяхъ хранится древній портретъ преп. Діонисія съ надписью: образъ св. Діонисія архимандрита Троицкаго. [3])

---

[1]) Жит. преп. Діонисія стр. 32.

[2]) Филимоновъ, стр. 54 (Цит. по «Исторіи русской агіографіи» Барсукова).

[3]) А. В. *Горскій*. Истор. Опис. Троиц. Лавры стр. 31. Портретъ Діонисія, имѣющійся въ залѣ Румянцевскаго Музея, намъ показался вовсе неправильнымъ. Ни во внѣшнихъ чертахъ, ни въ выраженіи лица не видѣнъ архим. Діонисій. Какая-то апатія и презрительность замѣчается въ чертахъ лица на этомъ портретѣ. Но не таковъ, конечно, былъ Діонисій. Очень древняя икона преп. Діонисія, написанная, по преданію, вскорѣ

Узнавъ о смерти Діонисія, патр. Филаретъ пожелалъ почтить знаменитаго человѣка и для этого повелѣлъ привезти тѣло его въ Москву, гдѣ оно было поставлено въ Богоявленской церкви за Ветошнымъ рядомъ. Патріархъ самъ совершилъ обрядъ погребенія преподобнаго въ Троицкомъ Богоявленскомъ монастырѣ и затѣмъ отпустилъ тѣло опять въ Лавру, гдѣ оно и было предано землѣ въ югозападномъ притворѣ Троицкаго собора. Тутъ, по преданію, преп. Сергій удостоился посѣщенія Божіей Матери съ двумя апостолами,—и раньше тутъ были погребены митрополитъ Іоасафъ († 1555) и архіепископъ Новгородскій Серапіонъ († 1516). Стараніями митроп. Московскаго Платона надъ мощами архіеп. Серапіона, митр. Іоасафа и архим. Діонисія была построена новая палатка [1]).

По указанію Симона, смерть преп. Діонисія послѣдовала вечеромъ 10 мая 1633 года. День смерти у Симона указанъ совершенно вѣрно, хотя въ ногахъ у гробницы преп. Діонисія и есть надпись, показывающая другое число. Тутъ читаемъ: «лѣта отъ сотворенія міра 7141, отъ Рождества Христова 1633, *Маія въ 12 день* преставися рабъ Божій іеромонахъ Діонисій Троицкаго Сергіева монастыря архимандритъ, былъ на архимандричествѣ

послѣ его кончины, доселѣ находится, между прочимъ, во Владимірской, что при Богодѣльнѣ, церкви г. Ржева,—въ придѣлѣ во имя св. Діонисія. Здѣсь преподобный изображенъ въ фелони, съ митрою на головѣ, предстоящимъ въ моленіи Спасу и св. Троицѣ. На выступѣ иконы, имѣется надпись: «Агіосъ архимандритъ Діонисій Троице—Сергіева монастыря». Вышина иконы 17½ дюйм. а ширина 7 д. На оборотѣ ея имѣется слѣдующая надпись: «молитца сему образу Иванъ Ивановъ сынъ Ощвусовъ» (Опис. Твер. Музея А. К. Жизневскаго № 75 стр. 55—57). Изображеніе это, по преданію, очень вѣрно; между прочимъ, оно имѣетъ сходство съ тѣмъ изображеніемъ Діонисія, которое имѣется на его гробницѣ въ Троицкой лаврѣ. Точный снимокъ со Ржевской иконы Діонисія есть въ Тверскомъ Музеѣ. При напечатанной нами брошюрѣ «Діонисій Зобниновскій» приложенъ, между прочимъ, и снимокъ съ этой иконы, воспроизведенный по снимку Тверскаго Музея.

[1]) *Снегиревъ.* Жизнь Моск. митр. Платона, ч. 1-я стр. 77.

23 лѣта и 3 мѣсяца, а отъ чудотворца Сергія по степени 45-й, а по чудотворцѣ Никонѣ 44, а по чудотворцѣ Саввѣ Сторожевскомъ 43-й.» Вѣроятно, въ этой надписи указанъ не день смерти Діонисія, а тотъ день, въ который онъ положенъ въ могилу. Число же смерти указывается вездѣ 10-е мая. Такъ, напр., въ рук. Моск. Д. Ак. № 201 есть перечисленіе русскихъ святыхъ, составленное въ концѣ XVII вѣка. Здѣсь подъ 10 числомъ мая записано «преставленіе преподобнаго отца нашего Діонисія архимарита, иже бысть въ Троицкомъ монастырѣ» (л. 316 об.). Особенно же достовѣрнымъ должно признать свидѣтельство «Краткаго Лѣтописца Троицкія Сергіевы лавры». Этотъ Краткій лѣтописецъ составляютъ приписки, сдѣланныя въ разное время разными лицами, *современно описаннымъ ими событіямъ*, на бѣлыхъ листахъ рукописи, хранящейся въ Синодальной Библіотекѣ подъ № 645. Въ немъ мы читаемъ: «7141-го, мѣсяца маіа въ 10 день, во вторый на десять часъ дни представися архимаритъ Діонисій, мужъ добродѣтельный» [1]). Такимъ образомъ, въ указаніи числа и даже часа смерти преп. Діонисія Краткій лѣтописецъ и Симонъ совершенно согласны, а потому мы признаемъ за несомнѣнное, что «добродѣтельный мужъ» Діонисій умеръ 1633 года 10 мая въ 12 часу дня, а по нашему счету въ 6-мъ часу вечера.

Память преп. Діонисія празднуется въ русской церкви мѣстно—12 мая. Но по предложенію намѣстника лавры Антонія, митр. Московскій Филаретъ установилъ празднество въ честь Діонисія въ Геѳсиманскомъ скиту 5 мая; онъ приказалъ тогда «править молебенъ по канону, приложенному къ житію его» (Діонисія) [2]). Имя Діонисія въ Геѳсиманскомъ скиту поминается на отпустѣ при Богослуженіи, подобно тому, какъ въ лаврѣ имена Сергія и Ни-

---

[1]) Лѣт. зан Арх. Ком. вып. 3-й, прил. стр. 18 и 25.

[2]) Письма митр. Филарета къ архим. Антонію № 451, ч. 2-я стр. 174. Неизвѣстно, почему авторъ „Мѣсяц. рус. святыхъ" полагаетъ, что 5 мая установлено празднество Діонисію въ память его кончины (Мѣсяц. святыхъ, вып. III, стр, 227). Мы ясно показали, что кончина Діонисія послѣдовала 10 мая.

кона. Мы не знаемъ точно, съ какого именно времени начали чтить память преп. Діонисія, какъ святаго. Вѣроятно, это произошло вскорѣ послѣ написанія Симономъ житія въ окончательной его формѣ, т. е. со внесеніемъ всѣхъ чудесъ Діонисія. Т. е. это произошло во второй половинѣ XVII вѣка. Въ святцахъ же русскихъ имя Діонисія было внесено только въ XVIII вѣкѣ [1]). Впрочемъ, въ рукописныхъ святцахъ, находящихся въ вышеупомянутой рукописи Моск. Ак. № 201 и составленныхъ, вѣроятно, Симономъ Азарьинымъ въ 1652 г. (см. л. 328 об.), имя Діонисія уже записано на ряду съ именами тѣхъ святыхъ, «которыхъ на Руси празднество сотворяютъ и которыхъ на молитву призываютъ». Извѣстный расколоучитель, діаконъ Ѳеодоръ въ словѣ отвѣтномъ собору 1666 года называетъ Діонисія уже *святымъ* [2]).

Сверхъ житія Діонисія, у Симона записано нѣсколько чудесъ, совершенныхъ преподобнымъ. Азарьинъ записывалъ чудеса Діонисія или со словъ людей, бывшихъ свидѣтелями того или другаго чуда, или съ записокъ, получаемыхъ имъ отъ этихъ лицъ. Свой взглядъ на чудеса авторъ житія Діонисія высказалъ въ слѣдующихъ словахъ. «Понеже, говоритъ онъ, Богъ не хощетъ ложными словесы прославляемъ быть, то и святымъ не угодно есть затѣйными чудесы прославляемымъ быти». Значитъ Симонъ зналъ, что во многія житія святыхъ, существовавшія въ его время, внесены «затѣйныя» и слѣд. выдуманныя чудеса; онъ же не хотѣлъ такъ поступать относительно Діонисія. Мы, конечно, не можемъ про-

---

[1]) Истор. обозр. Богослуж. книгъ стр. 44.

[2]) Мат. для ист. рус. раскола т. VI стр. 7. Канонъ преп. Діонисію при рук. М. Син. Биб. № 416—иной, чѣмъ при печатномъ изданіи житія; тропарь преп. Діонисію и молитва ему также въ указанной рукописи иныя, чѣмъ въ печати. Рукописный тропарь Діонисію слѣдующій: „Благости научився отъ Вышняго благодати, измлада подвизався благою совѣстію, Діонисіе преподобне, терпѣнія столпъ бысть, и слову Божію проповѣдникъ, благочестія догматы утвердивъ и суеумныхъ мудрованіе упразднивъ; тѣмъ же и пострадалъ еси за истину радуяся, образъ страдальцемъ собою показалъ еси, но яко имѣяй дерзновеніе ко Христу Богу, не престань моляся о всѣхъ насъ“.

вѣрить въ настоящее время достовѣрность записанныхъ Симономъ чудесъ Діонисія. Для насъ они важны больше съ той стороны, что изъ нихъ мы убѣждаемся, что имя Діонисія долго хранилось въ памяти людей очень различнаго званія и положенія. Слѣд., Діонисій оставилъ по себѣ въ современникахъ глубокое впечатлѣніе [1]).

---

[1]) Чудеса преп. Діонисія въ количествѣ 13-ти напечатаны въ приложеніи къ нашей брошюрѣ „Діонисій Зобниновскій“ стр. 53—69. Напечатаны они по рук. Троиц. Лавр. Биб. № 700.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Изъ рукописи Троиц. Лавр. Библіотеки № 700, листы: 134-142.

Списокъ съ рѣчи Троицкаго архимарита Діонисія.

Святыя соборныя апостольскія церкви чадамъ, всѣмъ православнымъ христіяномъ падъ припадая молю язъ смиренный и послѣдній въ братствѣ Діонисій отъ дому великаго Сергія чудотворца. Вѣдомо да будетъ вамъ, благочестія хранителемъ, яко повелѣніемъ самодержавнаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, священную книгу потребникъ справить повелѣно намъ неразумнымъ. Вы же, искупленніи кровію Христовою, судите се праведно—многимъ-ли свидѣтелемъ достоитъ вѣровати, или единому противъ тысящъ. О, освященніи Богомъ, рѣчь сію разумѣйте, писано во всѣхъ потребникахъ писменныхъ въ старыхъ, пачежъ харатейныхъ на крещеніе Господне въ молитвѣ: волею бо отъ небытія въ бытіе привелъ еси всяческая. И ниже написано рѣчь: Ты іерданскія воды освятиль еси, съ небесе низпославъ святый свой Духъ, и главы гнѣздящихся ту зміевъ сокруши. Ты, самъ человѣколюбче Царю, приди пришествіемъ святаго твоего Духа и освяти воду сію и дажь ей благодать избавленія Богоявленія Іерданова. Ты нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ; и во всѣхъ потребни-

кахъ старыхъ писмянныхъ, паче же харатейныхъ: Духомъ твоимъ святымъ, а огнемъ не написано, [1]) а которые переводы съ Москвы были въ тѣхъ нѣтъ же. А переводы съ Москвы отъ пречистые Богородицы изъ собора книга Кипріана митрополита, да съ патріархова двора изъ казны, да и отъ Зачатія изъ-за Солянаго ряду. А Кипріанъ митрополитъ, всѣмъ вѣдомо, яко святъ мужъ. Такожъ и въ греческихъ печатныхъ нѣтъ. А въ московскихъ служебникахъ напечатано: Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ, и того мы не вѣдаемъ, откуду напечатано и огнемъ. И мы по Евангелиста Луки слову, еже въ Евангеліи рекъ: Той вы крестить Духомъ святымъ и огнемъ, хотѣли написати, но Марко евангелистъ и Матѳей не рекъ и огнемъ, но токмо Духомъ святымъ. И мы усумнѣлися о томъ, и размысливше о словеси Господни, еже рече: азъ свидѣтельство имамъ болѣ Иваннова, азъ бо еже слышахъ отъ Отца моего, сія глаголю вамъ, и пріяхомъ слово Господне, еже къ Никодиму рече: аще не родится свыше отъ воды и Духа, не можетъ внити въ царство небесное,—и утвердихомся на семъ, зане не рекъ Господь о огни, но о водѣ и Дусѣ, и не дерзнухомъ написати въ старой макарьевской переводъ и огнемъ, понеже Лука Евангелистъ, яко же Евангелія списатель, такоже и Дѣянія святыхъ Апостолъ списатель же, сице глаголетъ въ первой главѣ: заповѣдавъ убо Іисусъ апостоломъ Духомъ святымъ отъ Іеросалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отчея, еже слышасте отъ Мене, яко Иванъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ святымъ, а не рекъ и огнемъ. И во Евангеліи Лука слово предтечево, а не Господне написалъ: Той вы креститъ Духомъ святымъ и огнемъ, въ Дѣяніяхъ же паки слово Господне рекъ, яко имате креститися Духомъ святымъ, а не огнемъ. Въ день же пятьдесятный сниде Духъ святый на апостолы и явишася имъ раздѣленніи языцы, яко огненни. Въ толковомъ же Апостолѣ о томъ же гласѣ написано: не рече бо Лука Евангелистъ яко явишася имъ

[1]) Послѣ этого по рук. Импер. Публич. Библ. прибавлено: «а у дѣла было переводовъ больше двадцати, а во всѣхъ огнемъ не написано».

раздѣленніи языцы огненніи, но яко огненни. Господь же нашъ Іисусъ Христосъ не нарекъ Духа святаго огнемъ, но воду живу; много же рекъ, пачежъ въ послѣдній великій день стояше Іисусъ и возва глаголя: аще кто жаждетъ, да грядетъ ко мнѣ и піетъ, и рѣки потекутъ отъ чрева его воды живы, текуща въ животъ вѣчный; се же рече о Дусѣ, егоже хотяху пріимати вѣрующіи въ онь, еже и бысть; егда бо взыде каженикъ отъ воды, Духъ же святый нападе на каженика, но не написано, каковымъ видомъ; такоже и въ зачалѣ 27-мъ и нападе Духъ святый на вся, слышащая слово Петрово, и крестишася во имя Іисусъ Христово, а не бысть огненнымъ видѣніемъ, якоже на апостолы. И ниже въ той же главѣ писано о Корнилии: посли во Іопію мужа и призови Петра, иже речетъ къ тебѣ глаголы, въ нихъ же спасешися ты и весь домъ твой. Егда же нача глаголати, нападе Духъ святый на нихъ, якоже и на ны; въ началѣ помянухъ же глаголъ Господень, яко же глаголаша: Иванъ убо крестилъ водою, вы же имате креститися Духомъ святымъ, а не рекъ огнемъ. И тутъ же глаголетъ: да аще убо равенъ даръ далъ имъ Богъ, якоже и намъ, вѣровавшимъ въ Господа нашего Іисуса Христа; азъ же кто бѣ силенъ возбранити Бога? Слышавше же сія, умолкоша и славяху Бога, глаголюще, убо и языкомъ Богъ покаяніе даде въ животъ. Мы же невѣждѣ суща, разсуждахомъ словеса Господня, Ивана Богослова, и Луки Евангелиста, и Петра верховнаго апостола, яко Духомъ святымъ, а не огнемъ рекли креститися. Петръ же не нарекъ Духа святаго огнемъ, но рекъ о насъ языцѣхъ, яко равенъ намъ Богъ даръ даровалъ, якоже имъ въ огненныхъ, а намъ не во огненныхъ крещеніе. И того ради вси умолкоша тогда. И въ 36 зачалѣ оправдуя языки Петръ и воставъ съ клятвою глаголетъ: мужіе братія, вы вѣсте, яко отъ дни первыхъ Богъ въ насъ избра, усты моими услышите языкомъ слово благовѣстія вѣровати, и сердцевѣдецъ Богъ свидѣтельствова имъ, давъ имъ Духъ истинный, якоже и намъ и ничтоже разсудивъ между нами же и онѣми, вѣрою очисти сердца ихъ. Смотрите прилежно о семъ, о христолюбцы, 18 зачалѣ: слышавъ же во Іерусалимѣ апостоли, яко

пріятъ Самарія слово Божіе, послаша къ нимъ Петра и Иванна, иже и шедше и помолившеся о нихъ, яко да пріимутъ Духъ святый, и возложиша на ня руцѣ и пріяша Духъ святъ. Се, праведницы, разумѣйте, яко молитвою апостольскою крещаемымъ подавашеся Духъ святый, но не во огненныхъ видѣніяхъ, якоже имъ. О томъ же свидѣтельствуется и въ 42 зачалѣ, о Ефесенехъ яко по крещеніи возложеніемъ Павла апостола рукъ пріяша Духъ святый, глаголаху же во языки и пророчествоваху. Зрите, о премудріи, что страшнѣйша сія тайны: прежде убо даръ святаго Духа пріяша апостоли во огненныхъ языцехъ, нынѣ-жъ всѣмъ языкомъ той-же даръ святаго Духа не во огненныхъ языцехъ подаютъ. Глаголетъ же Богословъ на Богоявленіе въ концѣ 1-е слово, облилая новотіянъ, иже по крещеніи падающихъ не пріимаху, но первее то и едино мняху очищенія, еже крещенія ради, по многихъ призываніи рече: тіи убо аще восхотятъ нашъ путь Христовъ, аще-ли ни, своимъ да ходятъ, ибо тамо огнемъ крестятся, конечнымъ крещеніемъ болѣзненнымъ и дальнимъ, иже поѣдаетъ, яко сѣно, подлежащая и потребляетъ всякая злобы правность, не губитъ же, ни изнуряетъ. Въ толкованіи же глаголетъ: достойныя бо святыня здѣ Христосъ Духомъ креститъ, и недостойныя же во огнь отсылаетъ, яко чужихъ во огнь отсылаетъ, огня-жъ крещенія въ суть искушенія глаголетъ, яко же рече божественный апостолъ зач. 128: коегождо дѣло, яково есть огнь искуситъ. Златоустъ же сказа глаголы Крестителя во благовѣстіи апостола Матѳея, въ бесѣдѣ 31: гдѣ нынѣ суть геенне не вѣрующе, ибо обоя положилъ есть, и яко креститъ Духомъ святымъ и якоже сожже непокоряющихся, еже глагола и огнемъ, и прочее тамо многому сказанію и наказанію да научатся хотящеи просвѣщенія своимъ невѣдѣніемъ. Козма-жъ вселеннѣй вопіетъ на Богоявленьевъ день въ канонѣ шестыя пѣсни: огнемъ креститъ конечнымъ Христосъ противныя, а не богомудрствующихъ; се, слышите, господіе, камо идетъ разумъ святыхъ. Таже глаголетъ: Духомъ обновляетъ, водою благодати, а не огнемъ разумливые. Божества его и отъ прегрѣшенія избавляетъ. Нѣцыи-же пріемлютъ слово

Кирилла Александрѣйскаго и о Евангеліи 5 недѣли Кирила мниха отъ словесъ, якоже они рекоша, яко Духъ святый—огнь есть; такожъ и Григорей Богословъ пишетъ, огнь Бога нарицая. Но не къ тому тотъ глаголъ пріидетъ. Деонисій Ареопагицкій пишетъ, много богословствуя о Бозѣ, таже се глаголетъ во второмъ словѣ: шестое существо Богъ нарицается, паче всякаго существа и паче огня, огню бо Творецъ,—и по Исаю, Богъ нашъ огнь поѣдая и есть, еже есть вещественнаго огня и невещественнаго огня потребляя, и паки глаголетъ: свѣтъ и паче свѣта, свѣту бо Творецъ; аще-ли же кто помыслилъ, яко Богъ огнь или свѣтъ, то Богъ домыслимъ и вѣдомъ и постижимъ будетъ; сіе-жъ вси богословцы не пріяша. Аще убо свѣта неприступнаго Златоустый въ словесѣхъ о непостижимѣмъ написа, его же сами херувими и серафими не могутъ зрѣти, то кому вѣдомъ живый въ свѣтѣ неприступнемъ, или что его существо, и огнь бо и свѣтъ и духъ разума и премудрости и вода жива нарицается, но и паче всѣхъ сихъ прилоговъ, отнюдь непостижимъ и недовѣдомъ. По Дамаскину-жъ, аще будетъ постижимъ Богъ, то убо не есть Богъ, зане постижимъ и вѣдомъ. И аще бы огнемъ освящатися водѣ, креститися огнемъ человѣкомъ, то-бы написали святіи отцы и въ крещеніи младенцемъ и всѣмъ человѣкомъ въ сей строкѣ: самъ убо человѣколюбче Царю пріиди нынѣ пришествіемъ святаго Твоего Духа и освяти воду сію, и аще бы по Евангельскимъ словеси, еже: Той вы креститъ Духомъ святымъ и огнемъ;—то въ крещеніи-бы въ молитвахъ никако не умолчено было. Нынѣ-же всѣмъ вѣдомо, яко во всѣхъ книгахъ—въ крещеніи младенцевъ той строки—нѣтъ, а тутъ было сходнѣе ей написано быти, но святіи отцы, истинно вѣдающе, яко крестишася апостоли единіи огнемъ отъ Бога-Отца въ день пятидесятый и кромѣ ихъ никтоже видимо огнемъ съ небеси не крестился; но и о томъ огни, сшедшемъ съ небеси, Иванъ Златоустый и иніи святіи, толкующе Дѣянія Луки списателя, написаше сице: не рече убо Лука Евангелистъ, яко явишася имъ раздѣленніи языцы огненни, но яко огненни. Страшную убо силу и недомыслимую Лука еванге-

листъ Духа святаго въ раздѣленіи огненныхъ языкъ видѣвъ, и паче огня дѣйство разумѣвъ и недомыслившеся о дарованіи Духа святаго, како нарещи, и того ради глаголетъ, яко огненніи. Отъ слова на крещеніе Господне изъ Василія: крещаемжеся и мы совершеннымъ Господнимъ крещеніемъ, еже водою и Духомъ, огнемъ-же, глаголетъ, да крещаетъ Христосъ, понеже видѣніемъ огненныхъ языкъ на святыхъ апостолъ благодать святаго Духа излія, или муки ради будущаго огня крещеніе бо огненное искушеніе знаменается, якоже глаголетъ апостолъ, яко день явитъ, понеже огнемъ открываются коегождо дѣла, которое есть, огнь искуситъ, и тутожъ осмое крещеніе послѣднее—не спасенно, но злобѣубійственно, ктому злоба и грѣхъ не живетъ, мучитъ же безконечно. Отъ сихъ убо вселеннѣй учителей научившеся, да не мудрствуемъ надъ яже подобаетъ мудрствовати, но въ церквахъ да благословимъ Бога Господа отъ источникъ Израилевыхъ, а не отствоемъ (?) у нихъ приложеній, еже и приложиша и огнемъ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ водою и Духомъ святымъ крестился, а не огнемъ; и пріемлемъ мы паки слова Ивана Крестителя, и вѣруемъ ему, якожъ Златоустъ въ Маргаритѣ о святомъ крещеніи, въ листѣ 46, въ словѣ 3 написано: Той вы креститъ Духомъ святымъ и огнемъ; Духъ огнь нарече и почто его огнь нарече? Да навыкнеши того силу о познаваемыхъ того, рече, превосходяща разумѣнія твоя и мысль преставити хочу, занеже яко огнь изнуряетъ тернія, тако и Духъ, изшедъ, потребляетъ согрѣшенія, якоже огнь рудную землю злато содѣлываетъ, сице и Духъ святый, падая въ крещеніи въ купель водную, прелюбодѣя праведника сотворяетъ, разбойника сына Божія устрояетъ, и не рцы ми, како оно, понеже и я вопрошу тя, како огнь землю пріемлетъ, и злато творитъ, и не вѣси рещи хитрости вкупѣ: работному попущаеши, и человѣколюбію-ли Владычню не пущаеши; огнь отъ земля злато творитъ и не вѣси рещи хитрости вкупѣ работному, и паки истукана оборжавѣвша разливаетъ и отираетъ и чиста содѣлываетъ; тако и Духъ святый и оглашеннаго вѣрна содѣлываетъ, и грѣшника праведника сотворяетъ. До здѣ

Златоустова и се имущимъ разумъ довольно знати слово Крестителево, еже рече: Той вы креститъ Духомъ святымъ и огнемъ [1]).

II.

Изъ рукописнаго сборника библіотеки Троице-Сергіевой Лавры № 700, листы 295—325.

Рѣчь Троицкаго старца Арсенія Глухого.

Благородному, и благочестивому, и истинному, царскому правителю и болярину государю Борису Михайловичу бьетъ челомъ нищій чернецъ Троицы живоначальные Сергіева монастыря Арсеньишко Глухой Государь, во сто двадесятъ четвертомъ году октября въ 24 день писалъ съ Москвы государевымъ словомъ Троицко-Сергіева монастыря келарь старецъ Авраамій Палицынъ въ Троицкій монастырь къ архимариту Діонисію, да казначею старцу Іосифу Панину, а велѣлъ прислати къ Москвѣ меня, нищаго чернеца для государева дѣла, что правити книга потребникъ на Москвѣ въ печатное дѣло, а попъ Иванъ Клементьевской пріѣхалъ къ Москвѣ собою, а не по грамотѣ. И какъ мы стали предъ тобою государевымъ бояриномъ, и сказалъ я, нищій чернецъ, про себя тебѣ, государеву боярину, что меня не будетъ столько, что я ни попъ, ни дьяконъ, а въ той книгѣ все потребы поповскія; а Иванъ попъ самъ на государево дѣло набился и билъ челомъ тебѣ, государеву боярину, себя для, что у него тамъ жена да дѣти, чтобы государь приказалъ правити книгу Троицкому архимандриту Діонисію въ Троицкомъ монастырѣ, а

[1]) Рѣчь Діонисія, какъ видно изъ описанія рук. Имп. пуб. библіот. *Бычкова*, оканчивается слѣдующими словами: „боятижеся достоитъ сего, дабы первое отъ святыхъ отецъ не разликовати, второе, дабы съ латины ни въ чемъ не соединитися, третіе, еже вѣдѣніе и постиженіе Духу святому не написати“.

намъ-бы, попу Ивану да мнѣ чернцу Арсеньишку да старцу Антонію, съ архимаритомъ же у дѣла быти, и ты, государь, по Иванову челобитью и по докукѣ велѣлъ ему дати съ дворца государеву грамоту на архимаричье имя, что правити книга въ Троицкомъ монастырѣ Троицкому архимариту Діонисію, а намъ съ архимаритомъ у дѣла быти. И по государеву приказу и по грамотѣ государевѣ пріѣхавъ въ монастырь правили книгу потребникъ, сколько нашего худого разума стало и колико Богъ наставилъ. Богъ свидѣтель, безо всякія хитрости сидѣли полтора года день и нощь; и книгу, государь, мы, прошедши съ переводы со многими спуская, привезли къ Москвѣ доложити о недоумѣнныхъ вещехъ митрополита Іоны Сарскаго и подонскаго. И прежде архимаритъ началъ докладывать, что на Богоявленіевъ день пишется въ молитвѣ надъ водою стихъ: самъ и нынѣ, Владыко, освятивъ воду сію Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ. И было государь, у насъ 12 переводовъ письменныхъ, а третьянадцатой печатной, и въ письменныхъ, государь, переводехъ въ десяти писано точію Духомъ твоимъ святымъ, а огнемъ не написано ни въ которомъ, да въ двухъ письменныхъ же — въ одномъ приписано на полѣ — и огнемъ, а въ другомъ — поверхъ строки приписано: и огнемъ же, а въ печатномъ служебникѣ рядомъ напечатано въ строкѣ: Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ, и какъ тотъ служебникъ напечатанъ, а въ немъ и огнемъ прибавлено, и тому лѣтъ съ шеснадцать, а письменные, государь, у насъ переводы были — инѣмъ лѣтъ полтораста уже минуло, какъ онѣ писаны, а инѣмъ и больши, — и въ тѣхъ переводѣхъ точію писано: Духомъ твоимъ святымъ, а огнемъ не писано. И въ греческихъ переводѣхъ у Арсенія, архіепископа Суздальскаго, четырехъ патріархъ въ четырехъ переводѣхъ не писано же и огнемъ. И то, государь, намъ въ вину поставилъ митрополитъ Іона съ московскими властями; а говорятъ: надобѣ-де и огнемъ и приводятъ въ свидѣтельство: писано-де въ Евангеліи: Той вы креститъ Духомъ святымъ и огнемъ. И тотъ, государь, слогъ съ тѣмъ слогомъ не сойдется: Евангельское бо писаніе въ повѣстномъ словѣ лежитъ, молитва-жъ въ молитвен-

номъ словѣ; въ Евангеліи убо Предтеча отъ перваго лица ко второму глаголетъ, сирѣчь отъ своего къ людемъ о третьемъ же лицѣ, сирѣчь о Христѣ сказуетъ рекъ: Той васъ креститъ Духомъ святымъ и огнемъ; въ молитвѣ жъ на Богоявленьевъ день не тако. Молитвою бо священникъ молится отъ перваго лица, сирѣчь отъ своего ко второму же, сирѣчь къ лицу Христову; тамо бо Предтеча сказуетъ хотящее быти, здѣсь же священникъ молится настоящимъ временемъ, чтобы Богъ освятилъ воду Духомъ святымъ, даровалъ ей силу цѣлебну и здравію подательну и скверныхъ чистительну; — и тому образецъ въ томъ же печатномъ служебникѣ молитва въ чину, внегда смыти мощи святыхъ, и молитва надъ кладяземъ, внегда въ онъ что впадетъ нечисто и молитва надъ новымъ кладяземъ, — и тѣ молитвы слогомъ таковы же отъ перваго лица ко второму, якоже и на Богоявленіевъ день молитва надъ водою. И въ молитвѣ стихъ; внегда смыти мощи святыхъ сице: посли намъ милость свою отъ святыхъ высотъ своихъ благодать святого Духа и освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ, а огнемъ не написано; и въ молитвѣ надъ кладеземъ стихъ: самъ, Владыко человѣколюбче, очисти воду сію знаменіемъ креста твоего отъ всякія скверны и освяти тую Духомъ твоимъ святымъ, а огнемъ не написано-жъ; и въ молитвѣ надъ новымъ кладеземъ стихъ: Господи Боже, Вседержителю, вся сотворивый и претворяй; Ты самъ освяти воду сію, а огнемъ не написано. И по ихъ разумѣнію, и въ тѣхъ молитвахъ надобетъ прибавливать и огнемъ, да и всякая вещь, егда начнетъ освящатися священническою молитвою и прилучается тѣ строки: освяти се или оно Духомъ твоимъ святымъ, ино и вездѣ имъ будетъ прибавливати и огнемъ. И въ томъ воленъ Богъ да онѣ, какъ себѣ хотятъ, тако и творятъ, хоть и пламенемъ да прибавливаютъ, да и каменемъ, нарицаетъ бо ся Христосъ и камень. Намъ же нищимъ въ той потребѣ не едино слово о крещеніи, но и о освященіи воды, крещеніе убо и освященіе точію имяна имутъ единаго роду, дѣйствомъ же не едино: егда крестятъ человѣка, погружаютъ его трижды въ водѣ, воду же святятъ, ни въ немъ ея погружаютъ, и крещеніе

единому виду, сирѣчь человѣку, освященіе же бываетъ многимъ видамъ, и крещеніе человѣка—тридневное Христово погребеніе являетъ, якоже бо Христосъ три дни и три нощи въ земномъ сердцы сотвори, тако и крещаеміи треми погруженьми и погруженми, еже во гробѣ три дни и три нощи Господняя образуютъ. Освященіе же водное сихъ ничесожъ образуетъ. И о крещеніи рече Господь къ Никодиму: аще кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ внити въ царство небесное. Златословесный же Иванъ въ воскресномъ Евангеліи, въ поученіи въ недѣлю по крещеніи, ту строку Евангельскую сказуя, глаголетъ: почто ради отъ воды и Духа, а не токмо единъ Духъ доволенъ бяше на совершеніе крещенія? Сложенъ бо есть, рече, человѣкъ отъ душа и тѣла составляемъ, а не простъ; сего ради сугубая и супружная и сурродная и приличная врачеванія на исцѣленіе пріятъ: тѣлу убо видимая вода чуственная, души же невидимой Духъ невидимый. И аще, Государь, извѣстно поволиши вѣдѣти о крещеніи, повели предъ собою почести три поученія въ воскресномъ Евангеліи въ недѣлю предъ Крещеніемъ и на самый праздникъ и въ недѣлю по Крещеніи, и явѣ тебѣ, Государю, будетъ, еже о крещеніи человѣка.—Да въ вину же намъ поставили, что мы концы морали у молитвъ. И мы, государь, морали концы у тѣхъ молитвъ, которыя молитвы писаны ко Отчу лицу, а у нихъ концы были: и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь;—и мы у таковыхъ молитвъ концы морали, а въ то мѣсто писали: и Тебѣ славу возсылаемъ со единороднымъ Ти Сыномъ и съ пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Ти Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь. И тому образецъ молитва по шестомъ часу: Боже и Господи силамъ. А которыя молитвы писаны къ Сыновню лицу, а у нихъ концы были: и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и святому Духу, и мы у таковыхъ молитвъ таковы концы морали жъ, а въ тѣхъ мѣстъ писали: и Тебѣ славу возсылаемъ съ безначальнымъ Ти Отцемъ и съ пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и тому образецъ молитва по 9 часѣ: Владыко

Господи Іисусе Христе Боже нашъ, долготерпя и о нашихъ согрѣшеніяхъ. И аще, государь, у таковыхъ молитвъ, которыя писаны ко Отчу лицу и къ Сыновню будутъ концы: и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св Духу, и по тому славленію будетъ Отецъ и Сынъ и св. Духъ—едино лице, и что будетъ сея хулы злѣйши? По священныхъ убо богословцехъ Отецъ не нарицается Сынъ и Сынъ не нарицается Отецъ, Духъ же святый ни Отецъ, ни Сынъ нарицается, но Духъ святый. И мы, государь, морали тѣ концы, понеже тѣ концы способствуютъ Савеллієвой ереси; той бо окаянный, смазуя три божественные составы единосущныя Троицы Отца и Сына и св. Духа, глаголетъ едино лице быти. А которыя, государь молитвы писаны къ лицу общаго имяни Божественнаго естества, въ нихъ же не помянуто собныхъ имянъ, сирѣчь Отечество и Сыновство, ниже дѣйство Сына Божія, еже содѣла плотію, ниже страсть, юже претерпѣ плотію нашего ради спасенія, и у тѣхъ молитвъ концы: и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь, и таковыхъ, государь, мы не заглаживали; тому образецъ молитва на вечерни: снодоби, Господи, вечеръ сей безъ грѣха, и на повечерницѣ молитва: даждь намъ, Владыко, на сонъ грядущимъ. А у каковыхъ мы, государь, молитвъ концы морали, тому образецъ есть молитва въ служебникѣ печатномъ въ Невѣжинской печати глава 10 и 3 молитвы на пасху къ Сыновню лицу, концы у нихъ не добры; глава 13—молитва надъ гроздіемъ всякаго плода ко Отчу лицу, а въ ней и въ срединѣ не добро, а конецъ не добръ же; глава 14—молитва на очищеніе церкви, егда песъ вскочитъ въ церковь, да глава 15 молитва на очищеніе жъ церкви, осквернившейся отъ язычникъ, или отъ еретикъ,—тѣ молитвы къ Сыновню лицу обѣ, а возгласы у нихъ у обѣихъ не добры. Суть же и ины молитвы въ томъ же служебникѣ печатномъ и во Псалтырѣ печатной концы у нихъ не добры, смѣшены: овогда убо славится Сынъ Отцемъ, овогда же Отецъ Сыномъ и Духомъ святымъ;—и се есть чуже правой вѣрѣ, Отецъ бо не бываетъ никогда Сыномъ, ни Сынъ Отцемъ, ниже Духомъ святымъ, единство

бо есть Троица естествомъ, а не лицы. Есть, государь, Борисъ Михайловичъ, иные и таковы, которые на насъ ересь взлекли, едва и азбукѣ умѣютъ, а то вѣдаю, что не знаютъ кои въ азбуцѣ писмена гласныя и согласныя и двоегласныя, а еже осмь частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа и времена и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на разумъ всхаживало; священная жъ философія и въ рукахъ не бывала, ся же кто во искусѣ не бывъ, удобь можетъ погрѣшити не точію въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлахъ, аще и естествомъ остроуменъ будетъ. Обычай, государь нѣкимъ симъ во искусѣ не бывшимъ не точію на едину строку зря, но на едину токмо рѣчь смотря, и разсуждати се есть тако, обрѣтаетъ же ся то всяко не тако; аще бо отъ лица человѣча отъимется око или ухо, неблагообразно будетъ, сице и единѣмъ реченіемъ разсуждати вся глаголемая, яко же слышалъ есмь господій своихъ разумъ въ самой той молитвѣ на Богоявленьевѣ дни надъ водою, имущей начало сице: Господи Іисусе Христе, единородный Сыне, и многимъ стихомъ послѣдующимъ ко Христову лицу до того самого стиха — Самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ — и ту строку разсуждающеи рече: самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію, полагаютъ въ Отчее лице, а еже Духомъ Твоимъ святымъ, и отъ того реченія не хотятъ Духа Христова нарицати, глаголюще: отъ Отца Духъ святый исходитъ; и мы убо такожъ славимъ отъ Отца Духъ исходитъ и Христовъ Духъ нарицаемъ, послѣдующе Павла апостола реченію: аще кто Духа Христова не имать сей нѣсть еговъ, въ писаніяхъ вѣмы Христа, рекша ко ученикомъ: сѣдите во Іерусалимѣ, азъ же яко себе параклита иного, Духа моего и Отча послю. И Василій Великій своею молитвою, яже по 9 часѣ по вся дни кричитъ (?) Духъ Христовъ нарицая; къ тому-жъ и вся святая списанія Духъ Сыновнь нарицаютъ;—и отъ того стиха, иже речеся: самъ, Владыко, воротятъ (sic) прочае молитвы на Отчее лице; и се нѣсть добре разсужденіе ихъ, понеже и до конца молитва та къ лицу Сына Божія, и самый той конецъ свидѣтельствуетъ тоя молитвы въ старыхъ переводехъ,

сице бо есть: яко и всѣми составми ангельскими и человѣческими, видимыми и невидимыми Твое славится пресвятое имя со Отцемъ и святымъ Духомъ. А въ печатномъ служебникѣ конецъ у тоя молитвы: Твое славится пресвятое имя Отца и Сына и святаго Духа, и тутъ убо смѣшено: Христа Отцемъ наречетъ и святымъ Духомъ, къ тому-жъ и на трое раздѣлена, указы и червленными писмяными, а не якоже въ старыхъ переводехъ; и иже убо речеся въ молитвѣ—Самъ, Владыко, и Владыко убо обще Божественному естеству, глаголетъ бо ся Владыка и Отецъ и Сынъ и святый Духъ, Божество бо и царство и владычество обще Отцу и Сыну и св. Духу, а тотъ глаголъ, иже написалъ самъ по грамотикійскихъ уставахъ тако-жъ общъ ко всѣмъ тремъ лицамъ, якоже писано въ грамотикіи въ третьей части вѣщанія, по гречески же въ пятой, въ мѣсто имени въ начертаніи простомъ и сложномъ, и простое убо, яко азъ, сложное: ты самъ, якоже и азъ самъ, той самъ или онъ самъ, во множественномъ же числѣ начертаніе сложное: вы сами, мы сами, тіи сами или онѣ сами. А еже въ печатномъ и огнемъ написано, и сіе реченіе полагаютъ во образъ Сыновняй Ипостаси, и се разсужденіе ихъ, мню, паки неправо, и гдѣ ни обрящутъ въ стихерахъ и тропарехъ, еже нарицаютъ списатели огнемъ Христа, и отъ сихъ реченій творческихъ глаголютъ Божіе естество быти огня невещественна, и въ томъ воля имъ, какъ хотятъ, такъ и глаголютъ. Божіе бо естество ни тому самому ангельскому естеству вѣдомо, ничій же умъ того можетъ разумѣть, безъ каковства-же и безъ качества и безъ количества, якоже богословцы глаголютъ: аще убо будетъ Богъ—огнь вещественъ, се есть ему каковство и качество. Видѣлъ своихъ господій разумъ, богословная смотряютъ, естествословныхъ не навыкше; ниже посредѣ тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ что суть, что бо ино; тако неблаго, еже писати и глаголати начало молитвы: Господи Іисусе Христе Боже нашъ и по многомъ реченіи молитвы къ лицу Сына Божія, конецъ: и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу, а индѣ и того хуже конецъ: яко Ты еси воскресеніе и животъ Христе

Боже нашъ и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу; якоже и Логинъ Корова во уставѣ напечаталъ молитву, юже глаголемъ, внегда бываетъ празднество духовно и торжество молебно, воставше отъ трапезы по обычныхъ благодареніихъ и тропарехъ и кондакахъ праздникомъ, о царскомъ здравіи, та бо молитва къ лицу Сына Божія и начало убо у ней сице: Владыко многомилостиве, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, конецъ же у тоя молитвы Логинъ испортилъ—напечаталъ сице: Ты бо еси Царь царствующихъ и Спасъ душамъ нашимъ и источникъ всякоя благодати, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу; а другую молитву напечаталъ въ панихидѣ: Боже духовомъ всякой плоти, у нея же конецъ напечаталъ сице: яко Ты еси животъ и воскресеніе и покой усопшимъ рабомъ твоимъ Христе Боже нашъ и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу. Виждь, государь, сего, како безумный клеветникъ, недугаяй къ намъ братоубійственною завистію и оклеветавый насъ туне и ничтоже неблаго сотворшихъ ему, несмѣсное смѣшалъ отъ неразумія своего, тѣми молитвами нарицаетъ Христа Отцемъ и св. Духомъ. Василію Великому вѣровати лучше, во всякъ день вопіющу своею молитвою, яже по 9 часу, у нея же конецъ: Ты бо еси воистину истинное веселіе и радость любящимъ Тя, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ съ безначальнымъ Ти Отцемъ и со святымъ Духомъ, или Логину Коровѣ вѣрити, иже наречетъ своею справкою Христа Отцемъ и святымъ Духомъ. Не буди, государь, сего, ибо паче достоитъ вѣровати Василію Великому и Ивану Златоустому, иже несмѣстнаго не смѣшаютъ; достоитъ бо вѣровати во святую Троицу, славити ю раздѣльну и нераздѣльну, раздѣльну убо неизрѣченно лицы Божества, нераздѣльну же естествомъ. Еда убо таже помышляти о неуставнѣмъ и неописанномъ Божествѣ сліяніе и смѣшеніе, якоже при мокрыхъ естествіяхъ, иже по раствореніи смѣшаются, или при растаемыхъ и ліемыхъ, яже по смущенію соединяются и сливаются и въ другъ друга прелагаются; но еже славити святая Троица неразумнѣ, овогда нарицати Отца Сыномъ, овогда-жъ Сына Отцемъ и святымъ Ду-

хомъ, се есть смѣшеніе и сліяніе, и се здѣ, государь, творится отъ невѣдѣнія и отъ ненаученія, ибо инъ здѣ ниже видимыхъ лицъ же и составовъ разумѣетъ. И инъ, государь, ~~тебѣ образецъ~~ предложу о скончаніи молитвъ; есть, государь, молитва въ печатномъ служебникѣ Ивана Златоустаго по причащеніи воды Богоявленія, ейже начало: слава неизреченнѣй и неизслѣдованнѣй Ти благости, слава премногому Ти долготерпѣнію,—и въ той молитвѣ собнаго имени не помянуто, но точію разумомъ знати, что та молитва къ лицу Сына Божія и у тоя молитвы конецъ: и Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Ти Отцемъ и святымъ и благимъ и животворящимъ Ти Духомъ. Смотри, государь, како богоносніи отцы и учители, исполнь суще премудрости и разума духовнаго, съ великимъ опасеніемъ блюли, чтобъ у молитвъ концовъ не смѣшивати, сирѣчь Христа Отцемъ и св. Духомъ не нарицати, якоже у насъ въ нечатныхъ книгахъ и въ писменныхъ, иже отъ неискусныхъ писцовъ перепорчено отъ невѣдѣнія, славится овогда Отецъ Сыномъ, овогда же Сынъ Отцемъ и св. Духомъ, и се есть вельми неблагочестивно; и еще, государь, предложу тебѣ о глаголющихъ насъ, неправаго ихъ разумѣнія смышленіе. Есть, государь, ~~въ томъ же~~ нечатномъ служебникѣ молитва вторая на освященіе Богоявленскія воды: приклони, Гди, ухо твое и услыши мя, и та молитва по дѣйству къ лицу Христову, и августа въ 1 день на освященіе воды таже молитва - приклони, Гди, ухо твое и услыши мя,—а конецъ у тоя молитвы различно напечатанъ,—на Богоявленьевъ день конецъ: и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу, августа въ 1 день у той же молитвы конецъ: и Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Ти Отцемъ и съ пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Ти Духомъ. Зри, государь, сего, како у насъ славится имя пресвятыя Троицы безсловеснѣ и неразумнѣ, какъ кому на умъ взбрело, такъ концы у молитвы и совершаютъ; но и заамвонную молитву, юже глаголютъ во вся дни въ конецъ святыя литургіи, совершаютъ ю недобрѣ, та бо молитва ко Отчу лицу и явѣ есть отъ сего, зане сице слогъ ея къ концу лежитъ: всяко даяніе

благо и всякъ даръ совершенъ, свыше есть сходя отъ Тебе, Отца свѣтомъ, и Тебѣ славу и благодареніе, честь и поклоненіе возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу; достоитъ же ю сице совершати: честь и поклоненіе возсылаемъ со единороднимъ Ти Сыномъ и съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Ти Духомъ. И что мы концы у таковыхъ молитвъ перемѣнивали, и то намъ въ ересь поставили, и наше, государь, самъ ты вѣдаешь дѣло въ міръ не пошло, а дѣлали мы его не своею волею, а царскою властію; аще бы они добрѣ разумѣли и о благочестіи воистину болѣли, добрѣ бы и судили; ино наше дѣло и въ міръ не пошло, больно стало и благочестію вредно, а что въ міръ пошло, а недобро сдѣлано, то неболѣзненно. Да въ томъ же, государь, служебникѣ въ печатномъ двѣ молитвы въ литоргіи глаголются іереомъ, хотящимъ служити божественная литоргія самѣмъ за ся, и тѣ молитвы взяты изъ исповѣданія, глаголются онѣ отъ духовнаго отца по исповѣданіи сыну духовному въ разрѣшеніе ко второму лицу, а въ служебникахъ печатныхъ тѣ молитвы переведены на первое лице, на священническое, самъ себе священникъ прощаетъ тѣми молитвами, ино къ тому и дѣтемъ на смѣхъ, что и самому себя разрѣшити отъ грѣхъ, а въ старыхъ служебникахъ, въ добрыхъ переводѣхъ тѣхъ молитвъ нѣтъ, и первая молитва добра, егда отъ священника глаголется сыну духовному, понеже конецъ у ней добръ противъ начала поставленъ, а еже священнику самому себя тою молитвою разрѣшати и прощати, то новрумышленіе. Вонми же, государь, своимъ благоразсуднымъ смысломъ вторыя молитвы разума, внегда молитва глаголется отъ священника ко второму лицу, къ сыну духовному, сице глаголется: Господь премилостивый да ущедритъ тя Господь Іисусъ Христосъ, вся прошенія блага да подастъ ти; а въ печатномъ служебникѣ превратился тотъ слогъ на первое лице, на священническое — сице: Господь премилостивый, да ущедритъ мя Господь Іисусъ Христосъ, вся прошенія блага да подастъ ми. Отъ сего убо явѣ знати, что ту молитву не прямо церковный человѣкъ сложилъ, но ласкатель нѣкто и тщія славы пріобрѣтатель, понеже

конецъ у ней не добръ, Христа бо Сына Божія Отцемъ наречетъ и Духомъ святымъ; откуда она и взята, и тамо она не надобна. Есть-же, государь, и инія описи въ печатныхъ книгахъ несогласны православію. Въ треоди цвѣтной, въ среду четвертыя недѣли, въ канонѣ троиченъ въ шестой пѣсни три существа во святой Троицѣ сказуетъ, Аріевой ереси способствуетъ, и недѣли въ Синаксаряхъ вси перемѣшены не противъ синаксарей, якоже въ синаксарехъ писано въ первую недѣлю по Пасцѣ и въ седьмую недѣлю по Пасцѣ, въ пятдесятый день о седморичномъ числѣ и не противъ пасхалей и осмогласника: гдѣ надобетъ вторая недѣля по Пасцѣ, тутъ третія поставлена, и тако и до седмыя недѣли перемѣнено; а въ третьемъ гласѣ въ догматикѣ: како не дивимся богомужному Ти рождеству во всѣхъ книгахъ печатныхъ печатаютъ рѣчь множественнаго числа единственнымъ числомъ сице: въ обоемъ существъ свойство цѣло сохранна, и се есть неблагочестивно, двѣ убо во Христѣ дѣтели и двѣ хотѣній, единосущенъ бо Богу и Отцу, самовластно хочетъ и дѣяти, яко Богъ; единосущенъ же сый и намъ, самовластно хощетъ и дѣяти, яко человѣкъ, а не едино свойство во двою существу, якоже онѣ печатаютъ, и тѣмъ единѣмъ свойствомъ двѣ естествѣ во Христѣ смѣшаютъ и смущаютъ, и се есть чуже православной вѣрѣ, ибо двѣ во Христѣ естествѣ во единъ составъ совокупишася несмѣсно, не преложно, несмутно, нераздѣльно, коемуждо существу свойства цѣла сохраняюще, якоже святый Иванъ Дамаскинъ своими учитъ насъ славити догматы, ихъ же поемъ въ празднество святыя Богородицы Одигитрія. И не чудо здѣся тако плутати: едино во двою существу свойство славити, иной попъ и не знаетъ, что во Христѣ Божественная свойствія и что человѣческая, и не смѣю дерзновенно рещи, что иной архимаритъ не знаетъ. А въ 6 гласѣ во Охтай въ воскресномъ канонѣ, въ девятой пѣсни стихъ написанъ: тлю смертную пріемъ, тлѣніемъ соблюдъ тѣло свое не вкушено, и тотъ стихъ разсѣкаютъ запятою,—печатаютъ: тлю смертную пріемъ тлѣніемъ, да туто ставятъ запятую и по запятой печатаютъ: соблюдъ тѣло свое не вкушено; ино стало невѣ-

домо,—чимъ не вкушено. Да въ седьмомъ гласѣ, въ воскресномъ же канонѣ, въ первомъ тропарѣ есть рѣчь: тѣмъ же князь тьмы Тебе неудолѣвъ въ правду изгнанъ бысть, сирѣчь по своему лукавству и злобѣ, и онѣ печатаютъ: тѣмъ же князь тьмѣ, Тебе не удолѣвъ, въ неправду изгнанъ бысть. Да въ томъ же канонѣ въ осьмой пѣснѣ стихъ запятой испорченъ. емуже начало: безъ истлѣнія не сущи къ страстемъ пріятна Зиждителемъ плоть наша по страсти и по возстаніи не приступна тлѣнію устроися; и онѣ печатаютъ: безъ истлѣнія, да тутъ ставятъ запятую, и послѣ запятыя печатаютъ: не сущи къ страстемъ пріятна Зиждителемъ плоть наша. И по тому, государь, раздѣленію станетъ, что запятою раздѣлилъ: не пострадалъ Сынъ Божій плотію на крестѣ, ниже умеръ. Тля глаголется по любому въ рѣцехъ сущихъ поохудѣнію, тлѣніе же отъ сущихъ въ небытіе преложеніе. Въ нашихъ же переводахъ русскихъ сія имяна тля и тлѣніе едино знаменуютъ, не глаголомъ точію чтущему или поющему подобаетъ внимати, но разума нужда блюсти, ибо Сынъ Божій и Богъ насъ ради человѣкъ бысть, единосущенъ сый намъ и изволилъ пострадати и умрети; смерть же не вещь нѣкая, ниже существо кое, но разлученіе души отъ тѣла, се и тля нарицается. И святая плотъ Сына Божія прежде вольныя Его страсти и смерти не бѣ съ тля, бяше пріимна бо ранамъ и язвамъ и охудѣнію, отъ нихъ же смерть бываетъ человеческому естеству и симъ охудѣніемъ, еже сложенному составу раздрежиты (?) естественнаго союза, сирѣчь души отъ плоти смертію разлучитися, душа бо кромѣ тѣла не нарицается человѣкъ, ниже тѣло кромѣ душа. Сія же Христу вся претерпѣвшу, не искусно Божественнымъ существомъ, во гробѣ святое тѣло его не видя истлѣнія, но съ Божествомъ бяше, такоже и святая его животворящая душа съ Божествомъ. Видишь-ли, Государь, какія описи, аще и не писмени, но малыми начертаніи раздѣлены, велико жъ несогласіе ко истинѣ имутъ. И во второмъ гласѣ въ первомъ Богородичнѣ: преиде сѣнь законная, благодати пришедши, точками жъ разсѣчено, яко же бо купина не сгараше распаляющися, и тако и дѣвая родила есть и дѣвою пребысть, да тутъ ставятъ точку, и послѣ точки печатаютъ: вмѣсто

столпа огненнаго праведное возсія солнце, да тутъ паки точку ставятъ, и послѣ точки печатаютъ: вмѣсто Моисея Христосъ во спасеніе душамъ нашимъ. И по тому переводу станетъ невѣдомо: кто праведное солнце. Достоитъ же сія рѣчи сице печатати: яко же бо купина не сгараше распаляющись, тако и дѣвая родила есть, да туто точка поставити, и по точцѣ: и дѣва пребысть вмѣсто столпа огненнаго, да паки точка поставити,—и послѣ точки рещи: праведное возсія солнце вмѣсто Моисея Христосъ, да запятую поставити, и по запятой: во спасеніе душамъ нашимъ. Суть же и ины многи тмочисленныя описи въ точкахъ и запятыхъ и въ окончаніяхъ въ тѣхъ печатныхъ книгахъ. Аще-бы московскіе власти и честные протопопы, служаще во святыхъ церквахъ близь царскихъ палатъ по священныхъ сихъ книгахъ печатныхъ чтуще и поюще, добрѣ разумѣли и о благочестіи воистину болѣли, и они бы прежде о сихъ описехъ несогласныхъ разуму истины возвѣщали царю и государю, и егда начнутъ тѣ книги паки поновлятися печатнымъ дѣломъ, и государь бы велѣлъ къ тѣмъ книгамъ, которыя ново начнутъ печататися, изъ нихъ же приставити могущаго приправливати, яко же достоитъ. Общую же Минею уже трижды печатаютъ, а въ ней ни едины описи не справливали; есть убо въ ней архангеломъ въ службѣ общей на вечерни на стиховнѣ въ славникѣ рѣчь: явѣ яко невещественъ невещественнаго зря, а онѣ печатаютъ: явѣ яко вещественъ невещественнаго зря. И въ пареміи Богородицѣ: изыде Іаковъ отъ студенца клятвеннаго и иде въ Харанъ и обрѣте мѣсто и спа-ту, зайде бо солнце; а онѣ печатаютъ: и обрѣте мѣсто и ста ту. И въ общей службѣ преподобнымъ на Господи воззвахъ славникъ точками жъ разсѣченъ, а во иномъ мѣстѣ иже прибавлено, ему же начало: по образу соблюдъ невредимо ума владыку, и ту поставятъ точку и послѣ точки печатаютъ: на страсти пагубные посническеки поставивъ; и по тому раздѣленію стало невѣдомо, что на страсти пагубныя посническіи поставилъ; и на подобствіе, яко-же мощно, возшелъ еси, мужески бо естество понудивъ, и тутъ точку-жъ ставятъ, и по точцѣ: и потчался еси покорити худшее

лучшему и плоть поработити духу, и тутъ въ двухъ мѣстахъ по иже прибавливаютъ, а по прибавкѣ письменъ стало невѣдомо, что сдѣлалъ мужески естествомъ понудивъ, и невѣдомо, что худшее и что лучшее. По писаніяхъ убо глаголется лучшее—душа; а худшее плоть; сего ради туто не надобетъ иже прибавливати, но сице надобетъ по разуму сей славникъ писати: иже по образу соблюдь невредимо, да туто запятая поставити, и по запятой: ума владыку на страсти пагубныя носнически поставивъ, да туто точка поставити, и на подобствіе яко же мощно возшелъ еси, да туто паки точка, мужески бо естество понудивъ, да туто запятая поставити, и по запятой: потчался еси покорити худшее лучшему, да туто пробѣлъ невеликъ пропустити, чтобы рѣчь съ рѣчью не сплелася или запатая поставити, и по запятой или послѣ пробѣла писати: плоть поработити духу. И тако въ лѣпоту станетъ. Суть же въ ней и иныя многія описи, и сія государь, описи въ сихъ священныхъ книгахъ печатныхъ тебѣ, государю, сказую, не понося трудившихся, и свидѣтельства сихъ священныхъ книгъ, ниже ересью тѣхъ облагая; не буди то, понеже на всѣхъ неразуміе и забвеніе хвалится; но высокоумное и отъ ненаученія прибывшее самомнительное о глаголющихъ насъ неправеднѣ являя. Труждашеся понужденіи царскою властію, якоже и мы, колько ихъ разума стало и колько Богъ наставилъ, толико и потрудишася, и за трудъ ихъ подастъ имъ Господь мзду небесную; а еже въ нихъ погрѣшиша или невѣденіемъ или забытіемъ, имъ паки достоитъ построятись, якоже годѣ, егда начнутъ тѣ книги поновлятись печатнымъ дѣломъ. А ко Псалтиремъ, государь, припечатали предисловіе ложное, ово убо псалмы Давидовы сказуютъ, овы же Кореовы, и ини инаго; и отъ сего можно вѣдати, якоже ложь есть, числомъ бо разнствовало, во псаломстей убо книгѣ 150 псалмовъ, ихъ же Давидъ состави; кромѣ бо Давида никто же не единаго псалма не составилъ, по предисловію же тому, что ново припечатали, 149 псалмовъ. Сія же вся о глаголющихъ насъ неправеднѣ мимо минувше, точію на насъ нечеловѣколюбнѣ нападше. Но воля имъ, по пущенію смотрительнѣ за грѣхи наша

злословити насъ. Наше, государь, дѣло въ міръ не пошло, ни царской казнѣ какой проторъ сдѣлало; аще что и не добро-бы сдѣлалося, ино дѣло на сторону, а трудивыйся неразумнѣ и неугоднѣ мзды лишенъ бываетъ. Не мала, государь, бѣда мнѣ, нищему чернцу и псу, толикіи труды подъемшу, сидючи за государевымъ дѣломъ полтора года день и ночь, мзды лишаемому быти. А всего намъ бѣднымъ, врылошанамъ, идетъ у Троицы на годъ зажилово денегъ по тридцати алтынъ на платье, одѣваемся и обуваемся рукодѣліемъ. Богъ свидѣтель, нѣсть въ насъ ни въ коемъ ереси никакія. И по премудрому списателю, прощается убо ненаученая согрѣшенія, а еже съ ненаученіемъ имѣти разума киченіе люто есть и ненавистно и прощенія всякаго недостойно, якоже и оглаголющеи насъ неправеднымъ словомъ, ино и единаго реченія граматическаго ученія не знаютъ,—ни времени, лицъ, ни родовъ, ни числа, а мнится разуменъ быти и мысленъ и разсудливъ. Можетъ кій хитрецъ показати хитрость свою добре, не имѣя орудія, устрояющаго хитрость его; не бо можетъ древодѣлъ безъ сѣкиры и безъ теслы вообразити хитрость свою, ни ризошвецъ, безъ ножницъ и безъ мѣры и безъ иглы благолѣпотне устроити ризу, сице ни родовъ, ни время, ни лицъ не разумѣя, невозможно право и здраво въ божественныхъ списаніяхъ слогъ знати.—Да нашли, государь, въ канонникѣ рѣчь, что Троицкій архимаритъ Діонисій далъ въ соборъ, въ кандакѣ четвертомъ: бурю внутрь имѣя помышленій сумнѣнныхъ цѣломудренный Іосифъ смутися неискосубрачней тебя зря и тай растлѣвшу помышляше, непорочная; и то, государь, намъ въ вину поставили: писало-де во всѣхъ переводахъ: бурю внутрь имѣя помышленій невѣрныхъ цѣломудренный Іосифъ смутися, прежде небрачну тя зря и бракоокрадованну помышляше, непорочная; и тотъ, государь, похвальный канонъ написалъ съ Максимова переводу Грека, Максимъ же Грекъ инокъ благочестивъ и премудръ былъ и словесного любоблудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навыклъ, ибо святая божественная списанія его явѣ свидѣтельствуютъ о немъ и о премудрости и о разумѣ и смыслѣ и видахъ,

а въ томъ кондакѣ, что глаголъ глагола разворяетъ, рече бо ся сице: прежде небрачну тя зря и бракоокрадованну помышляше, непорочная. Вся бо святая писанія во всякъ день вопіютъ неискусобрачну пречистую Богородицу наричютъ. Іоаннъ Дамаскинъ: удивишася всяческая о Божественнѣй славѣ твоей, ты бо браку неискусимая, Владычице, и тя браку неискусимую Матерь Бога вышняго. И инъ списатель, якоже отъ лица святыя Богородица глаголетъ ко ангелу: браку есть непричастна, како убо отроча рожу. Суть бо тмочисленно тѣхъ глаголовъ во святыхъ писаніяхъ, иже небрачну чтутъ Дѣву Богородицу наричютъ, бракъ нарицается женитва и бракъ у насъ дѣвство разворяетъ. Блаженніи же преводницы преводоша тотъ глаголъ, иже глаголется браконеискусная съ еллинскаго языка на русскій двоеобразно: единѣмъ же разумѣніемъ ово убо преведоша—неискусобрачную, во иномъ же мѣстѣ тотъ же глаголъ преведоша неискусомужную, якоже и въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ 30 числѣ по 3-й пѣсни богородиченъ, у сѣдальна: яко всенепорочная невѣсто Творцу, тако неискусомужная Мати Избавителя. А онѣ тѣмъ глаголомъ наричютъ брачну пренепорочну Матерь Божію, глаголютъ бо бракоокрадованну, не на бракъ бо Іосифу дана бяше Богородица, но на соблюденіе, и аще кто чего у себя не имѣетъ, что у него и украсти. Іосифъ бо человѣческая помысли, видя пречистую и чистоты преполную дѣвицу чревату, о семъ смутися, а онѣ точію, якоже прежде рѣхъ, единѣмъ реченіемъ вся глаголемая судятъ и единому глаголу точію внимаютъ и глаголютъ сей глаголъ нагъ и срамословенъ, еже: тай растлѣвшу помышляше непорочная; предваршихъ же рѣчей, ниже послѣдующей, яже речеся—непорочная и яже увѣдѣхъ зачатіе отъ Духа свята, разуму не внемлютъ, и ихъ же съ начатка глаголемъ: бурю внутрь имѣя помышленій невѣрныхъ. Максимъ же Грекъ въ своемъ переводѣ написалъ: помышленій сумнѣнныхъ, ибо явѣ есть-сумнѣніе меньше невѣрія, невѣріе бо самое неблагочестивое помышленіе: что бо Іосифъ праведный помыслилъ, не человѣческое-ли и смутися, что бо свойственно чувственной бури, не еже-ли возмущати и свѣтообразное и чистое и свѣ-

тлое отемнѣвати и помрачати и прашно содѣвати, сицеже и смысленнѣй бури на цѣломудренный умъ Іосифовъ пришедши помышленіи невѣрными, рекше человѣческими, елика въ человѣцехъ случается, восколебася и возмути сію бурю, внутрь имѣя помышленій невѣрныхъ, цѣломудренный Іосифъ смутися. Максимъ же переведе: помышленій сумнѣнныхъ, сумнѣніе бо, такожъ и прежде рѣхъ, менши невѣрія; сумнѣніе бо двоемысліе, ибо вѣдая Іосифъ пречистую дѣвицу, воспитанную во святая святыхъ ангеломъ, и се помышляше, егда когда зачатое въ ней отъ Духа свята будетъ, множаежъ человѣческими помышленіи мятешеся; сего ради и инъ списатель, яко отъ лица Іосифова къ пренепорочнѣй и преполнѣй чистоты Дѣвѣ бесѣдуетъ: Маріе, что се дѣло, еже вижу въ тебѣ вмѣсто чести студъ, вмѣсто веселія печаль, вмѣсто еже хвалитися укоризну ми принесла еси, и прочая всѣмъ не невѣдомо проходящимъ Божественная писанія съ разумѣніемъ, а не глаголомъ точію единемъ внемлющимъ, и убо множицею глаголъ бываетъ единообразенъ, но различна въ немъ обрѣтается разумѣнія. Апостолъ убо пишетъ: не любите міра, ниже яже вмірѣ; Давидъ же вѣщаетъ: взыщи миръ и пожени. Се убо имя единъ есть міръ, но разумѣніе въ немъ нѣсть едино; такоже и растлѣніе—имя убо просто есть, но имать много разумѣнія, и нѣсть нагъ и сраменъ въ нашемъ языцѣ глаголъ сей, но и прикровенъ зѣло и различны имать разумѣнія; вся убо права суть разумѣвающимъ истину и здрава обрѣтающимъ разумъ, ибо оскудѣніе вещемъ всякимъ растлѣніе нарицается, и растлѣніе глаголется преднаставшему существу во ино бытіе, якоже пишетъ въ Богословѣ во второмъ словѣ на Пасху, во 18-мъ толкованіи, о еже сый бываетъ, сице бо тамо речеся: егда преднаставшему существу растлѣвшуся, ино отъ того бываетъ, якоже глаголемъ яйцо—птицѣ быти, и млеко—сыръ, и бреніе, и скудель и песокъ—стекло. И апостолъ глаголетъ: аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ, храмъ Божій бо святъ, иже есте вы. Дя судятъ сіе реченіе глаголющеи на насъ неправедная, како Богъ растлѣвающаго храма Божія растлити имать; еда тая же помыслютъ, елико чѣловѣкъ, прилежа о грѣсѣ растлѣва-

етъ ся; апостольское убо реченіе, еже речеся растлитъ сего Богъ мученіе сказуетъ. Въ воскресномъ же Евангеліи толковомъ въ поученіи на усѣкновеніе честныя главы святаго Иванна Предтечи списатель, премѣняя то реченіе апостольское, глаголетъ сице: аще кто храма Божія разрушаетъ, разрушитъ сего Богъ, се туто стало растлѣніе, рекше мученіе иновидимымъ реченіемъ. Суть же въ томъ глаголѣ, еже глаголется растлѣніе, и ина много разумѣнія; ибо не глаголу точію единому достоитъ внимати, ниже единѣмъ реченіемъ судити вся глаголемая, ниже бо чернилу и писмянемъ вѣрити, но отвѣту писавшаго писмяна паче достоитъ вѣрити. Аще бы бѣдный азъ нищей чернецъ отъ неразумія что и худо написалъ, но съ переводу писалъ и не собою замыслилъ, но и съ пресловутаго еще мужа переводу писалъ и многого премудрости инока Максима Грека,—и два перевода тѣхъ положилъ предъ митрополитомъ Іоною различныхъ рукъ оставшихся по смерти отъ добродѣтельнѣ поживнихъ инокъ; убогою-жъ своею совѣстію я нищій чернецъ славлю пречистую Богородицу прежде рождеста дѣву, и въ рождествѣ дѣву, и по рождествѣ дѣвою. Злословящеи же насъ точію чернилу вѣрятъ и письменемъ единемъ внемлютъ и тѣхъ въ конецъ добрѣ не свѣдятъ и крайнихъ глаголовъ не ищутъ. Азъ же тебѣ, государю, скажу нѣкоторые глаголы и риторскій слогъ, но исполнь сущъ злаго и гнилаго еретическаго мудрованія, и донынѣ у насъ сей злый плевелъ во святыхъ церквахъ славится и якоже здраво нѣкое пріемлется отъ ненаученыхъ подобныхъ мнѣ; ты-жъ имъ, государь, покажи, иже насъ злословятъ. Есть, государь, въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Минеѣ во 18-мъ числѣ,въ канонѣ въ 6 пѣсни Богородиченъ сицевъ: истлѣвшее наше отъ преступленія существо обновила еси обновляющаго вся богодѣльно, единого волею родши въ женахъ благословенная. Виждь, государь, сего Богородична, едину убо волю во Христѣ славитъ. Сія ересь есть Пира и Сергія и Павла, юже мудрствующихъ святый 6-й соборъ святыхъ отецъ 170 проклялъ въ царство Константина брадатаго, внука Ираклiева; сей Константинъ еретикъ бяше единовольныя ереси святаго Мартина, папу римскаго, собравшаго соборъ мѣстныхъ на мудр-

ствующихъ едину волю во Христѣ, съ безчестіемъ въ Константинь приведъ градъ, заточи въ Херсонъ, и Максиму премудрому Исповѣднику, емуже память творимъ генваря 21 день и августа въ 13 день, святый языкъ урѣза и десную руку усѣче и еще крови каплющей святаго отъ отсѣченныхъ удесъ исповѣдуетъ во двою волю Христа, а не якоже у насъ симъ Богородичнымъ славятся едина воля во Христѣ. А въ третьей пѣснѣ въ томъ же канонѣ Богородиченъ и того хуже. Почто, государь, честнія и велиціи московскіе архимандриты и премудріи пропоніи сихъ не смотрятъ и о сихъ не болятъ, о ихъ же должно болѣти имъ, и се явѣ, яко нѣсть свойственно мудрости, свыше нисходящія, но земныя душевныя зависти явленіе. Зависть же всегда убо и всѣхъ злѣйши есть и вредно зѣло, недугующимъ бо сею помрачаетъ ума и не оставляетъ истинное зрѣти; но глаголютъ сладкое—горько и горькое—сладко и полагаютъ на свѣтъ тьму и на тьму свѣтъ. Неимущимъ убо разсужденіе опасно многая отъ добрыхъ не добра быти мнятся, но облыгаютъ сія и поношаютъ, множицею бо и медъ-горекъ явись вкусное чувство недугомъ растлѣемо; имущу и око нездраво суще многа сущая не видѣ, многа же не сущая приложи. Апостолъ же Іаковъ глаголетъ: идѣже зависть и рвеніе, ту нестроенія и всякая зла вещь; а яже свыше премудрость, первое убо чиста есть, потомъ же мирна, смотрелива, кротка, благо покорлива, исполнена милости и плодовъ благихъ, несумнѣнна, нелицемѣрна; плодъ же правды со смиреньемъ сѣется творящимъ миръ. И недовольно стало господій нашихъ къ преложенію ярости на кротость, сіе едино, еже наши труды уничижити и омрачити, но Государыни благовѣрныя и великія старицы иноки Мароы Ивановны приложиша прекроткое и незлобивое сердце на ярость подвигнути, во еже озлобити насъ. Свойственно бо есть ей, Государынѣ, благочестіе и благовѣріе, зѣло бо Государыня благочестивая и боголюбивая и благовѣрна. Не смѣю, государь дерзновенно рещи о глаголющихъ на насъ неправедная, что не знаютъ ни православія, ни кривославія, точію Божественная писанія по чернилу проходятъ, разума жъ сихъ не нудятся свѣдѣти; и аще, государь,

хощеши увѣдѣти разумъ ихъ, вопроси лучшаго архимарита или попа: есть въ Богородичнахъ большихъ догматъ гласъ 6-й: кто тебе не блажитъ, Пресвятая Дѣвице, его жъ воспѣваютъ во вселѣтномъ обхожденіи множае прочихъ Богородичновъ за исполненіе православія. Есть въ немъ рѣчи сицевы: Той же отъ тебе, чистыя, произыде, неизрѣченно воплощся; естествомъ Богъ сый и естествомъ бывъ человѣкъ насъ ради, не во двою лицу раздѣляемъ, но во двою естеству несмѣстно познаваемъ;—да отвѣщаютъ: кій разумъ сіи рѣчи имутъ, еже речеся: не во двою лицу раздѣляемъ, но во двою естеству несмѣстно познаваемъ, и кихъ зловѣрная повелѣнія святый Іванъ Дамаскинъ сими глаголы побѣждаетъ и отмещетъ, и проклинаетъ. И аще, государь, кій архимаритъ или попъ симъ реченіямъ не дастъ сказанія, и сей ничимъ же разнствуетъ невѣжду и поселянина,—и яко не навыкъ божественныхъ писаній, срамъ есть такову на себѣ великаго сана имя носити, православія жъ догматъ не вѣдѣти, ихъ же достоитъ всякому православному книжнику не невѣдѣти, паче жъ священническому чину. И отъ сихъ явѣ тебѣ, государю, будетъ ихъ разумѣніе.— Аще бы государь наше морокованіе было дѣлано на Москвѣ, все бы было благо и стройно и Государю пріятно и всѣмъ православнымъ въ пользу; былъ бы и великій святитель Божій митрополитъ Іона Сарскій и подонскій по насъ велій поборникъ. А архимариту, государь, Діонисію я, нищій чернецъ, говорилъ по всякъ день: архимаритъ государь, откажи дѣло Государю, не сдѣлать намъ того дѣла въ монастырѣ, безъ митрополичья совѣта; а привезешь книгу исчерня къ Москвѣ и простымъ людемъ станетъ смутно, и архимаритъ меня не слушалъ ни въ чемъ и ни во что меня ставилъ, во всемъ попа Ивана слушалъ, дондеже довелъ его до безчестія и срамоты, и еже страдати безъ вины многаго ради противословія ихъ, просто убо положше апостольское реченіе, еже рекъ Божественный апостолъ: не препирайтеся въ словесехъ Божіихъ, да не ревность злая начнетъ снѣдати сердца ваша, да не другъ отъ друга злѣ погибнете. А Иванъ попъ на соборѣ митрополиту Іонѣ и архимаритомъ и честнымъ протопопомъ спираючись очи слинами

запрыскалъ, и то имъ стало честнымъ людемъ въ досаду. И мнѣ ся мнитъ, что я, нищей чернецъ, стражду отъ попа Ивана да отъ архимарита, потому что архимаритъ меня не послушалъ, — дѣла не отказалъ, а попъ Иванъ самъ на Государево дѣло набился и выпросилъ дѣло себя для въ монастырь, смутилъ, что врагъ лукавый, но и въ правду убо лукавъ есть: у дѣла бывъ большой, насъ же въ бѣду вваля, а самъ вывернулся, аки лукавая лисица, козла бѣднова, великобрадого заведчи въ пропасть неисходну, а сама по немъ же выскочила. И нынѣ, государь, въ томъ дѣлѣ я нищій чернецъ Грухой сижу на Кирилловомъ подворьѣ въ желѣзахъ животъ свой мучу девятой мѣсяцъ, объ одной свиткѣ перебиваюсь, и та ужъ съ плечъ свалилась и безъ теплыя одежды. А рухлядишко, государь, мое въ монастырѣ все распропало. Богъ свидѣтель, страждемъ, государь, безъ вины. Аще я, нищій чернецъ, и всѣхъ человѣкъ грѣшнѣе, но нѣсть во мнѣ ереси никакія; вѣрую убо во вся, яже самовидцы Слова и ученицы научиша и святіи богоносніи отцы и учители святѣй, соборнѣй, апостольстѣй церкви предаша, и сія вся пріемлю и люблю и почитаю. Смилосердуйся, государь благородный и благочестивый и милостивый боляринъ Борисъ Михайловичъ, помилуй меня, нищаго чернеца увѣчнаго, буди печальникъ царю, государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи и государынѣ благовѣрной и великой старицѣ Мареѣ Ивановнѣ, чтобы велѣли меня, нищаго чернеца, изъ желѣзъ свободити. Государь, смилосердуйся пожалуй!

III.

Изъ рукописи Московской Синодальной Библіотеки № 416, л. л. 41 об.-48.

Въ добавленіе къ печатному житію Діонисія, изданному въ 1834 году, къ стр. 38—39.

....Но во всемъ противистася ему (совладѣющіи) ему (Діонисію) діаволимъ навѣтомъ, къ сему многи ссоры отъ тыхъ мятежниковъ

творяхуся съ окрестными людьми вокругъ Троицкихъ селъ и не токмо съ простыми въ градехъ и селехъ, но и въ государствѣ съ великородными людми ово тяжущеся денегъ поклепавъ напрасно доискивахуся, ово-жъ вотчинныхъ земель и хрестьянъ тяглыхъ не правдою и душевредіемъ своимъ именемъ преподобнаго Сергія взимаху, позабывъ страхъ Божій и не вся тая въ обитель чудотворцову привозяху, но своимъ сродникамъ, паче села и деревни созидаху и крестьянъ за ними строяху жъ, именемъ чудотворцевымъ тяжущеся, но свои руки наполняюще и сродниковъ своихъ надѣляюще; истину-жъ рещи и самаго праведнаго самодержца на гнѣвъ велій воздвигнуша и въ городехъ посацкихъ людей емлюще государевыхъ и въ монастырскія слободы сажающе на житье, мняще тѣмъ корысти пріобрѣсти, а монастырю отъ нихъ никоя прибыли не бысть, развѣ тяжбы и бѣды съ посадцкими людьми и съ прочими, и сице испраздниша честь и славу преподобныхъ чудотворцевъ обители малодушіемъ и корыстію своею; архимандриту же Діонисію зѣло тяжко сіе бысть, зря на таковое безстудное дѣло и многажды облився слезами глаголя: тако ли нашимъ свѣтомъ чудотворцемъ Сергію и Никону угодно есть, се-ли наше иночество, еже таковая неправедная въ домъ Божій пріобрѣтати, еще же именемъ его тягатися, а дотягався вземъ своимъ сродникомъ отдавати. Той же часто слезами обливаяся, пособити же не возможе, безстудіе бо ихъ превозмогаше благонравнаго его обычая съ помощію нѣкоторыхъ злохитрыхъ пособниковъ; той же ничто ино глаголя, толико воля Господня да будетъ, якоже восхощетъ, тако и сотворитъ; такова бо бѣда тогда умножися и безстрашіе, яко и по дорогамъ отъ нашихъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ проѣзжимъ людемъ нужно бываше,—овыхъ бьюще, овыхъ убивающе и грабяще, и недовольни сами быша, еже бити и грабити, но послѣди къ тѣмъ же еще приставливающе и зазывныя грамоты емлюще по нихъ и записи повинныя по нихъ взимающе во многихъ деньгахъ, а иже пріѣзжаху въ монастырь къ нимъ которыя дѣти боярскіе, иніи же отъ великородныхъ слугъ своихъ присылаху съ жалобою о обидахъ своихъ и о бѣглыхъ своихъ холопехъ и

хрестьянехъ, тіи жъ имъ лестію грамоты управныя даяху, а напредъ засылаху и холопей ихъ и крестьянъ выные (въ иныя) села и деревни перевозяху, а иже съ грамотами пріѣзжаху со управными, тѣмъ дворы пусты показаваху и путь ихъ натще бываше къ разоренію ихъ, убытки сугубы имъ содѣвахуся; и до конца обитель сію въ послѣднее поношеніе введоша и въ ненависть отъ всего народа россійскаго государства, отъ вельможъ и отъ простыхъ, и никтожъ совершенно оттолѣ вѣру иметъ намъ въ роснравахъ и донынѣ за наше малодушіе, понеже бо не суть отъ обители сея правящій путь расправный, но отъ иныхъ обителей приведени быша правды ради, но правда ихъ на шуйній путь искривися и не сжалишася о обители сей чудотворца Сергія, яко чужи суть и не восхотѣша искренне присвоитися отъ всея душа, но сотворше токмо мятежъ великъ разъѣхашася по своимъ обителемъ, прочіи же и съ нужею отведени быша послѣди, аще и не хотяще. Архимариту Діонисію болѣзненнымъ сердцемъ обличающу ихъ, но они не слушаху его и въ грѣхъ себѣ того не вмѣняху, но и суруво нападающе на него, хотяху и власти лишити, еже Богъ дарова ему стадо словесныхъ Христовыхъ овецъ пасти; но всяку честь и власть на себе преводяще, но мы тако не глаголемъ, и якоже они буестію своею содѣваху, но вся добро творящая, яже суть во обители, сего молитвами и подвигомъ преподобнаго Діонисія благотворяхуся и якоже видѣхомъ сія и написахомъ, нельстивыми устнами глаголемъ о немъ и не затѣйнымъ обычаемъ, аще и многи скорби и напасти той пріимая отъ тѣхъ ненавистниковъ своихъ, но подвигу своего николи не умаливъ до кончины живота своего, якоже начатъ, такоже и скончавъ, а за творящихъ ему пакости Бога моля день и нощь о прощеніи грѣховъ. И при его архимаричествѣ обитель сія молитвами его Богомъ снабдима бысть и изобильна всѣмъ и ни обидима ни отъ когожъ, якоже мнози во обители сей помняще, сія аще восхотятъ истину рещи; егда-же изволеніемъ праведнаго суда Божія преподобный архимандритъ Діонисій къ вѣчнымъ обителемъ преселися, и се вся уже не тако быша, мнози села и де-

ревни и по городамъ слободы монастырскія старинныя чудотворцевы отъяты быша дерзости ради буести нашея, денежные-жъ убытки, пошлины въ промыслахъ монастырскихъ, ими же монастырь Сергіевъ довольства велія имѣ и проѣзжія и невъѣзжія грамоты въ чудотворцевы вотчины вся сія поружены быша и исцомъ убытки по премногу платяху, ихъ же прежъ обидѣша, и плодовъ изобилія умалишася и конскія падежи и скотскія умножахуся и во всемъ скудость при прежнемъ бываетъ грѣхъ ради нашихъ, такоже и обиды великія и неблагополучные случаи бываютъ и сіятвы и многи укоры неудобь стерпимы постигоша насъ, яко и уста наша не отверзающеся чимъ отвѣщати, и сія вся начашася при нихъ при самѣхъ и мнящеся тогда сильни быти, а послѣ его смерти иже сильніи тогда, изнемогоша и пособити тому не возмогоша, у многихъ честь на себя тогда преимаху, а послѣ его и свою сущую честь на своихъ главахъ не возмогоша носить, но и съ безчестіемъ и срамомъ отъ обители сея во иныи обители преселены быша, якоже и прежи речеся; — и тогда убо яко малыми пѣнязи и алтынами или рублями прибыли монастырю мнящеся содѣвати, нынѣ же за грѣхи наша цѣлыми мѣхами и тысящами платити за тые пѣнязи и алтыны и рубли не доспѣваху, а въ селахъ малыми бороздами и загонами земли пустыя прибыль малодушіемъ своимъ тогда чиняху, нынѣ же селами и деревнями живущими не можемъ исплатити. Сія глаголя не яко на свой монастырь посягая вины излагаю, но воспоминая наше малодушіе тогдашнее. Унѣе бы намъ было тогда за малое неправедное не прикасатися, неже нынѣ студомъ и срамомъ сугубо десятерицею отдаяти, и сія вся глаголахъ, воспоминающе труды и болѣзни о томъ преподобнаго архимарита Діонисія и подвиги по правдѣ, разумно бо есть всѣмъ, яко молитвами сего преподобнаго архимарита Діонисія вся поспѣшествоваше тогда во благое правды его ради милостію пресвятыя Троицы и заступленіемъ пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Стр.

Значеніе Діонисія въ гражданской и церковной исторіи русской.—Раздѣленіе изслѣдованія.—Источники. 1—35.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Преподобный Діонисій до его архимандритства въ Троицкомъ монастырѣ.

Первоначальныя біографическія свѣдѣнія о Діонисіи.—Діонисій-постриженникъ и казначей Старицкаго Успенскаго монастыря.—Время назначенія его въ архимандриты Старицкаго монастыря и дѣятельность его въ этомъ званіи на Москвѣ.—Вклады его.—Назначеніе Діонисія въ архимандриты Троицкаго монастыря . 37—66.

ГЛАВА II.

Разсылка Діонисіемъ патріотическихъ грамотъ и его заботы о потерпѣвшихъ во время Московскаго погрома.

Возбужденіе русскаго народа противъ поляковъ и пожаръ въ Москвѣ.—Вѣсть о послѣднемъ фактѣ въ Троицкій монастырь и первыя патріотическія грамоты Діонисія.—Доказательства дѣйствительности посылки первыхъ грамотъ.—Ихъ вліяніе на Ляпуновское ополченіе.—Собраніе ополченія подъ Москвой и неудовольствія между главными вождями его.—Вторыя патріотическія грамоты Діонисія.—Безпорядки въ войскѣ подъ

Стр.

Москвой, и октябрскія грамоты изъ монастыря.—Сколько было послано изъ монастыря грамотъ и кто участвовалъ въ ихъ составленіи.—Заботы Діонисія о раненыхъ и больныхъ . . . . . 67—102.

ГЛАВА III.

Значеніе дѣятельности Троицкихъ властей въ судьбѣ и успѣхахъ Нижегородскаго ополченія и участіе ихъ въ послѣдующихъ затѣмъ событіяхъ.

Значеніе Троицкаго монастыря.—Грамота Діонисія въ Нижнемъ: разныя извѣстія о полученіи ея тамъ и впечатлѣніи, произведенномъ ею на Нижегородцевъ.—Мнѣніе г. Забѣлина и разборъ его.—Дѣйствительное значеніе Троицкой грамоты въ возбужденіи ополченія.—Стоянка Нижегородскаго ополченія въ Ярославлѣ; троекратное посольство къ нему изъ Троицкаго монастыря.—Пожарскій въ лаврѣ.—Прибытіе Пожарскаго въ Москву и битва съ Ходкѣвичемъ; значеніе въ этой битвѣ Троицкихъ властей.—Вражда между Пожарскимъ и Трубецкимъ—земцами и казаками; заботы Троицкихъ властей о примиреніи ихъ: посланіе къ князьямъ.—Отправленіе къ казакамъ драгоцѣнныхъ священныхъ вещей.—Благополучный исходъ ополченія и избраніе Михаила Ѳедоровича.—Походъ Владислава и перемиріе, заключенное съ нимъ въ Деулинѣ . . . . . 103—173.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Исторія исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ преподобнымъ Діонисіемъ до патріарха Филарета.

Состояніе нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ до преп. Діонисія.—Мысль о болѣе исправномъ изданіи потребника.—Вызовъ Троицкихъ исправителей въ Москву и царская грамота на имя Діонисія отъ 8 ноября 1616 г.—Помощники Діонисія въ дѣлѣ исправленія

Замѣченныя болѣе важныя опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
2	4	ни	не
5	въ прим. 3	догм.	дог.
10	1	инціативѣ	иниціативѣ
10	2 снизу	Симеономъ	Симономъ
12	14	келейника.	келейника,
14	2	отъидохъ.	отъидохъ,
16	15 снизу	рукописи.	рукописи
29	3 снизу	м	и
38	9 сн въ прим.	дальнѣйшей	дальнѣйшей
38	2 сн. въ прим. 1	прикащикъ	прикащикъ
39	1 снизу	1)	2)
41	16 въ прим.	Симонъ.	Симонъ,
43	2 въ прим. 1	Діонисія	Діонисія
48	11 снизу	о мнѣ,	о мнѣ
58	въ прим. 2	етр.	стр.
59	4 снизу	удежалъ	удержалъ
74	2 сн. въ прим.	посылоемо	посылаемо
83	8	удовлетворало	удовлетворяло
84	1 сн. въ прим.	ва	въ
91	11	Помарскому	Пожарскому
95	5 снизу	было было	было
111	15 снизу	Бодъ	Богъ
120	6	о земцамъ	о земцахъ
145	17	Москевичемъ	Маскевичемъ
146	3	донцами	донцами;
153	13	Авравмій	Авраамій
158	1 снизу	равнодушныяи	равнодушными

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
164	8	Іоила	Іоиля
167	12	учавствовалъ	участвовалъ
186	3	Московскоау	Московскому
203	11	слржбу	службу
205	2 въ прим.	церковно-нсторической—	церковно-исторической
205	4 сн. въ прим.	прочинъ	прочимъ
207	2 въ прим	№ 278	№ 378
219	3 снизу	сваву	славу
219	2 въ прим.	τῆς ἐπ	τῆς επ'
219	3 въ прим.	ἐπιφοιτήςεφς	'επιφονήσεφς
219	4 въ прим.	атр.	стр.
235	14 снизу	на третіе	отъ третьяго
239	3 снизу	зъѣсь	здѣсь
266	15 снизу	друзьми	друзьями
268	1 снизу	чѣловѣкъ	человѣкъ
282	14 снизу	именнно	именно
350	4	собѣ	себѣ
350	3 снизу	есма	есмя
351	10 снизу	обработываемые	обработываемыя
355	13	присаны	приписаны
356	въ прим. 3	Лаавр.	Лавр.
357	6 снизу	Филаротѣ	Филаретѣ
362	въ прим. 1	Дзонисія	Діонисія
386	1 въ прим.	№ 124	год. 124
405	3 сн. въ прим.	Ржевскиго	Ржевскаго
405	1 сн. въ прим.	(1626)	(1624)
407	7 сн. въ прим.	«севладѣющихъ»	совладѣющихъ
407	10	по обычаю	по обычаю,
I	въ оглав.	погрома	пожара

100

3 2044 009 738 394

WIDENER LIBRARY

Harvard College, Cambridge, MA 02138: (617) 495-2413

If the item is recalled, the borrower will be notified of the need for an earlier return. (Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.)

WIDENER

FEB 1 0 2007

JUN 0 5 2007

BOOK DUE

CANCELLED

Thank you for helping us to preserve our collection!